

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Том XIX

Харків
Видавництво НУА
2013

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

Видання є фаховим з економічних, соціологічних, філософських та філологічних наук

Постанови президії ВАК України
від 22.12.2010 р. № 1-05/8, від 26.01.2011 р. № 1-05/01, від 30.03.2011 р. № 1-05/3

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія».
Протокол № 10 від 28.03.2012*

Редакційна колегія

Астахова В. І., д-р іст. наук (голов. редактор); Астахова К. В., д-р іст. наук; Безхутрий Ю. М., д-р філол. наук; Бесов Л. М., д-р іст. наук; Воробйов Є. М., д-р екон. наук; Герасіна Л. М., д-р соціол. наук; Глуценко В. В., д-р екон. наук; Городяненко В. Г., д-р іст. наук; Горошко О. І., д-р філол. наук; Довгаль О. А., д-р. екон. наук; Карабан В. І., д-р філол. наук; Кім М. М., д-р екон. наук; Корабльова Н. С., д-р філос. наук; Кравченко В. В., д-р іст. наук; Култаєва М. Д., д-р філос. наук; Лозовой В. О., д-р філос. наук; Мамалуй О. О., д-р філос. наук; Михайлова К. Г., д-р соціол. наук; Мінкін Л. М., д-р філол. наук; Нагорний Б. Г., д-р соціол. наук; Осіпова Н. П., д-р філос. наук; Петровський В. В., д-р іст. наук; Подольська Є. А., д-р соціол. наук; Посохов С. І., д-р іст. наук; Соколов В. М., д-р екон. наук; Сокур'янська Л. Г., д-р соціол. наук; Степанченко І. І., д-р філол. наук; Сухіна В. Ф., д-р філос. наук; Шевченко І. С., д-р філол. наук; Яременко О. Л., д-р екон. наук.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.
Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

ISSN 1993-5560

© Народна українська академія, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый на суд читателей очередной XIX том ежегодника «Ученые записки ХГУ «НУА», традиционно включает в себя три самостоятельных раздела, каждый из которых отражает результаты исследовательской деятельности научных школ академии.

Первый раздел «Актуальные проблемы развития образования: исторические, философские, экономические, правовые и социальные аспекты» целиком посвящен комплексной общеакадемической теме «Формирование интеллектуального потенциала общества в условиях современных социальных трансформаций» (ГР № 0111U000011).

В опубликованных в этом разделе статьях рассматриваются наиболее острые проблемы развития современного образования как в Украине, так и в глобальном масштабе. Авторы анализируют и общеметодологические подходы к исследованию проблем образования и конкретные пути их решения. В частности, значительное внимание уделяется развитию академической культуры в условиях острого системного кризиса, кадровому обеспечению учебно-воспитательного процесса, формированию социокультурных компетенций студенчества.

Особое внимание в этом разделе, как всегда, уделяется вопросам теории и практики становления непрерывного образования, влияния связанных с этим процессов на повышение культуры качества обучения. Статьи, посвященные проблемам «непрерывки» представляют особый интерес для читателя, поскольку в значительной части базируются на конкретном опыте ХГУ «НУА», где в настоящее время завершается многолетний социальный эксперимент по отработке авторской модели непрерывного образования (статус экспериментальной площадки академия имеет с 1997 года. В 2012 г. он был продлен до 2017 г. (см.: приказ МОНМС № 884 от 02.08.2012).

Возможность проанализировать множественные теоретические наработки и результаты проведенных за 20 лет социологических исследований (только в НУА за эти годы защищено более 25 канди-

датских диссертаций по данной проблеме), ознакомиться с реально существующим учебно-научным комплексом непрерывного образования и оценить его достижения, трудности и перспективы придает представленным в данном сборнике публикациям особую научную значимость.

Во втором разделе ежегодника представлены работы по проблемам современного гуманитарного знания в области философии, истории, социологии и филологии, то есть по тем направлениям, которые имеют в данном сборнике статус специализированного издания. Здесь внимание авторов сосредоточено в основном на проблемах организационной культуры и организационного поведения, информационной культуры и переводческой деятельности.

Отдельный раздел ежегодника посвящен социально-экономическим и правовым проблемам развития украинского социума. В большинстве опубликованных в данном разделе статей исследуются институциональные подходы к изучению национальной экономики Украины. Интересно, что наряду с маститыми авторами, представляющими на страницах сборника результаты своих исследований по темам докторских диссертаций, здесь публикуются и результаты первых научных изысканий начинающих исследователей-магистров, аспирантов и даже лучших студентов академии, работы которых представлены в традиционной рубрике «Студенческая трибуна».

Могут вызвать интерес у читателей материалы, представленные в публикациях зарубежных авторов из России, Беларуси, Казахстана, в основном посвященные вопросам интеграции образования и науки, состояния современного образования и поиска путей выхода его из кризиса.

Небольшие по объему специальные разделы информируют читателя о научных конференциях, проведенных в НУА на протяжении 2012/2013 учебного года, а также о новых научных изданиях, вышедших в издательстве НУА за этот период. Все это позволяет надеяться, что данный предъюбилейный том «Ученых записок НУА» привлечет внимание вузовской общественности и окажется полезным для всех интересующихся современными исследованиями в области экономики и гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

**Актуальні проблеми
розвитку освіти:
історичні, філософські,
економічні, правові
й соціальні аспекти**



УДК 378(4)

М. Ф. Степко

МІСІЯ ВИЩОЇ ОСВІТИ В СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ: ІННОВАЦІЙНИЙ РОЗВИТОК ЧЕРЕЗ ДИВЕРСИФІКАЦІЮ ТИПІВ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ І ПРОГРАМ НАВЧАННЯ

Резюме

В статті обґрунтовується необхідність диверсифікації типів навчальних закладів за ознакою інтеграції в наукові практики. Показано, що на сьогоднішній день наукові досягнення виступають одним з індикаторів якості освіти. В цій зв'язі виділено дві групи проблем: 1) незадоволеність рівнем вищої освіти роботодавцями та обмеження для вищої освіти виступати соціальним ліфтом; 2) відсутність критеріїв оцінки результативності освітніх реформ та зниження престижу педагогічного праці. Розв'язання означених проблем повинно стимулювати конкуренцію між університетами, інструменти якої також описані в статті. Показано, що одним з рішень в даному напрямку є диверсифікація навчальних закладів, яка ґрунтується на інструментальному підході до зв'язку науки та освіти.

Resume

The article explains the necessity to diversify education establishments as to their integration in scientific research. It shows that today scientific achievements serve as an indicator of the quality of education. In this context two groups of issues have been suggested: 1) employers' discontent with the quality level of higher education and limitations for higher education to serve as a means of social mobility; 2) lack of criteria helping to assess the effectiveness of education reforms and decline in the teacher's status value. Solving the outlined problems should stimulate university competitiveness, the tools of which have been described in the paper. It has been proved that one of the ways to solve the problem is to diversify education establishments. Such diversification should be based on an instrumental approach to the connection between science and education.

Ключові слова: диверсифікація, якість освіти, вища освіта, університет.

Сьогодні в багатьох розвинутих країнах спостерігається різке взаємопроникнення галузей освіти і науки. Утворюються нові

інформаційні системи, змінюються навчальні й освітні пріоритети. Що робиться в нашій країні? За роки незалежності подвоїлася чисельність молоді з вищою освітою, в основному тому, що з'явилася платна форма навчання. У той же час якраз цей контингент менш за все охоплений передовими науковими дослідженнями. До його навчання мінімально залучаються провідні науково-педагогічні школи України. Тим більше, що за останні 23 роки ці школи значно послабились і їх кількість істотно скоротилася. Таким чином, майже половина випускників отримують, м'яко кажучи, псевдоосвіту, якщо її відносити до типу «університетська освіта».

Зараз усе більше відчувається ставлення до університетської освіти як до просвітницької, допоміжної сфери, а не як до продуктивної інноваційної. Тому, мабуть, усе рідше зустрічається в освітянській літературі поділ на «університетську» та «не університетську» освіту.

Беззаперечно, що основою для забезпечення якості вищої освіти є наукова діяльність. Але який на сьогодні її рівень? Численні проблеми у сфері науки не дозволяють вважати цей фактор ефективним у наших умовах. Детальний перелік сучасних проблем у вітчизняній університетській науці наводиться в [1]. Там сказано, що загальне фінансування досліджень і розробок в університетах України в 2009 р. знизилося до рівня, коли наука вже не виконує функції засобу економічного зростання.

До цього слід додати загальні проблеми взаємодії вищої школи з роботодавцями України, які ще більшою мірою виявляються у сфері високотехнологічного виробництва, стан якого не є ефективною основою для розвитку ані науки, ані освіти. Не завершений процес перерозподілу власності, за якого значна кількість підприємств замість впровадження інновацій у виробництво вирішує завдання запобігання банкрутству, дезорганізації виробництва. Можна констатувати, що за окремими винятками високотехнологічний сектор промисловості України був залишений державою на самовиживання в умовах ринку, що лише формується.

У цілому можна говорити про дві групи проблем: ті, що мають універсальний характер для всіх країн світу, і ті, що характерні саме для України.

Перша група:

- загальна незадоволеність рівнем вищої освіти, як з точки зору роботодавців, так і з точки зору освіти для розвитку потенціалу особистості, зростання інтелектуального потенціалу;
- якісна освіта стає неможливою для більшості держав і громадян, не може бути соціальним ліфтом для тих, хто її отримав. Роботодавці не зацікавлені компенсувати витрати на освіту у вигляді оплати праці.

Друга група: відсутність критеріїв оцінки результативності освітніх реформ, зниження престижу шкільного та вузівського викладача.

Зміни, що відбуваються в суспільстві та вищій школі на початку третього тисячоліття, вимагають формулювання нових принципів співробітництва у сфері освіти і науки, серед яких: міжнародний характер програм освіти та наукових досліджень, широкий доступ до новітніх технологій, посилення партнерських взаємозв'язків між світом праці та вищою освітою.

Цілі сучасного університету полягають у створенні та трансформації знань, а в подальшому – у працевлаштуванні випускників та забезпеченні реалізації знань. Слід зауважити, що кооперація в ланці «риннок – освіта» – це дорога в двох напрямках. Покращення інвестицій в освіту і науку, захист прав щодо працевлаштування студентів є невід'ємними складовими процесу подальшого становлення саме університетської вищої освіти в сучасному розумінні цього поняття. Це, зокрема, передбачає також індустріалізацію досліджень для компаній, створення науково-виробничих інкубаторів, наукових парків, упровадження дослідницьких програм, що фінансують і замовляють ці компанії. Їх виконують як на базі університетів, так і за їх межами. Також вводять різні типи посад професорів, компетенції яких можуть бути скеровані більшою мірою або на викладання і підготовку кадрів, або на наукову роботу, яка, у свою чергу, буде скерована на науковий результат і підготовку кадрів через залучення їх до спільних наукових досліджень. Окрім цього, до функцій таких структур віднесено залучення студентів, аспірантів, науковців-практиків до розроблення і виконання наукових проектів.

Це саме ті завдання, які потребують підготовки елітних кадрів різноманітного профілю, що неможливо без спеціальних програм,

найсучаснішого обладнання, різноманітних активних форм навчання в поєднанні з науково-конструкторською і управлінською діяльністю для досягнення нестандартних результатів навчання та нестандартного повного набору компетентностей. Є потреба також у розробленні ефективних психолого-педагогічних технологій розвитку у студентів компетентностей творчої особистості.

Паралельно до цього слід вирішувати питання залучення до наукової сфери здібної молоді, її закріплення в наукових установах і, таким чином, – сприяння розвитку вітчизняної науки. Адже зараз складається світовий освітній ринок. На найближчу перспективу в Європі очікується гостра конкуренція на міжнародному й національному рівнях за студентів і випускників ВНЗ. Інструментами у цій боротьбі будуть ефективність управління освітнім процесом, якість вищої освіти, гнучкість освітніх програм, їх опора на фундаментальність і скерованість на перспективи впровадження 5-го, 6-го технологічних укладів (вже третина європейців працює в орієнтованому на знання виробництві), можливість для студента увійти до міжнародної мережі неперервної освіти, підвищити свою конкурентоспроможність на ринку праці.

Наше відставання у сфері науки таке, що, за словами ректора НТУ «КПІ» М. З. Згуровського, незабаром може настати момент, коли ми не зможемо зрозуміти, що відбувається в певних перспективних галузях світової науки. Чи зможемо ми наздогнати розвинуті країни, і в який спосіб доцільно це робити? Просто наздоганяти, чи працювати вже на випередження, не повторюючи шлях, пройдений іншими країнами? Думаю, щоб встигати за швидкоплинними процесами розвитку техніки й технологій, потрібно посилювати фундаментальну підготовку майбутніх спеціалістів. Оскільки ніщо не застаріває так швидко, як окремі спеціальні знання, не можна студентів навчати тільки конкретним речам. А фундаментальну підготовку неможливо посилити при нинішньому стані університетської науки. Більше того, з точки зору постійних витрат на освіту найбільш «капіталомісткою» є підготовка так званих «вузьких» фахівців, хоча потреба в них невелика.

Тому конче потрібна спеціальна державна програма розвитку інноваційних процесів в Україні. Без цього наука в університетах не

досягне сучасного рівня, а значить, і не зможе відігравати роль фундаментальної бази для підвищення якості вищої освіти.

У 2009 році МОН разом з НАН України розробили План заходів з підтримки молодих вчених, який був затверджений розпорядженням Уряду. Ним передбачено оновлення приладної бази наукових установ і університетів шляхом придбання обладнання іноземного виробництва, аналогів якому немає в Україні, та створення центрів колективного користування; вдосконалення механізму сприяння працевлаштуванню випускників ВНЗ, зокрема тих, які брали участь у наукових дослідженнях і науково-технічних розробках у ВНЗ та наукових установах, наукових підрозділах підприємств. На сьогодні ці процеси розвиваються надто повільно. І все ж хочеться сподіватися, що реалізація згаданого Плану в подальшому сприятиме підвищенню мотивації здібної молоді до роботи в науковій сфері. Щоб стимулювати студентів до творчої активності, розвивати в них креативні якості, потрібно вводити додаткові бонуси за поглиблене самостійне вивчення предмета та додаткову навчально-дослідницьку роботу, вчити їх організовувати свій час для поєднання навчальної та наукової роботи (до речі, це актуально й для викладачів, які мають недостатньо часу для наукової роботи).

У сучасній освіті з'являються нові тенденції: широка диверсифікація відповідно до потреб різних груп населення та економіки, що швидко змінюється, поява нових гравців на ринку освітніх послуг. Суттєво посилюється роль держави й роботодавців, а також безпосередньо студентів і їх батьків при формуванні вимог до якості підготовки. Масовість приводить до різноманітності типів ВНЗ – появи відкритих і регіональних університетів, ВНЗ заочного й електронного навчання, суто комерційних, елітних і елітарних університетів. Слід, відповідно до функціонального призначення й можливостей навчального закладу, потреб держави чи регіону, створити умови для функціонування різних типів вищих навчальних закладів – масовий, відкритий, регіональний, національний, державний, громадський, приватний, дослідницький, навчальний, професійно-освітній, корпоративний, віртуальний, мережевий. Для кожного типу вищого навчального закладу слід чітко визначити міру відповідальності й підтримки з боку

держави. На жаль, відчувається певна небезпека в тому, що окремі економісти розглядають освіту як освітню послугу, а не як суспільне благо, в рамках якого держава розглядає освіту як головну інституцію для розвитку особистості та науково-технічного й економічного розвитку держави в цілому. Цікавою в цьому плані є думка авторів [2]: «Одна з головних причин цього – все той же економоцентризм, що змушує ідеальні сфери культури й освіти функціонувати за законами ринку і споживання. Разом з ідеальним ми втрачаємо найважливіші цілі та результати освіти. Ключова ціль освіти полягає зовсім не в передачі згаданих ЗУНів чи компетенцій. Знання, навички та компетенції – це, точно кажучи, результат другорядний. Так, ми справді готуємо студента до роботи зі знаннями (розуміння, застосування методу), до певної діяльності й до роботи з людьми. Але головне – передати студенту правильне ставлення до знань, діяльності та людей».

Інше питання полягає в тому, що споживацькою стає не вся освіта, а лише масова. Елітна (класична) освіта – це освіта для обраних «вершителей», усічена (вузькоспеціальна) – для виробників, псевдо-освіта (така, що отупляє) – для архаїзованої більшості.

Повернемося знову до питання диверсифікації типів вищих навчальних закладів. Зараз, хоч на зміну академічним цілям прийшов більш «інструментальний» підхід, вони, як і раніше, пов'язують освіту й наукові дослідження. Прагнення до знань та їх передача й сьогодні лежать в основі місії вищої освіти. Також розуміння того, що вища освіта стала міжнародною конкурентною ринковою сферою, а це означає, що вона потребує більшої прозорості та взаємоузгодження в забезпеченні якості. В Європі дебатуються питання розробки більш формального й об'єктивного підходу, в якому б враховувалися види навчальних закладів і їх різні місії. В цьому контексті наведемо думку російських дослідників щодо підходів до розроблення стандартів вищої освіти: «З точки зору держави та роботодавців, випускникам ВНЗ потрібні не лише якісні сучасні знання, але й найголовніше: вміння і навички або, як зараз кажуть, компетенції. При цьому компетентність випускника ВНЗ трактується як сукупність якостей людини, яка отримала освіту певного ступеня, що виражається в здатності до

успішної діяльності з урахуванням її соціальної значущості і соціальних ризиків». І далі – «...відповідно до сучасної освітньої парадигми, компетентність спеціаліста повинна виявлятися на трьох рівнях: його професійної діяльності; його вміння працювати в колективі; наявності в нього визначеної соціальної позиції» [3].

Але, в контексті використання науки як бази підвищення якості вищої освіти, постають питання, – а як бути з масовою освітою; що та хто забезпечить єдність критеріїв оцінки їх діяльності та інтересів; чи всі групи студентів зможуть долучитися до наукових досліджень; що робити зі студентами-заочниками, які тепер не обов'язково працюють за обраним фахом? Як бути з тими, хто одночасно навчається у двох ВНЗ – хіба вони мають можливість проводити дослідження? Як бути зі студентами неповного навчального дня, які поєднують навчання з роботою і яких стає все більше? Що робити з дистанційною освітою? Найкращим виходом, на мою думку, є диверсифікація програм і цілей навчання. Всі студенти не зможуть генерувати нові знання та здійснювати прориви в певній галузі науки. Ми повинні розуміти, що і в класичних університетах, і особливо в технічних і галузевих є багато напрямів підготовки, що за класифікацією МСКО відносяться до професійно скерованих програм вищої освіти. Вони мають бути тісно пов'язані з ринком праці та ринком освітніх послуг, який характеризує прискорення технічного розвитку з новими провайдерами, новими учнями та новими формами навчання – це нові виклики глобалізації для європейської і української вищої освіти.

Тому питання про можливу специфіку впливу науки на якість у цьому масовому секторі вищої освіти потребує спеціального вивчення та врахування при розробленні професійних стандартів для кожної окремо взятої спеціальності.

Крім цього, університетська освіта стає більш різноманітною за принципом фінансування. Так, приватні ВНЗ стали сектором вищої освіти, який зростає найшвидше у світі. Недавні дослідження показали, що в країнах східної Європи біля 40% студентів навчаються в приватних ВНЗ, і їх чисельність зростає. Вони суттєво розширили доступ до освітніх програм і налаштували їх під актуальні запити населення. Але як це впливає на якість вищої освіти в Україні, де

приватна вища освіта зароджувалася і значною мірою формувалася перш за все з бізнесовими цілями? Чи вправі ми вимагати, щоб цей сектор освіти зараз відповідав усьому спектру сучасних вимог до університетів, орієнтиром для яких є дослідницькі університети, університети зі статусом «світові» і т. ін.? Мабуть, ні, та це й неможливо. Ясно, що навіть університету державної форми власності буде важко досягти цілей, поставлених перед дослідницькими університетами, тільки за рахунок вкладення великих фінансових ресурсів. Адже конкурентоспроможні наукові школи формуються протягом багатьох десятиліть. Потрібна інтеграція зусиль усіх зацікавлених партнерів – бізнесу, промисловості, самих університетів, а також мобілізація всіх можливих джерел фінансування. З цією метою в Європі створено Європейський інститут технологій. Його місією є «сприяння зростанню інновацій у трикутнику знань – освіта, дослідження та інновації, – і розвитку на цій основі відповідної підготовки й духу підприємництва у вищій освіті країн ЄС».

Для України непростим питанням є відбір університетів, що зможуть відповідати, хоча б у перспективі, критеріям дослідницького, те ж саме стосується й партнерів від промисловості, академічних науково-дослідних установ. Далеко не всі об'єкти (сектори) промисловості, перейшовши в приватні руки, відчувають потребу взаємодії з передовою наукою та освітою і готові інвестувати відповідні інноваційні проекти. Ні в кого немає сумнівів, що в Україні слід негайно запроваджувати ефективні державні програми становлення системи дослідницьких університетів, що сприятиме переходу економіки на інноваційний тип розвитку та входженню наших університетів у міжнародну систему освіти і науки. При цьому не слід забувати, що така перспектива для України реальна лише у віддаленому майбутньому. Ми ще не готові, але й Європа теж, у загальному підсумку, не готова до цього. Адже зараз вона використовує лише 5% інновацій, які пропонуються науковцями університетів. Крім цього, там роблять ставку на залучення науковців з усіх країн, не дуже розраховуючи на випускників власних університетів. Тобто ми ще можемо долучитися до цих процесів на більш-менш рівних умовах. Підходи до вирішення цього завдання досить докладно викладені в [1].

Окрему увагу слід приділити створенню підсистеми елітної вищої освіти. На жаль, в Україні ця важлива ланка вищої освіти поки що знаходиться на стадії становлення. Впевнений, що слід виділити групу університетів (з числа дослідницьких) і навчальних програм, з найбільш розвинутих у них спеціальностей та спеціалізацій, що мають забезпечувати підготовку елітних фахівців зі стратегічно важливих для держави спеціальностей. Цим університетам потрібно надати додаткові права щодо відбору своїх студентів (адже їх завдання – вчити тих, хто хоче і може навчатися, а не тих, хто може тільки платити), залишаючи як основу загальнонаціональне тестування. Треба запроваджувати наукомісткі навчальні програми, які б інтегрували колись самостійні дисципліни з навчальних планів інших спеціальностей, формуючи навчальні блоки, що повинні забезпечити одночасно глибоку фундаментальну й професійно-практичну підготовку, зорієнтовану на складні інноваційно-технологічні проекти. Розвивати нові форми контролю якості навчання і викладання, формуючи таким чином систему елітної освіти для стратегічних галузей науки, техніки, технології, дипломатії тощо. Зрозуміло, що підготовку елітних кадрів неможливо здійснити без спеціальних програм, найсучаснішого обладнання, різноманітних активних форм навчання в поєднанні з науково-конструкторською та управлінською діяльністю для досягнення нестандартних результатів навчання та нестандартного повного набору компетентностей (робота з інформацією, аналіз результатів власної діяльності, пізнання та уміння вчитися, уміння вчити, широта бачення проблеми).

За таких умов можна буде відпрацьовувати ідею надання університету права видавати власний диплом, що визнається всіма інстанціями, права остаточно атестувати випускників аспірантури (третього болонського циклу), присвоювати вчені звання доцента та професора. Але потрібно розробити спеціальні критерії, кому надавати таке право, та чітко їх дотримуватися. Слід врахувати, що такі підрозділи дослідницьких університетів, як і природа самих університетів, швидко змінюється разом з розвитком форм університетського управління, поглиблення автономії, взаємодії з суспільством, співпраці з бізнесом, глобалізацією вищої освіти, що потребує

ідентичності та розпізнавання наших провідних університетів на глобальному ринку.

Зрозуміло також, що успішна реалізація таких завдань неможлива без переходу промисловості (як партнерів університетів) від традиційних низькотехнологічних видів виробництва до інноваційних. У цьому контексті пошлюсь на думку лауреата Нобелівської премії Жореса Алфьорова [4], який вважає, що «без створення в Росії реальної високотехнологічної промисловості, здатної реалізувати розробки створеного Центру в Сколково, його створення не виконає покладених на нього завдань. Але такої промисловості в країні немає. У свою чергу, російський бізнес у його нинішньому вигляді не поспішає з інвестиціями у високотехнологічну промисловість».

Ситуація в Україні ще гірша. Нечисленні інвестори надають перевагу інвестуванню прикладних досліджень. На сьогодні лише 6,5% загального обсягу реалізованої промислової продукції українського виробництва мають ознаки інноваційності (в Євросоюзі – 60%, Японії – 67%, США – 78%). Приріст ВВП за рахунок упровадження нових технологій в Україні становить 0,7%, а в розвинених країнах – 60–90%. У промисловості частка морально застарілого обладнання становить 65%, а в науково-технічних установах – 98% [1]. Думаю, в університетах ситуація не краща. Таким чином, необхідно негайно на державному рівні шукати підходи до вирішення питання – для кого та з ким університетам готувати елітних фахівців?

Важливо забезпечити кооперацію представників різних структур: наукових, виробничих, освітніх установ усіх рівнів, управлінських, соціальної сфери та запровадити елементи інтегрованої системи підготовки в системі «наука – вищий навчальний заклад – підприємство», сучасними формами якої є науковий парк або корпоративний університет, мозаїка, паркет, холдинг, кластер. Вважається, що найефективнішою формою є мережева структура, де можливий орієнтований інтенсивний обмін інформацією, знаннями, науковими проектами, навчальними програмами, курсами, матеріальними, інтелектуальними, організаційними, кадровими ресурсами. Реалізація кожної з них дозволить також розширити доступ викладачів і студентів до сучасного інноваційного обладнання та підвищити кваліфікацію

викладацького складу, для якого найбільш важливими компетенціями є: науково-предметна, психолого-педагогічна, комунікаційна, соціально-організаційна, креативна, інформаційна [5].

І на завершення кілька думок щодо третього болонського циклу вищої освіти, який за своєю суттю є найбільше зорієнтованим на наукову діяльність та підготовку науково-педагогічних кадрів. Що має змінитися і що змінилося у нас в технології підготовки аспірантів? Я маю на увазі не тільки те, що тепер аспірантам слід складати програму навчання, де співвідношення дослідної частини й суто навчальної змінюється на користь останньої. Не думаю, що проблему якості вирішать пропозиції щодо введення міждисциплінарних курсів з методологій досліджень, передача присудження наукового ступеня автономним університетам і т. ін. В останньому випадку органам управління буде дуже важко поміняти парадигму підходів до експертизи дисертаційних робіт. Один з її варіантів описаний у [6]. Головне там, що сам автономний університет формує докторські комісії. Вони складаються «зі спеціалістів, які не конче мають найвищі наукові регалії, зате реально занурені в проблематику досліджень дисертанта й справді можуть фахово оцінити його внесок у суму знань даної наукової сфери». У цій же роботі детально описані вимоги до докторантів НаУКМА, щоб успішно завершити навчання. Ці вимоги дійсно в основі своїй можна вважати досить прогресивними.

Звичайно, такі кроки для розширення навчального складника програм підготовки доктора філософії потрібні, але їх явно недостатньо. Більше того, давайте згадаємо, що подібну методику використовували наші відомі вчені – керівники аспірантів ще в далеких 80-х. Але тоді наука була більш високо затребуваним видом діяльності, науковці мали в суспільстві високий статус і більшість тем дисертаційних досліджень обов'язково проходила реальну експертизу у ведучих наукових установах.

Тому мене зараз більше хвилює різке зниження якості саме наукового складника програми підготовки докторів філософії, тобто наукових досліджень в умовах масовості такого типу підготовки, в умовах зростання кількості спецрад по захисту, в умовах, коли документ про здобуття наукового ступеня кандидата наук цінується

слабенькими вищими навчальними закладами в період проведення їх ліцензування та акредитації.

На відміну від цього, невелика кількість підприємств високотехнологічного виробництва, яка ще залишилась у нашій країні, більше цікавиться реальністю, інноваційністю та конкурентоспроможністю наукових здобутків співробітників своїх лабораторій і конструкторських бюро. Тому все більше молодих і талановитих співробітників таких установ і підприємств не бажають відриватися від наукових досліджень, за які вони отримують пристойну заробітну плату, й витратити час на написання та захист дисертацій, доплата за які в університетах та наукових установах мізерна. У цьому контексті постає й питання необхідності захисту другої дисертації на здобуття наукового ступеня доктор наук, якого у більшості країн світу не існує. Можливо, краще для тих, хто отримав перший науковий ступінь, створити умови для плідної праці над реальними науковими розробками і не витратити час на формальне оформлення ще однієї дисертації, оцінити науковий рівень і значимість якої для науки й виробництва в наших умовах у багатьох випадках неможливо. Тобто, чекати контролю якості з боку промисловців як потенційних замовників таких фахівців навряд чи можливо, не кажучи вже про гуманітарний сектор науки. У науковому середовищі країни стає дедалі популярнішим своєрідне змагання: – хто з керівників підготував більше кандидатів наук. Але якість підготовки багатьох з них не цікавить. Більше того, не секрет, що створено справжні синдикати, які надають, м'яко кажучи, платні послуги з підготовки й захисту дисертацій. Звісно, сказане стосується не всіх секторів науки. Як це не болісно, практично те ж саме можна сказати й про другий науковий ступінь доктора наук, особливо тих, кого вже масово беруть до докторантури без необхідного для цього наукового доробку.

У той же час європейський здобувач наукового ступеня «не працює лише під керівництвом свого наукового наставника, а радше проходить структуровану *програму*, яка передбачає його участь у регулярних докторантських тематичних семінарах, фахових курсах, обов'язкову педагогічну практику. Від нього вимагаються публікації у міжнародних фахових журналах, що, ясна річ, передбачає участь докторанта

у міжнародних конференціях та активне спілкування з міжнародною науковою спільнотою» [6].

Думаю, що останні, в цілому досить правильні рішення МОНМС України щодо вимог до публікацій аспірантів та докторантів дадуть на певний період позитивний результат, але з часом все може стати на свої місця – знайдуться потрібні контакти за кордоном і публікації в закордонних наукових виданнях з певних наукових напрямів стануть досить доступними.

Не дуже віриться, що для покращення якості підготовки найближчим часом ми зможемо використати можливості, що пов'язують з інтернаціоналізацією освіти і науки, мобільністю студентів і аспірантів, запровадженням подвійного керівництва, хоча це дійсно було б на користь якості досліджень і входженню молодих українських науковців у міжнародний науковий простір. Але на це потрібні кошти, яких вітчизняні університети й наукові установи фактично не мають. В умовах масовості не рятують ситуацію й нечисленні обміни студентами й аспірантами на основі двосторонніх договорів із закордонними партнерами та участь наших кращих молодих науковців у програмах європейського союзу.

При цьому також не слід забувати, що у нас звання професора присвоюють, якщо науковець підготував трьох кандидатів наук. Ми вже проходили це, коли окремих бажаючих отримати звання професора просто «чіпляли» другим керівником.

На завершення висловлюю своє глибоке переконання, що для виконання всього спектра сучасних завдань університету потрібно розробити й профінансувати належним чином комплексну державну програму, до виконання якої залучити всіх учасників процесу підготовки й використання фахівців незалежно від форми власності та забезпечити умови для її виконання на законодавчому рівні.

Список літератури

1. Наука в університетах. П'ятирічний досвід діяльності Ради проректорів із наукової роботи / за заг. ред. чл.-кор. НАН України М. Ю. Сльченка. – К. : ТОВ «ВД «ЕКМО», 2010. – 356 с.
2. Хагуров Т. А. Что мы теряем, превращая высшее образование в подго-

товку и услугу? / Т. А. Хагуров, А. А. Остапенко // Образоват. технологии. – 2011. – № 4. – С. 26–29.

3. Складьяревская В. А. Основные направления повышения качества обучения в вузах с точки зрения действующих стандартов качества / В. А. Складьяревская // Образоват. технологии. – 2012. – № 5. – С. 199.

4. Инженерное образование сегодня: проблемы и тенденции. Интервью с И. Б. Федоровым // Вест. высш. шк. (Alma mater). – 2012. – № 2. – С. 7–12.

5. Ким И. Н. Формирование базовых составляющих профессиональной компетентности преподавателя в рамках ФГОС / И. Н. Ким // Высш. образование в России. – 2012. – № 1.

6. Вінницький М. Впровадження третього циклу вищої освіти: ключ до успіху Болонського процесу / М. Вінницький // Вища шк. – 2008. – Грудень.

УДК 378:005.73

*В. И. Астахова***АКАДЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФУНДАМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА**

Главная идея, которой служит учитель, состоит в насаждении нравственности в роде человеческом.

*А. Дистервег***Резюме**

Роботу присвячено проблемам збереження головних цінностей академічної культури й культурно-освітнього середовища ВНЗ в умовах поступової трансформації академічних університетів в університети підприємницькі; надано змістовні характеристики початкових понять, проаналізовано тенденції в розвитку сучасної академічної культури; розглянуто можливості поєднання традиційного й інноваційного підходів до розвитку академічної культури на прикладі досвіду Народної української академії як навчального закладу нового типу.

Мета статті – обґрунтувати висновок про те, що інноваційне й традиційне в освіті не є протилежностями, що в сучасних умовах абсолютно необхідна їх збалансована рівновага, яка може бути забезпечена тільки на основі високого рівня академічної культури.

Звідси невідкладне завдання формування нового рівня академічної культури, здатної протистояти посилюючомуся натиску моральної деградації, духовного розпаду і в той же час такою, що йде в ногу з вимогами часу.

Summary

The article deals with the problem of preserving the major values of the academic culture and institutional cultural and educational environment under the conditions of gradual transformation of academic universities into entrepreneurial educational institutions. Essential characteristics of basic concepts are given and the tendencies in modern academic culture development are analyzed. The potentialities of combining traditional and innovation approaches to academic culture development drawing on the experience of People's Ukrainian Academy as a new-type educational institution are considered.

The article aims to substantiate the conclusion that innovative and traditional elements in the current educational context are far from being antitypal and their

balanced equilibrium is an utmost necessity. The above equilibrium can be ensured by a high-level academic culture only.

Thus the immediate objective is to form a new-level academic culture capable of resisting the growing pressure of moral degradation and spiritual decay, on the one hand, and meeting today's imperatives, on the other hand.

Ключевые слова: академическая культура, культурно-образовательная среда вуза, бизнес-образование, качество образования, научные школы, нравственность, ответственность, духовность.

Одной из самых сложных и остроактуальных проблем, с которыми столкнулась высшая школа в условиях глобализации и интернационализации, стал поиск компромисса между давно сложившимися академическими традициями и активно пробивающей себе дорогу в современных университетах предпринимательской деятельностью. На наших глазах происходят глубочайшие изменения во взаимодействиях между обществом, бизнесом и университетом. Теперь университеты наряду с образовательной и научной деятельностью вынуждены заниматься предпринимательством, конкурировать за привлечение средств из различных источников и, более того, ставить задачу получения прибыли в число своих главных приоритетов.

Исследователи выделяют следующие главные вызовы, с которыми столкнулась современная высшая школа:

- информационная культура, формирующаяся в условиях экономики, базирующейся на знаниях;
- академическая революция, ознаменованная включением предпринимательской функции в деятельность вуза и появлением Концепции предпринимательского университета;
- усиление конкурентной борьбы на внутреннем и международном рынке научных и образовательных услуг [1, с. 123].

Факторы глобализации и интернационализации, которые часто рассматривают как определяющие процессы развития высшей школы в современном мире, последовательно превращают знания в товар, стимулируют возможность капитализации знания. Университет при этом является производителем знания, актуального с коммерческой точки зрения.

Выработанное университетом знание находит проявление в виде продукции: результаты исследований, их применение в социальной и коммерческой сферах, высококвалифицированный персонал (выпускники), академические программы, приносящие доход за счет взимания платы за обучение, и т. д. и т. п. Университет начинает восприниматься как предприятие, а конкуренция между университетами за привлечение средств – напоминать конкуренцию между коммерческими структурами [2, с. 180].

В контексте перечисленных тенденций и факторов происходят серьезные изменения в ценностях академической культуры, формируются новые ценности, а вместе с ними и новая академическая культура, в которую на место традиционной совокупности норм образовательной и научной деятельности университета привносятся постакадемические ценности, иногда диаметрально противоположные традиционным.

Цель предлагаемой ниже работы:

Обосновать вывод о том, что инновационное и традиционное в образовании не являются антиподами, что в современных условиях абсолютно необходимо их сбалансированное равновесие, которое может быть обеспечено только на основе высокого уровня академической культуры.

Отсюда безотлагательная задача формирования нового уровня академической культуры, способной противостоять усиливающемуся натиску нравственной деградации и духовного распада, и в то же время не идущей вразрез с требованиями времени.

Академическая культура в традициях европейского университетского образования понимается как совокупность норм и ценностей образовательной и научной деятельности университета. Мы рассматриваем академическую культуру прежде всего как культуру нравственности и служения людям. Это культура особого поведения и общения людей, профессионально призванных обеспечивать трансляцию культурных ценностей; это культура высокой духовности и морали, высокого качества труда и ответственности за его результаты, культура толерантности и педагогического оптимизма.

Наиболее рельефно современное понимание ценностей академи-

ческой культуры было сформулировано в Бухарестской декларации этических ценностей и принципов высшего образования в Европе: «Ключевыми характеристиками добросовестного академического сообщества, – говорится в Декларации, – являются честность, доверие, прямота, уважение, откровенность и подотчетность» [3].

К основным ценностям европейской академической культуры, в соответствии с Декларацией, относятся:

- интеллектуальная свобода и социальная ответственность;
- моральная ответственность самостоятельных исследователей и ученых не только за процесс исследований (выбор темы, методы и добросовестность), но и за их результаты;
- стремление отдельных научных сообществ к сотрудничеству в мировом масштабе;
- право ученых свободно выражать свое мнение о научных и этических аспектах исследовательских проектов и их результатов, и устраняться от участия в проектах, противоречащих их убеждениям и совести;
- самооценку интеллектуальной работы вне зависимости от того, когда будет получен результат.

В НУА к перечисленным ценностям добавляют взаимодействие и взаимную поддержку, взаимное доверие всех без исключения членов академического сообщества как непреходящую особенность рабочей обстановки, способствующую свободному обмену идеями, а также творчеству и личному развитию всех, кто учит и кто учится.

Академическая культура призвана формировать позитивную эмоциональную реакцию всех субъектов учебно-воспитательного процесса – интерес, доброжелательность, гордость за успехи коллег и общие успехи, вдохновение, веру в перспективность и значимость для людей того дела, которому ты служишь, желание действовать сообща на общее благо. В здоровом обществе ценности академической культуры формируются естественно и свободно, дополняясь системой ценностей каждого конкретного учебного заведения, принимаются и признаются всеми как неотъемлемая часть общей культуры человека, коллектива, общества, как наиболее яркое ее проявление.

Причем проявления эти имеют и внутренние и внешние признаки. Недаром говорят: она похожа на школьную учительницу, или у него манеры настоящего ученого, или эта публикация соответствует требованиям академической культуры. Такая оценка дорогого стоит, но встречается, к сожалению, все реже. Поскольку здоровое общество и подлинная академическая культура возможны только там, где существуют некие нравственные авторитеты, эталоны, принципы. А когда все сводится к потреблению, когда абсолютно все, вплоть до собственных органов и собственного тела, оценки на экзамене и текста дипломной работы можно продать и купить, тогда академическая культура уступает место культуре предпринимательской, потребительской, тогда в человеке неизбежно выплзает наружу его животное, звериное начало, а общество деградирует в стадо скотов.

Сегодня людям остро не хватает веры в то, что мы идем к чему-то лучшему, светлому и очень важному. Но без этой веры движение вперед, развитие невозможны. Самоуважение – это основа нравственности и начинается оно с чувства сопричастности к важному, общественно-полезному делу. Рождается это чувство в первую очередь благодаря культуре.

Когда ребенок растет на родных мультфильмах, сказках и книгах, когда молодежь отправляется в дальнюю дорогу, чтобы познакомиться с памятниками боевой славы своего народа, в них кристаллизуется чувство Родины. Не казенный патриотизм, а именно чувство Родины, которое носит почти физиологический характер. И это чувство Родины – большой и малой и даже совсем крохотной – дома, семьи, школы, вуза, друзей – это и есть главный стержень культуры, ее исток и фундамент, это и есть основа формирования гражданственности, которая является фундаментальной ценностью академической культуры.

Но главный смысл академической культуры заключается все-таки в самоотверженном отношении всех ее носителей к образованию и к науке. Академическая культура требует фундаментального образования, хотя это совсем не означает только теоретическую подготовку. Оно обладает еще и систематизирующим эффектом и не может быть успешным без практико-ориентированной направлен-

ности. Только в таком органическом единстве образование способно обеспечить устойчивую базу для постоянного самосовершенствования, доучивания и переучивания людей в условиях растущей изменчивости и неопределенности мира.

Обеспечивается качественное фундаментальное образование, по утверждению специалистов, на 30% за счет научно-педагогического потенциала, на 25% – за счет информационно-коммуникационных технологий, на 15% – уровнем материально-технической базы, на 15% – качеством довузовской подготовки и мотивацией к учебе. И еще 15% – это возможности практической подготовки. Конечно, эти показатели весьма условны, особенно, когда трудности учебно-воспитательного процесса обвально нарастают.

Преодоление этих трудностей потребует в ближайшее время увеличения доли практической подготовки студентов и школьников, внедрения различных форм социальной практики, усиления внимания к вопросам информационной культуры и особенно общей культуры всех субъектов образовательного процесса. Но это ни в коей мере не должно сказываться на фундаментальности подготовки, обеспечивающей возможности для свободы выбора в будущем.

Специалисты предсказывают в ближайшем будущем увеличение разрыва между школьной подготовкой и требованиями вуза, который ведет к невозможности усвоения вузовских программ большинством выпускников средних школ. Отсюда неизбежное снижение качества подготовки студентов. Это крайне опасное и сложное явление, требующее незамедлительно пойти наперекор этой тенденции, добиться согласованности программ на всех стыковых этапах обучения, найти пути обеспечения преемственности и по вертикали, и по горизонтали, и решить проблему повышения качества подготовки на всех образовательных уровнях. К числу проблем, без решения которых повышение уровня академической культуры в принципе неосуществимо, относятся:

1. Совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров, формирование новой генерации педагогов, понимающих и принимающих основополагающие принципы новой академической культуры, сочетающей в себе и традиционные,

и инновационные подходы. И если к традиционным академическим ценностям мы причисляем критическое мышление, интеллектуальную свободу, преданность интересам подлинного знания, академическую автономию, особый тип научно-педагогических сообществ, а сама академическая культура, воплощенная в образовательном и научном потенциале университета, включает в себя не только знаниевую компоненту, но и различного рода деятельностные (традиционные, инновационные) подходы к формированию компетентных выпускников, то ценности предпринимательской культуры формируются вокруг идеи превращения интеллекта (знания) в средство получения прибыли. При этом подчеркиваются такие личностные свойства работника, как новаторство, собственная независимость, ориентация на личное мнение, потребность в достижении успеха.

Современный этап модернизации высшего профессионального образования предполагает поддержку новых форм интеграции науки и образования, связанных с активным проникновением в эту сферу предпринимательской культуры, или так называемого «академического капитализма». Результатом интеграции науки и образования является производство нового знания, обладающего востребованными качествами междисциплинарности, презентабельности, спросом в области развивающейся «индустрии знания». Все это существенно влияет на ценности академической культуры, которые существенно трансформируются в этих условиях.

Академическая свобода понимается уже не как возможность создания уникальной научной и образовательной среды университета, а как способность академического сообщества находить источники финансирования и его умение работать с ресурсами внешней среды; уровень востребованности университетского образования зависит от степени инновационности образовательных и научных услуг; намечается постепенный переход университетов к узкопрофессиональной прикладной подготовке специалистов, умеющих понимать задачи и решать их; изменяется отношение студентов к знанию как фундаментальной ценности; осуществляется переход к парадигме «знание–товар»; развивается феномен «интеллектуального предпри-

нимательства», в котором осуществлен синтез ценностей креативного мышления с исследовательской деятельностью; проявляется тенденция оценки научного знания по принципам фрагментарности, простоты для понимания и применения. Долгосрочный процесс создания научного знания сегодня все менее востребован, поскольку интенсивность современной жизни требует коротких сроков и быстрой сменяемости одного знания на другое; наблюдается потребительское отношение студенческой молодежи к институту высшего образования и, соответственно, к исследовательской деятельности; ощущается несформированность многоуровневой дифференцированной системы обучения студентов исследовательской деятельности в университете; усиливается стремление вузов быстро перестроить свою организационную структуру в погоне за конкурентоспособностью, при этом зачастую недооценивается важность содержательных, научно-осмысленных действий в отношении культурного и профессионального развития студенческой молодежи [4, с. 43–47].

Известно, что политика конкуренции за лучших студентов и преподавателей в Европейском союзе базируется на идеологии «превосходства», и здесь решающим фактором является превосходство в кадровом обеспечении. А это значит, что система подготовки и переподготовки педагогических кадров должна существенно и незамедлительно меняться, ставя во главу угла формирование нового типа преподавателей, способных сочетать традиционные высоконравственные принципы академической культуры с инновациями, все чаще определяемыми как предпринимательская, корпоративная, организационная культура.

Очевидно, что в условиях настойчивого внедрения бизнес-образования, отражающего интересы в первую очередь крупного капитала, предпринимательская культура сравнительно легко завоевывает свои позиции в глобальном масштабе. Поэтому, решая задачи формирования академической культуры, мы должны исходить из двух достаточно противоречивых установок.

С одной стороны, в нынешних условиях конкурентные преимущества учебного заведения на рынке труда и в борьбе за абитуриента все в меньшей мере определяются исторически сложившимся

авторитетом вуза и его былыми заслугами. Все большее значение приобретают качество преподавания и эффективность реализуемой в вузе системы HR-менеджмента.

Важнейшими критериями, определяющими уровень привлекательности каждого конкретного вуза и как учебного заведения, и как работодателя, по мнению А. Р. Аловердова [5, с. 106], являются:

- публичное позиционирование в кадровой стратегии вуза роли профессорско-преподавательского состава (ППС) как приоритетной по значимости категории наемного персонала;

- приоритетная ориентация кадровой стратегии вуза на привлечение, сохранение и приумножение кадровой элиты из числа ППС;

- использование принципов основной и дополнительной оплаты труда ППС, позволяющих резко дифференцировать размер их суммарного заработка в зависимости от уровня профессиональных компетенций, актуальности читаемых дисциплин, авторитета в глазах студентов и степени инновационности используемых технологий обучения;

- наличие формализованных технологий управления профессиональной карьерой преподавателя, благодаря которым можно обеспечить хотя бы относительный паритет его собственных интересов и интересов вуза-работодателя;

- доведение до разумного минимума дополнительных требований со стороны администрации вуза к должностным обязанностям ППС, не имеющим прямого отношения к их педагогической деятельности;

- наличие необходимых организационных и экономических условий для полного раскрытия творческого потенциала молодых преподавателей.

С другой стороны, как бы ни были важны университеты для экономики материальных ценностей, их нельзя рассматривать только как производителей науки, техники и технических специалистов во всемирной экономике знаний. «Университеты, – пишет С. И. Сидоренко, – имеют ключевые интеллектуальные и культурные обязательства, ценность которых наиболее полно раскрывается именно в обществе знаний. Университеты нельзя рассматривать вне плоскости

оценочных суждений. Ценности и этические нормы, которые они проповедают, решительным образом воздействуют не только на культурное и политическое развитие их ученых, студентов и персонала, но и помогают сформировать моральные основы общества в целом» [6, с. 9–14]. Следовательно, эти образовательные учреждения призваны выработать четкую позицию и, несмотря на давление предпринимательских начал, всячески способствовать расширению высших моральных и этических ценностей.

Решение этой все более усложняющейся задачи ложится в первую очередь на плечи педагогов, несущих непосредственную ответственность за сохранение и совершение подлинно академической культуры.

2. Поэтому возрастающую роль в системе ценностей академической культуры в нынешних условиях разброда, распада и шатаний приобретает именно культура ответственности и исполнительской дисциплины всех субъектов учебно-воспитательного процесса. Для школьников и студентов культура ответственности основывается на таких характеристиках личности как инициативность, честность, чувство справедливости, законности и уважения к достоинству индивиду, группы, сообщества.

Ответственность учащихся предполагает принятие и обоснование деятельности, критику в отношении предлагаемых извне ценностей и норм, обеспечение автономности и устойчивости внутреннего мира. Знание для учеников становится средством вхождения в культурное пространство, инструментом изменения мира при ответственности за каждое произведенное изменение. При этом культура ответственности предполагает кроме собственно ответственности такие составляющие, как рефлексивность, понимаемая как конструирование и удержание определенного образа «я», определение системы жизненных смыслов вплоть до самого важного – сути жизни, и самореализации, обеспечение творческого характера любой личностно значимой деятельности, обеспечение духовности жизнедеятельности.

В основе культуры ответственности лежит академическая честность как нравственное качество, способствующее принятию правильного решения, когда молодой человек сталкивается с искушением поступить нечестно, списать или представить чужую

работу как свою собственную, вступить в сговор, использовать запрещенную на данном контрольном мероприятии литературу, конспекты и т.д.

Без сомнения, в основе формирования такого явления, как академическая честность, лежит культура всего общества, каждого конкретного государства. Но если школа выступает тем единственным институтом, через который проходят абсолютно все граждане государства, то именно в ней и должны быть заложены предпосылки такого изменения общественного сознания, в результате которого честность станет абсолютной личностной ценностью.

Немаловажная составляющая формирования культуры ответственности школьников и студентов – создание условий для воспитания у них социальной ответственности. Среди основных механизмов такого воспитания – социальные и культурные проекты, направленные на решение конкретных общественно-значимых проблем. В ходе создания и реализации проектов учащиеся не только знакомятся с механизмами и алгоритмом проектной деятельности, но и осознают сущность проблем современного общества, чувствуют свою причастность к поиску путей их решения.

В Народной украинской академии, например, проводятся на протяжении многих лет не только конкурсы социальных проектов (в 2012 году, например, турнир проектов по расширению приграничного сотрудничества Украины и России), но и конкретная работа с сиротами двух школ-интернатов Харькова и области, шефство над ветеранами войны и труда, вожатское и волонтерское движение, работа помощниками учителей в начальной школе и детской школе раннего развития, работа в студенческих трудовых отрядах и многое другое.

В ходе подобной деятельности ребята учатся воспринимать систему образования как процесс, который не заканчивается со звонком с урока. Они осознают, что от них зависит, каким будет будущее не только их самих, но и их близких, семьи, общества.

Отсюда и возникает чувство ответственности, которое распространяется не только на образовательные результаты, но и на проблемы всего социума, а значит, воспитывается гражданин, способный к ответственному служению обществу.

Воспитать и обучить ответственного ученика, естественно, может только педагог, обладающий культурой ответственности. Все, что было сказано о культуре ответственности ученика, в полной мере относится и к учителю. При этом требования к образовательным результатам конкретного учащегося должны трансформироваться в миссию учителя как составную часть его культуры ответственности.

3. Проблема дальнейшего повышения качества образования, как базового показателя академической культуры, упирается сегодня в математическую и языковую подготовку школьников и студентов, в снижение их элементарного общекультурного уровня. Отсюда снижение возможностей качественного обучения в высшей школе и всевозможные катастрофические последствия, связанные с недостаточно качественной подготовкой выпускников к выполнению ими своих функциональных обязанностей. Это ставит во главу угла задачу восстановления уровня языковой, математической и гуманитарной подготовки, требует от системы образования разработки специальных программ по незамедлительной ликвидации пробелов в знаниях и школьников, и студентов.

Академическая культура требует самого серьезного и ответственного отношения к науке и к научной деятельности. Без непосредственной причастности к научной работе не может быть полноценного процесса обучения. Настоящий преподаватель – это в первую очередь ученый, который способен мыслить сам и может научить мыслить другого, может подготовить мыслящих учеников.

Еще в 2009 г. на общем собрании НАН Украины был принят этический кодекс ученого, в котором сочетание научной и преподавательской работы рассматривается как один из главных его принципов. В кодексе подчеркнуто, что преподаватель обязан доносить до студентов результаты новейших научных поисков и открытий в данной отрасли знаний, стремиться заинтересовать студентов, привлечь их к совместной научной работе. Объективное и доброжелательное отношение к ученикам, возвращение молодой научной поросли – одно из важнейших требований кодекса [7, 9]. Практически все требования этического кодекса лежат в основе деятельности научных школ.

Научная школа – это высшая форма самопроизвольного интеллектуального объединения. Это истинный, абсолютно неформальный творческий союз исследователей, который невозможно создать в приказном порядке, посредством административных решений. Любое жесткое регламентирование может поставить под удар сложившиеся в рамках научной школы принципы взаимоотношений, традиции, иерархию.

Научная школа возникает лишь тогда, когда начинается разработка нового оригинального направления в науке или на стыке наук. Это постоянно расширяющийся поиск с возможным и желательным появлением дочерних школ, с обязательным наличием авторитетного лидера, преимущественно ученого-организатора, с единодушным признанием его лидерства. Иными словами, это наличие Учителя и учеников с соответствующим морально-психологическим климатом доверия, взаимодействия, толерантности; это общность основных задач, решаемых школой, общность интересов, целей и даже жизненных принципов.

Это общность идеологических установок и методологических позиций, вырабатываемых и реализуемых сообща; это обучение молодых ученых научному творчеству через непосредственный и длительный контакт с главой школы и ее ведущими специалистами; это внедрение результатов НИР в учебный процесс и на этой основе привлечение к научному поиску молодых ребят еще на студенческой скамье. Организация и результативность студенческой науки – одна из главных задач вуза и прежде всего вузовских научных школ.

Современный студент должен не просто усвоить определенные знания, но и овладеть методологией поиска нового и внедрения его в практику. К сожалению, у нас даже магистры далеко не всегда понимают значимость участия в научных исследованиях для их профессиональной подготовки. Отсюда растущая необходимость активнее развивать те научные направления, которые могут вызвать интерес у студентов, прививать им вкус к исследовательской работе.

В Народной украинской академии при наличии системы непрерывного образования возможности для решения этой задачи значительно более широкие, поскольку работу по подготовке детей

к научному поиску можно начинать еще на школьной скамье посредством привлечения их к участию в МАН, олимпиадах, турнирах, конкурсах и т.п.

Из общей массы научных работников формируется совокупный человеческий капитал науки. Исследовательские поиски отдельного ученого имеют во многом индивидуальный характер, однако для реализации творческих способностей требуется наличие особой интеллектуальной среды. А это тончайшая ткань межчеловеческих отношений, традиций, этических норм и атмосфера, которая в творческих научно-исследовательских коллективах складывается на протяжении долгих лет.

Формирование такой атмосферы идет в рамках возникших в самом начале истории Народной украинской академии научных школ; идет трудно, неоднозначно и не всегда последовательно, но в соответствии со всеми формальными признаками и критериями. Традиционно к таким признакам относятся:

- наличие единой комплексной темы исследования, в основе которой лежит признаваемая всеми членами данного научного сообщества идея, как фундамент любого научного поиска;
- единство способа мышления, целей и действий;
- единое отношение к профессии, к науке, к людям, к жизни вообще;
- наличие авторитетного ученого-лидера, способного объединить учеников вокруг своей идеи;
- всестороннее, профессиональное информационное обеспечение (наличие библиотеки и библиографической службы в ней, наличие современной информационно-технической службы и многое другое);
- наличие материальной базы (издательство, научные лаборатории, специальные помещения);
- наличие соответствующего человеческого ресурса (аспиранты, соискатели, магистры, студенты, работающие в научных кружках и СНО).

В научных школах Народной украинской академии все эти признаки наличествуют в полной мере, оказывая соответствующее воздействие и на качество подготовки специалистов и на уровень академической культуры в целом.

4. Становление и развитие академической культуры происходит на основе и в рамках соответствующей культурно-образовательной среды, которая выступает и фундаментом формирования академической культуры, и определяющим фактором ее развития.

Оптимизация культурно-образовательной среды определяется как одна из важных задач любого учебного заведения. Актуальность проблемы обусловлена тем, что академическая культурно-образовательная среда представляет собой пространство жизнедеятельности всех субъектов академического сообщества, в том числе и пространство функционирования академической культуры, определяя ценности личности, ее идеалы, профессиональную успешность.

Как известно, богатство человеческой индивидуальности во многом определяется и обеспечивается социально-культурными условиями бытия: содержание и качество культурного пространства напрямую влияют на духовный мир личности. Смысловые и символические составляющие культурно-образовательного пространства играют роль ориентира в ценностных предпочтениях, формируют чувство корпоративности, «семейной близости», «родственности» составляющих его людей, мотивируют характер и формы их поведения, которые и определяют академическую культуру данного учебного заведения. Многоуровневое образовательное пространство, эффективное в силу своей изначальной открытости, представляет собой нелинейную, неравновесную, в значительной степени самоорганизующуюся систему. Здесь в процесс коммуникации вступают не просто педагоги и учащиеся, но и равноценные личности, заинтересованные друг в друге. Оно, с одной стороны, организуется извне, а с другой – развивается в значительной степени спонтанно.

Различные сегменты образовательного пространства (художественный, историко-культурный, социально-психологический, духовно-нравственный), дополняя и компенсируя возможности учебной деятельности, обеспечивают более полное развитие всех субъектов за счет их включения в различные виды деятельности – познавательную, ценностно-ориентационную, коммуникативно-творческую.

Реальные структуры культурно-образовательного пространства весьма сложны, обусловлены многообразными, не всегда явными

связями, непрерывно взаимодействуют с различными элементами целостной среды учебного заведения и социумом, сочетают элементы учебной, внеучебной и частично трудовой деятельности, создают неповторимую, своеобразную траекторию вхождения обучающихся в мир профессии, в мир общечеловеческой культуры и духовных ценностей. Постепенное усложнение социокультурной жизни может рассматриваться как самоизменение в профессиональной культуре, как восхождение к профессиональной самоидентификации, как встраивание непосредственно в академическую культуру.

5. Процесс совершенствования академической культуры требует не только развития научных школ и культурно-образовательной среды, не только соответствующего качества обучения и профессионализма педагогов. В нынешних условиях становится абсолютно необходимым усиление внимания еще к одной ее составляющей – культуре педагогического оптимизма. И средняя, и высшая школа все больше сталкиваются с проявлениями профессиональной усталости педагогов, их эмоционального и психического выгорания, с пессимизмом, разочарованием в профессии, даже с откровенным эскапизмом и деперсонализацией.

В научной литературе чаще всего говорят о трехкомпонентной модели синдрома «психического выгорания», которая включает эмоциональное истощение (оскудение психических ресурсов, снижение эмоционального тонуса), деперсонализацию (равнодушие и негативное отношение к людям, обслуживаемым по роду работы) и редукцию личных достижений (негативное отношение к себе, своим профессиональным достижениям и успехам [8, с. 36].

Преподаватель постоянно общается с большим количеством людей (ученики, коллеги, родители), постоянно находится в напряжении, под грузом ответственности перед всеми, поэтому подвержен риску развития синдрома психического выгорания и профессиональной деформации. Ситуация усугубляется не только растущей ответственностью за качество выполнения своих функций, но и трансляцией негативных проявлений этого синдрома на обучающуюся молодежь.

«Эмоциональное выгорание» имеет прямое отношение к состоянию профессионального здоровья, психической устойчивости, надежности

и профессиональному долголетию специалистов, включенных в длительные межличностные коммуникации. И эти проявления имеют сегодня ярко выраженную тенденцию к усилению, что крайне усложняет задачу формирования и совершенствования культуры педагогического оптимизма, без которой невозможен процесс совершенствования академической культуры.

Культура педагогического оптимизма была свойственна нашей системе образования на разных исторических этапах – и в дореволюционный период, и в годы советской власти и даже в перестроечное время. Учителя всегда понимали свою роль и ответственность за будущее страны, верили в правоту своих идеалов, нацеленных на самоотверженное служение людям; верили в своих учеников и соратников, в успешность и одаренность каждого своего воспитанника, поскольку каждый из них по-своему талантлив и только Учителю дано раскрыть этот талант.

В этом и заключался стержень педагогического оптимизма.

Особая роль в его утверждении всегда принадлежала профессуре. В традиционной социальной иерархии университетов профессора всегда были высшей кастой, заслужившей свой привилегированный статус интеллектуальными достижениями, которые считаются национальным достоянием в любой стране. Как справедливо подчеркивает Л. Л. Любимов «Положительный экстернальный эффект от профессионального и непрофессионального общения с профессором чрезвычайно высок. Профессор – транслятор не только знания, но в первую очередь интеллектуальных навыков, в этом его особая ценность, заменить его не может никто» [9, с. 200].

Но время катастрофически изменилось. Авторитет Учителя ушел, его вера в свои силы пошатнулась. Да и откуда взяться авторитету, если «делать деньги» Учитель не умеет. Однако ему дано великое умение делать то, чего ни за какие деньги купить невозможно: он закладывает в человеке фундамент нравственности, гражданственности, патриотизма и компетентности, веры в будущее и уверенности в себе. Поэтому сохранение его оптимистического взгляда на мир – это залог высокого уровня академической культуры и культуры общества в целом.

Отсюда необходимость в каждом конкретном учебном заведении разрабатывать свои меры по профилактике синдрома «профессионального выгорания», по формированию индивидуальных стратегий преодоления признаков профессиональной деформации и создавать специальные программы, способствующие утверждению педагогического оптимизма. Не случайно в Народной украинской академии девиз 2012/13 учебного года определен так: учиться творить добро и видеть прекрасное в окружающем нас мире. Именно в этом мы видим вершину академической культуры в нашей Alma mater.

Естественно, что есть еще множество направлений функционирования академической культуры, начиная от физической культуры и внедрения здоровьесформирующих технологий и до культуры чтения академического письма, одежды, взаимоотношений и пр. Мы остановились лишь на тех показателях (кадровое обеспечение, качество обучения, научные школы и НИРС, культура ответственности, культура педагогического оптимизма), которые, на наш взгляд, являются исходными, определяющими весь остальной спектр проявлений академической культуры.

Список литературы

1. Грауманн О. Новая идентичность вуза в условиях интернационализации образования / О. Грауманн, М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин // Высш. образование в России. – 2009. – № 6. – С. 123.
2. Прохоров А. В. Соотношение корпоративной и академической культур в современном университете / А. В. Прохоров // Вестн. Тамбовского гос. ун-та. – 2010. – Вып. 10 (9). – С. 180.
3. Бухарестская декларация : принята на Международной конференции по этическим и моральным аспектам высшего образования и науки, организованной Европейским центром по высшему образованию ЮНЕСКО (ЮНЕСКО–СЕПЕС) в сотрудничестве с Европейской академией точных и гуманитарных наук и искусства (Academia Europensis), Университетом ООН (UNU) и Подразделением фундаментальных и инженерных наук ЮНЕСКО.
4. Крутикова О. Н. «Академическое письмо» в условиях «академического капитализма» / О. Н. Крутикова // Высш. образование в России. – 2012. – № 5. – С. 43–47.

5. Алавердов А. Р. Вуз как работодатель: проблемы формирования позитивного имиджа / А. Р. Алавердов // Высш. образование в России, – 2012. – № 5. – С. 104–112.
6. Сидоренко І. Нова ініціатива ЮНЕСКО: етичні та моральні виміри для вищої освіти і науки / І. Сидоренко // Педагогіка і психологія. – К. : Педагогічна преса, 2005. – № 2 (47). – С. 9–14.
7. Бюлетень ВАК України. – 2011. – № 11.
8. Пискова Д. М. Закономерности формирования профессионального выгорания педагогов вуза / Д. М. Пискова, И. В. Михалец // Alma mater Вестник высшей школы. – 2012. – № 6. – С. 36–41.
9. Любимов Л. Л. Угасание образовательного этоса / Л. Л. Любимов // Вопр. образования. – 2009. – № 1. – С. 199–200.

УДК: 378.011.32”731”

Е. В. Астахова

СОВРЕМЕННЫЙ СТУДЕНТ: РИСКИ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Резюме

Сучасна освіта, в усякому разі, у ведучих розвинених країнах, перейшла на освітню модель, так звану Life long education. Її прогресивність і своєчасність визнають у всьому світі. Проте існує комплекс труднощів, протиріч, складних інституційних конструкцій, які заважають її впровадженню і ефективному розвитку. Статтю присвячено одному з таких протиріч – поколінським рисам сучасного студентства, які гальмують процес підвищення якості вищої освіти, реалізації моделі LLL.

Summary

Modern education, at any rate, in developed countries, has gone over to a model termed life-long learning. Its progressive and timely character has been appreciated all over the world. Nevertheless, there are a whole lot of all kind of difficulties, contradictions, complex institutional structures that hinder its introduction and effective development. The article deals with one of them: a new generation character of modern students that hampers higher education quality improvement and the LLL model implementation.

Ключевые слова: студент, непрерывное образование, поколенческие характеристики.

Тенденции современного развития последних десятилетий продемонстрировали возрастающую зависимость общества от качества и уровня образования населения. В литературе все чаще встречаются определения и трактовки «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и т. д. Практически общей точкой соприкосновения, где-то даже набившей оскомину, стали высказывания о том, что в цивилизационных процессах современности главную роль играет не черное золото, а серое вещество. Стоимостное выражение интеллекта, рост ВВП на основе роста образованности общества и другие экономические параметры образования

привлекают специалистов все больше и больше. При этом палитра исследований различных аспектов образования расширяется поистине в геометрической прогрессии.

Исследовательский интерес во многом подогревается растущим недовольством общества современным состоянием образования. При этом важно отметить, что недовольство общества образованием было всегда. Под этой закономерностью есть свои причины. Другое дело, наступают периоды, когда такое недовольство достигает апогея. Как правило, такие обострения и приводят к реформам.

Иными словами, постоянно растущее внимание к вопросам развития образования абсолютно закономерно. Особенно в начале XXI века, когда мир в одночасье стал иным. Иным, по всем параметрам и составляющим, стало и образование. Изменились цели, методы, средства, ресурсы, традиционные представления, субъекты образовательного процесса.

Высшая школа всегда имела ощутимое влияние на состояние и развитие общества. Но сегодня, когда счет «участников» этого процесса исчисляется десятками и сотнями миллионов человек, влияние системы возросло многократно. Поэтому, представляется, крайне важным, отслеживать, анализировать состояние каждого субъекта, функционирующего в рамках высшего образования, знать степень и формы их взаимодействия, наличие явных и скрытых противоречий.

В поле изучения субъектности высшего образования в мире в целом и на бывшем постсоветском пространстве в частности, работает большое число специалистов разных направлений и отраслей. Обращает на себя внимание некоторое притормаживание в области изучения такого важнейшего субъекта как студенчество. Скорее даже не притормаживание, а некоторое сужение аспектности изучения. Как правило, в центре внимания ученых остаются, при незначительном приращении, вопросы социального происхождения, карьерного и профессионального роста, политических предпочтений студенчества. Более глубинные процессы, связанные с трансформацией ценностных, поведенческих, половозрастных характеристик, анализируются значительно реже. Хотя, безусловно, есть этапные

исследования, яркие публикации своеобразного «прорывного» уровня, раздвигающие горизонты и рамки изучения студенческого контингента.

Из представляющего безусловный интерес, того, что нельзя пропустить, ибо публикации обогащают изучаемое направление, конечно, работы этапно-парадоксального Л. Любимова [1], глубоко аналитичных В. Байденко и Н. Селезневой [2], ученых НИУ ВШЭ (Москва) Я. Кузьминова и И. Фрумина [3], представителей Лиссабонской группы П. Эдерера и Ф. Шуллера [4], автора нового определения современного молодого поколения как «поколение пехт» Марка Л. Тейлора [5] и ряда др.

Интерес, в контексте данной темы, представляют ежегодные международные теоретико-методологические конференции, проводимые социологическим факультетом Российского государственного гуманитарного университета, посвященные различным аспектам развития интеллигенции. В первую очередь, научный форум 2012 г. – «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное [6].

В этом же ряду можно рассматривать монографию «Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций», изданную по результатам многолетнего международного конкретно-социологического исследования группой специалистов Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» под руководством известного ученого, проф. В. Астаховой [7].

Анализируя современное состояние разработанности проблемы, конечно же, трудно объять необъятное. Но названные авторы и публикации позволяют, что называется, «быть в теме», знакомиться с тончайшими нюансами изменений в системе высшего образования в целом и – особенно – в состоянии студенчества, как важнейшей его составляющей.

Студенческий корпус, как уже отмечалось, претерпел за последние десятилетия весьма заметные изменения, как по количественным параметрам, так и по содержательным. Резко расширилась география получения высшего образования: традиционные страны-лидеры, имеющие наибольшее количество студентов и привлекающие львиную долю студентов международных, ощутимо уступили свои

позиции, допустив на мировой рынок образовательных услуг Австралию, Канаду, Сингапур, Финляндию и др.

Один только перечень новых тенденций и характерных черт, присущих студенчеству XXI века, занял бы добрый десяток страниц. В рамках одной статьи их представить невозможно, тем более – проанализировать. Поэтому в центре внимания – ряд тенденций, характерных для современного поколения студентов, которые, как представляется, сдерживают полноценное включение обучающихся в модель *life long education*, являются препятствиями для ее динамичного развития и восприятия системой образования в целом.

Сразу хотелось бы оговориться: во-первых, речь не пойдет о хороших или плохих чертах целого поколения. В фокусе – ряд тревожных тенденций, негативно сказывающихся на включенности студентов поколения *next* в систему непрерывного образования. И, во-вторых, статья представляет скорее своеобразный набросок темы, материалы для постановки проблемы и, возможно, дальнейшего ее анализа.

Обобщение относительно целого поколения – занятие, по меньшей мере, рискованное. Но опираясь на известную концепцию модальной личности, представляется возможным описать основные личностные тенденции определенной социальной группы.

Ни для кого не является секретом тот факт, что сегодняшние студенты – порождение постоянно меняющихся социальных условий. При этом нельзя не учитывать: высшее образование основано на ценностях предыдущего времени и, соответственно, отсюда «разрывы» и «провисания» – во многом – результатов деятельности института высшего образования. В прежние периоды межпоколенческие конфликты носили менее заостренный характер, так как были основаны, в своем большинстве, на морально-нравственных и поведенческих аспектах. Сегодня же к этим традиционным причинам прибавились другие, порожденные глобализационными и информационными процессами.

О каких конкретных чертах поколения *next*, сдерживающих полноценное развитие образовательной модели *life long education*, можно сегодня говорить?

Во-первых, это потребительское отношение к жизни. Именно

потребительство и свобода личного выбора приобрели весомое значение в период после Второй мировой войны. Эти процессы, в силу определенных причин, в разных же странах протекали по-разному и становились преобладающими на разных временных отрезках. Но так или иначе, к концу XX – началу XXI в. эта тенденция возобладала. В литературе отмечается, что религиозные и традиционные представления и ценности более ранних периодов, продолжают сосуществовать с веяниями постмодерна, но влияние потребительства, тем не менее, ощутимо и неуклонно возрастает. Все это привело к укоренению в студенческой среде ярко выраженных потребительских установок типа: «Я заплатил за обучение – теперь предоставьте мне знания».

Во-вторых, четко выраженная ориентация на развлечения (обучение должно быть легким и привлекательным. Хорошие оценки при минимуме усилий). Современный студент, в результате ценностных ориентаций, навязываемых обществом, абсолютно убежден, что процесс образования должен протекать увлекательно и доставлять удовольствие. Возникает серьезное противоречие: при постоянно усложняющейся жизни молодые люди настроены на облегченный (и упрощенный) подход к получению образования. Подобные установки плохо сочетаются с кропотливой и интеллектуально направленной деятельностью, которая реально необходима для обретения качественных знаний.

Более того, большинству преподавателей, воспитанных на подходах и научных методах предыдущего периода, с большим трудом удается заинтересовать изучением конкретного предмета студентов эпохи постмодерна. Здесь, во многом, кроются причины завышения отметок и снижения требовательности.

Еще одна характерная черта – торг. Склонность торговаться – заметный аспект потребительского отношения к образованию. Если в мире нет абсолютных ценностей, то значит все может подлежать торгу.

Вымывание ценностей как таковых и переход к определению цены всякого действия, события, явления приводят к тому, что предметом элементарной торговли становится выбор вуза, пакет льгот и субсидий, формы обучения, отметки, финансовая сторона учебы и пр.

Модель «выторговывания» серьезно выхолащивает и упрощает процесс образования, но она сегодня прочно вошла в систему университетского сектора образования.

Неверие в традиционные ценности и несдержанность желаний, ставшие уже классическими черты поколения, также существенно снижают эффективность образовательного процесса, мировоззренческую готовность к принятию модели непрерывного образования. Настроенность на немедленное получение результата, на удовольствие от процесса обучения порождает очередной парадокс. Образование, по сути своей, предполагает отсроченный результат, который не сразу можно ощутить, почувствовать. Настроенность же на результат «здесь и сейчас» не только дезориентирует самого студента, но и посылает неверные сигналы обществу, рассматривающему образование с узко прагматических позиций, предъявляющих к нему упрощенно-утилитарные требования. В ответ – соответствующая реакция конкретного преподавателя, университета, вузовской среды в целом. В краткосрочной перспективе пагубность таких подходов может быть не видна. В долгосрочной же, с точки зрения развития личности, человеческого капитала, общества в целом, она очевидна.

Приспособляемость и прагматизм современного студента поистине уникальны. Эти характерные черты, как, впрочем, и ранее названные, тесно связаны между собой. Научившись подстраиваться под различные требования (порой прямо противоположные) школы, семьи, приняв за норму постулаты, исповедуемые СМИ, познакомившись с разными стилями жизни и поведения, студент, в своей массе, превосходно адаптируется к самым разнообразным обстоятельствам и условиям. Более того, не будучи стесненными никакой традиционной идеологией – усвоенной или разделяемой только внешне, – представители этой генерации более трезво и прагматично подходит к жизненным проблемам и применяют для их решения любые подходящие средства.

Этой поколенческой характеристикой во многом объясняется студенческое мошенничество, получившее развитие – в разной степени – во многих образовательных системах мира и, увы, в первую очередь, в Украине и России. Успокаивает, конечно, тот факт, что

эта проблема не только отечественная. Но то, что она приобрела в Украине характер явления – это однозначно.

В числе других поколенческих черт, присущих современному студенчеству, следует так же назвать:

– высокую самооценку. Уверенность в своей неповторимости и уникальности, в том, что они олицетворяют надежды родителей и страны. Взлелеянность именно таких качеств, во многом, приводит к настоящим потрясениям при столкновениях с реальными требованиями и трудностями учебы в вузе;

– цинизм. Беспрецедентно низкий уровень доверия к институтам власти, политикам, СМИ, религии приводит к формированию подходов, исключающих, априори, доверие к образованию: почему нужно верить институту образования, если все другие институции доверия не вызывают;

– стресс. Постоянное чувство неудовлетворенности, тревоги, высокое напряжение, связанное с учебой, отсутствие безопасности, большой объем других проблем приводят к возникновению чувства безысходности. Возникает своеобразный эффект резиньяции (от лат. «уничтожение». Полная покорность судьбе, отказ от жизненной активности). Иными словами – мир сложен и суров. Всего в образовании не усвоить. А значит, лучше уповать на судьбу или случай. Но нельзя забывать, что инфантильность никак не способствует качественной и успешной учебе, тем более, построенной на принципах *life long education*;

– вмешательство родителей в образовательные практики. Сегодня уже не всегда понятно, на кого работает система образования, на студента или на его родителей. Излишняя опека и затянувшееся «сопровождение» студента в процессе получения высшего образования не только тормозят процессы социализации, но и ощутимо способствуют сохранению того же инфантилизма. В результате – отсутствие ответственности, неумение распорядится личной свободой, трудности при командной работе и пр.

Названы лишь некоторые, возможно, не бесспорные, поколенческие черты современного студенчества, которые способны оказывать негативное влияние на качество и эффективность

образовательного процесса в высшей школе. Перечень можно было бы продолжить. Но главное, представляется, не в констатации негатива, а в поиске средств, за счет которых складывающуюся ситуацию можно смягчить, привести ее в большее соответствие с потребностями времени. Очень важно формировать у студентов поколения next (а, возможно, и на более ранних стадиях процесса обучения) представление о том, что в новых социальных условиях качественное образование составляет ядро качественной жизни и карьеры. Происходит явная индивидуализация образовательных траекторий: большую часть запросов на образование формирует уже не государство и преподаватель, а самостоятельный человек сам для себя. С этим связан ряд фундаментальных последствий, но это уже предмет другого разговора.

Человек в новых образовательных моделях сам режиссирует свою образовательную траекторию, во всяком случае, на вузовской скамье и далее. Конечно, человека к выполнению этой функции необходимо подготовить. И здесь велика роль государства, общества, вуза, преподавательского корпуса. Но – главное – самого обучаемого.

Задачи, безусловно, архисложные. Но трудность задач не означает, что их не нужно решать вообще.

Список литературы

1. Любимов Л. Что мешает нашей стране улучшить качество школьного образования / Л. Любимов // Высшее образование. – 2011. – № 4. – С. 11–26; Угасание образовательного этоса // Там же. – 2009. – № 1. – С. 199–210.
2. Байденко В. Конкурентоспособные образовательные программы: к формированию концепции / В. Байденко, Н. Селезнева // Высш. образование в России. – 2011. – № 5. – С. 24–39; Байденко В. И. Некоторые тенденции развития системы высшего образования в странах СНГ / В. И. Байденко // Там же. – 2010. – № 5. – С. 46–58.
3. Кузьминов Я. Российская школа: альтернатива модернизации сверху / Я. Кузьминов, И. Фрумин, А. Захаров // Вопр. образования. – 2011. – № 3. – С. 5–53; Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики / А. Волков, Я. Кузьминов, И. Реморенко и др. // Там же. – 2008. – № 1. – С. 32–65; Кузьминов Я. Поддерживать или инвестировать? Образовательные программы в рамках антикризисных мер / Я. Кузьминов //

Там же. – 2009. – № 1. – С. 5–18; Кузьминов Я. Вероятное воздействие экономического кризиса на систему образования и качество человеческих ресурсов / Я. Кузьминов // Там же. – 2009. – № 2. – С. 172–186; Кузьминов Я. Наши университеты / Я. Кузьминов // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 10. – С. 9–15.

4. Эдерер П. Ранжирование системы высшего образования: граждане и общество в эру знаний / П. Эдерер, Ф. Шуллер // Высшее образование. – 2009. – № 3. – С. 171–202.

5. Тейлор М. Поколение next: студент эпохи постмодерна [Электронный ресурс] / Марк Тейлор // Оптимальные коммуникации. – 2009. – 26 янв. – Режим доступа: <http://jarki.ru/wpress/2009/01/26/113/>.

6. Материалы XIII международной теоретико-методологической конференции «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное : сб. науч. тр. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2012. – 474 с.

7. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : моногр. / под общ. ред. В. И. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 405 с.

УДК 331.101.262:37]:330.341.2

І. В. Тимошенко

РОЛЬ ІНТЕРЕСІВ АКТОРІВ ОСВІТИ В РЕФОРМУВАННІ НАЦІОНАЛЬНОЇ ОСВІТНЬОЇ СИСТЕМИ

Резюме

В статті проаналізовані задачі і напрямлення реформування освіти з точки зору впливу на реалізацію економічних інтересів акторів освіти. Обґрунтована необхідність створення коаліції інтересів акторів в піддержку реформ. Визначено роль і задачі держави в реформуванні освітньої системи України.

Summary

In the paper, the problems and directions of reforms in education are analyzed from the point of view of their impact on the realization of the economic interests of the actors in education. The necessity of forming a coalition of interests of actors in support of reforms is substantiated. The role and tasks of the state in the process of reforming the educational system of Ukraine are determined.

Ключові слова: актори освіти, групи інтересів у освіті, коаліції інтересів у освіті, роль держави в реформуванні освітньої системи.

Освіта є тією сферою життєдіяльності суспільства, до якої залучено всіх його членів без винятку, бажають вони того чи ні. Навіть не будучи учнями, викладачами або управлінцями сфери освіти, всі громадяни країни беруть участь як у формуванні освітніх ресурсів суспільства (через сплату податків), так і в розподілі результатів роботи системи освіти (отримуючи ту чи іншу частку суспільних благ). Тому для всіх членів суспільства, нехай різною мірою, доля освіти, звичайно ж, є небайдужою. А оскільки в даний час в Україні навряд чи кого-небудь, в принципі, може влаштувати стан справ у освіті, то, здавалося б, усі громадяни в тій чи іншій мірі мають активно намагатися розвивати і вдосконалювати національну освітню систему.

Утім, якщо спробувати провести аналогію з відомою формулою [2, с. 69–70; 3, с. 300], коли «верхи» (уряд) вже не можуть управляти по-старому, а «низи» (суспільство, населення) – не хочуть по-старому

жити, то сьогоднішню ситуацію в українській освіті навряд чи можна оцінити як переддень революційних змін. Хоча, дійсно, більшість членів суспільства, включаючи, природно, і безпосередньо акторів освіти (учнів і їхніх батьків, власників, педагогів і адміністрацію навчальних закладів, місцеві громади, роботодавців і спонсорів) явно «усвідомили неможливість жити по-старому і зажадали змін». Вони вельми скептично ставляться до подальших спроб реформувати існуючі порядки й тим більше аж ніяк не впевнені в доцільності своєї активної участі в ініціюванні цих змін.

Так само мало готова до активного реформування освіти й переважна частина функціонерів державного управлінського апарату освіти. У зв'язку з цим слід погодитися з К. Юдаєвою і Є. Ясіним, які відзначають: «та система інститутів, що склалася... обмежує жорсткими рамками діяльність усіх економічних агентів – і підприємців, і працівників, і представників держави. Система не налаштована на те, щоб дозволяти їм експериментувати й приймати на себе ризики, а також несприйнятлива до нововведень і технологічних інновацій» [9, с. 6–7].

Це аж ніяк не означає, що держава не докладає жодних зусиль до реформування освіти. Більш того, спроби реформувати освіту «зверху» не припиняються протягом усього періоду незалежного розвитку України. Однак усі вони виявляються неефективними, оскільки, по-перше, не мають під собою чіткого економічного обґрунтування, а, по-друге, не носять системного характеру. Не слід ігнорувати й той факт, що чимала частина чиновників від освіти, також відчуваючи на собі всю недосконалість існуючих порядків («не можуть господарювати й управляти, як раніше»). Швидше за все, налаштована переважно лише на імітацію практичних дій з реформування освіти, ніж на самі ці дії. Вельми переконливо про це свідчить «Національна стратегія розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки». Визначаючи завдання розвитку вищої освіти «для здійснення сталого розвитку і нового якісного прориву в національній системі освіти» цей документ одночасно (в одному й тому ж пункті) закликає забезпечити й «централізацію управління вищою освітою», і «розширення автономії вузів» [4]. Суперечливість цих завдань видається очевидною.

Виходячи з цього, та ситуація, яка нині склалася в галузі теоретичних досліджень освіти, включаючи такий її важливий аспект, як концептуальне обґрунтування напрямків і форм освітніх реформ, видається цілком закономірною. Вона є віддзеркаленням у теорії освіти поведінки її акторів у освітній практиці. Й, таким чином, на тлі тотальної критики стану вітчизняної освіти й повсюдних закликів до її невідкладного реформування майже відсутні дійсно позитивні міркування – такі, що не тільки несуть у собі критичний заряд, а до того ж містять у собі конкретні практичні пропозиції щодо поліпшення освіти.

У зв'язку з цим наша спроба вкотре звернутися до проблем реформування освіти в нашій країні видається як і раніше актуальною. З іншого боку, ця ж саме ситуація багато до чого й зобов'язує. Вона примушує поглянути на ці проблеми дійсно по-новому, не повторюючи в оновленій редакції ті добре відомі сентенції, які в теперішній час набули в нас характеру стандартного набору ідеалів розвитку освіти: компетентнісний підхід, безперервна освіта, інтеграція в єдиний європейський освітній простір...

Виходячи з цього, в даній статті, з позицій нової інституційної економічної теорії, ми звертаємося до дослідження тієї проблеми, яка в даний час ще не стала об'єктом економічних досліджень освіти ані у вітчизняній, ані в зарубіжній науці. А саме – спробуємо з'ясувати ту роль, яку в розвитку освітньої системи відіграють коаліції інтересів акторів освіти. Проаналізуємо їх вплив на поточний стан української системи освіти та перспективи подальшого розвитку. Спочатку ми визначимо той загальний зміст, який вкладається в поняття «коаліція інтересів», і охарактеризуємо роль коаліцій в реформуванні суспільних відносин в цілому. Потім, на основі цього, перейдемо власне до аналізу ролі коаліцій в реформуванні вітчизняної освіти.

Визначаючи загальні проблеми реформування суспільних відносин, більшість авторів дотримується наступних висновків:

– успіх розвитку будь-якої країни визначається, насамперед, якістю її інститутів. Стан інститутів впливає на динаміку розвитку країн навіть сильніше, ніж сама якість тієї політики, яку проводять їхні уряди;

– вибрати «правильні інститути» [5] для кожної конкретної країни є дуже складною проблемою. По-перше, ця складність визначається тим, що ті самі інститути в умовах різних країн (розвинених або країн, що розвиваються) по-різному працюють і призводять до різних результатів. Тому спроби запозичувати, імпортувати «чужі» інститути є безперспективними. По-друге, «правильні інститути» мають бути реально досяжними. Щоб ініціювати та домогтися необхідних інституційних змін, у суспільстві мають існувати необхідні стартові умови – мінімально прийнятний рівень інституційного та загальнокультурного розвитку країни;

– оскільки в більшості країн, що розвиваються (включаючи пострадянські), ці умови відсутні, то вирішення завдань інституційного розвитку пов'язане зі значними витратами, відбувається повільно й суперечливо і, в результаті, охоплює тривалий історичний період;

– до тих пір, поки якісні інститути ще не вдалося створити, країни, що розвиваються, мають прагнути до «більш-менш ефективного державного управління» (good enough governance) [5];

– найважливішу роль у реформуванні суспільства відіграють коаліції інтересів. Це – різні об'єднання (економічні, політичні, соціальні, релігійні, етнічні та ін.), які охоплюють як окремих акторів, так і їхні групи на основі того, що їхні інтереси є схожими за своїм змістом або у зв'язку з тим, що реалізація їх інтересів передбачає взаємну залежність. Головне завдання коаліції – відстоювання та забезпечення реалізації інтересів її членів через спільну участь акторів у різних формах економічної, політичної та інших видах громадської діяльності;

– поступовий перехід до «правильних демократичних інститутів» – це завдання державної влади. Вирішуючи його, органи влади мають створити своїм громадянам усі необхідні умови для вільного вираження та структуризації їх інтересів, об'єднання їх у різні громадські організації. Держава покликана створювати й підтримувати всі ті умови, які є необхідними для представництва, захисту й контролю громадян за дотриманням своїх інтересів.

Здається, зазначені характеристики повною мірою мають бути враховані і відносно до дослідження проблеми формування коаліції груп інтересів у системі освіти.

Необхідною умовою формування коаліцій в освіті є наявність такої ситуації, в якій реалізація економічних інтересів окремих акторів була б поставлена в залежність від реалізації інтересів кожного з інших її учасників. І, якщо ця умова виконується, то на її основі може бути створена така система економічних механізмів (своєрідних стримувань і противаг), що забезпечить кожному з членів коаліції прийнятний рівень реалізації його власних інтересів через компроміси і взаємні поступки з інтересами всіх інших учасників.

Перший з можливих напрямів формування коаліцій інтересів у освіті полягає в їх ініціюванні «зверху» – державою і лежить у загальній площині того підходу до реформування освіти, основою якого є посилення державного централізованого управління.

Другий – ґрунтується на ініціативі «знизу», надаючи кожному з акторів (роботодавцям і спонсорам освіти, педагогам і адміністрації навчальних закладів, учням, їх батькам та ін.) можливість знайти ефективні форми реалізації його власних інтересів у взаємодії з реалізацією інтересів його потенційних союзників у коаліції (включаючи й представників органів державного управління освітою).

І, хоча, ймовірно, існуюча в даний час емпірична база дослідження коаліцій в освіті ще не дозволяє повною мірою коректно зіставити між собою ці напрямки з точки зору їхньої ефективності, певні висновки можна зробити вже сьогодні.

Зіставимо, наприклад, діяльність російської *державної* групи компаній РОСНАНО [1; 6] та української *приватної* групи компаній Систем Кепітал Менеджмент (СКМ) [7].

Обидві вони почали реалізацію своїх освітніх проєктів у 2008 році і до теперішнього часу залучили до участі в цих проєктах у якості контрагентів і споживачів своїх послуг широке коло приватних осіб і організацій. Таким чином, судячи за формальними ознаками, обом компаніям, завдяки їхній ініціативі, вдалося сформувати коаліції інтересів практично всіх головних сторін системи освіти – учнів, колективи навчальних і науково-дослідних організацій, підприємців, співробітників органів державного управління освітою.

Разом з тим, життєздатність сформованих РОСНАНО і СКМ коаліцій, а, крім того, й загальна ефективність реалізованих компаніями

освітніх програм суттєво відрізняються. І зумовлено це, перш за все, саме тим, що в одному випадку і формування коаліції інтересів, і здійснення всієї освітньої діяльності в цілому організуються «зверху» – державою (РОСНАНО), а в іншому – «знизу» – підприємцями (СКМ).

Якщо спробувати дати узагальнену характеристику освітніх проектів РОСНАНО, то всі вони, зрештою, являють собою ті чи інші форми розподілу та перерозподілу ресурсів держави. Тобто, наділивши РОСНАНО всіма необхідними ресурсами, держава потім сама ж і сплачує використання цих ресурсів, викупуваючи продукти РОСНАНО через систему своїх держзамовлень.

Особливо виразно це виявляється у взаємовідносинах РОСНАНО з Міністерством освіти і науки Російської Федерації (Мінобрнауки). Для РОСНАНО Мінобрнауки водночас постає не тільки його головним «донором» (замовляючи в нього і сплачуючи практично за всі його освітні програми, професійні стандарти й багато ін.), а до того ж і його основним споживачем (викупуваючи в нього результати наукових досліджень і розробок). Унаслідок такого становища закономірно, що діяльність РОСНАНО є вкрай витратною і дуже малоефективною [8].

Освітні програми СКМ реалізуються інакше. Вони ґрунтуються не на ідеальних уявленнях держави (а, точніше, конкретних чиновників з держапарату) про те, яким вимогам має відповідати освітня підготовка, а на тих реальних професійних і кваліфікаційних вимогах, що пред'являють до своїх майбутніх співробітників роботодавці. Тому не випадково, що, виходячи зі своїх суто прагматичних інтересів, СКМ очолив роботу з розробки професійних стандартів саме для таких галузей, як металургія, енергетика й журналістика. Також закономірно, що в нього вистачило ресурсів для того, щоб залучити до створюваної ним коаліції всіх тих контрагентів, завдяки участі яких коаліція набуває необхідної життєздатності – представників провідних ВНЗ України, співробітників МОНмолодьспорту й Мінсоцполітики України, Конфедерації роботодавців України, ЗМІ. Такий порядок формування коаліції і її склад дають підстави сподіватися на те, що «паспорта професій» дійсно допоможуть усунути існуючий нині дисбаланс на

ринку праці між попитом і пропозицією фахівців, коли знання та навички випускників не відповідають вимогам роботодавців» [7].

Висновки. Досвід реформування суспільних відносин, накопичений в Україні та в інших пострадянських країнах, свідчить про те, що більшість реформ, які ініціюються та організовуються «зверху» – державою – є або неефективними, або нездійсненими.

Однією з головних умов успішного реформування національної освітньої системи є прояв ініціативи «знизу» і формування в країні коаліції інтересів основних акторів освіти на основі спільного попиту на професійні знання, навички й уміння, що є адекватними вимогам сучасного ринку праці.

Найбільш імовірним ядром формування коаліції інтересів на підтримку освітніх реформ у даний час в Україні є великий бізнес, який, з одного боку, є об'єктивно зацікавленим у розвитку й адаптації системи професійної підготовки до потреб власного розвитку, а, з іншого боку, має у своєму розпорядженні всі необхідні для створення коаліції економічні й політичні ресурси.

Список літератури

1. Концепция образовательной деятельности Фонда инфраструктурных и образовательных программ [Электронный ресурс] // ОАО «РОСНАНО». – 2012. – 2 окт. – Режим доступа: http://www.rusnano.com/upload/images/documents/ФИОП_Концепция_образовательной_деятельности_2012-08-08.pdf/. – Заглавие с экрана.
2. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 41. – С. 1–104.
3. Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 23. – С. 298–304.
4. Національна стратегія розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки [Електронний ресурс] // Сайт Міністерства освіти і науки, молоді та спорту України. – 2012. – 2 жов. – Режим доступу: <http://www.mon.gov.ua/images/files/news/12/05/4455.pdf/>. – Заголовок з екрану.
5. Норт Д. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр.

2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст ; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой. – М. : ИД Высш. шк. экономики, 2012. – 48 с.

6. Образование. Развитие кадрового потенциала [Электронный ресурс] / /ОАО «РОСНАНО». – 2012. – 2 окт. – Режим доступа: <http://www.rusnano.com/infrastructure/education#/standarts/>. – Заглавие с экрана.

7. Программа «Современное образование» [Электронный ресурс] // Группа компаний «Систем Кепитал Менеджмент». – 2012. – 2 окт. – Режим доступа: http://www.scm.com.ua/ru/sustainability/scm_social_projects/contemporary_education/. – Заглавие с экрана.

8. Светодиодная лампочка Чубайса: Государственные инноваторы делают ставку на бюджет Минобрнауки // Независимая газета. – 2011. – 22 авг.

9. Юдаева К. Стратегия–2050: справится ли Россия с вызовами глобализации? / К. Юдаева, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2008. – № 5. – С. 4–21.

УДК 316.74:37"731"

Т. В. Топчий

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Резюме

Статтю присвячено аналізу можливостей безперервної освіти у відповідях особистості й суспільства на виклики сучасності. Розглянуто сутність безперервної освіти, запропоновано авторську класифікацію її функцій. На основі аналізу літератури представлено систему викликів сучасності. Показано, як безперервна освіта може впливати на розгортання таких викликів як аксіологічний, посилення ролі свідомості, інтелектуалізації. Основними інструментами цього впливу розглянуто такі феномени як когнітивна соціалізація, формування сталої освітньої потреби, постійне оновлення знань. Зосереджено увагу на суспільному та індивідуальному вимірах безперервної освіти, які сприяють формуванню ефективних відповідей на виклики сучасності.

Summary

The article is devoted to the analysis of possibilities of continuous education in the answers of personality and society for the calls of contemporaneity. Essence of continuous education is considered, offered author classification of its functions. On the basis of analysis of literature the system of calls of contemporaneity is represented. It is shown, as continuous education can influence on development of such calls as axiological, strengthening of role of consciousness, intellectualization. The basic instruments of this influencing examine such phenomena as cognitive socialization, forming of permanent educational necessity, permanent update of knowledges. Concentrated attention on the public and individual measuring of continuous education, which are instrumental in forming of effective answers for the calls of contemporaneity.

Ключевые слова: непрерывное образование, вызовы современности, когнитивная социализация.

Современное общество практически во всех своих измерениях (и локальных, и глобальных) претерпевает ряд изменений, которые обладают свойствами инновационности, а значит, не имеют готовых схем решения проблем. Такие общественные состояния становятся

предметом анализа ученых, которые через новые теоретические конструкции не только осмысливают социальные процессы, но и движутся по пути поиска инструментов управления ими и преодоления возникающих препятствий.

Обобщенно такое состояние современного общества связывают с понятием вызова, который определяется как «система одновременного мощного кардинального изменения базовых параметров социального пространства, влекущая за собой трансформацию социальных отношений и качеств социальных акторов, общих представлений об успешных стратегиях и факторах их детерминации» [3, с.22].

Систематические попытки осмысления процессов, связанных с кардинальным изменением социального пространства в целом и формированием новых требований к социальным акторам в современных условиях, предпринимались с середины XX века. К тем, кто затрагивал эти проблемы в своих работах, можно отнести Д. Белла, П. Друкера, Э. Гидденса, К. Субири, П. Штомпку, А. Поланьи, И. Валлерстайна, А. Мартинелли и др. В отечественной науке эти вопросы изучают И. Попова, Е. Головаха, О. Куценко, С. Макеев, Е. Михайлева, В. Тарасенко и др. Тем не менее, вопросы эффективных механизмов и стратегий в условиях вызова современности, в том числе и роли образования в этих процессах, сегодня находятся за рамками подавляющего числа имеющихся научных разработок. Именно этот факт, а также актуализация роли непрерывного образования определили цель нашей статьи – сформулировать возможные стратегические варианты влияния непрерывного образования на вызовы современности.

По мнению современных авторов, современный вызов имеет множество проявлений, и в нем можно выделить несколько базовых составляющих, каждая из которых несет функциональную нагрузку и непосредственным образом детерминирует специфику социального пространства и социальных субъектов. По своей сути это отдельные вызовы, под влиянием которых формируется новая матрица социальной реальности. Например, исследователи говорят об аксиологическом вызове, пространственном, национально-государственном, усилении роли сознания, идентичности, интеллектуализации,

структурації, технологічному інвайроментальному, демографічному, ресурсному, кліматичному і др. [3; 4]. При цьому, на наш взгляд, для аналізу можливих сценаріїв їх подолання (або відповідей на них) важливим є звернення до сфери освіти і концепції неперервного освіти як однієї з провідних освітніх парадигм сучасності. Вже «перед глобальними викликами сучасності, в умовах жорстких ресурсних, екологічних і демографічних обмежень, все більше значення набувають людські здібності, дарування і якості. Це означає, що нове століття по суті буде віком освіти, так як освіта призначено забезпечити виробництво людини як соціального істоти, духовної, мислячої і відповідальної особистості. Достиження цієї мети передбачає виробництво освітньої діяльності на нових основах з використанням нових педагогічних засобів. Виникає потреба в новому баченні освітніх практик, при якому подолається їх закритість в старих інституціонізованих рамках» [1].

Для досягнення поставленої нами мети необхідно звернення до сутності неперервного освіти, без якої неможливо вирішити задачу вивчення її впливу на виклики сучасності.

В науковій літературі поняття «освіта на протязі всієї життя» і «навчання на протязі всієї життя» частіше за все трактується як тотожні. Зустрічається і розуміння, в відповідності з яким навчання на протязі всієї життя виступає попереднім умовою для реалізації освіти на протязі всієї життя. В межах ще однієї позиції категорію «неперервне освіта» складають такі поняття, як «освіта на протязі всієї життя» і «навчання на протязі всієї життя», які розкривають послідовність і взаємозв'язок всіх освітніх і навчальних етапів на протязі всієї життя людини.

Виходячи з того, що поняття «освіта» є більш широким, ніж «навчання», ми вважаємо, що поняття «освіта на протязі всієї життя» і «неперервне освіта» – тотожними. В результаті, ми можемо визначити неперервне освіта

как систему стационарных форм дошкольного, среднего, высшего, последиplomного образования и самообразования, которая институционализирована благодаря когнитивным потребностям и образовательным ценностям людей¹, а также развитой образовательной инфраструктуре.

При этом важно осознавать, что непрерывное образование выполняет ряд функций, эффективность выполнения которых является индикатором возможности непрерывного образования влиять на вызовы современности. К таким функциям мы относим: функцию развития духовной жизни общества; профессионально-экономическую функцию; функцию обеспечения научно-технического и культурного прогресса общества; функцию приумножения интеллектуального потенциала нации; функцию демократизации общественных отношений; функцию социальной интеграции; гражданскую функцию; эгалитарную функцию; функцию социальной мобильности; социализирующую (ресоциализирующую) функцию; гуманитарную функцию; функцию развития социальной субъектности личности.

Такой перечень функций непрерывного образования не является иерархичным, все перечисленные функции общественно значимы, имеют одинаковую социальную и индивидуальную значимость.

Среди перечисленных выше функций можно выделить четыре группы, которые направлены на поддержание и развитие тех или иных сфер и, соответственно, непосредственно связаны с ответами на вызовы современности: 1) духовной сферы жизнедеятельности общества; 2) экономической сферы; 3) гражданского общества; 4) личностной сферы.

Итак, каким же образом непрерывное образование имеет возможность отвечать на вызовы современности? Для ответа на этот вопрос остановимся на некоторых векторах цивилизационного вызова.

Первый вектор *аксиологический вызов*. Как отмечают отечественные авторы, «это вызов, связанный с трансформацией ценностных

¹ Стационарными формами образования мы называем обучение людей в специально созданных для этого образовательных структурах. При этом форма обучения может быть разной: дневной, заочной, вечерней, дистанционной и др.

оснований бытия. Динамичность и разнообразие, сочетающиеся с возможностью выбора посредством открытости мирового сообщества и развитости средств массовой коммуникации, значительно подрывают традиционные ценностные основания жизнедеятельности социальных субъектов. В таких условиях не столько инновации, сколько традиции зачастую вынуждены доказывать право на свою действенность в современном мире» [3, с. 22–23].

Трудно не согласиться, что в таких условиях размытость ценностных систем социальных субъектов становится вызовом для общества и для личности.

Аксиологический вызов, аксиологический конфликт человеческого существования в современном мире порожден самим человеком, и борьба ценностных оснований бытия связана как с противоречиями в социальном пространстве, так и противоречиями внутри личности.

В этом контексте межличностное взаимодействие, взаимодействие социальных субъектов подчиняется цели сохранения целостности социума и целостности человека. И именно такой подход соответствует сущности и главному предназначению непрерывного образования.

Следуя данной логике, мы считаем, что процесс интериоризации индивидом когнитивных ценностей, формирования устойчивой потребности в образовании может быть назван когнитивной социализацией личности. Главными субъектами этого процесса, как составляющего непрерывного образования, выступают семья, образовательные заведения, ближайшее окружение, СМИ и др. В силу этого, возможности влияния непрерывного образования на аксиологический вызов в сторону его минимизации достаточно велики.

Еще один вектор вызова современности, с которым непрерывное образование вступает в непосредственное взаимодействие – **усиление роли сознания**. Он «стал ответом на технократизм индустриального общества» [3, с. 29]. Вхождение общества в эпоху постмодерна стимулировало не только изменения в производстве, культуре, социальных взаимоотношениях, но и необходимость их осмысления, а также формирование готовности личности и общества к существованию в новых социальных условиях. Этот вызов находит свое

проявление прежде всего в том, что «как вообще возросла доля «организованных» не стихийных связей в структуре общества, так выросла и роль сознания...» [2, с. 284]. Осмысление, понимание, интерпретация становятся одними из ведущих функций человеческого мышления, особенно в условиях изменяющегося образа мира.

Безусловно, такая ситуация приводит к активизации развития науки и образования, которые становятся возможными лишь в том случае, когда у человека сформирована устойчивая потребность в образовании, восприятие ее как важной жизненной ценности, что определяет установку на непрерывность образования. Следует отметить, что именно устойчивость образовательной потребности обеспечивает готовность личности использовать образование постоянно, а значит и на уровне сознания искать эффективные средства в процессе усиления роли сознания, в том числе и противодействия манипуляциям с ним.

Нельзя обойти вниманием и такой вектор вызова современности, который непосредственно может находиться под влиянием непрерывного образования, как *интеллектуализация*. В его рамках «ведущие параметры социального успеха непосредственно коррелируют не только с производством, но и с широким потреблением интеллектуальных продуктов. Функционирование социальных субъектов объективно наполнено параметрами все возрастающего интеллектуального уровня развития социума. Интеллектуализация стала атрибутом современной жизни, что дает, с одной стороны, огромные преимущества в движении вперед по пути прогресса, а с другой – порождает противоречие-разрыв между теми социальными субъектами, которые способны включиться в активные интеллектуальные потоки, и теми, кто в силу объективных или субъективных причин остается вне этих потоков» [3, с. 31–32].

Именно в таких условиях становятся актуальными функции непрерывного образования, стимулирующие постоянное обновление знаний людьми. При этом, при всей значимости общественного измерения непрерывного образования именно это дает ему возможность безболезненно «вписываться» в динамично изменяющееся общество.

Таким образом, на наш взгляд, сегодня функционирует целая система вызовов, с которыми сталкиваются общество и личность. При этом, «нам нужно срочно находить ответы на эти основные вызовы с позиций прагматичного, своего подхода, чтобы остаться притягательными людьми. А сегодня наша притягательность не вызывает сомнений. Нам по-прежнему предлагают взять заботы и ответственность за решение каких-то мировых проблем на себя» [4].

Роль непрерывного образования видится при этом незаменимой как на общественном, так и на индивидуальном уровне.

Список литературы

1. Глазачев С. Н. Глобальные вызовы современности и миссия образования [Электронный ресурс] / С. Н. Глазачев. – Режим доступа: <http://www.ecogeo.info/publications/8>
2. Мамардашвили М. Интеллигенция в современном обществе / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М. : Прогресс, Культура, 1992. – С. 283–290.
3. Михайлева Е. Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений / Е. Г. Михайлева. – Харьков : Изд-во НУА, 2007. – 576 с.
4. Плигин В. Вызовы современности [Электронный ресурс] / В. Плигин. – Режим доступа: <http://actualcomment.ru/daycomment/611/>
5. Цивилизация: Вызовы современности : сб. статей / под ред. М. С. Уварова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 296 с.

УДК 316.324.8

*Е. А. Подольская***ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ,
СУЩНОСТЬ И ЦЕЛИ****Резюме**

У статті розкрито суть і цілі гуманітарних технологій. Гуманітарну технологію розглянуто як чітко відпрацьовану за операціями сукупність послідовно вживаних процедур, прийомів, методів дії, способів діяльності, направлених на найбільш оптимальну й ефективну реалізацію поставлених цілей і завдань у певній соціальній, політичній або культурній ситуації. Гуманітарні технології є діями (дослідницькі, аналітичні, інформаційні, організаційні), в яких присутній алгоритм їх виконання і оцінки.

На основі методологічного потенціалу неоінституціоналізму, синергетики й постмодернізму сформульовано основні принципи управління гуманітарними системами, які можуть виступати як методологічні орієнтири для гуманітарних технологів.

Виявлено основні характеристики сучасної освіти і його функції. Описано особливості інтерпретації функцій освіти й прогнозування їх наслідків для соціальної практики.

Виявлено функції сучасної освіти й основні канали взаємодії освіти з суспільством. Співвіднесені ідеали суспільства й реальний стан системи освіти в Україні. Охарактеризовано реформи вітчизняної освіти, визначено пріоритетні напрямки освітньої політики.

Summary

The article reveals the essence and objectives of humanitarian technologies. Humanitarian technologies are considered as a well proven stepwise range of sequentially applied procedures, modes, influence techniques and work methods aimed at the most optimal and efficient achievement of targets and objectives in a certain social, political and cultural context. Humanitarian technologies are activities (research, analytical, information, organizational) with the embedded algorithm of their performance and assessment.

The basic humanitarian technologies control strategies that can serve as methodological guidelines for humanitarian technologists have been formulated on the basis of neoinstitutionalism, synergy and post-modernism.

Basic characteristics of modern education and its functions are detected. Peculiarities of interpretation of functions of education and predictions of its consequences for social practice are described.

Functions of modern education and basic channels of cooperation of education with the society are detected. Ideals of the society and real state of system of education in Ukraine are compared. Reforms of education of the country are characterized and priority directions of educational policy are detected.

Ключевые слова: гуманитарная технология, гуманитарная образованность, манипулятивная стратегия, неинституционализм, синергетика, ситуация постмодернизма.

Научно-технологическое развитие последних десятилетий все в большей мере концентрируется вокруг человека – как в плане расширения человеческих возможностей, так и в силу того, что человек все чаще оказывается критическим звеном многих технологических процессов, а также подвергается опасностям, порождаемым самими же новыми технологиями, которые порой несут угрозу не только его физическому и психическому существованию, но и ставят под вопрос саму его идентичность. В связи с этим особую *актуальность* приобретает проблема выяснения сущности гуманитарной политики и ее функционального призвания.

К сожалению, сегодня в научной сфере и в среде технологгов-практиков отсутствует четкое понимание того, что такое «гуманитарные технологии»: их определения либо слишком размыты, либо неоправданно сужены до подвида избирательной технологии или ограниченного набора методов обучения; не описано их отличие, например, от вполне привычных социальных технологий, от манипулятивных стратегий.

Под манипулятивными стратегиями, как правило, понимают набор или комплекс технологий, направленных на манипулирование человеческим поведением для достижения конкретных политических или экономических целей [3]. В качестве инструмента манипулятивных стратегий чаще всего выступают масс-медиа, позволяющие решить самые масштабные задачи. Большинство исследователей отмечают театральность политики и общества эпохи постмодерна как следствие доминирования манипулятивных стратегий, виртуализи-

рующих политическое и социальное пространство, и сводящих на нет ценность реальной коммуникации. Современное общество они воспринимают как общество спектакля, в котором истина, подлинность и реальность больше не существуют, а вместо них господствует шоу-политика и шоу-правосудие [1; 3].

Нам представляется, что в отличие от манипулятивных стратегий, гуманитарные направлены прежде всего на развитие «живой», непосредственной коммуникации. Пространством их реализации всегда выступает публичная сфера.

Социальная технология представляет собой оперативное и стандартное средство деятельности социолога – практика в сфере управления. Отличительным свойством социальных технологий является их оперативность и стандартный набор процедур. Гуманитарные технологии, напротив, имеют стратегический характер, то есть направлены на решение проблем в долгосрочной перспективе. Они, как правило, эксклюзивны, то есть разрабатываются под конкретный проблемный блок или проект. Мы согласны с мнением А. Курочкина, который определяет гуманитарные технологии как комплекс методов управления социогуманитарными системами, которые обладают следующими характеристиками: публичной сферой применения, ориентацией на будущее (стратегический характер), эксклюзивностью и оптимистичностью [3].

Гуманитарная технология представляет собой четко отработанную по операциям совокупность последовательно применяемых процедур, приемов, методов воздействия, способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию поставленных целей и задач в определенной социальной, политической или культурной ситуации.

Гуманитарные технологии подразделяются на управленческо-гуманитарные (человековедческие), педагогические и психологические. Воспринимая гуманитарные технологии как технологии работы с нормами и ценностями людей, мы вкладываем в них следующий смысл:

– управление поведением, поскольку гуманитарные технологии – это технологии создания, изменения и обработки рамок и правил поведения людей;

– технологии производства, упаковки и внедрения смыслов;
– управление развитием: поскольку гуманитарные технологии ориентированы на создание условий для развития человеческой личности, то мы рассматриваем их как способы совершенствования моральных норм, развития интеллектуального потенциала и физического состояния человека.

Гуманитарные технологии – это по сути технологии, использующие общественные науки или способы воздействия на человеческое общество. Социогуманитарные знания призваны стать научным компасом, который указывает азимут социального развития. Поэтому важно актуализировать конструктивно-созидательный потенциал гуманитарных наук, повышать *гуманитарную образованность* населения. Гуманитарная образованность выполняет в современном обществе целый комплекс социально значимых функций, а именно: 1) способствует большей открытости людей, помогает преодолеть разобщенность людей, которая ведет к крайне негативным последствиям; 2) формирует нравственность и толерантное отношение к разным мнениям, за исключением расистских, фашистских и др.; 3) активизирует деятельность интеллекта; облегчает освоение любой профессии, особенно для тех профессионалов, деятельность которых включает функции общения и управления людьми; 4) является основой духовности людей, которая характеризуется внутренней культурой, возвышенностью мыслей, желаний, благородной мотивацией поступков.

Гуманитарное знание способно выполнять конструктивную функцию, поскольку описывает возможности развития человека и выступает своеобразным «ключом» к технологиям. Поскольку социальные явления слабо опредмечены, то их познание не может опираться только на мыследеятельность, а углубляется и расширяется за счет знаний, получаемых через практическую деятельность и коммуникации. Именно этим объясняется актуализация процессуального, технологического описания явлений. Как отмечает В. И. Подшивалкина, «технологический взгляд на мир социальных отношений предполагает алгоритмизированное видение окружающего, ориентацию на решение проблем, направленность на настоящее

и будущее состояния, на заданную, но не всегда осознаваемую последовательность действий, имеющую собственную внутреннюю логику и пространственно-временной горизонт» [4, с. 14–15].

Построение гуманитарных технологий требует некоторых научных оснований, выбора или разработки своей собственной методологии. Изучение ряда концепций, описывающих феномен гуманитарных технологий, позволяет нам в качестве теоретического основания гуманитарных технологий предложить два современных теоретических подхода: синергетику и новый институционализм. Кроме того, важно описать ситуацию постмодернизма в науке, культуре, во всех сферах жизни общества, без чего невозможно адекватно оценивать реальные социальные процессы, разрабатывать современные гуманитарные технологии и создавать условия для их успешной реализации.

Среди основных характеристик, определяющих применимость *нового институционализма* в качестве методологического основания построения гуманитарных технологий, мы выделяем следующие: во-первых, отказ от принципа равновесия (по Парето) и допущение существования множества точек равновесия, не обязательно совпадающих с точками оптимума; согласно Парето, равновесия может не существовать вообще; во-вторых, признание ограниченной рациональности индивидов, отказ от постулата оптимизации, лежащего в основе поведения Homo Economicus; отказ от тезиса о стабильных субъективных предпочтениях индивидов [3].

Синергетическая методология включает специфическую концепцию общественного развития, построенную на: актуализации процессов самоорганизации; отрицании линейного развития общества и, соответственно, поступательного исторического процесса; признании множественности альтернатив общественного развития объективной закономерностью; рассмотрении процесса исторического развития общественных систем по аналогии с эволюцией сложных физикохимических систем, которые отличаются только степенью их сложности, упорядоченности и структуризации; отказе от практики простого переноса опыта прошлого в настоящее в управленческой деятельности как на микроуровне организации, так и на макроуровне государства.

Современному гуманитарному технологю необходимо иметь четкое представление о «*ситуации постмодерна*», охарактеризовать ее онтологические, гносеологические, историко-культурные и эстетические параметры, среди которых: отклонение от установки на насильственное преобразование, перевод из «неразумного» состояния в «разумное»; отказ от попыток систематизации и классификации предметов и явлений; отрицание способности науки давать объективное, достоверное знание, открывать закономерности и причинные связи, выявлять тенденции; признание невозможности зафиксировать наличие жестких, самозамкнутых систем в экономике, политике и культуре; скептическое отношение к человеку как субъекту деятельности и познания, отрицание антропоцентризма и гуманизма; театрализация; неофагалистическое мировоззрение, поскольку человек не чувствует себя хозяином своей судьбы; нигилизм, цинизм.

Следовательно, опираясь на такие теоретические подходы, как синергетика и новый институционализм, а также учитывая ситуацию постмодернизма, мы предлагаем управление сложноорганизованными гуманитарными системами выстраивать на основе следующих принципов:

- 1) отказ от искусственного навязывания направлений развития сложноорганизованных систем;
- 2) зависимость эффективности управленческой деятельности не от количества затраченных ресурсов, а от качественного распределения управленческого воздействия;
- 3) учет максимального количества потенциальных сценариев развития и моделей сложноорганизованных систем;
- 4) включение механизмов положительной обратной связи, приводящих к так называемым режимам с обострением, что способствует ускоренному качественному росту системы.

Перечисленные принципы мы рассматриваем как методологические ориентиры для гуманитарных технологгов.

Таким образом, гуманитарные технологии представляют собой действия (исследовательские, аналитические, информационные, организационные), в которых присутствует алгоритм их выполнения и оценки. В современном мире гуманитарные технологии вышли на

постановку широкого круга антропологических, культуротехнических и социотехнических задач, став одной из сфер приложения реальной гуманитарной политики.

Список литературы

1. Бодріяр Ж. Символічний обмін і смерть / Ж. Бодріяр ; пер. з фр. Л. Кононовича. – Львів : Кальварія, 2004. – 376 с.
2. Всемирный доклад ЮНЕСКО 2005 года. К обществам знания : пер. с англ. – М., 2005. – 235 с.
3. Курочкин А. Гуманитарные технологии: проблема выбора методологических оснований [Электронный ресурс] / Александр Курочкин. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru>labratory/expertize/2006/725>.
4. Подшивалкина В. И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики / В. И. Подшивалкина. – Кишинев, 1997. – 352 с.

УДК 378.09:37(477)

*К. Г. Михайльова, О. І. Назарко***ЯКІСТЬ ПІДГОТОВКИ ФАХІВЦЯ В СУЧАСНОМУ
ПЕДАГОГІЧНОМУ ВИЩОМУ НАВЧАЛЬНОМУ
ЗАКЛАДІ: КЕЙС УКРАЇНИ****Резюме**

Статья посвящена рассмотрению основных критериев и показателей качества подготовки в педагогических вузах в Украине. Такая постановка проблемы определяется необходимостью решения вопроса повышения качества образования в целом. Система показателей приведена в теоретическом и эмпирическом измерении. В эмпирическом аспекте представлен анализ таких показателей, как готовность будущего учителя к профессиональной деятельности; привлекательность специальности до поступления в вуз и накануне его окончания; сформированность системы ценностей и ценностных ориентаций профессионального характера; уровень теоретической и практической подготовки; развитость компетенций профессионального и личностного характера (умение пополнять свои знания, устанавливать необходимые контакты, работать в команде и др.). Определены основные приоритетные направления изменений для высшего педагогического образования, выделенные на трех уровнях: международный, государственный и уровень вуза.

Summary

The article deals with the main training quality criteria and indicators in teacher training tertiary institutions in Ukraine. The above problem statement has been brought about by the necessity of addressing the issue of enhancing the quality of education in general. The system of parameters is given in theoretical and empirical perspective. The analysis of such parameters as the future teachers qualification for professional activities; the appeal of the job before entering a tertiary institution and on the threshold of graduation; maturity of personal values and professional value guidelines; the level of theoretical and practical training; maturity of professional and personal competences (knowledge renewal, contact establishment, teamwork skills, etc.) are given in an empirical format. The major priority turns for teacher training tertiary education have been outlined at three levels: international, state and institutional.

Ключові слова: вища освіта, якість підготовки у ВНЗ, якість навчання.

Забезпечення високого рівня вищої освіти – один з освітніх пріоритетів модернізації системи освіти України. Сучасні потреби ринку праці у висококваліфікованих фахівцях висувають певні вимоги до їх підготовки. Великим попитом користуються фахівці, які володіють гнучким мисленням, високим професійним рівнем, творчим потенціалом. Особливо значущими стають компетенції, яких набувають студенти у вищих навчальних закладах, бо саме їх набір та ступінь розвиненості визначають успішність кар'єрного старту та подальшого професійного руху тощо.

Результативність виконання цього кола завдань визначається сьогодні узагальненим поняттям «якість освіти», забезпечення якого стає актуальним завданням сучасної освіти.

Особливе місце в системі вищої освіти посідає її педагогічний сектор. Саме в його рамках здійснюється не просто підготовка професіоналів, а й тих, хто нестиме цінності та знання іншим, формуватиме світосприйняття та соціальні орієнтири у майбутньому. І роль ВНЗ у підготовці таких фахівців постає вирішальною.

Поряд з цим у студентів педагогічних ВНЗ складається і стихійний досвід соціальної взаємодії. Він може бути далекий від норм ділового спілкування, які необхідні для пошуку роботи, представлення себе роботодавцю, вміння захищати себе в умовах безробіття. Тож є необхідність включати у підготовку майбутнього педагога у стінах навчального закладу, крім професійної складової, вектори розвитку навичок спілкування і взаємодії з людьми різного соціального статусу, політичних поглядів і віросповідання. «Підготовка майбутнього педагога повинна містити соціально-економічний компонент, включати політичну грамотність, нормативно-правову підготовку та підготовленість у сфері ділового етикету» [4, с. 18].

У зв'язку з цим на професорсько-викладацький склад ВНЗ покладаються відповідальні завдання – формування фахівців, які володіють необхідними знаннями, уміннями і навичками, компетенціями, високою загальною, інформаційною і професійною культурою; розвиток творчих здібностей студентів; допомога їм у підготовці до активного життя.

У психолого-педагогічній науці в даний час інтенсивно розробляються нові концепції педагогічної освіти, будується нова практика підготовки педагогів-професіоналів. Ці концепції об'єднує науково обґрунтована необхідність перетворення студента з об'єкта педагогічних дій в суб'єкта освіти. Процес особистісно-орієнтованої освіти передбачає участь того, хто навчається, у визначенні цілей і змісту освіти. Міра і характер цієї участі задаються вимогами особистості студента та його індивідуальністю. Отже, особистісно-орієнтований освітній процес будується на гармонії вимог освітнього стандарту і саморозвитку особи «вихованця». У зміст освіти включаються емоційно-ціннісні, особистісні елементи, які властиві самому процесу навчання, педагогічному спілкуванню тощо.

У вітчизняній науковій літературі останніх років до проблеми підготовки сучасного вчителя звертались такі вчені, як В. Андрущенко, С. Гончаренко, Л. Губерський, М. Євтух, В. Журавський, І. Зязюн, В. Кремень, І. Надольний, Л. Покроєва, О. Савченко, О. Сердюк, І. Табачек та інші.

Як демонструють роботи цих та інших авторів, одним із критеріїв якості підготовки у педагогічному ВНЗ може бути готовність студента до виконання професійних функцій. На думку дослідників, основою професійно-особистісної готовності вчителя до освоєння професійної діяльності є професійна компетентність. Відповідно до цього розвиток компетентності і професійно-значущих особистісних якостей визначається як можлива стратегія формування готовності вчителя до педагогічної діяльності.

В аспекті досліджуваної проблеми з використанням професійно графічного методу Валєєвою І. складено модель готовності вчителя до професійної діяльності, виявлено й обґрунтовано структуру та зміст компонентів моделі особистості вчителя [3]. Така модель може бути використана частково для оцінки якості підготовки майбутніх педагогів у ВНЗ. Відповідно до неї критерієм для оцінки якості підготовки педагогічних кадрів для школи може бути сформованість професійної компетенції у молодого вчителя, яка складається з декількох компонентів. Саме такі компоненти можуть бути індикаторами готовності педагога до професійної діяльності. Виходячи з особливостей

досліджуваного нами процесу, принципово важливі для нас такі компоненти: ціннісний, світоглядний, психосоматичний, загальнопрофесійний, автодидактичний.

Для успішного здійснення своєї діяльності вчителю треба бути упевненим в її необхідності, усвідомлювати важливість і суспільну значущість її проведення, а також самому володіти рядом якостей, наявність яких дозволяє ефективно впливати на учнів, тобто має бути сформована установка на проведення цієї роботи в школі, спрямованість вчителя на багатовекторну діяльність. Важливою складовою професійної підготовки є наявність мотивації та цільових установок. Досвід та практика навчання у ВНЗ свідчать про те, що формування системи професійних знань, умінь і навичок сповільнюється, якщо студент слабо знається на завданнях майбутньої професії, не виявляє до неї інтересу. І навпаки, якщо майбутній вчитель правильно оцінив значення обраної професії, його пізнавальна активність детермінована відчуттям відповідальності за свою професійну підготовку, формування його як фахівця йде швидше та ефективніше.

Відповідно до зазначеного кола питань, доцільним буде вивчення якості підготовки фахівців у сучасному педагогічному ВНЗ України.

Враховуючи показники якісної підготовки у педагогічному ВНЗ, нами було здійснено їх емпіричний вимір. Як показало наше дослідження¹, якщо перед вступом до ВНЗ педагогічна спеціальність була привабливою тією чи іншою мірою для 90,1% абітурієнтів, то на момент опитування вона залишилася такою для 80,3% студентів.

В аспекті досліджуваної проблеми принципово важливим є ціннісний компонент готовності вчителя до професійної діяльності, який передбачає: етичні позиції особи педагога, прояви цих позицій у педагогічній діяльності; позитивне ставлення до педагогічної діяльності в цілому і до її об'єктів (суб'єктів). Одними з важливих рис до портрету майбутнього вчителя є позитивні установки, соціальна цілеспрямованість, етичне виховання.

¹ Авторське дослідження «Якість освіти як пріоритет сучасного суспільства»: опитування представників педагогічної спільноти Харківщини: вчителів, керівників шкіл, студентів педагогічних ВНЗ та працівників системи підвищення кваліфікації вчителів (2009 р., n=684).

Як продемонструвало дослідження «Студент ХХІ століття»², за власними оцінками, студенти педагогічних ВНЗ мають у цілому сформовану ціннісну систему, але в її рамках є проблемні елементи, які потребують уваги ВНЗ. Так, на достатньому рівні в сучасних студентів – майбутніх педагогів, сформовані потреби, мотиви, ідеали (57,7%), ціннісні орієнтації (40,6%), соціальне самопочуття (50,6%). Але при цьому 63,1% вважають незадовільним рівень їх моральної свідомості й поведінки, 56,6% – рівень громадянської та політичної свідомості й поведінки, 54,1% – рівень правосвідомості студентів, 48,4% – рівень культури, форм і засобів культурного самоствердження.

Таким чином, відповідно до першого критерію, можна стверджувати, що в секторі сучасної української вищої школи, яка готує майбутніх педагогів, він розвинутий на середньому рівні: при збереженні прихильності своїй майбутній професії є слабкі місця в елементах свідомості майбутніх педагогів.

Характеризуючи другий критерій готовності майбутнього вчителя до професійної діяльності, слід звернути увагу, що світоглядний компонент є важливою складовою підготовки педагогічних кадрів.

За результатами нашого дослідження, на думку майбутніх педагогів, навчання у ВНЗ значною мірою дозволило сформувані життєві орієнтири, моральні зразки поведінки (68,2%), покращило розуміння внутрішніх національних проблем (50,9%) та глобальних проблем (60,5%).

Однією з важливих компетенцій майбутнього педагога є сформованість інформаційних характеристик. Опитування студентів України виявило, що 54,1% майбутніх педагогів отримали у ВНЗ навички володіння комп'ютером.

Не менш важливою для молодого фахівця є готовність до інноваційної діяльності. Дані наших соціологічних досліджень доводять, що

² Дослідження «Студент ХХІ століття»: опитування студентів ВНЗ України III–IV рівнів акредитації (2009 р., n=2775 (вибірка репрезентативна за типами навчальних закладів, напрямками підготовки й курсу навчання), n1=429 (студенти педагогічних ВНЗ)), проведено Народною українською академією за участю авторів.

педагогічний ВНЗ сприяє розвитку навичок аналітичного мислення (на думку 79,0% студентів); 82,9% вважають, що рівень їх аналітичних здібностей за період навчання у ВНЗ покращився. Аналогічна тенденція характерна і для критичного мислення: 74,0% майбутніх педагогів вважає, що воно покращилось за період їх перебування у ВНЗ.

Щодо другого критерію – світоглядного, можна зробити висновок, що він демонструє досить високий рівень сформованих якостей студентів, що відповідно свідчить про якість підготовки в сучасному педагогічному ВНЗ.

Розглядаючи третій – психосоматичний – компонент готовності до поліпрофесійної діяльності вчителя, слід зазначити такі його вагомні характеристики: впроваджувати, пропагувати здоров'язберігаючі технології, прагнення, потреба і здатність підтримувати власне фізичне і психічне здоров'я; формувати та втілювати знання про підтримку працездатності в швидкозмінних умовах життя; готовність до продовження освіти у сфері здоров'я; готовність до використання інноваційних технологій здорового способу життя.

Однією з найголовніших і найважливіших функцій педагога, який є виконавцем соціального замовлення суспільства, є формування особистості. У сучасних умовах, коли гостро постає питання про відповідальність людини за якість і результати здійснюваної нею діяльності, об'єктивно зростають вимоги до індивідуальності підростаючого покоління. Також учитель особливу увагу повинен приділяти вихованню в учнів відповідального ставлення до головної складової їхньої праці – процесу навчання. За таких умов учитель повинен володіти певним обсягом науково-методичних, суспільно-політичних, психолого-педагогічних знань, необхідних для забезпечення професійної діяльності в освітній сфері. Система знань, умінь, навичок педагога потребує високого рівня усвідомлення, аналізу та узагальнення творчих напрацювань. Це дає змогу забезпечити науково обґрунтоване впровадження педагогічних теорій та широке використання їх у різноманітних педагогічних ситуаціях, що є однією з умов ефективності професійної підготовки вчителя.

Наші дослідження демонструють, що самі студенти педагогічних

спеціальностей вважають, що отримують високий рівень загально-теоретичної підготовки (92,2%), спеціальної підготовки (83,5%), знання суміжних наук та уміння їх використовувати (73,9%).

Безперечно, що запас знань не завжди визначає рівень педагогічної майстерності молодого педагога. Необхідно визнати, що тільки сума знань не дає змоги судити про професійну готовність майбутнього педагога до діяльності. Одним з основних показників підготовленості до роботи є «дійова» сторона, рівень володіння вміннями, навичками та, найголовніше, ставлення до професійної діяльності. Залежно від видів багатовекторної педагогічної діяльності у педагога мають бути сформовані різнобічні вміння, що мають специфічну, спеціалізовану спрямованість.

Виходячи з моніторингових досліджень функціонування загальної середньої освіти в сучасній Україні, проаналізувавши існуючі дослідження та ознайомившись з практикою роботи сучасних шкіл, можна виділити загальнопрофесійний компонент готовності до професійної діяльності педагога.

За даними наших досліджень, студенти педагогічного ВНЗ відчувають, що він розвиває їх загальнокультурну ерудицію (84,4%); навички спілкування та встановлення контактів (86,9%). Це дає можливість сподіватися, що такі компетенції будуть використані у професійній діяльності.

Отже, можна стверджувати, що, за оцінками студентів, якість загально-професійного компонента підготовки у педагогічному ВНЗ є досить високою.

Як зазначає Валеева І. А., дієвим засобом удосконалення професійно-педагогічної підготовки вчителя є його систематична самовиховна робота. Виходячи з цього положення, вчена виокремлює автодидактичний компонент готовності, що включає: потребу у вдосконаленні особистісних характеристик і професійних якостей; потребу і здатність до самоосвіти і саморозвитку; готовність до науково-дослідної діяльності; здатність до рефлексії, самоконтролю і корекції процесу і результату педагогічної діяльності [3].

Наші дослідження продемонстрували, що 82,2% студентів – майбутніх педагогів вважають, що вони набули у ВНЗ навички

самостійно поповнювати свої знання. Соціологічні дослідження свідчать, що навички науково-дослідної діяльності, уміння працювати у команді також активно розвиваються у студентів протягом їх навчання у ВНЗ (відповідно це зазначають 72,3% та 62,4% студентів). За нашими даними, 74% студентів вважають, що ВНЗ дав їм навички проведення досліджень та опрацювання літератури.

Таким чином, розглянуті показники якості підготовки фахівця в педагогічному ВНЗ визначають необхідність створення умов для їх досягнення. Враховуючи це, можна виокремлювати кілька рівнів, відповідно до яких ВНЗ має створювати умови для досягнення високого рівня показників. Їх виокремлення зумовлено, з одного боку, тим, що якісна підготовка за означеними критеріями сприятиме підвищенню освітнього потенціалу педагогів, а відповідно і якості української освіти. А з іншого, Україна активно інтегрується у світовий, зокрема, європейський простір, що висуває певні умови до освітньої підготовки вчителів.

Перший рівень – міжнародний. У «Всесвітній декларації про вищу освіту для XXI століття», яку прийнято Всесвітньою конференцією з вищої освіти у Парижі у жовтні 1998 році, підкреслюється, що якість освіти – поняття багатовимірне, яке охоплює всі її функції і види діяльності (навчальні та академічні програми, наукові дослідження, комплектування кадрами, мережу студентів і стипендій, матеріально-технічну базу, оснащення, суспільно корисну працю та академічне середовище). При цьому для підвищення якості освіти дуже важливо забезпечити єдність внутрішньої і зовнішньої оцінки [2, с. 26].

У такому контексті доцільно мати механізм якості педагогічної освіти, який враховує національні особливості і дає загальноєвропейську гарантію. Одним з таких кроків, на думку вчених, є включення у Болонський процес, що актуалізує завдання забезпечення якості вищої освіти, визначаючи курс на «європейський вимір» та оголошуючи його обов'язковим елементом нового «освітнього простору».

У міру реалізації ідей, які були записані в Болонській декларації, стає все більш очевидним, що створення єдиного європейського освітнього простору потребує обґрунтованого та глибоко продуманого підходу не тільки до визначення якості підготовки спеціалістів, але й

окремих компонентів навчального процесу. Ці завдання вирішуються багатьма шляхами, в тому числі й шляхом покращення (посилення) контрольованості навчального процесу з залученням різних категорій працівників навчальних закладів і студентів.

Другий рівень – державний. Тут мова йде про формування умов для забезпечення якості педагогічної освіти на національному рівні. Поліпшення якості освіти та рівний доступ до неї має стати одним з головних завдань сучасної державної політики у галузі освіти, необхідною умовою реалізації прав громадян на освіту. Адже світове співтовариство визнало, що освіта, добробут і здоров'я людини є головними чинниками якості її життя, а якість освіти – головною метою, пріоритетом розвитку громадянського суспільства.

На рівні держави в Україні якість вищої освіти, в тому числі педагогічної, регулюється державним стандартом освіти, який складають різноманітні компоненти:

1. Державний компонент визначає напрям спеціальності, освіти і професійної підготовки фахівця за освітньо-кваліфікаційними рівнями відповідно до класифікатора галузей освіти, напрямів підготовки і спеціальностей.

2. Галузевий компонент формується з урахуванням державного компонента, включає освітньо-кваліфікаційну характеристику (встановлює професійне призначення й умови використання випускників, відображає мету, узагальнює зміст освіти і професійної підготовки у формі переліку умінь, визначає місце і роль фахівця у соціальній структурі суспільства, вимоги до нього, встановлює вимоги до загальноосвітнього рівня і галузеві кваліфікаційні вимоги до випускника ВНЗ) й освітньо-професійну програму (визначає нормативну частину підготовки фахівця відповідного освітньо-кваліфікаційного рівня конкретної спеціальності).

3. Компонент навчального закладу. Запроваджується з метою відповідності рівня освіти і професійної підготовки фахівця вимогам суспільного поділу й мобільності системи підготовки фахівця для задоволення вимог ринку праці.

Відповідно до цього в Україні сформувались певні державні й суспільні вимоги до навчального процесу у педагогічному ВНЗ. При

цьому основну відповідальність за якість освіти повинен нести постачальник освітніх послуг. У зв'язку з цим для більшості ВНЗ, які розглядаються нами як третій рівень забезпечення якості педагогічної підготовки, актуальною є розробка, впровадження та удосконалення системи менеджменту якості освіти.

Будь-яка система управління якістю в освіті повинна бути заснована на об'єктивних показниках, що впливають на якість і адекватно характеризують процес навчання. У системі вищої освіти такими формальними, легко вимірюваними й контрольованими показниками є кваліфікаційний склад викладачів, матеріально-технічна база, забезпеченість навчальними посібниками тощо. Однак на якість самого навчання ці характеристики впливають опосередковано. Більш об'єктивну оцінку якості навчання можна одержати за допомогою доповнення технологіями тестування. При цьому результати тестування не завжди дозволяють виявити причини, що обумовили невисокий рівень підготовки і якості навчання.

Архіпова С. П. вважає, що «якість підготовки спеціалістів в умовах сучасного ВНЗ визначається рядом зовнішніх і внутрішніх факторів, серед яких: вимоги Болонської угоди до якості освіти; атестаційні та акредитаційні вимоги; конкуренція ВНЗ на ринку освітніх послуг і конкуренція на ринку праці; вимоги споживачів освітніх послуг; застосування систем менеджменту якості в галузі освіти; політика широкого запровадження ринкових механізмів у освіті; зростаючі вимоги ВНЗ до якості організації освітнього процесу» [1].

Урахування цих факторів впливу є критерієм і одночасно вимогою забезпечення якості підготовки фахівців, а відповідні процеси їх оптимізації – механізмами підвищення якості підготовки в педагогічному ВНЗ.

Сьогодні більшість українських ВНЗ користуються традиційною схемою внутрішньої перевірки якості освіти, яка зазвичай включає такі елементи, як:

- наявність затверджених у встановленому порядку навчальних планів, графіків навчального процесу, робочих програм з дисциплін;
- відповідність змісту навчальних планів і робочих програм критеріям та стандартам якості ВНЗ;

- відповідність розкладу занять логіці викладання з кожної дисципліни;
- відповідність елементів навчального процесу (лекцій, семінарів, лабораторних занять тощо) затвердженим планам та програмам;
- комплектність і достатність методичного забезпечення з дисциплін (методичні вказівки, конспекти лекцій, рекомендації до виконання лабораторних робіт тощо);
- достатність, регулярність і рівень організації поточного контролю (контроль якості знань студентів, їх задоволеність якістю навчального процесу);
- оперативність прийняття та реалізації корегуючих заходів тощо.

Одним з головних завдань навчального процесу педагогічного ВНЗ є створення умов, завдяки яким означені вище показники набудуть максимального значення. Тому необхідним є впровадження циклів професійної та практичної підготовки, які повинні допомогти студентам педагогічних ВНЗ:

- скласти уявлення про сутність основних напрямків і змісту державної політики в галузі освіти, інноваційної діяльності, яка здійснюється навчальними закладами;
- осмислити сутність основних концептуальних підходів до дослідження педагогічних проблем;
- оволодіти умінням планування, організації і здійснення інноваційної та пошуково-експериментальної роботи, проведення психолого-педагогічного моніторингу, відстеження його ефективності, оволодіти навичками оформлення результатів дослідження;
- навчитися аналізувати, узагальнювати, обґрунтовувати і презентувати педагогічний досвід;
- сформувати психологічну готовність до інноваційної діяльності;
- провести самоаналіз необхідних для інноваційної та пошуково-експериментальної діяльності особистісних властивостей, знань та умінь [5, с. 50].

Аналіз даних соціологічного опитування студентів – майбутніх педагогів демонструє, що їх оцінки дієвості ВНЗ щодо використання системи вищезазначених показників не дуже високі. Так, 52,0% опитаних вважають, що ВНЗ сприяє формуванню необхідних якостей

для здійснення успішної професійної діяльності. Кардинально протилежної точки зору дотримуються 7%. І 41% впевнені, що в чомусь сприяє, а в чомусь – ні (взагалі середній бал оцінки за цим показником становить 2,4 з 5,0).

Слід звернути увагу на той факт, що більшу задоволеність студенти відчувають щодо загального рівня освіти, який вони отримують у ВНЗ; 76,3% тією чи іншою мірою задоволені ним, 15,5% – тією чи іншою мірою незадоволені (середній бал – 3,2 з 5,0).

Цей факт має привернути увагу з точки зору того, що у педагогічній вищій освіті існують «ножиці» між загальним та професійно-орієнтованим секторами підготовки фахівців.

З точки зору студентів, сьогодні необхідно звернути увагу на покращення практичної складової навчання (60,4%) та формування у студентів чітких уявлень про майбутню професійну діяльність (51,6%).

Таким чином, можна говорити про сукупність критеріїв та показників якості підготовки фахівця в педагогічному вищому навчальному закладі, які акцентують увагу на ступені формування професійної компетенції та забезпечуються на трьох рівнях – міжнародному, державному та рівні ВНЗ.

Очевидно, що удосконалення якості підготовки в педагогічному ВНЗ має відбуватись змістовно, технологічно, кадрово та з забезпеченням відповідної матеріально-технічної бази. Необхідно враховувати й той факт, що і ВНЗ, і його середовище виступають важливою умовою формування особистості студента. Соціокультурне середовище покликане допомогти молодій людині увійти в нове, інформаційне суспільство, опанувати культуру, її цінності й успішно діяти в реальному житті. І успішність цього – теж показник якості підготовки в педагогічному ВНЗ.

У сучасних умовах перед ВНЗ та його культурно-освітнім середовищем постають завдання, пов'язані з формуванням майбутнього українського фахівця, а це, в свою чергу, вимагає від ВНЗ і його середовища здійснення модернізаційних процесів, пов'язаних із реаліями саме українського суспільства.

Список літератури

1. Архипова С. П. Якість освіти у контексті вимог сучасності [Електронний ресурс] / С. П. Архипова. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchu/N135p011-014/pdf
2. Болонський процес: тенденції, проблеми, перспективи / ред.: В. П. Андрущенко; уклад.: В. П. Бех; Ю. Л. Маліновський ; Асоц. ректорів пед. ун-тів. Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. Ін-т вищ. освіти АПН України. – К. : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2004. – 220 с.
3. Валеева И. А. Критерии и показатели качества подготовки специалиста в педагогическом вузе [Електронний ресурс] / И. А. Валеева. – Режим доступа: <http://www.t21.kgups.ru/doc/2009/10/02.doc>
4. Мокрієва Н. А. Формування соціальної кваліфікації у випускників педвузів / Н. А. Мокрієва // Вища освіта в Росії. – 2009. – № 9.
5. Нікітіна Н. Н. Студенти педагогічного вуза про реформи та інновації в сфері освіти / Н. Н. Нікітіна // Вища школа в Росії. – 2009. – № 4. – С. 50.

УДК 316.74:378.035.011.32

В. А. Кречетова

ДЕЯКІ РЕЗУЛЬТАТИ ДОСЛІДЖЕННЯ ГРОМАДЯНСЬКОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ СТУДЕНТІВ

Резюме

Представлены результаты эмпирического исследования гражданской идентичности студентов, обучающихся в вузах Украины. Для этого проанализирован феномен идентичности – как в общем, так и гражданской идентичности, в частности. В результате очерчена его четырехуровневая структура, которая дает ориентиры для эмпирического исследования отдельных сторон гражданской идентичности украинских студентов. Результаты исследования 2012 года сопоставлены с результатами аналогичного исследования, проведенного в 2001 году. Констатируется оскутимость изменений в гражданской идентичности украинских студентов по определенным признакам.

Summary

Civic identity of Ukrainian students is considered in the article. The phenomenon of identity is analyzed, both in general and civic identity, in particular. A four-level structure of the civic identity has been built, which may come useful for empiric research of some aspects of the civic identity of Ukrainian students. The results of the research of 2012 have been compared to those of 2001, and some significant changes have been established.

Ключові слова: ідентичність, громадянська ідентичність, політична нація, студентська молодь України.

Протягом останніх двадцяти років Україна розбудовує власну державність. Із набуттям незалежності можемо констатувати початок активної наукової дискусії з приводу необхідності визначення української національної ідеї, набуття української національної ідентичності, розбудови української нації (із різним баченням того, якою ця нація має бути), актуальність і важливість якої важко переоцінити.

У контексті цих викликів постає доцільним розглядати насамперед такі пов'язані між собою поняття, як *політична нація* та *громадянська ідентичність*. Їх зв'язок полягає в тому, що концептуально приналежність до політичної нації відображується в індивідуальній

свідомості як громадянська ідентичність (котру в більш гуманітарному ключі позначають іноді як властивість носія ідентичності – «громадянськість»).

Тож масштабність представленості цієї ознаки у громадян України може слугувати показником розбудованості, сформованості політичної нації. Оскільки цей процес є тривалим у часі, а новітній етап його розпочався нещодавно, то доцільно спрямувати дослідницький погляд у недалеке майбутнє, тобто здійснити емпіричне дослідження на молодому культурному та інтелектуальному матеріалі, яким є студентство.

Таким чином, *мета* цієї статті – порівняти основні характеристики показників громадянської ідентичності українських студентів 2012 та 2001 років.

Для досягнення цієї мети доцільно окреслити поняття політичної нації та громадянської ідентичності; сконцентрувати погляд на виявленні саме громадянської ідентичності українських студентів в емпіричних дослідженнях; порівняти деякі результати таких досліджень (зокрема –відтерміновані у часі).

Переважна більшість дискутантів з окресленої проблематики погоджуються, що найкращим варіантом для України була б розбудова саме політичної нації.

«Політичну націю» можна розглядати як одне з розумінь феномену нації або як певний його аспект; як певний етап еволюції самого феномену «нація» і як ознаку, що обов'язково притаманна сучасній державі.

На нашу думку, під **політичною нацією** («соціальна нація», «громадянська нація», «нація-держава») найкраще розуміти політико-територіальну спільноту, яка формується на засадах належності до громадян даної держави без урахування (але із використанням!) їхнього етнічного походження, релігійних, культурно-мовних та інших особливостей.

Така інтерпретація феномену політичної нації надає можливість розглядати чинники її дослідження та формування. Наша позиція полягає в тому, що найголовнішими маркерами існування нації є самоідентифікація та ідентичність її членів.

У свою чергу, стосовно громадянської ідентичності, слід зазначити,

що вона пов'язується з політичною нацією – як поняттєво, так і онтологічно. Ідентичність не обов'язково має бути виражена чіткою позицією, що усвідомлена під час усіх інших роздумів «я – громадянин». Це може бути ставлення до певних речей, які, у свою чергу, обрані групами, що формують конструкт нації, у якості символів. Це може бути реакція на такі символи та дії, що актуалізують ідентичності. В нашому випадку таким приводом замислитися над своєю ідентичністю є участь респондентів у дослідженні.

За результатами вивчення джерел можна зробити висновок, що розуміння громадянської ідентичності відрізняється в різних дослідників, і при спробі емпіричного дослідження цього явища виникає багато спірних і неоднозначних моментів. Закономірно, що вивчати та досліджувати згадане явище різні дослідники пропонують за допомогою різних методик та індикаторів.

Серед запропонованих різними авторами ознак національної ідентичності окремі з них відображають об'єктивні характеристики індивіда, зокрема країну народження, наявність певного громадянства, час постійного проживання на території України та національну приналежність на засадах національностей батьків. Проте найбільший інтерес викликають такі ознаки національної ідентифікації, які респондент має обирати самостійно: усвідомлення себе українцем, почуття відповідальності за власну країну, повага до українських законів і політичного устрою [4, с. 129].

За даними нещодавніх досліджень, найбільш важливими ознаками «справжнього українця», на думку респондентів, є відчуття відповідальності за Україну, відчуття себе українцем. Друге місце за ступенем важливості займає повага до українських законів і політичного устрою країни, на третьому – знання української мови та наявність українського громадянства, на четвертому – постійне проживання в Україні більшу частину свого життя, на п'ятому – національна (етнічна) приналежність, на шостому – факт народження в Україні, на останньому – усвідомлення себе віруючим християнином [4, с. 132].

Таким чином, здійснювати емпіричне соціологічне дослідження щодо реального стану громадянської ідентичності можливо з використанням орієнтирів, котрі відповідають певним змістовним

критеріям – як зовнішнім умовам (формальної належності), так і внутрішнім (індивідуальної самоідентифікації).

У сучасному українському суспільстві криза ідентичності кінця 80-х – початку 90-х рр., що була пов'язана з розпадом Радянського Союзу і звичною громадянською ідентичністю, а також з розпадом радянської ціннісно-нормативної системи, поступово долається. Проте поки домінуючими залишаються *локальні ідентичності* (моя сім'я, друзі, близькі і т. ін.), далеко відтісняючи українську громадянську ідентичність [2].

Саме завдяки такій соціальній ситуації підвищується актуальність виявлення того, як співвідносяться в одиничному суб'єкті його індивідуальні та групові характеристики. Крім того, складність феномену громадянської ідентичності визначає і проблеми його емпіричного вимірювання.

У розпорядженні автора знаходяться результати декількох досліджень, зокрема – відтерміновані за часом, що дає змогу простежувати динаміку феноменів або тенденції.

Так, одним із засобів віднайдення певних аспектів самоідентифікації респондентів було обрано віднесення себе до запропонованих спільнот різного масштабу. Питання було сформульоване таким чином: «Громадянином якої території Ви себе відчуваєте?», а варіанти відповідей наведені у табл. 1.

Загалом на перше місце вийшла ідентичність, пов'язана з громадянством України, але констатується майже десятивідсоткове зниження кількості респондентів, які зазначили цю ідентичність.

Якщо спробувати з'ясувати, за якими іншими ідентичностями «розійшовся» цей контингент, можна констатувати відчутне збільшення прихильників «регіону, в якому народилися» – з 4,7% до 11,3%, а також «міста, в якому живе» – від 12,1% до 16,5%.

Кількість прихильників своєї визначальної належності до Харківського регіону майже не змінилася, знаходячись у десятивідсотковій зоні. Можна було б припустити наявність іноземців, що ідентифікують себе з Європою або світом, але загалом така ідентифікація суттєво не змінилася – «європейців» побільшало на 1,1%, а чисельність «громадян світу» навіть зменшилася на 0,3%. Також ненабагато

Таблиця 1

**Відповіді на питання «Громадянином якої території
Ви себе відчуваєте?»**

R	Варіанти відповіді	Час дослідження	
		2012 р.	2001 р.
		У відсотках	
3	Регіону, у якому народилися	11,3	4,7
2	Міста, у якому живе	16,5	12,1
4	Харківського регіону	9,7	10,1
1	України	38,3	50,9
5	Території колишнього СРСР	6,2	9,7
7	Європи	4,3	3,2
6	Світу	5,8	6,1
8	Інше	1,7	0,9

знизилася кількість тих, які вважають себе «громадянами території колишнього СРСР» – з 9,7% до 6,2%.

Тобто, простежується тенденція до збереження ідентичності загальнодержавної з певними тенденціями до місцевої самоідентифікації.

Далі, уявлення студентів про громадянськість припускалось виявити за допомогою прямого питання з запропонованими варіантами відповіді (табл. 2).

Як бачимо, підвищуються компоненти, пов'язані з активним виявленням своєї приналежності до суспільства, до процесів, масштаби яких сягають політичного рівня (№№ 2 і 3 варіантів відповідей). Іншими словами, студентство демонструє зростання переваги тенденцій віддачі над споживацтвом.

Одним з одиничних складників громадянської ідентичності, котрий неодмінно є присутнім у суспільній свідомості, є правовий аспект належності до держави та те, що з такої належності витікають права й обов'язки громадянина.

У нашому розпорядженні є дані про ставлення студентів до правових аспектів громадянськості в 2001 і 2012 роках (табл. 3). Тут наведено відсотки від кількості всіх респондентів (тобто за

Таблиця 2

Відповіді на питання «громадянськість – це...»

№	Варіанти відповіді	2012 р.	2001 р.
1	Психологічне відчуття себе громадянином, повноправним членом суспільства	21,0	25,9
2	Здатність і готовність виступати в ролі громадянина, усвідомлення відповідальності за долю суспільства	26,5	22,5
3	Прихильність до інтересів політичного товариства, готовність іти на жертви заради цих інтересів	11,5	4,0
4	Реальна можливість втілення в життя сукупності соціальних, політичних і громадянських прав особистості, їх інтеграція в культурні й соціальні структури суспільства	36,8	44,8

винятком тих, які не відповідали взагалі), тому сумарний відсоток не дорівнює 100%.

Результати дають змогу констатувати, що обізнаність у контексті правової грамотності сучасних студентів (принаймні, за їх власними оцінками) за останнє десятиліття підвищилась, хоча й не так суттєво – зрештою, майже третина респондентів зазначають, що обізнані щодо своїх прав і обов’язків як громадянина України.

Щодо наступного питання (№2 – «В якій мірі, на Ваш погляд, їх дотримуються в нашій країні?»), то результати сучасного дослідницького зрізу дивують, особливо в порівнянні з відповідями студентів 2001 року. Дотримання обов’язків громадянами виглядає як таке, що загалом зросло від 7,4% до 24,3%, а недотримання знизилось майже вдвічі (від 69,5% до 38,4%). І це незважаючи на те, що з літа 2011 року вітчизняні журналісти доводять до відома населення все більше фактів, коли посадовці – і навіть правоохоронці – за порушення закону (аж до кримінальних злочинів) уникають законних покарань.

Таким чином, за результатами емпіричних досліджень можна констатувати, що за останнє десятиліття підвищилась політизованість українського студентства, а також рівень політичної відповідальності. Респонденти продемонстрували зміщення патріотизму з загальнодер-

Правовий аспект громадянськості у відповідях студентів

№	Питання анкети	Час дослідження	
1	Чи знаєте Ви свої права та обов'язки як громадянина України?	2012 р.	2001 р.
	Варіанти відповіді	У відсотках	
	Швидше так, ніж ні	63,8	51,8
	Швидше ні, ніж так	26,0	36,5
	Вагаюсь відповісти	9,7	0,2
2	В якій мірі, на Ваш погляд, їх дотримуються в нашій країні?	У відсотках	
	Варіанти відповіді		
	Цілком дотримуються	4,8	0,2
	Швидше дотримуються, ніж ні	19,3	7,2
	Швидше не дотримуються, ніж дотримуються	29,3	49,5
	Не дотримуються	9,0	19,9
	Вагаюсь відповісти	7,0	7,6

жавного до регіонального. Можливо, це є характеристикою власне харківських студентів, але, щоб відповісти на це питання, потрібні подальші дослідження.

Список літератури

1. Литвиненко І. Ю. Решение проблемы единичного субъекта в социологии с помощью системного подхода / И. Ю. Литвиненко // Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління : зб. наук. пр. ДонДУУ. Т. XII. Вип. 179. Серія «Соціологія». – Донецьк : ДонДУУ, 2010. – С. 238–248.
2. Подольська Є. А. Соціологія: кредитно-модульний курс / Є. А. Подольська. – К. : ІНКОС, 2008. – 257 с.
3. Соціологія : підручник для студентів вищих навчальних закладів / за ред. В. Г. Городяненка. – К. : ВЦ «Академія», 2003. – 560 с.
4. Стегний А. Опыт сравнительного анализа национально-групповой идентификации украинцев и русских в Украине / А. Стегний // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. – К. : Ин-т социологии НАН Украины; Ин-т социологии РАН, 2007. – 280 с.

УДК 17.022.1: [378.011.32:37.068]

Н. Г. Чибисова

СТУДЕНЧЕСКИЙ ТРУДОВОЙ ОТРЯД КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ФОРМ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Резюме

Статтю присвячено проблемі формування особистості студента. Однією з форм його становлення в сучасному суспільстві, яке стає все більш індивідуалізованим, є колективні форми взаємодії. До форм колективної взаємодії у ВНЗ може бути віднесена така форма, як студентський трудовий загін (СТО), який акумулює в собі традиції студентських будівельних загонів (СБО) радянських років.

Сьогодні в багатьох вищих навчальних закладах Росії, України, Білорусі відроджуються традиції студентських будівельних загонів. Сучасні трудові загони дозволяють студентам об'єднати трудову діяльність з активним відпочинком і заробітком грошей. Вони здатні об'єднати молодь, що вчиться, допомогти їм у саморозвитку, в придбанні професійних умінь і навичок; є хорошою практичною школою, яка готує молодих людей до самостійних дій, формує відчуття відповідальності й пошану до праці.

Summary

The article deals with the issue of forming a student's personality. One of the forms of making up a personality in modern society, which is becoming more and more individualized, is collective interaction. Among the forms of collective interaction in Universities and colleges one can name Student Labor Units (SLU), which accumulate traditions of Student Labor Units (SLUs) of the Soviet period.

Today many Universities and colleges in Russia, Ukraine and Belarus revive the tradition of Student Labor Units. Moderns Labor Units help students to combine labor activity, activity holidays and earning money. SLUs can unite students and help them in self-development and gaining professional skills. They are a good school of life that prepares young people for self-activity, forms the sense of responsibility and respect for labor.

Ключевые слова: студенческая молодежь, формирование личности, коллективные формы взаимодействия, студенческий трудовой отряд, студенческий строительный отряд.

Формирующееся на наших глазах новое информационное общество выдвигает и новые требования к личности. Индивидуализм, мобильность, умение приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям бытия, владение новыми технологиями – это те умения и навыки, которые выдвигаются на первый план.

Стоит ли сохранять в новых условиях коллективные формы взаимодействия? Могут ли оказать помощь современному молодому человеку в его дальнейшем профессиональном становлении коллективные формы сотрудничества, сложившиеся в предыдущую эпоху? На данные вопросы и должна ответить данная статья, *цель* которой – рассмотреть такую форму коллективного взаимодействия молодежи, как студенческий трудовой отряд; проанализировать ее и определить, есть ли в ней позитивные моменты, которые может взять на вооружение студенческая молодежь XXI века.

В современном мире противоречие между индивидуальным и социальным достаточно обострилось и чаша весов все активнее смещается в сторону индивидуального. Наблюдая за данными процессами, американские исследователи все чаще выдвигают положение о том, что «пришло время решать вопросы укрепления коллективных ценностей и установления новых границ для индивидуализма» [2, с. 315]. К этой точке зрения западных ученых стоит прислушаться и украинским исследователям.

В обществе, которое формируется, связи между социальными группами ослабевают, происходит процесс дифференциации и обособления социальных структур и институтов; индивидуализация начинает доминировать над всеми формами социальных реалий, появляются новые типы социальной интеграции, которая проявляется в многообразных коммуникативных формах. Кроме того, социальное пространство постепенно заменяется информационным, а это приводит к возникновению новых видов сообществ и групп. В таких условиях общество, нация, этнос перестают существовать. Если индивидуальное полностью вытеснит социальное, то разрушатся социальные основы в человеке и в социуме (перестанут существовать социальные структуры, социальные отношения, что, в свою очередь, приведет к изменению природы человека). И если человечество не

хочет снова очутиться на стадии первобытной дикости и варварства, то стоит найти такие интеграционные основы, которые помогут остановить данный процесс.

Целостная, гармонично развитая личность, к формированию которой на протяжении всей своей истории стремилось человечество, предполагает наличие всесторонне развитых способностей, разнообразных навыков и умений; об этом размышляли и писали еще в древности античные мыслители, выдвигая наряду с развитыми индивидуальными способностями коллективные навыки и умения индивида.

Сегодня в обществе, которое становится все более индивидуализированным, нельзя полностью отбрасывать коллективные формы взаимодействия. Будущему специалисту предстоит работать в коллективе, где наряду с развитыми индивидуальными способностями потребуются и такие качества, навыки и умения, как коллективизм, коммуникабельность, толерантность, работа в команде и др. В этой связи необходимо обратить внимание на формирование данных качеств и умений еще на ранних этапах становления личности молодого человека.

На Западе широкое распространение получили такие формы коллективного взаимодействия, как молодежные организации скаутов, волонтерское движение. Одним из наиболее активных видов деятельности в учебном заведении, позволяющих молодому человеку сформировать личностные качества, по мнению американских ученых-педагогов, является коллективный труд, способствующий участию индивидов в общественных организациях и объединениях. Данные выводы исследователей опираются на научные труды Д. Кипсмайера, Д. Ньюэна, Д. Нэтена, в которых подчеркивалась важность привлечения молодых людей к общественной работе; последняя позволит молодым людям развить социально значимые качества характера. Опираясь на статистические данные, следует заметить, что каждый второй американец не менее трех часов в неделю бесплатно трудится в том или ином общественном учреждении: церкви, школе, больнице, приюте и др. [2, с. 358].

В советском государстве также существовали коллективные формы взаимодействия, позволяющие молодым людям развивать

активность, инициативность, самостоятельность, чувство ответственности. К таким коллективным формам можно отнести молодежные общественные организации, студенческие трудовые отряды, творческие объединения и союзы. Необходимо осмыслить формы коллективного взаимодействия, которые сложились в советский период, оценить их и, при наличии в них позитивных начал, важных для современной молодежи, использовать на практике в обновленной форме с учетом реалий современности.

К таким формам воспитательной работе в вузе могут быть отнесены студенческие трудовые отряды (СТО), которые аккумулируют в себе традиции студенческих строительных отрядов (ССО) советских лет.

История возникновения, становления и развития молодежного движения студенческих строительных отрядов представляет значительный интерес не только как состоявшееся историческое событие, но и как определенный исторический опыт самоорганизации молодежи. Эта форма работы в прошлом находила большую поддержку у молодых людей. Много полезных дел на счету студенческих строительных отрядов, таких как строительство школ, больниц, спорткомплексов, дорог и железнодорожных путей и мн. др. Так, на деньги ССО Харьковского государственного университета была создана скульптурная композиция, которая увековечила память погибших в годы Великой Отечественной войны бойцов Харьковского студенческого батальона.

Сегодня во многих высших учебных заведениях Украины, России, Беларуси возрождаются традиции студенческих строительных отрядов.

Современные трудовые отряды позволяют студентам объединять трудовую деятельность с активным отдыхом и зарабатывании денег. Но кроме этого, студенческие трудовые отряды способны объединить учащуюся молодежь и помочь ей в саморазвитии, в приобретении профессиональных умений и навыков.

СТО являются хорошей практической школой для студенчества, которая способствует подготовке молодых людей к самостоятельному выходу на рынок труда.

В России движение студенческих трудовых отрядов начало возрождаться в конце 90-х годов XX столетия. Так, в Самаре молодежное движение студенческих трудовых отрядов сформировалось в 2001 году – в юбилейный 45-й год областного отряда «Жигули». Тогда 10 отрядов численностью около 230 человек отправились на стройки и в детские лагеря Самарской области. В 2001 году отряды были межвузовскими, характеризуя тем самым не столько свою профессиональную направленность, сколько социальную значимость и единство целей молодёжи различных вузов. Другой характерной чертой явилось желание и, самое главное, способность выполнять работу, не соответствующую получаемой в вузе специальности [1, с. 4–5].

Возрождение студенческих трудовых отрядов требует внимания, помощи со стороны города, области, региона, учебных заведений. Так, в Самарской области развитию студенческого трудового движения способствовала инициатива и поддержка Департамента по делам молодежи области, Департамента строительства и архитектуры, государственного предприятия «Агентство содействия занятости молодежи», ректорского корпуса.

В Харьковской области большую помощь молодежи в организации трудовых отрядов оказывают Главное управление по делам молодежи, семьи и спорта облгосадминистрации и отдел «Молодежный центр труда» коммунального учреждения «Харьковский областной центр молодежи». Так, по данным пресс-службы Харьковской областной государственной администрации, в 2012 году была организована работа 52 молодежных трудовых отрядов. В них было задействовано около двух тысяч человек, среди которых: 770 студентов, 1048 старшеклассников и 43 человека незанятой молодежи. Как сообщает сайт Харьковской облгосадминистрации, летом 2012 года в регионе работало 15 сельскохозяйственных молодежных трудовых отрядов, 7 реставрационных, 6 в сфере обслуживания, 3 – волонтерской деятельности, 1 строительный и 20 других (общественные работы, благоустройство города и т. д.). Всего же в течение лета на Харьковщине работало более 100 молодежных трудовых отрядов, в которых были задействованы более трех тысяч участников из числа различных категорий молодежи.

Создаются трудовые отряды и в высших учебных заведениях. Причем просматривается тенденция увеличения сторонников СТО в зависимости от студенческого «стажа» (от 36,7% на I курсе до 59,2% на V курсе) [3, с. 277].

Студенческие трудовые отряды занимаются благоустройством улиц и скверов, оказывают шефскую помощь инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны. Студенты создают выездные концертные бригады, которые выступают в домах престарелых, в детских домах, в сельской местности; педагогические отряды работают со школьниками и ветеранами труда и др.

Так, в Томском государственном политехническом университете работают студенческие педагогические, поисковые, туристическо-краеведческие отряды, ремонтные отряды, которые трудятся на территории института, в общежитиях. Работают в вузе и творческие бригады, а также отряды охраны порядка. Данные подразделения являются одной из наиболее демократических форм становления коллективной взаимопомощи, готовности к социальному партнерству [4, с. 223].

Украинские студенты также объединяются в студенческие трудовые отряды (СТО), среди которых: строительные, ремонтные, шефские, педагогические и др. Работа в данных отрядах способствует формированию гражданской позиции, осознанию труда как ценности, реализации индивидуальных способностей.

Активно трудятся студенческие трудовые отряды во многих вузах Харьковского региона. Так, много добрых дел на счету студенческого трудового отряда «Орбита», созданного в Национальном аэрокосмическом университете имени Н. Е. Жуковского. В Харьковском педагогическом университете имени Г. С. Сковороды накоплен значительный опыт в организации работы педагогических отрядов. В аграрном университете имени В. В. Докучаева студенты могут проявить трудовую активность в сельскохозяйственных отрядах, которые трудятся в Украине и за ее пределами. В Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» (НУА) студенческий трудовой отряд объединяет семь самостоятельных отрядов: строительно-ремонтный отряд, отряд вожатых, (работающий

в детских оздоровительных лагерях Крыма и Харьковской области, а также в подшефных классах Специализированной экономико-правовой школы НУА), волонтерский отряд (его участники трудятся над благоустройством улиц, парков городов Италии, Германии, Франции, Испании, США). Отряд аниматоров работает в гостиничном бизнесе Турции, Греции, США. В состав СТО НУА входят также: добровольное объединение студентов-экскурсоводов (работающее при музее истории академии), студенческая лекторская группа и отряд охраны внутреннего порядка академии.

Участие студентов в деятельности студенческих трудовых отрядов способствует развитию у них жизненно важных качеств: самостоятельности, инициативы, коллективного взаимодействия, возможности включиться в реальную трудовую жизнь, найти в ней свое место.

В студенческом трудовом отряде осуществляется процесс социализации, который, по мнению многочисленных исследователей, так необходим молодым людям. Ученые отмечают, что сегодня студенческая молодежь не готова к выдвигаемым жизнью требованиям политического, социально-экономического и кадрового характера [1, с. 27]. В этой связи студенческие трудовые отряды могут стать жизненно необходимой школой для становления личности студента. Деятельность в СТО приближена к реальной жизни социальной микросреды, поэтому позволяет расширить пространство социального взаимодействия человека с окружающим миром. Кроме того, участие в СТО способствует формированию у молодых людей трудовых навыков, чувства ответственности, осознания коллективной взаимопомощи и поддержки. Участники СТО начинают лучше понимать время, в котором жили их родители, и, таким образом, восстанавливаются связи с прошлым, формируется преемственность поколений.

Студенческие трудовые отряды помогают решить и вопросы профессионального самоопределения индивидов; в трудовой деятельности раскрываются способности и творческие возможности личности, формируется чувство самостоятельности, участники СТО приобретают опыт мобильности, а все эти навыки потребуются им

в будущей профессиональной деятельности. Молодой человек формируется духовно и физически, у него складываются нравственные ценности, развиваются психологические установки. Поэтому такую форму коллективного взаимодействия, как студенческий трудовой отряд, стоит использовать, но делать это нужно с учетом интересов студентов и реалий сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Рекомендации по созданию и развитию Студенческих трудовых отрядов : метод. сб. / авт.-сост. Е. С. Щинина ; под общ. ред. О. А. Вейс ; Агентство по реализации молодеж. политики. – Самара, 2006. – 94 с.
2. Newman E. Reflective CIVIC Partisipation / E. Newman // Social Education. – 1989. – October. – P. 358.
3. Шереги Ф. Э. Социология образования: прикладной аспект / Ф. Э. Шереги, В. Г. Харчева, В. В. Серикова. – М., 1997. – 304 с.
4. Чибісова Н. Г. Вищий навчальний заклад як середовище формування цінностей студентської молоді в соціокультурних умовах сучасної України : моногр. / Н. Г. Чибісова ; Нар. укр. акад. – Х. : Вид-во НУА, 2004. – 256 с.

УДК 378.14:004

*В. П. Козыренко***СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
АКАДЕМИИ****Резюме**

Інформатизація є об'єктивним процесом у всіх сферах людської діяльності, в тому числі і в освіті. У статті наведено причини актуальності інформатизації освітніх процесів, стан інформатизації безперервного комплексу ХГУ «НУА». Визначено завдання щодо вдосконалення інформаційного середовища академії та технології вирішення поставлених задач. Представлено досвід і результати впровадження хмарного середовища для освітніх установ Live@Edu від корпорації Microsoft.

Summary

IT penetration into all human activities including education is an objective process. The article deals with the latest developments in educational environment. The reasons of timeliness of academic activities informatization and the current level of IT penetration into the continuous education complex of Kharkov University of Humanities «People's Ukrainian Academy» (PUA) are also considered.

A list of requirements for the necessary information solutions and technologies enabling considerable improvements in the PUA IT environment at its all educational stages and in its all lines of activities (managerial, academic, educational) is given inclusive of the characteristics of the academic and educational process management.

Experience and results of adoption of Microsoft Live@Edu cloud environment for educational institutions for PUA's academic purposes have been presented. The main advantage of the Live@Edu technology, that is its conformance to the requirements for IT solutions in the area of continuous education, has been highlighted.

Ключевые слова: ХГУ «НУА», информатизация образования, информационные технологии, Live@Edu, сетевая среда, облачные ресурсы.

Информатизация, как ведущая тенденция социально-экономического развития в современном мире, является объективным процессом во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании. Цель информатизации образования состоит в глобальной интенсификации интеллектуальной деятельности за счет использования информационно-коммуникационных технологий.

В последнее время в образовательной среде произошли следующие изменения:

- обострение конкурентной борьбы между образовательными учреждениями;
- отдельные показатели состояния информационного окружения вуза вошли в мировые рейтинговые оценки;
- информационные ресурсы преподавателей и обучаемых значительно расширились, предоставив массовый доступ к ресурсам локальных сетей и Интернет.

Наибольшее количество внедряемых информационных технологий сосредоточено именно в образовании. Для анализа развития и внедрения информационных технологий в образовании необходимо учитывать следующее:

1. Информационные технологии – наиболее прибыльная отрасль, основанная на постоянном обновлении цифровых устройств и программ. Конкуренция между производителями информационных технологий приводит к несовместимости версий программ, форматов данных, а также к быстрому моральному старению уже внедренных информационных технологий.

2. Затраты на внедрение и поддержку современных информационных технологий сдерживают учебные заведения при принятии решений, связанных с информатизацией учебно-воспитательного процесса. Именно по этой причине предлагаемые в последнее время бесплатные технологии для образовательных учреждений получают наибольшее распространение.

3. Мотивация преподавателей в развитии и внедрении методики электронного обучения становится одним из решающих факторов информатизации учебного процесса. Программно-техническое

разворачивание новых информационных решений информационными службами учебного заведения в большинстве случаев проходит интенсивно и на достаточном профессиональном уровне. Дальнейшая судьба развернутых технологий полностью зависит от отношения преподавателей.

При существенной значимости приведенных обстоятельств необходимо учесть то, что Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА») является экспериментальным учебно-научным комплексом по созданию авторской модели непрерывного образования [1; 2]. И именно в ХГУ «НУА» должны проявляться информационные инновации, должна работать эффективная система повышения квалификации преподавателей и учителей, включающая повышение уровня компьютерной подготовки.

ХГУ «НУА» с 1997 г. в рамках эксперимента по отработке и внедрению непрерывного образования ведет работу по обеспечению всех звеньев учебного процесса интегрированного комплекса современными информационными ресурсами и информационно-коммуникационными технологиями [3]. Основой для развития информационных ресурсов и информационно-коммуникационных технологий в академии стали утвержденная в 1995 г. программа компьютеризации ХГУ «НУА» и принятая в дальнейшем Концепция информатизации и компьютеризации ХГУ «НУА» до 2020 года [4].

Информационные ресурсы академии постоянно совершенствуются. Все лекционные аудитории академии оборудованы мультимедийными проекторами, в мультимедийных классах школы установлены интерактивные доски, в учебный процесс университета постоянно включаются новые профессионально ориентированные программы. Задача более активного применения профессионального программного обеспечения во всех видах учебной деятельности становится все более актуальной. Академическая сеть продолжает оставаться эффективным средством обеспечения учебного процесса академии на всех образовательных уровнях. Значительные изменения в информационном обеспечении учителей, школьников, студентов,

преподавателей, развитие средств обмена информацией, ощущаемая «удаленность» обучаемых все чаще обращают внимание на необходимость решения или компенсации следующих ситуаций:

1. Ограничение доступа к информации за пределами локальной сети. Требования информационной безопасности не позволяют снять это ограничение. Разрыв между академическими ресурсами и ресурсами домашней или рабочей информационной среды создает неудобства как для обучаемых, так и для преподавателей и учителей.

2. Электронные сетевые папки студентов и учеников имеют не только ограничение по размеру и общий доступ в пределах группы, но и являются временными.

3. Затраты на организацию почтовой среды не обеспечивают учебный процесс достаточным количеством почтовых ящиков.

4. Активно развиваемые в последнее время облачные технологии появились в учебном процессе академии, но их применение происходит без систематизации и обобщения.

Учитывая изложенную информацию и потребности учебно-воспитательного процесса академии, можно представить перечень требований к тем решениям или технологиям, которые необходимы и позволят значительно улучшить информационное состояние академии на всех образовательных уровнях и по всем направлениям деятельности (управление, учебный процесс, воспитательный процесс):

1. Перспективность для непрерывной среды, соответствие принципам Концепции и Программы информатизации, сохранение системного подхода в информационном обеспечении академии.

2. Обеспечение глобального доступа к информации (Интернет). Наличие персонального хранилища информации за пределами локальной среды академии, позволяющего информацию хранить, структурировать, предоставлять в общее пользование, управлять доступом.

3. Наличие функциональных средств обмена информацией и общения – почта, мгновенные сообщения.

4. Доступ к информации «с участием» домена академии, контекст pua.kharkov.ua должен присутствовать в адресных ссылках.

5. Перспективность в отношении новых устройств и технологий коммуникационных технологий, поддержка всех видов мобильных устройств.

6. «Развиваемые» решения (поддержка), отсутствие морального старения. Отсутствие сложившейся практики вымыывания предыдущих версий и устройств с целью постоянного получения прибыли.

Всем перечисленным требованиям соответствует интегрированная облачная среда для образовательных учреждений Live@Edu от корпорации Microsoft. Технология Live@Edu предоставляет возможность решить проблемные вопросы практически для всех ослабленных мест информационного окружения академии.

В очень кратком изложении технология Live@Edu основана на облачной среде, включающей:

1. Профессиональную почту (бесплатные учетные записи электронной почты) объемом 10 ГБ.

2. Бесплатное интернет-хранилище объемом 7 ГБ. Почта и хранилище предоставляются на весь период обучения и остаются у обучаемых после окончания учебного заведения.

3. Служба обмена мгновенными сообщениями, позволяющая вести аудио- и видеочаты, совместно работать в приложениях.

4. Личные календари, фотоальбомы, документы и рабочие области. Возможность создания личных блогов, коллективных обсуждений, онлайн-сервис для совместной работы и передачи документов.

5. Возможность быстрого создания различных «групп».

6. Сервисы обмена информацией с устройствами сотовой связи, доступ к почте, списку контактов, календарю с целого ряда устройств последнего поколения.

На сегодняшний день все службы Live@Edu развернуты в домене академии ua.kharkov.ua и активно включаются в учебно-воспитательный процесс.

В качестве новых возможностей и решений, связанных с внедрением Live@Edu в учебно-воспитательном процессе академии, можно отметить:

1. Расширение сетевых технологий обучения за пределы

локальної середі академії. Функціональність служби SkyDrive дозволяє преподавателям формувати хмарну середу, повністю аналогічну по можливостям локальній середі з папками \$tasks, \$control і доступною в будь-якому місці при наявності Інтернет.

2. Можливість створення в хмарному сховищі груп, орієнтованих на інформаційне взаємодія в відповідності як з навчальною діяльністю (навчальні групи, курси), так і з напрямками виховної і наукової роботи (клуби, студентське товариство, профком, батьки і др.). Передача інформації на рівні груп і публікація інформації в Інтернет.

3. Забезпечення студентів і школярів електронною поштою за допомогою засобів планування для обміну інформацією з деканатами і окремими службами академії.

4. Забезпечення дисциплін кафедри інформаційних технологій і математики достатнім кількістю поштових ящиків, можливість вивчення сучасних хмарних рішень, в тому числі нових офісних технологій.

5. Можливість адміністрування хмарного поштової сервера мережними адміністраторами академії, тобто самостійне створення і редагування реєстраційних записів, відновлення паролів.

Гідність технології Live@Edu – можливість впровадження на всіх освітніх рівнях, тобто відповідність вимогам, пред'являемым до інформаційним рішенням неперервного освіти. Головна задача заключається в більш активному впровадженні всіх можливостей даної технології в навчально-виховний процес.

Використання в навчально-виховній роботі служб Microsoft Live@Edu підвищує конкурентоспроможність навчального закладу, оскільки вміння працювати з сучасними інформаційними технологіями сприяє успішній кар'єрі випускника на ринку праці.

Список литературы

1. Астахова В. И. Непрерывное образование как приоритетное направление образовательной политики украинского государства / В. И. Астахова // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2002. – С. 497–499.
2. Козыренко В. П. Реализация концепции непрерывного образования в Украине (опыт интегрированного научно-образовательного комплекса ХГУ «НУА») / В. П. Козыренко, О. В. Лазаренко // Moscow Education Online : сб. тез. докл. междунар. конф. по вопр. обучения с применением технологий e-learning. – 28 сент. – 1 окт. 2008 г. – М., 2008. – С. 200–214.
3. Козыренко В. П. Информационно-техническое обеспечение учебно-воспитательной и научной работы в системе непрерывного образования / В. П. Козыренко // Непрерывное образование как принцип функционирования современных образовательных систем : (первый опыт становления и развития в Украине) : моногр. / под общ. ред. В. И. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – С. 130–139.
4. Концепция, стратегические задачи и перспективный план развития Народной украинской академии на период 2006–2020 гг. / Нар. укр. акад.; [авт.-разработчики : В. И. Астахова, Е. В. Астахова]. – Харьков, 2006. – 198 с.

УДК 316.74:378:81'271

И. С. Нечитайло

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ЦЕЛИ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Всякий текст (или слово) несет в себе содержание, но также и действие... Это высказывание и это совершение или этот дискурс и дискурсивное действие совпадают или не совпадают... Когда я говорю намеками, то, что я делаю, не совпадает с тем, что я говорю: интенциональный смысл скрыт в дискурсе, дискурсивное действие дает к нему ключ.

Филипп Бенетон

Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны.

Владимир Карасик

Резюме

Статтю присвячено розгляду педагогічного дискурсу як об'єкта соціологічного дослідження. Авторська позиція ґрунтується на тому, що через дискурс здійснюється моделювання соціальної реальності для індивіда, у свідомості індивіда, відбувається її реконструкція, що знаходить прояв у індивідуальних практиках і зрештою має реальні соціальні наслідки. Сказане стосується і педагогічного дискурсу. На думку автора, дослідженню педагогічного дискурсу приділяється недостатньо уваги, особливо з боку представників соціологічної думки. Емпіричні соціологічні дослідження в цьому напрямку майже відсутні.

Таке дослідження дозволить виявити соціокультурні ефекти педагогічного дискурсу, які виникають на мікрорівні соціальної взаємодії та ведуть до виникнення ефектів макромасштабу.

Summary

The article describes a strategy and tactics of a possible sociological analysis of pedagogical discourse, formulates its objective, tasks, suggests of research. Author's position is based on that through discourse the design of social reality comes true for an individual, in consciousness of individual, there is her reconstruction that finds a display in individual practices and eventually has the real social consequences. It belongs to pedagogical discourse. In opinion of author, paid attention to the researching of pedagogical discourse is not enough, especially from the side of sociologists. Empiric sociological researches on this range of problems are absent.

Such a research will make it possible to reveal sociocultural effects of pedagogical discourse, that originate on the micro-level of social interaction and bring about macro scale effects.

Ключевые слова: дискурс (педагогический), дискурсивные практики, образование.

Идея рассмотрения педагогического дискурса в качестве объекта социологического исследования возникла не случайно. Она имеет эмпирическую подоплеку. Проведенные нами в 2007–2008 гг. социологические исследования, связанные с изучением жизненных стратегий студентов, показали, что имеют место существенные отличия в представлениях студентов разных вузов относительно своего будущего, а также отличия в их ценностных ориентациях, в уровне социальной активности (политической, трудовой, творческой). Обнаружение таких отличий способствовало развитию нашего исследовательского интереса в данном направлении, побудило к поиску причин этих отличий, не лежащих «на поверхности» (не связанных с различиями официальных программ обучения).

На наш взгляд, обеспечение условий активации внутренних резервов личности, ее профессиональной компетентности и саморазвития, успешного социально-профессионального становления во многом зависит от педагогического дискурса. Изучение педагогического дискурса, имеющего место в современном высшем образовании, представляется крайне необходимым в совершенствовании педагогических практик, операций и приемов, в целях обеспечения высокого качества образования. Именно педагогический дискурс

является тем «невидимым объектом изучения социолога, который может стать центральным в разрешении многих проблем образования» [1, с. 28].

В целом на теоретико-методологическом уровне проблематика, связанная с дискурсом, проработана основательно. Анализ современной научной литературы показывает, что наиболее активно дискурс изучается филологами, в частности, представителями социолингвистики (О. В. Александрова, Н. Д. Арутюнова, А. Греймас, Е. А. Каменская, Ж. Куртэ, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова и др.), что является вполне естественным ввиду неразрывной взаимосвязи дискурса и языка. Филологи, как они сами об этом говорят, рассматривают дискурс в контексте проблематики «сверхфразового синтаксиса», прежде всего, как «языковую единицу высшего уровня, обладающую структурной и функциональной спецификой» [2]. Нередко к изучению и анализу дискурса обращаются ученые, исследующие политические процессы. Политическому дискурсу посвящены работы М. Ильина, М. Пешо, Е. Поспеловой, Я. Торфинга, П. Чилтона, К. Шаффнера и др. При этом дискурс рассматривается, прежде всего, как властный ресурс.

В современной отечественной социологии тема дискурса, в той или иной степени, затрагивается А. Литовченко, Н. Костенко, В. Оссовским, И. Поповой, Ю. Сорокой и др. Однако, если говорить конкретно о педагогическом дискурсе, то количество работ, посвященных его изучению, невелико. Социологов же среди авторов этих работ практически нет. И очень жаль, ведь одно только определение дискурса говорит о том, что именно социологи, в силу специфики самой социологии как науки «о социальном», могут внести существенный вклад в исследование данного феномена. Ведь, с одной стороны, дискурс – социально обусловлен, а с другой – он и сам оказывает влияние на социальную реальность, изменяя и преобразовывая ее. Посредством дискурса осуществляется моделирование социальной реальности для индивида в сознании индивида, осуществляется ее реконструкция, что находит выражение в индивидуальных практиках, в конечном итоге, с реальными социальными последствиями. Это касается и педагогического дискурса как

важнейшей опосредующей структуры трансформации «внешнего» во «внутреннее», становления «социального Я».

Недостаточное внимание к педагогическому дискурсу со стороны представителей социологической науки, практически полное отсутствие эмпирических исследований в данном направлении, носящих социологический характер, побудило нас к написанию данной статьи. Нашей *целью* является описание в рамках данной работы стратегии и тактики перспективного социологического исследования педагогического дискурса, результаты которого могли бы способствовать: а) определению его социокультурных эффектов; б) совершенствованию педагогических дискурсивных практик в направлении раскрытия их социализирующего потенциала.

Как уже говорилось выше, теоретико-методологический базис для изучения и исследования педагогического дискурса представляется довольно мощным. Если говорить о дискурсе вообще, то различные научные представления о нем можно свести к нескольким основным посылкам, вытекающим из его деятельностной природы и касающихся его направленности на конкретные цели [3]. Следуя этим посылкам, педагогический дискурс может быть рассмотрен как средство: % артикуляции идентичности [4; 5]; % артикуляции предубеждений (социально-классовых, статусных, расовых и др.); % насаждения власти и идеологии [3]; % трансляции культурных смыслов, норм, ценностей [6].

Исходя из этих посылок, можно вывести заключение о возможных социокультурных эффектах педагогического дискурса как в отношении отдельных индивидов и малых социальных групп, так и в отношении больших социальных общностей и общества в целом. Эти эффекты отражают способность педагогического дискурса влиять на социальную реальность, например, способствуя воспроизводству культуры и/или социальной структуры и социальных неравенств.

Именно такие представления о педагогическом дискурсе, с нашей точки зрения, являются достаточным *методологическим основанием* для его дальнейшего эмпирического исследования.

Есть такое понятие как «контекстуальный смысл дискурса», то есть смысл, на формирование (или трансляцию) которого нацелен

дискурс. Этот смысл должен задержаться и отложиться в сознании «слушателя» в результате самого дискурса. Следовательно, на наш взгляд, эмпирическое исследование педагогического дискурса должно быть нацелено на определение его контекстуального смысла – тех основных идей, которые посредством педагогического дискурса внедряются в сознание обучающихся, что вызывает определенные эффекты на микро- (индивидуальном) уровне социального взаимодействия, а впоследствии – социокультурные эффекты макромасштаба.

Достижение такой цели исследования требует ответов на конкретные вопросы: 1. Какое влияние оказывает педагогический дискурс на обучающихся (их ценностное поле, процесс (само-) идентификации, мышление, мировосприятие)? 2. Посредством каких дискурсивных практик (педагогических приемов и операций) это влияние осуществляется? 3. Каковы эффекты такого влияния в глобальном социокультурном масштабе?

При этом логика рассуждений такова: необходимо выяснить, какие дискурсивные практики наиболее эффективны в отношении повышения качества преподавания (а следовательно, и качества образования). Для того чтобы устранить нежелательные эффекты, необходимо подвергнуть корректировке и/или модификации (либо вовсе устранить) те практики, которые их вызывают. Исходя из сказанного, первичными единицами анализа педагогического дискурса могут выступить дискурсивные практики («привычный» для человека язык: метафоры, обороты, наречия и т. п.) [7].

Каждая образовательная дисциплина, каждый учебный предмет имеет свой язык, свой «голос» (особый понятийный аппарат), свою историю, своих «героев» [1, с. 46–50; 8]. В них, как в знаковой системе, можно выделить некоторые центральные, или *узловые, точки*, выступающие в качестве *привилегированных знаков*, вокруг которых упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки. Например, в медицинском дискурсе узловой точкой является понятие «тело». Вокруг него кристаллизуются знаки типа «орган», «ткани», «скальпель». На языке этих знаков, составляющих дискурсивные практики, преподаватель вещает сообщение к студентам, читая

соответствующие дисциплины. Таким образом, осуществляется передача этих «привилегированных знаков» от преподавателя студенту. Вместе с ними передаются определенные установки на смыслы, на понимание социальной реальности, которая в этих смыслах воспроизводится.

Одной из форм институционализации педагогического дискурса является лекция. В текстах лекций можно обнаружить те дискурсивные практики, которые свидетельствуют о целях дискурса, отражают его культурные смыслы, транслируемые предубеждения и образы (как объекты идентификации). Исходя из сказанного, становится очевидным, что применение традиционных количественных методов социологического исследования не приведет к достижению поставленной цели. Методы исследования педагогического дискурса должны быть связаны, прежде всего, с анализом текстов. Ниже представлен перечень методов, которые, возможно, и не являются абсолютно новыми в исследовании дискурса, но здесь они предлагаются в авторской интерпретации и в совокупности могут составить целостную методiku исследования педагогического дискурса, которая, однако, нуждается в эмпирической апробации.

А именно, речь идет о *методе индиректного дискурс-анализа* (от англ. indirect – косвенный, опосредованный). Данный метод предполагает осуществление непрямого анализа педагогического дискурса через «посредников» (в лице студентов) и имеет отношение к анализу чужой речи, переданной в повествовании третьего лица. Для этого студентам нужно предложить перечень наиболее запоминающихся терминов, понятий, выражений и т. п., часто употребляемых преподавателями; указать те из них, которые стали привычными и/или часто употребляемыми и самим студентом. Этот метод позволит обнаружить узловые точки, привилегированные знаки (ключевые слова) педагогического дискурса, которые передаются от преподавателя студенту во время аудиторных занятий, фиксируются в сознании последнего и обладают смыслообразующим потенциалом. Изучение совокупности этих ключевых слов может способствовать вычленению тех смыслов, на формирование которых он нацелен (контекстуального смысла).

Лекционный материал может содержать целую цепочку таких смыслов. Следовательно, для того чтобы определить, совершает ли лекция как дискурсивное событие работу по закреплению определенных идей и предубеждений, необходимо рассмотреть, как ее текст конструируется самим автором (педагогом, преподавателем) и как интерпретируется студентами. Осуществить сказанное мы предлагаем с помощью второго метода, который обозначен нами как *метод «экспериментальной лекции»*. Вся структура педагогического дискурса: лексическая структура текста, заголовки, подзаголовки, выбор метафор, смысловые акценты и т. п. – может быть смещена в сторону доминирования определенной идеи. Тексты экспериментальных лекций, подготовленных преподавателями, могут косвенно воспроизводить определенную систему взглядов и идей, которые в конкретном обществе являются общепризнанными и важными для осознания индивидом себя как члена данного общества [4]. Анализ студенческих парафраз этих лекций позволит обнаружить «задержавшиеся смыслы», внесенные в сознание педагогическим дискурсом, и провести параллели с конкретными дискурсивными практиками преподавателя.

Анализ микроэффектов педагогического дискурса предполагает исследование проникновения его элементов в разговорный репертуар студентов. Мы предлагаем осуществить этот анализ с помощью *автобиографического метода*. Суть применения данного метода заключается в установлении связи между смыслообразованием, включающим формирование идентичности (вербальные и визуальные образы) и дискурсивным горизонтом, откуда черпаются смыслы (образовательный, педагогический и др. дискурсы). Изучение автобиографий, которые также являются дискурсивным текстом, позволит проследить, с какими социальными группами и образами идентифицирует себя студент, как в деталях его речи воспроизводится идеология той социальной группы, с которой он себя идентифицирует.

В качестве объекта такого исследования могут выступить студенты выпускных курсов и преподаватели, работающие с этими студентами не эпизодически, а довольно часто. Студентов следует разделить на группы по профилю и по форме обучения, что

необходимо для обнаружения отличий, свидетельствующих о существовании разных педагогических дискурсов, производящих разные социально-культурные эффекты.

Наш исследовательский интерес к педагогическому дискурсу обусловлен темой будущей докторской диссертации, связанной с социологическим изучением скрытых учебных программ в образовании, которые, на наш взгляд, наряду с официальными (базовыми) учебными программами, имеют место в каждом учебном заведении. Скрытая учебная программа – это единый набор образовательного опыта, распространяемого учебными заведениями и агентами образовательного процесса путем практической деятельности, которая не всегда является очевидной, обязательной, документально закреплённой. Это – совокупность культурных смыслов и моделей, которые спонтанно транслируются образовательной средой – системой взаимосвязей и отношений, складывающихся в процессе образовательной коммуникации. Скрытая учебная программа направляет процесс социализации. Результаты этого процесса во многом зависят от специфики скрытой учебной программы, которая может способствовать либо препятствовать формированию качеств, необходимых для успешной включённости индивида в социальные процессы; развивать либо ограничивать индивидуальные проявления личности. Педагогический дискурс является одним из основных средств, обеспечивающих действие скрытых учебных программ. Этим обусловлена заинтересованность автора в проведении эмпирического исследования с использованием предложенной методики, которое планируется осуществить в ближайшей перспективе.

Если же говорить в общем, то результаты такого исследования могли бы послужить совершенствованию управленческой деятельности в образовании, направленной на повышение качества образования и устранение существующих противоречий. Кроме того, они могут стать основанием для расширения горизонтов научно-исследовательской деятельности представителей других наук (филологии, педагогики, социологии, культурологии, психологии и др.). Например, для: % выдвижения гипотез и последующего объяснения

фактов речи, закономерностей функционирования языка, конкретизации его функций (по отношению к индивиду и обществу в целом); % прогнозирования речевого поведения; % совершенствования методики проведения занятий, модернизации методических технологий преподавания; % структурирования педагогического дискурса; % выявления предпосылок, имплицитно присутствующих в образовательном процессе, под влиянием которых возникают, формируются и развиваются культурные интересы и потребности людей; % изучения процессов создания и передачи культурных ценностей и др.

Список литературы

1. Бернштейн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернштейн. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.
2. Каменская Н. Т. Понятие дискурса в лингвистике [Электронный ресурс] / Н. Т. Каменская // Филологические науки. Теоретические и методологические проблемы исследования языка. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8_NND_2010/Philologia/60574.doc.htm
3. Van Dijk Teun A. Discourse and Context. A sociocognitive approach / A. Van Dijk. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 22–72.
4. Kress G. Ideological Structures in Discourse / G. Kress // Handbook of Discourse Analysis. – Vol. 4. Discourse Analysis in Society: Academic Press. – London, 1985. – P. 27–42.
5. Chouliaraki L. Media Discourse and the Public Sphere / L. Chouliaraki // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance: Palgrave Macmillan. – Ltd, 2005. – P. 275–296.
6. Fairclough N. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 2. Discourse as Social Interaction. – London : Thousand Oaks, 1996. – P. 250–273.
7. Деррида Ж. Фрейд и сцена письма / Жак Деррида ; [пер. с фр. Г. К. Косикова] // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
8. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; [пер. с фр. Б. Левченко] ; общ. ред. Б. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

УДК 378.147.016:81'243:[316.77:044.738.5]

Т. К. Меркулова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЕЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ И РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Резюме

У статті розглянуто досвід проведення міжнародного українсько-американського проекту з використанням соціальних інтернет-мереж з метою підвищення внутрішньої позитивної мотивації студентів і вдосконалення їх мовленнєвих і письмових навичок та вмінь.

Спостереження за студентами під час проведення проекту «*LinguaExchange – Telecollaborative Partnerships*» й аналіз їх відповідей на запитання по його закінченні дозволяють зробити висновок, що подібні міжнародні проекти сприяють підвищенню мотивації студентів до вивчення іноземної мови, дають можливість реального спілкування з її носіями, дозволяють глибше познайомитися з реаліями сучасного життя молоді тієї країни, мову, чию вони вивчають, знайти нових друзів, при цьому вдосконалюючи навички й уміння письмового та усного спілкування.

Summary

The article discusses the experience of undertaking an international Ukrainian-American project using Internet social networks with the objective of increasing students' intrinsic motivation and developing their writing and speaking skills.

Observation of the students' performance during the joint Ukrainian-American project «*LinguaExchange – Telecollaborative Partnerships*» and the analysis of their answers to the follow-up questionnaire allow the author to make a conclusion that international projects of this kind greatly contribute to students' motivation to study the target language. They also enable the participants to communicate with native speakers, to better understand the realia of young people's life in the target language country, and to make new friends while improving their speaking and writing skills.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; внутренняя позитивная мотивация; социальные интернет-сети; совершенствование письменных и устных речевых навыков и умений.

Самым важным стимулирующим фактором при изучении иностранных языков, несомненно, является мотивация. В области обучения иностранным языкам психологические вопросы мотивации рассматривались в работах А. А. Алхазисвили, А. А. Леонтьева, Н. М. Симоновой и др. В рамках деятельностного подхода к обучению данную проблему исследовали С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и др. И. А. Зимняя определяет мотивацию как «запускной механизм, который вызывает целенаправленную активность физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека» [2]. Однако, на наш взгляд, запустить этот механизм и создать первоначальную мотивацию к изучению иностранного языка недостаточно. Поскольку это длительный процесс, результаты которого зачастую не видны сразу, основная трудность заключается в том, чтобы постоянно поддерживать внутреннюю позитивную мотивацию студентов, которая должна исходить из самой иноязычной деятельности. Приемы, с помощью которых преподаватель может поддерживать интерес студентов к изучению и общению на изучаемом иностранном языке, могут быть самыми разнообразными, в том числе с привлечением современных информационных технологий.

Социальные сети Интернета нельзя отнести к тем техническим средствам, которые были специально созданы для обучения иностранным языкам. Изначальной целью интернет-общения было решение деловых задач – информирование сотрудников и деловых партнеров, решение производственных проблем и рабочая коммуникация [1]. Однако благодаря своим огромным возможностям Интернет вскоре привлек внимание учителей и преподавателей иностранных языков. Поскольку основная цель обучения иностранным языкам – формирование коммуникативной компетенции [3], обучение практическому овладению иностранным языком, то есть обучение общению, передаче и восприятию информации, в том числе и с носителями языка, является неотъемлемой частью учебного процесса и внеучебной деятельности студентов языковых вузов.

Огромные возможности Интернета для развития коммуникативной компетенции студентов, чьей специальностью является иноязычная коммуникация, привлекли автора данной статьи к участию

в международном проекте «*LinguaExchange – Telecollaborative Partnerships*».

Идея проекта была предложена профессором русского языка одного из крупных университетов США. С украинской стороны, кроме автора статьи, в проекте принимала участие и была его координатором студентка V курса Татьяна Рыжая (в настоящее время – преподаватель Харьковского национального экономического университета).

Организаторы проекта «*LinguaExchange – Telecollaborative Partnerships*» с украинской стороны ставили перед собой следующую цель: предоставить украинским студентам, изучающим английский язык в качестве основной специальности, уникальную возможность использовать английский язык в режиме онлайн для общения с партнером – носителем изучаемого языка и культуры и, таким образом, повысить их мотивацию к использованию изучаемого языка во внеучебное время, а также совершенствовать их навыки и умения неподготовленной и неконтролируемой письменной речи.

Во время проведения проекта его участники с украинской и американской стороны должны были обмениваться письменными сообщениями через социальную сеть на сайте *Vkontakte.ru*. Проект был рассчитан на шесть недель и состоял из двух блоков, разделенных по языку общения. В течение первого блока переписка осуществлялась только на русском языке; в последующие три недели – только на английском.

В самом начале проекта необходимо было решить чисто технические вопросы – регистрация и создание аккаунта на сайте *Vkontakte.ru* (www.vkontakte.ru) и присоединение к группе *LinguaExchange*. Некоторых студентов, которые до участия в данном проекте никогда не переписывались на сайте *Vkontakte.ru*, необходимо было научить общаться в виртуальном пространстве вообще и на данном сайте в частности.

Затем студенты получали два опросника: один – составленный украинской стороной проекта, другой – американской. Координаторы с украинской стороны просили студентов ответить на следующие вопросы: (1) зарегистрированы ли они в социальной сети «ВКонтакте»;

(2) как долго они пользуются этой сетью; (3) какова цель использования этой сети (студентам предлагался выбор из предложенных ответов: для делового или дружеского общения, для получения учебной информации, для развлечения, для самовыражения, для распространения деловой информации); (4) сколько часов в день они проводят в данной социальной сети; (5) имеют ли они постоянный доступ к Интернету; (6) имеют ли они опыт общения с носителями языка, и если да, то какой; (7) какова цель их участия в данном проекте; (8) каковы их ожидания от участия в данном проекте.

Американские преподаватели также предложили украинским студентам ответить на ряд вопросов, которые носили более личный характер и выявляли их мотивацию к изучению и использованию английского языка. Некоторые вопросы были направлены на выявление личностных характеристик каждого участника проекта. Анализ ответов студентов на вопросы двух анкет и характеристики, данные преподавателями-организаторами проекта каждому из студентов, помогли координаторам подобрать пары участников, которые психологически подходили бы друг другу и могли общаться, получая от этого общения максимум пользы и не испытывая дискомфорта.

За неделю до начала проекта его участники получали по электронной почте информацию о своих партнерах и узнавали их имена. Общение проходило через «стену» партнера, на которой писались короткие сообщения.

Целью общения в течение первого блока было познакомиться с партнерами, узнать их интересы, выяснить, с какой целью они изучают русский/английский язык, с кем говорят по-русски/английски, где живут, были ли они уже в Украине/США, на каких языках говорят, какую музыку слушают, какие фильмы любят, кем хотят работать и т. д. Участникам проекта рекомендовалось зайти на личную страничку своего нового «друга» и посмотреть фотографии их партнеров, а также размещенные там песни, видео, сообщения на «стене» и статус. В качестве темы для разговора они могли, например, прокомментировать выбор музыки или видео своего партнера и обсудить их, если они слушают такую же музыку или смотрят такие фильмы.

Письменные сообщения американских студентов были доступны для их преподавателя, так как являлись частью их контролируемой внеаудиторной работы. Студенты получали конкретные задания, для выполнения которых они должны были общаться со своим партнером только на русском языке. Все задания были направлены на поиск информации о культуре, языке, особенностях образования и жизни молодежи страны изучаемого языка.

Во время второй фазы проекта партнеры общались исключительно на английском языке. Переписка украинских студентов не читалась и не контролировалась преподавателем, поскольку основной целью их участия в проекте было развитие внутренней положительной мотивации, то есть мотивации, связанной не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием деятельности, и основанной на положительных стимулах [2]. Контроль осуществлялся опосредованно: во время аудиторных занятий преподаватель расспрашивал студентов-участников проекта об их друзьях по переписке и старался задавать вопросы, связанные с устными темами, изучаемыми на занятиях, ответы на которые можно было узнать только из бесед с американскими партнерами.

Проект *LinguaExchange* проводился в течение двух лет. В 2011 учебном году организационный период проходил 7–11 марта, а собственно проект – с 12 марта по 21 апреля. С американской стороны в проекте принимали участие 35 студентов: 23 студента I курса (2-й семестр изучения русского языка) и 12 студентов II курса (4-й семестр). Возраст студентов – 18–25 лет. С украинской стороны в проекте участвовало 29 студентов, из них 25 студентов Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина: 5 студентов V курса, 9 студентов IV курса, 7 студентов III курса, 3 студента II курса, 3 студента других вузов Харькова и преподаватель Харьковского медицинского университета. Возраст студентов – 17–24 года. Одинаковый возраст студентов способствовал тому, что у них было довольно много общих интересов и тем для обсуждения.

В 2012 учебном году проект проходил с 22 марта по 11 мая; в нем принимало участие 20 студентов III курса Харьковского нацио-

нального университета им. В. Н. Каразина и 6 студентов II и IV курса Харьковского национального экономического университета.

По окончании проекта украинским студентам было предложено ответить на ряд вопросов. В результате были получены следующие ответы:

1. На вопрос, получили ли они удовольствие от участия в проекте, 90% участников дали положительные ответы; 10% ответили, что испытывают смешанные чувства по этому поводу.

2. На вопрос, что им особенно понравилось в проекте, ответы были очень разными, например: «Я общался с очень интересным человеком»; «Я много узнала о жизни американских студентов и, особенно, их сленг»; «Я никогда не думала, что американцы такие дружелюбные и общительные»; «У меня была прекрасная возможность улучшить свой английский язык» и т. д.

3. На вопрос, что им особенно **не** понравилось в проекте, студенты ответили так: «У моего партнера не хватало времени, чтобы общаться каждый вечер»; «Проект был слишком коротким»; «Не все партнеры были одинаково интересными людьми» и т. д.

4. На вопрос, интересно ли студентам было общаться с подобранными им партнерами, 90% участников дали положительные ответы; 10% – отрицательные.

5. На вопрос, интересны ли были вопросы, предложенные для обсуждения, 80% участников дали положительные ответы; 20% – отрицательные. Один из участников проекта при этом оставил такой комментарий: «Вопросы были интересными, но нам хватало своих тем для обсуждения».

6. Студентов попросили предложить свои темы для обсуждения участникам проекта-2013. Предложенные темы включают: искусство, литературу, современную культуру, поп-культуру, музыку и кино, планы на будущее, карьеру, свободное время молодых людей, сходства и различия украинского и американского образования, моральные ценности украинского и американского народа, отношение к инвалидам и пожилым людям.

7. На вопрос: «Хотели бы вы что-либо изменить в формате проекта-2013?» 90% участников ответили отрицательно, а один

студент написал: «Да, но не знаю, что». Одним из предложений по усовершенствованию проекта было использование интернет-услуги «Скайп» вместо социальной сети «ВКонтакте».

8. На вопрос, хотели бы они принимать участие в проекте-2013, все ответили утвердительно.

9. На просьбу дать оценку проекту в целом мы получили 100% положительных отзывов.

Наблюдение за участниками проекта и анализ их ответов позволили организаторам сделать вывод, что такие международные проекты действительно способствуют повышению мотивации студентов к изучению иностранного языка, дают возможность реального общения с его носителями, позволяют глубже познакомиться с реалиями современной жизни молодежи страны изучаемого языка, найти новых друзей, при этом совершенствуя навыки и умения письменного и устного общения.

Список литературы

1. Богданов Д. Б. Социальные функции интернета / Д. Б. Богданов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 114–120.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов / И. А. Зимняя. – 2-е изд. – М. : Логос, 2004. – 384 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, Академия, 2005. – 352 с.
4. Соловова Е. Н. Лингводидактика. Методика обучения иностранным языкам : Базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 238 с.

УДК 371.322.016:811.111

*В. С. Полина***ПУТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ АВТОНОМИИ
УЧАЩИХСЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ****Резюме**

Стаття присвячена проблемі стимулювання автономії студентів у вивченні мови в навчальному закладі. Наведено чинники, які зумовлюють необхідність формування у студентів-спеціалістів компетентнісної моделі навичок академічної автономії. Розглянуто дефініції самостійності й автономії учнів, акцентовано їх нетотожність і наведено рівні автономії для запровадження в навчальному процесі.

Рекомендовано новітню технологію в навчанні студентів англійської як другої мови спілкування і у формуванні компетенції автономного навчання – Європейське мовне портфоліо. Підкреслено важливість формування у студентів навичок об'єктивного самооцінювання академічних досягнень для автономного функціонування в процесі навчання. Запропоновано інші ефективні методи стимулювання автономії учнів у вивченні іноземної мови.

Summary

The article addresses the problem of encouraging learner autonomy in the foreign language mastering process. The factors that stipulate the formation of competence model academic autonomy skills in students-specialists are identified. The definitions of learner independence and learner autonomy are considered, their differences are underlined and the levels of autonomy to be introduced in the learning / teaching process at its particular stages are looked at.

Some of new techniques in teaching English as a second language of communication and as a means of learner autonomy skills formation, namely the European Language Portfolio, are recommended.

The learner skill of objective academic achievements self-evaluation, important for effective autonomous functioning while studying at a higher educational institution is stressed. A number of other effective methods of encouraging learner autonomy are suggested.

Ключевые слова: автономия в изучении языка, самоактуализация, мотивация, самоанализ, самооценивание, самокоррекция, личностно ориентированный подход, гуманистические подходы, метакогнитивные стратегии.

Реформирование системы высшего образования Украины поставило перед специалистами задачу обучения и воспитания личности новой формации – целостной, всесторонне развитой, способной совершенствоваться и самостоятельно ориентироваться в вызовах времени, адекватно отвечать на них в профессиональной и общественной деятельности, эффективно функционирующей в поликультурном обществе.

Актуальность статьи обусловлена значимостью для образования в Украине формирования личности и профессионала, способного мыслить и действовать компетентно и самостоятельно в условиях быстро меняющегося мира.

Проблема автономии студента в учебном процессе относительно нова в Украине и недостаточно разработана [4], есть некоторые теоретические выкладки относительно дефиниции автономии, ее роли в формировании гражданина и специалиста, но мало методических рекомендаций, как именно такие качества формировать [1; 2; 4; 5; 7]. Мы сделали попытку обобщить свой опыт реализации принципа автономии студента в процессе изучения английского языка на неспециальном факультете – «Бизнес-управление» ХГУ «НУА», что и определяет новизну исследования и вклад в практику преподавания английского языка.

Объектом исследования является содержание понятия автономии студента в учебном процессе.

Предметом исследования являются методы, приемы и технологии осуществления автономии обучаемого в процессе изучения английского языка.

Цель статьи – определить наиболее эффективные пути внедрения автономии студента в практику обучения английскому языку.

Материал исследования – общеевропейские рекомендации по языковому образованию, статьи и учебные пособия по проблеме исследования, новейшие технологии в преподавании иностранных языков.

Е. В. Стрелкова определяет автономию студента как способность самостоятельно выстраивать свою учебную деятельность, осознанно управлять ею, критически осмысливать и корректировать ее на основе

принятой личной стратегии и нести ответственность за реализацию принятых решений относительно своей учебной автономии [8].

Поэтому важно, чтобы в учебном процессе соблюдался принцип сочетания педагогического управления и самостоятельности студентов в формировании ценностных и социально-значимых качеств личности [2] и роли участников образовательного процесса были четко распределены и прописаны – равная ответственность за качество усвоения языкового материала, за формирование речевых навыков и различных компетенций – социолингвистической, социокультурной, дискурсивной, стратегической.

Практика показывает, что не все студенты готовы к такому сотрудничеству с преподавателем, в большом количестве случаев студенты пассивны, безынициативны и не мотивированы к такому виду деятельности, как выполнение заданий, необходимых для эффективного участия в актах коммуникации. Эта группа студентов предпочитает полагаться на преподавателя, механически следовать инструкциям к заданиям в учебнике, часто не понимая, для какой цели выполняется задание, какие навыки оно формирует, как эти навыки можно использовать в будущей профессиональной деятельности. Отсюда и уверенность у студента, что за его учебные неудачи ответственность несет преподаватель. Относительно небольшой процент обучающихся готовы активно участвовать в планировании, осуществлении, самоанализе и самокоррекции собственной учебной деятельности, то есть готовы к учебной автономии [6].

Согласно научно обоснованным методическим указаниям, «как только заканчивается преподавание, дальнейшее обучение должно быть автономным. Автономное обучение можно обеспечить, если «умение учиться» будет рассматриваться как интегральная составляющая изучения языка, таким образом, чтобы учащиеся глубоко осознавали способы учебы, направления, наиболее приемлемые для них. В рамках любой системы учебных заведений студенты могут быть научены намного лучше осуществлять выбор целей, способов и методов обучения с учетом их собственных нужд, мотиваций, характеристик и способностей» [3, с. 141].

Для этих целей в практике преподавания иностранных языков

утвердился личностно ориентированный подход, при котором упор делается на развитие личности учащегося как активного субъекта учебной деятельности. В теории и практике этого подхода акцентируется концепция автономии учащегося, то есть его желания и способности управлять процессом обучения в конкретной учебной ситуации и в дальнейшем на протяжении всей жизни [6].

В Украине в связи с общей тенденцией демократизации и гуманизации общества вопросы автономии учащегося в образовательном процессе как никогда актуальны.

«В основе концепции демократизации общества, а следовательно, и демократизации образования лежит концепция свободной, независимой, самостоятельной/автономной личности. Обучение, как известно, является частью процесса социализации. Поэтому, как отмечает В. Я. Нечаев, “если мы принимаем модель общества, в котором признается автономность и суверенность личности, то это, прежде всего, надо отнести к его культурогенезу”» [5].

Коммуникативная методика преподавания иностранного языка базируется на гуманистических подходах, в центре внимания которых – личность, стремящаяся к самоактуализации, открытая к восприятию нового, способная к конструктивной самокритике, к принятию решений и ответственности за их воплощение в жизнь. Активизация этих качеств возможна, если личность пользуется творческой автономией [5].

Однако автономию учащихся не следует отождествлять с их самостоятельностью, так как первое предполагает новое учебно-методическое обеспечение курса, которое способствовало бы смещению ответственности за организацию обучения и его результаты по всем параметрам учебной деятельности с преподавателя на студента, где роль преподавателя – консультант, который в начале учебного процесса знакомит студентов с программой курса, его целями и задачами, тематикой и сроками обучения, содержанием и формами контроля, критериями оценивания. При такой постановке вопроса преподавателю нужно выработать методику:

– как сконцентрировать внимание студентов на целях и задачах образования;

– как студенту самому управлять процессом своего образования [7].

Эффективным путем становления и развития учебной автономии студентов является обучение английскому языку с применением методики погружения [9], которая базируется на преподавании различных дисциплин в учебном заведении на иностранном языке. Исследователи Днепропетровского университета экономики и права установили 4 типа англоязычного погружения – подготовительное, предварительное, полное и щадящее – и описали эффективность каждого из них в достижении цели стимулирования учебной автономии студентов в процессе изучения английского языка и формирования профессиональных знаний и навыков по избранной специальности.

Общеакадемическая кафедра английского языка ХГУ «НУА» приступила к введению в практику преподавания методики предварительного погружения, исходя из факта, что студенты неязыковых специальностей слушают курсы профильных дисциплин на русском языке и нуждаются в овладении английским языком в качестве подготовки к дальнейшему полному языковому погружению в специальность.

В настоящее время методика погружения активно применяется в высшей школе. Основной подход к обучению получил название эксперенциальный (experiential), он предусматривает «попутное овладение языком в процессе совершения иной, экстралингвистической деятельности». Для этого требуется разработка специальных программ, профессиональная подготовка преподавателей, использующих эту методику, наличие аутентичных учебных материалов [9].

Развитие программ погружения для профессиональных дисциплин в неязыковых вузах Украины заметно отстает от ряда европейских стран, где популярность англоязычного погружения объясняется мобильностью профессоров и преподавателей, читающих свои курсы в нескольких вузах, иногда в нескольких странах, на английском языке – языке международного общения. Поскольку их программы англоязычного погружения не предусматривают преподавание английского языка, так как их студенты уже владеют им на уровне, достаточном для профессионального общения, в том числе для

прослушивания лекций по специальности, участия в семинарах, написания статей и т. д., то такие занятия на английском языке считаются обычным стандартным занятием по специальности.

В Украине пока еще нет такой интенсивной международной мобильности преподавателей и студентов, как в Западной Европе, поэтому методику погружения в непрофильных вузах Украины целесообразно использовать на младших курсах в обучении английскому языку для профессионального общения и считать этот период «предварительным погружением» для снятия основных языковых трудностей перед «полноценным» англоязычным погружением на занятиях по специальным экономическим дисциплинам на старших курсах [9].

Методика погружения базируется на искусственно созданной в аудитории обстановке делового общения, в которой у студентов формируются профессиональные навыки владения средствами английского языка. Такой путь вызывает необходимость формирования метакогнитивных стратегий, позволяющих обучающимся контролировать собственные познавательные процессы и координировать процесс обучения. Исследователи подчеркивают, что достижение результата учебной деятельности является менее важным фактором по сравнению с организацией процесса достижения данного результата [1; 6]. При этом важны не столько дисциплина и прилежность, сколько проявление студентом собственной умственной, речевой и речемыслительной активности, наличие радости и удовольствия от общения субъектов учебного процесса [2].

Все задания, рекомендуемые для выполнения в период предварительного погружения, направлены на обеспечение учебной автономии: обсуждение заданий и высказывание собственного мнения, основанного на личном опыте и фоновых знаниях, поиск недостающей информации в разных источниках, анализ и изложение результатов исследований / наблюдений в письменной форме, резюмирование и аннотирование текстов по специальности стимулируют студента автономно решать, когда, что и как сделать или написать и, в конечном итоге, позволяют студентам стать независимыми пользователями (independent users) делового английского языка [9].

Моделирование ситуации делового общения на английском языке путем использования аутентичных кейсов (case-studies), проектных работ (projects) [9], делает возможным и естественным формирование у студентов широкого спектра социокультурных навыков и умений, которые помогут им комфортно и эффективно функционировать в обстановке диалога/полилога культур как на личностном, так и на профессиональном уровне. Например, проверка домашних заданий вместо констатации «правильно-неправильно» может стать поводом для аргументирования своего собственного выбора, согласия-несогласия с вариантом соученика, рассуждения и т. д., что при последовательной и регулярной практике приведет к автоматизации навыков вербального и невербального поведения при решении не только отдельных интересных, необычных и волнующих вопросов, но и обыденных деловых проблем в корректной и предсказуемой форме.

Такой подход поможет убедить студента выполнять задания самостоятельно, не списывать, так как выявит недочеты в его знаниях, а значит, откроет возможности для самосовершенствования и самокоррекции, что является одной из составляющих учебной автономии студента.

Гуманизация образования – это двусторонний процесс, который предполагает, что каждый студент не только вправе рассчитывать на обучение в условиях, наиболее комфортных для самореализации, но также должен принять на себя ответственность за создание и поддержание атмосферы сотрудничества, взаимного уважения, толерантности, конструктивной критики и самокритики и других социокультурных навыков, ибо именно в таких условиях в учебной аудитории происходит тренинг будущих успешных профессионалов.

Конкретным примером создания подобного коллектива на занятиях по английскому языку могла бы послужить выработка коллективного «договора» по формированию доверительно-уважительных отношений в академической группе между студентами и преподавателями, который должен, прежде всего, убедить студента в том, что соблюдение условий «договора» способствует формированию его профессиональных качеств, которые наряду с владением специальностью

становятся доминирующими на рынке труда: преданность профессии, организованность, способность работать в команде, готовность отвечать на вызовы времени желанием и умением учиться всю жизнь. Формирование творческой личности не противоречит выработке навыка самодисциплины.

Привычки (например, быть организованным, то есть не опаздывать на занятия/работу, всегда иметь при себе учебные/рабочие материалы для полноценной деятельности в аудитории/в офисе, предупреждать преподавателей/администрацию о возникшей необходимости не присутствовать на следующем занятии/отсутствовать на работе заранее или извиниться за пропуск в спонтанно возникшей ситуации) закрепляются многократным повторением, поэтому формирование всех этих качеств нельзя откладывать на будущее, когда после окончания учебного заведения студент приступит к работе. Одновременно вырабатывается отношение к английскому языку не как к иностранному, а как ко второму языку общения, так как с его помощью так же, как и посредством родного языка, студенты получают информацию и передают ее, учитывают социокультурную составляющую коммуникации и т. д.

Технология «Европейский языковой портфель» (ЕЯП) была рекомендована Советом Европы по образованию как инструмент моделирования специалиста, владеющего иностранным языком как вторым языком общения. Наряду с использованием ЕЯП для формирования языковых, речевых и коммуникативных компетенций, эта технология успешно применяется как инструмент оценивания и развития ученика, оптимизации его иноязычной подготовки; как педагогический инструмент, способствующий развитию многоязычия и поликультурности; как средство мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка.

Общеакадемическая кафедра английского языка ввела технологию ЕЯП для формирования компетенции учебной автономии, что обеспечивает умение учиться на протяжении жизни.

Подводя итоги, можно отметить, что в соответствии с велением времени учебная автономия становится неотъемлемым компонентом процесса обучения иностранному языку и формирования личностных

и профессиональных качеств специалиста XXI века. Ограничение или отсутствие учебной автономии противоречит новой цели образования и тормозит переход от квалифицированной модели специалиста к компетентностной.

Список литературы

1. Аникина Ж. С. Учебная автономия как неотъемлемый компонент процесса обучения иностранному языку в XXI в. [Электронный ресурс] / Ж. С. Аникина // Вестн. Томского гос. ун-та. – Режим доступа: <http://vestnik.tsu.ru/vestnik/archive/97—344-mart-2011.html>. – Загл. с экрана.

2. Воронова Е. Н. Автономия в обучении иностранным языкам как основа современного языкового образовательного процесса [Электронный ресурс] / Е. Н. Воронова // Национальный исследовательский Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/node/63395>. – Загл. с экрана.

3. Загальноєвропейські рекомендації з мовної освіти: навчання, викладання, оцінювання / наук. ред. укр. вид. доктор пед. наук, проф. С. Ю. Ніколаєва. – К. : Ленвіт, 2003. – 273 с.

4. Караєва Т. В. Ставлення викладачів та студентів до автономії у процесі навчання англійської мови / Т. В. Караєва // Інозем. мови. – 2004. – № 1. – С. 36–38.

5. Полат Е. С. Разноуровневое обучение / Е. С. Полат // Иностр. языки в шк. – 2001. – № 1. – С. 4–8.

6. Полина В. С. Реализация новейших технологий обучения английскому языку в ХГУ «НУА» / В. С. Полина // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Х., 2012. – Т. 18. – С. 285–293.

7. Соловова Е. Н. Автономия учащихся как основа развития современного непрерывного образования личности / Е. Н. Соловова // Иностр. языки в шк. – 2004. – № 3. – С. 41–44.

8. Стрелкова Е. В. Реализация концепции автономии студентов в учебной деятельности как способ повышения продуктивности образовательного процесса / Е. В. Стрелкова // Альманах «Продуктивное образование»: индивидуальные образовательные траектории : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Ч. 2. – М. : Экшэн, 2006. – Вып. 8. – С. 67–70.

9. Тарнопольский О. Б. Методика англоязычного погружения в обучении английскому языку и специальным дисциплинам в экономических вузах : монография / О. Б. Тарнопольский, В. Е. Момот, С. П. Кожушко и др. – Д. : Изд-во ДУЭП, 2008. – 236 с.

УДК 378.147.22.016:811.111

А. А. Хильковская

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОНОМИИ У СТУДЕНТА, НЕ ГОТОВОГО К АВТОНОМИИ И СТУДЕНТОЦЕНТРИЧНЫМ МЕТОДАМ

Резюме

У статті розглянуто поняття автономії студента як необхідної умови для успішної реалізації в процесі навчання сучасних підходів до вивчення другої мови спілкування та запропоновано шляхи виховання автономного студента.

Автор пропонує дефініцію автономії студента, обґрунтовану актуальність проблеми формування автономії студента в контексті завдань, що стоять перед сучасною освітою. Зокрема, орієнтація на професійні компетенції. Розглянуто роль автономії студента у вивченні другої мови спілкування та доведено, що несприйняття деякими студентами сучасних підходів і студентоцентричних методів викладання має підґрунтям відсутність або недостатню сформованість автономії студента в процесі навчання.

Розроблено практичні рекомендації з організації навчального процесу, направлені на формування та стимулювання автономії студента в ньому.

Summary

The article deals with the idea of student autonomy as a necessary condition for successful application of modern approaches to the second language learning and practical ways of student autonomy education.

Definition of student autonomy is suggested, topicality of forming student autonomy in competence-oriented education is substantiated. The role of student autonomy in the second language acquisition is analyzed; it is proved that the reason why some students are uncomfortable with student-centered methods is their inability to be autonomous in the process of language learning.

Some practical ways of organizing teaching/learning process aimed at building and stimulating student autonomy in it are put forward.

In conclusion the author states that it is the teacher who bears most responsibility for making their students autonomous.

Ключевые слова: автономия студента, второй язык общения, компетенция, студентоцентричные методы.

Современное динамично развивающееся информационное общество заставило пересмотреть те задачи, которые традиционно ставились перед образованием и, в частности, перед высшим образованием. В школьных и вузовских программах четко и однозначно заявлена ориентация образования на формирование компетенций: успешной может быть только личность, способная к саморазвитию и самосовершенствованию, умеющая самостоятельно ориентироваться в потоке информации и отвечать на вызовы времени в своей социальной и профессиональной деятельности.

Практическим шагом на пути к формированию компетентной личности и профессионала должно стать такое учебно-методическое обеспечение каждого университетского курса, которое способствовало бы смещению ответственности за организацию процесса образования и его результаты с преподавателя на студента [2]. Другими словами, обеспечение автономии студента в учебном процессе является одной из самых актуальных задач образования на сегодняшний день.

Автономия студента определяется как способность самостоятельно выстраивать учебную деятельность, осознанно управлять ею, выбирать и применять различные стратегии, критически осмысливать и корректировать их, нести ответственность за реализацию принятых решений, касающихся собственной учебной деятельности.

Идея необходимости формирования и обеспечения автономии студента последовательно утверждается в методической литературе на протяжении последнего десятилетия, вместе с тем недостаточно разработаны практические рекомендации по организации учебного процесса таким образом, чтобы автономию студента в нем формировать и стимулировать.

Что касается обучения второму языку общения, то в этой сфере формирование автономии студента еще более актуально, поскольку обучение ведется в соответствии с общеевропейскими рекомендациями по языковому образованию, по современным аутентичным учебникам, реализующим коммуникативную методику преподавания, в центре внимания которой – личность, стремящаяся овладеть новыми умениями и навыками, открытая к восприятию нового.

Современные коммуникативные методики студентоцентричны (student-centered), они ориентируют студента на самостоятельный поиск информации в разных источниках, на самостоятельный отбор информации, на использование, уже на этапе обучения, полученных им знаний для решения конкретных задач, подобных тем, которые ему придется решать в ситуациях реального общения и в своей профессиональной деятельности.

Успешная реализация коммуникативных методик возможна только при условии, если личность изучающего язык пользуется в процессе обучения творческой автономией.

Но оказалось, что в наши дни, при всеобщем стремлении преподавателей и авторов учебных материалов сделать процесс как можно более студентоцентричным, многие студенты по-прежнему хотят видеть преподавателя центральной фигурой процесса обучения. Возможно, причиной того, что студенты привычно ориентированы на получение знаний от преподавателя, является то, что автономия как способность быть субъектом обучения у них не сформирована.

Цель данной статьи – очертить некоторые практические шаги, которые позволят формировать автономию студента в процессе обучения второму языку общения, а значит, воспользоваться всеми преимуществами студентоцентричных методов обучения.

Столкнуться не умеющего плавать в бассейн – не значит научить его плавать [1, с. 67]; оставить студента один на один с задачей (особенно, если это связано с иностранным языком) – не значит воспитать самостоятельного субъекта процесса обучения. Изучение языка – процесс длительный и постепенный, и на пути к обретению автономности студент нуждается в поддержке и помощи преподавателя. Преподаватель должен подготовить студента к самостоятельной деятельности, которая предстоит ему в курсе обучения.

Работа в паре является одной из очень эффективных форм организации учебной деятельности, но изучающие язык могут быть не в восторге от того, что преподаватель, возможно, не услышит, что и как они будут обсуждать в паре, не сможет проконтролировать и немедленно исправить допущенные ошибки. Не будучи готовыми к такой форме работы, некоторые из них решат, что, поощряя их

говорить друг с другом, преподаватель просто не выполняет свою работу как следует, или используют время парной работы для отдыха. Чтобы этого не происходило, работу в паре должна предварять четкая постановка цели. Затем участники коммуникации должны получить внятные и простые инструкции, это может быть и демонстрация диалога преподавателем в паре с одним из студентов, чтобы студенты увидели, как должна проходить работа в паре и какой может быть достигнут результат. Ответственность преподавателя состоит в том, чтобы разъяснить студентам, что результат коммуникации является основным критерием ее успешности, что в данном виде работы, как и в реальном общении, достигнутый результат важнее, чем ошибки, возможно, допущенные в процессе коммуникации.

Самостоятельная работа над языком играет важнейшую роль в формировании автономного субъекта обучения, и во многом именно самообучение могло бы компенсировать нехватку аудиторных часов на второй язык в условиях неспециальных факультетов. Но приходится сталкиваться с тем, что подавляющее большинство студентов не умеет учиться самостоятельно, а значит, ответственность за то, чтобы научить студента быть автономным, лежит на преподавателе.

Студент, привыкший к тому, чтобы вся его учебная деятельность проходила под постоянным контролем преподавателя, может решить, что материал, выделенный для самостоятельного обучения, менее важен и оставить его без внимания или решить заранее, что без помощи преподавателя ему не справиться. Если же преподаватель поможет своим студентам найти и осознать свои собственные, подходящие именно для них способы обучения и работы с новым языковым материалом (*learning styles*), эти знания пригодятся им не только для выполнения самостоятельной работы, но и для самообучения в дальнейшем.

Преподавателю стоит уделить время и внимание в аудитории обсуждению того, какие способы работы с языком предпочтительны для каждого, это даст возможность студентам увидеть, какое разнообразие стратегий есть в их распоряжении. Можно также обсудить со студентами, как те или иные стратегии могли бы быть

применены к тем заданиям, которые будут выполняться на данном занятии.

Если по окончании выполнения задания преподаватель предлагает студентам обсудить способы и подходы, использованные ими при самостоятельной работе, это помогает каждому оценить эффективность избранного подхода, узнать, какие подходы использовали другие, и, если они оказались успешными, испробовать их в дальнейшем. Очень важно, чтобы высказались все – и те, кто справился с заданием, и те, кому не удалось в этот раз добиться успеха.

Но важно не только познакомить студентов с разнообразными способами самообучения и помочь им осознать свой индивидуальный стиль обучения; чтобы помочь студентам стать автономными, преподавателю самому необходимо владеть разнообразными методиками преподавания.

Одни студенты боятся совершать ошибки, другие – с удовольствием учатся на своих ошибках, значит, на занятии должно быть достаточно и контролируемой преподавателем языковой практики, и возможностей для свободного высказывания.

Одна и та же цель занятия может быть достигнута разными способами, но, с точки зрения студентов, любой подход будет скучным, если преподаватель использует его постоянно. Деятельностный или эвристический подход, когда студенту предлагается самому выявить закономерность в языке или сформулировать правило, может наскучить точно так же, как и зубрежка правил, но преподаватель всегда может соблюсти баланс, предлагая студентам те методики, которые работают наиболее успешно в данной конкретной группе, и знакомя их с новыми методами обучения, с которыми они, возможно, еще не сталкивались.

Еще несколько способов помочь студенту обрести автономность:

- преподаватель должен дать студенту возможность и инструмент для самооценки (студент, имеющий возможность и умеющий оценить свой прогресс, получает мощнейший стимул для самосовершенствования);
- есть смысл использовать позитивную схему оценивания для письменных работ и устных презентаций (не отнимать какое-то

количество баллов за каждую допущенную ошибку, а добавлять за каждый удачно сформулированный тезис или за каждую использованную глагольную форму);

- нужно подготовить студентов к тому, что в живом общении всегда возможны ситуации недопонимания, эти ситуации можно смоделировать в классе; вооружить студентов стратегиями на случай проблем в коммуникации;

- преподаватель может предложить студентам сформулировать цели, которых они хотели бы достичь к концу семестра, года, курса, а по окончании этого периода вернуться к этому списку и проверить, какие из поставленных целей удалось достичь;

- некоторые преподаватели считают целесообразным привлекать студентов к планированию курса так, чтобы он как можно полнее соответствовал их интересам;

- преподаватель делает все от него зависящее, подводя студентов к тому, чтобы они принимали на себя ответственность за свое обучение, обсуждает с ними все вопросы, касающиеся обучения, в том числе, приемлемые и неприемлемые способы поведения в группе.

Становясь автономным субъектом процесса обучения и беря на себя ответственность за собственное образование, студент только выигрывает. Цель преподавателя – поддержать его на этом пути. Студентоцентричные методы обучения призваны формировать автономность студента, но если их применение становится не помощью, а препятствием, целесообразно не отказываться от этих методов, а научить студента пользоваться их преимуществами [4, с. 97]. Существует большое количество стратегий и подходов, которые может применить преподаватель, чтобы создать в классе благоприятную среду для применения студентоцентричных методов обучения и научить студентов самостоятельному поиску, работе в команде, самоанализу и самооценке.

Список литературы

1. Глоссарий современного образования / Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2007. – 508 с.

2. Зимняя А. Н. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Электронный ресурс] / А. Н. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос». – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. – Загл. с экрана.
3. Edge Julian. Essentials of English Language Teaching / Julian Edge. – London : Longman, 1993. – 123 p.
4. Marilyn Lewis. Using Student-Centered Methods with Teacher-Centered ESL Students / Lewis Marilyn. – Toronto : Pippin Publishing, 1996. – 103 p.

УДК 378.147.016.013.74:81'243(477+74)

Ye. V. Tarasova

A CONTRASTING OVERVIEW OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGIES IN UKRAINE AND THE USA

Резюме

Метою статті є порівняльний аналіз цілей та традиційних методологічних підходів до навчання іноземної мови, що склалися в сучасній Україні та США. Виокремлено низку методологічних відмін стосовно, зокрема, відношень «викладач-студент», пріоритетності структури чи змісту, підходів до формування в учнів іномовної граматичної, комунікативної та соціокультурної компетенції. Окремо розглянуто також поняття комунікативної компетенції, її структура та співвідношення її найважливіших складових в українській та американській педагогічних традиціях.

Комунікативну компетенцію подано як ієрархічну структуру, що включає граматичну, соціолінгвістичну, концептуальну, стратегічну та культурну компетенції. Підкреслено особливу роль соціолінгвістичного компонента, якому досі ще не приділялося належної уваги в українській практиці викладання іноземних мов.

Резюме

Целью статьи является сопоставительный анализ целей, задач и традиционных методологических подходов к обучению иностранному языку, сложившихся в современной Украине и США. Выделяется ряд принципиальных методологических отличий, касающихся, в частности, отношений «преподаватель-студент», приоритетности структуры или содержания, подходов к формированию у обучаемых иноязычной грамматической, коммуникативной и социокультурной компетенции. Отдельно рассмотрено также понятие коммуникативной компетенции, ее структура и соотношение ее важнейших составляющих в украинской и американской педагогических традициях.

Коммуникативная компетенция представлена как иерархическая структура, включающая грамматическую, социолингвистическую, концептуальную, стратегическую и культурную компетенции. Подчеркнута особая важность социокультурного компонента, которому до недавнего времени не уделялось должного внимания в отечественной практике преподавания иностранных языков.

Key words: communicative competence, socio-subcultural competence, conceptual competence, strategic competence.

Learning is experience; all else is information.

A. Einstein

Ukraine's striving to integrate into the world community brought about an unprecedented demand for foreign languages, particularly, for the English language as a vehicle of international communication, a prerequisite for successful careers and an obligatory part of general education. But the growing awareness of the importance of English has been accompanied by the growing dissatisfaction of Ukrainian public with the current model of foreign language teaching at both secondary and tertiary levels.

Comparison is universally known as one of the oldest instruments of cognition. Contrasting things and ideas has forever been a most productive and stimulating research technique. A contrastive approach involving recognizing differences and similarities promotes analytical and critical thinking and never fails to yield new insights into the object of scrutiny.

Incorporating a comparative dimension into foreign/second language (FL/SL) methodology is, paradoxically, a relatively new area of inquiry in this country, still largely underanalyzed. Yet, it seems as vital here as everywhere. The present US-Ukraine contrastive research effort was motivated by a lot of frustration repeatedly reported by Ukrainian teachers of English who found that their teaching endeavors were not fully appreciated in non-native educational and cultural contexts. Academic failures of many Ukrainian exchange students, too, have been caused by differences in classroom practices, teaching and learning styles between participants who came from different socio-cultural backgrounds.

In the **information acquisition model** [17], heavily emphasized in Soviet education and inherited to a great extent by post-soviet Ukraine formal instruction has always been viewed as the most important viable. In FL /SL teaching the said model has tended to mean accumulation of *knowledge* of and about a foreign language rather than the practical process of using the language – *proficiency*.

Yet, to anyone who has been exposed to academic settings in the English

speaking countries, it has long become obvious that «their ways of doing things in the classroom and our ways of doing things in the classroom» can in fact be characterized as two different «communicative worlds» [17, p. 267]. The following is the author's own experience-based contrastive overview of the main approaches to FL/SL training, its aims, and methods which has made it possible to formulate the following essential oppositions/contrasts.

To start with there is **teacher-centered vs. student-centered FL/SL teaching**. To understand Ukrainian FL/SL practices in a broader socio-cultural context, one needs to bear in mind that in Ukraine classrooms have always been very «status-marked» settings and the teacher-student relationship a markedly asymmetrical one. The Ukrainian teacher is expected to be «the boss» and preserve an appropriate distance from students. This unbalance of power has had an important shaping influence on activities performed in a foreign language classroom, in which everything is under the control of the teacher who tells, talks, directs and tests. No wonder, there is little communication and minimal feed-back from learners observable in the «artificial conditions» of the Ukrainian classroom.

In American educational ideology, students are treated as consumers whose needs and career expectations are prioritized. This cannot but affect the teaching methodology, which is predominantly **learner-centered**: learners are encouraged to share, argue, defend their points of view, are allowed to criticize and make suggestions. American teachers favor an **interactive** style of instruction which is part of their academic tradition. Knowledge that comes as a result, is not only something a teacher lays out but something that develops in the course of the dialogue in class, so that a teacher is viewed more as a **facilitator, or learning counselor**, rather than a «superior being» – a **master of learning, or drill-master**. In other words, learner-centeredness represents what could be called a «**partnership model**» of FL/SL teaching [6].

Next comes **content-centered vs. structure-centered FL/SL teaching**. For the creators of most Ukrainian FL/SL training syllabi and programs the prevailing assumption has been that students should learn to use the language in communication only **after** they have mastered its structures in text-book drills and other mechanical exercises. In other words,

Ukrainian educators tend to teach structural and functional syllabuses separately.

US FL/SL pedagogy, on the other hand, proceeds from the assumption that what needs to be taught is not one or the other but the interaction between the two. American educators make a big point of teaching the use of language **in its context**, «for utterances are always context-bound or «occasioned» [14, p. 256]. It is the situation, they argue, that prescribes different range of communicative behaviors. In short, **it is the content of the message that takes preeminence over accuracy of form** [2; 10; 13]. Given this priority, the teacher's main challenge becomes to engage students in **meaningful** interaction, i.e. in **real-life situations and social settings** – those which interest them or serve a special need in their daily lives or career prospects. Participating in such activities, students' attention is inevitably focused more on **what** they are saying than on **how** they are saying it, which, ultimately, enables them to achieve more significant levels of proficiency.

This brings us to the next important contrast, which can be formulated as **«learning by thinking vs. learning by doing»**.

Whereas in most European countries, including Ukraine, the primary aims of education have traditionally been gathering of useful information and development of the mind, predicated on the idea that accumulating the vastest possible amount of knowledge and intense intellectual training are good for both professional growth and for life, American is known to be an educational system in which «educational effectiveness is traditionally measured according to practical outcomes» [11, p. 5]. Mainstream education, and within it the teaching of foreign languages, have come to be based on **utility**: FL/SL training is seen primarily as a means of integrating the US more deeply into the world's «global economy». And it is in this light that we have to understand one of the most striking Ukrainian-American contrasts – that of **grammatical vs. communicative competence (accuracy vs. fluency)**.

In the former Soviet Union, and largely in Ukraine today, foreign language teaching has been predicated on the conviction that we can easily understand speakers of other languages provided we share the same code, so that all foreign language students have to do is learn the code and use it

accurately. This point of view corresponds to the concept of **grammatical competence, or accuracy**. In this tradition, learners get good grades and praise from teachers if they manifest good **knowledge** of linguistic rules and lexicon. Unfortunately, this kind of competence would only be sufficient for communicating in an artificially created, «dehumanized» world (like the classroom), as it completely overlooks the fact that language, above all, is something which is to be used and most utterances in social life are, in fact, actions.

The alternative approach is usually referred to as **communicative competence (CC)** and considered in the US to be the primary goal of FL/SL teaching at all levels [5; 9; 11 and many others]. The notion of CC was originally proposed by sociolinguists [10] to account for the fact that, to be effective in everyday social settings, speakers/listeners depend on knowledge that goes **beyond** phonology, lexicon and abstract grammatical structure.

The main assumption about CC is that the non-native speaker needs to learn how the language functions in society. Proficiency, therefore, is defined as «what students CAN DO with language, rather than what they KNOW ABOUT IT» [92, p. 265]. Class sessions, consequently, should require participants to *solve problems* in English, using the language for the normal purposes of communication: establishing social relations, seeking information, using the telephone, hiding one's intentions, winning the opponent in an argument over to his/her side, and so on. CC also presupposes Beteson's [3] notion of **frames of interaction**, which means that the learner must be taught to understand the activity the interlocutor is engaged in, i.e. the frame within which he is participating – joking, playing, complaining, arguing, bragging, abusing, flattering, etc. In the compressed definition given by Kramsch, CC is «**knowledge** about appropriate and effective communication behavior, development of **a repertoire of skills** that encompass both appropriate and effective means of communicating, and **motivation** to behave in ways that are viewed as both appropriate and effective by interactants» [10, p. 57]. As follows from the above, US communication theorists stress **situational appropriateness** as central to the communication process.

The importance of CC has been emphasized by vigorous efforts made

by American FL methodologists [1; 4; 5; 7; 9, to mention but a few] to further refine this concept by subjecting it to a «layer-cake analysis». Accordingly, the following «layers» have been identified:

- **grammatical/linguistic competence** which presupposes the knowledge of the code, i.e. the linguistic (grammatical and lexical) system of a foreign language and an ability to produce sentences in that language that are grammatically correct. Grammatical competence is normally evaluated with reference to the sentence, which is its basic unit. Yet, real-life communication goes beyond mastery of L2 (the target language) phonetic, lexical and grammatical structures and requires from speakers;

- **sociolinguistic competence**, which includes competence in the use of socio-cultural rules and conventions of L2 interaction and is normally defined with reference to its own basic unit – the utterance;

- **conceptual competence** which covers the communicator's ability not only to use appropriate L2 structures but also think within the framework of L2 conceptual system, or «framing-patterning» [12]. (For example, presenting a complaint within a «This is Business» frame in the US will not imply confrontation, dissatisfaction, or hostility, as it commonly does in a casual conversation). In Danesi's [7] view, conceptual competence also means the speaker's capacity to use L2 specific metaphorization mechanisms (hence – also the term *metaphoric competence*);

- **strategic competence** (also known as «conversational», «discursive», «procedural», «pragmatic» competence) which is defined by Kasper [8] as «an ability to avoid communication failures» in L2 and described by Bachman [4] as consisting of three main stages: 1) assessment by speaker of a communicative situation (frame recognition) and setting an appropriate communicative aim; 2) planning – speaker's eliciting from memory language forms and structures appropriate in the given situation; 3) execution – actual participation in a communicative episode by performing concrete speech acts.

And finally, there is

- **cultural competence** which is normally understood as the ability of a speaker to distinguish culturally true from culturally false utterances and characterizes **appropriateness** of an utterance in L2 ethno-cultural environment. The notion of cultural competence is being intensely developed

in the US by A. Wierzbicka [20; 21; 22] who argues that our speech behavior (both in L1 and L2) is regulated by what she calls «cultural scripts» existing at the level of national subconsciousness and ethno-psychology. A nationally specific system of such scripts constitutes, according to this scholar, an unwritten subconscious «cultural grammar of speech», whose rules are imperative for all the members of the given speech community. And this brings us to the last and crucial US-Ukrainian difference, namely, **country/civilization studies vs. cultural studies**.

Critical for any consideration of CC is an understanding of the fact that FL/SL language curricula should not be just task-oriented but also **socio-culturally shaped**. In the US, this idea gave a powerful impetus to the rapid and fruitful development of a new trend, called **ethno-methodology**. Its flag bearers [8; 11; 15; 16; 18; 19; 23 and others] advanced the slogan: «socio-cultural knowledge should be teachable».

It is an established methodological fact that foreign language instructors who teach a second foreign language to students in conventional classroom settings, generally transmit with that language a view of the world that mainly promotes the values and cultural assumptions of the L1 speaker's society. In Ukraine, too, we still have the model in which language is almost totally divorced from culture. For most veteran FL teachers trained in the Soviet times this dichotomy of language and culture seems to be an entrenched feature – the linguistic heritage of the profession.

In the US, where language is seen as social practice, the current methodological trend requires that culture becomes the very core of language teaching. Cultural awareness is viewed both as enabling language proficiency and as being an outcome of language proficiency. This kind of FL/SL teaching ideology has brought in the US a broader view of culture, «one in which culture provides the «playing field» for language rather than serving as an appendage to language» [13, p. 263].

To conclude: we fully realize that our contrastive research is based on a small-scale experiment, and the above observations are tentative and need verification on vaster and more diverse corpora. Yet, hopefully, they are awareness raising and highlight some intriguing differences in the respective FL/SL teaching methodologies. One thing seems certain though: the main task in the teaching of a proficiency-oriented socio-culturally

based syllabus should be not only to provide «quality input» but also «quality output», i.e. to ensure adequate feed-back from the learners. To quote Prof. Kendlin of Oxford University, «teaching should not be a process of «pumping in» but rather that of «pulling out» (from his lecture attended by the author of this paper in 1997).

References

1. Agar M. The bicultural in bilingual / M. Agar // *Language in Society*. – 1991. – № 10.
2. Breen M. P. The social context for language learning / M. P. Breen // *Studies in Second Language Acquisition*. – 1995. – № 7. – P. 135–158.
3. Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind* / G. Bateson. – New-York : Ballantine, 1978.
4. Buchman L. T. *Fundamental Considerations in Language Testing* / L. T. Buchman. . – Oxford University Press, 1990.
5. Canale M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing / M. Canale, J. Swain // *Applied Linguistics*, I/1. – 1980.
6. Grayshon M. C. *Towards a Social Grammar of Language* / M. C. Grayshon. – (J. Fishman, ed.), Mouton Publishers, 1997.
7. Danesi M. Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching; the neglected dimension / M. Danesi // *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics*. Georgetown University Press, 1992.
8. Kasper G. Interlanguage pragmatics in SLA / G. Kasper // *Studies in Second Language Acquisition*. – 1996. – V. 18. – № 2. – CUP.
9. House J. *Interlanguage Pragmatics: Perspective on Language Performance* / J. House, J. Kasper. – Tubingen : Narr, 1987:
10. Hymes D. *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach* / D. Hymes. – Philadelphia PA : University of Pennsylvania Press, 1974.
11. Kramsch C. *Context and Culture in Language Teaching* / C. Kramsch. – Oxford University Press, 1993.
12. Loveday L. Conflicting patterns in cross-cultural communication / L. Loveday // *Text*. – 1982. – 2 (4).
13. Met M. Teaching language and culture: a view from the schools / M. Met // *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics*. – Georgetown University Press, 1992.

14. Saville-Troike M. *The Ethnography of Communication* / M. Saville-Troike. – 2nd ed. – Oxford : Basil Blackwell, 1989
15. Scarcella R. C. *Discourse accent in second language performance* / R. C. Scarcella, R. Oxford // *Language Transfer in Language Learning*. – Rowley, MA : Newbury House, 1992.
16. Takahashi S. *Pragmatic transferability* / S. Takahashi // *Studies in SLA*, 18. – Oxford University Press, 1996.
17. Tarasova Ye. V. *Academic cultures in the US and contemporary Ukraine: a cross-cultural view* / Ye. V. Tarasova // *Інтеграція України у світове співтовариство*. USIA International Research and Exchange Board (IREX), Kiev, 1999.
18. Thomas J. *Cross-cultural pragmatic failure* / J. Thomas // *Applied Linguistics*, 4. – 1983.
19. Thomas J. *Research Methods in Interlanguage Pragmatics* / J. Thomas. – University at Manoa Press, 1991.
20. Wierzbicka A. *Different cultures, different languages, different speech acts. Polish vs English* / A. Wierzbicka // *Journal of Pragmatics*. – 1985. – V. 9.
21. Wierzbicka A. *Cross-cultural Pragmatics: the Semantics of Human Interaction* / A. Wierzbicka. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1991.
22. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals* / A. Wierzbicka. Oxford University Press, 1996.
23. Wolfson N. *Perspectives. Sociolinguistics and TESOL* / N. Wolfson. – Newbury House Publishers, 1989.

УДК 378.147.016:811.134.2

Е. М. Яриз

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ЯЗЫКОВОГО ПОГРУЖЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Резюме

Актуальність матеріалу, викладеного в статті, обумовлена невідкладними потребами модернізації методики викладання іноземної мови в умовах інтеграційного процесу і всесвітньої глобалізації. Для досягнення цієї мети автор пропонує використовувати ефективні методики викладання іноземної мови. Метод мовного занурення – унікальна методика, яка дозволяє вивчити практично будь-яку іноземну мову в стислі строки. Головною особливістю цього методу є повне занурення в мовне середовище на заняттях. Це досягається шляхом новітніх педагогічних, психологічних та ігрових методів, які дозволяють швидко й ефективно засвоїти навчальний матеріал і опанувати мову практично досконало. Метод занурення, в першу чергу, слід порекомендувати тим, хто збирається найближчим часом покинути свою країну і буде знаходитися в іншому мовному середовищі. При освоєнні іноземної мови методом занурення Ви не будете відчувати жодних перешкод, пов'язаних з мовним бар'єром іншої країни, зможете вільно спілкуватись, читати і писати іноземною мовою.

Summary

The relevance of the material set out in the article, due to the urgent need to modernize teaching of foreign languages in the process of integration and globalization of the world. To achieve this, the author proposes to use effective methods of teaching foreign languages. The method of immersion is a unique technique that allows you to learn almost any foreign language in a short time. The main feature of this method is a complete immersion in the classroom. This is achieved through innovative educational, psychological and gaming techniques that allow you to quickly and effectively absorb course material and master the language almost perfectly. Immersion method, first of all, should be encouraged for those going to soon leave his country and will be in a different language environment. When you learn a foreign language by immersion you will not feel

any barriers related to language barriers another country and be able to freely communicate, read and write in a foreign language.

Ключевые слова: информационный обмен, лингводидактическая система, образовательный потенциал, вторичная языковая компетенция.

Иностранные языки изучаются в целях их дальнейшего функционирования в качестве инструмента всестороннего информационного обмена, взаимодействия национальных культур, усвоения личностью общечеловеческих ценностей. Возрастают потребности страны в специалистах, способных использовать иностранные языки для эффективного обеспечения различных видов коммуникации. Выражая сущность социального заказа в адрес сферы языкового образования, эти потребности детерминируют содержание педагогической цели на социально-экономическом уровне. Роль и место изучения иностранного языка в системе общего среднего образования предопределяется особенностями современного социального заказа [1]. Реалии современной жизни требуют новых подходов к изучению иностранных языков, которое сделало бы возможным их широкое использование в качестве средства общения между носителями разных языков в контексте диалога их национальных культур. К другим первоочередным задачам социального заказа отнесены формирование у подрастающего поколения готовности к взаимопониманию, воспитание в духе толерантности; развитие способностей к пониманию культуры, образа жизни и мыслей других народов; умение передавать в процессе коммуникации собственные мысли и чувства. Выдвижение обозначенных задач в число приоритетных предполагает овладение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации.

Поэтому создание лингводидактической системы, адаптированной к потребностям сегодняшнего дня, осуществляется с учетом того, что владение иностранными языками рассматривается как важный фактор социально-экономического, научно-технического и культурного прогресса. Дидактическая перекодировка социально заданной цели для формулирования стратегической цели обучения иностранным языкам предполагает рассмотрение социального заказа в контексте

современной парадигмы образования и доминирующей в нашей стране образовательной стратегии [6].

История преподавания иностранных языков знает применение разнообразных методик, каждая из которых считалась в свое время передовой и эффективной. Всех их объединяет стремление обучить четырем основным языковым навыкам: аудированию, говорению, чтению и письму [5].

Все методы можно условно разделить на: структурные, функциональные и интерактивные. Соответственно, каждая группа представлена такими известными методами, как грамматико-переводной, аудиолингвистический, проприоцептивный, устного подхода, управляемой практики, коммуникативный, суггестопедический и т. д. [9].

В списке заслуживающих внимания методик достойное место занимает метод языкового погружения.

Языковое погружение в его терминологически устоявшемся значении – это преподавание иностранного языка без опоры на родной язык обучаемого.

Прототипом современного языкового погружения является метод обучения иностранному языку в России в конце XVIII века, что объясняется историческими и социальными причинами, когда в семью приглашалась гувернантка, разговаривающая только на своем родном языке. Главная модель языкового погружения (один человек – один язык) берет свои истоки именно оттуда. Ребенок легко и естественно обучался устной, в особенности диалогической, речи при помощи гувернантки или гувернера [2].

В наши дни, когда с каждым днем усиливаются интеграционные процессы, все острее ставится вопрос об эффективном обучении иностранному языку в максимально сжатые сроки. Это создало предпосылки к поиску интенсивных методов обучения практическому владению иностранными языками за короткий срок. Необходимо было не только в кратчайший срок сформировать у обучающегося определенный комплекс умений и навыков, но и заставить его преодолеть психологический барьер, неизбежно возникающий при искусственном формировании вторичной языковой компетенции.

На основе многолетнего опыта и анализа собранных данных одним из экспериментальных методов изучения иностранного языка стала программа языкового погружения.

Впервые программы языкового погружения стали использоваться в Монреале (Канада) с 1965 года. Их целью было дать живущим в Квебеке англоязычным канадским учащимся возможность овладеть официальным языком Квебека и вторым государственным языком Канады – французским. Исследования подтвердили, что большинство учеников, погружавшихся во французский язык, говорят на целевом языке так же хорошо, как и их сверстники – носители языка.

Программы оказались очень успешными и сейчас в канадских школах по ним занимается более 300 000 детей. Нарботанный методический опыт используется и в других странах, в том числе в Финляндии, Японии, Австралии, Испании и Соединенных Штатах Америки, Испании, ЮАР, Новой Зеландии, Эстонии, Венгрии и др.

Результаты медицинских исследований доказывают, что в основе «впитывания» языка маленьким ребенком и изучения иностранного языка подростком и, тем более, взрослым человеком лежат совершенно разные механизмы. Ребенок овладевает языком целостно, не выделяя из сложнейшего лингвистического комплекса отдельных структур (к примеру, правил грамматики), в то время как взрослый, изучая язык, продвигается от частного (тех же грамматических правил) к общему, от простого – к сложному. Кроме этого, ученые установили, что языки, спонтанно усвоенные в детстве, и языки, целенаправленно изученные в сознательном возрасте, локализируются (проще говоря, хранятся) в разных отделах головного мозга.

Программа языкового погружения стала одним из самых популярных методов обучения иностранному языку. Она может успешно реализовываться как в стране обучающегося, так и в стране изучаемого языка.

Во многих странах желающим предлагаются курсы иностранного языка, использующие методику языкового погружения. Программа

обучения в них отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к преподаванию иностранного языка, и удовлетворяет конкретные потребности слушателей в изучении необходимых им тем и сфер употребления языка. Содержание обучения специально адаптируется для каждого слушателя. Помимо обучения, слушателям предлагается большое количество развлекательных и культурных мероприятий. Занятия проходят с учетом интересов и предпочтений слушателя, что позволяет ему достигнуть всех желаемых результатов. Они гарантируются полным погружением в язык в процессе интегрированной устной практики с преподавателями – носителями языка, обучающими навыкам восприятия на слух, чтения и письма в светской и деловой обстановке. Многие программы включают ежедневную практику ведения телефонных переговоров и участия в многосторонних телефонных конференциях, изучение идиоматических выражений, принятых в деловых кругах и в повседневном общении. Полное погружение является самым эффективным и быстрым способом изучения иностранного языка. Медицинские исследования подтвердили рекомендуемую продолжительность курса – 7–14 дней, с учебной нагрузкой по 10–12 часов в день, из которых ежедневно уделяется от одного до двух часов отработке письменных навыков. Разработанная модель языкового погружения стремится дать слушателям возможность формирования уважительного отношения к традициям и культуре страны изучаемого языка.

Владение иностранными языками рассматривается как важное условие адаптации человека в эпоху глобализации. Их главное назначение на современном этапе – обеспечивать взаимодействие и сотрудничество народов; исключать возможности негативного влияния на процесс национальной самоидентификации и культурного самоопределения личности; повышать готовность человека к личной и профессиональной самореализации посредством использования иностранного языка [12].

Ни одно государство, каким бы богатым оно ни было, не может позволить себе неограниченно увеличивать объем учебных часов на освоение иностранных языков. Поэтому метод языкового погру-

ження, при котром другий язык використовується для преподавання таких предметів, як географія і математика, являється чрезвычайно економним і раціональним рішенням.

Список литературы

1. Бим И. Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы / И. Л. Бим // Иностранные языки в шк. – 2002. – № 2. – С. 18–21.
2. Державна національна програма «Освіта». Україна ХХІ століття. – Райдуга, 1994. – С. 8–10.
3. Державний освітній стандарт з іноземної мови (загальна середня освіта, V–IX класи). Проект / за ред. С. Ю. Ніколаєвої. – К. : Ленвіт, 1998. – 32 с.
4. Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам / Г. А. Китайгородская. – М. : Высш. шк., 1986. – 101 с.
5. Китайгородская Г. А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам / Г. А. Китайгородская. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 176 с.
6. Колкер Я. М. Практическая методика обучения иностранному языку / Я. М. Колкер. – М. : Academia, 2001. – 258 с.
7. Кривонос О. Б. Формування професійно-творчих умінь студентів, як основного показника їхньої професійної компетентності / О. Б. Кривонос // Педагогічні науки : зб. наук. пр. Ч. 1. – Суми : Сум. ДПУ ім. А. С. Макаренка, 2004. – С. 408–416.
8. Лозанов Г. Сущность, история и экспериментальные перспективы суггестопедической системы при обучении иностранным языкам / Г. Лозанов // Сб. «Методы интенсивного обучения иностранным языкам». – Вып. 3. – М., 1977. – С. 7–16.
9. Максименко С. Д. Загальна психологія : навч. посібник / С. Д. Максименко, В. О. Соловієнко. – К. : МАУП, 2000. – 256 с.
10. Методика викладання іноземних мов у середніх навчальних закладах : підручник / під ред. С. Ю. Ніколаєвої. – К. : Ленвіт, 2002. – 328 с.
11. Обучение общению на иностранном языке : учеб. пособие / [под ред. Е. И. Пассова, Е. С. Кузнецовой ; сост. Е. И. Пассов, Е. Г. Завесова]. – Воронеж : НОУ «Интерлингва», 2002.
12. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению : пособие для учителей иностр. яз. / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.

УДК 811.111'42:32

Т. М. Моторнюк

**ПОЛІТИЧНИЙ ДИСКУРС
ЯК УМОВА ФОРМУВАННЯ ІНШОМОВНОЇ
КОМПЕТЕНТНОСТІ У СТУДЕНТІВ ВНЗ
(на прикладі англійської мови)**

Резюме

В статті феномен політичного дискурсу розглядається в контексті дискурсу і іноязичної компетентності. Він розглядається як одне з умов формування іноязичної компетентності у студентів неязыкових спеціальностей вузу. Виділяються суттєві характеристики і трактування понять «політичний мовний», «дискурс», «політична комунікація», «іноязична компетентність». Обґрунтовуються складові іноязичної компетентності в контексті визначення змісту і шляхів її формування у студентів вузу. Описані особливості політичного мовного застосування на заняттях по англійському мові. Показано, що студенти також набувають професійну компетентність на заняттях по англійському мові при створенні умов впровадження політичної комунікації. Робиться висновок про те, що використання політичного мовного як основи змісту вивчення англійського мовного призведе до формування у студентів не тільки англійської компетентності, але і професійної.

Summary

The article deals with the phenomenon of political discourse in the context of discourse and foreign languages competence. It is grounded as one of condition of foreign languages competence development at higher educational establishment students. The main characteristics and definitions of notions such as political discourse, discourse, political communication, and foreign languages competence are outlined. The foreign languages competence components are discussed within the context of its contents developing and finding the ways of its implementation in the English-language learning process. The political language peculiarities are described according to its application in English classes. It is shown the way of professional competence getting by students in the process of English learning under the condition of political communication implementation. It is given the conclusion that the use of political language as bases of the content of English study will bring to development for students not only English-language competence but also professional.

Ключові слова: політичний дискурс, дискурс, політична мова, політична комунікація, іншомовна компетентність.

На сучасному етапі розвитку та життєдіяльності суспільства роль мови, зокрема англійської, стрімко та невпинно зростає. Головною причиною цього зростання став інформаційний бум, зумовлений становленням та розвитком найновіших технологій. Це зумовило необхідність доступу до інформації та максимально швидкого обміну нею, удосконалення старих та створення нових засобів зв'язку, в тому числі й електронних, а також надало нового імпульсу розвитку засобів масової інформації. Володіння інформацією, інтенсивний обмін нею в сучасних умовах загострили проблему ефективності мовної комунікації. Це безпосередньо стосується і політики. Сучасне суспільство стає більш динамічним і політична комунікація в ньому набуває все більшого значення. Одним із найважливіших її компонентів є політична мова. Аналіз її функціонування в суспільстві дає можливість дослідити особливості проблеми політичної мови з метою формування необхідних комунікативних навичок у студентів вищих навчальних закладів. З огляду на це актуальності набувають дисципліни, які мають безпосереднє відношення до вивчення мов. Саме на заняттях з англійської мови студенти мають змогу набути необхідні іншомовні комунікативні навички на прикладі реальних ситуацій за спеціальністю навчання. У такому разі політичний дискурс можна розглядати як умову формування англомовних комунікативних навичок у студентів немовних спеціальностей.

Політична мова у межах політичного дискурсу є складним і багатогранним феноменом, який потребує всебічного та багатоаспектного аналізу. Саме тому вона є предметом вивчення цілого ряду наук. Аналіз функціонування мови у сфері політики знаходиться у центрі уваги філософів, лінгвістів, політологів та ін.

Актуальним при дослідженні політичної мови є аналіз соціально-політичної лексики (Р. Т. Белл, В. Г. Костомаров, А. Н. Баранов, В. Н. Цоллер, О. В. Олейченко, Т. В. Весна, Л. В. Мінаєва, В. Шмідт), оскільки, як відомо, саме лексична система мови найбільш оперативно відображає ті соціально-політичні зміни, які відбуваються в суспільстві. Теоретичне обґрунтування політичної комунікації заклали

дослідження Н. Вінера, К. Шеннона, У. Уївера, М. Бубера, Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, А. Тоффлера та багатьох інших вчених, що працювали й працюють у цій галузі. Істотний внесок у становлення цієї науки зробили сучасні вчені: Е. Аронсон, К. Джон, Б. Макмайер, Д. Уїлхем, Ю. Буданцев, Б. Грушин, С. Кара-Мурза, Г. Почепцов, А. Соколов та ін.

Проблемам дискурсу як когнітивно-комунікативного феномену присвячено праці Л. Р. Безуглої, Є. В. Бондаренко, П. М. Донець, А. П. Мартинюк, О. І. Морозової, В. Г. Пасинок, Л. В. Солощук, І. С. Фролової, І. С. Шевченко та ін. Проведений аналіз наукової літератури засвідчує, що проблемі іншомовної компетентності присвячена значна кількість праць як зарубіжних, так і вітчизняних учених: Є. М. Верещагіна, І. А. Зимньої, В. Г. Костомарова, Т. В. Колбіної, І. В. Кухти, Є. І. Пасова та ін.

Проте недостатньо повним залишається дослідження використання політичного дискурсу у контексті формування англомовної компетентності у студентів немовних спеціальностей.

Метою статті є аналіз на основі накопиченого теоретичного і практичного матеріалу розкриття сутності та особливостей функціонування політичного дискурсу як необхідної умови формування іншомовної професійної компетентності (на прикладі англійської мови) у майбутніх фахівців філософської, політичної, політологічної та інших сфер діяльності. *Завдання* – виокремити роль політичного дискурсу в контексті понять дискурсу та іншомовної компетентності, показати необхідність запровадження політичної мови у процесі вивчення англійської мови студентами політико-спрямованих спеціальностей.

Поняття «політична мова» значною мірою метафоризоване, ймовірно, саме тому воно не має чіткого визначення. Найчастіше його замінюють терміни «політичний дискурс», «політична комунікація»; застосовуються також формули «суспільно-політична мова», «мова суспільної думки», «мова політичної сфери» тощо. У широкому сенсі політична мова є комунікативним елементом будь-яких дій у політичній сфері, оскільки кожна акція певної політичної сили в суспільному вимірі набуває, окрім безпосереднього результату, значення сигналу. До сфери політичної мови відносять також увесь спектр проблем, пов'язаних із

політичною коректністю та боротьбою за чистоту мови. Оптимальними визначеннями можна вважати ті, які характеризують політичну мову як суспільний ресурс, з одного боку, і як сукупність дискурсивних практик – з іншого. У семіотиці, яка структурує різні підходи до визначення змісту і функцій політичної мови, її розглядають як корпус знаків, що окреслюють семантичний простір політичного дискурсу. Політична мова як система комунікації, здійснюваної за допомогою звуків і символів, виступає як найбільш зримий, відчутний «на дотик» елемент *політичної культури* і водночас найточніший маркер ідентичності. Розглядаючи політичну мову як систему комунікації, звернемо увагу на розуміння науковцями поняття «дискурс».

Тлумачення дискурсу є багатоаспектним. Так, І. С. Шевченко та О. І. Морозова наголошують на тому, що мисленнево-комунікативний дискурс – це інтегральний феномен, мисленнево-комунікативна діяльність, яка є сукупністю процесу та результату і включає як позалінгвальний, так і власне лінгвальний аспект; в останньому крім тексту виділяється пресуппозиція й контекст (прагматичний, соціальний, когнітивний), які обумовлюють вибір мовних засобів [2, с.105–106].

І. С. Шевченко підкреслює, що дискурс є багатогранною мовно-когнітивно-комунікативною предметно-пізнавальною сферою, яка визначається трьома аспектами: аспектом мовного використання, передаванням/ конструюванням ідей і переконань, тобто когнітивним аспектом, соціально-прагматичним аспектом – взаємодією комунікантів у певних соціально-культурних контекстах і ситуаціях [2, с. 106]. Виходячи з цього науковець зауважує щодо важливості соціопрагматичного підходу при аналізі дискурсу. Соціопрагматичний підхід – це звернення прагматики до аналізу мовлення як соціальної практики комунікантів з урахуванням існуючого соціального устрою, пошуку шляхів оптимізації цієї практики у критичному аналізі дискурсу (запровадження політкоректності тощо) [2]. З огляду на зазначене вище, актуальності набуває соціокультурний контекст формування іншомовної компетентності (у нашому випадку англомовної) у студентів немовних спеціальностей ВНЗ. Так, І. В. Кухта виокремлює у структурі іншомовної компетентності три базових компоненти, які «відповідають» за рівень комунікативної культури: лінгвістичну, соціальну та

комунікативну компетентності [3]. Лінгвістична компетентність являє собою систему внутрішньо засвоєних комунікантом знань (правил) функціонування іноземної мови і проявляється у їх використанні в мовленнєво-мисленнєвій діяльності. Зміст соціальної компетентності розкривається через соціокультурний, соціолінгвістичний та професійний компоненти, які сприяють реалізації основної мети сучасної освіти, коли іноземна мова розглядається як засіб соціокультурного розвитку особистості, збагачення знаннями нової культури. Суть комунікативної компетентності розкривається через прагматичний, дискурсивний та інформативний компоненти. Під прагматичним (стратегічним) розуміють правила входження в контакт із співрозмовником, здатність підтримувати його упродовж усього процесу спілкування та логічно завершити. Важливо те, що комунікативна прагматичність означає готовність передавати комунікативний зміст у конкретній ситуації спілкування. Під дискурсивним компонентом розуміють правила побудови змісту конкретного висловлювання. Дискурсом є форма комунікативного змісту («що сказати» і «як сказати»), що завше адресується співрозмовнику, слухачеві або читачеві і характеризується такими якостями: зв'язністю, логічністю, організацією. Зазначені якості дискурсу особливо примітні в писемному мовленні, а в усному більш важливі такі, як лексико-граматичний зв'язок, змістова логічність і відповідна організація висловлювання. Це значно уточнює схарактеризоване вище поняття дискурсу. Інформаційний компонент спрямований на засвоєння змістового предмета спілкування. У процесі його формування на заняттях з англійської мови студент отримує набір необхідних понять, що описують ту чи іншу ситуацію, інформацію з минулого досвіду у вигляді знань і взірців поведінки, знання навколишньої дійсності, здатність описати її і своє ставлення до неї в іншомовній формі, загальний кругозір тощо.

З огляду на зазначене вище, важливості набуває створення ситуативності спілкування з використанням політичної мови на заняттях з англійської мови для студентів немовних спеціальностей, зокрема майбутніх фахівців, які пов'язані з політичною діяльністю, що сприяє формуванню уміння студентів оперативно орієнтуватися в комунікативній стратегії іншомовного висловлювання.

Застосування політичної мови на заняттях з англійської мови дасть змогу відтворити атмосферу реальності комунікації. До політичної мови можна віднести, перш за все, мову публічних виступів політичних діячів. Особливим видом політичної мови є парламентська мова або так звана «мова парламентських дебатів». Сюди входить і мова політичної пропаганди та політичної реклами в усній та письмовій формі. Специфічним видом політичної мови є мова різноманітних політичних документів (договорів, угод, законів). До проявів політичної мови також відноситься мова різноманітних передач на політичні теми, блоків політичних новин на радіо та телебаченні, рубрик, які відводяться політичним подіям у пресі, статей на політичні теми тощо. Політична мова завжди включає не тільки повідомлення про політичну дійсність, а й її інтерпретацію та як явну, так і приховану оцінку, вона орієнтована на те, щоб викликати бажану для політико-комунікативного суб'єкта мовну чи поведінкову реакцію з боку об'єкта комунікації.

Політична мова є особливою підсистемою мови як такої, що обслуговує політичну комунікацію, інструмент, що використовується у боротьбі за *владу* і статус. У структурі політичної мови можна виділити мову законодавства та адміністративно-правової сфери, мову управління, мову дипломатичного спілкування та переговорів, мову політичної пропаганди та реклами, мову політичного виховання. На основі політичної мови розробляється контекст англійської комунікації.

Таким чином, у процесі формування іншомовної компетентності студенти також набувають професійну компетентність. На заняттях з англійської мови необхідно створити умови здійснення політичної комунікації, звертаючи увагу на те, що політична комунікація, яка виконує в суспільстві функцію пошуку консенсусу, взаємопорозуміння, визначається як процес суспільної взаємодії за допомогою повідомлень, змістом яких є державне управління, здійснення політичної влади взагалі. Ця взаємодія відбувається в різних формах: від приватних зустрічей керівників держави до випуску спеціальних інформаційних видань і виступів політиків на сесіях, зібраннях та форумах. В. Бебик вважає, що політична комунікація – це процес передачі і обміну спеціальною політичною інформацією, що циркулює між частинами політичної системи, між політичною і суспільною системами, а також

між суспільними групами та індивідами [1, с. 28]. А оскільки основний спосіб передачі політичної інформації вербальний, тобто мовний, мова привернула увагу фахівців з політичної науки. За таких умов англійську мову можна розглядати як один із засобів політичної комунікації, що відбувається у процесі комунікативної взаємодії її учасників. Комунікативна взаємодія передбачає: взаємний обмін інформацією, а саме – передачу інформації та забезпечення її розуміння всіма учасниками комунікативного процесу; активну взаємодію суб'єктів комунікації, починаючи від оцінки, сприйняття чи несприйняття інформації і закінчуючи об'єднанням з метою організації спільної діяльності, у процесі чого формується взаєморозуміння, суперництво чи конкуренція; взаєморозуміння учасників комунікації. Звертаючи увагу на ці процеси, необхідно моделювати відповідні комунікативні ситуації з використанням політичної мови на заняттях з англійської мови.

Висновки. У процесі дослідження виявлено, що не можна отожднювати політичну мову і політичний дискурс, поняття дискурсу є більш ємним і багатоаспектним. Політичний дискурс у контексті соціопрагматичного підходу розглядається у площині практики комунікантів, що підвищує роль політичної мови як основи такої комунікації. Соціокультурний аспект комунікації є складовою іншомовної компетенції, яку формують у студентів на заняттях з англійської мови. Таким чином, використання політичної мови як основи змісту вивчення англійської мови призведе до формування у студентів не тільки англомовної компетентності, а й професійної.

Список літератури

1. Бебик В. К проблеме коммуникации и ее функции в обществе / В. Бебик // Персонал. – 2004. – № 3. – С. 28–33.
2. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : моногр. / [Безугла Л. Р., Бондаренко Є. В., Донець П. М. та ін.]; під заг. ред. І. С. Шевченко. – Х. : Константа, 2005. – 356 с.
3. Кухта І. В. Іншомовна компетентність у контексті формування комунікативної культури студентів у процесі вивчення іноземної мови [Електронний ресурс] / І. В. Кухта // Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. «Гуманізм та освіта». – Режим доступу: <http://conf.vntu.edu.ua/humed/2008/txt/Kuchta.php>

УДК 378.147.016:811.111'276.6

Л. А. Артеменко

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЧТЕНИЮ

Резюме

У статті розглянуто проблему реалізації компетентнісного підходу до вивчення іноземних мов і, зокрема, до читання професійно-спрямованих текстів. Підкреслено важливість читання і формування навичок читання в навчанні професійно-спрямованої англійської мови. Ідентифіковано сильні й слабкі сторони навчання англійської для спеціальних цілей. Визначено, що в процесі опанування англійської мови студенти мусять придбати чотири мовних навички, серед яких читання відіграє важливу роль. Обґрунтовано актуальність компетентнісного підходу до вивчення іноземних мов. Розглянуто значення термінів «компетентність», «компетенція» та «компетентнісний підхід». Охарактеризовано основні компетенції, що мають бути сформовані при читанні професійно-орієнтованих текстів. Рекомендовано методи щодо формування у студентів економістів і соціологів навичок читання професійно-орієнтованих текстів у інтеграції з розвитком інших мовних навичок.

Summary

The paper deals with the problem of implementing a competency-based approach to teaching foreign languages and ESP (English for Specific Purposes), reading in particular. Strong and weak points of ESP teaching are identified. It is emphasized that in the process of mastering English students must acquire four language skills, reading among them of an especially important role. The significance of reading and reading skills development in ESP teaching and learning are discussed. The topicality of the competency-based approach to teaching foreign languages is substantiated. The concepts of 'competency', 'competence' and 'competency-based approach' are considered. The main competences to be formed when reading ESP texts are characterized. Techniques for efficient teaching ESP reading skills to students of economics and sociology are suggested.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, компетентностный подход, профессионально-ориентированное чтение, английский язык для специальных целей, навыки чтения.

Объектом исследования в данной статье является компетентностный подход в процессе обучения студентов неязыковых специальностей.

Предметом исследования является методика обучения студентов-экономистов иноязычному профессионально-ориентированному чтению текстов по специальности.

Целью исследования является выработка стратегий формирования у студентов компетенций, необходимых для работы со специальной литературой.

Современный период развития образования характеризуется тем, что традиционная знаниевая парадигма больше не удовлетворяет требованиям, предъявляемым обществом к образованию. Ускорение темпов развития общества, изменение ситуации на рынке труда (диверсификация профессий, необходимость менять работу, учиться на протяжении всей жизни и т.п.), расширение процессов информатизации вызывают необходимость формирования инициативной, самостоятельной, компетентной личности. Целью образования становится формирование у студентов ключевых образовательных компетенций [3].

Международный обмен студентами и специалистами, получение или продолжение образования за рубежом, возможность получения профессионально значимой информации в сети Интернет требуют от современного специалиста компетентного владения иностранным языком.

Как свидетельствуют многочисленные публикации, уровень владения иностранным языком выпускников неязыковых вузов не всегда соответствует современным требованиям. Существует ряд объективных причин, в частности:

- недостаточная разработка методологических принципов обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов;
- ограниченность работы с иноязычным текстом чисто структурным подходом без должного когнитивного и семантического анализа;
- отсутствие интеграции обучения навыкам работы с иноязычным текстом с формированием у обучаемых коммуникативных навыков;

- преваляирование грмматико-переводного метода работы с текстом при недостаточном внимании к формированию у студентов профессиональной коммуникативной компетентности;
- отсутствие у студентов должных навыков обсуждения проблем профессионального цикла на изучаемом иностранном языке;
- неумение студентов на практике использовать приобретенные знания, умения и навыки для решения практических задач;
- различный уровень подготовки абитуриентов (выпускников обычных и специализированных школ) по иностранному языку.

Современная методика обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов включает ряд традиционных и инновационных концепций, методов, технологий, подходов, имеющих свои преимущества и недостатки. Выбор и эффективность метода обучения зависят от целей обучения, контингента обучаемых, продолжительности учебных курсов. Психологи полагают, что при выборе методов и приемов обучения иностранному языку в вузе необходимо также учитывать возрастные психологические особенности студентов, их потребность в самоидентификации и самореализации в новых социальных условиях, существующую у них необходимость принятия ответственных решений и осознания своих сильных и слабых сторон, своего потенциала [4].

Система украинского образования претерпевает значительные изменения, в том числе и в сфере обучения иностранным языкам. На смену знаниецентристскому подходу приходит подход компетентностный, ориентированный на результат. Эффективность профессионального образования будущего специалиста, частью которого является владение иностранным языком, во многом определяется принятой образовательной концепцией и построенной на ее основе моделью подготовки специалиста.

Компетентностный подход к обучению соответствует требованиям современного социального заказа общества и реализуется за счет новейших достижений в области методики преподавания иностранных языков. Профессионально-ориентированная подготовка по иностранному языку с позиции компетентностного подхода должна обеспечивать не только определенный уровень знаний, умений и навыков

студентов в области иностранного языка, но и формировать их готовность к общению на иностранном языке в процессе решения практических и теоретических задач, то есть иноязычную профессионально-коммуникативную компетентность [8]. Актуальность компетентностного подхода в образовании обусловлена динамизмом жизненных процессов, колоссальными информационными потоками, профессиональной мобильностью, требующими формирования личности, умеющей жить в новых условиях и обладающей такими качествами как ответственность, стрессоустойчивость, творческий потенциал, способность принимать конструктивные и компетентные решения в различных видах жизнедеятельности [7]. «Преимущество компетентностного подхода заключается в том, что он позволяет сохранить гибкость и автономию в структуре и содержании учебного плана» [1].

В литературе существует множество трактовок терминов «компетенция» и «компетентность» – понятий, которые следует различать.

В Документе Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка» четко определено понятие компетенций: «Компетенции представляют сумму знаний, умений и личностных качеств, которые позволяют человеку совершать различные действия. Общие компетенции являются не только языковыми, они обеспечивают любую деятельность, включая коммуникативную. Коммуникативные компетенции позволяют осуществлять деятельность с использованием языковых средств» («Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment») [2].

По мнению И. А. Зимней, компетентность включает мотивационный аспект – готовность к проявлению компетентности; когнитивный аспект – владение знанием содержания компетентности; поведенческий аспект – опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях; ценностно-смысловой – отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения.

Вслед за А. В. Хуторским мы полагаем, что компетенция – это заданное требование к образовательной подготовке студента,

а компетентность – уже состоявшееся его личностное качество и определенный опыт деятельности в заданной области [9].

Согласно А. В. Хуторскому, образовательная компетенция – это совокупность взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности обучаемого, необходимых для осуществления лично и социально значимой продуктивной деятельности по отношению к объектам реальной действительности [10].

Образовательные компетенции по своему содержанию носят бинарный характер, так как, с одной стороны, это умение и способность успешно учиться, с другой – готовность и способность успешно осуществлять профессиональную деятельность.

Профессиональная компетентность определяется не только высоким уровнем знаний, но и такими общими компетенциями как способность эффективно работать в команде и индивидуально; умение эффективно использовать различные методы коммуникации в профессиональной среде и социуме, владение иностранным языком, осознание необходимости учиться в течение всей жизни.

Исходя из главных целей обучения определяются *ключевые компетенции*. Академик А. В. Хуторской выделяет 7 ключевых образовательных компетенций: ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая и компетенция личностного совершенствования [5; 9].

Формирование ключевых образовательных компетенций при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов основывается на совокупности пяти взаимосвязанных компонентов: цель, содержание, методы, формы и средства обучения.

В ХГУ «НУА» разработан методический комплекс, синтезирующий и модифицирующий существующие методы, приемы, формы обучения английскому языку студентов факультетов «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент». Адаптивная система обучения, гибкий индивидуализированный темп работы, динамический контроль и направленная коррекция результатов, наличие материалов для самостоятельной работы, восприятие студента как субъекта обучения способствуют повышению качества обучения.

Компетентностный подход реализуется и при обучении чтению, важному и необходимому аспекту обучения для успешного функционирования как в академической и профессиональной среде, так и в повседневной жизни. Ориентация на компетенции предполагает, что важнейшая задача на каждом этапе изучения языка – научиться решать задачи, подобные тем, которые возникают в реальной жизни у любого пользователя языка: поиск необходимой информации в тексте, определение коммуникативного намерения говорящего, выполнение инструкции, поиск объекта по его описанию и т.д.

С позиции компетентностного подхода в процессе чтения формируются:

- ценностно-смысловая компетенция: определение ценностных представлений, умение выбрать целевые и смысловые установки для своих действий, принимать решения;
- общекультурная компетенция: знание особенностей национальной и иноязычной культуры, духовно-нравственных ценностей, компетенции в бытовой и культурной сферах, общественной морали;
- учебно-познавательная компетенция: развитие логики мышления, умений планирования, целеполагания, анализа, рефлексии и самооценки;
- информационная компетенция: формирование умений самостоятельно находить, анализировать и отбирать необходимую информацию;
- коммуникативная компетенция: способность и реальная готовность к общению адекватно целям, сфере и ситуации общения, готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию;
- социально-трудовая компетенция: умение анализировать ситуацию на рынке труда, действовать в соответствии с личной и общественной выгодой, владеть этикой трудовых и гражданских взаимоотношений;
- концепция личностного самосовершенствования: овладение способами физического, духовного и интеллектуального саморазвития, выработка эмоциональной саморегуляции и выдержки [6].

Обучение чтению представляет собой сложную и актуальную проблему, как в отечественной, так и зарубежной методике, вызывая

необходимость формирования комплексов лингвистических, текстовых, профессионально-познавательных и учебных задач.

Целью обучения чтению является формирование у студентов целого ряда компетенций в процессе чтения аутентичных текстов с адекватными скоростью и уровнем понимания читаемого в зависимости от целей деятельности. Поэтому чтение должно носить целенаправленный характер.

Для эффективного обучения иноязычному профессионально-ориентированному чтению необходимо отбирать текстовый материал, руководствуясь такими критериями, как профессиональная направленность, аутентичность, познавательность и информативность, соответствие текстов языковым и речевым возможностям и профессиональным знаниям студентов.

Выделяют 7 навыков чтения, которыми должны владеть кандидаты на получение сертификата ВЕС согласно требованиям Cambridge ESOL (English for Speakers of Other Languages) [11]. Обучение чтению студентов факультетов «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент» ХГУ «НУА» ориентировано на формирование у студентов следующих основных навыков:

– определение главной идеи текста – эффективно формируется на учебном материале, состоящем из 5 коротких текстов (объявлений, реклам и т.д.), которые сопровождаются вопросом с тремя вариантами ответа (multiple choice question). В этом случае легко определить главную идею даже без детального понимания контекста. Важной составляющей обучения является требование к обучаемым обосновать правильность своего выбора;

– выведение общего значения незнакомых слов из контекста на основе одного аутентичного текста – рекомендуют формировать на основе одного текста и пяти вопросов к нему с заданием найти соответствие между вопросом и абзацем текста. Учебный текст должен быть аутентичным (не обязательно сложным), который разделен на списки, заголовки или категории, например, оглавление / содержание книги или справочник, план офиса, отделы в компании или магазине, предметы в каталоге и т.д. Вопросы требуют простой интерпретации того, что каждая часть текста означает, а студенты

в этом виде работы оказываются в реальной ситуации делового общения [11];

– понимание графиков роста, падения, тенденций других изменений, таблиц, схем – формируется на учебном материале, состоящем из нескольких выше указанных визуальных «сообщений» и нескольких вопросов к ним. Задача студента – найти ответ на вопрос в визуальном «сообщении», то есть составить пары вопрос-ответ-рисунок (matching). При этом студенты должны овладеть лексикой, необходимой для описания графиков;

– умение извлекать скрытую информацию из текста, содержащего определенный процент незнакомых слов. Этот навык вырабатывается в процессе выполнения заданий, требующих ответной реакции: «верно», «неверно», «не указано в тексте». Утверждения должны относиться к фактической информации в тексте, а от студента требуется умение рассуждать для нахождения правильного ответа на вопрос. Особого внимания требует понимание разницы между неверным утверждением и утверждением, отсутствующим в тексте. Верным может быть утверждение, содержащееся в тексте. На отсутствующее в тексте утверждение адекватным должен быть ответ «я не знаю»;

– умение применять комплексные стратегии в чтении и демонстрировать способность извлекать релевантную информацию, находить главную мысль и детали, сканировать текст с целью получения специальной информации, понимать цель, преследуемую автором текста, устанавливать целевую аудиторию. Этот навык вырабатывается на материале текстов с приложенными к ним незаконченными предложениями, завершение которых предлагается в 3-х вариантах множественного выбора. Такие тексты должны быть большими по объему, чем тексты, используемые для формирования предыдущих навыков чтения. Их предпочтительно выбирать из газет или журналов;

– умение анализировать грамматические структуры в тексте. Этот навык формируется и развивается с помощью упражнений к тексту, требующих заполнения пропусков одним из предложенных трех слов. Если слово выбрано правильно, то его вписывают не только

в контекст, но и в структуру предложения. Развитию умений анализировать грамматические структуры, что полезно для формирования навыков чтения, способствуют упражнения на исправление ошибок в своих работах и в работах соучеников. Преподаватель может сам составить упражнение с типичными ошибками, которые допускают его студенты на конкретном этапе изучения грамматического материала, и предложить его студентам для проверки;

– умение извлекать релевантную информацию и корректно заполнять прилагаемую форму. Для формирования данного умения рекомендуют использовать два коротких текста, например мемо и рекламу, и две формы для заполнения, базирующиеся на этом материале. Пропуски в форме должны быть заполнены словом, цифрой или короткой фразой и другие. Преподаватель, например, может использовать упражнения, направленные на обучение данному умению, задания на интеграцию навыков чтения и письма, чтения и произношения.

Формирование компетенций в процессе чтения должно быть органически увязано с формированием компетенций в говорении, аудировании, письме, что и обеспечивает в итоге компетентность студентов в области английского языка.

Список литературы

1. Европейская система взаимозачета кредитов [Электронный ресурс] / Университет МГИМО. Информационный портал Московского государственного института международных отношений МИД России. – Режим доступа: <http://mgimo.ru/bologna/>. – Загл. с экрана.
2. Европейская система уровней владения иностранным языком [Электронный ресурс] / Кафедра иностранных языков. – Режим доступа: http://lang.mipt.ru/articles/european_levels.html. – Загл. с экрана.
3. Зуева М. Л. Формирование ключевых образовательных компетенций при обучении математике в средней (полной) школе [Электронный ресурс] / М. Л. Зуева // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-klyuchevykh-obrazovatelnykh-kompetentsii-pri-obuchenii-matematike-v-srednei-pol>. – Загл. с экрана.
4. Кобзева Н. А. Компетентностный подход как основа в обучении

иностранным языку в техническом вузе / Н. А. Кобзева // Молодой ученый. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/25/2704/>. – Загл. с экрана.

5. Компетенции в образовании: опыт проектирования : сб. науч. тр. / под ред. А. В. Хуторского. – М. : ИНЭК, 2007. – 327 с.

6. Кузнецова О. В. Формирование ключевых компетенций студентов в образовательном процессе (на примере дисциплины «Правоведение» [Электронный ресурс] / О. В. Кузнецова // к. пед. н. Кузнецова О.В., Северо-Кавказский филиал Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, Россия. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Pedagogica/5_112713.doc.htm. – Загл. с экрана.

7. Сунцова Е. Н. Современные методы обучения студентов неязыкового вуза иностранному языку в контексте данных возрастной психологии / Е. Н. Сунцова // Молодой ученый. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/6/439/>. – Загл. с экрана.

8. Федорова О. Н. Обучение английскому языку студентов неязыкового вуза на основе компетентностного подхода [Электронный ресурс] / О. Н. Федорова // Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-angliiskomu-yazyku-studentov-neyazykovogo-vuza-na-osnove-kompetentnostnogo-podkhod>. – Загл. с экрана.

9. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Народное образование. – Режим доступа: www.kgsosh.ucoz.ru/IDE11.ppsx. – Загл. с экрана.

10. Хуторской А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 12 дек. – Режим доступа: www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm – Загл. с экрана.

11. Business English Certificates: Handbook: English for speakers of other languages / University of Cambridge. – Cambridge, 2002. – 101 p.

УДК 378.147.016.:811.133.1

И. Л. Ануфриева

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ
(на примере преподавания курса «Лингвострановедение
Франции»)**

Резюме

У даній статті розглянуто необхідність вивчення лінгвокраїнознавства Франції для формування сучасного соціокультурного портрета студента XXI століття.

Виявлено й обґрунтовано необхідність використання міжкультурної взаємодії, яка стає все більш актуальною у сфері вищого лінгвістичного утворення багатьох країн світу, в тому числі й нашої країни.

У статті розглянуто цілі й етапи викладання лінгвокраїнознавства Франції для розвитку світогляду майбутніх філологів, відображено наявність міжпредметних зв'язків при вивченні даної дисципліни, доповненням якої є робота лінгвокраїнознавського кружка «Франція... з глибини століть».

На основі практики викладання автором запропоновано виділити викладання даної дисципліни в НУА, органічним продовженням якої є можливість проходження лінгвістичного стажування в міжнародній школі французької мови «Азюрлінгва», м. Ніцца, Франція.

Summary

The article deals with the necessity of culture-through-language studies of France for the formation of modern sociocultural image of a student living in the XXI century.

The necessity of intercultural interaction usage which is becoming more and more topical one in the sphere of many countries' higher linguistic education (including our country's one) has been revealed and grounded.

The article has focused on the targets and stages of French culture-through-language studies teaching for the development of future philologists' world outlook, interdisciplinary ties presence while learning the given subject have been shown. The work of the circle for culture-through-language studies «France... From the Depths of Time» has been presented as a part of the said discipline.

On the basis of the author's teaching practice the given discipline has been proposed to appropriate teaching of this subject in PUA and to propose the

opportunity of undergoing a linguistic training in the international school of French «Azurlingua», Nice, France.

Ключевые слова: цивилизация, французские короли, Святая Женеви́ева, социокультурный портрет страны изучаемого языка, культура мышления, сферы деятельности личности.

Современные условия развития общества определяются активным расширением связей нашей страны с другими государствами. Молодому человеку, вступающему в жизнь, необходимо, помимо владения иностранным языком, хорошо знать условия жизни и развития, круг проблем, традиций, обычаев и реалий той страны, язык которой он изучает.

Цель обучения страноведению одна – сообщение определенной суммы знаний о стране изучаемого языка. Однако в связи с общей направленностью иноязычного образования на формирование способности к межкультурному общению становится актуальной и смена акцентов в курсах страноведения – с чисто информационного на коммуникативный. Именно поэтому в настоящее время предпринимается немало попыток разработки учебных пособий культуроведческой и страноведческой направленности, накоплен опыт по культуроведческим и социокультурным основам обучения иностранным языкам (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Помахин, Пьер Паво).

Страноведческие курсы предполагают развитие языковых и речевых умений и навыков на продвинутом уровне владения языком посредством организации межкультурного общения с целью ознакомления с культурой, историей, этнографией, географией, экономикой, политикой страны изучаемого языка.

«La civilisation c'est la lutte contre la peur» (Bouthail Gaston). – Страноведение – это борьба со страхом.

Когда приезжаешь в чужую страну, меняется не только язык: другими становятся цвет неба, вкус воды и хлеба, выражение лиц прохожих и людей в метро. В Париже вам придержат дверь и извинятся по любому поводу. В Риме наступят на ногу и пройдут мимо, не заметив. В Амстердаме на улице едят селёдку. В Италии – мороженое. Во Франции – блины. В Париже официант принесёт счёт за кофе и уйдёт,

не дождавшись денег, потом лови его. В Брюсселе он будет стоять над вами, пока не заплатите. В Риме не любят сидеть на улицах, как в Париже. Итальянцы часто на аперитив подают... маленькие пирожные. В Париже и в Брюсселе разные системы оплаты в метро.

Словом, знать основы языка, когда приезжаешь в тот же Париж – это половина дела, но далеко в этом самом Париже не уедешь, если не будешь знать, что такое оранжевая и голубая карты (не говоря уже о зелёной и серой); что такое la Périph; куда едут автобусы с табличкой PC; почему парижанин, если его спросишь, где он живёт, отвечает на этот простейший вопрос цифрой; что означают буквы SNCF, RER, RATP, CRS, PV и т. д. Конечно же, вы не пропадёте, даже если не сумеете спросить время или дорогу, везде люди живут, есть стрелки, карты, полицейские и прочие полезные приспособления.

Зная основы не только грамматики, но и того, что называется «цивилизация», можно сэкономить массу времени и гораздо раньше вдохнуть чудный аромат пресловутой французской жизни, которая почему-то всегда так привлекала иностранцев.

Опять же – даже в Париже надо знать, куда идти. Ясно, что если вы купите тур, то вам обеспечены Башня, Лувр и Орсэ. Более того, вы даже, возможно, промчитесь вдоль Луары на автобусе и увидите один-два замка. Но почему-то ни один тур не предполагает достойными внимания иностранных туристов ни Musée Cluny, ни Musée Carnavalet, ни квартал Marais, хотя они должны красоваться в программах наравне с музеем духов. Можно по пальцам пересчитать туристов, которые знают, где похоронены французские короли. И уж вовсе немногочисленны те, кто знает, где их короновали. Иностранец, изучающий русский язык, почти наверняка выясняет по дороге, кто такие Владимир Красно Солнышко и Ярослав Мудрый. Так почему бы и нам не узнать походя, кто такие Король Хлодвиг и Святая Женевьева. Интересно же, почему это именем одного названа улица за Пантеоном – как раз рядом с церковью, где другая похоронена. И почему белокаменная фигура парит над Сенной, будто охраняя дивный город, так же, как каменная фигура Князя Владимира парит над Днепром, охраняя Киев? Когда знаешь историю Франции, гораздо легче понять, почему французы так не любят говорить по-английски,

почему они так упорно соблюдают этикет за трапезой, как переводится страшное и совершенно не французское слово *Vértingétorix*, которым называется одна автобусная остановка в 14-м районе? Словом, учите грамматику, но помните, что она неотделима от цивилизации и культуры. Возможно, знание форм *Subjonctif* поможет вам при общении, но не откроет правильных дорог по Парижу и по всей Франции, которая, как всё яснее становится с каждым годом, является одной из самых красивых и волшебных стран в мире.

Именно поэтому мы уделяем большое внимание страноведению как неотъемлемой части методики преподавания языка. Каждый урок в современных аутентичных учебниках заканчивается страничкой «Civilisation», а для тех, кто хочет знать больше, предлагается отдельный курс «Savoir vivre en France». Появился новый электронный учебник «Bonjour de France» на страницах которого представлены главы, посвященные изучению французского страноведения, учитывая уровень языковой подготовки.

Франция в культурном отношении – необычайно яркое и разнообразное явление. Различные эпохи, явленные в архитектуре Франции, переключаясь между собой, ведут живой диалог и предстают нам в живописном очертании замков, мостов, башен. Для французов характерна забота об историческом прошлом страны (а своей историей они очень гордятся), поэтому простые крестьянские дворы в покинутых деревнях находят новых хозяев и детально восстанавливаются в соответствии с первоначальным видом не реже, чем дворцы, замки или городские особняки. Такое уважительное отношение граждан к культуре своей страны приводит к тому, что в провинции достопримечательностей едва ли не больше, чем в больших городах.

Французы отличаются умением превратить обыденное в исключительное, придать ему стиль и артистизм, что можно заметить, просто идя по улице, сидя в кафе или читая книгу. Французские дома, возможно, не отличаются особенным уютом, свойственным английским или американским домам, но сами французы предпочитают, чтобы о них судили по тому, какие книги стоят у них на книжных полках, какие картины висят на стенах и какие компакт-диски составляют их музыкальные коллекции.

Предмет «Страноведение» способствует комплексной реализации всех целей обучения иностранному языку: образовательной, развивающей, воспитательной.

Образовательная цель предполагает овладение системой знаний об иностранной культуре, её реалиях, традициях, национальной специфике и ценностных ориентациях, формирование картины мира этого языка.

Развивающая цель предполагает развитие интеллектуальной, речемыслительной, эмоциональной, волевой и мотивационной сфер личности студентов, формирование языковой способности в единстве речевосприятия и речепорождения, овладение способами формулирования мысли на иностранном языке и их осознанную дифференциацию для разных условий общения.

Воспитательная цель предмета заключается в воспитании культуры мышления, чувств, поведения, в обогащении духовного мира студентов, формировании гуманистических ценностных ориентаций, воспитании в духе толерантности.

Преподавание страноведения строится на принципах высокой информации, соблюдения межпредметных связей со смежными науками – историей, предметами психолого-педагогического цикла, с литературой страны изучаемого языка, практическим курсом иностранного языка.

Интегрируя в едином комплексе сведения географического, исторического, политического, экономического и социологического характера, страноведение способствует созданию стройной гносеологической системы в этих областях человеческих знаний, а также формированию современного социокультурного портрета изучаемого языка.

Поскольку количество учебных часов ограничено, часть тем изучается на занятиях по устной практике, например «Население Франции», «Гастрономия», «Административное деление Франции», «Заморские территории» с выполнением проектов и презентаций.

Органическим продолжением изучения страноведения в ХГУ «НУА» является работа кружка «Франция из глубины веков», где студенты могут совершить виртуальные экскурсии по замкам Луары, в Лувр или музей д'Орсэ, восхититься оперой из произведений

Мольера в Комеди Франсэз, поставит музыкальный спектакль «Король Солнца»: празднование французского рождества при свечах и с оригинальным французским десертом «Le bûche de Noël».

Заключительным этапом изучения страноведения в нашем вузе является возможность обучения в лингвистической школе «Azurlingua» (г. Ницца, Франция). Благодаря этим обучающим экскурсиям студенты углубляют знания по французскому языку, по истории Франции, расширяют свой кругозор в разных сферах жизни.

В XXI веке не может быть «чистых» предметов, то есть каждый предмет должен содержать в себе междисциплинарные компоненты, что позволяет сформировать социально-развитую личность.

В настоящее время проблема межкультурного взаимодействия становится все более актуальной в сфере высшего лингвистического образования многих стран мира, в том числе и нашей страны. В связи с этим при обучении иностранным языкам (далее ИЯ) в любых типах высших учебных заведений все больше внимания уделяется ознакомлению обучаемых с культуроведческими и, в частности, со страноведческими аспектами языкового образования. Язык – это элемент культуры народа, а потому необходимо рассматривать его во всей совокупности социокультурных связей. Особую значимость обучение страноведению на ИЯ представляет для специализированных вузов, где проводится специфическая и серьезная подготовка по ИЯ. Такое владение ИЯ невозможно без хорошего знания страноведения, поскольку выпускники данных учебных заведений в своей профессиональной деятельности будут опираться на социокультурные знания, межкультурное взаимодействие.

Список литературы

1. Дубровская Н. Б. Французский язык. Страноведение : учеб. пособие / Н. Б. Дубровская, Е. Ю. Бусурина. – М. : Медицина21, 2006. – 400 с.
2. Иванова Ю. А. Всё о Франции / Ю. А. Иванова. – Х. : Фолио, 2006. – 542 с.
3. Мурасова А. Р. Французская и российская культуры. Сходства и различия : учеб.-метод. пособие по фр. яз. для студ. 1 и 2 курсов гуманитар. фак. техн. вузов. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – 131 с.
4. Франция : карманная энциклопедия. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
5. La douce France. – М. : Лист, 2005. – 200 с.

УДК 378.147.016 : 811.133.1'36

С. В. Смолянкина

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Резюме

У статті розглянуто вивчення складових комунікативної компетенції, але особливу увагу приділено процесу формування граматичної компетенції як вагомої складової частини іншомовної комунікативної компетенції.

Грамматична компетенція передбачає, перш за все, вміння грамотно будувати словосполучення та речення, правильно використовувати та узгоджувати часи, а також знання частин мови та структуру речень різного типу.

Окрему увагу приділено особливостям розмовної граматичної структури, яка суттєво відрізняється від стандартних норм мови. Необхідність пояснення специфіки граматичної структури розмовної французької мови тим, хто вивчає французьку як іноземну, важливо, щоб уникнути зіткнення з суттєвими труднощами, правильне розуміння висловів.

Зроблено висновок, що навчання граматичній компетенції є однією із найважливіших умов практичного володіння мовою.

Summary

The article deals with the study of the communicative competence components but special attention has been paid to the process of grammatical competence formation as a significant component of foreign language communicative competence. First and foremost grammatical competence provides for the ability to build correct phrases and sentences and to use tenses and their sequence. Also it provides for the knowledge of parts of speech and different types of sentence structure. The article focuses particularly on the peculiarities of the colloquial grammatical structure which differs from the standard language norms substantially. The necessity of the colloquial French grammatical structure peculiarity explanation to those who study French as a foreign language is extremely important in order to prevent experiencing considerable difficulties of statements' correct interpretation. The author has concluded that grammatical competence formation is one of the most important conditions for practical language proficiency.

Ключевые слова: грамматическая компетенция, коммуникативная компетенция, коммуникант, сегмент.

Одной из приоритетных задач, стоящих перед современным образованием, является формирование ключевых компетенций обучающихся. Наиболее используемым и актуальным в обучении иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции.

В ходе исследования установлено, что вопрос о формировании иноязычной коммуникативной компетенции занимает особое место в учебном процессе (А. А. Миролубов, М. В. Озерова, Е. В. Павленко, В. В. Сафонова [4], Л. Н. Скопинская, И. В. Чернецкая и др.). По мнению Е. И. Пассова, «обучение на основе коммуникативности и в целях общения предполагает усвоение системы речевых средств, то есть той модели данной системы, которая сможет замещать реальную систему. Коммуникативность предполагает ситуативность обучения, которая способна воссоздать коммуникативную реальность и, тем самым, возбуждать интерес подлинностью говорения» [3].

Изучение составляющих коммуникативной компетенции показывает, что она включает в себя лингвистическую компетенцию, одним из ключевых компонентов которой является грамматическая компетенция.

Таким образом, процесс обучения грамматической компетенции как составной части коммуникативной компетенции представляет собой объект данного исследования.

О грамматической компетенции учёные (И. В. Чернецкая, О. С. Якимчук, Л. И. Карпова, Ю. А. Ситнов, Т. А. Лопарева, Е. А. Рублева, Л. К. Бободжанова, Е. И. Вовк, М. В. Лебедева) заговорили сравнительно недавно. Интерес к термину «грамматическая компетенция» появился вследствие интенсивного изучения сущности иноязычной коммуникативной компетенции [2]. При этом проблемы обучения грамматике и формирования грамматических навыков издавна являются одними из приоритетных задач теории обучения иностранным языкам.

Наличие иноязычной коммуникативной компетенции, а именно полноценное общение на иностранном языке, невозможно без владения грамматическими знаниями, навыками и умениями, которые составляют базу при обучении. Грамматическая компетенция

подразумевают, прежде всего, умение грамотно строить словосочетания и предложения, правильно использовать и согласовывать времена, а также знание частей речи и того, как строятся предложения разного типа. Многие учебные пособия посвящены формированию грамматической компетенции, – в них, как правило, приведены определенные грамматические положения и упражнения на отработку и закрепление основополагающих правил и положений. Но довольно редко уделено внимание трудностям, которые могут возникнуть при реализации коммуникации. Прежде всего, имеется в виду отображение грамматических особенностей разговорного характера.

Рассмотрение трудностей восприятия учебной информации на различных этапах подготовки, возникающих при формировании грамматической компетенции в ходе обучения студентов грамматике французского языка, является целью данной статьи.

Подчеркивая необходимость корректного использования средств выражения грамматических значений в определенных коммуникативных ситуациях, необходимо выделить роль разговорного французского языка. Потребность объяснения грамматических особенностей разговорного французского языка для тех, кто изучает французский как иностранный, важна во избежание столкновения с существенными трудностями правильного понимания выражений, а в особенности конструкций в речевом потоке.

Естественно, живая речь строится по своим законам, имеет свои принципы развития, которые не совпадают с изучаемыми нормативными правилами. Именно такой язык мы можем услышать в метро, в кафе, на улице, а также слушая музыку, просматривая французские фильмы в оригинале.

Речь, где слова переплетаются между собой с отклонениями от грамматических норм и правил (незавершенные фразы, неполные отрицания, употребление усеченных грамматических конструкций и др.) может буквально обескуражить любого коммуниканта, попавшего в среду носителей языка.

На начальном этапе формирования грамматической компетенции студенты сталкиваются, например, с различием построения вопросительного предложения в традиционных и аутентичных учебных

пособиях, с употреблением частичного отрицания в непосредственно разговорной речи.

Qu'est-ce que je vais y faire? / Et je vais faire quoi, dans cette rue?

Je n'ai pas assez d'argent. / J'ai pas assez d'argent.

Est-ce que j'ai le temps de le faire? / Du temps, moi? Est-ce que j'en ai, seulement?

На следующих этапах изучения языка происходит знакомство с явлением расчлененных фраз. Как правило, подобные конструкции состоят из двух частей, одна из которых является законченной в плане грамматической формы и семантики, другая – сегментом, являющимся обычно нераспространённым членом предложения [1]. В сегмент выносят все именные члены предложения, за исключением определения, выраженного прилагательным, и обстоятельства образа действий и времени. Чаще всего в сегмент выносят подлежащее, что представляется вполне логичным: каждое предложение предполагает автора действия, в то время как другие члены предложения могут быть употреблены или могут отсутствовать.

Tu ne te gênes pas, toi! (G. de Maupassant)

Ça se porte, le jongleur? (S. Colette)

Ça vous est venu comment, l'idée de travailler avec des trucs qui volent? (S. Colette)

Также в разговорной речи и, следовательно, в речевых клише широко используется прилагательное субъектное местоимение *on*, которое указывает на обобщенно-личный субъект. Неопределенно-личное местоимение *on* способно замещать субъектные местоимения, поэтому привносит в эту функцию различные экспрессивные оттенки значения. При замене личных местоимений неопределенно-личное местоимение *on* всегда придает фамильярный, разговорный оттенок высказыванию [5] исходя из контекста:

Est-ce qu'on est pressé? – Ты спешешь? / Вы спешите?

Combien de fois, à votre avis, est-on venu? – С каких же пор вам кажется, что к вам в дом кто-то наведывается?

Все вышеизложенное составляет лишь малую часть трудностей или, иными словами, особенностей грамматической компетенции в составе коммуникативного подхода. Конечно, немаловажную роль

играет взаимосвязь всех аспектов изучения иностранного языка, в том числе и теоретических дисциплин (страноведение, лексикология, стилистика) для получения полного представления о системе языка и культуры в целом.

Таким образом, введение грамматического материала с учетом возникающих сложностей осуществляется не ради приобретения теоретических знаний об устройстве языка (можно знать грамматику и не владеть языком), а для того, чтобы побудить студентов к определённым речевым действиям, максимально приближенным к реальным коммуникативным ситуациям.

Можно сделать вывод, что обучение грамматической компетенции является одним из важнейших условий практического владения языком, а также эффективным средством формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Веденина Л. Г. Французское предложение в речи / Л. Г. Веденина. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 208 с.
2. Кафтайлова Н. А. Сущностная характеристика грамматической компетенции как компонента межкультурной компетенции. / Н. А. Кафтайлова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1 (44). – С. 109–113.
3. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
4. Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях / В. В. Сафонова. – М. : Евршкола, 2004. – 236 с.
5. Шамрай Е. В. Лексико-грамматические особенности речевых клише французского языка / Е. В. Шамрай // Вестник ХНАДУ. – Харьков : ХНАДУ. – 2009. – Вып. 44. – С. 15–17.

УДК 378.147.016:81'25

В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко

РОЛЬ ВИЗУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНОГО КОНТЕНТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Резюме

Статтю присвячено проблемі візуалізації навчального контенту в межах викладання дисципліни «Практика перекладу». Спираючись на існуючі визначення візуалізації, враховуючи кардинальні зміни у сфері передавання візуальної інформації та новітні досягнення, розробки в цій галузі, автори пропонують уточнене поняття візуалізації як педагогічної технології та розподіл поняття «не зорової» інформації на власне не зорову та інформацію, яка не є зоровою з темпоральної точки зору. У статті акцентовано увагу на функціях візуалізації навчального контенту при навчанні аспектного перекладу (мотиваційна, узагальнююча, інформативна, тощо). Зроблено висновок про необхідність включення візуалізації навчального контенту до зв'язки «текст – візуалізація – вправа» для оптимізації процесу підготовки професійних перекладачів.

Summary

The article deals with the problem of visualization of educational content within the framework of the academic discipline of «Translation Practice». In consideration of dramatic changes visual data transfer and inclusive of the recent developments in this area, the authors propose a refined definition of the visualization concept as a teaching technique and discrimination between the non-visual data proper and the data acquiring non-visual properties in temporal context only. The functions of educational content visualization in teaching translation to senior students are emphasized. A conclusion is drawn as to the necessity of including the educational content visualization in the «text – visualization – practice» model.

Ключевые слова: учебный контент, визуализация, визуализация учебного контента, не зрительная информация, переводческая компетенция, мотивация, интенсификация учебного процесса.

Термин «визуализация» происходит от латинского *visualis* – воспринимаемый зрительно, наглядный. Согласно определениям, предоставленным большинством толковых словарей, визуализация –

это метод представления информации в виде оптического изображения (например, в виде рисунков и фотографий, графиков, диаграмм, структурных схем, таблиц, карт и т. д.) [2]

Однако с учетом кардинальных изменений, произошедших в последнее десятилетие в области передачи визуальной информации, определение визуализации, предлагаемое Л. П. Крысиным [5], является наиболее приемлемым с точки зрения визуализации как педагогической технологии. Итак, *визуализация* – это представление физического явления или процесса в форме, удобной для зрительного восприятия.

Несмотря на кажущуюся поверхностность и простоту, именно такое определение не ограничивает понятие визуализации только традиционными, статическими способами представления информации, а позволяет включить в структуру значения определяемого термина и динамические формы визуальной информации, а также динамические способы ее передачи, а именно видеоряд.

В большинстве источников отмечают, что визуализация является эффективным способом представления так называемой «не зрительной информации» (например температуры, плотности населения, химических и физических процессов и т.д.), то есть информации, которая в силу своей специфики изначально не может быть воспринята человеком при помощи (или только при помощи) органов зрения. Однако, учитывая достижения научно-технического прогресса, представляется *актуальным*, с точки зрения методики преподавания иностранных языков, уточнить понятие «не зрительной» информации, разделив ее на собственно не зрительную информацию и информацию, которая является не зрительной с темпоральной точки зрения.

Цель, которую авторы статьи ставят перед собой, заключается во внесении определенных корректив в понятие «не зрительной» информации и определении функции визуализации учебного контента с учетом предложенного авторами уточненного определения визуальной информации.

Собственно не зрительная информация представляет собой любую информацию, которую человек не может получить непосредственно с помощью органов зрения в форме пространственных образов, но

может воспринять ее опосредовано через систему плоско нарисованных или знаковых символических зрительных образов (например, график суточных колебаний температуры).

Информация, которая является не зрительной с темпоральной точки зрения, представляет собой любую информацию, которую человек не может получить непосредственно, с помощью органов зрения, в конкретный момент времени, но может воспринять опосредовано в любой другой момент времени через систему динамических образов. Примером такой информации могут служить учебные фильмы, иллюстрирующие физические явления или процессы, которые обучаемые не могут наблюдать непосредственно из-за удаленности от места протекания этих процессов или их недоступности обучаемым в силу отсутствия специального оборудования.

Таким образом, визуализация учебного контента – это представление любого рода не зрительной информации в виде статического или динамического оптического изображения.

До недавнего времени кодоскопы, фильмоскопы, проекторы и другие технические средства обучения применяли для визуализации только некоторых этапов обучения. Оснащение вузов современными компьютерами, видеопроекторам и другим мультимедийным оборудованием дало возможность педагогу перейти на качественно новый уровень ведения учебного процесса. Мультимедийное оборудование позволяет визуализировать многие этапы различных типов занятий: от занятия, направленного на формирование новых знаний, до занятия, целью которого является контроль знаний, умений и навыков. Однако даже на этом этапе визуализация учебного контента все еще рассматривается как побочный продукт использования мультимедийного оборудования в учебных целях.

Говоря о визуализации в учебном контексте, мы в первую очередь рассматриваем ее как средство повышения внутренней мотивации студентов и интенсификации учебного процесса.

Действительно, чем сильнее мотивирован учащийся, тем больше времени он будет уделять изучению любой дисциплины, в том числе иностранного языка. Использование мультимедийного оборудования, которое пришло на смену цветным рисункам, красивым фотографиям,

текстам, написанным с помощью ярких красок, и другим наглядным пособиям, позволяет поддерживать на достаточно высоком уровне познавательную мотивацию студентов, а именно интерес обучаемых к содержанию учебной деятельности в целом и процессу ее выполнения в частности, а также интерес к преподавателю как носителю языка и представителю иноязычной культуры [7].

Говоря о визуализации как о способе интенсификации учебного процесса, хотелось бы привести в качестве примера систему «Бережливого обучения» (LEAN Training), одним из ключевых факторов которой является именно визуализация учебного контента. Следуя принципу Lean Thinking (Бережливое мышление), С. И. Погребняк [6] «рассматривает систему организации учебного процесса через призму ... подходов и понятий философии бережливого производства». Проводя аналогию с системой «Бережливого производства» (Lean Production), автор отмечает, что «наличие качественного и наглядного демонстрационного материала существенно облегчает задачу обучения и сокращает время, необходимое для усвоения новых знаний», а «нарушение известного принципа «лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать» ... приводит к потерям в обучении».

Однако стоит ли ограничивать значение визуализации учебного контента выполнением всего лишь двух функций в рамках учебного процесса? Помимо двух указанных функций визуализация, применимо к процессу обучения иностранному языку вообще, и аспектному переводу в частности, выполняет также функцию запоминания, обобщающую, информативную и компетентностно-формирующую функции. Краткое содержание всех перечисленных функций приведено в таблице 1.

По мнению В. Н. Комиссарова [4], профессиональная подготовка переводчика предполагает, помимо качественного владения иностранным языком, наличие дополнительных (фоновых) знаний разной степени общности, часть из которых известна лишь людям определенной профессии, обладающим специальной подготовкой. Учитывая достаточно ограниченное количество аудиторных часов, отведенных на практические занятия в рамках дисциплины «Практика перевода», визуализация учебного контента, представленного информацией,

Таблиця 1

**Функции визуализации учебного контента при обучении
аспектному переводу**

Функция	Содержание функции
1 Мотивационная	Повышает интерес студентов к обучению и стремлению овладения новыми знаниями и умениями
2 Интенсификация	Позволяет снизить потери в обучении и дает возможность получить глубокие и серьезные знания за более короткий период [1]
3 Запоминания	Является оптимальной формой представления профессионально-ориентированных фоновых знаний для эффективного запоминания учебного материала
4 Обобщающая	Служит средством обобщения профессионально-ориентированной фоновой информации в некотором отрезке учебного материала
5 Информативная	Способствует получению специфической информации, которая, находясь вне сферы профессиональной компетенции переводчика, тем не менее, позволяет расширить профессионально-ориентированные фоновые знания обучаемых
6 Компетентностно-формирующая	Способствует формированию профессиональных переводческих компетенций

которая является не зрительной с темпоральной точки зрения, является идеальным средством получения, обобщения и эффективного запоминания профессионально-ориентированной фоновой информации, необходимой будущим профессиональным переводчикам.

При рассмотрении компетентностно-формирующей функции необходимо отметить, что визуализация учебного контента способствует формированию таких переводческих компетенций, как языковая, текстообразующая, коммуникативная, личностная и техническая. Однако, по мнению Е. Б. Ермиловой [3], специфическая особенность визуализации учебного контента заключается в том, что использование зрительных образов является только средством

достижения учебной цели, лежащей за пределами целевого поля процесса визуализации. Использование визуализации в отрыве от дидактических средств обучения позволит лишь «включить механизмы воображения, установить и закрепить ассоциативные связи между зрительными образами и характером понятий», но прочное и глубокое усвоение знаний возможно только при условии включения визуализации учебного контента в связку «текст – визуализация – упражнение».

Таким образом, учитывая последние достижения в области передачи визуальной информации и разделение понятия «не зрительной» информации на собственно не зрительную информацию и информацию, которая является не зрительной с темпоральной точки зрения, визуализацию учебного контента можно определить как представление любого рода не зрительной информации в виде статического или динамического оптического изображения. В рамках профессионально-ориентированного обучения переводу визуализация учебного контента выполняет следующие функции: обобщающую, информативную, компетентностно-формирующую, функцию запоминания, повышения внутренней мотивации студентов, интенсификации учебного процесса. Однако формирование всех компетенций, составляющее цель подготовки профессионального переводчика, возможно только при условии включения визуализации учебного контента в связку «текст – визуализация – упражнение».

Список литературы

1. Безбородова С. В. Технология интенсификации учебного процесса в средней профессиональной школе в условиях модернизации образования [Электронный ресурс] / С. В. Безбородова, Л. М. Котляр // *Фундаментальные исследования*. – 2007. – № 12 – С. 352–354. – Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7778754.
2. Визуализация [Электронный ресурс] // *Бизнес-словарь*. – Режим доступа: http://www.businessvoc.ru/bv/Term.asp?word_id=29387.
3. Ермилова Е. Б. Визуализация обучения как средство развития учебных способностей младшего школьника [Электронный ресурс] : общие положения диссертации / Е. Б. Ермилова // *Детская психология*. – Режим доступа: <http://childpsy.ru/dissertations/id/18447.php>.

4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.
6. Погребняк С. И. Lean+training, или бережливое обучение [Электронный ресурс] / С. И. Погребняк // Trainings.ru : обучение и развитие персонала. – Режим доступа: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=11729>.
7. Gardner R. C. Attitudes, Motivation, and Second Language Learning [Electronic resource] / R. C. Gardner, A. M. Masgoret // A Meta-Analysis of Studies Conducted by Gardner and Associates. – Mode of access: <http://users.telenet.be/cr32258/Attidus%20motivation%20L2.pdf>.

УДК 378.147.11.3/4.016:51

*Е. В. Свищева***ИГРА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНТЕРАКТИВНОГО
МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ**

Предмет математики настолько серьезен, что нужно не упускать случая делать его немного занимательным.

*Б. Паскаль***Резюме**

Статтю присвячено проблемі активізації пізнавальної діяльності студентів на заняттях з вищої математики. Наведено порівняльну характеристику різних методів навчання та обґрунтовано важливість інтерактивного методу, як діалогового навчання, при якому діалог будується не тільки на лініях «викладач – студент» або «викладач – група студентів», а й на лініях «студент – студент», «студент – група студентів» і таке інше. Продемонстровано практичне застосування інтерактивних методів навчання у викладанні вищої математики на прикладі використання такого методичного прийому як привнесення елементів гри в навчальний процес. Розглянуто такі ігри як математичні змагання, брейн-ринги, ігри-п'ятихвилинки, ігри-софізми, математичні пазли та ігри, пов'язані з розв'язанням задач на кмітливість, які автор використовує в навчальному процесі.

Summary

The article deals with the issue of stimulating students' cognitive activity in higher mathematics classes. Comparative analysis of various instruction methods is given. The importance of the interactive instruction method as a form of dialogue education resulting in various dialogue patterns including professor-student, professor-a group of students as well as student-student, student-a group of students, etc. patterns has been reasoned. The practical application of interactive instruction methods in teaching higher mathematics as exemplified by gamification of a teaching situation has been demonstrated. Math contests, brain ring games, five-minute games, sophistic games, math puzzles and quick thinking games used by the author in teaching situations are considered in the article.

Ключевые слова: интерактивное обучение, групповой опыт, игровые моменты, математические соревнования, брейн-ринг, игры-пятиминутки, игры-софизмы, математические пазлы, игры-смекалки.

Происходящие изменения в общественной жизни требуют развития новых способов образования, педагогических технологий, имеющих дело с индивидуальным развитием личности, творческой инициативой, навыка самостоятельного движения в информационных полях, формирования у обучающегося умения ставить и решать задачи для разрешения возникающих в жизни проблем. Ученые сегодня единодушны в том, что каждый человек владеет огромным множеством возможностей, хранящихся в нем в виде задатков. Акцент переносится на воспитание подлинно свободной личности, формирование способности самостоятельно мыслить, добывать и применять знания, тщательно обдумывать принимаемые решения и четко планировать действия, эффективно сотрудничать в разнообразных по составу и профилю группах. Жизнь требует от вуза подготовки выпускника, способного адаптироваться к меняющимся условиям, коммуникабельного и конкурентоспособного. Это требует широкого внедрения в образовательный процесс альтернативных форм и методов ведения образовательной деятельности.

Актуальность данной темы обусловлена педагогической значимостью интерактивных методов обучения, а также необходимостью всестороннего изучения их применения.

Игра является формой интерактивного метода обучения. Игра – генетически обусловленный вид человеческой деятельности, заложенный в генофонде любой популяции людей. Это дает основание говорить о включении игровой деятельности в учебно-воспитательный процесс на правах с другими элементами, что подтверждают основоположники педагогической науки В. А. Сухомлинский, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкий и другие [1]. Однако изучение игровых моментов происходит, как правило, в рамках школьной математики и не содержит достаточного количества конкретных примеров.

Целью работы является изучение интерактивных методов обучения высшей математике в вузе на примере использования игровых технологий.

Для достижения данной цели автор ставит следующие *задачи*:

1) дать сравнительную характеристику различных методов обучения;

- 2) обосновать приоритетность интерактивного метода обучения;
- 3) продемонстрировать практическое использование интерактивных методов обучения в преподавании высшей математики на примере принесения элементов игры в процесс обучения.

Начну со статистических данных: менее 1% студентов, изучающих математику на первом курсе, становятся, в конце концов, математиками. Остальные 99% студентов изучают математику не из-за того, что очень её любят. Как таковая математика их не интересует. Они изучают её потому, что математика включена в учебные программы выбранной ими специальности и, следовательно, её изучение является для них неизбежной необходимостью[2].

Всё это порождает определённые трудности в преподавании математики студентам-нематематикам. Ведь намного проще научить заинтересованного студента, чем того, кто не проявляет интереса к изучаемому предмету, испытывает нежелание его учить. Итак, заинтересованность студента в получении знаний – необходимое условие для его успешного обучения. Вряд ли найдется преподаватель (по крайней мере, хочется в это верить), который не задумывается над тем, как организовать учебную работу, чтобы у студентов возник и поддерживался постоянный интерес к математике, чтобы весь процесс обучения стал обоюдно интересным, значимым и для преподавателя и для студента? Как сформировать не только глубокие и прочные знания, но и умение использовать их в различных ситуациях, способность самостоятельно добывать знания, формировать опыт решения проблем? Как преподавать и обучать, как учить и учиться? Другими словами, какой метод обучения следует избрать в той или иной ситуации?

Под методом обучения (от др.-греч. μέθοδος – путь) понимают способ взаимосвязанной деятельности преподавателя и студентов, с помощью которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных программой обучения.

Методы обучения можно подразделить на три группы: пассивные, активные и интерактивные.

Пассивный метод – это форма взаимосвязи преподавателя и студентов, при которой студенты выступают в роли пассивных

слушателей, в роли «объектов» обучения, которые должны усвоить и воспроизвести материал, переданный им преподавателем – источником знаний.

Активный метод – это форма взаимосвязи преподавателя и студентов, при которой обе стороны взаимодействуют друг с другом в ходе занятия. Студенты здесь не пассивные слушатели, а активные участники процесса, «субъекты» обучения. Если пассивные методы предполагали авторитарный стиль взаимодействия, то активные больше предполагают демократический стиль.

Интерактивный метод («Inter» – это взаимный, «act» – действовать) означает способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога. Следовательно, интерактивное обучение – это, прежде всего, диалоговое обучение. Если при активном обучении диалог возможен лишь на линиях «преподаватель – студент» или «преподаватель – группа студентов (аудитория)», то при интерактивном обучении диалог строится также на линиях «студент – студент», «студент – группа студентов», «студент – аудитория» или «группа студентов – аудитория» и т. д. Место преподавателя сводится к направлению деятельности студентов на достижение целей занятия.

Интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи. Создаётся среда образовательного общения, которая характеризуется открытостью, взаимодействием участников, равенством их аргументов, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля.

Психологами было установлено, что в условиях учебного общения у студентов наблюдается повышение точности восприятия, увеличивается результативность работы памяти, более интенсивно развиваются такие интеллектуальные и эмоциональные свойства личности, как устойчивость внимания, наблюдательность, способность анализировать деятельность партнера, более активно протекают процессы самоконтроля.

Исследования, проведенные в 80-х гг. Национальным тренинговым центром (США, штат Мэриленд), показали, что наименьший процент усвоения изучаемого материала имеют пассивные методы (лекция –

5%, чтение – 10%), а наибольший интерактивные (дискуссионные группы – 50%, практика через действие – 75%, обучение других, или немедленное применение – 90%) [3]. Здесь уместно привести высказывание Конфуция: «Скажи мне и я забуду. Покажи мне и я запомню. Дай мне действовать самому, и я пойму».

Таким образом, интерактивный метод обладает высоким потенциалом и привлекательностью, его внедрение – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе.

Остановимся на одной из форм интерактивного метода обучения, которая приносит успех при изучении даже такой серьёзной науки, как математика. Речь идёт о привнесении элементов игры в процесс обучения.

Целесообразность использования игровых моментов на разных этапах обучения математике различна. Так, например, при усвоении новых знаний возможности игр значительно уступают традиционным формам обучения, поэтому игровые формы занятий лучше применять при проверке результатов обучения, выработке навыков, формировании умений.

Автор хочет остановиться на тех играх, которые использует на своих занятиях.

Идея соревнования по балльной системе заложена во многих играх, которые мы смотрим по телевизору с большим удовольствием. Это и «КВН», и «Что? Где? Когда?», и «Самый умный», и др. По такому же принципу организуют и математические соревнования между студентами. При этом темой игры становится тот раздел математики, изучение которого завершается накануне. Если позволяет время, то на это можно использовать целую пару (лекция, если соревнуются между собой студенты разных академических групп, либо практическое занятие, если на команды разделить студентов одной группы).

Так, на протяжении ряда лет среди студентов I курса факультета «Бизнес-управление» по окончании изучения темы «Линейная алгебра» проводим брейн-ринг по изученному материалу. На это состязание можно использовать одну лекцию. Каждая академическая

группа получает один и тот же набор задач, головоломок и т. д., состоящий из 40 заданий разного уровня сложности, которые оценены в 1, 2 или 3 балла. Например:

1. Коммутируют ли матрицы?

$$A = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 2 \end{pmatrix}, B = \begin{pmatrix} 1 & 2 & 0 \\ 3 & 4 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} \quad (1 \text{ балл})$$

2. Имеет ли данное уравнение решение? Если да, то сколько?

$$\begin{vmatrix} a-x & b \\ b & c-x \end{vmatrix} = 0 \quad (2 \text{ балла})$$

3. Какое наибольшее значение может принимать определитель третьего порядка при условии, что все его элементы равны ± 1 ?

(3 балла)

Задания можно решать и индивидуально, и коллективно. Каждая группа сама выбирает стратегию и тактику своего поведения, сама распределяет роли и согласовывает действия. Для этого необходимо отвести 60 минут, по окончании которых каждая группа сдаёт решения. Оставшееся до конца пары время посвящено проверке и обсуждению решений, подсчёту набранных каждой группой баллов и определению группы-победительницы.

В случае, когда нет возможности выделить пару или её часть на соревнования, можно ограничиться игрой-пятиминуткой. Например, известно, что частные производные высших порядков не зависят от того, в какой последовательности происходит дифференцирование. К одному и тому же результату приводит несколько различных цепочек. Обсудив с группой все возможные варианты и выписав их на доске, отвечают желающие по одному на каждый вариант. Ну а теперь: кто быстрее получит правильный результат?

К игре, не требующей много аудиторного времени, можно отнести и следующую. Студенты группы получают задание подготовить дома вопрос на изученную тему. После этого на паре все по цепочке задают подготовленные вопросы друг другу, оценивая при этом правильность

полученных ответов. Как правило, проведение такой игры имеет цель проверить полученные студентами теоретические знания. Такую игру можно провести, например, по завершении изучения темы «Основные теоремы теории вероятностей». В этом случае студенты могут подготовить такие вопросы:

- являются ли противоположные события несовместными?
- чем отличаются теоремы сложения для совместных и несовместных событий?
- чем похожи и в чем различие условий применения теорем Муавра – Лапласа и Пуассона?

Положительным моментом такой игры является то, что студенты одновременно учатся говорить, видеть, слышать, исправлять ошибки других, тем самым закрепляя и свои знания.

После изучения тем «Производная» и «Интеграл» студентам предлагают проверить свои знания формул и правил дифференцирования, сыграв в «математические пазлы». Игра проходит следующим образом: всех студентов делят на группы из 2–3 человек, каждой группе выдают набор карточек, на каждой из которых написан или математический знак, или функция, или цифра, или переменная x . Необходимо из карточек сложить формулу дифференциального или интегрального исчисления, причём все карточки набора должны быть использованы. Например, из 11 карточек, на которых написано следующее:

$$5, 4, 4, 3, x, x, (,), +, =, 2$$

должна быть составлена формула

$$(x^4 + 5)' = 4x^2.$$

Группа, правильно сложившая формулу, получает следующий набор карточек с более сложным заданием.

Большой интерес студентов всегда вызывают игры-софизмы. Софизм – это умышленно ложное умозаключение с замаскированной ошибкой. Математические софизмы в основном строятся на неточности формулировок и геометрических построений, на скрытом выполнении запрещённых действий, пренебрежении условиями

применимости правил, формул или теорем. Так после изучения темы «Неопределённый интеграл» студентам можно предложить найти ошибку в «доказательстве» утверждения $\sin^2 x + \cos^2 x = 0$.

Итак, найдем $\int \sin^2 x \cos^2 x dx$ двумя способами:

$$1) \int \sin x \cos x dx = \left| \begin{array}{l} t = \cos x \\ dt = -\sin x dx \end{array} \right| = -\int t dt = -\frac{t^2}{2} + C = -\frac{\cos^2 x}{2} + C$$

$$2) \int \sin x \cos x dx = \left| \begin{array}{l} t = \sin x \\ dt = \cos x dx \end{array} \right| = \int t dt = \frac{t^2}{2} + C = \frac{\sin^2 x}{2} + C$$

Так как вычисляли один и тот же интеграл, то результаты вычислений должны совпадать. Следовательно,

$$\frac{\sin^2 x}{2} = \frac{\cos^2 x}{2},$$

откуда сразу же следует:

$$\sin^2 x + \cos^2 x = 0.$$

Игры-софизмы развивают логическое мышление, внимательность, вдумчивость, критическое отношение к изучаемому материалу. Они показывают, как тщательно в цепи математических рассуждений должен быть проверен каждый шаг.

Большое значение при изучении математики имеет интерес, являющийся, в свою очередь, следствием увлекательности самой математики, её идей, логического построения, практических применений. Поэтому так важны занимательные игры-смекалки. Решение занимательных задач является ни с чем не сравнимой по эффективности зарядкой для ума, заниматься которой желательно ежедневно. Поэтому 2–3 минуты каждой пары нужно использовать для решения одной задачи на сообразительность. Это желательно делать в то время, когда становится очевидно, что студенты устали, и требуется небольшой перерыв в работе. Решая логические задачи, студенты не просто отдыхают – они приобщаются к творческому мышлению, интуитивно ощущают красоту и величие математики,

осознают всю нелепость широко распространённого мнения о ней как о чём-то унылом и застывшем.

Суммируя изложенное выше, подведем итог: важнейшая и актуальная задача современного вуза – не только преподносить готовые знания, но и развивать интерес к учению, вырабатывать потребность постоянного самообразования, потребность в новых знаниях, неутолимую пытливость и любознательность. Интерактивные формы и методы обучения относятся к числу инновационных и способствуют активизации познавательной деятельности студентов, самостоятельному осмыслению учебного материала. Использование игровых технологий на занятиях оживляет процесс обучения, повышает интерес к математике, вносит разнообразие и эмоциональную окраску в учебную работу, снимает усталость, развивает внимание, делает восприятие более активным и творческим. Задача преподавателя – наполнить игру дидактическим смыслом. Стратегическая цель игры – направленность на творчество, проявление инициативы, самостоятельность в решении познавательных задач, налаживание сотрудничества с играющими партнёрами; распределение ролей, согласование действий, умение разрешать конфликты, быть терпимыми и доброжелательными.

Игра учит, развивает и воспитывает. Это не только забава, а серьёзное занятие, требующее мобилизации интеллектуальных и духовных возможностей личности. Естественно, игра не может быть основным средством изучения математики. Но лишать студентов игры нельзя! Как сказал Фридрих Шиллер: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [9].

Я не считаю, что использование игровых ситуаций на занятиях даёт возможность студентам легко овладеть изучаемым материалом. Лёгких путей в учёбе нет. Но я считаю необходимым использовать все возможности для того, чтобы студенты учились с интересом, чтобы большинство из них испытало и осознало притягательные стороны математики, её возможности в совершенствовании умственных способностей личности.

Список литературы

1. Латышина Д. И. История педагогики / Д. И. Латышина. – М. : Гардарики, 2005. – 603 с.
2. Кудрявцев Л. Д. Современная математика и ее преподавание / Л. Д. Кудрявцев. – М. : Наука, 1985. – 142 с.
3. Гутников А. Б. Профессиональные навыки юриста. Опыт практического обучения / А. Б. Гутников. – М., 2001. – 82 с.
4. Ляудис В. Я. Инновационное обучение и наука / В. Я. Ляудис. – М. : ИНИОН, 1992. – 50 с.
5. Дьюи Д. Демократия и образование / Джон Дьюи. – М. : Педагогика-пресс, 2000. – 384 с.
6. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (Анализ зарубежного опыта) / М. В. Кларин. – Рига : НПЦ «Эксперимент», 1995. – 176 с.
7. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения / И. Д. Лернер. – М. : Педагогика, 1981. – 186 с.
8. Блехман И. И. Прикладная математика: предмет, логика, особенности подходов / И. И. Блехман, А. Д. Мышкис, Я. Г. Пановко. – К. : Наукова думка, 1976. – 271 с.
9. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / Ф. Шиллер. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 200 с.

УДК 378.058.014(477)

В. В. Астахов

И СНОВА О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЧАСТНОГО ВУЗА

Резюме

У роботі розглянуто проблемі закріплення правового статусу приватних вищих навчальних закладів, пов'язані з труднощами визначення, до яких видів юридичних осіб вони повинні бути віднесені: до комерційних чи некомерційних. Для вирішення цих питань бракує відсутність кореляції нормативно-правових актів, які регулюють освітню діяльність та норми цивільного права. Надано рекомендації щодо корекції чинного освітнього законодавства.

Summary

The concept of the higher educational institution is formulated on the basis of a complex study of the legislation, regulating educational activities. The criteria for universities differentiation based on the state and private forms of ownership are specified. Along with this, the need for ensuring equality of legal status of all higher educational institutions is justified regardless of their form of ownership, since their implemented activities are related to the sphere of public law. The problem of consolidating the legal status of private higher educational institutions associated with difficulties of determining what kind of legal entities – commercial or non-commercial – they should be referred to. Solving these problems is hampered by lack of correlation between normative-legal acts regulating educational activities and norms of civil and economic law. Recommendations on improving the current legislation are suggested.

Ключевые слова: правовой статус вуза, правовой статус частного вуза, образовательное законодательство, образовательное нормотворчество, кодификация образовательного законодательства.

Реформирование системы высшего образования Украины – настоятельная потребность современности, а это возможно лишь на основе глубокого теоретического осмысления места и роли вузов в новых социально-экономических условиях. Однако в Украине практически отсутствуют комплексные научные исследования правового статуса высших учебных заведений, их структуры, статуса участников образовательных отношений¹.

¹ Исключением следует признать монографию Боголиба Т. М. «Принципы

Прежде чем рассматривать правовой статус вуза, следует определиться с понятием «статус». В Словаре иноязычных слов указанное понятие выводится из латинского как правовое положение, состояние. В Толковом словаре (Ожегова) этот термин рассматривается двояко: как правовое положение и как фактически сложившееся состояние или положение. В Словаре обществоведческих терминов оно рассматривается как правовое положение гражданина, юридического лица, государства, международной организации. В Большом юридическом словаре понятие «статус» толкуется как правовое положение кого-либо, определяемое совокупностью правовых норм, которые регулируют общественные отношения, связанные с политико-правовой природой, его возникновением, прекращением, сроком действия, полномочиями, гарантиями деятельности, подотчетностью, подконтрольностью, ответственностью. Правовые нормы, закрепляющие статус, содержатся в конституциях, специальных законах и других нормативно-правовых актах.

Чаще всего понятие «статус» соотносят с другой категорией – правовое положение субъекта. Отдельные авторы, не раскрывая понятия «правовое положение» и «правовой статус», полностью их отождествляют²; другие исследователи, рассматривая эти две правовые категории как синонимичные, указывают на их составляющие (основные права и обязанности, прямо закрепленные в законе, а также права-возможности по приобретению обязанностей и прав в конкретных правоотношениях)³. Алексеев С.С., не проводя прямой

управления вузом» – К. : Изд-во «Знание» КОО, 2004. – 204 с., а также ряд диссертаций, посвященных отдельным аспектам деятельности вузов, напр., Астахов В. В. – Правовое регулирование функционирования в Украине вузов, основанных на негосударственной форме собственности, 1999 г., Загородний С. А. – Договор о профессиональной подготовке в вузе, 2007 г., Нестеренко П. В. – Вуз как субъект гражданско-правовых отношений, 2008 г. и др.

² Максимец Л. Г. Образовательное учреждение как субъект гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 28–29.

³ Корх С. Э. Теоретико-правовые вопросы межотраслевого статуса субъекта предпринимательства в современном российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов/Д., 1998. – С. 16–17.

аналогии между правовым статусом и правовым положением, к элементам правового статуса относит правосубъектность, а также основные права и обязанности субъектов⁴, а к элементам правового положения – конкретные права и обязанности лица, связанные с наличием тех или иных юридических фактов⁵. Существуют и другие точки зрения, Так, О. А. Рекрут в правовой статус частного вуза, исходя из его административно-правовой характеристики, включает цели и задачи; права, обязанности и гарантии их реализации; юридическую ответственность; организационно-правовую форму; наличие государственной аккредитации и вид высшего учебного заведения⁶.

Приведенный неполный перечень точек зрения о понятиях «правовое положение», «правовой статус» и об их составляющих свидетельствует, что в науке не сложилось единства взглядов по данному вопросу⁷. Мы же, как и большинство исследователей, к элементам правового статуса вуза будем относить его правосубъектность и объём его прав и обязанностей.

Нормативное определение вуза закреплено в статье 1 Закона Украины «О высшем образовании»: высшее учебное заведение – образовательное, образовательно-научное учреждение, которое основано и действует в соответствии с законодательством об образовании, реализует в соответствии с выданной лицензией профессиональные программы высшего образования по соответствующим образовательным и образовательно-квалификационным уровням, обеспечивает обучение, воспитание и профессиональную подготовку лиц в соответствии с их наклонностями, интересами,

⁴ Алексеев С. С. Структура советского права. – М., 1975. – С. 179.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – М., 1982. – Т. II. – С. 142–143.

⁶ Рекрут О. А. Административно-правовой статус негосударственных высших учебных заведений в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 13.

⁷ Кванина В. В., Коллизии в современном образовательном законодательстве: теоретико-методологические аспекты исследования и преодоления // Право и образование. – 2005. – № 4. – С. 2–3.

способностями и нормативными требованиями в сфере высшего образования, а также осуществляет научную и научно-техническую деятельность.

В этой же статье закреплены определения государственного и частного вуза, а также вуза, основанного на коммунальной собственности и собственности АР Крым⁸. Однако представленное легальное определение высшего учебного заведения и его признаков не в полной мере отражает его сущность. Кроме того, что по нашему мнению законодательное определение частного вуза крайне неудачно, поскольку указание на его подчинённость собственнику, в отличие от подчинённости государственного вуза МОНМС Украины, является не совсем корректным, поскольку частный вуз также подчинён последнему в вопросах предоставления образовательных услуг в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов, которые, в свою очередь, подтверждаются при прохождении аккредитации учебного заведения (специальности).

Очевидно, что частные вузы являются «негосударственными» лишь в учредительском аспекте. Что же касается осуществления национальной образовательной политики, целей, задач подготовки высокообразованных граждан нашей страны, то здесь у всех вузов позиция и основа одна – государственная, публичная. В этом смысле все вузы – государственные, и основной путь создания современной системы образования нам видится в развитии его конституционно-правовой основы, поддерживающей академические свободы, обеспечение и защиту прав и свобод всех субъектов образовательной деятельности.

Для решения существующей проблемы определения вуза требуется комплексный подход, раскрывающий его широкую трактовку. Существующее же в законе «О высшем образовании» понятие вуза не учитывает того, что вузы не ограничиваются реализацией только образовательных программ высшего образования.

⁸ О высшем образовании : Закон Украины от 17.01.2002 г. № 2984-III // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2002. – № 20. – Ст. 134. – Ст. 1.

Они ведут подготовку кадров по программам послевузовского профессионального образования и переподготовки кадров. Кроме того, в последнее время отдельные представляют собой учебные комплексы, включающие в себя образовательные структуры различных уровней образования (например, Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия», с 1991 года реализующий программу непрерывного образования и включающий в рамках единого юридического лица структуры, предоставляющие дошкольное, общее среднее, высшее и послевузовское образование).

Комплексное исследование законодательства об образовании, а также сущности образовательной деятельности, осуществляемой вузами, позволили сформулировать понятие вуза и выявить критерии их дифференциации.

Представляется, что полное определение вуза, причём независимо от формы собственности, должно выглядеть следующим образом: высшее учебное заведение является образовательно-научной некоммерческой организацией, которая:

- осуществляет свою деятельность в предусмотренных законодательством об образовании организационно-правовых формах;
- реализует программы высшего и, как правило, послевузовского и дополнительного профессионального образования, а также иных уровней образования на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государственной власти;
- объединяет научно-педагогические кадры высокой квалификации;
- осуществляет подготовку учебных, учебно-методических и научных трудов;
- ведет научно-исследовательскую деятельность по фундаментальной и прикладной тематике по своему профилю;
- интегрирует учебный и научный процессы;
- участвует в региональном, государственном и международном образовательном и научном сообществах.

Действующее законодательство определяет вуз, независимо от формы собственности, только через условия осуществления им

образовательной деятельности, закрепляя за ним статус юридического лица⁹ и устанавливая, таким образом, его организационно-структурное, имущественное и функциональное единство, границы правосубъектности, формы и порядок создания, реорганизации и ликвидации, а также регламентируя целый ряд иных вопросов, которые в совокупности определяют правовой статус вуза.

Согласно действующему гражданскому законодательству юридические лица могут создаваться в организационно-правовой форме общества или учреждения.¹⁰ Как известно, организационно-правовая форма юридического лица – это совокупность конкретных признаков, объективно выделяющихся в системе общих признаков юридического лица и существенно отличающих одну форму юридических лиц от всех остальных.¹¹

В литературе бесспорной является точка зрения о том, что государственный вуз – учреждение, выполняющее специфические задачи, связанные с образовательной деятельностью. При этом государственный вуз выступает в роли центра образования, науки и культуры, удовлетворяющего потребности общества и выполняющего государственные заказы на подготовку специалистов и выполнение фундаментальных научных исследований. Государственные вузы производят общественное благо – бесплатное образование, равнодоступное для всех граждан Украины. За государственными вузами в целях обеспечения деятельности, предусмотренной уставом, закреплена на праве оперативного управления государственная собственность, которой они вправе владеть и пользоваться: здания, сооружения, имущественные комплексы, оборудование, иное необходимое имущество потребительского, социального, культурного и иного

⁹ Закон Украины «Об образовании». – Ст. 18. – Режим доступа: http://www.mon.gov.ua/laws/ZU_1060.doc ; Закон Украины «О высшем образовании» № 2984-III. – Ст. 23. – Режим доступа: http://www.mon.gov.ua/laws/ZU_2984.doc.

¹⁰ Гражданский кодекс Украины. – Ст. 83.

¹¹ Гражданское право : учебник. Часть I. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : ПРОСПЕКТ, 1998. – С. 168.

назначения, а также закреплены в бессрочное безвозмездное пользование выделенные им в установленном порядке земельные участки.

Но, с другой стороны, они обучают студентов и на платной основе, выполняют частные заказы в области прикладных научных исследований, производят продукцию и оказывают различные образовательные и консультационные услуги, то есть являются субъектами рыночной экономики, выступая в роли товаропроизводителей интеллектуальной продукции и свободно реализуя её на рынке. То есть государственному вузу предоставлено право осуществлять приносящую доход деятельность, прибыль от которой и приобретенное за ее счет имущество поступают в его самостоятельное распоряжение и учитываются на отдельном балансе. Помимо этого государственному вузу принадлежит право собственности на денежные средства, имущество и иные объекты собственности, переданные ему физическими и юридическими лицами в форме дара, пожертвования или по завещанию, на продукты интеллектуального и творческого труда, являющегося результатами деятельности вуза, а также на приобретенное на доходы от собственной деятельности имущество.

Таким образом, государственный вуз с одной стороны является представителем нетоварного сектора экономики – некоммерческим учреждением, а с другой – товарного, деятельность которого, по сути, является предпринимательской. Отсюда можно сделать вывод, что в рыночных условиях объем гражданской правосубъектности государственных и частных вузов по своему сближается.

Основной тезис, в контексте которого необходимо анализировать состояние нормативно-правовой базы, обеспечивающей функционирование последних, а также их правовой статус, очевиден: в Украине сформирован частный сектор высшего образования, оказывающий платные услуги потребителям на договорных основах, а также существует рынок образовательных услуг, который действует на основе объективного экономического закона стоимости.

Безусловно, частным вузам по своей природе присущи некоторые качества, которые отличают их от госвузов, но главное отличие все же заключается в том, что частный вуз – самофинансируемая организация. В отличие от госвуза, который, несмотря на оказание

достаточно широкого спектра платных образовательных услуг¹², не изменяет своего статуса учреждения, что соответственно создает ему более льготный режим налогообложения.

Однако, раскрывая понятие «частный вуз», одной из главных задач является определить, к какому виду юридических лиц он должен быть отнесен – к коммерческим или некоммерческим. В конечном счете, четкое установление того, осуществляет ли высшее учебное заведение предпринимательскую деятельность с целью получения прибыли с последующим её распределением между участниками, оказывает серьёзное влияние на упорядочение как частно-правовых, так и публично-правовых (прежде всего, налоговых) отношений.

Следует обратить внимание на то, что деятельность вуза, связанная с получением дохода (прибыли), не имеет в законодательстве об образовании четкого терминологического обозначения. Для ее закрепления законодатель использует без явного определения несколько похожих понятий, перегружая законодательство экономической терминологией. Это: хозяйственная деятельность и собственная деятельность (п. 5 ст. 63 закона «О высшем образовании»); уставная деятельность (п. 3 ст. 61 закона «Об образовании», ч. 2, п. 4, ст. 64 закона «О высшем образовании»); производственно-коммерческая работа (п.1 ст. 44 закона «Об образовании»); предпринимательская деятельность (п. 4 Постановления Кабинета Министров Украины от 29.08.2003 р. № 1380 «О лицензировании образовательных услуг»); платные дополнительные образовательные услуги (п. 3, ст. 61 закона «Об образовании», ч. 4, п. 2, ст. 29 и ст. 65 закона «О высшем образовании»); деятельность, не предусматривающая получение прибыли (п. 5 ст. закона «Об образовании»). Ввиду указанной терминологической неопределенности представляется необходимым произвести разграничение указанных понятий.

Как известно, основу правосубъектности вуза, объем которой

¹² Про затвердження переліку платних послуг, які можуть надаватися навчальними закладами, іншими установами та закладами системи освіти, що належать до державної і комунальної форми власності : Постанова Кабінету Міністрів України № 796 від 27 серпня 2010.

отражается в его уставе и носит специальный характер, составляют его права и обязанности, необходимые для выполнения возложенных на него функций, связанных с непосредственным осуществлением образовательной деятельности. В то же время вуз, как субъект рыночной экономики, выступает в роли товаропроизводителя интеллектуальной продукции и образовательных услуг и свободно реализует свою продукцию на рынке. Вузам разрешено (а государственным – наряду с финансированием их за счет средств бюджета) использовать дополнительные источники финансирования, к которым относятся: средства, полученные за обучение, подготовку, повышение квалификации и переподготовку кадров в соответствии с заключенными договорами; плата за дополнительные образовательные услуги; средства, полученные за научно-исследовательские работы (услуги) и другие работы, выполненные вузом по заказу предприятий, учреждений, организаций и граждан; доходы от реализации продукции научно-производственных мастерских, предприятий, цехов и хозяйств, от сдачи в аренду помещений, зданий, оборудования; дотации местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления и т. д.¹³

Развернутое определение понятия «продажа результатов работ (услуг)» содержится в п. 1.203 статьи 14 Налогового Кодекса Украины, где под ней понимаются любые операции гражданско-правового характера по предоставлению результатов работ (услуг), предоставление права на использование или распоряжение товарами, в том числе нематериальными активами и другими, нежели товары, объектами собственности за компенсацию. В толковых словарях русского языка торговля определяется как «купля-продажа чего-либо», «коммерция» (торговый – от лат. *commercē*). В повседневном словоупотреблении термины «коммерческая» и «предпринимательская» деятельность вуза нередко употребляются как взаимозаме-

¹³ Про затвердження переліку платних послуг, які можуть надаватися навчальними закладами, іншими установами та закладами системи освіти, що належать до державної і комунальної форми власності : Постанова Кабінету Міністрів України № 796 від 27 серпня 2010.

няемые. И происходит это потому, что торговые операции учебного заведения являются наглядным показателем существования коммерческой составляющей его уставной деятельности. Однако с юридической позиции подобное толкование не является точным. Между терминами «коммерческая» и «предпринимательская» деятельность различия существенные и одновременно достаточно четкие и ясные.

Гражданское законодательство исходит из того, что предпринимательская деятельность осуществляется: а) посредством выполнения работ и оказания услуг, то есть в сфере производства; б) при продаже товаров, то есть в сфере обмена, торговли, служащей «мостиком», по которому материальные блага направляются из сферы производства в сферу личного потребления. То есть перед нами два различных «среза доходной деятельности». Один (коммерческая деятельность) находится в ее ядре. Другой (предпринимательская деятельность) – служит внешним выражением. С последовательно юридических позиций исходным и принципиальным является термин «предпринимательская деятельность»¹⁴.

Действующее законодательство на этот счет категорично: по своему правовому статусу государственный вуз, даже при осуществлении платной образовательной деятельности, остается непредпринимательским учреждением. Дополнительно привлеченные средства он обязан направлять на осуществление уставной деятельности вуза (ч. 2, п. 4, ст. 64 закона «О высшем образовании»). В то же время частный вуз, деятельность которого изначально была определена законодательством, как предпринимательская, может претендовать на непредпринимательский статус только в случае, если полученные от нее доходы не только реинвестируются в данное учебное заведение, но и не подлежат распределению между его учредителями (ст. 85 ГК Украины).

Однако, рассуждая о предпринимательской деятельности учебных заведений в целом, необходимо отметить, что она не теряет присущих

¹⁴ Толстенко В. А. Проблемы правового регулирования внебюджетного финансирования вузов. – Режим доступа: <http://voenprav.ru/doc-3482-8.htm>

ей качеств ввиду того, что полученная в результате ее осуществления прибыль расходуется на определенные цели. Более того, грамматическое толкование ст. 42 Хозяйственного кодекса Украины «Предпринимательство как вид хозяйственной деятельности» позволяет утверждать, что направление расходования полученного дохода находится вне понятия предпринимательской деятельности и потому не в состоянии умалить предпринимательскую сущность обусловившей его (дохода) деятельности.¹⁵ Таким образом, платную образовательную деятельность необходимо квалифицировать как вид предпринимательской деятельности вуза, независимо от формы собственности.

Это утверждение не противоречит и ГК Украины, в статье 86 которого закреплено, что непредпринимательские общества и учреждения могут наряду со своей основной деятельностью осуществлять предпринимательскую деятельность, если другое не установлено законом и если эта деятельность отвечает цели, для которой они были созданы, и оказывает содействие ее достижению.

Однако, поскольку изначально образовательная деятельность частного вуза, как было отмечено выше, была отнесена к разновидности предпринимательской¹⁶, подавляющее большинство из них были созданы в организационно-правовой форме хозяйственных обществ: акционерных и обществ с ограниченной ответственностью, что в свою очередь и предопределило их предпринимательский статус в отличии от госвузов (ст. 84 ГК Украины). При этом, несмотря на попытки Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины привести к общему знаменателю организационно-правовую форму вузов¹⁷, многие из них продолжают функционировать в качестве

¹⁵ Владыкина Т.А. О доходной деятельности вуза // Высшее образование в России. – 2001. – № 5. – С. 17.

¹⁶ Статья 4 Закона Украины «О предпринимательстве» от 27.02.1991 г. № 698, с изм. и доп. // Закони України / Верховна Рада України. Ін-т законодавства. – К., 1996. – Т. 1. – С. 191–201.

¹⁷ См., напр., письмо № 1/11-3797 от 10.11.2002 года в адрес Ассоциации учебных заведений Украины негосударственной формы собственности, которое подписано заместителем гос. секретаря Науменко Г. Г., в котором говорится, что «с принятием Закона Украины «О высшем образовании»

хозяйственных обществ, целью деятельности которых является получение прибыли.

Следует отметить, что из всего разнообразия классификаций юридических лиц, которые предлагались в отечественной цивилистике, в ГК Украины использована лишь одна – деление юридических лиц на лица частного и публичного права. При этом критерием деления назван порядок их создания (ч.2, ст.81 ГК Украины). Однако, как утверждают некоторые известные цивилисты, в основу деления юридических лиц должен быть положен все-таки не порядок, а цель их создания, а также область, в которой может действовать то или иное лицо. Так, если юридическое лицо будет действовать в области публичного права и выполнять соответствующие административные, образовательные (курсив – авт.) и т. п. функции, то оно является субъектом публичного права и должно создаваться в порядке, определенном для таких лиц. Если же юридическое лицо будет функционировать в области частного права, как его субъект, то оно должно создаваться в порядке, установленном для последних¹⁸. Таким образом, указанные авторы относят образовательную деятельность вузов к сфере публичного права.

Подтверждением этому может служить международное законодательство, в том числе Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁹, который определяет высшее образование как общественное благо, потребление которого одним человеком не сокращает количество благ, доступных другим, и носит неисключающий характер. Отсюда образование – существенная

и других законов в сфере образования Законы Украины «О предприятиях в Украине» и «О предпринимательстве» в сфере образования не применяются». ... «Вуз и его собственники во время создания и деятельности вуза должны применять только законодательство об образовании.

¹⁸ Харитонов Е. О., Саниахметова Н. А. Указ. соч. – С. 177.

¹⁹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый резолюцией 2200 А Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 года. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

общественная услуга, приносящая пользу всему обществу, а потому и рассматриваться она должна как услуга государственная²⁰.

Отсюда непреложным является факт, что образование, получаемое потребителями образовательных услуг за собственные средства, как в госвузе на контрактной форме обучения, так и в частном вузе, нельзя рассматривать как особый вид знаний. Высшее образование едино и каждый выпускник вуза, независимо от формы собственности, должен получить уровень знаний, определяемый требованиями к качеству их подготовки, например, государственными образовательными стандартами, отраслевыми стандартами и стандартами вузов (статья 12, 13, 14 закона Украины «О высшем образовании»).

Как уже отмечалось, разграничение коммерческих и некоммерческих организаций является слабым местом современного гражданского законодательства. Проблема кроется не столько в выборе подходящих критериев разграничения этих видов организаций, сколько в последовательном применении выбранных критериев к тем или иным видам юридических лиц. Ситуация осложняется еще и тем, что в Украине до сих пор отсутствует собственный закон «О некоммерческих организациях». В настоящее время большинство некоммерческих организаций, не исключая и финансируемых собственником учреждений, в том числе и государственные вузы, просто вынуждены заниматься предоставлением платных услуг, чтобы свести концы с концами. Следовательно, прежде всего, законодатель должен обеспечить такой правовой режим их деятельности, при котором неизбежное и необходимое ведение коммерции не превратится в самоцель. Зарубежный опыт показывает, что именно запрет распределять полученную прибыль между участниками юридического лица является самым действенным способом отсечения некоммерческих организаций от профессионального бизнеса.

²⁰ Подробнее см.: Астахов В. В. Конкуренция в сфере предоставления образовательных услуг в условиях глобализации образовательного пространства: проблемы совершенствования законодательства // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2008. – Т. 14. – С. 29–44.

Следовательно, поскольку для частных вузов законодательно должен быть закреплён статус некоммерческих организаций, то государственное регулирование их деятельности, как нетипичных субъектов рынка, входящих в неприбыльный сектор экономики, должно осуществляться по специальным правилам. А законодательное закрепление за ними организационно-правовой формы учебного заведения приведёт к уравниванию их правового статуса с государственными вузами. В этом случае регулирующее воздействие государства в рамках его социокультурной функции станет подлинным гарантом конституционных прав личности в сфере образования.

УДК 37(470)(091)''18''

*А. А. Гайков***ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
УРОКИ РЕФОРМ****Резюме**

Історичний досвід показує, що кожна епоха ставить свої вимоги до суспільного життя, зокрема до системи освіти. Сьогодні йде активний пошук шляхів реформування освіти в Україні, тому досвід попередніх реформ системи освіти безцінний. Особливий інтерес, на наш погляд, являє собою період другої половини XIX століття в Російській імперії.

Важливою складовою даного періоду був усебічний гармонійний розвиток і вибудовування освіти в дусі ідеалів Просвітництва. У статті автор розкриває суть реформ, що проводяться, які поставили систему освіти на рівень, відповідний духу часу.

Summary

Historical experience shows that every epoch imposes its own demands on social life, the system of education including. Nowadays an active search of ways of reforming Ukraine's education is taking place in the country; for that reason, the past experience of educational reforms is invaluable. Of particular interest, in the author's view, is the period of the second half of the 19-th century in the Russian Empire.

An important part of the period studied was an all-round harmonious development and organization of education in the spirit of the Enlightenment. In the article the author explicates the essence of the implemented reforms, which upgraded the system of education to a level compatible with the spirit of the age.

Ключевые слова: реформа, образование, просвещение, система образования, уроки истории.

Известно, что на протяжении современной истории в Украине предпринимаются многократные попытки реформировать систему образования, причем этот процесс приобрел перманентный характер. Занимаясь решением проблемы приведения системы образования в соответствие с требованиями эпохи сегодня, без всякого сомнения,

необходимо учитывать уроки истории. В этом отношении поучительным можно считать период второй половины XIX века.

Автор поставил перед собой цель проанализировать содержание реформ образования в рассматриваемый период, в то же время раскрыть противоречия и трудности, с которыми образовательная система столкнулась в ходе реализации проводимых реформ. Данный опыт может быть учтен при осуществлении образовательных реформ в Украине в настоящее время.

Реформы образования рассматриваемого периода оценивались и оцениваются в разное время и различными политическими деятелями, в том числе и современниками, по-разному. В этом разнообразии мнений важно уловить проблемы, которые являются наиболее исторически значимыми, и на этой основе оценить их значение для современного совершенствования образовательной системы. С их помощью возможно открыть духовному проникновению суть тех «идей», вокруг которых действительно шла и до сих пор идет борьба, и извлечь из этого определенные, прежде всего нравственные, уроки. Как верно заметил в 1867 г. цензор А. В. Никитенко, «Россия – странное государство: это страна всевозможных экспериментов – общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго... судьба ее – вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы жизни к другой» [2, с. 235]. Ученые, занимающиеся изучением истории, теории и практики образования XIX века, часто подчеркивают, что реформаторы империи увлекались новшествами, приходившими извне, и внедряли их без учета опыта прошлого своей страны. В России никогда не было равновесия между силами движения и консервативными силами сопротивления, того равновесия, которое могло бы сделать развитие образования безопасным. Эти мысли, к сожалению, не потеряли своего значения и сегодня. Уже поэтому нужно изучать наше прошлое и делать выводы, хотя бы для будущего.

Перед образованием во второй половине XIX века ставилась высшая цель – дать ему всестороннее гармоничное развитие и выстраивать его в духе идеалов Просвещения. Делаются попытки создать социальные условия для вертикальной мобильности

способных и талантливых людей. Специальным манифестом в 1832 году был введен институт Почетного гражданства. Почетное гражданство могло быть личным и потомственным. «Награждение званием личного почетного гражданина могло быть испрашиваемо лицами всех сословий за оказанную ими на общественных поприщах полезную деятельность, продолжавшуюся не менее 10 лет; звание же потомственного почетного гражданина могло испрашиваться лицами, состоявшими не менее 10 лет на тех же поприщах в звании личного почетного гражданина» [4].

Окончание государственного университета давало потомственное почетное гражданство, другие высшие учебные заведения имели возможность награждать своих выпускников званием личного почетного гражданина, что давало им право поступать на государственную службу. Чтобы обеспечить социальное продвижение способных, но бедных молодых людей, им назначались стипендии, а по окончании учебного заведения присваивалось такое же звание.

Российское общество второй половины XIX века видело в просвещении ту магическую силу, которая могла, по мнению современников, возвысить империю. Вместе с тем, идеалы превращались в реальность, как всегда, сложно и противоречиво. В России того времени не было ни достаточного количества педагогов, способных решать поставленные задачи, ни достаточного количества подготовленных учеников, ни необходимого количества платежеспособных родителей.

«Система образования в Харьковской губернии во II половине XIX века, – отмечает В. Н. Корниенко, – развивалась в сложных и противоречивых условиях... Царское правительство почти совсем устранилось от материального содержания всей сети начальных школ, а средние учебные заведения содержались земствами или частными лицами» [3, с. 185].

Особую остроту проблема реорганизации образования приобрела после отмены крепостного права, не только пробудившей огромные слои малообразованного крестьянского населения, но и вызвавшей революционные настроения в обществе.

Бурное развитие промышленного производства выдвинуло новые требования к системе образования. Российскому обществу понадобились

лись не только просвещенные служащие для занятия государственных постов, но и грамотные граждане – для решения проблем организации торговли, промышленного производства, сельского хозяйства, социальных задач. Поэтому после отмены крепостного права наступил период расцвета и для классического образования, и для российской технической школы. К середине XIX века научная подготовка инженеров, высшее техническое образование становятся настоятельно необходимыми. В 1868 году на базе Ремесленного учебного заведения создается Императорское Московское техническое училище, которое стало осуществлять подготовку по механической и химической специальностям. Выпускники стали получать высшее образование. По такому же сценарию многие ремесленные, средние технические училища преобразуются в высшие технические школы и институты. Следует заметить, что в этих учебных заведениях обучались лица иудейского, лютеранского и католического вероисповеданий, в то время как в университеты они могли попасть только по специальному разрешению Министра народного просвещения. В этих образовательных учреждениях активно осуществлялась поддержка наиболее талантливых учеников. Присваивались именные стипендии, учредителями которых выступали инженеры, потомственные почетные граждане, министры, банкиры и т. д.

К концу XIX века сложилась стройная система технического образования в Российской империи: высшие школы, готовящие инженеров; средние, осуществляющие подготовку техников; училища для мастеров, фабричных и заводских рабочих. Следует особенно подчеркнуть, что в высших учебных заведениях важное место отводилось теоретической подготовке будущих инженеров, научной составляющей образовательного процесса.

Наряду с государственными учебными заведениями к этому времени в империи уже существовали земские, церковно-приходские и частные школы. Обеспеченные и титулованные дворяне не желали смешиваться с прочим населением и неохотно отдавали своих детей в гимназии, предпочитая закрытые частные лицеи или домашнее воспитание с помощью выписанных из-за границы учителей.

Существенному реформированию образование подверглось во

времена, когда Министерство народного просвещения возглавил Д. А. Толстой. Следствием стало построение системы образования, более приближенной к жизни, ориентированной на выполнение важных социальных функций в условиях зарождающегося капитализма, на всестороннюю подготовку будущего чиновничества. Известно, что до этого в Российской империи существовало два вида гимназий – классические, с широким изучением гуманитарных предметов и иностранных языков, и реальные гимназии, в которых большая часть времени отводилась на изучение точных наук и естествознания. Срок обучения в них был одинаков – 7 лет, после чего гимназисты могли поступать в университет.

Какие изменения в системе образования произошли при министре Д. Толстом? Прежде всего, реальные гимназии были преобразованы в училища, сокращены сроки обучения в них. Отныне право поступать в университеты получили только выпускники оставшихся гимназий. Таким образом, в основу закладывался сословный принцип образования: низшая школа – для народа, реальные училища – для буржуазии, университеты – для дворян. По мнению специалистов, идеальной системой образования Д. Толстой считал английскую, которая отличалась ярко выраженным аристократическим характером [1, с. 150].

В этот период был введен выпускной квалификационный экзамен, но только в тех школах, где проходили полный курс латинского и древнегреческого языков. Существенно повышался статус гимназий, ставших своеобразным мериллом образованности. Достаточно отметить, что учителя таких учебных заведений обязаны были иметь университетское образование, эта профессия становилась престижной.

Обучение в гимназиях было платным. Принимали по результатам вступительных экзаменов как детей дворян, так и представителей непривилегированных сословий. Содержание образования основывалось на изучении древних языков и классической литературы для подготовки детей к университету. Перечень дисциплин, преподаваемых в то время в гимназиях России, был следующим: русский язык; арифметика; история; Закон Божий; чистописание; рисование;

немецкий, французский, греческий и латинский языки; география; гимнастика. Следует подчеркнуть, что изучение латинского и греческого языков проводилось ежедневно, по несколько уроков в день.

Большое внимание в гимназиях уделялось нравственному воспитанию. Нравственность являлась важнейшей чертой, присущей истинной интеллигенции – чертой, которой российская интеллигенция во второй половине XIX века, несомненно, обладала. Система образования в то время являлась своеобразным транслятором традиций российской культуры. Обучение в тогдашней гимназии, да и в университете, было элитарным, в отличие от современного – массового образования.

«Эпоха 60-х гг. с ее освободительными тенденциями и общественными интересами к науке, – отмечает известный историк В. Хотеевков, – привлекла в университеты многих талантливых людей, выдвинув блестящую плеяду ученых в разных областях знания: А. М. Бутлеров и Ф. Ф. Петрушевский, К. Н. Бестужев-Рюмин и В. Г. Василевский, А. Д. Градовский и А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев и Н. В. Склифосовский, В. О. Ключевский и Ф. Ф. Фортунатов, А. Н. Веселовский и С. А. Муромцев, А. О. Ковалевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, П. Ф. Лесгафт, А. А. Потебня и др.». «Золотым веком» назвал это время питомец Московского университета С. И. Мицкевич. «Профессора, выдвинутые эпохой реформ 60-х гг., – писал он, – внесли обновление в старые университеты, и это обновление к 80-м годам достигло своего расцвета» [5].

Совершенно очевидно, что буквальное возвращение к старым идеям и реалиям практически невозможно и даже не нужно, так как может превратиться в реализацию очередной социальной утопии. «Богатый опыт» подобных экспериментов мы испытывали на себе многократно. Однако уроки истории могут кое-чему научить. Сегодня профессионализация образования и ориентация на рынок рабочей силы неизбежны. Однако нынешнее поколение молодых людей, достаточно заработав на своем узком профессионализме, пытается расширить свое мировоззрение, мечтает вырваться из круговорота экономически регулируемой и пресчитанной карьерной жизни и погрузиться

в мир исторических и культурных ценностей, стремятся понять смысл жизни и собственной деятельности. В этом плане опыт просвещения второй половины XIX века бесценен.

Список литературы

1. Горохов В. Г. Уроки реформы образования в России конца XIX – начала XX столетий / В. Г. Горохов // Высш. образование в России. – 2010. – № 5. – С. 147–154.
2. Гросул В. Я. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская, и др. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.
3. Корниенко В. Н. Благотворительность в сфере образования: Харьковская губерния во второй половине XIX века / В. Н. Корниенко // Вчені зап. Харк. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 1999. – Т. 5. – С. 184–190.
4. Личные и потомственные почетные граждане [Электронный ресурс] // Программа «Российские династии». – Режим доступа: <http://geno.ru/node/99>.
5. Хотеевков В. Граф Д. А. Толстой – «лжегосударственный человек» / В. Хотеевков // Высш. образование в России. – 1996. – № 4. – С. 130–148.

УДК 37:94(470)-058.12“188/1917”

В. Н. Корниенко

РОССИЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Резюме

У статті розкриваються процеси трансформації російського дворянства, які почалися в другій половині XIX ст. З ідейним розшаруванням дворянського стану сформувався цілий спектр поглядів на розвиток освіти в країні. Загальним для всіх дворян залишався інтерес до отримання класичної освіти. У останній чверті XIX – початку XX ст. виділилися особливості освітніх пріоритетів різних груп російського дворянства.

Summary

The article discusses the process Russian of the nobility transformation which started in the 2nd half of the XIXth century. Ideological stratification of the nobility brought about a wide range of approaches to the development of education in the country. Classical education remained the general objective of the nobility. The last quarter of the XIXth century, the beginning of the XXth century witnessed formation of educational priorities of different groups of Russian nobility.

Ключевые слова: история образования, образовательные приоритеты, дворянство, сословные ценности, классическое образование.

В современных условиях динамичного развития общества усиливается интерес к истории прошлого, к вопросам образовательных приоритетов российского дворянства.

Российскому дворянству посвящено значительное число работ, в которых рассматриваются самые разные аспекты его становления, в частности взаимосвязь социально-экономического и культурного развития дворянского сословия в конце XIX – начале XX в. Авторы этих исследований зачастую приходили к достаточно односторонним выводам о якобы имевшем место экономическом и политическом оскудении российского дворянства и, как следствие, утрате им интереса к классическому образованию [1; 2; 8] и связывали эти явления с промышленным ростом, усилением позиций буржуазии

и общим кризисом всей системы образования в стране, вызванным новыми социально-экономическими реалиями. Подобная точка зрения объясняется исторической традицией, берущей свое начало еще на рубеже XIX – XX вв. [9].

Дворянское сословие имело довольно длительную традицию службы государству и сформировавшуюся при этом сословную систему ценностей, однако это не исключало особенностей задач такой службы каждым из представителей дворянства. Неоднозначное было и отношение в среде дворянства в последней четверти XIX – начале XX в. к получению классического образования как необходимому условию дальнейшей службы государству. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть образовательные приоритеты российского дворянства и их особенности у представителей разных идейных течений внутри сословия. В историографии сложилось традиционное деление представителей дворянства на «революционных демократов», «либералов» и «консерваторов». Однако источники показывают, что образовательные приоритеты нередко совпадали у идейных противников и отличались у потенциальных союзников внутри самого сословия. Наиболее характерным периодом в этом отношении были последняя четверть XIX – начало XX в., когда происходило активное пополнение дворянства представителями других слоев населения, а сами дворяне нередко порывали с традициями своего сословия.

Вопрос о содержании образовательных приоритетов дворянского сословия в последней четверти XIX – в начале XX в. не был однозначен. Расхождение интересов государства и дворянства объясняется рядом причин: дворяне – государственные деятели несли ответственность за образование всего населения страны, и нередко их деятельность шла вразрез с интересами собственного сословия; с другой стороны, существовала часть дворянства, которая далеко не всегда поддерживала инициативы правительства даже при их полном соответствии интересам дворянства; наконец, внутри самого сословия отсутствовало единообразие взглядов на развитие образования. Учет этих причин позволяет более взвешенно подходить к выявлению приоритетов дворянства в образовательной области.

Отмена крепостного права оказала влияние на специфику роста численности российского дворянства и обусловила некоторые социально-экономические изменения внутри этого сословия.

Одним из важных путей пополнения дворянского сословия в этот период служило образование и определенные ступени научной деятельности, дававшие право как на личное, так и на потомственное дворянство. Еще в 1811 г. было установлено, что все выпускники высших учебных заведений получают чины от 14-го до 10-го класса [4, с. 899–900]. Лица, успешно защитившие в университетах докторские работы, получали чин 8-го класса и потомственное дворянство [5, с. 620].

В пореформенной России дворянство по-прежнему сохраняло господствующее положение в управлении страной, в том числе и в органах местного управления.

Во второй половине XIX в. государство обращало серьезное внимание на участие дворянства в организации народной школы.

В высочайшем рескрипте от 25 декабря 1873 года на имя министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого предписывалось: «Российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предложит о сем (народном образовании. – А. Р.) попечение. Я призываю верное Мое дворянство стать на страже народной школы. ... Я повелеваю Вам, по соглашению с Министром внутренних дел, обратиться к местным предводителям дворянства, дабы они, в звании Попечителей народных училищ в их губерниях и уездах ... способствовали ближайшим своим участием к обеспечению нравственного направления этих школ, так же к их благоустройству и размножению» [3, с. 248].

После отмены крепостного права состояние дворянского сословия менялось, росло число одной группы дворян – дворян-предпринимателей, основным источником их доходов были торговые и промышленные предприятия.

Активное вхождение в дворянское сословие представителей купечества, предпринимателей, разночинцев было источником беспокойства для потомственных дворян в последней четверти XIX – начале XX в.

Изменялось и представление общества о назначении дворянского землевладения. Многие дворяне начали рассматривать землю как одну из форм капитала и готовы были перевести ее в другую форму. Расставшиеся с поместьем дворяне перебирались в города, становились адвокатами, литераторами, учителями и получали доходы, нередко превышающие доходы от имений. Превращение дворянина в адвоката или предпринимателя чаще всего означало разрыв с традициями своего сословия, такие люди при выборе жизненного пути для своих детей уже не ориентировались на традиционные для дворян виды образования, поскольку у них менялись цели службы и ценностные ориентиры. В средних и высших общеобразовательных учебных заведениях страны, как и в середине столетия, сохранялась высокая доля учащихся – дворян, но цели, с которыми они поступали на учебу, отличались от целей, которые преследовали их предки. Все эти изменения не могли не сказаться на формировании идейных течений внутри дворянского сословия и на особенностях их образовательных приоритетов.

«Кузницей кадров» для государственного аппарата России в последней четверти XIX – начале XX в. традиционно являлись Высшее училище правоведения (только для потомственных дворян), юридические и физико-математические факультеты имперских университетов. Не менее «дворянский» историко-филологический факультет, как правило, ориентировал выпускников на научную деятельность. Достаточно высокий процент дворян среди студентов этих факультетов отражал предпочтение ими высшего классического образования и стремление к дальнейшей государственной службе.

Сохранение популярности классических университетов особенно показательно в условиях увеличения количества дворянских институтов и кадетских корпусов. В рассматриваемый период дворяне продолжали отдавать предпочтение классической гимназии, окончание которой не только позволяло поступить в университет, но и было первой ступенью в службе: успешно окончив гимназию, получали 14-й классный чин по Табели о рангах. В целях подготовки молодежи к поступлению в университет и сохранения при этом образовательных традиций дворянского сословия с 1895 г. по

инициативе губернских и уездных дворянских собраний повсеместно в России создавалась целая сеть средних воспитательно-учебных заведений – дворянских приютов, находившихся в ведении Министерства народного просвещения и дававших классическое образование [7, с. 327–334].

Соотнеся сведения о доле дворян в составе учащихся с данными о росте в России численности дворянства и всего населения страны, можно сделать выводы. В период более быстрого, чем увеличение всего населения России, роста дворянского сословия происходил и более активный рост доли представителей дворянства в учебных заведениях; при пропорциональном росте населения и дворянского сословия последнее продолжало составлять более половины всех учащихся, получивших классическое образование. Сохранение приоритетности классического образования для российского дворянства вызывало сильную озабоченность тех, кого беспокоила утрата представителями дворянского сословия монополии на государственную службу.

На начало XX века в дворянском сословии можно выделить три значительно расходящиеся в своих образовательных предпочтениях группы. Во-первых, это представители не только личного, но и потомственного дворянства – члены политических партий различных направлений. При этом взгляды на образование дворян у руководителей партий всего спектра были практически одинаковы. Во-вторых, деятели «Объединенного дворянства» – организации, созданной в 1906 г. в целях сохранения традиций дворянского сословия и противопоставлявшей себя деятельности политических партий в стране. В-третьих, дворяне – государственные деятели, стоявшие вне политических группировок и партий и считавшие, что интересы общества в целом выше корпоративных – дворянских.

Преображаясь в партийных политических деятелей, дворяне переставали видеть свое назначение в служении государству, они теперь решали узкопартийные задачи: член партии должен либо выполнять ее решения, либо покинуть ее. Естественно, при этом дворяне постепенно отходили и от традиций своего сословия [6, с. 247].

Руководителями большинства политических партий были дворяне,

в своих программных документах они уделяли большое внимание народному образованию. Они считали, что система образования в России должна строиться на основе следующих норм: обязательное начальное государственное образование для всего населения (большинство дворян получали начальное образование дома); децентрализованный характер системы образования; свобода в форме и содержании преподаваемых учебных курсов; предпочтение профессиональному образованию перед классическим; преподавание повсеместно на родном (национальном) языке, что предполагало однонациональный состав учащихся [7].

Однако определенная часть дворян на рубеже веков были противниками активной деятельности представителей дворянства в составе политических партий, они создали организацию «Объединенное дворянство» (1906–1917). В качестве коллективных членов в нее входили губернские собрания. На ежегодных съездах дворянства в центре внимания всегда находились проблемы образования, разрабатывались даже целые программы для Министерства народного просвещения, носившие рекомендательный характер.

Подводя итоги анализа различных течений в российском дворянстве последней четверти XIX – начале XX в., хотелось бы отметить, что дворяне – носители различных взглядов на развитие образования в стране – учились подчас в одних учебных заведениях, у одних учителей, слушали один и тот же учебный материал, но при этом усвоили разные системы ценностей и норм, получили разные «плоды просвещения». Очевидно, что дело не только в том, что представляла собой система образования России и как она перестраивалась (или не перестраивалась) в ответ на социальные изменения в стране. А важно, какие в итоге она формировала ценностные нормы и ориентиры в обществе, и прежде всего у дворянства, представлявшего местную и центральную власть в России.

В результате исследования данной проблемы пришли к выводу, что на всем протяжении XIX и в начале XX века дворянство продолжало активно поставлять кадры для государственной службы, сохраняя свою монополию, и во многом влияло на политику правительства в области образования.

В средних и высших учебных заведениях, дававших классическое образование, дворяне в последней четверти XIX – начале XX в. составляли большинство (свыше 50%) учащихся, при этом к дворянскому сословию принадлежало только 2% населения России, что отражает значимость для дворянства этой формы получения образования. К началу XX в. стал очевиден процесс расслоения дворянского сословия, выразившийся в изменении интересов и ценностей у значительной части его представителей, в связи с чем была утрачена целостность самого сословия и его образовательных приоритетов. В российском дворянстве можно выделить, по крайней мере, три достаточно многочисленных группы, каждая из которых имела свои предпочтения в области образования.

Правительство, представленное в основном потомственными дворянами, старалось опираться на собственное сословие, поддерживая классическое образование, ориентированное на дальнейшую государственную службу. При этом для значительной части дворян, особенно в пореформенный период, на первый план вышли интересы укрепления собственного благополучия, а не поддержка инициатив правительства. Лишь незначительная часть дворян, верная традициям своего сословия, стремилась службой государству, в том числе на уровне образования, содействовать мирному развитию страны в сложных условиях начала XX века.

Список литературы

1. Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода имперской России / С. Беккер. – М., 2004. – 186 с.
2. Днепров Э. Д. Кризис общего среднего образования в конце XIX века (по материалам особого совещания по делам дворянского сословия) / Э. Д. Днепров // *Вопр. образования.* – 2008. – № 4. – С. 238–253.
3. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. – М., 2001. – Т. 2, кн. 1. – С. 248.
4. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 31. – С. 899–900.
5. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 38. – С. 620.

6. Рыжов А. Н. Образовательные приоритеты российского дворянства в последней четверти XIX – начале XX в. / А. Н. Рыжов // Вопр. образования. – 2009. – № 4. – С. 235–256.

7. Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт. – СПб., 1901. – С. 327–334.

8. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. / Ю. Б. Соловьев. – М., 1973. – 230 с.

9. Тернигоров С. Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения / С. Н. Тернигоров. – СПб., 1863. – 180 с.

УДК 378:930(477)”1917/1921”

Д. В. Подлесный

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ УКРАИНЫ В ПЕРИОД 1917–1921 гг.

Резюме

Статтю присвячено розгляду трансформацій системи вищих навчальних закладів України в період Революції та Громадянської війни. За допомогою використання сучасної теоретико-методологічної бази та залучення широкого кола джерел проаналізовано основні напрями політики загальноросійських і національних урядів революційної доби в галузі розбудови системи вищих шкіл. Велику увагу приділено трансформаціям недержавного сектору вищої освіти в 1917–1921 рр. Реалізація завдань дослідження дозволила внести значні уточнення в картину розвитку системи вищих навчальних закладів України та зробити низку важливих висновків. Було встановлено, що протягом вищезазначеного періоду процес трансформації системи вищих шкіл мав перманентний характер, а його спрямованість визначали, насамперед, політико-ідеологічні чинники.

Summary

The Article is dedicated to study of the transformation of the system of the higher schools in Ukraine in the period of Revolution and Civil War. On the basis of modern theoretical-methodological approaches and wide range of sources basic directions of the policy of all-Russian and national governments in the sphere of the building of the system of the higher schools are analyzed. More attention is paid to the transformations of private higher education in the period of 1917–1921. Realization of the tasks of the research allowed make more precise the picture of development of the system of the higher schools in Ukraine and come to some important conclusions. The conclusion has been made that during the period of Revolution and Civil War process of the transformation of the system of the higher schools had permanent character and direction of this process was defined by the political-ideological factors. The reorganization of higher schools Most

Ключевые слова: высшее образование, система высших учебных заведений, вузы, Революция, Гражданская война.

Оптимизация системы высших учебных заведений имеет статус наиболее противоречивой проблемы реформирования отечественной высшей школы на современном этапе. С одной стороны, на сегодняшний день, объективно назрела необходимость упорядочения системы вузов, количество которых за годы независимости возросло более чем в шесть раз. С другой, предлагаемые правительством меры по сокращению числа вузов и их градации по количественным (а не качественным) критериям, вызывают вполне обоснованную критику со стороны академической общественности. Очевидно, что ключевыми словами, характеризующими государственную политику в данной области, должны стать «взвешенность» и «осторожность». Последнее, в том числе, предполагает проведение комплексного анализа отечественного и зарубежного опыта оптимизации системы учреждений высшей школы.

Широкие возможности для научного анализа предоставляет опыт трансформаций вузовской системы Украины в период Революции и Гражданской войны, когда развитие высшей школы сопровождалось проблемами, большинство из которых имеют повышенную актуальность и сегодня. При этом анализ отечественной историографии позволяет говорить, что данная тема до сих пор не была предметом специального рассмотрения. Ее отдельные аспекты освещались советскими авторами и учеными современной Украины [1; 2; 3; 4]. Таким образом, цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать основные тенденции трансформаций системы высших учебных заведений Украины в период 1917–1921 гг.

Анализируя состояние системы высших учебных заведений Украины на момент Февральской революции, необходимо отметить, что в историографии существуют серьезные расхождения относительно количества вузов, которые в начале 1917 г. функционировали на украинских территориях, входящих в состав Российской империи. Так, историческая наука УССР утверждала, что до революции в Украине существовало всего 19 вузов [1, с. 13; 5, с. 239]. Этот тезис опровергает современный отечественный исследователь С. В. Майборода, который насчитывает 26 высших школ, функционировавших по состоянию на 1 января 1917 г. [3, с. 51–52]. Такие расхождения

связаны с тем, что советская историческая наука, ссылаясь на данные 1914 г., не учитывала вузы, которые были открыты в Украине или переведены сюда из других регионов Российской империи в период Первой мировой войны. В свою очередь, число вузов, называемое С. В. Майбородой, включает в себя учительские институты, которые имели статус средних учебных заведений, и, таким образом, является завышенным. Исходя из этого, мы склонны согласиться с автором комплексного исследования по истории высшей школы России на рубеже XIX–XX вв. А. Е. Ивановым, который говорит о том, что в начале 1917 г. в украинских городах было сосредоточено 23 вуза [6, с. 22–158].

Система высших школ, которая по состоянию на февраль 1917 г. функционировала на территории Украины, была достаточно разветвленной. Кроме трех классических университетов в Киеве, Харькове и Одессе, и пяти учебных заведений университетского типа (Киевские, Харьковские и Одесские высшие женские курсы, Киевские вечерние женские курсы, Новороссийский высший международный институт), на территории Украины функционировал целый ряд отраслевых вузов. Высшее техническое образование было представлено Киевским и Екатеринославским политехническими, Харьковским технологическим, Екатеринославским горным институтами. Врачей, кроме медицинских факультетов заведений университетского типа, выпускали три женских медицинских вуза – Киевский и Харьковский женские мединституты, и Одесские высшие женские медицинские курсы. К вузам экономического профиля принадлежали коммерческие институты, которые функционировали в Киеве и Харькове. Подготовка специалистов в сфере сельского хозяйства возлагалась на Харьковский зооветеринарный институт и Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства, который в 1914 был переведен в Харьков из Люблинской губернии Царства Польского. Также на территории Украины работали два педагогических (Нежинский историко-филологический институт, Киевский женский Фребелевский институт) и два музыкальных (Киевская и Одесская консерватории) вуза. При этом важно отметить, что наряду с государственными на территории Украины функционировали общест-

венные (созданные общественными организациями и органами местного самоуправления) и частные вузы. По состоянию на начало 1917 г. здесь насчитывалось 14 негосударственных вузов, в которых обучалось более 18 тыс. студентов (в свою очередь, государственный сектор представляли 9 вузов со студенческим контингентом около 14 тыс. человек) [1, с. 13; 6, с. 22–158]. Вышеприведенные цифры позволяют говорить о том, что в количественном соотношении негосударственный сектор высшей школы преобладал над государственным.

Февральская революция 1917 г. и последовавшая за ней либерализация всех сфер общественной жизни отразилась и на развитии высшего образования в бывшей Российской империи. Уже в середине марта 1917 г. Временное правительство России задекларировало намерение провести широкомасштабную реформу высшей школы, в рамках которой, в том числе, предполагалось расширение сети вузов бывшей Российской империи [7]. Однако необходимость устранения региональной диспропорции в размещении вузов заставила комиссию по реформе высшей школы обратить взгляд, прежде всего, на территорию восточной части России (так, летом – осенью 1917 г. было осуществлено или запланировано открытие ряда вузов в Перми, Иркутске, Омске). Значительно расширить число вузов Украины могло предоставление статуса высших школ учительским институтам, которые функционировали в Виннице, Глухове, Екатеринославе, Киеве, Николаеве, Полтаве и Чернигове. Требование о реорганизации учительских институтов в высшие педагогические учебные заведения в мае 1917 г. было выдвинуто на Всероссийском съезде слушателей учительских институтов и повсеместно поддержано педагогической общественностью. Однако, согласившись с идеей о максимальном приближении структуры и учебного процесса учительских институтов к стандартам высшей школы, Временное правительство своим законом от 17 июня предоставило им лишь промежуточный статус «выше среднего учебного заведения» [8]. В то же время, после Февральской революции активизировался процесс создания негосударственных вузов. В период весны – лета 1917 г. на территории Украины было создано пять общественных

и частных вузов (географический и археологический институты в Киеве, Харьковская консерватория, Харьковские высшие женские курсы сельского хозяйства и лесоводства, Екатеринославские частные высшие женские курсы) [6, с. 111, 127; 9; 10; 11]. Таким образом, факты свидетельствуют, что в период Временного правительства система высших учебных заведений Украины расширилась исключительно за счет вузов негосударственной формы собственности.

Падение Временного правительства обусловило появление новых тенденций в развитии системы высших учебных заведений, которые были связаны как со сменой государственной идеологии, так и с провозглашением автономии, а, позже, и независимости Украины. С одной стороны, приход к власти Центральной Рады, которая еще в марте 1917 г. объявила украинизацию всех сфер общественной жизни одним из ключевых приоритетов внутренней политики, означал неизбежность украинизации высшей школы (которая до 1917 г. имела исключительно русскоязычный характер). С другой стороны, факт провозглашения УНР обусловил необходимость построения самостоятельной системы высших учебных заведений. Если ранее отечественные вузы функционировали в рамках общероссийской системы подготовки специалистов, то теперь им необходимо было переориентироваться на удовлетворение внутренних потребностей Украины.

С целью укрепления национальной системы подготовки специалистов и придания высшей школе национального характера Секретариат образования Центральной Рады поддержал инициативу национальной интеллигенции относительно создания новых вузов с национально ориентированным учебным процессом (украинским языком преподавания, углубленным изучением украиноведческих курсов, направленностью на воспитание украинского патриотизма). Уже осенью 1917 г. при поддержке правительства УНР в Киеве были открыты три украинских вуза – Украинский народный университет, Украинская научно-педагогическая академия и Украинская академия искусств [4, с. 90–91]. В марте 1918 г. Министерством народного образования был разработан план создания системы украинских

университетов, согласно которому в УНР предполагалось открыть три государственных и восемь народных университетов [12, с. 116]. В период Центральной Рады также были предприняты определенные меры по расширению сети технических вузов. В марте 1918 г. произошло открытие технического института в Киеве; тогда же началась подготовка к открытию политехнического института в Одессе [4, с. 91; 13]. Также правительством УНР предполагалось создание системы высших школ для подготовки специалистов в сфере экономики, торговли, финансов и транспорта [2, с. 105].

Кроме создания вузов с национально ориентированным учебным процессом и расширения системы вузов технического профиля, в период Центральной Рады просматривалась тенденция негативного отношения правительственных структур к частным высшим школам. Наиболее ярко она проявилась в апреле 1918 г., когда Министерство образования УНР заявило о намерении ликвидировать частную собственность на учебные заведения путем передачи соответствующих вузов и школ в управление преподавателей и родителей или общественных организаций [14]. Последнее, на наш взгляд, можно объяснить политико-идеологическими причинами. Ведь политические партии, представители которых составили костяк Центральной Рады, принадлежали к революционному крылу национального движения и, соответственно, выступали за ограничение частной собственности на стратегические объекты народного хозяйства.

Курс на создание национальной системы высшего образования в мае – декабре 1918 г. был продолжен правительством Гетманата П. Скоропадского. Результатом работы Министерства народного просвещения Украинской Державы стало открытие двух украинских университетов в Киеве и Каменец-Подольском (студенческий контингент которых составлял около 4 тыс. человек) и целого ряда отраслевых вузов, среди которых экономико-административный, ветеринарный, архитектурный и музыкально-драматический институты в Киеве, сельскохозяйственный институт в Херсоне [2, с. 107–108; 4, с. 92]. Согласно Закону от 16 сентября 1918 г. статус государственных вузов Украины получили дореволюционные высшие школы, имевшие соответствующий статус в Российской империи [15].

Характерная для периода Гетманата стабилизация политической и экономической ситуации, вкупе с достаточно либеральной культурно-образовательной политикой правительства П. Скоропадского создали благоприятные условия для открытия вузов по общественной и частной инициативе. Наибольшее значение в контексте развития системы высших школ имело открытие частного университета в Екатеринославе (в который было принято немногим менее 3 тыс. студентов), а также историко-филологического и юридического факультетов в Полтаве, которые были созданы по инициативе органов местного самоуправления и имели права государственного университета [2, с. 107; 3, с. 94]. Еще один университет – Харьковский женский – был создан вследствие реорганизации Харьковских высших женских курсов [16]. В мае 1918 г. был открыт Ялтинский филиал Киевского университета св. Владимира, который стал первым вузом на территории Крымского полуострова (в сентябре 1918 г. Ялтинский филиал был переведен в Симферополь и реорганизован в самостоятельный Таврический университет) [2, с. 108].

Всего, согласно подсчетам Д. Ф. Розовика, с мая по декабрь 1918 г. в Украине было открыто 35 новых вузов [2, с. 109]. Таким образом, период Гетманата охарактеризовался беспрецедентным расширением сети высших учебных заведений. Естественно, далеко не все новые высшие школы (среди которых были такие «экзотические», как институт эсперанто) подтвердили свою жизнеспособность в условиях гражданской войны и экономического коллапса, когда с переборами работали даже дореволюционные университеты. При этом с точки зрения организации учебного процесса, материально-технической базы и кадрового потенциала многие новооткрытые институты можно было лишь условно причислить к высшим школам (по этой причине Министерство образования отказалось утверждать уставы некоторых вузов, в частности, Одесского муниципального института) [3, с. 94]. Тем не менее, вышесказанное не умаляет значительный вклад правительства П. Скоропадского в дело расширения системы учреждений высшего и, прежде всего, классического университетского образования Украины.

Радикальные изменения в организации системы высшего

образования планировались Министерством Народного Просвещения Директории УНР. Если Центральная Рада и Гетманат проводили украинизацию высшей школы путем создания новых вузов и открытия кафедр украиноведения в дореволюционных университетах, то в период Директории был поднят вопрос относительно ликвидации русскоязычной высшей школы, в том числе Киевского, Харьковского и Одесского университетов. Первым шагом в данном направлении стала разработка проекта закона об объединении Киевского университета св. Владимира с Киевским украинским университетом. Однако данный законопроект, как и план основания учительских институтов в Харькове, Херсоне и Каменец-Подольском, не был реализован вследствие перехода большей части территории Украины под контроль советской власти [2, с. 110].

Особое место в развитии отечественной высшей школы периода Революции и Гражданской войны занимает процесс построения советской системы высших учебных заведений, проходивший в два этапа (которые совпадали, соответственно, со вторым и третьим установлением советской власти в Украине). Первый этап приходится на январь – июль 1919 г. В данный промежуток времени советскими структурами было профинансировано открытие института эксплуатации путей сообщения и геологического института в Киеве, института природоведения в Николаеве, медицинского института в Полтаве, а также 9 пединститутов [2, с. 111]. В то же время, как отмечает И. Д. Золотоверхий, новые вузы возникали преимущественно по инициативе местных советов, часто без надлежащего учета материальных возможностей, наличия преподавательских кадров и других необходимых условий [5, с. 239]. Одновременно с созданием новых высших школ происходило сокращение количества вузов путем их слияния или ликвидации. Так, в Харькове вследствие объединения высших школ осталось лишь шесть наиболее крупных вузов. Более того, в мае 1919 г. Совет комиссаров высших учебных заведений Харькова выдвинул идею об объединении всех местных вузов в единую высшую школу [16, с. 61]. Таким образом, данный этап охарактеризовался активными и, в то же время, достаточно противоречивыми мерами по оптимизации вузовской сетки.

На втором этапе, который охватывает 1920 – начало 1921 г., система высших учебных заведений подверглась целому ряду кардинальных изменений. Анализ программных документов Наркомата образования УССР позволяет утверждать, что соответствующее направление советской политики преследовало две взаимосвязанные цели: ликвидировать дореволюционные гуманитарные вузы (которые рассматривались как очаги «реакции и консерватизма») и создать систему высших школ, ориентированную на подготовку специалиста узкого профиля [1; 18]. Реорганизация вузовской системы началась с ликвидации классических университетов, на базе факультетов которых планировалось создать отраслевые институты. При этом процесс расформирования университетов не был надлежащим образом регламентирован, следствием чего стало появление целого ряда промежуточных типов высших учебных заведений, которыми стали высшие педагогические курсы (Харьков), академии теоретических знаний (Харьков, Каменец-Подольский), физико-математические (Одесса) и гуманитарные (Киев) институты [17, с.56].

В итоге, контуры новой системы высших учебных заведений были очерчены лишь к лету 1921 г. При этом кроме классических университетов в УССР были ликвидированы коммерческие институты и все женские вузы. На базе бывших физико-математических и историко-филологических факультетов классических университетов и соответствующих отделений высших женских курсов в Харькове, Киеве, Одессе и Екатеринославе были открыты высшие педагогические учебные заведения – институты народного образования. В институты народного образования также были реорганизованы Каменец-Подольский университет, Нежинский историко-филологический институт и семь учительских институтов. На основе слияния юридических факультетов университетов с коммерческими институтами в Киеве, Харькове и Одессе были созданы институты народного хозяйства, на которые возлагалась подготовка юристов и экономистов. Наконец, в Киеве, Харькове, Одессе и Екатеринославе были открыты медицинские институты, в состав которых вошли соответствующие факультеты университетов и женские вузы медицинского профиля. Меньше всего советская реформа высшей школы затронула техни-

ческие вузы. Харьковский технологический, Киевский и Одесский политехнические, Екатеринославский горный институты продолжали свою работу и после 1921 г. [1, с. 72–73]. В свою очередь, Екатеринославский и Харьковский женский политехнические институты были ликвидированы, а их отдельные структурные подразделения вошли в состав Харьковского технологического и Екатеринославского горного институтов [18, с. 128; 19, л. 99].

Таким образом, в 1920 – начале 1921 г. в УССР произошло становление достаточно стройной и унифицированной системы высших учебных заведений, которую составляло 38 вузов со студенческим контингентом около 57 тыс. человек [1, с. 60]. При этом советская реформа вузовской сетки Украины не может быть оценена однозначно. С одной стороны, факт ликвидации классических университетов, который не был обусловлен объективной необходимостью (что доказывает пример той же РСФСР, где университеты и в 1920-х гг. продолжали оставаться ведущими учреждениями высшей школы), несомненно, нанес серьезный удар по интеллектуальному потенциалу отечественного социума. С другой стороны, именно в 1920–1921 гг. в Украине произошло формирование системы педагогических, медицинских и экономико-правовых вузов, которые и по сегодняшний день занимают лидирующие позиции в отечественной высшей школе.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В период Революции и Гражданской войны процесс трансформации системы высших учебных заведений Украины носил перманентный характер. При этом масштабность данного процесса позволяет рассматривать период 1917–1921 гг. как грандиозный эксперимент в области трансформации системы учреждений высшей школы. По нашим подсчетам, вследствие открытия новых и реорганизации существующих высших школ, в вышеуказанный промежуток времени на территории Украины возникло более 80-ти вузов, из которых в 1921 г. продолжало работать менее половины. Также необходимо отметить, что процесс трансформации системы высших учебных заведений имел существенные особенности на различных этапах Революции и Гражданской войны. В период Временного прави-

тельства вузовская сетка Украины расширялась за счет негосударственных вузов. В свою очередь, правительства УНР и Украинской Державы П. Скоропадского делали ставку на создание государственных и общественных высших школ с национально ориентированным учебно-воспитательным процессом. В период Гетманата также проходило интенсивное расширение системы частных вузов. При этом до начала 1920 г. в Украине функционировали и дореволюционные высшие школы, которые в силу своей материально-технической базы и кадрового потенциала оставались ведущим элементом системы высшего образования. Однако после третьего установления советской власти большинство вузов Украины (как дореволюционных, так и открытых после февраля 1917 г.) подверглось расформированию, объединению или реорганизации. К середине 1921 г. в УССР была построена принципиально новая система отраслевых вузов, ориентированная на подготовку специалистов узкого профиля.

Сделанные выводы позволяют провести определенную параллель между трансформациями системы высших учебных заведений Украины в 1917–1921 и 1991–2012 гг. Как и на протяжении первых 20-ти лет независимости, в 1917–1919 гг. наблюдался интенсивный и неконтролируемый рост числа вузов, который на определенном этапе обусловил объективную необходимость упорядочения системы высших школ. Поэтому сейчас важно не повторить опыт 1920–1921 гг., когда вместе с действительно недееспособными вузами-однодневками прекратили существование высшие школы с богатыми традициями и высоким научно-педагогическим потенциалом.

Проблема, анализу которой посвящена данная статья, имеет широкие перспективы дальнейшей научной разработки. На наш взгляд, они могут состоять в более детальном изучении трансформаций системы высших учебных заведений Украины на отдельных этапах Революции и Гражданской войны и освещении процесса становления отдельных вузов, возникших в 1917–1921 гг.

Список литературы

1. Вища школа Української РСР за 50 років : у 2 ч. / відп. ред. В. І. Пітов. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1967. – Ч. 1. – 395 с.

2. Розовик Д. Ф. Культурне будівництво в Україні у 1917–1920 рр. / Д. Ф. Розовик. – К. : Аквілон-Плюс, 2011. – 543 с.
3. Майборода С. В. Державне управління вищою освітою в Україні: структура, функції, тенденції розвитку (1917–1959 рр.) / С. В. Майборода – К. : Генеза, 2000. – 457 с.
4. Кукурудзяк М. Г. З історії національної школи і педагогічної думки в УНР / М. Г. Кукурудзяк, М. М. Собчинська. – Кам'янець-Подільський : Абетка, 1997. – 175 с.
5. Золотоверхий І. Д. Становлення української радянської культури (1917–1920 рр.) / І. Д. Золотоверхий. – К. : АН УРСР, 1961. – 423 с.
6. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР, 1991. – 392 с.
7. Сизова А. Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г. : автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.02 / Сизова Анастасия Юрьевна. – М., 2007. – 21 с.
8. Кочурина С. А. Реформа учительских институтов Временного правительства (1917 г.) / С. А. Кочурина // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2010. – Вып. 9. – С. 168–172.
9. Географический институт // Новое время. – Петроград, 1917. – 2 мая.
10. Харьковская консерватория Русского музыкального общества // Южный край. – Х., 1918. – 12 июля.
11. Учебные дела // Речь. – Петроград, 1917. – 21 июля.
12. Завальнюк О. М. Українське наукове товариство і творення національної університетської освіти / О. М. Завальнюк // Укр. істор. журн. – 2008. – № 5. – С. 112–121.
13. Політехніка в Одесі // Рух. – Х., 1918. – 11 квітня.
14. Частные учебные заведения // Южный край. – 1918. – 24 апреля.
15. Харьковский женский университет // Южный край. – 1918. – 27 августа.
16. Історія Харківського державного медичного університету / за ред. А. Я. Циганенка. – Х. : ХДМУ, 2005. – 742 с.
17. Підлісний Д. В. Радянська «професіоналізація» вітчизняної вищої школи (1920–1921 рр.) / Д. В. Підлісний // Історія та географія : зб. наук. праць / Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Х., 2012. – Вип. 43. – С. 51–56.
18. Днепропетровский горный институт : исторический очерк. : в 2-х кн. / под ред. А. А. Ренгевича, М. П. Теселько. – М. : Недра, 1990. – Кн. 1. – 345 с.
19. Державний архів Харківської області. – Ф. Р–820. – Оп. 1. – Спр. 12.

УДК 821.112.2(439):371

Ж. Е. Потапова

**ТЕМА ШКОЛЫ В РОМАНЕ РОБЕРТА МУЗИЛЯ
«ДУШЕВНЫЕ СМУТЫ ВОСПИТАННИКА ТЕРЛЕСА»
(ROBERT MUSIL «DIE VERWIRRUNGEN
DES ZÖGLINGS TÖRLEß»)**

Резюме

Від того, як виховано молоде покоління, залежить майбутнє країни, тому тема виховання молоді є однією з найактуальніших тем прогресивно мислячих письменників будь-якого часового періоду. В цьому відношенні звертає на себе увагу роман одного з найвизначніших австрійських письменників ХХ століття Роберта Музиля «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß». У статті показано, що хоча школа, навчання і вчителі не є центральною темою роману Р. Музиля «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß», всі події відбуваються на тлі життя в навчальному закладі, і це дає можливість мати уявлення про стан навчально-виховної системи навчального закладу в австро-угорській імперії на межі ХІХ–ХХ століть.

Summary

The future of our country depends on upbringing of the younger generation. Therefore the subject of youth upbringing is one of the most urgent issues for progressively minded writers of any time period. In this respect, the attention should be drawn to the novel «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß» by Robert Muzil, one of the most outstanding Austrian writers of the twentieth century. The article deals with R. Muzil's novel «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß». Though school, teaching and teachers are not in the focus of the German writer's attention, all events in the novel are developing against the background of an educational establishment, which makes it possible to get information about the school system of teaching and upbringing in Austria-Hungarian empire at the end of the 19, the beginning of the 20 c.

Ключевые слова: Роберт Музиль, «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß», школа.

Роберт Музиль (1880–1942) – один из крупнейших австрийских писателей ХХ века. Его первое произведение – «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß», – изданное в 1906 году (написанное несколькими

годами раньше), представляет собой явление незаурядное. Его герой, воспитанник привилегированного закрытого учебного заведения, переживает в период взросления смятения различного рода. Внутренний мир героя показан во всем многообразии (взросление души, ее смятения, прозрение), что дает богатый материал для исследований, в том числе и диссертационных. Так, Е. Ю. Мамонова исследует отражение в романе общей для рубежа веков идеи гибели мира, мотив «второго рождения» как возможность преодоления смерти, который развивается через трансформацию мотивов возрождения, воскресения и метаморфозы. Герой, не сталкиваясь с реальной смертью, переживает перерождение в очистительных испытаниях (преступление, обвинение, суд) [1]. Предметом исследования М. В. Киселевой является феномен границы в творчестве австрийских писателей, который появляется на сюжетном уровне как постоянный компонент мотивов превращения, преступления и двойничества [2].

Школа, преподавание и учителя не являются центром повествования, но все события происходят на фоне жизни в вышеупомянутом учебном заведении, и это дает возможность иметь представление об условиях, в которых воспитывалась молодежь на рубеже XIX–XX веков. В роман включены многие автобиографические элементы, которые основываются на опыте пребывания автора в военном конвикте.

Жизнь школы является отражением жизни в обществе. И, как считают некоторые авторы, роман Роберта Музиля относится к тем грустным школьным романам немецкой литературы, о которых нельзя сказать, что они ощутили на себе воздействие реформ и воспитательных методов. Стоит только вспомнить об ужасающих случаях в Эрфурте и Дрездене, чтобы понять ненависть или отчаяние, которые могут вызвать несправедливые учителя. Или подумать о терроре, который используют учащиеся по отношению друг к другу, особенно против более слабых и нерешительных. У школы есть черная сторона, которую не может убрать из действительности никакая просвещенная педагогика [3].

Сюжет романа движут отношения между четырьмя воспитанниками престижного австрийского закрытого учебного заведения. Это

учебное заведение-интернат, иначе конвикт, расположено вдали от резиденции для того, чтобы уберечь подрастающую молодежь от негативных влияний большого города. Выпускники шли затем в высшую школу, на военную или государственную службу.

Один из воспитанников, Базини, украл деньги, чтобы расплатиться с долгами. Другие трое обнаружили это, но не стали предавать огласке, чтобы самим наказать провинившегося. Каждый пользуется своим методом. Байнеберг ориентируется в своих мыслях и поступках на познания индийской религии и на ее учение о душе, чем он оправдывает все свои эксперименты и мучения Базини. Ему надо было испробовать, насколько далеко он может зайти, чтобы окончательно сломать и без того слабый характер Базини. Как нигилист и противник христианской морали он отражает, хотя и в запутанной форме, идею Ницше о сверхчеловеке [4]. Райтинг интересуется исключительно военной службой и хочет стать офицером. Базини он представляет для себя подчиненным, на котором он может разряжать свою ярость и испробовать свою власть, чтобы таким образом, как он утверждает, собирать опыт для своей дальнейшей карьеры начальника [4]. Тёрлес поддается влиянию своих старших товарищей, свирепых до крайней степени, несмотря на их благородное происхождение и талант. Чтение книг и собственная незначительная проба пера спровоцировали в нем беспомощность и ощущение, что он не может сам себя найти, так что казалось, что у него вообще нет характера. И теперь он живет в противоречии: следовать примеру своих грубых товарищей и одновременно внутри быть равнодушным к этим устремлениям [5]. Писатель демонстрирует, что садизм юных отпрысков привилегированных семей опирается на вполне сложившуюся жизненную философию «самовоспитания через зло», за которой просматривается ницшеанская концепция «сверхчеловека», противопоставленного «малокровным» (так изъясняется «идеолог» садизма Байнеберг) [6].

У товарищей Терлеса имелись свои укромные места в чердачных помещениях. Кроме этих трех едва ли кто-нибудь во всем институте знал об их существовании, не говоря о том, чтобы найти им какое-нибудь применение [7, с. 53]. Помещения были обустроены по

авантюроному вкусу их хозяев. Стены были задрапированы кроваво-красной материей, которую Райтинг и Байнеберг стащили в какой-то из чердачных комнат, пол был покрыт двойным слоем толстых шерстных одеял. В передней части каморки стояли низкие, обитые материей ящички, служившие сиденьями; сзади было устроено спальное место. Оно помещало трех-четыре человек и занавеской могло быть затемнено и отделено от передней части клетушки. На стене у двери висел заряженный револьвер, призванный создавать иллюзию непокорности и секретности [7, с. 53–54]. У Байнеберга были ключи ко всем подвальным и чердачным помещениям училища, и он часто на много часов исчезал из класса, чтобы где-то там сидеть и при свете фонарика, который он всегда носил с собой, читать или предаваться мыслям о сверхъестественных вещах [7, с. 54]. У Райтинга тоже были свои укромные места, где он хранил тайные дневники, заполненные дерзкими планами на будущее и точными записями о причине, инсценировке и ходе многочисленных интриг, которые он затевал среди товарищей. Для Райтинга не было большего удовольствия, чем натравливать друг на друга людей, побеждать одного с помощью другого и наслаждаться вынужденными любезностями и лестью [7, с. 54–55]. Здесь же, в этих помещениях, происходила расправа с укравшим у Байнеберга деньги Базини. Базини был у них в руках, и они могли делать с ним что хотели. Они срывали с Базини одежду и хлестали его чем-то тонким, гибким, били в лицо, требовали лечь на пол и ставили на него ноги, кололи иголкой, заставляли хрюкать, произносить: «я ваша скотина, вор и свинья», направляли на него револьвер, требовали сексуальных услуг. Тут Байнеберга был даже более одержим, чем Райтинг. В конце концов оба зачинщика обнаружили, что Базини смирился с тем, что обязан им подчиниться и уже не страдает от этого, а значит, пора двинуться с ним дальше. На замечание Терлеса, что он не знает, чего они хотят, Райтинг ответил, что Базини нужно продолжать унижать и прижимать, – ему интересно, насколько далеко здесь можно зайти. Можно отстегать его кнутом и заставить при этом петь благодарственные псалмы, подавать в образе собаки наигрязнейшие вещи. А можно выдать классу. Если каждый из такого множества людей внесет свою даже

маленькую долю, этого хватит, чтобы растерзать его на части, а поставит такую сцену – для него чрезвычайное удовольствие [7, с. 163–164]. А Байнеберг еще раньше рассуждал, что ему не будет жаль Базини ни в каком случае: выдадут ли его, избыют или даже удовольствия ради замучат до смерти. Он не может себе представить, чтобы в замечательном мировом механизме такой человек что-либо значил. Такой человек кажется ему созданным чисто случайно, вне ряда. То есть он, вероятно, должен что-то значить, но наверняка что-то столь же неопределенное, как какой-нибудь червяк или камень на дороге, о котором не знаешь, пройти мимо или наступить на него. Если мировая душа хочет, чтобы одна из ее частей осталась в сохранности, она выражается яснее. Тогда она говорит «нет» и оказывает сопротивление, она заставляет пройти мимо червя, а камню придает такую твердость, что без инструмента его нельзя разбить. Ведь прежде чем будет принесен инструмент, она окажет противодействие множеством мелких, упрямых сомнений, а если мы преодолеем их, то, значит, дело это с самого начала имело другое значение [7, с. 78]. И поэтому такие люди как Базини – пустая, случайная форма, а настоящие люди лишь те, что могут проникнуть в самих себя, погрузиться в глубины своей связи с великим вселенским процессом [7, с. 83].

Базини с самого начала предполагалось наказать собственными силами, так как начальство самое большее исключит провинившегося и напишет письмо домой. Для Байнеберга Базини имеет ценность – даже очень большую; он хочет сохранить его для себя, чтобы на нем поучиться и помучить его. С самим Базини считаться не надо. Решение мучить его или пощадить зависит только от потребности его мучителей в том или в другом [7, с. 81–82]. Рейтинг тоже не отступится, ибо и для него особенно ценно иметь кого-то целиком в своей власти и упражняться, обращаясь с ним, как с орудием. Он хочет властвовать, и с Терлесом он поступил бы в точности так же, как с Базини, если бы дело случайно коснулось его [7, с. 82]. Тёрлеса же эти вещи не занимали, поэтому и ловкости в них у него не было. Однако он тоже жил в этом мире и мог каждый день воочию видеть, что значит быть в государстве (ведь каждый класс в таком заведении

– это маленькое отдельное государство) на первых ролях. Поэтому он испытывал робкое почтение к обоим своим друзьям. Порывы подражать им, иногда у него возникавшие, не шли дальше дилетантских попыток. По этой причине, будучи к тому же моложе, он оказался по отношению к ним в положении ученика или помощника. Он пользовался их защитой, а они прислушивались к его советам, так как ум Тёрлеса был очень подвижен, и стоило его только навести на след, как он с необычайным успехом придумывал самые хитроумные комбинации. Его роль тайного начальника генерального штаба доставляла ему удовольствие. Тем более что она была почти единственным, что немного рассеивало его душевную скуку [7, с. 56–57].

Духовные же дела обстояли примерно так. После разрыва дружбы с графом и его ухода из конвикта вокруг Тёрлеса сделалось совсем пусто и скучно. Он тем временем становился старше, и на этом отрезке своего развития завязал знакомство с Байнебергом и Райтингом. В том возрасте, в котором находился Терлес, в гимназии успевают прочесть Гете, Шиллера, Шекспира, возможно даже, уже и современных авторов. Это затем, наполовину переварившись, вытекает из-под собственного пера. Возникают трагедии из римской жизни или чувствительная лирика, вещи сами по себе смешные, но для верности развития неоценимые, так как эти пришедшие извне ассоциации и заимствованные чувства проносят молодых людей над опасно зыбкой психологической почвой тех лет, когда ты должен сам что-то значить и все же слишком еще незрел, чтобы действительно что-то значить. Останется ли что-то от этого на будущее для одного или другого – неважно. Опасность заключена лишь в переходном возрасте. Если такому молодому человеку показать, как он смешон, почва уйдет у него из-под ног или он упадет, как проснувшийся лунатик, который вдруг ничего не видит, кроме пустоты. Этой иллюзии, этой уловки на благо развития в училище не было. Классики в библиотеке, правда, имелись, но они считались скучными, еще там были только томики сентиментальных новелл и плоские военные юморески [7, с. 15–16].

Обо всем, что происходит в учебно-воспитательном заведении во внеурочное время, руководство и педагогический коллектив не имеют понятия. Воспитанники не знают, чем себя занять. Учебный

план, очевидно, тоже имеет узконаправленную специфику. Вот как рассуждает Терлес, который отправился в училище с радостью и добровольно: «Из всего того, что мы делаем целый день в школе, что из этого собственно имеет смысл? От чего есть какой-то толк? Толк, я имею в виду, для себя, понимаешь? Вечером знаешь, что прожил еще один день, что выучил столько-то и сколько-то, ты выполнил расписание, но при этом остался пустым – внутренне, я хочу сказать, ты испытываешь, так сказать, целиком внутренний голод» [7, с. 30]. Таким образом, в романе показана картина «ужасающего дефицита человечности», к которому может привести бесцельное состояние души, и опасности военно-ориентированного воспитания. Как отмечает Jens Jessen, Музиль рассказывает историю не политически, а как естественный процесс, и интернат – не особый случай, а типичный [3]. Наряду с интерпретацией юношеского взросления Музиль пророчески предсказывает картину грядущей диктатуры и перемалывание индивидуума через систему [8].

Изучение учебно-воспитательной атмосферы в привилегированном закрытом учебном заведении дает представление об условиях, в которых воспитывалась избранная австрийская молодежь на рубеже XIX–XX веков. Поскольку жизнь школы является отражением жизни в обществе, можно сделать вывод, что у такого общества может не быть будущего с общечеловеческими ценностями.

Список литературы

1. Мамонова Е. Ю. Мотив «второго рождения» в немецкоязычном романе первого десятилетия XX века: Т. Манн, Г. Гессе, Р. Музиль, Р. М. Рильке : автореф. канд. дис. / Е. Ю. Мамонова. – Пермь, 2006. – 197 с.
2. Киселева М. В. Понятие границы: рецепция Ф. М. Достоевского в австрийской литературе (Ф. Кафка и Р. Музиль) : автореф. канд. дис. / М. В. Киселева. – М., 2012.
3. Jessen, Jens. DIE ZEIT-Schülerbibliothek (39): Schule ist wie die Gesellschaft: Böse. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zeit.de/2003/33/Sbib-Musil_33
4. Die Verwirrungen des Zöglings Törleß [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Die_Verwirrungen_des_Z%C3%B6glings_T%C3%B6rle%C3%9F

5. Fallgruben der Internatserziehung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litde.com/roman-chronik/der-erzhlerische-tabubruch-robert-musil-die-verwirrungen-des-zglings-trless-i.php>

6. Синило Г. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/292.htm>

7. Musil, Robert. Die Verwirrungen des Zöglings Törleß / Robert Musil. – Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 2004. – 200 S.

8. Klappentext der Rowohlt-Taschenbuchausgabe.

**Соціально-економічні та
правові проблеми розвитку
українського соціуму**



УДК 330.341.2(477)

*О. Л. Яременко***ФОРМУВАННЯ ІНСТИТУТІВ РОЗВИТКУ
В ЕКОНОМІЦІ УКРАЇНИ:
АЛЬТЕРНАТИВИ ТА РИЗИКИ****Резюме**

Относительное институциональное равновесие в экономике Украины трактуется как минимально необходимая комплиментарность формальных и неформальных институтов. Обоснован вывод, что институциональная динамика постсоветских трансформационных экономик подошла к своеобразному «плато стабильности», которое может быть определено как промежуточная идентичность. Показано, что с институциональной точки зрения ниша Украины дополняет европейскую систему социально-рыночных и государственных экономических институтов государственно-олигархическим компонентом. Оцениваются шансы использовать существующую институциональную систему экономики Украины для целей инновационного развития и повышения национальной конкурентоспособности. Рассмотрена целесообразность сочетания экономического потенциала финансово-промышленных групп Украины и инновационного потенциала сетевых структур разного уровня с помощью механизмов и инструментов государственно-частного партнерства, что будет способствовать созданию адекватной национальной бизнес-среды современного типа.

Summary

The relative institutional equilibrium in Ukrainian economy is perceived as minimally needed complementarity of formal and informal institutions. There is a justified conclusion that institutional dynamics of post-soviet transformative economies have come to a so-called «stability plat», which can be defined as a transitive identity. It is shown that from the institutional perspective the niche of Ukraine complements the European system of social and market and governmental institutions with state-oligarchy component. The chances of using the existing institutional system of Ukrainian economy for the purposes of innovative development and increasing national competitiveness are evaluated. The expediency of combining the economic potential of financial industrial groups of Ukraine and the mechanisms and instruments of public-private partnership that will aid in creating an adequate national business environment of contemporary type are observed.

Ключові слова: інституційна рівновага, інститути розвитку, проміжна ідентичність, інновації.

Сьогодні в Україні процес фундаментальних інституційних зрушень поступово загасає, глибинний конфліктний потенціал суспільства був частково вичерпаним у ході реформ і соціальних зрушень останніх двох десятиліть. У економіці й суспільстві досягнуто відносної інституційної рівноваги, тобто перейдено межу мінімально необхідної компліментарності формальних і неформальних інститутів, що ззовні виглядає як часткове спрощення занадто складних запозичених ринкових інститутів. Масив накопичених змін дозволяє говорити, що інституційна динаміка пострадянських трансформаційних економік підійшла до своєрідного «плато стабільності», яке може бути визначено як *проміжна ідентичність*. У поточному плані порівняльна ефективність даної ідентичності явно програє інституціональним системам більшості країн Європи. В той же час, швидке розмивання цієї проміжної ідентичності було б небезпечним.

Суть ідентичності, яку ми отримали в результаті керованих і некерованих процесів трансформації ціннісно-інституційного фундаменту суспільства, полягає в складному переплетенні припасованих один до одного ринкових, соціальних і державно-монополістичних підвалин, яке знайшло свою нішу в глобальній системі. Розвиток не зупиняється, але тепер він не стосується основ, а являє собою розгортання потенціалу вже створених передумов.

Виходячи з такого припущення, не слід у найближчі 20–30 років очікувати на виникнення принципово нових інституційних конструкцій у фундаменті українського суспільства. Треба використовувати можливості тієї ніши, в якій ми опинилися на початку другого десятиліття XXI століття. Нижче мова йтиме про інституційний розвиток і реформи *другого порядку*, похідні від того потенціалу упорядкування суспільного й економічного життя, який вже є доступним для української держави й суспільства. Відносна вигідність цієї ніші в тому, що претендентів виштовхнути нас за межі ніші не так вже багато.

З *технологічної* точки зору економіка України спеціалізована на галузях і виробництвах з низьким потенціалом технологічного розвитку, які однак необхідні для забезпечення високотехнологічних

виробництв європейських країн. У 2011 році загальний обсяг експорту українських товарів до країн Європи склав 18,4 млрд доларів США, в тому числі 3,5 млрд, або 19% – мінеральні продукти; 1,4 млрд дол. США, або 7,8% продукція хімічної промисловості; чорні та кольорові метали – 6,1 млрд дол. США, або більше ніж 33%; деревина та вироби з неї – 732 млн дол., або 4%. У сумі це дає 63,8% [7, с. 3–10, 50, 54]. Для європейських країн такий своєрідний технологічний аутсорсинг є вигідним, тому що альтернативні витрати власного виробництва, з урахуванням європейських стандартів екологічного та соціального характеру, є занадто значними. Для України ж така спеціалізація – додатковий тягар, який породжує низку стійких проблем екологічної, соціальної й фінансової спрямованості. Але це не означає, що в межах цієї ніші інноваційний розвиток країни є неможливим.

З фінансової точки зору ніша України «спакована» в європейський фінансовий простір: враховуючи так звані Маастрихтські критерії, можна сказати, що за деякими поточними показниками (державний борг, інфляція, дефіцит платіжного балансу й бюджету) Україна могла б претендувати на статус кандидата в члени Європейського союзу (якщо це було б актуально).

Наприклад, рівень державного боргу України по відношенню до ВВП у 2011 році склав 37,8% (за оцінками Центрального розвідувального управління США – 83 місце у світі). Для порівняння: Німеччина – 81,8% (23 місце), Іспанія – 61,8% (34 місце), Італія – 120,1% (8 місце), Угорщина – 80,6% (24 місце), Польща – 56,7% (49 місце), Франція – 84,7% (20 місце). Рівень дефіциту державного бюджету в Україні у 2011 році досягнув 3,9% (124 місце в світі), у Німеччині – 1% (59 місце), у Франції – 5,4% (164 місце), в Іспанії – 8,5% (190 місце), в Італії – 3,9% (124 місце) [3]. Досить пристойно виглядає Україна з точки зору інфляційних процесів: індекс споживчих цін (12-місячна плінна) в Україні у серпні 2012 року склав 0%, в той час як у США – 1,7%, в ЄС – 2,7%, у Росії – 5,9%.

Безумовно, репрезентативність цих фінансових показників самих по собі є низькою. Треба враховувати, як забезпечена така поточна стабільність довгостроковими інституційними, структурними й макроекономічними чинниками. В той же час стратегічна орієнтація

на стабільну у фінансовому відношенні економіку повинна розглядатися як одна з вихідних умов національного проекту «Формування інститутів розвитку». В зворотному випадку ці інститути, якщо навіть їх і вдасться створити, будуть нежиттєздатними. З практичної точки зору це означає необхідність тестування окремих інститутів розвитку та їх комплексів у аспекті їх можливого впливу на фінансову стабільність уже на стадії підготовки відповідних національних рішень. Інакше альтернативна вартість таких рішень може виявитися надмірною.

З *інституційної* точки зору ніша України доповнює європейську систему соціально-ринкових і державних економічних інститутів державно-олігархічним компонентом. Це робить Європу більш гетерогенною з точки зору інституційного устрою, і в той же час забезпечує їй додатковий еволюційний простір. Модель ієрархічного державно-олігархічного ринку має певні переваги з точки зору потенціалу швидкої концентрації ресурсів, тому адаптація до сучасних можливостей та вимог поступово перетворюватиме її на більш прийнятну для європейської моделі конкурентного устрою.

З *інвестиційної* точки зору ніша України відрізняється стійко аномальним співвідношенням ризик/дохід, і в цій якості вона входить у коло інвестиційних альтернатив для європейських інвесторів і спекулянтів як потенційне джерело отримання арбітражного доходу. Періодична активізація присутності іноземного капіталу в банківській системі України свідчить про те, що потенціал нашого ринку включається в розрахунки варіантів ринкової політики європейських фінансових гравців.

У той же час, за низкою характеристик інституційна ніша України близька до пастки. По-перше, зовнішні гравці не зацікавлені у виході України з ніші в загальноєвропейський конкурентний простір. По-друге, в країні сформувалася квазі-еліта, яка максимально використовує для себе фінансовий потенціал даної ніші при мовчазній згоді зовнішніх гравців. По-третє, економічна система країни досить близька до стану рівноваги при вкрай низькому рівні використання національних ресурсів. Вихід з цієї пастки, якщо покладатися лише на добру волю зовнішніх гравців і представників квазі-еліти, є неможливим.

Треба враховувати й такий момент. Якби зовнішній глобальний тиск був стабільним і структурно незмінним, то економічна система України могла б знаходитися в цій ніші досить довго, поступово пристосовуючись до зовнішнього середовища. Однак тиск глобального чинника посилюється на тлі його структурної невизначеності. Така глобальна невизначеність має сильний деструктивний потенціал, особливо для країн з трансформаційною економікою [5; 9]. Тому їх інноваційний розвиток не повинен бути обмеженим вузьким горизонтом сьогодення, актуальними проблемами й загрозами. Необхідно бачити як мінімум середньострокову перспективу. Невипадково аналітики Міжнародного валютного фонду наполягають на необхідності створення узгодженої глобальної стратегії, яка б відображала спільну відповідальність усіх членів міжнародної спільноти перед майбутніми поколіннями [1, с. 39].

Україні потрібні цілеспрямовані національні зусилля (технологічні, інституційні, фінансові й інвестиційні), спрямовані на підвищення місця нашої ніші в ієрархії європейських економік. Недостатні темпи узгоджених цілеспрямованих змін, навіть за умови поточної внутрішньої стабільності, здатні призвести до руйнівного розриву між процесами в зовнішньому (глобальному) середовищі та внутрішніми можливостями національної економіки адаптації до них. Для нас інноваційний розвиток сьогодні виглядає як спосіб виживання, альтернативою якого виступає стагнація та розпад. Сенс інститутів розвитку – перш за все, ефективна (з точки зору національних пріоритетів) адаптація до змін.

Для України сьогодні життєво важливо протиставити руйнуючій, зовнішній невизначеності внутрішню динамічну цілісність і адаптивність, яка б співпадала з вектором позитивних глобальних змін. Мета цього – використовувати глобальну невизначеність і глобальні можливості для вирішення внутрішніх завдань розвитку на підставах первинності національних інтересів. Сьогоднішній етап нашого розвитку, незважаючи на всі його ризики, загрози та втрати, дає в той же час і певні можливості для переоцінки напрямів і способів нашого руху.

У зовнішньому середовищі Україну сприймають такою, якою вона є. Росія, з одного боку, вибудовує свої відносини з Україною на

підставах прагматизму, економічної доцільності, а з іншого боку – намагаючись використовувати будь-які можливості для формування єдиного економічного простору як сфери прихованих або прямих преференцій для носіїв економічної влади в пострадянських соціально-економічних системах.

У свою чергу Європа вважає інтеграцію України другорядним завданням у порівнянні з проблемами спасіння зони євро, стабілізації державних фінансів і побудови нової інституційної архітектури Євросоюзу. Тому інституційний та фінансовий вплив Європи на Україну сьогодні має більш інерційний характер, ніж стратегічний. У чомусь така втрата пріоритетності може виявитися корисною для України, оскільки породжує в суб'єктів економічної влади сильну внутрішню потребу в уточненні власних пріоритетів і критеріїв розвитку на засадах первинності національних інтересів.

Перевага внутрішнього над зовнішнім для розвитку соціально-економічної системи України означає:

- а) наявність власних **критеріїв** поточних і довгострокових рішень;
- б) наявність національної **стратегії**, в основу якої покладено власні критерії;
- в) наявність національної **еліти**¹, яка реалізує стратегію на основі національних критеріїв.

Ці три моменти – критерії, стратегія та еліта – взаємопов'язані і не можуть існувати самі по собі, поодиноці. Але в умовах трансформаційного суспільства визрівають вони одночасно, що породжує додаткові складнощі, які впливають на інституційний розвиток. З огляду на це **інститути розвитку** повинні:

- а) мати достатню потужність для зняття зовнішньої невизначеності;
- б) спрямовувати поточну соціально-економічну активність на довгострокові цілі у відповідності до внутрішніх критеріїв;
- в) сприяти формуванню реальних суб'єктів, поточні й довгострокові життєві інтереси яких будуть співпадати зі стратегічними цілями національного розвитку (національна еліта). При цьому участь певних

¹ Ми не виключаємо варіанта визрівання національної еліти на основі окремих груп сьогоденної квазі-еліти.

груп у формуванні та реалізації національної стратегії сприяє поступовому формуванню у представників цих груп стійких рис національної еліти (фінансової, політичної, технічної, інтелектуальної).

Для того, щоб рухатися вперед, країна повинна максимально використовувати вже накопичений потенціал структуризації економічної активності й забезпечити спрямування його на національні цілі.

Якщо оцінити сучасну інституційну структуру економіки України, то можна виділити декілька стійких кластерів, до яких тяжіють ресурси, економічна влада й людський капітал. До таких кластерів, перш за все, слід віднести *державу*, яка через бюджетно-фіскальну систему акумулює та розподіляє значну частину ВВП, і *фінансово-промислові групи*. Будь-яка модель створення інститутів розвитку, яка не враховує такого реального розподілу економічної влади в країні, приречена на низьку ефективність. Проблема в тому, що інноваційний потенціал української держави та українських ФПГ виглядає сьогодні вкрай незначним. Але це не означає, що він відсутній. Зупинимось більш докладно на об'єктивних умовах, що можуть сприяти формуванню інститутів розвитку на тій інституційній та виробничій базі, що існує в сучасній Україні.

Траєкторія соціально-економічної еволюції на певних ділянках тяжіє до областей-аттракторів, які можуть сприяти переходу або до нового порядку, або до хаотичного стану. Ідею незворотності економічного розвитку висунув Н. Д. Кондратьєв, на думку якого, процес розвитку господарчої системи, протікаючи в часі, ніколи не буває більше одного разу на одному й тому ж рівні, або на одній і тій же стадії. Еволюція економіки та її інституційного устрою в цілому уявляється необоротним процесом переходу від однієї ступені або стадії на іншу.

Завдяки такому підходу економічний розвиток можна розглядати як подвійний процес, який підпорядковується другому початку термодинаміки. З одного боку, це процес наростаючого поглинання енергії та матерії з навколишнього природного світу, гетерогенне ускладнення зв'язків і відносин у економічній системі. З другого – це процес, що скорочує енергетичний потенціал навколишнього світу. Це підсилює безлад у його матеріальній та соціально-економічній структурі.

Результатом інституційного генезису є глибоке укорінення нового образу соціально значущих дій у повсякденній свідомості, перетворення його на звичну, нормальну форму. Результат інституційної трансформації – звичність нових форм взаємин між людьми. Незвичний – означає, не інституціональний. Тому, в певному сенсі, інституціоналізація – це перетворення незвичного в звичне, повсякденне. Важлива ознака зрілої інституційної системи – її гетерогенність, обов'язкова наявність принципово різних елементів, – як внутрішнє відображення складності, багатовимірності зовнішнього середовища. Знайти внутрішні підстави їх єдності, системної цілісності – одна з найбільш складних проблем інституційного забезпечення шляхів інноваційного розвитку.

Потреба в спеціалізованих інститутах розвитку відображає деякі проблеми сучасного етапу розвитку господарської системи України. На початку поточного десятиліття різко загострилася небезпека якісного технологічного відставання від розвинених країн. У силу низької ефективності господарчої системи Україна стає об'єктом деструктивної конкуренції зовнішніх суб'єктів. Діюча система економічних інститутів більш-менш задовільно забезпечує відтворення сучасного технологічного устрою країни, але неспроможна створити умови для інноваційного розвитку.

Попит на інститути розвитку з боку суспільства є частиною загального попиту на інституційні зміни та інновації. В першу чергу, попит на інституційні зміни обумовлений негативним чинником втрати інститутів (у формі дифузії, деградації, прискореного зносу) в результаті зіткнення з невизначеністю рівня, що перевищує інтегруючу й координуючу потужність наявних інститутів як таких. Вимушена відкритість економіки України робить її доступною для руйнуючих впливів глобальної невизначеності, захистити від яких існуюча система інститутів не здатна.

Потреби в інституційній компенсації таких втрат штовхають суспільство на пошук будь-яких важелів і інструментів підтримання мінімального порядку в господарчій системі, одними з яких можуть вважатися так звані «інститути розвитку», які повинні компенсувати провали діючих інститутів.

Іншою причиною неспроможності діючих інститутів є технологічні зміни, що створюють нові можливості, нові комбінації економічних і соціальних ресурсів, надаючи тим самим суб'єктам господарювання додаткові ступені свободи. Інституційні обмеження, що склалися на попередньому етапі технологічного й соціального розвитку, стають неактуальними або підлягають масовим порушенням.

Крім того, ми не можемо ігнорувати процес «природного» зносу інститутів унаслідок неминучої втрати інформації при передачі її до наступних поколінь і груп населення, до інших країн і регіонів. Кожного разу в результаті недосконалості механізмів передачі соціальної спадщини інституційна структура, що відтворюється на інших поколіннях або інших соціальних локусах, втрачає якісь свої елементи.

Фундаментальним джерелом ризику будь-якого інноваційного розвитку є *співвідношення розмірності системи, що розвивається, і розмірності її зовнішнього середовища*.

Інноваційне середовище системи апіорно може розглядатися як більш складне, як таке, що має якісь додаткові виміри свободи дій у порівнянні з локальною системою. Недостатня розмірність системи при інтенсивному підводі інформації, технологій, соціальної енергії та ресурсів ззовні призводить до «розігріву» і наростанню хаосу.

Наприклад, радянська система являла собою $(n - x)$ -вимірну проекцію n -вимірного індустріального суспільства, де n – кінцеве число істотних вимірів індустріального суспільства як такого, x – число відсутніх вимірювань у радянському варіанті індустріальної системи (тут, наприклад, були відсутні такі «вимірювання» як автономний суверенний індивід, правова держава, ринкова конкуренція і т. ін.). Неминучі інновації, перш за все технологічного плану, а також вимушене засвоєння радянською економікою додаткової зовнішньої інформації від «інституційно повноцінних» держав у вигляді обов'язкового інституційного мікросередовища нових технологій, ноу-хау, організаційних форм виробництва накопичували прихований хаотичний потенціал, що загрожував існуванню системи державного соціалізму.

Соціальні системи належать до так званих дисипативних розподілених систем, еволюція яких супроводжується стиском фазового об'єму, тобто зменшенням розкиду траєкторій різних

елементів. При цьому відбувається наростання впорядкованості, принаймні, в окремих ланках і блоках. У той же час будь-яка соціальна система не є абсолютно жорстко детермінованою, а включає в себе й імовірнісний (стохастичний) аспект. Імовірнісні траєкторії активних суб'єктів у n -вимірному фазовому просторі соціальної системи не підпорядковуються теоремі Ліувіля, яка стверджує, що щільність імовірності в фазовому просторі постійна. Це означає, що в соціальній системі завжди існує певна множина станів і траєкторій (аттракторів), вірогідність яких є більш високою. Інституційна складова соціуму може бути зображена у вигляді деякої матриці аттракторів, тобто тих точок або областей соціального фазового простору, для яких щільність імовірності є найбільшою.

Невизначеність інноваційного розвитку зумовлена зростанням кількості ступенів свободи окремих елементів системи. Деякі інститути стають перешкодою для використання можливостей нових технологій і тому все частіше порушуються. Масове порушення окремого правила (інституту), з одного боку, саме стає, в певному сенсі, правилом, а з іншого боку, стає інструментом руйнації (або дезактуалізації) суміжних правил і інститутів. Деградація обмежень і заборон розширює поле доступних для суб'єктів дій, реакцій, сигналів і т. д.

У силу цього множина можливих станів різко поширюється. Невизначеність самого перехідного стану тягне за собою значну варіабельність кінцевого результату переходу. Соціальна система є одним з найбільш складних об'єктів і як такий виявляє при інноваційному розвитку дуже високу варіабельність підсумкового стану.

Таким чином, у суспільстві, змушеному діяти в інноваційному технологічному середовищі, виникає *сильний негативний чинник зростання попиту на інституційні зміни*. Частина цього попиту може виглядати як потреба в додаткових інститутах розвитку, хоча насправді це потреба в будь-яких компенсаторах інституційної руйнації, що розгортається всередині системи.

Особливо небезпечним для українського суспільства є той факт, що симптоми руйнації вже розповсюджуються і на ціннісні підвалини економічних інститутів. Наприклад, у молодіжному середовищі все

менш актуальними стають такі цінності як державна незалежність, сім'я, праця, професіоналізм, що ускладнює відтворення базових соціальних технологій передачі, засвоєння та використання соціальної спадщини. Темпи інституційних втрат можуть перевищити темпи створення нових інститутів, що в свою чергу актуалізує стратегічне значення сучасного інституційного будівництва в Україні. Інституційні реформи – це не розкіш, а засіб національного виживання.

Необхідна визначеність щодо інституційного забезпечення інноваційного розвитку може бути досягнута шляхом оцінки переваг і ризиків двох варіантів стратегії: стратегія створення інститутів розвитку «від нуля» і стратегія максимального використання інноваційного потенціалу діючих інститутів і структур господарювання.

Розуміння інститутів розвитку як потенційних аттракторів соціальної діяльності дає можливість зрозуміти привабливість *стратегії максимальної активізації та використання інноваційного потенціалу вже діючих інститутів* і суб'єктів господарювання.

Будь-який технологічний розвиток складається з детермінованих і випадкових подій. Детерміновані процеси продовжують ті лінії розвитку, що вже склалися в попередній час. Вони є заручником попередніх технологічних рішень, але в той же час несуть мінімальні інституційні ризики. Суспільство може отримати максимальні соціально-економічні ефекти на вже досягнутому рівні розвитку, оптимально використовуючи доступні технологічні й соціальні ресурси.

Детерміновані процеси та події, як правило, не потребують специфічних інститутів розвитку, бо вони мають підґрунтя в діючій національній системі обмежень, правил і організацій. Потреба в спеціалізованих інститутах розвитку більше пов'язана зі стохастичною, випадковою та глобальною складовими процесу змін і інновацій.

Є підстави вважати, що стохастична революційна складова світового інноваційного розвитку може перейти до затухаючої фази, поступово віддаючи позиції еволюційній детермінованій складовій. Такий розворот тренду припускає можливість експлуатації вже діючих інститутів. У такому разі центр ваги національної політики України у створенні інститутів розвитку може бути зміщеним у бік іннова-

ційного перепрофілювання діючих інститутів і інституційних комплексів, що не виключає можливості створення спеціалізованих інститутів розвитку.

Концентрація зусиль на створенні інститутів розвитку «від нуля» має власні переваги, але пов'язана зі значними ендогенними й екзогенними ризиками.

Вибір стратегії спеціалізованих інститутів розвитку дає *шанс відійти від траєкторії залежності й хронічної відсталості*. Попередня траєкторія трансформаційних змін виявилася занадто витратною з економічної та соціальної точки зору. Нові інститути, заповнюючи інституційні пустоти в господарчій системі України, дають шанс інтегрувати в процес економічного розвитку ті структурні елементи, суб'єкти й групи населення, які в роки трансформації опинилися поза межами оновлення та позитивних змін. Це, в свою чергу, може стати основою для додаткового синергетичного ефекту інноваційного розвитку, що підвищує привабливість такого варіанта.

У той же час стратегія спеціалізованих інститутів розвитку є *більш ризиковою*. Характеризуючи *ендогенні ризики* створення спеціалізованих інститутів розвитку, слід відмітити наступне. Як правило, нові інститути потребують *перерозподілу економічної влади* на користь суб'єктів розвитку, фінансовий стан яких прямо залежатиме від пропозиції ринку комерційно доцільних інновацій світового рівня. Крім іншого, такий перерозподіл, будучи самостійним чинником невизначеності, може означати для України вихід на новий щабель суспільної конфліктності, зміщення критеріїв прийняття рішень у бік поточних переваг по відношенню до конкурентів, погіршення умов для формування консолідованої національної стратегії розвитку.

З іншого боку, не можна ігнорувати притаманні створенню нових інститутів і *екзогенні ризики*, які обумовлені трансформаційними процесами різного походження. Інтеграційна спроможність діючих національних інститутів в Україні сьогодні є недостатньою, як у силу інституційних пустот і розривів, так і в силу низького рівня узгодженості, недостатньої «припасованості» створених інститутів один до одного.

Важливу роль у напрацюванні національного рішення щодо

стратегії розвитку повинна відігравати компаративна інституційна ідентифікація сучасної моделі економіки України.

На перший погляд, з двох класичних моделей інноваційного розвитку – американської дворівневої конкурентної моделі (пошуковий венчурний бізнес, що відповідає за генерування, селекцію і ринковий перебір варіантів технологічних інновацій, та корпоративний сектор, що відповідає за масове виробництво інноваційних товарів і послуг) та японської державно-олігополістичної моделі (державна, корпорації та університети) – Україні більш близька японська модель. Однак треба враховувати конкуренцію між цими моделями й поступовий процес взаємного збагачення.

Негативний досвід Японії щодо прямих інституційних запозичень з моделі технологічного розвитку Сполучених Штатів свідчить, що американська модель потребує відповідного інституційного й фінансового середовища, високого рівня розвитку корпоративної культури, її глибокого вкорінення в національну господарчу ментальність. Відтворення цих історичних здобутків у інших умовах може вимагати занадто великого часу та призвести до інституційних втрат, пасток, розривів. У той же час шлях поступового еволюційного засвоєння інституційних інновацій зовнішнього походження в Японії супроводжується низкою ціннісних зрушень з непередбачуваними наслідками для національної ідентичності в майбутньому.

Інституційна структура сучасної української економіки в чомусь відтворює державно-монополістичну структуру економіки Японії, в той же час будучи позбавленою її глибоко інтегрованої мережевої складової.

Ефективність будь-яких інститутів розвитку залежить від *ринкового й соціального середовища*, в якому вони діють. Якщо середовище соціально й фінансово заохочує мотивований ризик і інновації з боку суб'єктів, то результати впливу інститутів розвитку й цілі суб'єктів господарювання будуть близькими або тотожними. В такій системі виникає своєрідний інституційний мультиплікатор інноваційного розвитку. У зворотному випадку дія інститутів розвитку буде послаблюватися низькою схильністю суб'єктів до інноваційної поведінки.

Безпосередньо мотивація суб'єктів господарювання до технологічних інновацій пов'язана зі ступенем жорсткості *бюджетних*

обмежень. М'які бюджетні обмеження нейтралізують значення чинника витрат у формуванні доходів суб'єктів, тому що створюють можливість вирішення фінансових проблем за рахунок доступу до альтернативних джерел (дешеві кредити з можливістю рефінансування, податкові пільги, субсидії та дотації). Зниження рівня витрат шляхом впровадження більш економічних технологій втрачає частину фінансової привабливості. Своєрідним еквівалентом м'яких бюджетних обмежень виглядає тривала значна інфляція, яка виштовхує на перший план своєчасне й виважене підвищення цін.

Надмірна (абсолютна) жорсткість бюджетних обмежень несе з собою інший ризик: вона позбавляє більшість суб'єктів можливості фінансових і технологічних альтернатив і маневрів. Така ситуація може бути пов'язаною з низьким рівнем довіри, великими грошима, недостатнім розвитком національних фінансових установ.

Головну роль у створенні адекватного середовища для інститутів розвитку відіграє *довгострокова стабільність грошової одиниці*, забезпечуючи одночасно й необхідний рівень базової довіри, і необхідну жорсткість бюджетних обмежень.

Безпосереднім проявом бюджетних обмежень у повсякденному житті є *фінансова культура* суспільства, яка вимагає обачності як передумови раціональних фінансових рішень, включаючи й рішення щодо виваженого ризику.

Оцінюючи фінансову інфраструктуру інноваційного розвитку, слід відзначити, що суттєве зростання капіталу й активів банківської системи за останні роки не призводить до відповідного технологічного оновлення та структурних зрушень в економіці України. Справа в тому, що банки в силу специфіки їх фінансового й правового статусів не зацікавлені в ризиках позичальника, які обов'язково супроводжують значні інвестиційні проекти. Внаслідок цього національний фінансовий ресурс України, сконцентрований в банківській системі, використовується з недостатньою віддачею. В той же час інвестори, які купують акції на фондовому ринку, зацікавлені в масштабних інвестиційних проектах емітента, тому що це стимулює зростання ринкових котировань таких акцій.

Тому, зважаючи на низьку зацікавленість банків у кредитуванні

інвестиційних проєктів у реальному секторі економіки стратегічним завданням слід вважати підвищення ролі фондового ринка й інститутів спільного інвестування у формуванні й використанні довгострокових інвестиційних ресурсів, залучення дрібних інвесторів, поступове зниження частки банківської системи в сукупних фінансових активах економіки.

Соціальне середовище інститутів розвитку не повинно бути занадто конфліктним, але в той же час стимулювати соціально прийнятну інноваційну поведінку членів суспільства. Стратегічна проблема взаємної відповідності інститутів і середовища потребує **аналізу сумісності інституційної та суб'єктної структури економіки України** в розрізі створення інститутів розвитку.

Інститути розвитку в загальному вигляді включають до себе:

- первинні інститути зняття невизначеності інноваційних процесів і змін (державна як метаінститут, інформація, гарантії, довіра);
- інститути доступу до ресурсів (власність, еквівалентний обмін, жорсткі бюджетні обмеження, конкуренція, економічна влада);
- інститути інвестиційної поведінки (інститути заощадження, інститути ризику, інституційна складова інвестиційної та проєктної інфраструктури економіки);
- інститути суспільного визнання та тиражування інновацій (монопольний прибуток, масове виробництво, мережеві структури).

Сучасна суб'єктна структура економіки України у розрізі проблеми створення інститутів розвитку виглядає наступним чином:

- Національний ВПК, включаючи дослідно-конструкторську й проєктну бази, підприємства та їх об'єднання. Тут сконцентровано найбільший технологічний капітал країни, який поступово знецінюється внаслідок втрати радянських організаційних і фінансових механізмів і стимулів оновлення, розриву зв'язків з іншими елементами радянського ВПК, що залишилися за кордоном.

- Фінансово-промислові групи (ФПГ). Ці групи концентрують величезні національні фінансові ресурси, що дає можливість залучення найбільш кваліфікованих і перспективних фахівців; вони є горизонтально й вертикально інтегрованими за допомогою легальних і позалегалічних механізмів контролю та повноважень; їм притаманна велика частка

тіньових фінансових потоків, що ускладнює інвестиційно-інноваційне використання технологічних і фінансових ресурсів. Фінансово-промислові групи можуть виступати замовником інноваційних проєктів для діючих національних і іноземних структур; створювати власні підрозділи; створювати нові структури й мережі на базі діючих; практикувати проєктний інноваційний аутсорсинг. Перспективною формою можуть стати некомерційні організації (фонди), що створюються в рамках діючих фінансово-промислових груп.

- Науково-дослідні організації та академічні інститути. Вони володіють значними інформаційними можливостями, інноваційним і проєктним потенціалом, але знаходяться поза межами обігу фінансових ресурсів інвестиційного призначення.

- Університети. В існуючій моделі суспільства вони є специфічним атрибутом держави як метайнституту, за допомогою якого держава забезпечує виробництво й обіг суспільних благ, включаючи деякі гарантії, інформацію, довіру.

- Спеціалізовані державні органи інвестиційної та інноваційної спрямованості (агентства, бюро, спеціалізовані й загальні органи).

- Підприємства.

- Інноваційні мережі (асоціації, професійні корпорації, бізнес-інкубатори, технопарки).

- Суб'єкти й структури фондування інвестиційних і проєктних активів (біржі та їх мережі, інституційні інвестори, професійні торговці). Мають унікальну здатність до фондування проєктних ризикових активів економіки, сприяючи таким чином їх фінансуванню. Вони зацікавлені в інвестиційній якості активів фондового ринку, складовою якої є проєктний компонент – оскільки це впливає на їх ринкову вартість. Характеризуються високою схильністю до мережевої поведінки й формування нових мереж.

- Домогосподарства. Є головним суб'єктом функції заощадження, але не мають надійних інструментів і механізмів участі у фінансуванні інноваційного розвитку.

Для первинних аналітичних цілей було проведено попередню оцінку можливостей такої спрощеної моделі шляхом сумування позитивних експертних оцінок для кожного суб'єкта. Попередній аналіз показав,

що найбільшим інституційним потенціалом інноваційної поведінки володіють фінансово-промислові групи (експертна оцінка можливості й схильності виконувати загальні й спеціальні вимоги до інноваційного способу діяльності складає 19 пунктів); на другому місці знаходяться спеціалізовані інноваційні мережі (18 пунктів); на третьому – структури й суб'єкти фондування інвестиційних і проектних активів (16 пунктів); далі зі значним відривом йдуть інші агреговані суб'єкти – від 12 пунктів (промислові підприємства) до 7 (університети).

Оцінки інституційної забезпеченості інноваційного розвитку порівняно з розвиненими країнами в Україні виглядають наступним чином: наявна проектна інфраструктура (18 пунктів), інститути інформаційного забезпечення (11 пунктів), інститути дифузії інновацій (корпоративні мережеві структури й тіньовий обіг промислової власності – 11), держава як метаінститут (11), інститути економічної влади (8 пунктів). Порівняно висока оцінка проектної складової інститутів розвитку обумовлена переважно індустріальним характером господарчої системи України. Хоча ця складова достатньо швидко застаріває, її ще можна розглядати як важливий аргумент вибору стратегії активізації існуючого інституційного потенціалу розвитку.

Найменш розвинуті інститути гарантій (6 пунктів) та інститути довіри (7 пунктів). Дефіцит гарантій та довіри відчувають усі потенційні учасники інноваційного розвитку. Саме тут повинні сконцентруватися дії держави як метаінституту.

Центральні позиції фінансово-промислових груп у інноваційному потенціалі економіки України не випадкові. Сьогодні в світі переважну частину наукоємного виробництва контролюють транснаціональні ФПГ. Стратегію сучасних ФПГ характеризує прагнення до утворення інноваційних технологічних мереж регіонального й глобального масштабів, у рамках яких інтегруються ринкові й фінансові функції, дослідження та розробки, ресурсне забезпечення, виробництво наукоємної продукції, її розподіл і збут.

Розширення діяльності ФПГ сприяє прискоренню інноваційних процесів, скороченню технологічного розриву між країнами. Україні сьогодні не треба штучно створювати такі фінансово-промислові групи. Вони вже існують і діють. Необхідно цілеспрямовано

створювати інституційні умови для включення їх у процес вирішення завдань інвестиційно-інноваційного розвитку країни.

Висновки. Пара «фінансово-промислові групи + спеціалізовані інноваційні мережі» в економіці України відрізняється найбільшою сукупною інституційною потужністю та достатнім рівнем комплементарності: максимальні оцінки в них співпадають лише в одному випадку (за ознакою здатності до дифузії інновацій), але не співпадають за іншими позиціями (фінансово-промислові групи є найбільш ефективними за такими ознаками доступу до ресурсів як *власність* і *економічна влада*, а спеціалізовані інноваційні мережі – за ознакою *інформаційних можливостей*, тобто здатність безпосередньо впливати на попит та пропозицію на ринку інформаційних послуг). З точки зору перспектив і будівництва для держави саме ця пара виглядає найбільш привабливо.

Поєднання економічного потенціалу фінансово-промислових груп України та інноваційного потенціалу мережевих структур різного рівня за допомогою механізмів і інструментів державно-приватного партнерства здатне створити адекватне національне бізнес-середовище сучасного типу. Паралельно з цим необхідно завершити формування та інституціоналізацію структур і суб'єктів, що займаються фондуванням інвестиційних і проектних активів національної економіки.

Починаючи з цього можна створювати сприятливі умови участі в інноваційній діяльності для інших агрегованих суб'єктів (підприємства, університети, науково-дослідні організації та академічні інститути) і рухатися в інших привабливих напрямках вирішення інституційних завдань інноваційного розвитку.

Для подальшого обґрунтування національної стратегії інституційного забезпечення інноваційного розвитку необхідно виконати наступні аналітичні оцінки:

- оцінка можливостей ресурсного, професійного й кадрового наповнення інститутів розвитку;
- оцінка рівня інноваційного потенціалу й інноваційної завантаженості діючих інститутів;
- оцінка конкурентного середовища інноваційних процесів;
- інвентаризація правового забезпечення повноважень і відповідаль-

ності учасників інноваційних процесів і оцінка можливості й доцільності їх подальшої інституціоналізації.

Список літератури

1. Shafik Nemat. Rethinking Sustainable Development / Nemat Shafik // *Finance & Development*. – December. – 2012. – Vol. 49. – № 4. – P. 38–39.
2. Stiglitz J. Inequality Is Holding Back the Recovery / J. Stiglitz // *The New York Times*. – 2013. – January 19.
3. The World Fact Book [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>.
4. Мирлис Дж. Э. Информация и стимулы: экономика кнута и пряника / Дж. Э. Мирлис // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. – М. : Мысль, 2005. – Т. 5, кн. 2: Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. – 812 с.*
5. Миропольский Д. Ю. Мировая иерархия и сценарии глобализации / Д. Ю. Миропольский // *Экономическая теория в XXI веке. 2 (9): Глобальное и национальное в экономике, т. 1 / под ред. Ю. М. Осипова и др. – М. : Экономистъ, 2004. – 568 с.*
6. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
7. Платіжний баланс і зовнішній борг України. Щоквартальне аналітично-статистичне видання Національного банку України. 2011 рік. – К., 2012. – 111 с.
8. Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк : ДонНТУ, 2009. – 500 с.
9. Рейнхарт К. М. Новый период сдерживания развития финансовой сферы / К. М. Рейнхарт, Я. Ф. Кьеркегор, Б. М. Сбрансиа // *Финансы и развитие*. – 2011. – № 2. – С. 22–26.
10. Яременко О. Л. Тенденции посткризисного развития финансовых институтов / О. Л. Яременко // *Стратегия и тактика денежно-кредитной политики России и Украины и мировой экономической кризис : сб. ст. рос. и укр. ученых / отв. ред. А. Д. Некипелов, М. Ю. Головинин. – М. : Ин-т экономики РАН, 2010. – 300 с.*

УДК 330.341.2(477)

*Э. И. Цыбульская***ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
В ЭПОХУ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ****Резюме**

У статті обґрунтовано вирішальну роль національної інноваційної системи в інституціональному каркасі країни в постіндустріальній економіці. Показано, що формування національної інноваційної системи, адекватної епосі економіки знань, повинне ґрунтуватися на створенні нового класу інститутів – інститутів генерації знань, що є базовим елементом такої системи. До традиційних інститутів генерації знань варто віднести: інститути сектора науки – Академії наук, науково-дослідні лабораторії, конструкторські бюро, інститути сфери освіти – школи, технікуми, інститути й університети, а також інститути, діяльність яких пов'язана з виробництвом наукомісткої продукції. До нових інститутів генерації знань належать інформаційні структури, технопарки, венчурні фірми, глобальні корпорації, інноваційні кластери.

Зроблено висновок про забезпечення з боку держави механізму фінансової підтримки розвитку мережі інститутів генерації знань для підвищення національної конкурентоспроможності.

Summary

The article proves the constitutional role of the national innovation system in the institutional framework of the country in a post-industrial economy. The idea, that the formation of the national innovation system that is adequate to the knowledge economy should be based on the establishment of the new institutional class – institutions of the knowledge generation as basic elements of the system, is shown. The traditional institutions of the knowledge generation are: scientific institutions – Academy of Sciences, research laboratories, design offices, institutions of education – schools, colleges, institutes and universities, and institutions whose activities are related to the production of high-tech products. The new institutions of knowledge generation include: information structures, technology parks, venture capital firms, global corporations, and innovative clusters.

The article concludes with the thoughts on that the state financial support of the development of the knowledge generation institutional network would improve the national competitiveness.

Ключевые слова: экономика знаний, национальная конкурентоспособность, национальная инновационная система, институт генерации знаний.

Переход к экономике знаний требует от каждого государства нового подхода к обеспечению национальной конкурентоспособности. Это связано с генерацией, распространением и использованием нематериальных ресурсов – знаний, вовлечением их в рыночный оборот, с проведением системных, институциональных преобразований в существующих институтах генерации знаний в научном и образовательном секторах экономики, создания условий для формирования новых институтов генерации знаний, адекватных уровню постиндустриальной экономики.

Как показывает мировой и отечественный опыт, главным и наиболее эффективным механизмом такого перехода должна стать национальная инновационная система (НИС), представляющая собой современную институциональную модель генерации, распространения и использования знаний, их воплощения в новых продуктах, технологиях, услугах во всех сферах жизни общества.

Основоположителем теории постиндустриального общества по праву считается американский ученый Д. Белл, опубликовавший в 1973 г. работу «Грядущее постиндустриальное общество». Теория постиндустриальной экономики получила развитие в трудах таких известных ученых как Дж. Гелбрейт, Г. Шиллер, У. Бек, Э. Тоффлер. Основателями теории экономики, основанной на знаниях, считаются Ф. Махлуп, П. Друкер, Т. Сакайя, Д. Ходжсон. В экономической теории пионером «индустрии знаний» называют профессора Принстонского университета Ф. Махлупа за его труды «Производство и распространение знаний в США» и «Экономика информации и человеческого капитала». В данных трудах рассматриваются концептуальные основы постиндустриального общества, развивается идея о том, что самой значимой отраслью экономики становится образование, многосторонность которого проявляется в его связи с производством, наукой, рынком труда, информацией, ее хранением и распространением.

Решающую роль в обеспечении национальной конкурентоспособности и развитии страны в эпоху экономики знаний согласно концепции четырех «И» должны сыграть институты, инфраструктура, инновации, инвестиции [1]. Первостепенным звеном в этой цепочке в постиндустриальной экономике выступают институты генерации знаний. Им отводится роль ключевых факторов в обеспечении национальной конкурентоспособности, которая должна основываться на инновационном социально-ориентированном типе роста экономики.

Наиболее глубоко проблемы институционального анализа инновационной деятельности изложены в работах Д. Норта, проанализировавшего взаимодействие институциональных структур и технологии, их совместной роли в социально-экономическом развитии. Ценна идея Д. Норта о прямом и косвенном влиянии институтов на знания, процесс их производства, распространения и использования, на технологию, технику [2]. Однако наличие ряда фундаментальных научных работ, посвященных становлению и развитию постиндустриальной экономики, одной из стадий которой является экономика, основанная на знаниях; формированию новых институтов и трансформации существующих институтов в условиях перехода на более высокий уровень социально-экономического развития, не исключает необходимость исследования конкретных проблем, связанных с функционированием институтов генерации знаний в постиндустриальной экономике. Это и определило выбор темы исследования, его цели и задачи.

Цель исследования – формирование научного представления о новом классе институтов – институтах генерации знаний, имеющих стратегическое значение в обеспечении национальной конкурентоспособности в постиндустриальной экономике.

Задачи исследования:

- рассмотреть основные характеристики, присущие постиндустриальной экономике;
- выявить институты, конституирующие институциональный каркас постиндустриальной экономики.

Институциональный аспект обеспечения национальной конкурентоспособности в эпоху экономики знаний. Постиндустриальная экономика обладает рядом особых признаков, которые

необходимо учитывать при формировании стратегии обеспечения национальной конкурентоспособности.

Во-первых, на этой стадии объективированное в продуктах и услугах знание формирует большую часть создаваемой стоимости. Этот процесс развивается через рост наукоемкости производимой продукции и развитие рынка интеллектуальных товаров и услуг. Интеллектуализация используемых технологий обеспечивает резкое повышение производительности труда. Рост наукоемкости товаров и услуг выражается в увеличении затрат, связанных с научными исследованиями и проектно-конструкторскими разработками, предшествующими их появлению.

Во-вторых, в экономике постиндустриального общества деятельность, связанная с производством, хранением, передачей и использованием знаний, приобретает все более существенное значение. Особая роль в этой деятельности принадлежит образованию, характер и значение которого изменяются в наибольшей степени. Возникла своего рода «индустрия образования», которая во многих странах финансируется и государством, и бизнесом, и занимает в ряду общественных затрат центральное место наряду с обороной, здравоохранением и социальной защитой населения. В современной экономике образование рассматривают как форму инвестиций в человеческий капитал, от которой зависит его качество и успех производства. Наиболее полно современные тенденции его развития обозначились в концепции непрерывного образования. Уже сейчас на переподготовку специалистов в США отводится 15–20% рабочего времени. Считается, что за весь период профессиональной деятельности (примерно 40 лет) специалист должен повышать свою квалификацию 5–8 раз. Национальный научный фонд США, в частности, рекомендует специалистам выделять 10 часов в неделю на изучение литературы по специальности и 40–80 часов в год на участие в той или иной форме непрерывного образования [3].

В-третьих, характерной чертой постиндустриальной экономики является превращение работников, занятых производством, передачей и использованием знаний, в доминирующую группу в общем числе занятых.

В-четвертых, темпы и масштабы научно-технического прогресса таковы, что происходящие изменения в технико-технологической базе производства и качестве трудовых ресурсов не успевают за ростом научно-технических возможностей.

В-пятых, рост транзакционных издержек. Виды деятельности, связанные с предоставлением транзакционных услуг, объединены в понятие транзакционного сектора экономики. По оценке специалистов, доля транзакционного сектора в валовом национальном продукте неуклонно растет, в США она составляет около 50% [3].

В-шестых, значительно возрастает роль управления знаниями, интеллектуальными ресурсами. В условиях постоянного обновления знаний и жесткой конкуренции субъекты оказываются перед необходимостью постоянного обучения (*lifelong learning* – обучения в течение жизни).

К отмеченным выше особенностям постиндустриальной экономики автор считает необходимым добавить следующие, присущие ей конституирующие признаки:

- формирование национальной инновационной системы, адекватной данному уровню развития общества;
- формирование нового класса институтов, являющихся базовым элементом национальной инновационной системы – институтов генерации знаний.

В экономической науке существует достаточно много определений понятия «национальная инновационная система» (НИС) и до настоящего времени нет единого определения этого понятия. Автор считает, что сущность НИС необходимо трактовать, базируясь на институциональном и системном подходах, так как такая точка зрения связана с пониманием глубинной сущности экономических отношений, лежащих в основе данного понятия. Процессам генерирования и распространению инноваций в хозяйственной практике объективно предшествуют процессы генерации знаний, осуществляющиеся в рамках соответствующих институтов. Системный характер НИС означает, что технико-технологическое развитие рассматривается не в виде цепочки односторонне направленных причинно-следственных связей, ведущих от институтов научной и образовательной сферы

к инновациям, но как процесс взаимодействия и обратных связей между совокупностью социально-экономических, социокультурных, правовых и других институтов, определяющих создание инноваций. По нашему мнению НИС необходимо рассматривать как часть национальной экономической системы, обеспечивающую органическое встраивание инновационных процессов в поступательное развитие экономики и общества. Такой подход полагает, что создание формальных инновационных структур само по себе не гарантирует успеха нововведений. Необходимо формирование адекватной институциональной среды, благоприятной для различного рода инноваций. В ходе инновационного процесса при соответствующем ресурсном обеспечении на основе результатов фундаментальных и прикладных исследований осуществляется создание высоких технологий, организация производства и реализация наукоемкой продукции (рис. 1).

Данная иллюстрация наглядно отражает те элементы инновационного цикла, которые создаются институтами генерации знаний – фундаментальное и прикладное научное знание. Создание эффективно действующей национальной инновационной системы – сложнейшая

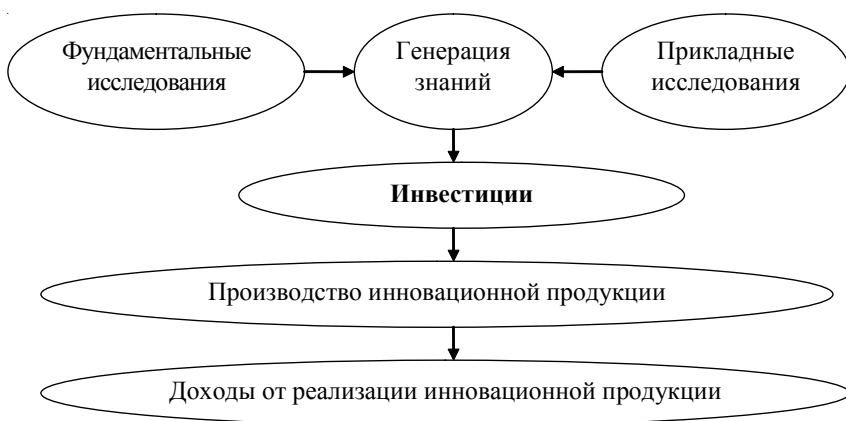


Рис. 1. Генерация знаний как элемент инновационного цикла

задача, которая требует соответствующего политического, правового и налогового регулирования и новых теоретических разработок.

Автор полагает, что институты генерации знаний – это особый вид институтов, которые занимаются воспроизводством нематериальных ресурсов (знаниевых активов), то есть их созданием, апробацией на практике, обменом, трансфертом (передачей) другим субъектам на определенных условиях (рыночных или нерыночных) и постоянным обновлением данных ресурсов. К институтам генерации знаний следует отнести научные и научно-исследовательские организации, конструкторские бюро, экспериментальные предприятия, венчурные фирмы, технопарки, инновационные кластеры, образовательные структуры и т. п. В зависимости от стадии экономического развития общества – индустриальной и постиндустриальной предлагаем разграничивать институты генерации знаний на **традиционные** институты генерации знаний, присущие индустриальной экономике, сохраняющиеся и эволюционирующие в рамках последующей стадии развития, и **новые** институты генерации знаний, генезис которых связан с постиндустриальной экономикой. К традиционным институтам генерации знаний следует отнести: институты сектора науки – Академии наук, научно-исследовательские лаборатории, конструкторские бюро, институты сферы образования – школы, колледжи, институты и университеты, а также институты, деятельность которых связана с производством наукоемкой продукции. К новым институтам генерации знаний относятся информационные структуры, технопарки, венчурные фирмы, глобальные корпорации, инновационные кластеры.

В зависимости от того, как происходит процесс генерации знаний – постоянно как основной процесс или как комплементирующий, какие стадии последуют за ним – тиражирования или секьюритизации знаний, передачи – полной или частичной, обмена (рыночного или вне рыночного), коммерциализации, использования полученных знаний на практике, для дальнейшего процесса генерации теоретических знаний, какие из этих процессов преобладают в деятельности того или иного института генерации знаний предлагаем дифференцировать институты генерации знаний на следующие виды.

Институты, осуществляющие преимущественно генерацию знаний,

их передачу, обмен и использование в пределах аналогичных, или близких к ним по профилю деятельности структур, постоянное расширенное воспроизводство для получения нового знания. Примером такого рода институтов являются обучающие фирмы.

Институты, осуществляющие не только генерацию знаний, но и их передачу, обмен и использование на практике, в деятельности других (неаналогичных) хозяйственных структур. Примером такого рода институтов являются венчурные фирмы, технопарки. Раскрытие роли институтов генерации знаний в национальной инновационной системе потребовало определения не только содержания, но и структуры этой системы. Постиндустриальная экономика большинством исследователей сводится к развитому состоянию четырёх сфер: генерации знаний – сфера науки; освоения знаний – сфера образования; внедрения знаний – сфера производства и услуг; накопления и распространения знаний – сфера научной и технической информации.

Обратим внимание на то, что процессы генерации знаний ограничиваются только сферой науки. Данный подход, по мнению автора, сужает область исследования, поскольку генерация знаний происходит не только в сфере науки, но и в сфере образования и является её неотъемлемой частью, также генерация знаний имманентна процессам воспроизводства в различных сферах экономики, общества в целом. Основу НИС составляет подсистема генерации знаний, которая представляет собой совокупность институтов – организаций, выполняющих фундаментальные исследования разработки, а также прикладные исследования (рис. 2).

Институты генерации знаний в структуре национальной инновационной системы играют роль конституирующих институтов. От того, какие знания и как генерируют эти институты, как осуществляют их трансферт, на каких условиях, зависит инновационная деятельность тех субъектов, которые используют эти знания – фирм, организаций, госструктур, индивидов и т. д., её результативность и перспективность. Обеспечение со стороны государства механизма финансовой поддержки развития сети институтов генерации знаний позволит Украине осуществить инновационный прорыв и обеспечить конкурентоспособность экономики в эпоху экономики знаний.

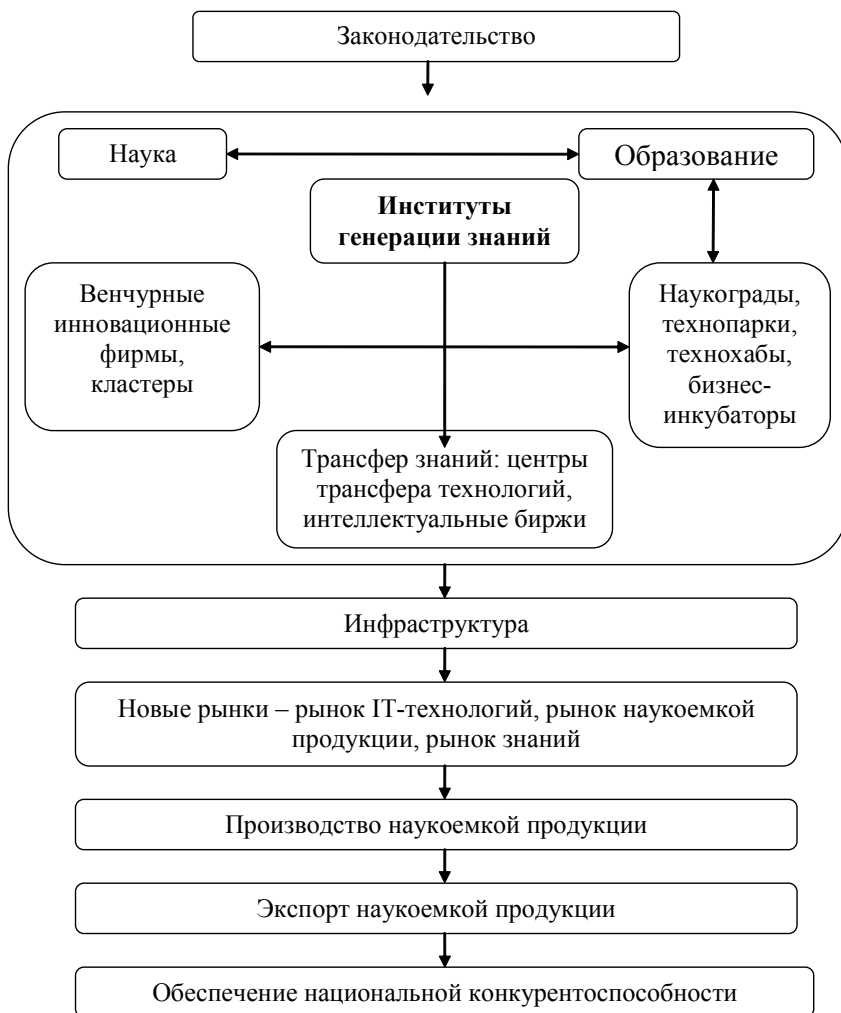


Рис. 2. Место институтов генерации знаний в национальной инновационной системе и обеспечении национальной конкурентоспособности

Список литературы

1. Киреев М. М. Институциональная конфигурация постиндустриальной экономики / М. М. Киреев // Экономика, социология, право : альманах. – Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. – 2008. – Вып. 4. – С. 103–119.
2. Балацкий Е. В. Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта / Е. В. Балацкий // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 154–166.
3. Козлова В. А. Интеллектуальный капитал: экономическое содержание и особенности воспроизводства : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / В. А. Козлова ; Финансовая акад. при Правительстве РФ. – М., 2001.

УДК 330.101

*Г. Б. Тимохова***АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА
УКРАИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ****Резюме**

У статті розглядається становлення теорії інформаційної економіки і вплив сучасних інформаційних технологій на різні сторони соціально-економічного життя. Автор звертає увагу на принципові зміни в поведінці основних економічних суб'єктів (споживачів, фірм, держави) під впливом нових технологій і на особливості здійснення в нових умовах державної економічної політики. Виділено основні напрями трансформації інституційних структур в інформаційній економіці. Зроблено висновок: в умовах інформаційної економіки інститут прав власності поступово поширює свій вплив на віртуальний тип власності, структура способів зв'язків між інституційними об'єктами ускладнюється і набуває нових властивостей і напрямів, у результаті одночасно реалізується конгломерат переважно горизонтальних видів зв'язку.

Summary

The article deals with the formation of the information technologies theory and the influence of modern information technologies upon different aspects of social and economic life. The author draws attention to the radical changes in key economic actors behavior under the impact of new technologies and under the new conditions of government economic policy. The basic directions of transformation of the institutional structures in the information economy. The conclusion: in an information economy Institute of ownership gradually extending its influence to the virtual type of property, the structure of how relationships between institutional entities complicated and acquires new properties and trends, as a result, realized simultaneously conglomerate predominantly horizontal communications.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная экономика, новая экономика, информационная прибыльность, электронное правительство, глобальное управление.

Теория информационного общества рассматривается как составная часть постиндустриальной концепции. Сторонники теории

информационного общества связывают его становление с доминированием четвертого сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и сектором услуг, где капитал и труд – основа индустриального общества – уступают место информации – основе информационного общества.

Основы теории информационного общества заложены в работах Зб. Бжезинского, Д. Белла, О. Тоффлера. В 1970–1980-х годах существенный вклад в развитие теории информационного общества внесли Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер. Проблемы развития институциональных структур в условиях формирования информационного уклада рассматривались в работах А. Агеева, С. Глазьева, А. Долгина, А. Елякова, В. Иноземцева, Н. Манохиной, Р. Нуреева, А. Радыгина, В. Русановского, О. Сухарева, И. Стрелец, Ю. Яковца и др. Среди последних отечественных публикаций по проблемам развития информационного общества и информационной экономики необходимо отметить труды П. Леоненко, В. Ляха, В. Мунтияна, Л. Федуловой, А. Чухно, П. Юхименко и других.

На сегодняшний день данное направление исследований состоит из пересечения двух фундаментальных проблем: что конкретно относится к сфере информационной экономики, какие отрасли она включает; и какова значимость и принципиальная новизна происходящих под влиянием информационных технологий изменений. Данная дуалистическая проблема приводит к тому, что формирующаяся в современной экономике Украины институциональная среда информационного общества не учитывает в полной мере интересы экономических агентов, что находит отражение в их слабой ориентированности на инновационное развитие реального сектора, в направленности на максимизацию прибыли в краткосрочном периоде при отсутствии долгосрочных инвестиций. Данная тенденция во многом объясняется недостаточным вниманием исследователей к закономерностям формирования и функционирования институциональных форм организации информационного пространства современной экономики, отсутствием единого методологического подхода к данной проблеме, что и определило *цель статьи*.

Проанализируем процессы институционализации информационного пространства Украины.

Существует несколько вариантов смыслового наполнения информационных технологий. В соответствии с отраслевым классификатором Бюро по статистике труда США выделяют следующие составляющие технологического треугольника новой информационной среды: связь (средства связи, бытовая аудио- и видеоаппаратура, телеграфное и телефонное оборудование, радио- и телевидение), вычислительную технику и средства массовой информации (включая поздравительные открытки, реклама, копирование, коммерческий дизайн, ретуширование, деловые услуги, кинематограф, прокат видеофильмов) [1].

М. Кастельс включает в информационные технологии, помимо уже перечисленного, «... генную инженерию и расширяющееся множество ее достижений и применений. Во-первых, потому, что генная инженерия сосредоточена на декодировании, управлении и возможном перепрограммировании информационных кодов живой материи. Во-вторых, потому, что в 1990-х годах биология, электроника и информатика, по-видимому, постепенно сблизилась и стали взаимодействовать в области открытия и применения новых материалов и, что более фундаментально, в своем концептуальном подходе...» [2].

Особенностью нынешней технологической революции является, по мнению М. Кастельса, не центральная роль информации, «но применение... информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций» [3].

Миндели Л. Э. и Пипия Л. К. отмечают, что наступила фаза непрерывных технологических революций, меняющих и производственную базу промышленности, и «структурные характеристики всего комплекса социально-экономических отношений» [4]. Ключевую роль в изменении производственной базы играет технология (точнее, ряд новых технологий), причем институциональная теория прямо согласовывает технологию и институты, которые «рассматриваются как способ выбора между технологическими альтернативами» [5].

Все больше внимания уделяется конвергентным технологиям (NBIC), в которых получение и реализация знаний являются основным процессом технологического развития.

Под влиянием информационных технологий значимо модифицируется деятельность основных субъектов национального хозяйства: потребителей, фирм, государства. Информационные технологии экономят трансакционные издержки по сбору и обработке поступающей информации, повышают степень эффективности работы государственного аппарата, облегчают взаимодействие граждан и предприятий с правительственными учреждениями. Электронное правительство (e-government) дает возможность использовать более прозрачные способы ведения коммерческих операций с различными подразделениями правительства, обеспечивает двусторонние консультации и лучшую подотчетность правительственных органов перед своими избирателями.

В своей книге «Новые правила для новой экономики» К. Келли изложил основные черты новой экономики, которые, по его мнению, наиболее очевидны в меняющемся мире:

- глобальный характер происходящих изменений;
- оперирование неосязаемыми благами: идеями, информацией и взаимоотношениями;
- тесное взаимопереплетение и взаимодействие отдельных сегментов новой экономики.

Эти три отличительные черты создают новый тип рынка и общества, деятельность которых основывается на сетевом принципе. Складывается ситуация, когда «мир тонких технологий начинает управлять миром машин – миром реальности» («the world of the soft... will soon command the world of the hard – the world of reality») [6].

По мнению Федуловой Л. и Цыбульской Л., самым важным фактором развития информационно-технологического уклада является переход от разрозненной компьютеризации и обеспечения потребителей средствами связи к интеграции вычислительных и коммуникационных ресурсов в единую национальную сеть на основе нового технологического принципа – грид-компьютинга. Это связано с глобальным процессом формирования «хранилищ крупных задач»,

направленных на интеграцию знаний из разных отраслей на основе суперкомпьютерных расчетов» [6].

Мировой лидер в практическом применении грид-компьютинга – США, которые в 2001 г. начали реализацию проекта «TeraGrid» – сетей с основной задачей создания распределенной инфраструктуры для проведения высокопроизводительных (терафлопных) расчетов. В 2004 г. Европейским союзом был создан аналог американской «TeraGrid» – консорциум DEISA, объединивший в сеть ведущие национальные супер компьютерные центры ЕС. А в 2005 г. Европейской Комиссией подготовлена специальная программа «Грид-технологии – ключ к инициативе «Европейское информационное общество», направленное на преобразование ЕС в «самую конкурентоспособную в мире экономику знаний». В КНР в июле 2006 г. была успешно реализована программа «ChinaGrid», направленная на объединение миллионов студентов и десятков тысяч ученых страны. В 2006 г. в Афинах объявили о начале выполнения финансируемого Европейской Комиссией проекта «EU ChinaGRID» с целью объединения европейских и китайских грид-инфраструктур для повышения эффективности совместных научных исследований. Индия также реализует Национальную грид-компьютинговую инициативу GARUDA, предусматривающую сетевое объединение крупнейших научно-исследовательских центров страны.

Особенностью современного экономического развития является то, что в ее виртуальную составляющую вовлечены специфические «сетевые» объекты: доменные адреса; сетевые информационные доски; сайты; порталы и другие элементы. Сами эти элементы виртуальной сети приобретают значение института информационной экономики и становятся объектами коммерческого интереса, который выражается в конкретных ценовых характеристиках.

К сожалению, определить с местом Украины в данных тенденциях достаточно сложно, поскольку аналогичной статистики у нас нет. Госкомстат собирает и анализирует данные об инновационной активности отечественных предприятий в целом, без деления на области проведения исследований и внедрения инноваций.

В то же время, в процессах институционализации украинского

информационного пространства, уже наметилась позитивная тенденция, обусловленная сформировавшимися мировыми тенденциями, институтом вэб-поведения. Данный институт постепенно приобретает всё больше признаков формального института, из неформального становится смешанным по своему характеру. 29 августа 2012 года принят проект Указа Президента «О Стратегии развития информационного общества в Украине», который был разработан Госагентством по вопросам науки, инноваций и информатизации, который будет способствовать внедрению информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни.

Информационная система электронного взаимодействия государственных электронных ресурсов, создание которой предусмотрено Концепцией, должна стать технологической платформой для основных составляющих электронного управления. В частности, на ее основе будет функционировать «единое окно» предоставления административных услуг физическим и юридическим лицам. Главное же, что система электронного взаимодействия будет обеспечивать автоматизированный обмен информацией между существующими базами данных и позволит впоследствии «добавлять» к единому информационному пространству новые базы данных. Ощутимым эффектом от внедрения такой системы станет не только экономия времени как чиновников, так и граждан, но и сбережение бюджетных средств, которые сейчас направляются на функционирование государственных информационных ресурсов.

Вслед за субъектами экономики в вэб-пространстве Украины ищут своё «отражение» социально-экономические институты-организации, запускается механизм формирования институциональной структуры информационной экономики. Однако до сих пор правовой режим виртуальных объектов не поддается однозначному определению. Кроме того не решена проблема количественного счета подобного вида услуг и нового вида «виртуальной товарной продукции», и соотношения их с валовым внутренним продуктом.

В настоящее время существует ряд частных показателей, отражающих уровень информатизации экономики и роль государства в управлении данным процессом. Динамика развития институтов,

регулирующих трансакции в информационном пространстве, оценивается индексом NET.DIN, который представляет собой средневзвешенное значение среднегодового темпа роста некоторых из следующих показателей (с учетом наличия в базе данных) за 3 последних года: доля населения, имеющая мобильные телефоны; доля населения, имеющая постоянный доступ к Интернет; доля предприятий, имеющих сайты; доля населения, имеющая пластиковые карты; доля электронной торговли в розничном товарообороте. Качество собственно государственного управления и государственного регулирования процессами информатизации оценивается индексом NET.POL, который составляют показатели доли государственных расходов в ВВП на информатизацию; доли расходов в телекоммуникационный сектор (доля в доходах). Микроиндекс «Электронное правительство» есть среднее следующих экспертных показателей: эффективность действий правительства в продвижении и поддержке IT-технологий, доступность государственных служб в режиме он-лайн, степень полноты правительственных веб-сайтов, деловые взаимодействия с правительством с помощью Интернет. Индекс информатизации общества (ISI) основывается на 15 показателях, определяющих способность граждан страны обмениваться информацией внутри страны и с внешним миром. Показатели агрегированы в 4 группы: компьютерная инфраструктура (ПК на 1 жителя, ПК на 1 домохозяйство и др.), инфраструктура Интернет (уровень электронной торговли и др.), информационная инфраструктура (сотовых телефонов на 1 жителя и др.), социальная инфраструктура (коэффициент приема в вузы и др.).

Все перечисленные показатели являются частными индикаторами эффективности контрактных отношений и регулирующих их институтов в информационном пространстве. Однако по причине несовершенства информационной базы украинской статистики применение данных показателей чрезвычайно затруднено.

В заключение следует отметить, что сформировавшаяся в Украине информационная экономика имеет «очаговый» характер. Успехи в информатизации достигнуты за счет использования зарубежного

оборудования или оборудования, собранного в стране с помощью «отверточного» производства. Большая часть программного обеспечения используется нелегально, причем как в секторе частного предпринимательства, так и в государственном. Ситуация всеобщей нелегальности программного обеспечения в Украине стала медленно изменяться лишь в последнее время. Информационное преимущество стало в Украине важным фактором перераспределения экономических и политических ресурсов, что в дальнейшем может привести к еще большему углублению неравенства и нестабильности. Обобщая вышеизложенное, следует выделить основные направления трансформации институциональных структур в информационной экономике:

- институциональная структура, формирующаяся в условиях информационной экономики, приобретает слабо контролируемые в правовом отношении, подвижные и гибкие формы;
- в условиях информационной экономики институт прав собственности постепенно распространяет своё влияние на виртуальный тип собственности, структура способов связей между институциональными объектами усложняется и приобретает новые свойства и направления, в результате, одновременно реализуется конгломерат преимущественно горизонтальных видов связи;
- внедрение системы показателей, отражающих уровень информатизации экономики и роли государства в управлении данным процессом, в систему общегосударственной статистики. Общим показателем качества институциональных структур в информационной экономике может быть соотношение дополнительных издержек, которые связаны с контрактными отношениями, обеспечивающими снижение риска и неопределенности на основе перераспределения прав собственности, и дополнительных издержек, которые обусловлены повышенным риском и неопределенностью рыночной среды. Внедрение и использование данного показателя в общегосударственной статистике будет способствовать выявлению тенденций трансформации современных институциональных структур, содействовать углублению анализа процессов развития информационной экономики в целом.

В целом, следует отметить, что недостаточный уровень развития институционального контура, присущего природе современного информационного общества, обуславливает необходимость научно-практического поиска способов формирования новых и адаптации известных институтов к украинской действительности. Дальнейшего исследования требуют экономические и социально-культурные последствия формирования информационного общества, которые могут принимать позитивный и негативный характер.

Список литературы

1. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество / Д. Тапскотт. – К. : INTpress; М. : Релф-бук, 1999. – С. 393.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – С. 50.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – С. 51.
4. Миндели Л. Э. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний / Л. Э. Миндели, Л. К. Пипия // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 3. – С. 119.
5. Самюэлс У. Дж. Институциональная экономическая теория. Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. / У. Дж. Самюэлс. – СПб. : Экон. шк., 2002. – Т. 1. – С. 128.
6. Kelly K. New Rules for the New Economy. Ten Radical Strategies for a Connected World / K. Kelly. – N.Y., 1998. – P. 2.
7. Федулова Л. Тенденции становления новейшего технологического уклада мировой экономики: роль управления интеллектуальной собственностью / Л. Федулова, Л. Цыбульская // Экономика Украины. – 2011. – № 12. – С. 23–36.
8. Стрелец И. А. С 84 Сетевая экономика : учебник / И. А. Стрелец. – М. : Эксмо, 2006. – 208 с.

Е. П. Миколенко

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Резюме

У статті проаналізовані теоретичні погляди на визначення інституційної структури системи; виділені функціональні завдання інституційної системи. Показана роль інститутів у процесах адаптації, досягнення мети на користь системи, інтеграції і підтримки зразка.

Зроблено висновки, що система схильна до переходу на інший рівень організованості в результаті як випадкових подій, так і подій з наперед зумовленими кінцевими результатами, способами і механізмами досягнення поставленої нею мети. Цілеспрямовані зміни не повинні зачіпати жорстке ядро інституційної структури, щоб не руйнувалися стійкі взаємозв'язки системи, що забезпечують її цілісність, досягнення об'єктивних цілей, коли можна передбачити напрям подальшого розвитку системи.

Summary

The article analyzes the theoretical views on the definition of the institutional structure of the system; functional tasks of the institutional system are outlined. The role of institutions in the processes of adaptation, integration, and maintenance of a sample are considered.

The author made the conclusion that the system tends to move to the next level of organization in the result of as the random events and the events with the pre-determined outcomes, methods and mechanisms to achieve it. The opinion that the targeted changes should not affect the hard core of the institutional structure not to destroy the stable relationship of the system to ensure its integrity, goal achieving when the future development of the system can be predicted, is proved.

Ключевые слова: інститути, інституціональна структура, адаптація системи, ціннісна система, культура, традиції.

Хозяйственная деятельность человека определяется его интересами, основой которых являются постоянно растущие потребности. Интересы, а также их схожесть, с одной стороны, могут объединять индивидов в отдельные социальные группы, организации и другие

общности, с другой стороны, они являются внутренним источником противоречий, конфликтов внутри общества и фактором его непрерывного развития. С точки зрения системного подхода общество представляет собой целостный организм или структуру, который наделен характеристиками завершенности, тотальности, сложности. Его внутренняя форма организации обеспечивает единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей [11, с. 462]. Изучая такие взаимосвязи, мы изучаем институты, которые создают структуру стимулов, регулирующую человеческое поведение, и играют значительную роль в выполнении функциональных задач системы, служащих удовлетворению ее элементарных потребностей.

Различные аспекты проблемы выявления роли институтов в различных институциональных процессах отражены во многих работах отечественных и зарубежных авторов. В частности, необходимо выделить теоретические исследования таких ученых: Д. Норта [9], Ф. А. Хайека [12], А. А. Гриценка [4], В. В. Липова [4; 5], О. Л. Яременко [4], В. В. Дементьева [2] и др. Значительная роль в разработке данной проблемы отведена фундаментальным трудам К. Маркса [7].

Целью исследования является выявление роли институтов в процессах адаптации, достижения цели, интеграции и поддержания образца экономических систем.

Институт можно рассматривать как некий механизм социального контроля, который имеет результатом структурированное взаимодействие между людьми, придание этим взаимодействиям некой устойчивой формы, уменьшая уровень неопределенности среды [2, с. 16]. Общественные геосоциальные организмы, имеющие отчетливые территориальные границы, называются странами или экономическими системами. Они представляют собой организованные институциональные модели связей и отношений между людьми в пространстве и во времени. По мнению Макконела и Брю, экономическая система характеризуется таким набором институциональных структур и координирующих механизмов [6, с. 38], которые способствуют ее эффективному функционированию. Институциональная структура,

согласно Д. Норту, является комбинацией формальных правил и неформальных ограничений, а также особенностей их выполнения [9, с. 20]. Для того чтобы люди придерживались установленных или общепринятых формальных и неформальных правил, создаются различные координирующие механизмы.

Экономическая система структурно состоит из подсистем и ее элементов. В зависимости от научного направления исследований ученые разделяются во взглядах относительно выделения подсистем. Еще представители классической политической экономии: Г. Шмоллер, Ф. Лист, Л. Пазинетти отмечали, что экономика состоит из экономического (материального) базиса и институциональной надстройки, и главная задача правительства – это построить такие институциональные основы, которые бы позволили обществу получать максимальную дополнительную стоимость при заданных объемах ресурсов на уровне базиса [1, с. 141].

К. Маркс и его исторический материализм рассматривает структуру экономики также как сочетание базиса и надстройки. Базис определяется совокупностью производственных отношений и является первоосновой всех происходящих процессов в обществе. Надстройка является совокупностью политических, правовых, религиозных институтов общества, а также нравственных, эстетических, философских воззрений в нем [7, с. 7].

Он также пришел к выводу о том, что уровень развития общественных отношений (надстройка) может тормозить или способствовать развитию экономики. Представленное К. Марксом толкование институциональной надстройки позволило ему первым из экономистов детально рассмотреть институты как регуляторы экономических отношений, создающих стимулы к осуществлению хозяйственной деятельности. Очевидно, что существование, внедрение или создание одних и тех же институтов в разных обществах будет способствовать появлению отличающихся стимулов и мотивов в хозяйственной деятельности, основанной на уже сформировавшейся институциональной системе.

Американский ученый Т. Парсонс обращает внимание на институциональные системы, подсистемы и рассматривает их как

устойчивые комплексы правил, норм, установок, регулирующих человеческое поведение [10]. Кроме выделения подсистем Т. Парсонс в своей знаменитой концепции (AGIL) обозначает, что любая система задана набором функциональных задач, служащих удовлетворению ее элементарных потребностей на уровне различных подсистем: адаптация, достижение цели в интересах системы, интеграция, поддержание образца.

Ведущее место по сохранению и воспроизводству образца, как представления о желаемом типе социальной системы, отводится согласно его концепции ценностям. Трудно не согласиться, ведь ценностная система, сформированная в обществе, помогает индивиду быстрее социализироваться, при этом сохранить свою индивидуальность, взгляды, психологические особенности, сформировать и проявлять неким образом свое отношение к миру. Наиболее важным элементом ценностных установок являются этосные ценности, именно эти праценности передают и закрепляют из поколения в поколение социальный опыт нации, или определенные знания, способствуют сохранению глубинных корней ценностей хозяйственной культуры страны. Уникальная хозяйственная культура, в свою очередь, является той отличительной особенностью общества страны, выделяет ее среди всех, тем самым априори предоставляет некоторые преимущества в условиях глобального взаимопроникновения экономических систем. Она определяет ее самобытность и представляет собой систему ценностей, правил, традиций, знаний, обеспечивающих мотивацию и регулирование хозяйственной деятельности, определяющих форму ее осуществления [3, с. 11].

Сложившаяся ценностная система в стране, в некоторой степени, определяется и задается предыдущим путем ее развития, что ограничивает возможности выбора в будущем наследием ценностной системы прошлого.

Согласно В. В. Липову, ценности оказывают также значительное влияние на эффективность норм, а выполнение норм само по себе является ценностью [5, с. 117]. Ведь ценностные установки побуждают человека поступать так или иначе в различных условиях: урегулированных нормами и правилами или нет, поэтому ценности

и нормы выполняют в обществе равнозначные функции и являются общественными регуляторами. Итоговые нормы, в свою очередь, не являются спонтанными и зависят от религиозных установок, идеологии и др.

Нормы, согласно концепции Парсонса, выполняют функцию интеграции, роста целостности системы в результате появления новых взаимодополняющих связей. Само по себе наличие норм, которые представляют собой общеобязательные закрепленные, регулируемые правила поведения, не приносит той функции, которая ей отводится в концепции, но их признание общественным сознанием, выполнение, а также существование неких механизмов контроля формируют в обществе структурированные отношения. Благодаря этому появляются новые связи, изменяются старые, упорядочиваются существующие, что приводит к некой самоорганизации системы, изучением которой занимаются кибернетический и синергетический подходы.

Синергетический подход значительную роль в процессах развития системы отводит случайным событиям, а кибернетический предполагает наличие заранее определенной цели [8, с. 193].

На наш взгляд, экономическая система, которая обладает особыми свойствами, под влиянием изменений внешней среды склонна к переходу на другой уровень организованности в результате как случайных событий, так и событий с заранее предопределенными конечными результатами, целеполаганиями, способами и механизмами достижения поставленной ею цели. В данном случае речь идет как о целях, поставленных управляющими органами (политической элитой), так и о качественной определенности существования и развития экономической системы, которая проявляется в соответствующей направленности этого развития [4, с. 37]. Целенаправленное движение системы осуществляется благодаря механизмам институциональных изменений, а оценка самих изменений может выступать индикатором соответствия процессов изменений достигаемым целям. Если речь идет о целенаправленных изменениях, то инициаторами изменений могут выступать, прежде всего, органы власти, лидеры организаций, «группы интересов», которые инвестируют средства

в эти изменения или вкладывают ресурсы с целью предотвращения каких-либо изменений, угрожающих их выживанию, создавая при этом монополии, которые задают низкий уровень проведения элитой (лидерами) институциональных изменений, как это происходит в реалиях украинской экономики.

Сложившаяся со временем институциональная структура экономики под воздействием экзогенных и эндогенных факторов эволюции, ее способность к целенаправленным или спонтанным (объективно закономерным) изменениям, а также гибкость институциональной матрицы обеспечивает ее адаптивную способность – четвертую функцию системы. Или способность некоторых обществ справляться с потрясениями, гибко приспосабливаясь к ним, и формировать институты, которые эффективно работают с измененной «реальностью» [9, с. 21].

Формально закрепленные институты в процессе развития общества формируют такую институциональную структуру, которая со временем под воздействием меняющихся процессов окружающей среды изменяется. Неформальные же ограничения, сформированные в течение длительного периода времени, изменяются намного медленнее и играют ключевую роль в эволюционном развитии общества.

Институциональная структура общества содержит в себе жесткое ядро, которое несет в себе его генетическую информацию, подвергается медленным эволюционным изменениям. Более быстрые адаптивные процессы происходят, как правило, на уровне гибкой оболочки, представленной комбинацией как формальных правил, так и неформальных ограничений. Адаптационная способность формальных и неформальных институтов отличается.

Институциональная система общества с точки зрения отношения к миру индивидов и сложившихся взаимоотношений с ним В. В. Липовым представлена несколько иначе, чем у Д. Норта, в виде иерархической пирамиды (структуры), в основе которой находятся именно ценности и ценностные ориентации (внутренний компонент личности), глубоко закрепленные в общественном сознании. Верхние ее уровни составляют хозяйственные индивидуальные умения и организационные рутины, неформальные (регулируют отношения

личности с окружающим миром) и формальные институты (нормы, законы, правила) [4, с. 863].

Как уже упоминалось, формальные институты изменяются намного быстрее, чем неформальные, поэтому несут в себе потенциал к более быстрой адаптации системы. Яременко О. Л. отмечает еще одну особенность данного процесса: наличие множества социально приемлемых норм позволяет также такой системе быть более адаптивной, поскольку каждый раз включается именно та норма, которая наилучшим образом отражает данную ситуацию [4, с. 93]. Это означает, что более широкое законодательное поле страны также предоставляет ей некоторые преимущества в процессе приспособления.

Хайек утверждал, что культура представляет собой процесс «передачи во времени нашего совокупного объема знаний» [12, с. 78], в которое он включал все результаты человеческой адаптации к среде, выведенные из прошлого опыта, то есть помимо институтов – привычки, навыки, эмоциональные установки. Кроме накопления, культура позволяет индивиду практически реализовать накопленные знания и представить их в обществе в виде ценностей. Следовательно, чем больше индивиды накапливают доступные им знания и навыки, тем больше у них будет возможности понимать их, использовать и принимать решения в условиях неопределенности, постепенно изменяя и институты.

Культура общества благодаря ее кумулятивным особенностям включает опыт принятия решений многих поколений и те знания, которые человек в одиночку может не накопить за всю жизнь. В этой ситуации немаловажная роль отводится созданной сети коммуникаций в обществе, общедоступность, включенность большего числа индивидов, накопление релевантной информации. Очевидно, что чем всестороннее развит индивид, тем лучше он сможет приспособиться к все более сложным институциональным изменениям, которые сопровождают современный глобальный мир. Конкуренция же заставляет общество постоянно вкладывать ресурсы в развитие навыков, знаний, необходимых для выживания, преодолевая рассеянность этих знаний.

Такие регуляторы общественных отношений как традиции также создают адаптационную эффективность системы, так как формируют национальные особенности культуры, ментальности общества. В определенной степени предопределяют ход и направление институциональных изменений внутри системы и их адекватность изменениям внешней среды. Согласно Хайеку, по пути приспособления ведет человека традиция, которая представляет собой культурное и социальное наследие, опыт, то есть эмпирическую сферу человеческой деятельности.

Рутины, как и традиции, в силу своей институциональной природы позволяют быстрее освоить этот мир, благодаря организационным действиям рутинерства как формы закрепления функции повторения и сохранения неизменности параметров деятельности. Привычки и умения позволяют унифицировать стандартные, часто повторяемые процедуры в процессе экономической деятельности, и экономить время и усилия на выбор форм поведения в стандартных ситуациях, что в конечном итоге способствует формированию основ сферы интеллектуальной деятельности человека. Способность к формированию привычек необходима для организационной и поведенческой адаптации индивидов общества и для приобретения впоследствии практических навыков и умений, утвердив собственную индивидуальность. Благодаря индивидуальному восприятию накопленного опыта, последующей передаче тех отобранных знаний, которые будут адекватны и необходимы обществу в конкретный момент времени, происходит дифференциация индивидов. Индивидуализм дифференцирует людей, тем не менее, при объединении индивидов в социальные группы для решения определенной проблемы, способствует синергетическому взаимодействию внутри системы и более успешной адаптации. Традиция органично объединяет индивидуальную активность личности с коллективной самоорганизацией в рамках совместной деятельности. Отсутствие, разрушение или отказ от традиций приводит к преобладанию в обществе краткосрочных проектов развития, которые в современном глобальном рынке не обеспечивают многим странам, в том числе и Украине, ни опережения в борьбе с конкурентами, ни выживания для остальных. Как показала

практика многих стран, синергетический эффект мобильной рекомбинации накопленного традициями опыта (компетенций, навыков, знаний) с привлечением новых стратегических ресурсов с целью создания инновационных продуктов и услуг способствует более успешной адаптации экономических систем.

В заключение отметим, что в современном мире в условиях быстро меняющейся среды трудно переоценить роль ценностной системы в сохранении и поддержания образца, которая способствует существованию уникальной хозяйственной культуры, являющейся отличительной особенностью страны. Признание, выполнение индивидами общеобязательных, закрепленных норм поведения формируют в обществе структурные отношения, вследствие чего появляются новые связи, упорядочиваются старые, что приводит к некоторой самоорганизации системы. Сделаны выводы, что система склонна к переходу на другой уровень организованности в результате, как случайных событий, так и событий с заранее предопределенными конечными результатами, способами и механизмами достижения поставленной ею цели. Целенаправленные изменения не должны затрагивать жесткое ядро институциональной структуры, чтобы не разрушались устойчивые взаимосвязи системы, обеспечивающие ее целостность, достижение объективных целей, когда можно предсказать направление дальнейшего развития системы.

Обществом должна быть осознана насущная потребность в сохранении собственных сильных основополагающих традиций, культурного наследия для проявления собственной индивидуальности на международной арене, в формировании множества качественных, понятных для индивидов, регулирующих норм поведения, что способствует более успешной адаптации системы к условиям постоянно изменяющейся среды.

Список литературы

1. Бортіс Г. Інституції, поведінка та економічна теорія : внесок до класико-кейнсіанської політичної економії : пер. з англ. / Г. Бортіс. – К. : Вид-во Києв.-Могил. акад., 2007. – 557 с.

2. Дементьев В. В. Институты: проблема определения понятия / В. В. Дементьев // Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк : ДонНТУ, 2009. – 500 с.
3. Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства / Н. Н. Зарубина. – М. : Магистр, 1998. – 360 с.
4. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / под ред. д-ра экон. наук А. А. Гриценко. – Х. : Форт, 2008. – 928 с.
5. Липов В. В. Развитие экономической теории как эволюция понимания ценностной составляющей хозяйственной деятельности человека // От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России. Т. 2. – М. – Волгоград : Изд-во Волгоградского ГУ, 2002. – С. 113–126.
6. Макконнелл К. Р. Экономикс принципы, проблема и политика / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М. : Инфра-М, 2003. – 972 с.
7. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Сочинения, 2-е изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – Т. 13. – С. 5–9.
8. Никонова А. Самоорганизация в стратегическом управлении сложными системами / А. Никонова // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 9–10. – С. 93.
9. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 256 с.
10. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.
11. Философский словарь / под ред. Фролова И. Т. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1986. – С. 462.
12. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хайек. – М. : Новости, 1992.

УДК 330.101

В. А. Павленко

ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Резюме

У статті розглянуто особливості і форми інституціоналізації інноваційної діяльності в умовах переходу суспільного виробництва від технологій high-tech до технологій high-Hume. Інноваційна діяльність вивчається як ланка в ланцюжку науково-виробничого циклу з урахуванням специфіки національного інноваційного простору. Зроблено висновок, що державне регулювання інноваційної діяльності покликане концептуально проектувати і регулювати напрями інноваційної інституціоналізації, припиняти випадки варварського використання інноваційного простору і, зокрема, його суб'єктивної складової, ініціювати спрямованість інноваційної активності на розвиток людини як базової цінності єдиного інноваційного простору. Виділені основні напрями вдосконалення інституційного середовища України для активізації інноваційного розвитку і нівеляції витрат «долини смерті».

Summary

The article considers peculiarities and forms of innovation activities institutionalization under the conditions of the social production transition from high-tech to high – Hume technologies. The innovation activity is studied as a link in the chain of a research and production cycle with regard to specifics of the national innovation space. Concluded that state regulation of innovation designed to conceptually design and adjust the direction of the institutionalization of innovation, prevent cases of barbaric use of innovative space and, in particular, its subjective component, initiate innovation activities focus on the development of man as a basic value of a single innovation space. The basic ways of improving the institutional environment for enhancing Ukraine innvatsionnogo development costs and leveling «valley of death».

Ключевые слова: институты, инновационное развитие, единое инновационное пространство, индустриальные парки.

Переход отечественной экономики к социально ориентированной инновационной модели требует кардинальной трансформации многих областей хозяйственной деятельности. При этом в ряду программных

мероприятий по развитию инновационной предпринимательской деятельности (включая: создание условий для свободы предпринимательства и конкуренции, развитие механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества; снижение административных барьеров в экономике; формирование условий для массового создания новых частных компаний во всех отраслях экономики, совместная с бизнесом работа по повышению общественного статуса и значимости предпринимательства и собственности) необходимо решить целый комплекс проблем государственного регулирования экономического развития [1].

Базовым вопросам управления инновационным развитием экономики и осуществления эффективных инноваций посвящены труды И. Ансоффа, А. И. Анчишкина, В. М. Аньшина, А. И. Берга, А. И. Богданова, С. Ю. Глазьева, М. В. Грачевой, Т. Давила, А. А. Дагаева, П. Дракера, Е. Домара, К. Жугляра, Дж. Китчина, Г. Б. Менша, Э. Менсфилда, Б. З. Мильнера, Н. К. Моисеева, К. Найта, Н. А. Новицкого, А. Б. Олейника, Г. Питерса, М. Портера, Б. Санто, Р. Солоу, А. И. Татаркина, Б. Твисса, А. В. Тебекина, Э. А. Уткина, Р. Уоттермена, Р. А. Фатхутдинова, Х. А. Хартмана, Й. Шумпетера, Ю. В. Яковца, Э. Янча и других.

Теоретические и методологические исследования институциональных особенностей инновационной деятельности носят абстрактный характер и не отличаются системностью. Отсутствие единого мнения о путях создания наиболее благоприятных условий инновационного развития, а также недостаток методологических разработок, касающихся специфики регулирования сложных систем межсубъектного взаимодействия, обуславливают поиск инструментов создания институциональной среды, способствующей разработке и внедрению инноваций.

Решению данного вопроса и посвящена представленная статья, целью которой является освещение результатов исследований по данной проблеме.

Теоретико-экономическое знание об организации инновационной деятельности является широким полем для приложения методологического инструментария институциональной экономики. Методология

институционализма позволяет органично увязать микро- и макро-уровни исследований, способствует появлению новых перспектив научного поиска. Сочетание макро- и микроуровней исследований позволяет определить не только характер, но и глубину происходящих институциональных изменений и трансформаций, а также создает базу для построения прогнозов и перспектив дальнейшего хода трансформационного процесса. Расширяющийся поток усовершенствований и новшеств при переходе от эпохи высоких технологий (high-tech) к эпохе экономики знаний (high-Kume) ведет к глубоким качественным изменениям в общественной жизни, к осознанию масштабности, мощности и эффективности инновационного источника экономического развития [2].

Институционализация инновационной деятельности как общеэкономическая закономерность проявляется в социально-технологических, социально-экономических и социально-организационных формах. Если в основе дифференциации социально-технологических форм лежат значительные для общества инновации, то генезис социально-экономических форм основан на развитии отношений интеллектуальной собственности, при этом социально-организационные формы можно представить как своеобразное соединение оснований предыдущих форм со специфическими факторами условий производства и жизнедеятельности человека.

Анализ факторов, определяющих потенциальные возможности формирования инновационной среды, показал, что по своему содержанию инновационная среда любой экономической системы включает:

- поставщиков инновационных идей (генераторов инноваций);
- непосредственно инновации как совокупность научных, научно-технических результатов и продуктов интеллектуального труда;
- потребителей инновационной продукции (товаров, работ, услуг);
- инвесторов, осуществляющих рисковое финансирование всего комплекса работ по созданию, внедрению и распространению инноваций;
- законодательно-правовую базу осуществления инновационной деятельности;
- внешнюю инновационную инфраструктуру, включая технопарки,

бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования специализированного испытательного и измерительного оборудования, консалтинговые компании и т. д.;

– внутреннюю инновационную инфраструктуру, включая систему информационного обеспечения, систему подготовки кадров, инструментально-производственную систему исследований и разработок и т. п.

«Информационно-инновационная» революция, подобно «компьютерной» и предшествующим промышленным революциям, развивается согласно закономерности жизненного цикла инноваций. Сначала происходит бурный рост, наблюдаются завышенные ожидания и неоправданный оптимизм. Это, как правило, ведет к разорению большинства игроков в новом секторе экономики и обогащению фирм, которые не являются разработчиками или новаторами внедрения новшеств, но обнаруживают экономически эффективные и неожиданные способы их использования (так называемый «вторичный рынок» новшеств). Затем происходит эволюционное развитие нового сектора экономики. Поэтому создание превентивных институтов защиты инновационных предприятий является важным механизмом создания эффективной инновационной среды.

Следует отметить, что государство ведет работу по созданию инновационной сферы, но при этом остаются открытыми многие вопросы, связанные как непосредственно с инновациями, так и с областями прямо или косвенно связанными со средой. Сегодня в научном сообществе Украины правомерно обсуждаются такие проблемы, как развитие инновационных и информационных технологий, формирование новой экономики, поиск места экономики Украины в глобальном экономическом и технологическом пространстве.

В последние годы само понятие «пространство» в работах ученых приобретает все большую популярность и актуальность. В научной и периодической литературе речь идет о вступлении Украины в европейское и мировое экономическое пространство, включая политико-правовое, информационное, культурное или образовательное пространство. Интеграционные процессы включают объединение деятельности и территорий, в пределах которых действуют общие принципы, нормы, согласованные требования.

Единое инновационное пространство (ЕИП) охватывает внешнее и внутреннее по отношению к НИС пространство ее функционирования, включает совокупность используемых ресурсов и способов действия (внутренние характеристики системы), а также многообразие внешних условий (политические, правовые, социальные и этические нормы, регулирующие хозяйственную деятельность; действия других экономических систем, партнеров или конкурентов) [2; 3]. Спецификой характеристик среды НИС является их подвижность, изменчивость, динамизм. Эта специфика определяет потребности в совершенствовании как внутренних, так и внешних характеристик НИС, ее адаптации к изменениям, постоянному обновлению и совершенствованию. В связи с дискретной природой инноваций важным оказывается также учет фактора времени.

Дальнейшая институционализация инновационной деятельности связана с мировоззренческим, моральным, духовным потенциалом человека и общества. Многоуровневая, неоднородная, разнонаправленная совокупность всего комплекса инновационных отношений отражается в «тектоническом сдвиге» в сознании населения, и, прежде всего, на уровне личности, как основного субъекта экономики.

Инновационное пространство характеризуется, по меньшей мере, двумя измерениями – объективным и субъективным. Если объективное измерение отражает реально существующие элементы системы, то субъективная составляющая охватывает формы проявления экономических отношений по поводу воссоздания (воспроизводства) форм экономического субъективного пространства в связи с участием экономических субъектов в общественном воспроизводстве с целью удовлетворения их потребностей. Субъектами этих отношений являются индивиды и организации, их объединения, общество в целом. Их объектом оказываются ресурсы, условия, процессы и результаты общественного воспроизводства как производимого продукта, так и самого человека. Развитие указанных отношений требует целенаправленной деятельности для удовлетворения разнообразных потребностей, включая производственные путем воссоздания ЕИП. Субъективное измерение ЕИП охватывает практически все экономическое пространство с точки зрения его

основного субъекта. Сужение ЕИП, загромождение его другими объектами, «информационный шум» и т. п. – все это непосредственно воздействует на качество инновационной деятельности и препятствует выполнению тех или иных функций. Для расширения субъективного измерения инновационного пространства могут быть привлечены разнообразные факторы.

Одним из таких факторов может стать диалог между действующими лицами инновационных отношений, и в частности, таких триад, как «образование – наука – бизнес», «государство – бизнес – население» и т. п. Такой диалог можно считать минимальным и центральным элементом динамической составляющей инновационного субъективного пространства, а также источником, который питает всю среду экономического взаимодействия.

Так, в 2011 году было создано государственное агентство по инвестициям и управлению национальными проектами, призванное создавать все условия для развития сферы. В законе о создании агентства на него возлагаются обязанности по мониторингу и поиску инвестиционно привлекательных областей промышленности, поиску инвесторов и компаний, которые могут реализовать данные проекты.

На данный момент основным вектором деятельности агентства является создание в Украине индустриальных парков. В поддержку деятельности агентства в сентябре 2012 года вступил в силу закон «Про индустриальные парки», соответственно которому будет создано 10 индустриальных парков – как новых, так и на базе обанкротившихся предприятий, что должно благоприятно сказаться на создании инновационной среды. В таком парке планируется выделять не менее 20% площади под создание инноваций (исследовательские центры, наука и образование). Данные индустриальные парки должны дать толчок к развитию, внедрению и использованию инноваций не только на их территории, но и по всему государству [3].

Все эти факторы призваны помочь компании не только на начальной стадии ее развития, но и на стадии непосредственной производственной деятельности. В то же время, есть еще одна область, в которой государство могло бы помочь инновационным компаниям. Эту область называют «долиной смерти» [4].

«Долина смерти» – это спад, который возникает на промежуточных стадиях инновационного процесса, чаще всего после окончания разработок и в начале этапа производства. «Долину смерти» преодолевают коммерциализацией продукта и завершают в момент выхода компании или ее продукта на самоокупаемость.

Важными факторами, увеличивающими протяженность «долины смерти», является отсутствие у инновационных компаний навыков и опыта работы за рубежом, и понимания современных тенденций целевых рынков. Иными словами, для успешного преодоления «долины смерти» компания должна обладать продуманной действенной маркетинговой стратегией и способностью претворить ее в жизнь. Помощь государства на этой стадии может заключаться в прямом или косвенном содействии инновационной компании в выводе ее продукции на рынок.

Во-первых, государство может осуществлять информационную поддержку статистическими и маркетинговыми материалами. Это может быть осуществлено посредством создания государственного банка маркетинговых данных, куда компания может обратиться, например, на определенных льготных условиях.

Во-вторых, государство может организовывать или способствовать организации обучающих семинаров и курсов для сотрудников инновационных компаний, занимающихся маркетингом и рыночным планированием.

В-третьих, государство может обеспечивать нетворкинг (от англ. Networking – создание сети полезных деловых связей и контактов), представляя молодым инновационным компаниям помощь в поисках потенциальных клиентов.

Такая помощь практикуется в небольших странах с развитой экономикой, которые в дополнение к уже развитым отраслям стремятся развить на своей территории инновационную экономику. Хорошими примерами таких стран служат Финляндия, Швейцария и Люксембург [4].

Можно сделать вывод, что диалогические реакции экономических субъектов являются наиболее эффективными факторами формирования институтов субъективного измерения экономического

пространства. Оно может быть выражено параметрами скорости реакций на социально значимые изменения; различием идей и подходов к разрешению актуальных проблем экономики. Следует учитывать и то, что в условиях виртуализации общества обостряются противоречия определения и корректировки целей и направлений движения ЕИП на всех уровнях экономической системы.

В корпоратизированном обществе производственным ресурсом и объектом эксплуатации становится сознание человека, коллектива, населения. Поэтому государственное регулирование инновационной деятельности призвано концептуально проектировать и регулировать направления инновационной институционализации, пресекать случаи варварского использования инновационного пространства и, в частности, его субъективной составляющей, инициировать направленность инновационной активности на развитие человека как базовой ценности единого инновационного пространства.

Основными действиями государства должны быть:

1. Формирование законодательной базы для создания, внедрения и использования инноваций.
2. Предоставление льготного финансирования, поиск инвесторов.
3. Помощь в вопросах внедрения и использования инноваций.
4. Всевозможное содействие участникам инновационного процесса на стадии становления рынка.
5. Активное участие в жизнедеятельности всей системы.
6. Надзор и контроль процессов, протекающих в инновационной среде.

Список литературы

1. Амоша О. І. Інноваційний шлях розвитку України: проблеми та рішення / О. І. Амоша // Економіст. – 2005. – № 6. – С. 28–32.
2. Орешенков А. Институциональные аспекты развития и взаимодействия национальных инновационных систем стран Европейского союза / А. Орешенков // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 1. – С. 45–56.
3. Про індустриальні парки : Закон України від 21.06.2012 № 5018-VI.
4. Минко И. С. Адаптивность и инновации в экономических системах [Электронный ресурс] / И. С. Минко, Л. К. Шамина // Экономика

и экологический менеджмент : электронный научный журнал. – 2011. – № 1. –
Режим доступа : <http://economics.open-mechanics.com/articles/295.pdf>

5. Ефимушкин С. Н. Совершенствование национальной инновационной системы как основы экономического роста (опыт Финляндии) / С. Н. Ефимушкин, А. Б. Овсянникова // Рос. предпринимательство. – 2004. – № 6. – С. 20–26.

УДК 33:36

*А. В. Саленков***ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА
СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В ЭКОНОМИКЕ****Резюме**

Розглянуто інституційну природу соціальних гарантій і на цій підставі розкрито причини та протиріччя зростання сукупної потреби в соціальних гарантіях у світовій економіці.

Summary

This paper analyses the institutional nature of social safeguards and from it proceeding reveals reasons and contradictions of aggregate demand growth for social safeguards in the world economy.

Ключевые слова: социальные гарантии, институты, справедливость, неопределенность, риск, развитие.

Социальные гарантии оказывают существенное влияние на экономические институты общества – как один из согласующих критериев их функционирования, как фактор доверия, как механизм обеспечения социальной справедливости. В процессе рыночных реформ и социализации экономики институт социальных гарантий выполняет важную роль границы допустимых и приемлемых изменений. Понимание этой границы дает возможность более четко планировать национальную стратегию инновационного развития и институциональных реформ в условиях рыночной трансформации и глобализации.

С социальными гарантиями тесно взаимосвязана проблема финансовой и макроэкономической стабильности. Институциональная несбалансированность социальных гарантий оборачивается их финансовой несбалансированностью, как текущей, так и перспективной. Жесткие бюджетные ограничения требуют от общества находить оптимальные пропорции распределения национального богатства между целями социальной стабильности и справедливости, с одной стороны, и целями экономического роста и повышения национальной конкурентоспособности – с другой. Для этого необходимо четкое понимание институциональной природы

социальных ограничений и социальных гарантий как важного внутреннего механизма стабилизации трансформационной экономики.

В научной литературе сложилась определенная традиция анализа социальных гарантий в координатах институциональной парадигмы. Представители социально-институционального направления экономической науки [1; 4; 7; 8] оценивают социальные гарантии с точки зрения всеобщих производительных сил социума, которые играют важную роль в создании предпосылок рынка и его механизмов. По мнению этих ученых, социальные гарантии играют важнейшую роль в обеспечении так называемой пороговой социализации экономики, без которой невозможен рациональный выбор как универсальная поведенческая предпосылка рынка и рыночного механизма распределения и использования экономических ресурсов. Такой подход, по сути дела, отводит социальным гарантиям роль комплементарного сегмента современных рыночных систем.

В то же время, в экономической науке пока еще не обращено достаточного внимания на историческую динамику феномена социальных гарантий. В частности, не ставится и не решается такая проблема: каким образом можно сочетать императив рискованного инновационного развития хозяйственных систем в условиях глобализации с жизненной необходимостью обеспечения оптимального уровня социальных гарантий. На наш взгляд, это обусловлено недостаточным вниманием к исторически обусловленной институциональной природе социальных гарантий как важного элемента экономической структуры общества.

Целью статьи является обоснование особой роли институциональной природы социальных гарантий и их роли в обеспечении условий экономического равновесия.

Активизация роли институционального фактора в функционировании современных хозяйственных систем обуславливает необходимость последовательной институциональной трактовки социальных гарантий. В этом случае можно понять причины как устойчивости, так и изменчивости социальных гарантий под влиянием глубоких технологических и ценностных сдвигов, происходящих сегодня в большинстве экономик. «Поскольку в современном обществе

институциональные условия достаточно динамично изменяются, постольку возникает необходимость в постоянном институциональном анализе, призванном дать ключ к пониманию модификации содержания экономических процессов», – обоснованно считает А. А. Гриценко [3, с. 96].

Хозяйственным системам изначально присуща способность изменяться, что оказывает существенное влияние на характер и содержание хозяйственной деятельности людей. Функциональные модели экономической реальности, как правило, вынуждены выносить за скобки процесс изменений – с одной стороны, как слабо проявляющийся на коротких и средних интервалах, а с другой стороны, как слишком сложный для наличного методологически инструментария. Именно поэтому в периоды фундаментальных сдвигов коэффициент полезного действия функциональных моделей резко снижается, и возникает спрос на альтернативные модели, в том числе, и институциональные. К. Поланьи отметил, что изменения фундаментального уровня хозяйственных систем могут и должны рассматриваться в науке как изменения способов институционального оформления (структурирования) экономического процесса в разные эпохи и в разных условиях [12, с. 36].

Институты в экономике принято связывать с их особой ролью в функционировании и развитии хозяйственных систем. Прежде всего, понятие института в современной экономической науке соотносится с понятием выбора как его диалектическое отрицание. Институт – это то, что *снимает* (в некоторых пределах) *проблему выбора для субъекта*, который обладает правом (полномочием) выбора [3; 6; 10]. Например, В. В. Дементьев данный признак института ставит на первое место: «Исходный признак (определение) института состоит в том, что это есть нечто, не укладывающееся в содержание рационального выбора на основе ценового механизма и иное по отношению к нему» [6, с. 12].

Для целей настоящего исследования является принципиально важным, что в силу наличия такого устойчивого фактора как институты, лишь часть экономических ресурсов общества подлежит распределению и использованию посредством механизма рационального

выбора. *Над-рыночная* природа социальных гарантий делает институциональный подход к их изучению, как минимум, перспективным. Если принять, что следование институтам не требует специальных рациональных оценок, то поведение достаточно институционализированных хозяйственных систем должно рассматриваться не только как процесс и следствие рационального выбора субъектов, а еще и как результат их следования институциональным предписаниям¹.

Институты обладают важным социальным качеством устойчивости или инерции: они придают всеобщий и безальтернативный характер такому образу (способу) действий, который сложился в прошлом, и поэтому не может и не должен меняться в ответ на любое изменение условий хозяйственной деятельности. Благодаря изначальному консерватизму институтов хозяйственная система получает дополнительный механизм устойчивости во времени, сохраняя свое качество в меняющихся условиях производства и обмена.

Дж. Ходжсон считает причиной долговечности институтов их способность создавать стабильные ожидания [10, с. 29]. На наш взгляд, существует возможность и иного понимания: институты способны создавать стабильные ожидания *благодаря* их долговечности. Данное свойство институтов является исключительно важным для сохранения целостности хозяйственных систем в пространстве и времени: институты – это элемент социального наследия, который делает разные поколения людей участниками одного и того же социального мира и социального процесса, что и формирует устойчивые ожидания как элемент их индивидуализированных интерпретационных программ. Уничтожение институтов означает глубокий поколенческий разрыв, сопровождающийся стиранием информации и обеднением (по крайней мере, на первых порах) содержания экономических форм социума.

Как исторически сложившийся институт социальные гарантии играют важную роль в конституировании сложившегося уровня

¹ «С помощью понятия институт, по сути, описываются механизмы регулирования хозяйственного поведения, не совпадающие с рыночными или, точнее, не сводимые к рыночному» [6, с. 13].

социализации хозяйственных систем. Вследствие общей неустранимой (остаточной) неопределенности функционирования и развития социума всегда сохраняется определенный потенциал десоциализации как движения общества и отдельных индивидов в направлении к до-социальным биологическим детерминантам человеческого поведения.

Социальные гарантии могут рассматриваться как существенный позитивный фактор оптимизации рискованного индивидуального хозяйственного поведения. Наличие гарантированного государством минимума жизненных благ высвобождает потенциал участников хозяйственной системы для принятия свободных и ответственных решений в ситуации относительной неопределенности доходов, занятости, рыночных цен и других важных условий хозяйственной деятельности. Достигаемая, благодаря этому, концентрация креативного ресурса на позитивных рыночных, организационных и технологических инновациях, способствует развитию человеческого капитала и является предпосылкой инновационно-инвестиционной модели экономического роста.

Ценностно детерминированные и институционально структурированные социальные гарантии являются важным составным элементом механизма распределения экономических ресурсов общества. Финансирование системы социальных гарантий может быть отнесено к условно-постоянным расходам государства, которые участвуют в формировании основных параметров национальной бюджетно-фискальной системы. Постоянная составляющая расходов на финансирование социальных гарантий определяется отмеченной выше граничной природой последних: общество должно в любых экономических и финансовых условиях остаться *человеческим* обществом, защищающим своих слабых членов, выделяя для этого некоторый обязательный минимум финансовых ресурсов. В то же время, по мере развития внутреннего содержания социальности как таковой растет и потребность в финансировании социальных гарантий, и финансовые возможности для покрытия этой потребности.

Система социальных гарантий в широком смысле слова, включая формальные и неформальные механизмы и институты, служит

практическим воплощением ценностных критериев экономического устройства общества. Если же система социальных гарантий, сформированная в соответствии с исторически вышедшими критериями справедливости, не занимает подобающего места в системе институтов, то вся эта система, во-первых, утрачивает атрибуты справедливости и легитимности в глазах населения, во-вторых (что, возможно, более опасно) утрачивает практические механизмы внутреннего равновесия.

В зрелых стабильных институциональных системах, которые органически сформировались в ходе естественной коэволюции неформальных и формальных институтов, критерий справедливости носит латентный характер и не обнаруживает себя в процессе согласованного функционирования ценностных основ и институциональных форм хозяйственной деятельности. Дефицит справедливости, как проблема для данного социума, обнаруживает себя в ходе социальных и институциональных реформ как конфликты и кризисы.

Роль справедливости состоит в том, что она выступает как граничное условие для тех институтов, которые предполагают прямые оценочные позиции/действия субъектов и потому не должны санкционировать неэквивалентный обмен, незаработанные доходы или высокие доходы без риска. Например, рациональный выбор потребителя как таковой имеет в своей основе ценности как предпосылку иерархии потребительских предпочтений, кривых безразличия и бюджетных ограничений. Поэтому жить «по средствам» – справедливо, а, значит, правило рационального выбора не нарушает институционального равновесия.

Справедливость институциональных норм и ограничений является благоприятным фоном для возникновения доверия между субъектами этих норм. Напротив, несправедливость норм порождает отчуждение и недоверие. Тем самым, возможности и издержки кооперативного поведения (в том числе, и трансакционные издержки) сильно зависят от фактора справедливости. Справедливые, с точки зрения хозяйствующих субъектов, институты упрощают хозяйственные взаимодействия и способствуют возникновению устойчивых связей в экономике.

С несколько иной точки зрения эту проблему оценил американский социолог Р. Уилкинсон. По его мнению, справедливое распределение доходов порождает достаточный уровень доверия в обществе. Несправедливость (которую Р. Уилкинсон связывает с высоким уровнем неравенства в распределении доходов) порождает обратную ситуацию – ситуацию низкого доверия. Низкое доверие, в свою очередь, отрицательно сказывается на социальном капитале общества: «...там, где уровень неравенства выше, около 15% населения чувствуют, что могут доверять другим. Но в обществах с большим равенством эта доля вырастает до 60–65%. И если вы посмотрите на степень вовлечения в жизнь местных сообществ или социальный капитал, там будет сохраняться похожая связь с неравенством» [10].

Понятия *справедливое, устоявшееся, привычное* часто выступают как весьма близкие. *Непривычное* редко выглядит как *справедливое*, поскольку требует дополнительных усилий для адаптации и порождает достаточно широкое поле поведенческих альтернатив для контрагентов, партнеров или конкурентов. По мере рутинизации инновационных практик они получают шанс выглядеть как более или менее ожидаемые, привычные, и, следовательно, близкие к множеству *справедливых* практик.

Современная глобальная нестабильность имеет свой достаточно четко обозначенный ценностный аспект. В процессе глобализации происходит интенсивное перемешивание социально-экономической информации разного уровня, качества и происхождения. Одним из непосредственных последствий такого перемешивания является рост энтропийных процессов на глобальном, локальном и субъектном уровнях. Механизмы функционирования хозяйственных систем, основанные на ценностных критериях и взаимосвязях, начинают работать со сбоями, подвергаются деструкции.

Примером таких сбоев на глобальном уровне могут служить нестабильность на финансовых рынках, глобальный финансовый кризис 2008–2009 годов, финансовые перекосы глобального масштаба американского платежного баланса и государственного бюджета, многократный рост мировых цен на нефть в последние годы. Жить по средствам, вовремя платить долги, назначать справедливые цены,

соблюдать взятые обязательства – все это ценностные критерии ведения дел в глобальной экономике, имеющие этическое происхождение.

Неуверенность в совпадении ценностей порождает неуверенность в одинаковой трактовке обязательств. Взаимодействие с субъектом-носителем иных ценностей трактуется как ситуация повышенной угрозы, которая требует адекватных усилий по хеджированию дополнительных рисков. Именно здесь заключается исходный пункт роста издержек страхования контрактов, что отражается на величине процентных ставок. Возможность распределения и диффузии ценностного риска с помощью современных финансовых инструментов и продуктов не разрешает эту ситуацию, а лишь переводит ее на более отдаленный уровень.

Институты должны обеспечивать, во-первых, предсказуемость социально значимого поведения субъектов, во-вторых, оптимальное снятие экзогенной неопределенности, что достигается путем ценностно детерминированной селекции технологий и регулирования (ограничения) доступа к ресурсам (регулирование рождаемости, тотем, табу, идеология, экология). Социальные гарантии исполняют обе отмеченные функции институтов. Они обеспечивают поколенную структуру социума, то есть преемственность, сохранение и передачу социального опыта, а значит, и стабильность институционального устройства социума.

Забота о слабых, социальная солидарность, уважение к старости представляют собой одно из внутренних граничных условий хозяйственной деятельности, распределения и использования экономических ресурсов в человеческом обществе, а значит, – и одну из базовых форм снятия внутренней неопределенности.

Присущее индустриальной системе отношение к человеку как к ресурсу, капиталу (например, понятие «человеческий капитал»), отражает достаточно высокую и развитую форму отчуждения. Снятие этого отчуждения и осуществляется в форме социальных гарантий как института. В этом своем качестве социальные гарантии дают возможность дальнейшей капитализации сущностных сил человека, и, соответственно, допускают новый уровень отчуждения, харак-

теризующий постиндустриальное общество (например, электронный контроль над личностью, коммерческая и криминальная трансплантация человеческих органов, так называемые «гуманитарные бомбардировки» для установления демократии и справедливости и т. д.).

В этих условиях объективно востребована консервативная функция института социальных гарантий, которая сохраняет хотя бы внешнюю оболочку социальности и не дает процессам распада дойти до границ социального хаоса. В особенности ярко это проявляется в государствах с массовой миграцией, которые подвержены острым ценностным конфликтам, таким как Франция, Германия, Испания. В этих странах имеет место сильная перегрузка всех государственных институтов (образование, трудоустройство, правоохранительные органы, судебная система), вынужденных действовать в ценностно неопределенной (инородной, а иногда, и прямо враждебной) социальной среде.

Вынужденное выполнение несвойственных функций институционального предела (своего рода системы аварийной защиты социума) делает систему социальных гарантий неэффективной с точки зрения традиционных функциональных критериев. Та же Германия показывает пример долгосрочной тенденции к снижению национальной конкурентоспособности ввиду необходимости тратить огромные ресурсы на интеграцию миллионов мигрантов и жителей бывшей Германской Демократической Республики в сложившуюся систему ценностей и институтов Федеративной Республики Германии.

Особенно болезненно на модели социального государства сказался глобальный финансовый кризис. Стремление отказываться от менее важного для сохранения более важного породило кризис институтов социального государства². Перегруженная институтами и финансо-

² Современный эксперт отмечает: «Кризис нанес мощный удар по социальному государству. Как результат – протестный потенциал накапливается и в развивающихся, и в развитых странах. Представители среднего класса по всему миру считают, что будущее ускользает из их рук. Одни эксперты в этой связи заговорили о смерти «социального государства», другие – о процессе «глобализации гнева». Кризис показал, что ориентация человечества на западные стандарты потребления может привести на грань экологического

выми механизмами социального государства, объединенная Европа сегодня вынуждена под давлением глобальной конкуренции возвращаться к временам жесткой бюджетной экономии.

Исторически генезис социальных гарантий совпадает с генезисом социума. Социальные гарантии определяют качественное отличие общественного состояния от дообщественного. Социальная гарантия может трактоваться как *гарантия социальности*. В этом смысле сам социум исторически возникает как система социальных гарантий фундаментального уровня: есть общество – нет каннибализма. Использование субъектами непосредственно доступных ограниченных ресурсов для опосредования целей и потребностей в социальной среде порождает по отношению к процедурам использования, распоряжения, владения *эффекты рассеивания* власти и контроля над ресурсами. Разделение труда и кооперация являются рискованной формой организации хозяйственной деятельности, поэтому требуют определенных компенсаторов, позволяющих снижать неопределенность по другим параметрам: «Мой ресурс уже не вполне мой, поскольку я его выпускаю из рук и *надеюсь* на благоприятный исход воздействия других субъектов, который может и не случиться».

Как отметил Дж. Коулман, в экономике возможна ситуация, когда индивиды максимизируют полезность, в одностороннем порядке отказавшись от контроля над тем или иным ресурсом: «Если индивид полагает, что передача контроля за его действием другому индивиду приведет к лучшему результату, то такая передача выглядит рациональной... Такого рода передача контроля, доверие к другому или подчинение чьему-то влиянию наиболее вероятны в ситуации ограниченной информации, то есть когда результат действия в значительной степени не предопределен» [5, с. 165].

Следование институциональной норме дает гарантию участникам социума, которая отсутствует в случае несоблюдения нормы.

и продовольственного кризиса. Однако страны «золотого миллиарда» почему-то уверены, что именно Восток с его бурным демографическим ростом должен идти по пути самоограничений (сокращение потребления, контроль над рождаемостью и т. д.)» [11].

Поскольку воспроизводство социума означает воспроизводство институциональной нормы, постольку гарантия является элементом воспроизводственного механизма. Этим определяется критическая роль института социальных гарантий для любой хозяйственной системы: система не сможет себя воспроизводить, если сложившееся правило социальной гарантии не соблюдается в полной мере.

Опасность современных пенсионных реформ состоит в реальном риске повреждения воспроизводственного механизма, присущего данной системе. Как правило, в этом случае воспроизводственные функции на себя вынуждены принимать другие институты и институциональные блоки, что ослабляет общее институциональное поле системы и опосредовано порождает хаотические тенденции.

Система социальных гарантий занимала в модели государственного социализма одно из центральных мест, что порождало перекошенную, но по-своему целостную структуру институтов. Институциональные последствия кризиса и распада присущих социализму форм социальных гарантий оказались столь тяжелыми, потому что разрушенной оказалась не только государственно-социалистическая система, но и институты более глубокого уровня. В Китае в процессе реформ система гарантий не разрушалась, и поэтому там на сегодняшний день институциональная система государственной монополии хозяйствования выстояла, хотя и в сильно модифицированном виде.

Система социальных гарантий является латентным условием функционирования значительной части институтов. В условиях снижения уровня социальных гарантий растет сравнительная привлекательность неинституционального поведения. В этом случае усиливается конфликтность доступа к ресурсам и снижается уровень их использования. Сама по себе конфликтность представляет собой альтернативную форму социальной активности, которая тоже требует ресурсов и времени. В результате общество может перейти на более низкий уровень равновесия, вынуждая субъектов искать возможности снижения неопределенности существенных условий за пределами системы.

Слабое внутреннее институциональное поле в сочетании с сильным внешним полем формирует ситуацию разности институциональ-

ных потенциалов, которая ориентирует вектор активности субъектов вовне. Глобализация с ее унифицированными стандартными нормами транзакций и контрактов порождает относительно плотную внешнюю институциональную среду, которая ограничивает разброс возможных траекторий эволюции кризисных систем извне. Страна, которая встает на путь реформирования национальной системы социальных гарантий за счет их сокращения, должна принимать во внимание риск смещения вектора активности во внешнее пространство, включая и эмиграцию наиболее продуктивных работников.

Существует обратная связь между ценностно-институциональным фундаментом экономики и институтом социальных гарантий. Отказ государства (общества) от принципиальных оснований социальной справедливости и социальных гарантий может поставить субъектов перед выбором исполнения/неисполнения неформальных норм социальной солидарности. Результаты такого выбора могут быть неопределенными, поскольку он возвращает субъекта к однажды уже пройденной ситуации конституционного выбора (Дж. Бьюкенен) между социальным и до-социальным способом жизни. Массовые явления пауперизма, десоциализации, социопатии, с которыми столкнулись постсоциалистические государства, свидетельствуют о том, что такая ситуация не должна рассматриваться как чисто гипотетическая. Трансформация как движение вспять очень даже возможна. Массовая ценностная деструкция лишает экономические институты внутренней основы, делает их в большей степени формальными.

Лишенные внутреннего ценностного основания экономические институты легко поддаются деформациям, что превращает их, в свою очередь, в дополнительный источник неопределенности. Такая хозяйственная система, если и способна демонстрировать достижение макроэкономического и финансового равновесия, то лишь на коротких промежутках времени. Роль такого равновесия для экономического положения субъектов будет относительно невелика по сравнению с суммой действительно важных проблем и процессов, разворачивающихся в экономике и обществе. Не случайно в последнее время все чаще ученые говорят о недостаточной репрезентативности показателей ВВП, инфляции, капитализации экономики и т. д.

Важность ценностно-институционального аспекта системы социальных гарантий может быть достаточно наглядно проиллюстрирована на примере кризисных явлений, которые разворачиваются в последние годы в Евросоюзе. Средний уровень социальных гарантий, принятых в Европейском Союзе, оказался явно завышенным для таких стран Южной Европы как Греция, Испания, Португалия. Господствующая в этих странах институциональная среда и национальная ментальность не смогли уравновесить гарантированный уровень социального благополучия адекватной социальной ответственностью населения, готовностью рисковать и идти на жертвы. Именно ценностно-ментальный фактор обусловил слабость современной институциональной конструкции единой Европы, которая столкнулась с принципиально разными реакциями населения соответствующих стран на стандартные регулятивные стимулы и рычаги.

В целом система социальных гарантий может быть отнесена к числу имманентных механизмов снятия неопределенности функционирования сложных хозяйственных систем, которые определяют их адаптивность, пределы изменчивости и доступный для них уровень динамического равновесия.

Как экономический институт общества социальные гарантии обеспечивают три основные функции:

во-первых, благодаря этому институту общество сохраняет тот минимум социальности, за которым может начаться необратимая десоциализация и деградация;

во-вторых, этот институт ограничивает индивидуальные риски хозяйственного поведения субъектов, принимающих решения в условиях неопределенности;

в-третьих, социальные гарантии являются важным составным элементом механизмов распределения и использования экономических ресурсов общества.

Гарантии для участников трудовых контрактов обеспечивают им возможности прекращения контрактных отношений с соблюдением обязательных процедур, в том числе, и выплатой компенсаций, учетом в службе занятости, помощью в поиске работы и т. д. Текущая безработица не воспринимается как преддверие нищеты. Уровень

позитивных ожиданий потерявших работу какое-то время сохраняется и принимает участие в поддержании общего уровня ожиданий.

Институциональный эффект этого компонента социальных гарантий состоит в том, что субъекты действуют в системе таких правил и критериев, которые обеспечивают достаточную гибкость рынка рабочей силы, чем достигается оптимальное соотношение между инфляцией и занятостью. Благодаря этому номинальный ВВП может быть достаточно близок к потенциальному уровню, не превышая его. Если монетарные власти практикуют режим таргетирования инфляции, то издержки и потери удержания ценовой динамики в пределах допустимых отклонений от инфляционного таргета будут приемлемыми или минимальными.

Возможность нарушения рыночных механизмов из-за несбалансированного усиления роли нерыночных критериев дистрибутивной справедливости органически присуща современным хозяйственным системам и не может быть устранена путем отказа от базовой гетерогенности социальной рыночной экономики. Это обстоятельство предопределяет необходимость социальных реформ, целью которых является достижение динамического равновесия между социальными и рыночными основаниями общественного организма в условиях изменившейся технологической, демографической и социально-институциональной структуры общества.

Антиномия привычного и непривычного является одной из ключевых в исследовании любого институционального генезиса³. По большому счету, любая непривычная норма *неинституциональна* в строгом смысле этого слова, поскольку обязательно порождает внутренний конфликт субъекта, остаточный автоматизм действий которого связывает его со старой нормой, а действовать он вынужден в силовом поле новой нормы. Преодоление этого конфликта является делом относительно легким, если новая норма находится в том же самом ценностном пространстве, что и старая. Если же новая норма

³ Говоря о привычке, Гегель отметил: «В ней исчезает противоположность между природной и субъективной волей, борьба в субъекте пресечена, и тем самым привычка входит в нравственность» [2, с. 206].

имеет своим источником иную ценностную основу, то внутренний конфликт может принять застойную форму, или даже стать разрушительным по отношению к социальному статусу и социальным связям субъекта.

Поскольку любая социальная система является открытой и подвержена внутреннему износу, ей внутренне присущи факторы неопределенности функционирования и развития. Эта неопределенность распространяется на институты, а с учетом открытости и глобальных сдвигов, может затрагивать и ценностные основания хозяйственных систем. Потребность в порядке актуализируется и осознается в условиях дефицита общепринятых правил, критериев и ценностей социального поведения. Общество, находящееся в состоянии «институциональной сенсibiliзации», вынуждено в первую очередь формировать новую систему статусов.

Органическим элементом социального порядка выступает иерархия ценностей, институтов и статусов. В условиях трансформационных сдвигов регулятивная роль дополняющего института дистрибутивной справедливости размывается, и на первое место выходят критерии статуса, власти, доступа к ресурсам. Глубина институционализации отражает подверженность социальных механизмов ограничивающему и критериальному влиянию ценностных оснований социума⁴. Слабые, незрелые институты делают в кризисных условиях систему подверженной процессу упрощения и деградации.

Чем менее институционализована система, тем больше вероятность того, что в условиях сдвига она перейдет к модели выживания за счет слабых, за счет справедливости. Когда все что-то теряют, кто-то теряет всё. Социальные гарантии для слабых и незащищенных в недостаточно институционализованных системах могут быстро ликвидироваться, поскольку институциональное устройство экономики

⁴ «Институциональное оформление хозяйственного процесса придает ему внутреннее единство и стабильность. Оно порождает структуру, наделенную в обществе конкретной функцией. Оно концентрирует внимание на ценностях, мотивах и проводимой политике», – отметил К. Полањи [12, с. 37].

нацелено на обеспечение власти, статуса государства и наиболее сильных, в экономическом отношении, слоев населения.

Социальная гарантия может быть определена как установленное законом обязательство институционального субъекта (государства или корпорации) предоставить индивиду на безвозмездной или частично возмездной основе социальные блага в материально-вещественной или стоимостной форме в случае возникновения оговоренных законом обстоятельств, которые не позволяют данному индивиду обеспечить нормальный уровень личного потребления за счет доходов от личного труда и собственности (включая финансовые активы).

Институционализируемая социальная гарантия включает в себя *обязательство* субъекта А и *право требования* субъекта Б. Если мы имеем лишь право получения гарантированных благ, без права требования, то такая социальная гарантия не может считаться институционализированной в достаточной степени. Смысл институциональной нормы «право требования» состоит в обеспечении горизонтальной компоненты взаимодействия поставителя гарантии и ее получателя. В этой конструкции социальная гарантия предстает еще и как горизонтальная связь двух равных сторон, а не как связь исключительно иерархического типа.

По своей сути социальные гарантии относятся к глубинным основаниям общественного организма, которые достаточно близко расположены по отношению к ценностям и базовым институтам. Представители неоллиберализма и либертарианской идеологии, хотя и подвергают критике разного рода «социальные излишества», не решаются полностью отвергнуть принцип социальной справедливости и защиты слабых членов общества.

Институциональная природа социальных гарантий заключается в их способности снимать ряд неопределенностей социально-экономической системы. Во-первых, благодаря социальным гарантиям общество в изменяющихся внешних и внутренних условиях сохраняет тот минимум социальности, за которым может начаться катастрофический рост энтропии в виде необратимой десоциализации и деградации. Во-вторых, социальные гарантии ограничивают

индивидуальные риски хозяйственного поведения субъектов, принимающих решения в условиях неопределенности, что делает систему в целом гибкой и адаптивной. В-третьих, социальные гарантии являются важным составным элементом механизмов распределения и использования экономических ресурсов общества, который детерминирует пропорции и масштабы общественного производства.

Неоднозначность теоретических и идеологических оценок системы социальных гарантий в чем-то отражает объективную противоречивость их современного статуса. Повсеместная тенденция к урезанию бюджетных расходов в странах с развитой системой социальных гарантий имеет, в основном, сугубо финансовую мотивацию, не учитывает их сложный социально-институциональный и общеэкономический контекст. Это приводит к росту общей социальной конфликтности, зачастую приобретающей деструктивный характер.

Таким образом, повышенный социально-экономический риск «решительных» мер бюджетной экономии на социальных расходах состоит в том, что государство и общество оказываются в порочном круге: сокращение ресурсного обеспечения социальных гарантий в условиях роста потребности в них снижает возможности устойчивого развития и оздоровления государственных финансов.

Характер современного развития требует не просто сохранения социальных гарантий, а расширения их масштабов и качественного обогащения. Основными причинами роста совокупной потребности в социальных гарантиях в мировой экономике являются:

- общий рост социального отчуждения, неопределенности и рисков функционирования хозяйственных систем в условиях глобализации, которые проявляются в массовой безработице, растущем разрыве между богатыми и бедными, деградации ценностных оснований социального поведения;
- тенденция к старению населения, обусловленная снижением рождаемости и ростом продолжительности жизни, что приводит к серьезным макроэкономическим и институциональным диспропорциям;

- переход к этапу формирования национальных систем социальных гарантий в тех развивающихся государствах, где растет уровень жизни населения, что стимулирует общий рост социальных стандартов на фоне угасания традиционных форм социальных гарантий патриархально-семейного типа;
- снижение доходности финансовых активов национальных пенсионных и страховых систем, обусловленное сужением зоны «безрисковых активов» и необходимостью перехода к финансовой модели с хеджированием рисков.

Особенно важно понимание фундаментальных оснований системы социальных гарантий для выбора национальной стратегии развития государств с трансформационной экономикой. Конъюнктурные решения могут оказаться слишком опасными. В этой сфере обществу как никогда необходим взвешенный ценностно-институциональный подход, рассчитанный на перспективу.

Список литературы

1. Бреннан Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия / Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен. – СПб. : Экономическая школа, 2005. – 272 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
3. Гриценко А. А. Институциональный империализм и его роль в развитии экономической теории / А. А. Гриценко // Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк : ДонНТУ, 2009. – С. 91–102.
4. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества / Дж. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1976. – 405 с.
5. Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора / Дж. Коулман // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики. – М. : Рос. полит. энцикл., 2004. – С. 159–181.
6. Проблемы современной экономики и институциональная теория / под ред. В. В. Дементьева, Р. М. Нуреева. – Донецк : ДонНТУ, 2009. – 500 с.
7. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт

исследования децентрализованной экономики / Ж. Сапир. – М. : ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.

8. Сен Амартья. Возможность общественного выбора : Нобелевская лекция 8 декабря 1998 г. / Сен Амартья // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков* : в 5 т. – М. : Мысль, 2005. – Т. 5, кн. 2: Всемирное признание : лекции нобелевских лауреатов. – С. 252–303.

9. Уилкинсон Р. Как экономическое неравенство вредит обществу [Электронный ресурс] / Р. Уилкинсон. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/vprint/63332/>

10. Ходжсон Дж. Что такое институты? / Дж. Ходжсон // *Вопр. экономики*. – 2007. – № 8. – С. 28–48.

11. Шайхутдинов М. Контуры грядущего миропорядка: ожидания и реальность / М. Шайхутдинов // *Россия в глобальной политике*. – 2011. – № 5.

12. Polanyi K. *The Economy as Instituted Process* / K. Polanyi // *The Sociology of Economic Life* / M. Granovetter, R. Svedberg (eds.). – Boulder : Westview Press, 1992. – P. 29–51.

УДК 330.341.4.001.36

*Е. И. Решетняк***ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
В ПРОЦЕССЕ ГАРМОНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Резюме**

У статті розглянуто підходи, що відображають технологічний аспект майбутніх змін, наведено наукове обґрунтування координації структурних чинників розвитку в контексті здійснення технологічних прогнозів. Обґрунтована доцільність проведення даного дослідження, запропоновано методичне забезпечення технологічного прогнозування. Розроблений підхід здійснення технологічного прогнозування базується на інтуїтивних, описових, статистичних методах прогнозування, які дозволяють охопити широке коло проблем, у тому числі і структуру інноваційної діяльності. Перевагою розробленого підходу є його універсальний характер (залежно від зміни чинників і параметрів може бути обрана будь-яка сфера і галузь дослідження), комплексність, можливість обліку як якісної, так і кількісної інформації. Беруться до уваги новітні досягнення в даній галузі; розглядаються різні варіанти розвитку майбутнього за допомогою розробки альтернативних сценаріїв.

Summary

The article describes the approaches that reflect the technological aspect of future changes, given the scientific evidence of coordination of structural factors within the context of technological forecasting. The appropriateness of the study, the methodical support of technological forecasting. The developed approach of the technological forecasting is based on intuitive, descriptive, statistical prediction methods that allow you to cover a wide range of issues, including the structuring of innovative activities. Advantages of the proposed approach is its universal character (depending on changes in the factors and parameters can be selected and the scope of any field of study), the complexity, the possibility of taking into account both qualitative and quantitative information, taking into account the latest developments in this field, discusses the various options for the future through the development of alternative scenarios.

Ключевые слова: технологическое прогнозирование, инновации, гармонизация структуры, экономическая система, экономическое развитие.

Рост и устойчивое развитие экономики непосредственно связаны с инновационными процессами, реализующимися на всех уровнях экономических систем. Рациональная инновационная деятельность на всех уровнях управления невозможна без осуществления технологических прогнозов. Прогнозирование является необходимой функцией управления, и его значимость возрастает с каждым годом в силу повышающейся изменчивости будущего, определяющей трансформационные преобразования и факторы экономического развития. Особенно важно уделять внимание прогнозированию технологического развития с целью разработки адекватных стратегий инновационного развития экономических систем.

Анализ причин трансформационных преобразований и факторов экономического развития в условиях рыночной экономики рассмотрен в работах отечественных и зарубежных ученых: А. Амоши, В. Гейца, В. Гриневой, Т. Ефименко, В. Канторовича, Б. Карпинского, Н. Кизима, Дж. Корнаи, И. Крючковой, В. Мау, Л. Мизеса, Ф. Хайека и др. В них исследованы и освещены некоторые факторы трансформационных процессов и экономического развития в целом. Однако не рассмотрены подходы, отражающие технологический аспект будущих изменений, не дано научное обоснование координации структурных факторов развития в контексте осуществления технологических прогнозов. Таким образом, целесообразность проведения исследования определяется необходимостью поиска новых подходов к решению данной научной проблемы, что является важным вкладом как в развитие экономической теории, так и практики.

В связи с вышесказанным *целью* статьи является анализ существующих методов технологического прогнозирования и формирование методического обеспечения выбора наиболее оптимальной структуры инновационной деятельности экономических систем на основании адекватного технологического прогноза их развития.

Технологическое прогнозирование – составной элемент системы стратегического планирования, включающий анализ достигнутого уровня и сложившихся тенденций, формулирование целей развития технологии на определенный период, разработку системы эффективных мероприятий по достижению поставленных целей с учетом

ограничения на ресурсы, предвидение развития экономических процессов и его непрерывную корректировку с учетом реальных итогов, вновь возникающих факторов и условий хозяйственного роста [2].

По оценкам различных ученых и практиков [1], существует от 100 до 750 разнообразных методов технологического прогнозирования. Но, как показал анализ литературных источников, описывающих накопленный опыт в области технологического прогнозирования, наиболее часто используются не более восьми методов и их сочетаний в процессе прогнозирования развития технологий, что не всегда дает возможность адекватно оценить будущее.

На основании анализа накопленного опыта прогнозирования развития экономических систем можно выделить проблему выбора метода прогнозирования, дающего достоверную прогнозную информацию.

На выбор метода прогнозирования может оказывать влияние множество разнообразных факторов. Основными факторами, определяющими выбор метода прогноза, являются специфика объекта прогнозирования (предметная область, характер прогнозируемых процессов); характер исходной информации (количественная, качественная); характер результирующей информации; период упреждения (горизонт прогнозирования); ценность прошлого опыта; новизна решаемой задачи и пр.

На основании проведенного анализа литературных источников [1–3] и накопленного опыта проведения технологических прогнозов в отечественной и зарубежной практике предложено методическое обеспечение разработки технологического прогноза. Методическое обеспечение носит комплексный, универсальный характер, может быть использовано для выявления новых тенденций развития технологии, направлено на ее усовершенствование или на формирование оптимальной структуры инновационной деятельности экономической системы. Прогнозирование предполагает выполнение следующих этапов:

1. Формирование руководителем проекта целей и задач исследования, определение области, в которой будет происходить технологическое прогнозирование.

2. Подбор группы экспертов (4–5 человек) – специалистов той области знаний, в которой осуществляется технологическое прогнозирование, генерация идей экспертами относительно рассматриваемой проблемы.

3. Осмысление проблемы всеми экспертами группы с целью определения наиболее перспективных кластеров идей.

4. Формулирование проблемы в рамках наиболее перспективных кластеров идей с учетом поставленных целей. Формирование двух групп экспертов: генераторов идей (5–6 человек) и аналитиков генерируемых идей (10–20 человек) в рассматриваемых кластерах.

5. Генерация идей относительно решения поставленной проблемы. Обсуждение сгенерированных идей экспертами-генераторами и экспертами-аналитиками. Кластеризация полученных результатов экспертами-аналитиками. Подведение итогов. Анализ полученных результатов. Обсуждение всеми экспертами группы. Уточнение целей и задач исследования.

6. Проведение патентного анализа. В результате – выбор наиболее перспективных направлений технологического развития; подтверждение либо опровержение сформированных гипотез предшествующих этапов; конкретные технологические решения либо возможные пути развития технологий.

7. Опрос мнений экспертов-аналитиков (10–20 человек) относительно результатов патентного анализа и перспектив развития технологий.

8. Выделение наиболее перспективных направлений технологического развития. Определение вероятности наступления альтернатив последствий от технологических изменений и приблизительных сроков их свершения.

9. Определение степени влияния различных факторов на выделенные альтернативы последствий направлений развития технологии. Построение дерева целей, учитывающего взаимосвязь и взаимовлияние факторов различных уровней, оказывающих воздействие на альтернативы технологического прогноза.

10. Формирование матрицы рангов; расчет и анализ коэффициентов конкордации; построение гистограммы и полигона распределения;

определение вида функции распределения; отсеивание несущественных факторов. Формирование списка факторов, оказывающих наибольшее влияние на технологическое развитие и структуру инновационной деятельности.

11. Прогнозирование развития факторов в будущем на основании их группировки по следующим признакам: качественные или количественные факторы; факторы, по которым можно сформировать историю развития (для качественных характеристик) или ряд динамики (для количественных характеристик); факторы, по которым нет данных о прошлых значениях.

12. Разработка прогнозных моделей развития будущего и осуществление прогноза. Могут быть использованы: имитационные модели; экстраполяция; корреляционно-регрессионные и динамические модели.

13. Оценка мнений экспертов-аналитиков относительно адекватности полученных результатов прогноза. Определение вероятности наступления событий. Разработка сценариев развития технологии в будущем, описание будущего. Обсуждение экспертами сценариев инновационного развития, выделение наиболее вероятных сценариев и выбор в соответствии с ними направлений технологического развития. Анализ наиболее вероятных сценариев развития будущего.

14. Оценка вероятности возникновения сценария на основании метода Байеса и экспертного оценивания.

15. Построение таблицы описания сформированных сценариев развития, в которой описывается логика сценариев, отражаются все параметры, которые могут оказать воздействие на изменение хода прогнозируемых событий, проводится анализ ожидаемых последствий, оценивается чувствительность параметров сценария, выделяются зоны инвариантных решений, указываются возможные пути развития технологии. Выбор индикаторов и признаков для контроля.

16. Обсуждение экспертной группой полученных результатов и утверждение руководителем группы направления технологического развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что предложенное методическое обеспечение технологического прогнозирования базируется

на интуитивных, описательных, статистических методах прогнозирования, что позволяет охватить широкий круг проблем, возникающих в процессе осуществления такого рода исследований. Преимуществом разработанного подхода является его универсальный характер (в зависимости от изменения факторов и параметров может выбираться любая сфера и область исследования), комплексность, возможность учета как качественной, так и количественной информации. Принимаются во внимание новейшие достижения в рассматриваемой области; рассматриваются различные варианты развития будущего посредством разработки альтернативных сценариев; полученные результаты носят объективный характер, так как подтверждаются различными способами обоснования принятия решения, имеющими как интуитивный характер, так и подтверждающийся различными математическими расчетами. Методическое обеспечение позволяет не только выбрать наиболее адекватный вариант развития технологии, но и управлять в процессе ее реализации за счет обеспечения системы контроля.

Список литературы

1. Голуб А. Факторы роста российской экономики и перспективы технического обновления / А. Голуб // Вопр. экономики. – 2009. – № 5. – С. 44–58.
2. Гласс Дж. Статистические методы в прогнозировании / Дж. Гласс, Дж. Стенли. – М. : Прогресс, 2010. – 316 с.
3. Добров Г. М. Прогнозирование науки и техники / Г. М. Добров. – М. : Наука, 2001. – 316 с.

УДК 32:33

*О. М. Моїсєнко***ЕКОНОМІЧНА ПРИРОДА ВЛАДИ****Резюме**

В статье рассматривается проблема государственной власти и ее роли в экономике. Анализируются взгляды представителей этого направления экономической теории на проблему власти, дана их критическая оценка.

Summary

In this article the examine the problem of state power and its role in an economy. An analysis is conducted looks of representatives of this direction an economic theory to the problem of state power, their critical estimation is given.

Ключові слова: влада, економіка, держава, інституціоналізм.

Владні відносини притаманні всім господарським системам. Вони є складовою різноманітних економічних взаємодій: відносин власності, відносин обміну, управління виробництвом, розподільних відносин тощо. Урахування фактора влади допомагає найбільш повно оцінити всі економічні процеси, що відбуваються, у тому числі і в широко інтегрованих у світову господарську систему відкритих економіках. У даному випадку йдеться про феномен влади в умовах глобалізації, коли боротьбою за владу можна пояснити економічну конкуренцію, а влада економіки тісно переплітається з владою політики. Тому аналіз фактора влади у відкритих економічних системах повинен стати одним з важливих напрямів вітчизняної економічної науки, цим і зумовлена необхідність дослідження проблеми влади, у першу чергу в її «практичному вигляді».

Багатоликість форм існування і прояву владної волі зумовила тривалі дискусії щодо її природи і породила відмінність підходів до неї і трактувань. Концептуальні основи природи владних відносин в економіці досліджувалися в працях Д. Норта, Дж. Б'юкенена, М. Олсона, Р. Коуза, Е. Тоффлера. Критичний аналіз наукових робіт проводили В. В. Дементьев, В. Г. Яременко, Б. Селігмен, Г. Ф. Столбова та ін. Водночас феномен державної влади в рамках неонституціональної теорії не надто повно досліджений у науковій літературі, хоча

таке дослідження дозволяє зрозуміти, якою мірою і яким чином інститути державної влади здатні впливати на процеси руху суспільства до ринкової економіки й демократії, визначати національну специфіку розвитку транзитивних економік.

Метою даної статті є аналіз економічної природи влади.

Витоки будь-якої влади як соціального феномену кореняться у нерівності, асиметрії суб'єктів (на різних рівнях – окремих людей, груп, фірм, держав і в різних сферах – політиці, економіці, фінансах, побуті). У реальному світі, як правило, існують нерівні стосунки. У сфері економіки також відсутні механізми, що забезпечують рівність між економічними агентами. Той або інший вид нерівності на різних рівнях: фізичних осіб, фірм, держави (у розподілі ресурсів, доходів, у ринковій позиції, соціально-політичній ієрархії) провокує появу між ними владних відносин.

Більшу економічну владу мають ті, хто сконцентрував у своїх руках монопольні права на фактори й умови виробництва. Саме ступінь концентрації прав власності, що дає власнику можливість підпорядковувати собі процес виробництва і розпоряджатися створеним продуктом/доходом, визначає розмір економічної влади.

Істотну роль у появі економічної влади відіграє й економічна політика держави. За допомогою економічної політики створюються умови для перерозподілу прав власності і концентрації правочинів володіння, а тим самим перерозподіляється й економічна влада.

Через свою ієрархію (організацію і підпорядкованість «за вертикаллю») економічна влада на будь-якому рівні являє собою складний двосторонній процес, що охоплює примус інших і одночасне підпорядкування більш високій системі. Сила влади будь-якого учасника, за твердженням В. В. Дементьева, залежить від максимізації його потенціалу примусу і мінімізації зусиль (витрат) з підкорення [1, с. 65].

Перевищення величини досягнутих результатів (доходів) над витратами характеризує ренту, а значить, і силу влади даного учасника. Важливо підкреслити, що масштаби влади того або іншого суб'єкта визначаються не рівнем його формальних повноважень (як такі вони не становлять інтересу для інших осіб), а ступенем залежності від нього

іншої особи. У цілому, «рівень впливу наділеної владою особи А на особу Б = ступеню залежності особи Б від особи А» [2, с. 44].

У будь-якому суспільстві влада завжди певним чином структурована, впорядкована. У структурі влади прийнято розрізняти чотири основних елементи: суб'єкти, об'єкти, інструменти і ресурси влади.

Для виникнення владних відносин необхідно, щоб суб'єкт мав певні якості. Насамперед це бажання володарювати, воля до влади, що проявляється у розпорядженнях чи наказах. Крім бажання керувати і готовності брати на себе відповідальність, суб'єкт влади має бути компетентним, знати суть справи, стан і настрої підлеглих, вміти використовувати ресурси, мати авторитет. Для політичної влади найважливіше значення має організованість суб'єкта. Звичайно, реальні носії влади різною мірою наділені всіма цими якостями.

Влада завжди двостороння, асиметрична, з домінуванням волі її суб'єкта і об'єкта. Вона неможлива без підпорядкування об'єкта. Якщо такого підпорядкування немає, то немає і влади, незважаючи на те, що суб'єкт, який прагне до неї, має яскраво виражену волю до владарювання і навіть потужні засоби примусу [3].

Владні простори суб'єктів розпадаються на кілька зон, які мають певну специфіку. Основні зони (за ступенем зменшення влади) такі.

1. Організація. У цій зоні влада суб'єкта здійснюється безпосередньо і грає роль єдиного координуючого механізму.

2. Метакорпорація, або безліч економічних агентів, пов'язаних із суб'єктом влади майновими відносинами (холдингові системи), довгостроковими контрактами і договорами про передачу владних функцій. Сюди входять члени ФПГ, ТНК, в яких домінує суб'єкт влади, дочірні та залежні компанії, асоційовані компанії, компанії-субпідрядники для корпорацій-гігантів, учасники ліцензування, пов'язані з власником торгової марки або технології, та ін. Цю зону економічної влади можна вважати прикордонною між організацією та ринком. Елементи метакорпорації вже мають певну автономію. Поєднується використання адміністративного та цінового механізмів координації.

3. Ринок. У цій зоні влада суб'єкта заснована на здатності впливати на ціни на ринку і підвищувати економічний прибуток, обмежуючи обсяг виробництва і збуту. Ринкова влада проявляється також

і в інноваційній конкуренції, у злиттях і поглинаннях. Максимальною є влада монополіста, далі за зменшенням ступеня – олігополістів, компаній на ринках монополістичної конкуренції і компаній на ринках досконалої конкуренції.

В умовах відкритої економіки активним владним суб'єктом на ринку є держава. Сьогодні роль держави підсилюється глибинними перетвореннями у світовій економіці, які змінюють середовище її функціонування. Разом із тим зростаючий вплив держави варто розглядати не тільки і не стільки з кількісної сторони, скільки з якісної, з позицій ефективності її діяльності, здатності усувати загрози сучасного світу і забезпечувати сталий розвиток економіки і суспільства. На думку Д. Белла, «постіндустріальне суспільство є також і комунальним суспільством, тобто суспільством, у якому соціальною одиницею є скоріше організована група, ніж індивід, і рішення повинні бути досягнуті скоріше через державний устрій, ніж ринок...» [4, с. 146].

4. Остання зона – влада у зовнішньоекономічній сфері, здатна впливати на рішення державних органів та суб'єктів інших сфер суспільного життя. Прикладом може бути лобювання.

У різних зонах переважно використовуються різні інструменти і ресурси влади, по-різному вирішується питання про її економічну ефективність. Так, якщо ринкова влада неефективна в основному через її егоїстичне використання, то організаційна – через розширення масштабу структур і зростання витрат контролю.

Основні суб'єкти економічної влади, крім держави, це фінансові та нефінансові корпорації; метакорпорації або групи, що включають безліч компаній, банків тощо; міжнародні урядові та неурядові економічні та фінансові організації (МВФ, Світовий банк, СОТ і т. ін.); некомерційні структури, що впливають на економічні процеси (профспілки, об'єднання споживачів, громадянські спілки та ін.); державні органи (які приймають рішення, що впливають на економічну сферу); окремі підприємці та керівники корпорацій, а також державні чиновники; формальні і неформальні об'єднання підприємців.

Будь-який агент економічної системи (власник, менеджер, споживач, виробник, держава, корпорація та ін.) може виступити як об'єкт влади, тобто об'єкт зовнішнього примусу. Для економічного

агента, який є об'єктом влади, вона виявляється передусім як відповідальність перед її володарем за дії, які не відповідають його інтересам (диспозиції влади). В основі відповідальності лежать можливі дії (санкції) з боку суб'єкта влади у разі невідповідності діяльності її об'єкта параметрам, заданим у диспозиції влади [1, с. 126].

Існування економічної влади можливе за наявності відповідних ресурсів. Економічний агент з великим потенціалом ресурсів стає суб'єктом влади, а агент з меншим владним потенціалом – об'єктом влади. Таким чином, формується владний простір, у межах якого об'єкти влади підкоряються волі і бажанням суб'єкта влади. При цьому суб'єкт влади примушує об'єкта влади до несення на його користь витрат підпорядкування. Їх величина відображає рівень влади суб'єкта над об'єктом.

Ресурси влади включають усе, що можна використовувати для впливу на інших осіб. До цих ресурсів належать:

- різні види капіталу: фінансовий, матеріально-технічний, інформаційний, соціальний (особисті зв'язки і контакти), символічний (володіння символами влади – посадами, титулами, нагородами);
- підтримка третіх осіб, які володіють значною владою (наприклад, державних чиновників, ділового співтовариства, кримінальних кіл);
- ресурс насильства, «ресурс фізичної влади».

З розвитком суспільства змінюється значимість різних ресурсів влади.

У цілому владні відносини багатолікі і різноманітні: як правило, вони мають двосторонній характер, оскільки й об'єкти влади здатні впливати на суб'єктів влади. У певних ситуаціях підлеглі мають владу над керівником, наприклад, у наданні необхідної інформації, налагодженні неформальних контактів в організації, виконанні завдань. Згідно з теорією менеджменту, для успішної роботи організації необхідно підтримувати розумний баланс влади [5, с. 466–467].

Поряд з рівнем окремої організації ідея балансу влади актуальна на рівні системи влади в цілому, рівноваги інтересів численних учасників владних відносин. Виявлення різних аспектів феномену економічної влади дозволяє змодельовати її узагальнюючу характеристику (рис. 1).

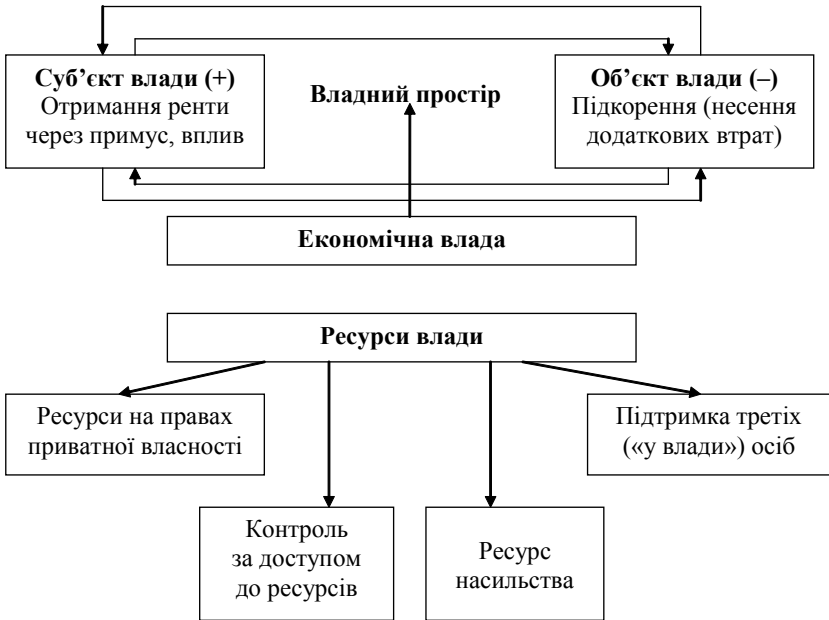


Рис. 1. Характерологічні особливості функціонування економічної влади

Звертаючись до суті досліджуваного поняття, автор вважає, що наукова дефініція економічної влади повинна відображати її зміст, істотні і необхідні ознаки.

На наш погляд, категоріально-понятійне моделювання економічної влади включає такі компоненти:

- джерело влади (володіння власністю на різні ресурси: природні, матеріальні, трудові, фінансові, інтелектуальні, особистісні якості, інформаційні, адміністративні);
- умова виникнення влади (нерівність у розподілі власності);
- персоніфікація влади (суб'єкти й агенти влади);
- утримання владних відносин (асиметричні відносини примусу – підпорядкування);

- інструменти влади (примус, підкуп, подарунки, насильство, переконання);
- спосіб економічної реалізації (отримання ренти суб'єктом влади та несення витрат підпорядкування об'єктами влади);
- конкретно-історична структурованість (у вигляді окремих інститутів і системи влади в цілому);
- якість системи влади (проблема її ефективності та збалансованості);
- роль економічної влади (встановлення дієвого господарського порядку).

Історична «місія» економічної влади визначається її функціями, найважливішими з яких є:

- розподільна функція: розподіл ресурсів, доходів і на цій основі забезпечення людей необхідними благами і цінностями;
- поведінкова функція: формування поведінки економічних агентів, з урахуванням їх двоякого статусу – суб'єкта влади (стосовно одних осіб) і об'єкта влади (відносно інших осіб).

Важливо підкреслити, що влада (як і власність) не існує в чистому вигляді, проте вона присутня у всіх громадських зв'язках і взаємодії. Іншими словами, йдеться про «вкраплення» в економічні зв'язки конкретних історично структурованих відносин примусу – підпорядкування між учасниками. За справедливим зауваженням Е. Тоффлера, «влада – не конкретне явище, але аспект усіх без винятку відносин між людьми» [6, с. 164].

Влада «вплетена» в систему економічних відносин, у зв'язку з цим можна говорити про владну складову або владний аспект усіх економічних відносин, хоча економічна влада нерідко сприяє зниженню ефективності економічних процесів.

У цілому можна твердити, що саме стихійний розподіл і концентрація економічної влади стали одними з основних перешкод для становлення ефективної ринкової економіки. «Головна сила, що протистоїть ринковій економіці, – пише К. Херрман-Пілллат, – влада як економічна, так і політична, що породжує безправ'я в суспільстві і несправедливість в економіці. Тому захист ринкової економіки від влади – найважливіша мета її політичної складової» [7, с. 49].

Нинішня економічна система багато в чому є «економікою влади». Вже на початку ХХ ст. у більшості країн склалися великі корпоративні структури, які домінували на ринках і впливали на процеси, що відбувалися в суспільстві. Саме в умовах панування корпорацій прискорювався НТП. Таким чином, відносини влади можуть бути ефективними. По-перше, ринкова економіка пов'язана із значними трансакційними та інформаційними витратами. Економічна влада призводить до їх зникнення. Правда, виникають витрати контролю, але до певної межі зростання зони влади вони менше, ніж витрати ринку. По-друге, існують численні «провали» ринку, коли він не забезпечує усунення негативних явищ при виробництві суспільних благ. І тут необхідна допомога економічної влади (переважно держави). По-третє, дії пануючого суб'єкта дозволяють підвищити ефективність виробництва. Нарешті, по-четверте, саме боротьба за владу стимулює розвиток економічних суб'єктів, призводячи до потрібної конкуренції. Одна з них мікроекономічна, коли окремі економічні суб'єкти, які зуміли перемогти в ціновій або інноваційній конкуренції, різко розширюють свою владу, за масштабами іноді порівнювану з ринком у цілому.

Проведений аналіз дозволяє зробити висновок: незважаючи на істотний внесок інституційної теорії в розвиток уявлень про природу економічної влади та її місце в системі економічних відносин, необхідно зазначити, що і в наші дні відсутня єдина струнка економічна теорія, яка описує специфіку владних економічних відносин, у тому числі й у сфері функціонування відкритої економіки.

Підводячи підсумок, автор вважає можливим зазначити, що можна по-різному оцінювати місце і роль інституту влади в господарській організації суспільства, проте безумовним є той факт, що поведінка економічних агентів значною мірою формується під впливом владних відносин, у рамках яких вони діють, і від цього залежить здатність економічної системи в цілому до оптимального функціонування і розвитку.

Значення інституційної теорії економічної влади пов'язане з тим, що реальний економічний світ – це світ асиметричних відносин, тобто відносин між такими агентами, які займають нерівні економічні та

політичні позиції і мають нерівні можливості підпорядковувати і примушувати один одного.

Список літератури

1. Дементьев В. В. Экономика как система власти : моногр. / В. В. Дементьев. – Донецк : Каштан, 2003. – 403 с.
2. Emerson R. M. Power, Dependency Relations / R. M. Emerson // American Sociological Review. – 1962. – Vol. 27. – P. 44.
3. Пугачев В. П. Введение в политологию [Электронный ресурс] / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/pugachev_politolog/polit7.aspx
4. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism / D. Bell. – N. Y., 1976. – 352 p.
5. Мескон М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; пер. с англ. – М. : Дело, 1992. – 702 с.
6. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 669 с.
7. Херрман-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации / К. Херрман-Пиллат // Вопр. экономики. – 1999. – № 12. – С. 48–53.

УДК 658.152.13

*А. В. Симейко***О НОВЫХ ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ КАТЕГОРИИ
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ»****Резюме**

У статті запропоновано новий погляд на капітал як інтелектуальний інструмент планетарної людської діяльності. Автор розглядає капітал як знаряддя інтелектуальної діяльності, спрямоване на отримання прибутку та задоволення потреб людини. Винесено на розгляд твердження про те, що капітал, пов'язаний з певним колом наукових знань, є видом доцільної діяльності, яка ґрунтується на «ноу-хау». Така точка зору змінює традиційні підходи до капіталу як до права власності або типу відносин стосовно власності, приводить до висновку щодо внесення змін про співвідношення капіталу та інтелектуального капіталу. Розкритиковано підходи, в яких інтелектуальний капітал розглядають як частину самого «капіталу». Автор вважає, що структура інтелектуального капіталу являє собою три основних складових: стратегічний, еволюційний та мотиваційний компоненти.

Summary

A new perspective on the capital as an intellectual instrument of the planetary human activity is suggested in the article. The author considers capital as an instrument of intellectual activity to generate revenue and to meet human needs. Submitted to the assertion that the capital is associated with a certain type of scientific knowledge is the kind of purposeful activity, based on «know-how». This point of view changes the traditional approach to the capital as the right to ownership or a type of property relationships, leads to the conclusion about amending the correlation between the capital and the intellectual capital. The approaches to the intellectual capital as a component of the «capital» are criticized.

The author considers that the structure of the intellectual capital includes three main composes: strategic, evolutionary and motivational component according to the author.

Ключевые слова: капитал, интеллектуальный капитал, стратегический компонент, эволюционный компонент, мотивационный компонент, потенциальный и факторный анализ.

Мировое сообщество переживает этап перехода от технократической эпохи, основанной на конвейере, к информационному

обществу, в котором преимущество имеют информационные технологии, неизмеримо вырастает роль интеллектуального капитала (ИК). В этих условиях возникает необходимость категориального уточнения сути интеллектуального капитала.

В последнее время интенсивно ведут исследования по уяснению самой сути интеллектуального капитала. Этой проблеме посвящены разработки зарубежных авторов Т. Бьюзена, Г. Минса, Д. Шнайдера, Ричарда Р. Нельсона и Сиднея Дж. Уинтера, А. Сливотски, Д. Моррисона, Э. Брукинга [2] и отечественных – Л. С. Шаховской, Б. Б. Леонтьева, В. Л. Иноземцева, С. А. Ленской, И. А. Иванюка [4] и др. Следует отметить, однако, что диапазон понимания сути интеллектуального капитала колеблется от упрощённо воспринятого тезиса «экономика знаний», где информация автоматически порождает различные блага, удовлетворяющие потребности людей, до более глубокого анализа, где ИК становится одним из структурных компонентов самого капитала. Так И. А. Иванюк говорит о непосредственном влиянии идеи на производство: «Впервые в истории человеческая мысль прямо является производительной силой» [4, с. 26]. По мнению Э. Брукинга, интеллектуальный капитал рассматривается как «термин для обозначения нематериальных активов, без которых компания не может существовать, усиливая конкурентные преимущества» [2, с. 178]. Безусловно, ИК усиливает конкурентные преимущества, но при этом, он составляет и смысл функционирования самого капитала. Различия в подходах к анализу интеллектуального капитала требуют исследования его методологических основ.

1. Человеческому разуму дано открывать свойства вещей и наделять предметы и явления смыслами. Глубинные смыслы несёт в себе и категория «капитал». В раскрытии сущности данной категории большинство исследователей фиксируют внимание на содержании, структурных компонентах капитала, или, как на отношениях собственности. Законы формальной логики в процессе определения дефиниции явления требуют раскрытия смысла, абстрагирования от второстепенных свойств и концентрации внимания на атрибутивных, без которых данное явление не может существовать. Капитал служит для выполнения таких действий, такого преобразования реальности,

которые способны привести к достижению прибыли и удовлетворению потребностей людей. Последнее не является самоцелью, но проявляется очевидная зависимость: чем в большей степени удовлетворяются потребности людей, тем выше прибыль. Функциональный аспект носит первичный, а потому – сущностной характер: если бы он не обладал способностью приносить прибыль, то и не обладал бы самоценностью и никаких отношений собственности не возникало. Капитал, таким образом, выступает как орудие целенаправленной сознательной деятельности групп людей. Такую стратегию, подлежащую планированию, американский экономист Лорвин определяет как «сознательное направление человеческой энергии для достижения разумно желаемой цели» [5, с. 3].

2. Вопрос, как капиталу «удаётся» становиться ценностью, лучше раскрывается в сравнении механизма действия капитала с законом сохранения вещества и энергии: в природе ничего и не из чего само не возникает. Получение нового вещества требует определённых затрат энергии и, соответственно, наоборот, получение кинетической энергии связано с преобразованием соответствующего количества потенциальной энергии или внутренней энергии вещества. Напоминание о данной аксиоме необходимо для того, чтобы более отчётливо представлять сам механизм действия капитала. Если «вечный двигатель» изобрести невозможно, то весь «секрет», вся «тайна» действия капитала связаны исключительно с характером преобразовательной деятельности, в которой капитал обретает свой смысл. Смысл по сути выступает границей пересечения двух базовых ценностей предпринимательской деятельности, на которые указывал Макс Вебер: это поле свободы и поле ответственности. Человек находит смысл, изучая природу, исследуя её закономерности. Поскольку любая закономерность, любой закон отражают такую причинно-следственную связь, которая имеет характер неизбежного повторения, человек и получил власть над природой, которую Френсис Бэкон охарактеризовал в известном афоризме: «Знание – это могущество». Классическим примером обнаружения подобных связей, имеющих силу закона, является известный закон земледелия: брошенное в землю зерно даёт многократное увеличение зёрен

в новом колосе. На познании эмпирическим способом закономерности генетики, ботаники пришла первая, по образному определению Э. Тофлера, «волна», сформировалась аграрная цивилизация. Способность человека находить ту закономерность, которая позволяла бы удовлетворять его потребности и получать прибыль, может быть охарактеризована как интеллект. Если интеллект позволяет определить смысл предпринимательской деятельности, то из этого следует, что и капитал по сути выступает в качестве интеллектуального. ИК представляет собой не просто его какую-то составную часть, как это отражается в попытках механистически отразить его структуру, а суть, атрибутивное свойство капитала. Следует отметить, что на это свойство капитала указывал К. Маркс: «Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание превращается в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним» [6].

3. Категория «интеллектуальный капитал» позволяет соединить в своём содержании следующие виды деятельности:

а) исследование закономерностей природы и их использование для достижения прибыли;

б) изучение изменяющихся потребностей человека для определения новых стратегий поиска исследовательских групп;

в) определение, какие новые потребности могут быть удовлетворены на основании уже открытых закономерностей природы, ещё не использованные на практике, формирование с этой целью определённых стратегий (смыслов) предпринимательской деятельности;

г) анализ, закономерности какого рода (в какой сфере) следует искать, для того, чтобы повысить качество удовлетворяемых потребностей;

д) использование научных достижений для модернизации производства, его автоматизации, совершенствование инфраструктуры, снижение энергозатратности и ресурсоёмкости;

е) развитие сознания человека с целью повышения креативных возможностей в познавательной деятельности.

Первые четыре из указанных видов деятельности представляют собой инновационную основу ИК, фактор инициации развития, два последних (д, е) – эволюционную, фактор самоорганизации развития.

Особой формой интеллектуального капитала выступает капитал, направленный на удовлетворение потребности в безопасности, спектр деятельности которого по степени эволюции цивилизации будет постепенно перестраиваться на нейтрализацию технологических катастроф, экологических и космических угроз.

4. Возникают вопросы по поводу использования терминологии при раскрытии ИК предприятия. И. И. Просвирина указывает, что практически все исследователи выделяют три составляющих интеллектуального капитала (очевидно, предприятия): человеческий капитал (НС); структурный, или организационный, капитал (SC); клиентский капитал (CC) [7]. Если «структурный капитал – это то, что остается в компании после окончания рабочего дня и ухода работников», то как он функционирует, когда соединяется с человеческим капиталом? Насколько обосновано выделение клиентского капитала (ценность, заключенную в отношениях с клиентами)? Деление организационного капитала на инновационный (патенты, лицензионные соглашения, идеи, торговые марки) и процессный капитал (информационные технологии, рабочие процессы) подчёркивает противоречие между замыслом и реализацией, даёт основания представить процессный капитал не как инновационный, хотя именно он должен демонстрировать суть ИК [7]. По мнению автора, подобное дробление искажает суть интеллектуального капитала, не допускает ту простую мысль, что ИК предприятия должен отражать философию бизнеса, а именно: почему именно так, а не иначе определяется стратегия деятельности, способ ведения дел и лежащий в его основе интеллектуальный код, выражаемый категорией «know how».

5. В целях недопущения логического закона тождества необходимо осуществлять логическую дифференциацию категорий «интеллектуальный капитал», относящихся к макроэкономическому и микроэкономическому уровню. Последний целесообразно именовать «интеллектуальный капитал предприятия». Вместе с тем, в последнее время наметилась и позитивная тенденция, связанная с выделением

в структуре интеллектуального капитала базисного, потенциального и факторного компонентов. К примеру И. А. Иванюк рассматривает структуру ИК как интеллектуальный потенциал, интеллектуальную собственность, так и интеллектуальную активность, инфраструктурные и рыночные активы [4]. Позитивным является выделение мотивационной модели интеллекта (механизма, стимулирующего творчество, энергетику, ответственность сотрудников, эффективное воспроизводство интеллектуального капитала) и мотивационной модели бизнеса (механизма мотивации труда путем определения соответствия способностей работника характеру выполняемой работы, развитие выявленных способностей и получение максимального эффекта от трудовой деятельности с помощью организационной системы) [4]. Данный подход отражает стремление автора учитывать при макроэкономическом анализе ИК дихотомию потенциального и факторного анализа. Рассматривая капитал как интеллектуальное орудие воздействия на биохимические, информационные и энергетические процессы окружающей среды, автор считает целесообразным в его структуре выделить три основных компонента: стратегический – отражающий реальный способ хозяйствования, базирующийся на достигнутом интеллектуальном уровне развития; эволюционный – раскрывающий перспективы научных исследований объективной реальности и развития экономики в будущем; мотивационный – фиксирующий характер изменения потребностей общества, отдельных групп людей и необходимой коррекции стратегии.

Анализ современного этапа осмысления категории «интеллектуальный капитал» связан с попытками уяснения его структуры на микроэкономическом уровне. Вместе с тем отсутствие современных представлений о сути интеллектуального капитала, отвечающих реалиям XXI столетия, настоятельно требует дальнейшего развития его методологических основ.

Список литературы

1. Антонюк Л. Л. Інновації: теорія, механізм розробки та комерціалізації : моногр. / Л. Л. Антонюк, А. М. Поручник, В. С. Савчук. – К. : КНЕУ, 2003. – 394 с.

2. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал / Э. Брукинг. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.

3. Данилишин Б. Відтворення інтелектуального потенціалу у контексті розвитку знаннєвої економіки / Б. Данилишин, В. Куценко // Вісн. НАН України. – 2004. – № 7.

4. Иванюк И. А. Рыночный механизм воспроизводства интеллектуального капитала : моногр. / И. А. Иванюк ; ВолгГТУ. – Волгоград : РПК «Политехник», 2004. – 174 с.

5. Лорвин Л. Л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [1pixel.ru/view_bur.php?id=76](http://pixel.ru/view_bur.php?id=76)

6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Соч. Т. 46, ч. II. – С. 215.

7. Просвирина И. И. Финансовая модель неосязаемых активов предприятий : моногр. / И. И. Просвирина. – Екатеринбург : Изд-во ИЭ УрО РАН, 2005. – 335 с.

8. Сергеев А. Л. Категории в теории интеллектуального капитала / А. Л. Сергеев // Экон. вестн. РГУ. – 2005. – № 1. – С. 53–58.

9. Drucker P. Beyond the Information Revolution / P. Drucker // The Atlantic Monthly. – 1999. – October. – Vol. 284. – № 4.

УДК 658.012.23

*Г. В. Строкович***АДАПТИВНІСТЬ ЯК ОСНОВА ДОВГОСТРОКОВОГО
ФУНКЦІОНУВАННЯ ПІДПРИЄМСТВА****Резюме**

В статті досліджена актуальність адаптивності підприємства. Уточнені базові вимоги до адаптивності керівників і переваги їхньої здатності адаптуватися. Пропонується проводити оцінку адаптивності підприємства за такими аспектами: організаційним, трудовим, інвестиційним, інноваційним, виробничим, фінансовим, природним, законодавчим, інформаційним і інфраструктурним. Уточнена категорія «адаптивність підприємства» – це швидкість реакції підприємства на зміни, які відбуваються як зовнішні, так і внутрішні середовища протягом функціонування на всіх стадіях життєвого циклу.

Summary

The article analyses the relevance of the adaptability of enterprises. The points clarified are basic requirements for the adaptability of the leaders and advantages of their ability to adapt. It is suggested to assess the adaptability of the enterprises on the aspects such as organizational, labor, investment, innovation, manufacturing, financial, natural, legislative, informational and infrastructural. The category of «adaptability of enterprises» is specified as the speed of response of enterprises to changes that take place both in external and internal environment in the course of operations during all stages of the life cycle.

Ключові слова: функціонування, підприємство, життєвий цикл, адаптивність.

Безсумнівною є думка численних вчених про те, що упродовж функціонування підприємства створюються, розвиваються, досягають успіхів, слабшають та припиняють існування за певними закономірностями. Деякі з них функціонують нескінченно довго, але умовою цього є постійне оновлення. Винятком можуть бути тільки природні монополії, але й вони вимушені змінюватися, хоча здійснюють зміни менш інтенсивно, ніж інші підприємства. Постійно створюються нові підприємства, але паралельно з тим ліквідуються інші. Все це є свідченням існування життєвого циклу підприємства. Головною

умовою тривалого життєвого циклу, тобто довгого функціонування підприємства протягом усього життєвого циклу, є його адаптивність.

Проблеми адаптивності підприємства досліджуються у наукових роботах таких вчених-економістів, як Д. Андресен, І. Ансофф, В. Н. Васильєв, Дж. Діксон, Б. М. Жуков, Б. З. Мільнер, А. В. Покровський, Т. Г. Садовська, В. Н. Самочкін, П. Сегне, А. Сетхи, С. Сетхи, В. Стівенсон, О. Г. Туровець, які наголошують, що адаптивність, перш за все, пов'язана з еволюційним характером розвитку підприємств і спрямована на забезпечення їх ефективності в короткостроковому та довгостроковому періодах. Поряд з тим, соціально-економічні умови функціонування вітчизняних підприємств постійно змінюються та істотно відрізняються від закордонних. У зв'язку з цим виникає необхідність в уточненні категорії адаптивності як основи довгострокового функціонування підприємства в умовах ринкового середовища.

За сучасним економічним словником, адаптація (від лат. *adaptatio* – пристосування) – це пристосування економічної системи, тобто підприємства та окремих його суб'єктів, працівників, до мінливих умов зовнішнього середовища, виробництва, праці, обміну, життя. У цьому визначенні акцент робиться переважно на зовнішнє середовище, однак підприємство змушене адаптуватися й до змін, які здійснюються на ньому безпосередньо [1].

Досліджувати адаптивність підприємства доцільно як з боку зовнішнього, так і з боку внутрішнього середовища за усіма аспектами його функціонування.

Численні вчені-економісти стверджують, що підприємства ХХІ століття змушені будуть швидко адаптуватися до змін галузевих ринків і зовнішнього середовища. Зокрема, Б. З. Мільнер вказує, що адаптивність як найважливіша властивість підприємства буде забезпечуватися цілеспрямованим навчанням і тренуванням персоналу, включенням самоаналізу в процес діяльності. Частиною системи підприємства, що постійно навчається, стануть послідовне експериментування, застосування відповідних засобів оцінки діяльності [2]. У цьому дослідженні автор розглядає адаптивність тільки в аспекті удосконалення роботи з персоналом. Слід погодитися з Б. З. Мільнером, що одним із найважливіших аспектів функціонування

підприємства є персонал, який може бути представлено сукупністю особистостей. Тому доцільним уявляється розглянути категорію «адаптивність особистості».

Адаптивність особистості – здатність до адаптації, пристосування людини до існуючих у суспільстві вимог і критеріїв оцінки за рахунок присвоєння норм і цінностей цього суспільства [3]. У даному дослідженні розглядається адаптивність не на рівні суспільства, а на рівні підприємства. Таким чином, адаптивність особистості – здатність до адаптації, пристосування людини до існуючих на підприємстві вимог і критеріїв оцінки, його корпоративної культури.

Адаптація – процес взаємопроникливий, який означає, що здатна змінюватися не тільки особистість, але й навколишнє середовище [3]. У цьому випадку навколишнє середовище – це середовище, у якому знаходиться особистість. Що ж стосується адаптації функціонування підприємства, то змінюється як сама особистість, так і підприємство (внутрішнє середовище) та зовнішнє середовище під впливом особистості. В результаті цього процесу і встановлюються відносини адаптованості.

Але, як стверджують психологи, деколи складаються такі ситуації, коли, зумівши соціалізуватися, особистість все ж залишається дезадаптованою. Це варіанти, коли принципи навколишнього середовища – культурні, соціальні, комунікативні – абсолютно розходяться з моральними установками особистості. У такому випадку людині самій доцільно прийняти рішення стосовно того, що треба змінити, щоб не перебувати у пригніченому емоційному стані. Таким чином, слід погодитися з тим, що адаптивність особистості виражається не тільки в здатності адаптуватися до змін, але і в бажанні пристосуватися до них [3].

Якщо розглядати роль персоналу у процесі функціонування підприємства, то доцільно розрізняти вимоги до адаптивності різних категорій персоналу.

Безперечною є теза про те, що на більшості підприємств найбільш впливовою особистістю є керівник. Тому й визначення вимог до рівня його адаптивності буде найбільш доцільним. На нашу думку, слід відрізняти так звані базові вимоги, яким повинні відповідати абсолютно

всі керівники підприємств, та специфічні вимоги, що визначаються переліком функцій, які виконує керівник того чи іншого рівня. Базові вимоги до адаптивності керівників:

- об'єктивний аналіз і адекватне сприйняття навколишнього середовища;
- мистецтво залишитися цілісною особистістю і уникнути деструктивності під впливом змін;
- це не тільки пристосування до навколишньої дійсності, але й можливість перетворення світу згідно з потребами підприємства;
- здатність протидіяти змінам, які можуть перешкоджати функціонуванню підприємства;
- організаційно-економічна та психоемоційна допомога іншим співробітникам щодо пристосування до змін;
- здатність залишатися самим собою, змінюючи лише поведінку залежно від ситуації [3].

Визначимо головні переваги адаптивності керівників підприємства:

- легше входять до нового колективу, пристосовуються до нових умов (стиль керівника, недружність колег і т. ін.);
- краще сприймають перспективи зростання мобільності персоналу;
- швидше вирішують поставлені завдання;
- зберігають працездатність та нормальний психоемоційний стан незважаючи на навколишні зміни;
- зменшується кількість конфліктних ситуацій та рівень агресивності;
- підвищується здатність більш швидкого корегування стратегії поведінки, а також соціалізації, що позитивно впливає на якість підприємства;
- спостерігається більш висока емоційна стійкість;
- готовність змінювати вміння та навички, компетенції відповідно до змін у внутрішньому та зовнішньому середовищі підприємства [3].

Не можна не погодитися з твердженням всесвітньо відомого вченого Пітера Друкера, що «найціннішим активом будь-якої організації XXI століття стануть працівники інтелектуальної праці і їх продуктивність». Тому їм слід приділяти особливу увагу в процесі

функціонування підприємства та використовувати при цьому компетентнісний підхід, завдяки якому забезпечується певний рівень компетентності персоналу. Це дозволяє приймати самостійні рішення, що гарантують певний рівень якості виконання робіт – у результаті споживачі отримують продукцію певного рівня якості. Цей підхід доцільно застосовувати саме в тих ситуаціях, коли певна робота не може бути описана як простий лінійний процес, тому що при її виконанні можлива безліч варіантів. Крім того, важливим є застосування й процесного підходу, який дозволяє керівникам визначати ключові процеси, інтегрувати розрізнені дії функціональних департаментів і спрямовувати їх зусилля на досягнення єдиного результату.

Як наслідок доцільності адаптивності персоналу як необхідної умови якісного функціонування підприємства наприкінці ХХ ст. з'явилася така категорія, як адаптивна організаційна структура, що являє собою мобільну організаційну структуру підприємства з великим маневровим потенціалом. Вона здатна перебудовувати профіль виробництва, надавати послуги відповідно до змін кон'юнктури ринку [4].

Інші автори стверджують, що адаптивна організаційна структура – це організаційна структура підприємства, яка гнучко змінюється, швидко пристосовується до оновлених цілей, завдань, функцій і змін у зовнішньому економічному середовищі та у внутрішніх умовах власної діяльності [5]. Це визначення більш повне, оскільки увага акцентується на тому, що підприємству доцільно пристосовуватися до змін як зовнішнього, так і внутрішнього середовища.

У загальнонауковому трактуванні адаптивність являє собою здатність до адаптації. Спочатку поняття адаптації виникло в біології, де під адаптацією розуміється пристосування будови і функцій організмів (та їх груп) до умов існування [6].

Як відмічають А. А. Охтеня та О. Р. Виноградова, з біології поняття адаптації було запозичене технічними та економічними науками [7]. У кібернетиці адаптація – це «накопичення та використання інформації для досягнення оптимального в деякому сенсі стану або поведінки системи при початковій невизначеності у зовнішніх умовах, які змінюються» [8]. Системи, здатні до адаптації,

називають адаптивними [9]. Згідно з застосовуваним у кібернетиці класичним визначенням, адаптивна система – це система, яка зберігає працездатність при непередбачених змінах властивостей об'єкта управління, цілей управління або навколишнього середовища шляхом зміни алгоритму функціонування або пошуку оптимальних станів [10]. У даному випадку під адаптацією розуміється така реакція системи на зміну умов діяльності, яка протидіє можливому зниженню якості її функціонування. Поняття адаптивної системи тісно пов'язане з поняттям системи, яка може самоорганізуватися [11], здатної до упорядкування елементів системи за рахунок внутрішніх факторів, без зовнішнього впливу.

Як відзначають В. І. Скуріхін, В. А. Забродський, Ю. В. Копейченко, функціонування адаптивних систем відбувається у відповідності з такими принципами:

1. Принцип необхідної різноманітності, згідно з яким різноманітність керуючої системи повинна бути не менше різноманітності об'єкта управління.

2. Принцип дуального управління, що відображає двоїтий характер керуючих впливів, коли, з одного боку, вони покликані керувати об'єктом, а з другого, служать для вивчення його властивостей і закономірностей для подальших керуючих впливів. При цьому структура керуючих впливів повинна змінюватися відповідно до змін параметрів системи об'єкта управління.

3. Принцип зворотного зв'язку, який свідчить, що за допомогою зворотного зв'язку відбувається вимірювання характеристик об'єкта, яким управляють, і виробляються реакції, які виявляються у керуючих впливах [12].

Багато вчених досліджують властивості систем та вказують, що адаптивність є однією з їх характеристик [13]. Взагалі автори поділяють властивості систем на такі групи:

- властивості сутності та структури (цілісність, ієрархічність, неадитивність, множинність опису й т. ін.);
- методологічні властивості (цілеспрямованість, відкритість, емерджентність, пріоритет якості, спадкоємність, оптимальність, пріоритетність інтересів систем вищого ієрархічного рівня, безпека,

невизначеність інформаційного забезпечення, мультиплікативність, сумісність);

– властивості функціонування та розвитку (адаптивність, організованість, безперервність функціонування й розвитку, синергічність, інноваційність, інерційність) [13, с. 32].

Що ж стосується безпосередньо принципів функціонування підприємства, яке є відкритою адаптивною системою, то до них слід віднести принципи безперервності, стабільності, цілісності, інформаційної достатності, циклічності перетворень, самозалежності, інертності, різноманітності, дуальності та зворотнього зв'язку [розроблено за 13, с. 37].

З позицій системного підходу підприємство є відкритою системою [14]. У зв'язку з цим до загальної оцінки адаптивності підприємства доцільно включити такі аспекти, як організаційний, трудовий, інвестиційний, інноваційний, виробничий, фінансовий, природний, законодавчий, інформаційний та інфраструктурний, що характеризуються певними групами показників.

Таким чином, адаптивність підприємства – це швидкість реагування підприємства на зміни, які здійснюються як у зовнішньому, так і у внутрішньому середовищі протягом функціонування на всіх стадіях життєвого циклу. У подальших дослідженнях передбачається розробка методики щодо оцінки адаптивності підприємства.

Список літератури

1. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд. – М. : ИНФРА-М, 1999.
2. Мильнер Б. З. Теория организации : учебник / Б. З. Мильнер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 480 с.
3. Что такое адаптивность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xarakter.net/virtues/leadership/adaptability /desc.php>.
4. Адаптивна організаційна структура [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakony.com.ua/econom.html?catid=46800>
5. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 495 с.

6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. С. М. Ковалев. – М. : Сов. энциклопедия, 1979. – 1 600 с.
7. Охтенъ А. А. Теоретические основы адаптивного планирования производства / А. А. Охтенъ, О. Р. Виноградова // Науковий вісн. ЧДІЕУ. – 2009. – № 3 (4). – С. 101–107.
8. Энциклопедия кибернетики: [в 2 т.]. – К. : Гл. ред. укр. сов. энцикл., 1975. – 607 с.
9. Срагович В. Г. Адаптивное управление / В. Г. Срагович. – М. : Наука, 1981. – 384 с.
10. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби ; [пер. с англ.] – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.
11. Саридис Дж. Самоорганизующиеся стохастические системы управления / Дж. Саридис. – М. : Наука, 1980. – 400 с.
12. Скурихин В. И. Проектирование систем адаптивного управления производством / Скурихин В. И., Забродский В. А., Копейченко Ю. В. – Х. : Вища шк., 1984. – 384 с.
13. Сіменко І. В. Якість систем управління підприємствами: методологія, організація, практика : моногр. / І. В. Сіменко. – Донецьк : ДонНУЕТ, 2009. – 394 с.
14. Bertalanffy Lvon. Problems of General Systems Theory / Lvon Bertalanffy // Human Biology. – 1951. – Vol. 123. – № 4.

УДК 330.101

А. В. Карнаух

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕНТЫ В ПРОЦЕССЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Резюме

У статті розглядається процес впливу інтелектуальної власності й інтелектуального капіталу як домінуючих інститутів регулювання соціально-економічних відносин в економіці, заснованій на знаннях. Виділені нові тенденції і умови розвитку використання інтелектуальної ренти як показника інноваційного розвитку підприємства.

Summary

The article discusses the process of influence of intellectual property and intellectual capital as the dominant institutions of regulation of social and economic relations in the economy, based on *znaniyah*. *Vydeleny* new trends and circumstances of the use of intellectual rent as an indicator of innovative development.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, интеллектуальная рента, стоимость предприятия, методы оценки.

В новой экономике успех и устойчивость корпораций во многом зависят от непрерывных нововведений. Корпорации XXI века успешно подводят под процесс своего развития базис высоких технологий и включают в процесс своего воспроизводства элементы нематериальных активов, которые выступают как важные факторы нового качества экономического роста. Поэтому актуальной является проблема использования и оценки интеллектуальной ренты, ведь именно она является тем мотивом, который стимулирует фирмы искать и внедрять инновации в конкурентной борьбе.

Основные идеи теории человеческого капитала заложены в трудах западных исследователей: Г. Беккера, П. Друкера, А. Брукинга, Т. Шульца. Дальнейшее развитие концепция интеллектуального капитала получила в трудах следующих современных зарубежных экономистов: Л. И. Абалкина, Г. В. Беляевой, В. Ф. Бондарева,

А. Н. Козырева, М. М. Критского, Б. Б. Леонтьева, Л. И. Лукичева, И. В. Скобляковой, И. И. Столярова, В. А. Супруна, А. Д. Шафронова, Л. Эдвинсона, Т. Стюарта, Е. Мотта, П. Салливана, К. Свейби, Т. Брауна, А. Шуберт.

Работы западных и отечественных экономистов заложили основы понимания природы, сущности и оценки интеллектуального капитала. В рыночной экономике при доминировании частной собственности новые знания и интеллектуальные продукты капитализируются, принимают значение капитального актива в инновационном бизнесе. В то же время нельзя назвать интеллектуальный капитал явлением, которого раньше не существовало: и компетенция персонала, и внутренняя организация, и клиенты у компаний были, но не рассматривались как определяющие факторы роста стоимости фирмы, не было особых подходов к их изучению.

В последние годы появился ряд работ, посвященных проблемам оценки роли новых факторов производства в складывающейся информационной экономике, а также измерения стоимости интеллектуального капитала отдельных компаний с применением субъективных оценок. Однако современная экономика ставит перед наукой задачи, предполагающие более детальное исследование вопросов формирования, развития, воспроизводства интеллектуального капитала с помощью интеллектуальной ренты.

Цель статьи – исследовать принципы и подходы к использованию интеллектуальной ренты в процессе инновационного развития предприятия.

Понятие «интеллектуальный капитал» возникло в результате того, что не существовало приемлемого термина для определения той части неосязаемых активов фирмы, которая объясняет причины роста стоимости компании. М. М. Критский выделяет три основных вида человеческого капитала: производственный, потребительский и интеллектуальный [1].

В экономике знаний интеллектуальный капитал превратился в основной фактор создания новой стоимости, что обуславливает изменение подхода к оценке эффективности деятельности компании. Если в условиях определяющей роли материальных ресурсов

ефективность компании оценивалась такими показателями, как прибыль и/или рентабельность, то возрастание роли интеллектуальных ресурсов требует тесного увязывания результатов деятельности компании с эффективностью их использования.

Проанализируем процесс влияния интеллектуальной собственности и интеллектуального капитала как доминирующих институтов регулирования социально-экономических отношений в экономике, основанной на знаниях.

Томас А. Стюарт в своей работе «Интеллектуальный капитал: новое богатство организации» отмечает, что знания становятся наиболее значимым фактом экономической жизни. Это основной ингредиент того, что люди покупают и продают; основной материал, с которым на данном этапе предприятия имеют дело и который становится обязательным активом компаний наряду с производственными мощностями и финансовым капиталом. Влияние информационного века и интеллектуального капитала не может быть недооценено, поскольку, как отмечает Т. А. Стюарт, «даже деньги становятся нематериальными» [2, с. 15].

Одной из наиболее интересных работ такого рода является книга Л. Эдвинсона и М. Мэлоуна «Интеллектуальный капитал». Авторы одними из первых обратились к проблеме оценки интеллектуального капитала не только как основного ресурса современного производства, но и как важнейшего компонента, определяющего рыночную стоимость современной компании [4].

Наибольший интерес для нас представляет предпринятая Эдвинсоном и Мэлоуном попытка обосновать методы количественной оценки интеллектуального капитала и его стоимости. Постулируя, что интеллектуальным капиталом фирмы является обладание знаниями, практическим опытом, организационными навыками, связями с потребителями и профессиональной квалификацией, которые в совокупности обеспечивают компании конкурентные преимущества на рынке, авторы при переходе к конкретным методам и оценкам указывают, что условием успеха является рассмотрение всех этих факторов в режиме реального времени, то есть анализ интеллектуального капитала не столько как результата, сколько как процесса.

Действительно, в ситуации, когда усиление способностей работников с помощью использования компьютеров, Интернета, высокоскоростных цифровых систем связи и т. п. делает организацию особенно гибкой, быстродействующей, адаптивной и настолько органичной в своем поведении, что традиционные статичные инструменты измерения ее стоимости безнадежно устаревают, – должное внимание к фактору времени на уровне фирмы становится исключительно важным. Однако ни время, ни издержки на содержание работников не могут в полной мере охарактеризовать стоимость произведенного продукта, так же как стоимость компании (с учетом интеллектуального капитала). В конечном итоге, интеллектуальный капитал находит свое отражение в конечной стоимости произведенного продукта (на уровне аллокации стоимости интеллектуального капитала на объем производства), а на уровне компании – в стоимости компании, которую уплачивает покупатель в случае ее приобретения.

Основная особенность интеллектуального капитала, которая должна быть учтена при его изучении – его непотребляемость. А. В. Бузгалин акцентирует внимание на выделении особого творческого ресурса, наряду с остальными, используемыми в процессе деятельности компании. По его мнению, в процессе потребления творческого ресурса его потребительная стоимость возрастает [3]. Это же мнение поддерживает Стюарт, когда он говорит о том, что «знание может быть использовано, не будучи потребленным» [2, с. 17]. Таким образом, интеллектуальный капитал во всех формах его существования имеет способность мультиплицировать собственную стоимость, тем самым увеличивая стоимость компаний в целом.

Д. Тобин, лауреат Нобелевской премии в области экономики, предложил надежный показатель интеллектуальности компании. Так называемый «коэффициент Тобина» q есть отношение рыночной стоимости объекта к стоимости его замены: если $q < IK$, то есть объект стоит дешевле, чем его замена, компании нет смысла инвестировать в аналогичный объект. И наоборот, выгоднее купить новый объект, если его приобретение обойдется компании дешевле. Замечена закономерность: высокое значение коэффициента q и значительная величина IK отражают ценность вложений в технологию

и человеческий капитал. Коэффициент q , помимо прочего, может характеризовать степень эквивалентности товарного обмена компании, степень его выгодности для компании. Например, при $q = 2$ (рыночная стоимость компании вдвое дороже стоимости ее гипотетической замены) компания извлекает из этого вида собственности большую (выше средней в этом виде деятельности) выгоду и не ощущает на себе действие закона убывающих возвратов. В этом смысле q является показателем монопольной ренты, – способностью компании получать более высокую прибыль благодаря тому, что у нее есть нечто такое, чего нет у других. Это и есть осязаемое проявление интеллектуального капитала компании. Использование коэффициента Тобина q вместо IK нейтрализует искажения, связанные с разными системами определения износа основных фондов, а также следствием некоторых макроэкономических факторов, таких, например, как процентные ставки [5].

Наряду с указанным методом используется расчет коэффициента деловой репутации (KDR), под которым понимается отношение деловой репутации к стоимости предприятия:

$$KDR = \frac{DR}{S},$$

где DR – деловая репутация; S – стоимость предприятия.

Он используется при расчете стоимости предприятия при его покупке либо продаже, а также для стратегического планирования внешнеэкономической деятельности предприятия. Чем больше показатель KDR , тем больше доля деловой репутации в стоимости предприятия. Условно выделяют четыре группы по величине KDR . Градация значений приведена в таблице 1.

Из вышеизложенного следует, что основой для определения стоимости предприятия является интеллектуальный капитал. Однако использование его в качестве базиса для определения стоимости предприятия имеет определенные ограничения. Остановимся на них.

Все элементы интеллектуального капитала имеют внутреннюю структуру, эффективность, а следовательно, его стоимость не поддается оценке на основе суммы отдельных элементов. К примеру,

Таблиця 1

Градация значений показателя *KDR*

Значение <i>KDR</i>	Уровень деловой репутации	Характеристика и рекомендации
от -1 до -0,5	Критический	Долгосрочное функционирование предприятия нецелесообразно. Эксперты советуют максимально «выжать» из активов и реорганизовать предприятие. На практике такая ситуация может возникнуть как в результате деградации предприятия, так и в результате целеустремленных действий руководства предприятия (уход от налогов, фиктивное банкротство, финансовые пирамиды)
от -0,5 до 0	Неудовлетворительный	Необходимо увеличивать долю на рынке путем выпуска качественных товаров, внедрения фирменного стиля, отбора и обучения персонала, формирования стандартов работы. Как правило, это относится к вновь созданным предприятиям
от 0 до 0,5	Достаточный	Следует нацеливать бизнес на лидерство в отрасли или рыночном сегменте с помощью инвестиций в развитие инноваций в сочетании с формированием положительной деловой репутации
от 0,5 до 1	Высокий	Цель предприятия – монополизация рынка через поглощение конкурентов в сочетании с повышенным вниманием к защите деловой репутации

совокупность работников компании формирует организационную культуру, которая может влиять на отдельных сотрудников и на организацию в целом различным образом. Главным в интеллектуальном капитале является то, что он создается не из отдельных частей человеческого, структурного и потребительского капитала, а в результате их взаимодействия.

Кроме того, на этапе формирования интеллектуального потенциала могут возникать такие институциональные «ловушки», как: низкая оплата труда, неравенство в распределении дивидендов от интеллектуального капитала, неразвитость института интеллектуальной

ренты. К примеру, «ловушка» низкой оплаты труда в нашей стране опровергает аксиому человеческого капитала о том, что заработки высоко коррелируются с уровнем образования. Данная ловушка, в свою очередь, обуславливает низкую мотивацию труда и слабую заинтересованность в результатах деятельности предприятия. Низкая мотивация труда не способствует получению дополнительного профессионального образования или переквалификации, при этом данная необходимость обусловлена объективными причинами.

В экономике, основанной на знаниях, источником активизации инновационной деятельности является интеллектуальная собственность. Интеллектуальная собственность – это одна из форм присвоения продуктов интеллектуального труда. Она представляет собой монопольное право распоряжаться в своих интересах инновациями. Вовлечение интеллектуальной собственности в коммерческий оборот становится экономической формой реализации дохода от инноваций в виде интеллектуальной ренты.

Интеллектуальная рента представляет собой форму экономической реализации различных видов собственности на интеллектуальные ресурсы и инновационные продукты, это доход сверх того минимального уровня, который необходим для привлечения интеллектуальных ресурсов в данную сферу деятельности. Интеллектуальный рентный доход – это доход, относимый к производственным затратам, который превосходит альтернативную стоимость интеллектуального капитала.

Закономерности образования интеллектуальной ренты и характера прав собственности на интеллектуальные продукты и инновации предопределяют принципиальные основы распределения и использования интеллектуальной ренты. Субъектами распределения интеллектуальной ренты являются собственно разработчики, инновационно-активные предприятия, инвесторы и государство.

В настоящее время вопрос о хозяйственном механизме распределения и использования интеллектуальной ренты является одним из актуальных, нерешенных и одновременно самых сложных. Его важность заключается в том, что без реального механизма учета, образования, распределения и использования интеллектуальной ренты

нет и реального воздействия этого инструмента на развитие инновационной сферы. Сложность разработки реального хозяйственного механизма учета, образования, распределения и использования интеллектуальной ренты объясняется отсутствием аналога и опыта этой работы в нашей стране. Кроме того, его формирование и внедрение затрагивает множество других, не решенных пока, вопросов экономики и права.

Список литературы

1. Критский М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. – Л. : Изд-во Ленгосин-та, 1991. – С. 9.
2. Stewart T. A. Intellectual capital: the new wealth of organizations / T. A. Stewart. – New York : Doubleday/Currency, 1997. – 278 p.
3. Бузгалин А. В. Эксплуатация творческой деятельности: интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства / А. В. Бузгалин // Альтернативы. – 2011. – № 11. – С. 4–29.
4. Эдвинссон Л. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании / Л. Эдвинссон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе : антол. ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 290.
5. Вайсбанд Г. Стандарт «Investors in people» в России [Электронный ресурс] / Г. Вайсбанд. – Режим доступа: <http://www.chelt.ru/>

УДК 330.142.211.4

*Е. Ф. Пелихов***АМОРТИЗАЦИЯ В РАСЧЕТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ****Резюме**

Розглянуто наукові праці з проблеми економічної ефективності інвестицій і виділено три групи методів, що рекомендуються для практичного застосування. Закордонні методи оцінки ефективності інвестицій випробувані, довели свою умотивованість, і їх слід застосовувати у вітчизняній практиці. Зроблено висновок про доцільність методу дисконтування грошових потоків для оцінки ефективності інвестицій. Обґрунтована правомірність включення амортизації та інших складових припливів грошових коштів у суму повернення інвестору авансованого у проект капіталу. У складі грошового потоку року слід враховувати амортизацію основних коштів і їх ліквідаційну вартість як повернення капіталу інвестору, інакше економічний ефект інвестора знижується, а оцінка віддачі інвестицій не є об'єктивною. Правомірність включення амортизації та інших складових припливів і відтоків коштів до складу грошового потоку або їх виключення повинна ґрунтуватися на зв'язку відтворення активів підприємства з ефективністю інвестицій.

Summary

A number of papers dealing with the evaluation of economic efficiency of investments have been discussed. Three groups of procedures used to calculate it have been highlighted. Depreciation and other cash inflows are recommended to be included into the amount of return on investment.

Ключевые слова: инвестиции, выбор, эффективность, показатель, критерий, методы, денежный поток, амортизация.

В отечественной и зарубежной экономической науке нет единого мнения о том, какие из известных методов следует применять для качественного экономического обоснования инвестиций. По-разному трактуется даже экономический смысл показателей и состав их составляемых при оценке эффективности хозяйствования. Поэтому *цель статьи* – проанализировать методологическую корректность известных методов расчета эффективности инвестиций и доказать необходимость включения амортизации в состав денежного потока года.

Изучение современной экономической литературы по указанной проблеме позволяет сделать выводы: 1) до сих пор для оценок используют непригодные для современных условий хозяйствования методы и оценочные показатели затратного типа (приведенные затраты), не рассматриваемые ни одним из зарубежных экономистов [1–4 и др.]; 2) некоторые авторы применяют эклектический подход, т. е. предлагают одновременно использовать искусственно созданные для административной системы хозяйствования категории и показатели затратного типа, а также много лет известные и применяемые в развитых странах современные методы оценки эффективности инвестиций, основанные на измерении экономических результатов [5; 7]. Этот подход к методам оценивания и выбора инвестиционных решений особо характерен для учебной литературы по экономике предприятия [8; 9]; 3) по поводу слагаемых денежного потока авторы предлагают различные решения, в частности, это касается включения в денежный поток года или исключения из него амортизационных отчислений. Многие ученые-экономисты подчеркивают, что методы оценки экономической эффективности капитальных вложений, разработанные для условий административной экономики, не удовлетворяют современному состоянию развития экономических реформ в теоретическом и практическом аспектах [например, 10, с. 31]. Все перечисленное обуславливает необходимость уточнения методологии, методики и методов расчета экономической эффективности инвестиций.

В настоящее время экономистов и практиков, по их отношению к методам и показателям эффективности инвестиций, условно можно разделить на три группы, в которых, с точки зрения применяемой методологии, методы оценки эффективности инвестиций принципиально разнятся.

К первой группе специалистов относятся апологеты оценки и использования в качестве критерия выбора вариантов инвестирования показателя так называемых приведенных затрат (ПЗ). При этом используется оценочный критерий затратного типа, а сравнительный экономический эффект равен разности только затрат по сравниваемым вариантам. В административно-плановой экономике

в качестве критерия эффективного выбора внедряемой техники и технологии применялся минимум ПЗ, название которых отражало процесс приведения капиталовложений к годовым текущим издержкам (себестоимости продукции). Норматив приведения назывался нормативным коэффициентом экономической эффективности капиталовложений, устанавливался государством и директивно задавал минимальный порог их отдачи. Подчеркнем, пользователей такого расчетного метода выбора инвестиций подкупала и до сих пор привлекает внешняя простота показателя ПЗ, а методологическая основа оценки результативности и целесообразности капиталовложений их мало интересует. Как известно, в настоящее время собственникам имущества никакие экономические нормативы не устанавливаются, поэтому показатель ПЗ несостоятелен.

Вторая точка зрения, широко применяемая в расчетах экономической эффективности инвестиций в развитых странах, состоит в определении финансовых оценок результатов деятельности хозяйствующего субъекта и основана на показателе денежного потока (ДП), главными слагаемыми которого являются притоки денежных средств в виде чистой прибыли и амортизации основных производственных фондов. Показатель ДП количественно измеряет результаты хозяйствования, то есть является оценочным показателем результатного типа.

И наконец, сторонники третьей точки зрения предлагают компромиссное решение – одновременное использование устаревших экономических категорий и показателей, основанных на концепции ДП и его дисконтирования [5; 7].

Нецелесообразность использования критерия минимума ПЗ доказана во многих научных работах, однако и до настоящего времени большая группа экономистов продолжает отстаивать научную ценность и практическое значение применения этого показателя [8; 9]. Некоторые авторы рекомендуют взамен коэффициента нормативной эффективности капиталовложений принимать фактическую рентабельность производства или капитала. Такой подход не только искажает экономическую сущность показателя ПЗ, но и не изменяет его затратной направленности. Как известно, выбор вариантов

финансирования по затратным и результатным показателям редко когда совпадает, а значит, затратные показатели, хотя и определяется их минимум, не обеспечивают объективную оценку вариантов сравниваемых инвестиций и последующего выбора наилучших альтернатив вложения денежных средств. В финансовых оценках, выполняемых экономистами промышленно развитых стран, такой критериальный показатель не применяется [1–4].

Несмотря на достаточно широкое использование показателя денежного потока и метода дисконтирования в оценке экономической эффективности инвестиций, даже среди известных зарубежных финансистов отсутствует единое мнение о слагаемых ДП. Например, известный финансист М. Бромвич против включения амортизации активов долговременного пользования в состав ДП [1, с. 53]. Украинские экономисты нередко имеют противоположные точки зрения. Одни отмечают, что амортизационные отчисления не следует включать в состав ДП, поскольку начисление амортизации связано с воспроизводством основных фондов и никакого отношения к эффективности инвестиций не имеет [5], в работах других, наоборот, в составе денежных потоков проекта амортизация содержится [6, с. 244].

По нашему мнению, отнесение амортизации основных фондов к притокам денежных средств правомерно, исходя из следующих рассуждений: инвестор за период начисления амортизации возвращает себе инвестиции, и их отсутствие в составе суммарного дисконтированного ДП существенно занижает сумму денежных средств, возвращающихся инвестору. Если амортизацию не включать в денежные потоки, то некорректно вычитание разовых (или суммарных дисконтированных) инвестиций из получаемой суммарной дисконтированной прибыли. Исключение некоторыми авторами амортизации, остаточной стоимости основных фондов и оборотных средств из состава ДП можно объяснить непониманием ими метода определения экономического эффекта как разности между результатами и затратами.

Таким образом, можно сделать вывод, что зарубежные методы оценки эффективности инвестиций доказали свою состоятельность и должны применяться в отечественной практике; в составе

денежного потока года следует учитывать амортизацию основных средств и их ликвидационную стоимость как возврат капитала инвестору, в противном случае экономический эффект инвестора занижается, а оценка отдачи капитала – необъективна. Перспективы исследования состоят в установлении связи воспроизводства активов предприятия с эффективностью инвестиций.

Список литературы

1. Бромвич М. Анализ экономической эффективности капиталовложений / М. Бромвич. – М. : Инфра-М, 1996. – 425 с.
2. Норткотт Д. Принятие инвестиционных решений / Д. Норткотт ; пер. с англ. под ред. А. Н. Шохина. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. – 247 с.
3. Беренс В. Руководство по оценке эффективности инвестиций / В. Беренс, П. М. Хавранек ; пер. с англ. – Изд. перераб. и доп. – М. : Интерэксперт, ИНФРА-М, 1995. – 528 с.
4. Бирман Г. Экономический анализ инвестиционных проектов / Г. Бирман, С. Шмидт ; пер. с англ. под ред. Л. П. Белых. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. – 631 с.
5. Бень Т. Методы определения экономической эффективности инвестиций: сравнительный анализ / Т. Бень // Экономика Украины. – 2007. – С. 12–19.
6. Дука А. П. Теорія та практика інвестиційної діяльності. Інвестування : навч. посіб. / А. П. Дука. – 2-е вид. – К., 2008. – 432 с.
7. Крылов Э. И. Анализ эффективности инвестиционной и инновационной деятельности предприятия : учеб. пособие / Э. И. Крылов, В. М. Власова, И. В. Журавкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 608 с.
8. Старик Д. Э. Расчеты эффективности инвестиционных проектов : учеб. пособие / Д. Э. Старик. – М. : ЗАО «Финстатинформ», 2001. – 131 с.
9. Черняк В. З. Экономика: Задачи и тесты : пособие для студ. высш. и средн. учеб. заведений / В. З. Черняк. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 160 с.
10. Завлин П. Н. Оценка эффективности инноваций / П. Н. Завлин, А. В. Васильев. – СПб. : Изд. дом «Бизнес-пресса», 1998. – 216 с.

УДК –658.15(477)

В. В. Іваніченко

ВПЛИВ ОБЛІКОВОЇ ПОЛІТИКИ НА ФОРМУВАННЯ ФІНАНСОВОЇ СТРАТЕГІЇ СУБ'ЄКТІВ ГОСПОДАРЮВАННЯ

Резюме

Правильный и обоснованный выбор финансовой стратегии определяет эффективность функционирования предприятия. Рассмотрена сущность и некоторые аспекты формирования финансовой стратегии субъектов хозяйствования. Наряду с анализом денежных потоков, поиском эффективных источников финансирования и выгодных инвестиционных решений, разработка рациональной учетной и налоговой политики является важной составляющей деятельности современных предприятий. Разработка учетной политики должна основываться на анализе большого количества нормативных документов в области регулирования бухгалтерского учета и налогообложения. Уделено внимание факторам внешней и внутренней среды, где среди последних обоснована необходимость изучения влияния положений учетной политики на финансовое состояние и стратегию развития предприятия.

Summary

Correct and informed choice determines the effectiveness of the financial strategy of the enterprise. The essence and some factors of formation of a financial strategy of subjects of managing are considered. Together with an analysis of cash flows, finding effective sources of financing and profitable investment decisions, develop accounting and tax policy is an important component of the modern enterprises. Development of accounting policy should be based on an analysis of a large number of regulations in the field of accounting and taxation. In the focus of attention are factors of the external and internal environment. The necessity of studying the influence of provisions of accounting policies on the financial condition and strategy of an enterprise development are substantiated.

Ключові слова: фінансова стратегія, фінансове становище, облікова політика, внутрішні фактори, управління підприємством.

Різноманіття і зростаюча складність ринкового середовища, інтенсивність і динамізм господарських процесів вимагають від суб'єктів господарювання максимально використовувати всі свої

можливості і резерви. Крім того, високий рівень нестабільності зовнішнього фінансового середовища призводить до збільшення ризиків при прийнятті стратегічних рішень і втрати фінансової безпеки підприємства [1].

Ефективність функціонування підприємств залежить від правильного вибору та обґрунтування фінансової стратегії, що є істотним компонентом загальної економічної стратегії підприємства. У зв'язку з цим аналіз грошових потоків, пошук ефективних джерел фінансування, вигідних інвестиційних рішень, грамотний моніторинг дебіторської та кредиторської заборгованості, а також розробка раціональної облікової та податкової політики – все це є наріжним каменем діяльності сучасних підприємств.

В останні роки тема вибору фінансової стратегії підприємства отримала більш повний розвиток. Питанням розробки та реалізації фінансової стратегії на підприємствах присвячено багато публікацій у спеціалізованій літературі, а також досліджень зарубіжних науковців, таких як М. Е. Портер, А. Дж. Стрікленд, А. А. Томпсон та ін. В Україні питання стратегічного управління досліджували І. О. Бланк, О. М. Ковальова, В. В. Ковальов, М. І. Круглов, Е. А. Уткін та ін. [2]. Найбільш повно зміст фінансової стратегії відображає визначення І. О. Бланка: «Фінансова стратегія являє собою один з найважливіших видів функціональної стратегії підприємства, що забезпечує всі основні напрями розвитку його фінансової діяльності та фінансових відносин шляхом формування довгострокових фінансових цілей, вибору найбільш ефективних шляхів їх досягнення, адекватного коригування напрямів формування та використання фінансових ресурсів при зміні умов зовнішнього середовища» [3].

Актуальність розробки фінансової стратегії підприємства в даний час визначається рядом умов. Найважливішими з них є інтенсивність змін факторів зовнішнього та внутрішнього середовища підприємства. Відсутність розробленої фінансової стратегії, адаптованої до можливих змін факторів зовнішнього та внутрішнього середовища, може спричинитися до того, що фінансові рішення будуть призводити до виникнення протиріч і зниження ефективності функціонування підприємства.

Як і зарубіжні концептуальні підходи до розробки фінансової стратегії, вітчизняні наукові погляди на цю предметну галузь дослідження зазнавали в ході розвитку певних змін. Виділяють методологічні підходи, що базуються: 1) на новій управлінській парадигмі, оцінці позиції зовнішнього і внутрішнього середовища підприємства; 2) на розвитку зарубіжних матричних моделей портфельного аналізу та планування; 3) на побудові фінансових матриць.

Однак становлення ринкових відносин та удосконалення питань нормативного регулювання бухгалтерського обліку та податкового законодавства визначили необхідність вивчення їх впливу на формування оптимальної фінансової стратегії суб'єкта господарювання.

Метою статті є розгляд системи факторів зовнішнього та внутрішнього середовища, які впливають на формування фінансової стратегії підприємства, щоб у цьому аспекті визначити актуальність та взаємозв'язок фактора облікової політики підприємства з іншими факторами діяльності підприємства.

Для оптимального вибору фінансової стратегії важливо визначити, які економічні, політичні, науково-технічні, соціальні та інші фактори впливають на майбутню організацію, виявити ступінь їх впливу на підприємство і в разі необхідності розробити заходи щодо зменшення залежності від їх впливу. Всі фактори можна умовно розділити на дві групи: зовнішні і внутрішні.

Автор вважає за доцільне включення до складу внутрішніх економічних факторів, що визначають процес формування фінансової стратегії підприємства, його системи оподаткування та облікової політики.

Облікова політика останнім часом перетворилася на реальний інструмент управління організацією, що дозволяє контролювати стійке фінансове становище підприємства. Вибір і обґрунтування використання положень облікової політики (переоцінка основних засобів, спосіб нарахування амортизації, метод списання матеріалів на витрати, створення резерву майбутніх витрат та ін.) безпосередньо впливають на фінансовий стан підприємства, а отже, і на формування його стратегії.

Розробка облікової політики повинна ґрунтуватися на аналізі великої кількості нормативних документів у галузі регулювання бухгалтерського обліку й оподаткування та постійному моніторингу їх змін, доскональному знанні особливостей діяльності організації, функцій її структурних підрозділів та їх взаємодії, поточного економічного становища організації, перспектив її подальшого розвитку і т. ін.

На вибір і обґрунтування облікової політики організації впливає безліч різних чинників, таких як:

- організаційно-правова форма підприємства;
- галузева приналежність або вид діяльності (промисловість, будівництво, торгівля, посередницька діяльність);
- особливості діяльності: виробничої (технологічна структура, споживані ресурси), комерційної (організація постачання і збуту, системи і форм розрахунків, взаємовідносини з покупцями), фінансової (відносини з банками та іншими фінансовими інститутами), управлінської (незалежність від власників, звітність перед ними);
- обсяги діяльності, структура організації, середньооблікова чисельність працівників;
- податкове поле діяльності організації (звільнення від різного виду податків, ставки податків);
- ступінь свободи дії в умовах переходу до ринку (перш за все мається на увазі можливість самостійного прийняття рішень у питаннях ціноутворення, вибору партнера);
- стратегія фінансово-господарського розвитку (мета і завдання економічного розвитку підприємства на довгострокову перспективу, очікувані напрямки інвестицій, тактичні підходи до вирішення перспективних завдань);
- наявність матеріальної бази (забезпеченість комп'ютерною технікою та іншими засобами оргтехніки, програмно-методичне забезпечення тощо);
- система інформаційного забезпечення підприємства (за всіма необхідними для ефективної діяльності організації напрямками);
- рівень кваліфікації бухгалтерських кадрів, економічної сміливості, ініціативності та підприємливості керівників фірми;
- система матеріальної зацікавленості в ефективності роботи

підприємства та матеріальної відповідальності за виконване коло обов'язків.

Підвищення якості впливу облікової політики на формування і вибір фінансової стратегії полягає в поліпшенні її характеристик за такими критеріями, як повнота і несуперечність, економічна доцільність, обґрунтованість і раціональність методів обліку, відповідність стратегічним і тактичним цілям керівництва організації.

Отже, в сучасних умовах побудова комплексної обліково-аналітичної системи з відповідною до особливостей діяльності підприємства обліковою політикою дозволяє здійснювати повномасштабне ефективне управління підприємством, створюючи єдину інформаційну платформу, що підтримує процес прийняття раціональних економічних рішень. У зв'язку з цим доцільним є дослідження взаємозв'язку основних положень облікової політики з метою формування фінансової стратегії та подальше вивчення її впливу на базові показники фінансового стану підприємства.

Список літератури

1. Трунова Т. Н. Модели анализа стратегической финансовой позиции предприятия / Т. Н. Трунова // Бизнес Информ. – 2012. – № 4. – С. 56–59.
2. Фінансова стратегія в управлінні підприємствами : моногр. / А. Г. Семенов, О. О. Єропутова, Т. В. Перекрест, А. В. Линенко. – Запоріжжя : КПУ, 2008. – 188 с.
3. Усенко А. М. Оценка эффективности финансовой стратегии предприятия и управление ее реализацией / А. М. Усенко // Финансовые исслед. – 2007. – № 16. – С. 63–70.

УДК 658.7

*О. А. Иванова***ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕН
НА ЛОГИСТИЧЕСКИЕ УСЛУГИ****Резюме**

Розглянуто особливості формування цін на логістичні послуги. Виділено групи цілей, які реалізуються в межах політики ціноутворення в логістичних системах, а також об'єкт ціноутворення. Приділено увагу складу витрат на логістичні послуги як бази щодо формування ціни в системі логістики.

Наведена сукупність факторів, які необхідно враховувати в процесі розробки стратегії ціноутворення в логістичних системах – як зовнішніх, так і внутрішніх відносно об'єкта ціноутворення. Узагальнено підходи до встановлення тарифів на послуги залежно від того, до якої групи належать ці послуги.

Доведено необхідність урахування фактора часу при прийнятті логістичних рішень щодо встановлення цін на послугу в даній системі. Вказаний зв'язок обґрунтованої політики ціноутворення в логістичних системах і конкурентоспроможності логістичної послуги.

Summary

Features of pricing in logistics services are considered. Objectives, achieved in the network of pricing strategies, are grouped; the object of pricing is marked out. Logistic costs as a base of pricing in logistics are considered.

Combination of factors, necessary to be taken into account in the process of developing pricing strategy in logistic systems, is presented. Both internal and external factors for the object of pricing are studied. Different approaches to setting tariffs on services, depending on a group the service refers to, are summarized.

The necessity to take into consideration a time factor in the process of taking logistic decision and setting prices in the system is proved. Connection of a reasonable pricing policy in logistic systems and competitiveness of a logistics service is specified.

Ключевые слова: цена, ценообразование, логистика, логистическая система, услуга, эффективность, конкурентоспособность.

Проблема формирования цен на логистические услуги является весьма актуальной для отечественной экономики. На современном этапе экономического развития в условиях рыночного механизма хозяйствования необходимо обоснованное ценообразование и учет его особенностей в логистических системах. Современный подход к ценообразованию в логистических системах предполагает проведение систематических исследований на всех его этапах, а также поиск новых подходов, отвечающих требованиям рынка. Одним из таких направлений является учет особенностей логистического подхода в политике ценообразования.

Несмотря на существенное количество публикаций по проблеме принятия обоснованных логистических решений в системе хозяйствования, отсутствует однозначное понимание особенностей ценообразования в системе логистики на разные ее объекты, отражение особенностей формирования цен на логистические услуги. Все это обуславливает актуальность направления исследования, целью которого является рассмотрение механизма ценообразования в логистических системах и выявление особенностей установления цен на логистические услуги.

Логистические решения по отношению к фактору «цена» обычно оказывают прямое влияние на достижение фирмой корпоративных, а также финансовых стратегических целей, исходя из условий, диктуемых конкурентной средой.

Основная цель логистического ценообразования – определить такой уровень цен на продукцию, который бы являлся оптимальным балансом между покупателем и издержками логистической системы при изготовлении данного товара. Поэтому цены базируются на формировании спроса, конкуренции, качества товара и т. п., а также на своих производственных, коммерческих, административных затратах, соответствующих определенной цене и изменяющихся в зависимости от конъюнктуры рынка.

Рассматривая вопросы ценообразования в логистических системах (ЛС), следует иметь в виду две категории организаций. Первая включает предприятия производителей продукции, для которых

логистика рассматривается как обеспечивающая подсистема; вторая состоит из организаций, оказывающих логистические услуги [1]. В основе ценовой политики тех и других фирм могут лежать цели, ориентированные на рынок либо на развитие собственного предприятия. Нередко возникают комбинации целей, которые касаются как рынка, так и отдельной фирмы (например, оказывающей логистические услуги), достижения максимальной прибыли или максимального объема продаж. Среди целей, ориентированных на рынок, может быть увеличение контролируемой доли рынка. Цели могут быть также ориентированы на покупателей (например, достижение по возможности более глубокого внедрения на рынок при помощи низких цен) или на конкурентов (например, формирование конкурентоспособных цен или создание входных барьеров на рынок посредством политики низких цен). В свою очередь, цели, ориентированные на развитие предприятия, должны способствовать лучшей загрузке производственных мощностей, сокращению складских запасов, сглаживанию сезонных колебаний спроса, упрощению управления процессом реализации и т. д. [2].

Сложность логистических цепей в целом обуславливается не только составом разнородных подразделений предприятий, становящихся участниками этих цепей, и их многочисленными связями, но и самим объектом ценообразования в логистических системах. Таким объектом является логистическая услуга. В зависимости от того, к какой рыночной структуре относится организация – производитель услуги, меняется подход к ценообразованию и определению оптимальных объемов производства товаров и услуг при имеющихся ресурсах. Стратегии ценообразования тесно связаны с принципиальными решениями в отношении выбора стратегии конкурентной борьбы и позиционирования на рынке отдельного товара, группы товаров и фирмы в целом. Это уже заранее ограничивает сферу возможных решений в области ценовой политики.

В соответствии с требованиями рыночной экономики цена должна быть такой, чтобы покрывать издержки и обеспечивать прибыль участникам процессов обмена [3]. Общие логистические издержки,

учитываемые в цене товара, включают все необходимые расходы для обеспечения логистики (от закупки ресурсов до реализации готового продукта). При выборе ценовой политики в системе поставок важны факторы затрат, поэтому возрастает роль их учета и методов калькуляции.

Установить точный размер цен, особенно на новую продукцию и услуги, сложно, поскольку в состав цен включаются не только переменные прямые расходы, но и косвенные, как составная часть общих затрат на данный объект. Размер косвенных расходов в логистике определяется объемом конечного продукта логистической системы и объемом его продаж, который зависит от цены. При неверной оценке рыночного спроса предприятие, назначив слишком высокие цены, не сможет реализовать запланированный объем продаж, и наоборот, при слишком низких ценах покупательный потенциал рынка будет использован не в полной мере.

Услуги не поддаются накоплению в запасах – моменты создания и потребления услуги совпадают во времени, а нереализованная возможность оказания услуги теряется. Отсюда появляется возможность существенных колебаний спроса во времени без возможности регулирования величин предложения за счет запасов. Эта проблема может решаться путем регулирования тарифами интенсивности спроса на услуги во времени. Для этого применяются различного рода скидки с тарифов на услуги. При проведении ценовых расчетов следует учитывать существование двух условий реализации услуги: в пиковые периоды и в остальное время [6]. Поскольку первым правилом любых коммерческих, в том числе и ценовых, расчетов является ориентация на худшие из возможных условий деятельности, то в случае если необходимо определить условия безубыточности ценовых решений, в расчетах следует пользоваться меньшей из величин получения эффективных логистических решений [2]. Отсюда можно сделать вывод, что в случае, когда предприятие использует затратную модель ценообразования, в основу тарифа должна закладываться большая из величин прямых затрат.

Идея ценообразования на набор логистических услуг та же, что при ценообразовании на набор товаров, – комплекс благ должен стоить

покупателю меньше, чем при покупке каждой услуги из набора в отдельности [5].

Калькуляция затрат дает возможность установить нижнюю границу цены, а затем определить изменение затрат вследствие специфических требований потребителей и изменений объемов продаж. При определении этих издержек, как правило, возникает ряд препятствий со стороны бухгалтерских служб и финансового контроля. До недавнего времени имело место стремление к снижению издержек в каждой отдельной функциональной области логистики при отсутствии интереса к общим издержкам и не учитывалась относительная значимость затрат на разные виды логистических услуг. Заказчики обычно заинтересованы в интегральном характере услуг, предлагаемых им логистическими посредниками, например, в объединении транспортировки, грузопереработки, сопутствующего сервиса, обеспечения запасными частями и т. п.

Анализируя проблему установления уровня цен на логистическую услугу, можно сделать вывод, что чем менее значим вещественный компонент в предоставляемой услуге, тем труднее клиентам сопоставлять между собой услуги разных фирм. Соответственно фирмы, оказывающие наименее вещественные услуги, обладают большей свободой в установлении цен на них, чем фирмы, услуги которых связаны с созданием легко сопоставляемых материальных продуктов.

При установлении цен на логистическую услугу необходимо учитывать влияние на величину тарифа таких факторов внешней среды, как государственное и местное налогообложение, а также прочие сборы. Поэтому на следующем этапе расчета тарифной ставки учитывается специфика формирования цен в стране-транзитере и величина налогов [4].

В ходе реализации задач политики ценообразования в логистических системах при установлении цен и тарифов на услуги учитывают возможность покупателей оплатить их, либо исходят из того, сколько средств покупатель сможет сэкономить, пользуясь подобной услугой. В то же время необходимо учитывать и затраты фирмы, которая их предлагает.

На формирование цен услуг существенное влияние оказывают

меры их внерыночного регулирования. С этих позиций все услуги можно разделить на три категории [3]:

- услуги, тарифы на которые регулирует государство (например, услуги, связанные с деятельностью в области связи и транспорта);
- услуги, тарифы на которые формально регулируют сами участники рынка (например, тарифы на авиаперевозки);
- услуги, тарифы на которые формируются рыночными механизмами (услуги банков и др.).

Соответственно подходы к установлению тарифов на услуги прямо зависят от того, к какой из трех перечисленных выше групп эти услуги относятся.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что в цене услуги, как правило, учитываются: время выполнения услуги; общее время подрядчика на выполнение услуги; время ожидания заказа; ставки тарифов на услуги при начислении заработной платы; косвенные и прочие затраты.

В связи с индивидуализацией услуги, окончательный характер которой часто определяется только в результате персонального взаимодействия работников сервисной организации с клиентом, особенно важно применять процедуры стандартизации затрат. Это требует разработки нормативов затрат на осуществление некоторых типов операций и ориентации именно на них при обосновании тарифов на услуги с базовыми характеристиками. Установив обоснованный тариф на логистическую услугу, а также дополнив такие базовые тарифы гибкой системой скидок и надбавок за особые условия выполнения заказа в соответствии с индивидуальными требованиями клиентов и прочие важные факторы для логистических систем, возможно получить достаточно эффективную систему ценообразования на услуги.

Такая система ценообразования позволит сформировать обоснованный уровень цен, что будет способствовать повышению конкурентоспособности логистической услуги и ее востребованности на рынке, а значит, и повышению конкурентоспособности предприятия в целом.

Список литературы

1. Ковалев В. В. Методы оценки инвестиционных проектов / В. В. Ковалев. – М. : Финансы и статистика, 2009. – 144 с.
2. Мелкумов Я. С. Экономическая оценка эффективности инвестиций / Я. С. Мелкумов. – М. : ИКЦ «ДИС», 2007. – 160 с.
3. Моисеева Н. К. Экономические основы логистики : учебник / Н. К. Моисеева. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 528 с.
4. Окландер М. А. Промышленная логистика : учеб. пособие / М. А. Окландер, О. П. Хромов. – К. : ЦУЛ, 2004. – 222 с.
5. Пономарева Ю. В. Логистика : учеб. пособие / Ю. В. Пономарева. – К. : ЦУЛ, 2003. – 192 с.
6. Стерлигова А. Н. Управление запасами широкой номенклатуры: с чего начать? / А. Н. Стерлигова // Логинфо. – 2003. – № 12. – С. 29–31.

УДК 658.15:658.589(477)

*О. Є. Басманова***ФІНАНСОВІ СКЛАДОВІ РОБОТИ ВІТЧИЗНЯНИХ
БІЗНЕС-ІНКУБАТОРІВ****Резюме**

В работе представлен сравнительный анализ организационных и финансовых условий коммерческой бизнес-инкубации в Украине, которая начала свое становление в 2010 году. Указано, что рынок бизнес-инкубации проходит процесс становления этого вида деятельности как самостоятельного вида консалтингового бизнеса. По результатам сравнения схем финансовых отношений между инкубаторами и предпринимателями на примере инкубаторов GrowthUp, EastLabs и Project X было отмечено, что инкубация в EastLabs и Project X доступна только небольшому числу проектов, прошедших строгий отбор, в то время как GrowthUp сотрудничает с гораздо большим перечнем начинающих предпринимателей.

Summary

This paper presents a comparative analysis of the organizational and financial conditions of the domestic commercial business incubators, which began to emerge in Ukraine since 2010. It is indicated that the market for business incubation is undergoing the process of formation of business incubation as an independent type of consulting business. Comparing schemes of financial relations between incubators and entrepreneurs on the examples of GrowthUp, EastLabs, and Project X, it was noted that incubation in EastLabs and Project X is available only for a small number of projects after strict selection, while GrowthUp cooperates with much broader range of start-ups.

Ключові слова: бізнес-інкубатор, інноваційна діяльність, фінансування, інвестиції, венчур.

За даними Світового індексу інноваційності (The Global Innovativeness Index), який було розраховано Бізнес-школою INSEAD та Світовою організацією з інтелектуальної власності (World Intellectual Property Organization) у 2012 році, Україна посіла 63-тє місце серед 141 країни, включеної до рейтингу. У попередньому, 2011 році, Україна була на 60-му місці серед 125 країн. Відповідно, якщо б у 2012 році кількість учасників рейтингу не збільшилась, то наша

держава була б під номером 61 [3]. Тобто, Україна знаходиться достатньо далеко від чільної десятки або навіть півсотні найбільш інноваційних країн. Кілька років тому відбувся «стрибок» з 79-го місця у 2009 році на 61-е у 2010 році, але з того часу суттєвого покращення ситуації не відбувалось. У зв'язку з цим особливої актуальності набувають питання дослідження шляхів реалізації інноваційного потенціалу, яким Україна, безумовно, володіє.

Серед багатьох інструментів розвитку інноваційного підприємництва одним із найбільш поширених та дієвих вважають бізнес-інкубатори – організації, що покликані створювати сприятливі умови для ефективного початкового розвитку підприємницьких ідей (зазвичай – інноваційного спрямування) у сталі підприємства. Модель бізнес-інкубатора, наведена в роботі [1], досить вичерпно характеризує сутність роботи бізнес-інкубатора, вказуючи види консультаційної та організаційно-технічної допомоги, що отримують підприємці-початківці (рис. 1).

Особливістю вітчизняної практики функціонування інкубаторів є неприбутковість більшості з них – вони в основному створені за підтримки місцевих органів влади і держадміністрацій відповідного рівня або при вищих навчальних закладах. У зв'язку з цим основними



Рис. 1. Модель бізнес-інкубатора [1]

джерелами фінансування найчастіше є кошти міжнародних фондів, програм грантів і кредитів та зацікавлених міністерств, місцевих адміністрацій, союзів і асоціацій [2]. За даними Держпідприємництва, в Україні зареєстровано понад сімдесят бізнес-інкубаторів; у той же час моніторинг Української асоціації бізнес-інкубаторів та інноваційних центрів засвідчив, що лише близько десяти з них дійсно працюють [1]. Можна припустити, що однією з причин зниження активності бізнес-інкубаторів стала відсутність фінансування з боку організацій-засновників при безкоштовності або зниженій вартості послуг інкубатора.

Виходячи з цього, *метою* цієї статті є дослідження практики функціонування вітчизняних бізнес-інкубаторів, що займаються розвитком інноваційних проєктів на комерційній основі. Перші приклади таких інкубаторів з'явилися у 2010 році, тому це питання є ще недостатньо вивченим, незважаючи на високу актуальність.

Першими прикладами вітчизняних прибуткових (комерційних) інкубаторів можна вважати такі проєкти, як GrowthUp, InVenture/X Project та EastLabs. Розглянемо фінансові складові їх роботи з бізнесменами-початківцями.

Технологія роботи бізнес-інкубатора GrowthUp (www.growthup.com, діє з 2010 року) передбачає, перш за все, проведення комерційних освітніх заходів для всіх бажаючих. Далі, отримавши певні знання, підприємці готують презентації своїх проєктів, а ментори від інкубатора допомагають їх завершити та зробити максимально ефективними. Після цього експерти інкубатора проводять внутрішній вибір проєктів для подання інвесторам, і ця обрана група наприкінці інкубаційного періоду представляє власні проєкти інвесторам з метою залучення коштів для подальшого розвитку.

Бізнес-інкубатор «X Project», створений компанією InVenture (www.inventure.com.ua, діє з 2011 року), надає підприємцям-початківцям на пільгових умовах приміщення та консалтингову підтримку (бухгалтерські, юридичні, фінансові, маркетингові консультації). Ця організація пропонує кілька схем фінансових відносин інкубатора та бізнесу відповідно до ступеня його розвитку:

1. «Easy Start Up» – передбачає до 80% фінансування проєкту

з боку бізнес-інкубатора в обмін на право власності на 70–90% активів компанії.

2. «Balanced Venture» – передбачає до 50% фінансування проекту з боку бізнес-інкубатора в обмін на право власності на 40–60% активів компанії.

3. «Pro Venture» – передбачає до 20% фінансування проекту з боку бізнес-інкубатора в обмін на право власності на 20–40% активів компанії.

Основними характеристиками роботи бізнес-інкубатора EastLabs (www.eastlabs.co, діє з січня 2012 року) є те, що ця організація обирає на конкурсній основі групу із двох-чотирьох проектів. Цим відібраним проектам надаються початкові інвестиції в розмірі до \$20 000, офіс в центрі Києва, інтенсивна програма розвитку бізнесу і консультації профільних експертів в обмін на право власності на 15% активів компанії. Робота з проектом триває три-чотири місяці і складається з розробки власне продукту, визначення бізнес-моделі та детального плану робіт по проекту. Роботи виконуються командою проекту за допомогою кількох менторів. Інкубаційний період завершується поданням продукту для отримання наступного раунду фінансування, що і є перевіркою доцільності проекту з точки зору інвесторів (самого EastLabs або сторонніх інвесторів).

Порівнявши представлені схеми фінансових відносин інкубаторів та підприємців, зазначимо, що за технологією роботи GrowthUp монетизація послуг інкубатора є гарантованою і відбувається, принаймні частково, вже на першому етапі співпраці у вигляді плати за освітні заходи. EastLabs та Project X працюють за комбінованою схемою бізнес-інкубатора та венчурного фонду, тому монетизація їх послуг є відкладеною і негарантованою, адже вона суттєво залежить від успішності об'єкта інвестування.

З точки зору підприємців, які мають обмежені ресурси і шукають джерела фінансування, ситуація зворотна: бізнес-інкубатори на кшталт EastLabs та Project X є більш цікавими завдяки відсутності поточної плати за послуги консультантів або наявності суттєвої знижки на такі послуги. Однак розвиток в EastLabs та Project X доступний лише невеликій кількості проектів, що пройшли суворий відбір, тоді як

GrowthUp співпрацює із значно ширшим колом підприємців-початківців.

На додачу до розглянутих діючих інкубаторів, влітку 2012 року розпочали роботу ще кілька схожих організацій: HappyFarm (www.happyfarm.com.ua) та WannaBiz (www.wannabiz.com.ua). Зважаючи на заяви діючих комерційних бізнес-інкубаторів про успішність та перспективність цього напрямку діяльності, а також на появу нових аналогічних організацій, можна сподіватися на більш активний розвиток в Україні інноваційного підприємництва у найближчому майбутньому. На нашу думку, поточну ситуацію на ринку бізнес-інкубування можна охарактеризувати як процес еволюції від інкубаторів некомерційних, що підтримувались переважно за рахунок міжнародних грантів, до становлення цього виду діяльності як самостійного виду консалтингового бізнесу, що приносить власникам певний прибуток.

Список літератури

1. Васильєва Л. М. Бізнес-інкубатори як частина інфраструктури підтримки малого підприємництва / Л. М. Васильєва // Держава та регіони. Економіка та підприємництво. – 2010. – № 1. – С. 50–54.
2. Немченко А. Б. Бізнес-інкубатори в сфері сучасної державної підтримки розвитку регіональної інноваційної інфраструктури / А. Б. Немченко // Наук. пр. КНТУ. Сер. Екон. науки. – 2010. – № 17. – С. 36–42.
3. The Global Innovativeness Index 2012: Stronger Innovation Linkages for Global Growth [Електронний ресурс] // Сайт бізнес-школи INSEAD. – Режим доступу: <http://www.globalinnovationindex.org/gii>. – Загол. з екрану.

УДК 339.37(477-21/-22)

*О. В. Дурандіна***РОЗПОДІЛ ТОВАРООБИГУ РОЗДРІБНОЇ ТОРГІВЛІ
МІЖ МІСЬКИМИ НАСЕЛЕНИМИ ПУНКТАМИ
ТА СІЛЬСЬКОЮ МІСЦЕВІСТЮ****Резюме**

Стаття посвячена проблемам ефективного розвитку внутрешней торговли в Украине. Развитие торговли является важной предпосылкой обеспечения благоприятного экономического, социального и инвестиционного климата любого государства. Торговля – это объединяющее звено между производителями и потребителями продукции, которое поддерживает баланс между спросом и предложением. Кроме того, она играет существенную роль как в формировании экономического потенциала, так и в обеспечении потребностей человека в высококачественных товарах и услугах. Автор исследует товарооборот розничной торговли в городах и в сельской местности. Исследование показывает, что товарооборот является важным индикатором социально-экономического развития общества, поскольку в его динамике отображается состояние экономики в целом, инфляционные процессы, изменение благосостояния населения, конъюнктура и емкость внутреннего потребительского рынка.

Summary

The article deals with problems of effective development of domestic trade in Ukraine. The development of trade is an important prerequisite for providing a favorable economic, social and investment climate of any state. Trade is a unifying link between producers and consumers, which maintains a balance between supply and demand. Besides, it plays a substantial role both in building the economic potential, and providing human needs for high-quality products and services. The author analyses the commodity turnover of retail trade in city settlements and in rural areas.

Research shows that turnover is the important indicator of socio-economic development of society, because it shows the dynamics of the economy in general, inflation, changes in welfare of population, state of affairs and capacity of domestic consumer market.

Ключові слова: внутрішня торгівля, роздрібна торгівля, роздрібний товарообіг.

Розвиток торгівлі є важливою передумовою забезпечення сприятливого економічного, соціального та інвестиційного клімату будь-якої держави. Важливим завданням сучасного торговельного бізнесу є задоволення потреб населення. Торгівля – це з'єднуюча ланка між виробниками та споживачами продукції, яка підтримує баланс між попитом і пропозицією. Крім того, вона відіграє суттєву роль як у формуванні економічного потенціалу, так і в забезпеченні потреб людини у високоякісних товарах і послугах. На важливості торговельної сфери наголошують і представники наукових кіл, і органи державної влади [6; 7; 8].

Дослідження проблем ефективного розвитку внутрішньої торгівлі в Україні належить до сфери наукових інтересів таких провідних дослідників, як А. А. Мазаракі, Д. Гілберт, І. О. Бланк, Л. О. Лігоненко, Н. М. Гуляєва, Г. М. Богославец, М. М. Сотникова, І. О. Чаюн, І. В. Височин, О. О. Шубін, Л. О. Омелянович, Я. А. Гончарук, В. А. Марцина, І. Крючкова, В. Лагутін, І. Лошенко та ін. [1; 3–5; 9–11].

Попри велику увагу, що приділяється вченими дослідженням розвитку внутрішньої торгівлі, лишаються окремі напрямки, які потребують більш глибокого аналізу. Це, безперечно, проблема розподілу товарообігу роздрібною торгівлі між міськими населеними пунктами та сільською місцевістю. Дослідженню цієї проблеми присвячена дана стаття.

Про розвиток торговельного бізнесу в Україні свідчать дані, наведені в таблиці 1 – темпи зростання ВВП та роздрібного товарообігу, який включає весь обсяг реалізації товарів у грошовому вираженні й характеризує заключний етап руху продукції зі сфери обігу до сфери споживання, фіксуючи суспільне визнання цінності й споживчої вартості товарів. Для розрахунку показників були взяті дані ВВП та роздрібного товарообігу з сайту Державного комітету статистики [2]. Крім того, вони є одними із найважливіших показників соціально-економічного розвитку суспільства, оскільки в їх динаміці відображається стан економіки в цілому, інфляційні процеси, зміна добробуту населення, кон'юнктура та місткість внутрішнього споживчого ринку.

Таблиця 1

**Індекси економічних показників розвитку
торгівлі України в 2003–2011 рр. [2]**

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Темп зростання ВВП (у порівняльних цінах), %	109,5	112,1	103,0	107,4	107,6	102,3	85,2	104,1	105,2
Темп зростання роздрібного товарообігу до попереднього року, %	120,5	121,9	123,4	126,4	129,5	117,3	79,1	110,1	113,2

Обсяги роздрібного товарообігу в Україні протягом 2000–2008 рр. мали тенденцію до зростання. У 2008 році приріст роздрібного товарообігу знизився на 12,2%, що було передвісником кризового становища в Україні.

Починаючи з 2008 року мало місце скорочення промислового виробництва й обсягів роздрібного товарообігу, зростання цін тощо. В умовах посилення інфляції, зростання тарифів на енергоносії, а відтак – і на споживчі товари й послуги, підвищення тарифів на житлово-комунальні послуги, населення було змушене скоротити витрати на споживання товарів, переглянути власні споживчі звички. Як наслідок, роздрібний товарообіг знизився в 2009 р. і становив лише 79,1% до рівня 2008 р., що є нижчим за темп зростання ВВП у цей же період. Але вже в 2010–2011 роках обсяги роздрібного товарообігу знову продовжують зростати. Необхідно відмітити, що протягом аналізованого періоду темпи зростання роздрібного товарообігу перевищують темпи зростання ВВП.

Одним із найважливіших показників розвитку підприємств роздрібної торгівлі є обсяг товарообігу. Проблемою залишається нерівномірний розподіл товарообігу роздрібної торгівлі (Т/об РТ) між міськими населеними пунктами та сільською місцевістю (табл. 2.).

Таблиця 2

Товарообіг роздрібної торгівлі в міських населених пунктах та в сільській місцевості [2]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Т/об РТ, млн грн: – усього	46 992	64 032	90 005	124 747	171 682	238 523	222 849	271 381
– у міських населених пунктах	42 021	58 027	82 912	114 631	158 578	221 128	204 705	248 034
– у сільській місцевості	4 971	6 005	7 093	10 116	13 104	17 395	18 144	23 347
Питома вага Т/об РТ, %: – у міських населених пунктах	89,4	90,6	92,1	91,9	92,4	92,7	91,9	91,4
– у сільській місцевості	10,6	9,4	7,9	8,1	7,6	7,3	8,1	8,6

З наведених даних видно, що в Україні вкрай низька забезпеченість торговельними послугами населення в сільській місцевості, що негативно позначається на соціально-економічному розвитку держави. У період 2003–2008 років частка товарообігу роздрібної торгівлі у загальному його обсязі знизилася на 3,3%. Але з 2009 року ситуація починає покращуватися, частка товарообігу роздрібної торгівлі у сільській місцевості збільшується.

Про негативні тенденції у забезпеченні сільського населення торговельними послугами свідчать дані табл. 3.

Роздрібний товарообіг на одну особу в міських поселеннях протягом 1995–2010 рр. збільшився у 27,4 рази, а в сільській місцевості – лише у 18,1 раз. Незважаючи на загальну позитивну динаміку до зростання цього показника, ситуація із забезпеченням торговельними послугами в сільській місцевості з 1995 до 2008 року погіршувалася, оскільки розмір роздрібного товарообігу на одну особу був меншим за аналогічний показник у середньому по Україні на 59,9% –

Таблиця 3

**Роздрібний товарооборот на одну особу
в міських населених пунктах і в сільській місцевості
у 1995–2010 рр. по Україні [2]**

	1995	2000	2006	2007	2008	2009	2010
Роздрібний Т/об, грн	232	585	2 777	3 832	5 338	5 015	6 123
Роздрібний Т/об, грн:							
– у міських населених пунктах	298	766	3 750	5 187	7 234	6 722	8 154
– у сільській місцевості	93	210	710	926	1 238	1 299	1 680
Відхилення роздрібного Т/об від середнього, %:							
– у міських населених пунктах	28,4	30,9	35,0	35,4	35,5	34,0	33,2
– у сільській місцевості	-59,9	-64,1	-74,4	-75,8	-76,8	-74,1	-72,6

у 1995 р., 76,8% – у 2008 р. Але з 2009 року спостерігається позитивна тенденція по зменшенню цього показника.

Безперечно, нерівномірний розподіл товарообігу роздрібною торгівлі між міськими населеними пунктами та сільською місцевістю є негативним показником розвитку внутрішньої торгівлі. Але слід зазначити, що криза в економіці, яка мала місце у 2009 році, сприяла покращенню співвідношення товарообігу на користь споживачів сільської місцевості.

Список літератури

1. Внутрішня торгівля України: економічні умови ефективного розвитку : моногр. / А. А. Мазаракі, І. О. Бланк, Л. О. Лігоненко та ін.; за заг. наук. ред. А. А. Мазаракі. – К. : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2006. – 195 с.
2. Державний комітет статистики України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ukrstat.gov.ua> (15.07.2012)

3. Економічна безпека України в умовах глобалізаційних викликів : моногр. / [А. А. Мазаракі, О. П. Корольчук, Т. М. Мельник та ін.] ; за заг. ред. А. А. Мазаракі. – К. : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2010. – 718 с.
4. Лагутін В. Д. Внутрішній ринок споживчих товарів: теорія розвитку і регулювання : моногр. / В. Д. Лагутін. – К. : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2008. – 327 с.
5. Лошенко І. Р. Концептуальні підходи до становлення і розвитку споживчого ринку України / І. Р. Лошенко // Формування ринкових відносин в Україні. – 2007. – № 11. – С. 103.
6. Програма розвитку внутрішньої торгівлі до 2012 року : затв. Постановою Каб. Міністрів України від 24 черв. 2009 р. № 632 // Офіц. вісн. України. – 2009. – № 47. – С. 39.
7. Проект Закону України «Про внутрішню торгівлю» від 10.11.2011 р. № 4344-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1
8. Пустовойт О. Розвиток ринку торговельних послуг / О. Пустовойт // Економіка України. – 2004. – № 9. – С. 30–36.
9. Структурна гармонізація економіки як чинник економічного зростання / [Білоцерківець О. Г., Бурлай Т. В., Гончар Н. Ю. та ін.] ; за ред. І. В. Крючкової ; Ін-т економіки прогнозування НАН України. – К. : Експрес, 2007. – 517 с.
10. Трансформаційні процеси в торгівлі України в умовах інтернаціоналізації : моногр. / [Л. О. Лігоненко, Г. М. Богославець, Г. Л. Піратовський та ін.] ; за ред. Л. О. Лігоненко. – К. : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2009. – 334 с.
11. Управление розничным маркетингом : [пер. с англ.] / под ред. Д. Гилберта. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 571 с.

УДК 347.77:004.4(477)

*О. В. Іванюченко***ЮРИДИЧНА ПРИРОДА «ВИНАХОДІВ, ПОВ'ЯЗАНИХ
З КОМП'ЮТЕРОМ», В УКРАЇНІ****Резюме**

Стаття содержит аналіз понять «изобретение», «компьютерная программа». Описана проблема практического применения современной судебной экспертизой действующего законодательства относительно «изобретений, связанных с компьютером». Предмет исследования данной статьи имеет свою специфику. Она заключается в том, что «компьютерная программа, как таковая», так же, как и «изобретение, связанное с ЭВМ», – являются предметом исследования точных наук в области математики, информатики, то есть не являются чисто юридическими. Эти объекты, в общепhilosophical смысле, обладают определенными свойствами, которые им присущи и которые определяются математиками. Право может только связать с выявленными и описанными ими в заявке на патент такими свойствами определенные правовые последствия (права, обязанности, ответственность). Следовательно, «представители» права должны учитывать ту грань, за которой лежит предмет исследования других наук, не правовых.

Summary

The article analyzes the concept of «invention», «computer program». Described the problem of practical application of modern forensics current legislation regarding the «inventions related to computer.» Subject of study in this article is specific. It lies in the fact that «a computer program as such,» as well as «an invention related to computers» – is the subject of the exact sciences in the field of mathematics, computer science, that is not purely legal. These objects, in general philosophical sense, possess certain characteristics that they share and which are defined by mathematicians. Right can only bind to the identified and described them in the patent such properties certain legal consequences (the rights, duties, responsibilities). Hence «representatives» of the right to consider the line beyond which lies the subject of study of other sciences, is not legal.

Ключові слова: винахід, комп'ютерна програма, алгоритм, патенто-спроможність.

Відомо, що під терміном «винахід» маються на увазі такі його об'єкти, як «пристрій» та/або «процес» («спосіб»). Обидва ці об'єкти є класичними об'єктами патентного права. Вони «нетілесні», але мають «тілесні» носії. Тілесний носій «пристрою» характеризується конструктивними ознаками. Тілесний носій «процесу» («способу») характеризується, як «дії /над» тілесним об'єктом (матеріальним об'єктом) за допомогою тілесного об'єкта (матеріального засобу). «Математичне забезпечення» є як об'єктом **прикладної математики**, – «модель → метод → модель», так і **об'єктом інформатики**, – «вихідний текст» → «об'єктний код» (останній є «електронним потоком бітів», що безпосередньо управляє роботою ЕОМ). «Потік бітів» не вдається описати за правилами класичної патентної формули.

Формулювання *назви* «винаходів», яке було введено в проєкті Директиви європейського парламенту та Ради «Про патентоспроможність винаходів, пов'язаних з комп'ютером» від 20 лютого 2002 року [1] (далі – проєкт Директиви ЄС 2002 р.), – автор статті не вважає правильним, адекватним природі досліджуваного явища. Назви **«винаходи, пов'язані з комп'ютером»** / «computer-implemented inventions» та **«винахід, що сприяє діяльності комп'ютера»** / «computer-assisted inventions», – є те ж саме, що і назва «пристрій, пов'язаний з сукупністю пристроїв (машиною, ЕОМ)», або «процес, пов'язаний з сукупністю пристроїв (машиною, ЕОМ)».

Такі *назви* не сприяють усуненню існуючої **двозначності** та **правової невизначеності** стосовно патентоспроможності, з одного боку, «винаходів, пов'язаних з комп'ютером», та, з другого боку, «патентів на програмне забезпечення» (як це зазначено в Пояснювальному меморандумі пропозиції про ухвалення Директиви Європейського Парламенту та Ради від 25 червня 2002 року «Про патентоспроможність винаходів, пов'язаних з комп'ютером») [2].

Предмет дослідження даної статті має свою специфіку. Вона полягає в тому, що «програма для ЕОМ, як така», так само, як і «винахід, пов'язаний з ЕОМ», – є предметом дослідження *точних наук* у сфері математики, інформатики, техніки, тобто не є суто юридичним. І «програма для ЕОМ», і «винахід, пов'язаний з ЕОМ», як об'єкти, в загальнофілософському смислі цього слова, мають *невні*

властивості, які їм природно притаманні і які виявляються, описуються математиками та інженерами. Право може лише пов'язати з виявленими і описаними ними в заявці на патент такими *властивостями* певні правові наслідки (права, обов'язки, відповідальність). Відповідно «представники» від права, у тому числі його дослідники, мають враховувати ту межу, за якою лежить предмет дослідження інших наук, не правових. Вони також мають враховувати результати представників точних наук щодо *властивостей* «програми для ЕОМ як такої», «винаходів, пов'язаних з ЕОМ», а саме: чи є вони за своїм характером, природою лише математичними або ж лише технічними, або мають змішаний характер.

У цьому зв'язку, юрист, у межах предмету свого дослідження, має право ставити питання, формувати задачі на «стику» наук перед фахівцями в галузі математики, інформатики, техніки щодо *властивостей* об'єктів, з яких складаються «програма для ЕОМ, як така», «винахід, пов'язаний з ЕОМ». Специфіка таких задач полягає в тому, що, з одного боку, їх умови є правовими, а з другого боку, – математичними, інформаційними, технічними, тобто не правовими. Саме такі задачі стаття описує і пропонує називати їх «**юридико-технічними**» (умовна загальна назва). Можна вживати і більш точну назву при детальному аналізі об'єктів. Наприклад, коли йдеться про *властивості*, що об'єктивно притаманні об'єктам математики «моделі → методу → алгоритму», то такі задачі слід називати «юридико-математичними»; коли мова йде про *властивості*, які об'єктивно притаманні об'єктам інформатики «вихідний текст» → «об'єктний код», то такі задачі слід називати «юридико-інформатичними»; коли мова йде про *властивості*, що об'єктивно притаманні об'єктам обчислювальної техніки (далі – ООТ), а саме: «пристрою», «процесу», то такі задачі слід називати «юридико-технічними».

Саме такий різновид задач виникає у експертів патентного відомства при розгляді заявки на винахід (корисну модель) відносно «винаходу, пов'язаного з ЕОМ», більш точно «винаходу, пов'язаного з програмою (алгоритмом) для ЕОМ». Вирішення таких «юридико-технічних» задач, по суті, покладається на «науково-технічну експертизу» (ст. 16 «Експертиза заявки» Закону) [4].

В. І. Жуков пише, що подібні задачі повинні бути сформульовані коректно. Труднощі даного етапу дослідження полягають у тому, що він вимагає спільної наукової діяльності представників різних наук і знань, придатних для інтеграції. Це, з одного боку, особи, обізнані в галузі прикладної математики, кібернетики, інформатики, з другого, – особи, обізнані в галузі цивільного права, бажано з числа фахівців у сфері патентного й авторського права. Дана ситуація нагадує процес, що протікає на стику наук при моделюванні математиками реального «нематематичного» об'єкта, коли потрібно поєднати математичні і спеціальні знання про нього (фізико-математичних наук) [3, с. 133].

Такого роду задачі виникають і на рівні учасників судових процесів, зокрема, із залученням судових експертів, патентних повірених при застосуванні чинного в Україні законодавства (законів та підзаконних актів), пов'язаного з охороною патентним правом прав (тут тавтологія доречна) на об'єкти ОТ, а саме, – «пристрої» та «способи», які характеризуються «математичним забезпеченням ЕОМ».

Припустимо, що нам потрібно провести *науково-правову експертизу* відповідно до Закону України «Про наукову і науково-технічну експертизу» [4] і дати відповідь на конкретні *юридичні* питання відносно об'єктів винаходу (ОТ), – «**способу**» та «**пристрою**», які *характеризуються* «математичним забезпеченням ЕОМ» [5]. Було б бажано мати в Україні відповідний «**Тест щодо виявлення умов надання правової охорони**». На жаль, його немає. Слід розпочати його формування і ввести в коло актуальних питань для обговорення науковцями і практиками.

Список літератури

1. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the patentability of computer-implemented inventions /* COM/2002/0092 final – COD 2002/0047// Official Journal L 151 E , 25/06/2002 P. 0129 – 0131 (Проект Директиви європейського парламенту та ради «Про патентоздатність винаходів, пов'язаних з комп'ютером» від 20 лютого 2002 року // Official Journal C 151 E. – 25.06.2002.
2. Пояснювальний меморандум пропозиції про ухвалення Директиви Європейського Парламенту та Ради від 25 червня 2002 року «Про

патентоздатність винаходів, пов'язаних з комп'ютером» // Брюссель, 20.02.2002 COM (2002) 92 final 2002/0047(COD).

3. Жуков В. И. Методология подхода к объектам информатики как к объектам гражданского правоотношения / В. И. Жуков // Социальные и правовые вопросы развития вычислительной техники и научно-технического творчества. Труды по социальным проблемам кибернетики. Ученые зап. Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1989. – С. 127–137.

4. Про наукову і науково-технічну експертизу : Закон України від 10.02.1995 р. № 51/95-ВР // Відомості Верхов. Ради України. – 1995. – № 9. – Ст. 56.

5. Про деякі питання практики призначення судових експертиз у справах зі спорів, пов'язаних із захистом права інтелектуальної власності : Постанова Пленуму Вищого господарського суду України від 23.03.2012 р. № 5 // Вісн. господарського судочинства. – 2012. – № 3. – С. 29.

УДК 339.562:005.51

П. П. Недов

ОПТИМАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ ИМПОРТА ТОВАРОВ ДИЛЕРСКИМИ КОМПАНИЯМИ

Резюме

У статті обґрунтовується необхідність оптимального планування імпортних закупівель товарів дилерськими компаніями на основі варіантного аналізу та обліку, як сукупних витрат компанії, так і можливі бонусні винагороди з боку постачальника товарів. Пропонується класифікація витрат, яка найбільш повно відображає суть фінансово-економічних процесів, що виникають у результаті організації та здійснення закупівель товарів за імпортними контрактами. Проведені дослідження дозволили виявити і ранжирувати фактори, які суттєво впливають на ефективність імпорту товарів дилерськими компаніями. Особливу увагу приділено розробці алгоритму обліку витрат, пов'язаних із залученням позикового капіталу для фінансування закупівель і витрат втрачених можливостей. Результати досліджень втілені в розробленій методиці планування, яка отримала практичну реалізацію у виробничо-торговій компанії «С КАР».

Summary

The need of optimum planning for import purchases of goods by dealer companies on the basis of alternative analysis and accounting of cumulative expenses of the company, and possible bonus remunerations from the supplier of goods is grounded. The classification of expenses that fully reflect a matter of financial and economic processes as result the organization and implementation of purchases of goods under import contracts is proposed. The conducted researches allowed us to reveal and range the factors that had significant influence on the efficiency of import of goods by the dealer companies. The special attention was paid to development of an algorithm that accounts of expenses related to capital formation for financing of purchases and expenses of the lost opportunities. Researches results were implemented in the development planning technique which received practical realization in trading company «S-Car».

Ключевые слова: оптимальное планирование, частота закупок, прямые затраты, процентные затраты, бонус, скидка, дилер, импорт.

В системе приоритетных задач, успешное решение которых повышает конкурентоспособность и динамичность развития компаний, обладающих статусом дилера, первоочередной является задача оптимального управления товарными запасами. Это связано с тем, что в объеме ресурсов, вовлекаемых этими компаниями в бизнес-процессы, доля товарных запасов составляет более 70 процентов. При такой ситуации цена ошибочных управленческих решений в области планирования товарных закупок чрезвычайно велика и может привести к значительным финансовым и иным потерям, а возможно, и к лишению статуса официального дилера. Этим определяются повышенные требования, предъявляемые к достоверности и реалистичности разрабатываемых планов формирования товарных запасов в течение всего планируемого периода.

Исследованию проблемных вопросов планирования и управления запасами посвящены работы многих ученых-экономистов как в Украине, так и за рубежом. Достаточно глубоко и всесторонне данная проблема исследована в работах таких ученых, как И. И. Бажин, Л. Г. Бродецкий, А. М. Гаджинский, Ю. М. Неруш, О. Пестрецова, Д. Шрайбфедер и др.

В то же время ряд аспектов оптимального планирования товарных закупок еще недостаточно разработан и требует проведения дальнейших исследований. В первую очередь это касается оптимизации товарных закупок, осуществляемых по импортным контрактам. Особенно актуальным данный вопрос является для компаний, имеющих статус официального дилера зарубежного товаропроизводителя и функционирующих в рамках дилерской сети. Это связано с тем, что статус дилера обязывает дилерскую компанию, наряду с выполнением общих правил ведения бизнеса, соблюдать также все требования, закрепленные в дилерском соглашении.

Вместе с тем, статус дилера зарубежного товаропроизводителя – это не только обязанность соблюдения точного регламента ведения коммерческой деятельности, но и возможность участвовать в различных поощрительных программах, организуемых последним среди дилерских компаний. Масштабы поощрений, как правило, функционально связываются с объемами, ассортиментом, частотой

закупок и соблюдением условий взаиморасчетов и условий поставок. Эти обстоятельства предъявляют дополнительные требования к методикам планирования товарных закупок в части максимально корректного сопоставления издержек и ожидаемых выгод при различных вариантах осуществления импортных закупок. В этой связи задача оптимизации закупок должна рассматриваться не как изолированная проблема дилерской компании, а в тесной увязке с правилами функционирования дилерской сети, включая и бонусные программы товаропроизводителей. Эти вопросы в настоящее время еще недостаточно разработаны и требуют проведения дальнейших исследований и практической апробации полученных результатов.

Целью статьи является обоснование необходимости использования методики оптимального планирования импортных товарных закупок дилерскими компаниями с учетом особенностей планируемых продаж, спецификой перемещения товарных потоков и мотивационных программ компаний-поставщиков товаров.

Прежде чем перейти к анализу факторов, влияющих на эффективность работы компании в области формирования товарных запасов, есть необходимость вкратце остановиться на особенностях ведения бизнеса компаниями, обладающими статусом официального дилера того или иного зарубежного брендового товаропроизводителя.

Вряд ли сегодня можно встретить руководителя более-менее успешной компании, который бы не мечтал получить для своего предприятия статус официального дилера известного зарубежного товаропроизводителя, продукция которого является объектом коммерческих интересов данной компании. И стремление к получению такого статуса вполне объяснимо, поскольку дает компании-дилеру ряд преимуществ по сравнению с компаниями, не обладающими таким статусом. В качестве наиболее значимых преимуществ можно назвать:

✓ Прямой доступ к востребованным на внутреннем рынке товарным ресурсам товаропроизводителя, что позволяет закупать их по самым низким оптовым ценам. Низкая закупочная цена уже создает значительные конкурентные преимущества перед компа-

ниями, закупающими аналогичные товары у посредников, поскольку, при прочих равных условиях, низкая закупочная цена позволяет компании-дилеру иметь больший диапазон изменения цены продажи, при этом обеспечивая необходимую прибыльность коммерческой деятельности.

✓ Получение исключительного права на осуществление торговой деятельности по определенному ассортименту товаров данного товаропроизводителя, которые реализуются на рынке только через официальную дилерскую сеть.

✓ Возможность использования рекламных ресурсов товаропроизводителя для увеличения собственных продаж в регионе и одно-временной раскрутки самой компании.

✓ Наличие доступа к бизнес-моделям и прогрессивным методам организации бизнес-процессов в других дилерских компаниях, успешно функционирующих в данной сети. Это дает возможность критически анализировать и совершенствовать собственную бизнес-модель и оптимизировать свои бизнес-процессы.

✓ Необходимость соблюдения принятых в дилерской сети корпоративных стандартов по качеству обслуживания конечных потребителей продукции постоянно стимулирует дилерскую компанию к поиску новых форм и методов работы с клиентами. Такая повседневная работа только усиливает конкурентные позиции дилера в регионе.

✓ Наличие различных мотивационных программ, стимулирующих дилеров к увеличению объемов закупок и, соответственно, продаж всей номенклатуры продукции, продвигаемой в данной дилерской сети.

Список преимуществ, которые получают компании с приобретением статуса официального дилера, можно было бы продолжить, но даже из приведенного сокращенного перечня получаемых выгод можно сделать вывод, что выгоды достаточно весомы и стремление компаний к получению такого статуса очень обосновано.

Вместе с тем, наряду с получаемыми коммерческими выгодами, статус дилера накладывает ряд существенных требований к коммерческой деятельности компании, что существенно сужает простран-

ство для маневра на рынке. В разных дилерских системах различные требования к деятельности дилерских компаний, но общими для многих сетей являются, как правило, такие требования:

- ✓ ограничение действия статуса дилера границами определенного региона;
- ✓ возможность функционирования нескольких компаний-дилеров одного и того же товаропроизводителя в одном регионе, что приводит к конкуренции между ними;
- ✓ необходимость придерживаться единой ценовой и дисконтной политики и не допускать демпингового ценообразования;
- ✓ необходимость выполнения заявленных планов закупок товаров и соблюдения регламентированных правил взаиморасчетов;
- ✓ строгое соблюдение гарантийных обязательств, установленных товаропроизводителем;
- ✓ ограничение в праве получения данной компанией статуса дилера других товаропроизводителей, являющихся прямыми конкурентами данного товаропроизводителя и др.

Извлечение максимально возможной выгоды для компании, получившей статус дилера, и минимизация негативных последствий, связанных с появлением определенных ограничений в ведении коммерческой деятельности, возможно, прежде всего, на основе создания гармоничных отношений с товаропроизводителем – поставщиком товаров в дилерскую сеть. Этого можно достичь на основе разработки и согласования с поставщиком обоснованных планов закупок товаров в течение всего планового периода. Наличие такого согласованного плана позволяет товаропроизводителю разрабатывать план производства и отгрузки готовой продукции и прогнозировать финансово-экономическое состояние предприятия в плановом периоде. При этом товаропроизводитель должен заранее, еще до начала разработки дилерами планов товарных закупок, довести до их сведения программу бонусных вознаграждений в плановом периоде при различных вариантах закупки товаров и для различных базисных условий поставок. Данная информация от поставщика необходима для того, чтобы дилеры, разрабатывая различные сценарии и алгоритмы закупки товаров, могли учесть возможные

бонусные вознаграждения при том или ином плане товарных закупок и условий поставки. Для реализации этой задачи дилеры должны обладать соответствующей методикой планирования, которая позволяла бы разрабатывать несколько возможных вариантов организации закупки товаров и выбирать тот вариант, который по выбранному критерию является наиболее оптимальным.

Прежде чем перейти к изложению сути предлагаемой методики, считаем необходимым уточнить некоторые вопросы, связанные с классификацией издержек, которые сопровождают процесс формирования товарных запасов, и предложить некоторые уточнения к существующей классификации затрат.

Общеизвестно, что задача оптимального планирования закупок того или иного наименования товара сводится, в конечном итоге, к определению такого объема и частоты закупок при заданных условиях поставки, которые позволят компании решить две очень важные задачи:

1. Бесперебойное, своевременное и полное удовлетворение потребностей клиентов в данной номенклатуре товаров по приемлемым ценам.

2. Обеспечение минимально возможных совокупных издержек компании, связанных с закупкой, транспортировкой, страхованием, хранением и другими операциями, сопровождающими процесс формирования товарных запасов, включая издержки утраченных возможностей.

Следует отметить, что в большинстве случаев на этапе планирования дилерские компании ориентируются на определенный объем продаж под каждый возможный сценарий развития данного рынка в плановом периоде, исходя из сложившейся динамики продаж, и рассматривают оптимизацию закупок под заданный сценарий как задачу с фиксированным объемом заказа.

В современной литературе [1; 3; 6] при определении оптимальной величины заказа, как правило, выделяют два вида издержек:

✓ *Издержки, связанные с выполнением заказа.* Сюда включают следующие элементы: стоимость транспортировки заказа, затраты на разработку условий поставки, стоимость контроля

исполнения заказа, затраты на информирование, стоимость форм документов.

✓ *Издержки, связанные с хранением и складской обработкой товара.* Сюда включают такие элементы, как затраты на физическое хранение запасов исходя из средней стоимости запасов, возможные проценты на капитал, определяемые в процентах от средней стоимости запасов.

Совершенно очевидно, что указанные факторы существенно влияют на издержки компании при формировании товарных запасов, однако в нынешних условиях осуществления импортных товарных закупок дилерскими компаниями число факторов, влияющих на эффективность закупок, значительно шире и они должны учитываться при планировании товарных закупок.

Проведенные исследования позволили определить перечень факторов, влияющих на эффективность импортных товарных закупок, и ранжировать их по степени влияния на стоимость заказа. Результаты ранжирования факторов по степени значимости следующие:

1. Соотношение базовой франко-цены поставки и средней оптовой (мелкооптовой, розничной) цены продажи товара на внутреннем рынке, с учетом ставок таможенных пошлин на импортируемые товары.

2. Весомость бонусной программы поставщика и реалистичность достижения показателей, позволяющих получить бонусы в сложившейся рыночной конъюнктуре по заданной номенклатуре товаров.

3. Транспортные издержки при различных объемах заказа и базисных условиях поставок.

4. Ставка процента на заемный капитал, доступность заемного капитала и доля заемных средств в объеме финансирования закупок товаров по данному контракту.

5. Динамика соотношения курса национальной валюты к валюте взаиморасчета, закреплённого в контракте на поставки товаров.

6. Оборачиваемость оборотного капитала компании-импортера и уровень его прибыльности.

7. Стоимость физического хранения партии товаров на складе импортера.

8. Затраты на разработку условий поставки, стоимость контроля

исполнения заказа, затраты на информирование, стоимость форм документов.

Эти факторы, с нашей точки зрения, оказывают наиболее существенное влияние на совокупные издержки дилерской компании-импортера, связанные с реализацией плана товарных закупок, и должны быть учтены в разрабатываемой методике планирования.

Для удобства выполнения вариантного анализа совокупных издержек при различной частоте закупки предлагается придерживаться следующей группировки издержек:

1. Первая группа издержек – *прямые издержки*. К этой группе предлагается относить издержки, связанные с арендной платой и содержанием складских помещений, складской обработкой товара; издержки на транспортировку одной партии товаров заданным видом транспорта; издержки, связанные с оплатой услуг брокеров; издержки на оформление и организацию доставки одной партии товаров. Эти издержки, как правило, носят постоянный характер и если и изменяются, то их изменение носит скачкообразный управляемый характер.

2. Вторая группа издержек – *процентные издержки*. Сюда предлагается относить издержки, связанные с выплатой процентов по заемным средствам, привлекаемым для финансирования планируемых закупок; издержки компании, возникающие в результате снижения курса национальной валюты относительно валюты контракта; издержки, связанные с покупкой валюты для осуществления платежей по контрактам; издержки утраченных возможностей в связи с замораживанием средств на определенное время в товарных запасах и иные издержки, определяемые в процентах от объема финансирования создания товарно-материальных запасов. Эти издержки функционально зависят от таких факторов, как ставка процента по кредитам, доля кредитных ресурсов в объеме финансирования закупок, прибыльность оборотного капитала, частота закупок и т. д. Эта группа издержек является определяющей при выборе рационального плана закупок товаров. Указанные издержки носят непрерывный характер и функционально связаны с изменением перечисленных факторов.

Такая группировка издержек в контексте разработки оптимального плана закупок по импорту дилерскими компаниями позволяет составить рациональный алгоритм вариантного анализа издержек и выбрать тактику закупок, обеспечивающую минимальные суммарные издержки по закупкам данного наименования или группы товаров.

При фиксированном объеме закупок и принятых базисных условиях поставки оптимальной может считаться такая частота закупок, при которой минимизируются суммарные издержки компании-импортера, скорректированные на сумму бонусных вознаграждений товаропроизводителя. В формализованном виде это утверждение может быть представлено следующим образом.

План с частотой закупки K может быть принят в качестве оптимального в заданных условиях ведения бизнеса, если обеспечивается:

$$F_k = \sum_{t=1}^T (C_t^{\text{проц}} + C_t^{\text{прям}}) - B_k \rightarrow \min \quad (1)$$

где F_k – суммарные издержки, связанные с формированием товарных запасов при частоте закупок k , тыс. у. е.;

$C_t^{\text{проц}}$, $C_t^{\text{прям}}$, B_k – соответственно процентные издержки, рассчитанные для периода t ; прямые издержки, рассчитанные для периода t ; сумма бонусных вознаграждений при частоте закупок k , тыс. у. е.

Для удобства изложения методики, в дальнейшем в качестве минимально допустимого периода времени между двумя смежными поставками условно примем один календарный месяц.

Процентные издержки компании для календарного месяца с порядковым номером t ($C_t^{\text{проц}}$) рекомендуется рассчитывать по такой формуле:

$$C_t^{\text{проц}} = (Q_z - \bar{Q}_t \times t) \times [(1 + \alpha)^t - 1], \text{ у. е.}, \quad (2)$$

где Q_z – объем закупаемых товаров в стоимостном выражении

в рамках одного заказа (партии). Его значение определяется по формуле (3);

\overline{Q}_t – среднемесячный объем продаж данного вида товаров, у. е.;

t – порядковый номер месяца, для которого рассчитываются издержки;

α – интегральная среднемесячная ставка процента, учитывающая процентную ставку по заемным средствам, потери в связи со снижением курса национальной валюты относительно валют взаиморасчетов, установленных в контрактах, и издержки утраченных возможностей, доли.

Следует отметить, что применение формулы (2) будет корректным только в том случае, если условно предположить, что характеристики потока реализуемых товаров со склада соответствуют характеристикам потока пренумерандо. Если в расчетах исходить из предположения, что характеристика выбытия товаров со склада соответствует параметрам потока постнумерандо, то параметр t в формуле (2) преобразуется в параметр $(t-1)$.

Объем закупаемых товаров в стоимостном выражении в пределах одной партии определяется по формуле

$$Q_Z = \frac{N_T \times P_{ОПТ}}{k}, \quad (3)$$

где N_T, p_{opt}, k – соответственно годовой объем закупаемых товаров в натуральных единицах измерения, шт.; оптовая цена одной единицы товара без учета дисконтных скидок и наценок; количество запланированных закупок в год.

Значение интегральной среднемесячной ставки процента рекомендуется определять по формуле

$$\alpha = \frac{\Pi_{БК}}{100 \times 12} \times \frac{\eta_{БК}}{100} + \frac{\Pi_{курс} + R_{ок}}{100 \times 12}, \text{ доли}, \quad (4)$$

где $\Pi_{БК}, \eta_{БК}, \Pi_{курс}, R_{ок}$ – соответственно годовая ставка процен-

та по банковскому кредиту; доля заемных средств в общем объеме финансирования закупок данного вида товара; годовой процент потерь в связи со снижением курса национальной валюты относительно валют взаиморасчетов, установленных в контрактах; годовая прибыльность оборотного капитала компании.

Годовая прибыльность оборотного капитала определяется по следующей формуле:

$$R_{ok} = r_{ok} \times \frac{365}{d_{ok}}, \% \quad (5)$$

где r_{ok} , d_{ok} – соответственно прибыльность оборотного капитала за один оборот, %; продолжительность одного оборота оборотного капитала, дни.

Прямые издержки за календарный месяц с порядковым номером t определяются по формуле

$$C_t^{\text{прям}} = C_t^a + C_t^{\text{тр}} + C_t^{\text{обс}} + C_t^{\text{пр}}, \quad (6)$$

где C_t^a , $C_t^{\text{тр}}$, $C_t^{\text{обс}}$, $C_t^{\text{пр}}$ – соответственно арендная плата и расходы, связанные с содержанием и эксплуатацией складских помещений; транспортные расходы, издержки на оформление и организацию доставки одной партии товаров, включая брокерские расходы; прочие расходы, связанные с формированием товарных запасов (сертификация товаров, расходы по утилизации отходов и тары, расходы по санитарному и фитоконтролю и т. д.).

Некоторые авторы утверждают, что при увеличении частоты закупок пропорционально уменьшаются расходы на физическое хранение товара, имея в виду арендную плату и прочие эксплуатационные расходы по арендуемым помещениям. С этим утверждением можно согласиться лишь частично, так как, действительно, меньшая партия товара на складе требует и меньших площадей для размещения. Но это вовсе не означает, что по мере высвобождения площадей от одних групп товаров происходит автоматическое

заполнение этих площадей другими группами товаров. Ведь оптимизация товарных закупок – процесс непрерывный, а заключение договоров на аренду и эксплуатацию производственных помещений – события дискретные, определяющие арендные отношения на несколько лет. Величина арендной платы и расходы по эксплуатации зданий не зависят от степени наполняемости их товарами, а определяются условиями договоров аренды. В этой связи, при разработке оптимальных планов товарных закупок более корректным будет подход, при котором расходы на физическое хранение будут приняты как постоянная величина, не зависящая от частоты закупок.

Сумма бонусных вознаграждений для k -й частоты закупок определяется по формуле

$$B_k = Q_r \times \frac{h_k}{100}, \quad (7)$$

где B_k , Q_r , h_k – соответственно сумма бонусных вознаграждений для k -го варианта закупок; годовой объем закупок, у. е.; процент скидки к базовой оптовой цене закупки для данной частоты закупок, %.

Если по условиям поставщика под заданный вариант закупки предусматривается не скидка, а наоборот, наценка к оптовой цене, то есть предполагается «штрафной» бонус, то сумма «штрафного» бонуса определяется по формуле

$$(-B_k) = Q_r \times \frac{(-h_k)}{100}, \quad (8)$$

где $(-B_k)$, Q_r , $(-h_k)$ – соответственно сумма «штрафных» бонусов для k -го варианта закупок; годовой объем закупок, у. е.; процент наценки к базовой оптовой цене закупки, %.

Таким образом, выполнив расчеты по алгоритму, описанному формулами (1)–(8) для различных возможных сценариев организации закупок импортных товаров, представляется возможным выявить такую частоту закупок, при которой минимизируется целевая функция

(1). Данная частота закупок принимается за основу при разработке оптимального плана импортных товарных закупок.

После определения оптимальной частоты закупок необходимо определиться с периодичностью закупок и рассчитать дифференцированные объемы каждого заказа. Если существующие бизнес-процессы допускают пополнение склада с одинаковой периодичностью, то периодичность закупки товаров определяется по следующей формуле:

$$T_{\text{пост}} = \frac{D_{\text{пл}}}{k}, \quad (9)$$

где $T_{\text{пост}}$, $D_{\text{пл}}$, k – соответственно периодичность осуществления закупки товаров; продолжительность планового периода, мес.; частота закупок в течение планового периода.

Так, если продолжительность планового периода составляет 12 месяцев, а оптимальная частота закупок равна шести закупкам в год, то периодичность закупки будет равняться одной закупке в два месяца.

В процессе поиска оптимальной частоты закупок мы оперировали, в основном, различными видами издержек и бонусной составляющей деятельности дилерской компании, не принимая при этом во внимание периодические (сезонные) колебания продаж рассматриваемой номенклатуры импортируемых товаров. Если ориентироваться только на среднемесячные показатели продаж, то это может привести в отдельные периоды к дефициту товаров или к их избытку. И первая, и вторая ситуация не может быть признана нормальной, поэтому при разработке планов закупки товаров следует учитывать сезонную составляющую колебания продаж и с ее учетом формировать заказы.

Для этих целей следует использовать формулу расчета объема партии закупаемых товаров в стоимостном выражении для заданного расчетного периода T :

$$Q_Z^T = \sum_{t=1}^m \bar{Q}_t \times J_t, \quad (10)$$

где Q_Z^T , \bar{Q}_t , J_t – соответственно объем закупаемой партии товаров в стоимостном выражении в расчетном периоде T ; среднемесячный объем закупаемого товара; индекс колебаний продаж в месяце t ; t меняется в интервале от $1 \leq t \leq m$, где m – количество месяцев, включенных в расчетный период T .

Составленный план закупок товаров, в котором минимизированы суммарные издержки дилерской компании, учтены сезонные колебания продаж и зафиксирована система бонусных вознаграждений, передается на рассмотрение товаропроизводителю-поставщику для подготовки проекта договоров поставки товаров на весь плановый период.

Данная методика планирования импорта товаров получила широкое применение в процессе разработки текущих планов закупки товаров по импорту в частном акционерном обществе «С КАР».

Проведенные исследования и практическая апробация полученных результатов подтверждают, что при оптимальном планировании закупок товаров по импорту дилерскими компаниями следует ориентироваться на критерий минимизации совокупных издержек компании, скорректированных на величину бонусных вознаграждений со стороны товаропроизводителя-поставщика. Использование предложенной методики планирования позволит дилерским компаниям минимизировать собственные издержки на формирование товарных запасов и максимально эффективно использовать выгоды от предложенных бонусных программ.

Список литературы

1. Бажин И. И. Логистика : учебник для студентов / И. И. Бажин. – Харьков : Консум, 2004. – 240 с.
2. Бродецкий Л. Г. Управление запасами / Л. Г. Бродецкий. – М. : Эксмо, 2007. – 400 с.
3. Гаджинский А. М. Логистика : учебник для высш. и сред. спец. учеб. заведений / А. М. Гаджинский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Маркетинг, 2000. – 375 с.
4. Легостаева Е. А. Внедрение эффективной системы управления производственными запасами / Е. А. Легостаева, С. В. Шубина, Н. М. Самородова // Бизнес-информ. – 2012. – № 2. – С. 154–160.

5. Неруш Ю. М. Коммерческая логистика : учебник для вузов / Ю. М. Неруш. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. – 271 с.

6. Остервальдер А. Построение бизнес-моделей: настольная книга стратега и новатора / Александр Остервальдер, Ив Пинье ; пер. с англ. – М. : Альпина паблишер, 2011. – 288 с.

7. Пестрецова О. Управление запасами как процесс получения прибыли / О. Пестрецова // Справочник экономиста. – 2007. – С. 50–51.

8. Чесбро Генри. Открытые бизнес-модели. IP-менеджмент / Генри Чесбро ; пер. с англ. В. Н. Егорова. – М. : Поколение, 2008. – 352 с.

**Сучасне суспільство
в контексті гуманітарного
знання
(філософія, історія,
соціологія, філологія)**



І. В. Тарасенко

СВІТОГЛЯДНІ ЗНАЧЕННЯ ІНФОРМАЦІЙНОЇ КУЛЬТУРИ

Резюме

В статті изложены факторы, которые влияют на изменения мировоззрения, картины мира в современной культуре. Культура рассматривается как знаковая и информационная система. Дано определение «семиосферы», описаны механизмы функционирования и динамика культуры.

Сравнение коммуникативных явлений культуры с информационными коммуникативными процессами в технических устройствах выявляет образование смыслов, значений в мире культуры. И развитие науки, и признание духовности приводит к формированию новых смыслов, значений в культуре. В знаковом пространстве культуры философия и наука создают новую картину мира. Мировоззрение является высшим уровнем систематизации философского и научного знания в системе культуры. Культурные смыслы, значения реализуются в мышлении и деятельности человека.

Summary

The factors that effect on the changes of the scientific view and the picture of the world in the modern culture are discussed in this paper. The culture is considered as the sign and information system. The definition of «semiosphera», the mechanisms of functioning and dynamics of the culture are described.

A comparison between communicative facts of the culture and informational communicative processes in technical devices shows up the formation of the meanings in the world of culture. Both the development of the science and the recognition of the spirituality lead to the formation of new meanings in the culture. Philosophy and science create the new picture of the world in sign area of the culture. The scientific view of the world is the high level of systematization of philosophical and scientific knowledge in the system of culture. The cultural meanings are realized in thought and human activity.

Ключові слова: світогляд, інформація, картина світу, культура.

Стан сучасної культури багато в чому визначається різноманітними інформаційними процесами. Визнання того, що інформація в сучасності є визначальним фактором існування культури приводить до

усвідомлення культури як певного механізму організації та збереження інформації. В сучасності культура є інформаційною системою.

Наукові відкриття привели до значних наслідків у стані інформаційних та комунікативних технологій. Вони змінюють світосприйняття сучасної людини. Філософське осмислення інформаційних процесів у культурі та інформаційних технологій зумовлює зміни в розумінні свідомості та мислення людини. Поглиблюється філософський аналіз свідомості, діяльності людини та наукових ідей через розгляд їх знакової репрезентації.

Змінюються сучасні норми духовності та раціональності. В системі культури формуються нові уявлення про дух та свідомість. У філософії визнається, що раціональність потрібно розглядати у більш широкому духовному контексті. Новим у розумінні раціональності стає потреба усвідомлення й утвердження духовності.

У культурі стверджується людинорозмірний світ. Сміслоутворюючою системою є і наука, що є складовою культури. При розгляді науки в контексті культури виділяється знання, що є результатом творчої діяльності. Розуміння науки як факту культури поширює її практичну значимість. «Важливою формою конститування науки в системі культури є світогляд як вищий рівень систематизації знання й усвідомлення його ціннісних передпошилок. Світогляд і є істотним соціокультурним чинником «повернення» людського світу, що відчужується на рівні теоретичного знання силою наукових абстракцій. Ось чому можна говорити не тільки про світогляд як форму зведення наукових результатів до культурних явищ, але й про культурно-світоглядну мотивацію науки» [4, с. 162–163].

Мета – дослідження факторів, які впливають на формування свідомості в інформаційній культурі.

Завдання даної публікації – проаналізувати сучасні філософські уявлення про культуру як знакову та інформаційну систему, визначити зміни в розумінні світогляду, свідомості, раціональності, мислення в сучасній культурі.

Філософсько-теоретичне обґрунтування культури як знакової системи відбувається в сучасності з використанням феноменології, герменевтичного тлумачення, інтерпретації, розумінням культури як

семіосфери, з розвитком семіотики. В постнекласичній науці визнається потреба поєднання, інтеграції гуманітарного, природничо-наукового та технічного знання, зокрема при розгляді систем, що саморозвиваються. Філософський розгляд культури як знакової системи визначається потребами самовідновлення, самоорганізації та стійкого розвитку культури. Якщо раніше дослідження культури відбувалося за моделлю замкнутої системи, то в теперішній час більш поширеною стає її розуміння як відкритої, комунікативної системи. Філософські уявлення про культуру як знакову систему поєднуються з філософським аналізом інформації, науки, техніки в сучасній культурі.

Інформаційні підвалини еволюції, культури представлено в концепції семіосфери (культури як знакової системи), запропонованій дослідником культури Ю. М. Лотманом. Семіосфера є сферою думки, інформації. «Вся семіосфера в цілому може розглядатись як генератор інформації» [5, с. 254]. Семіосфера – це простір культури, який є нерозкладним механізмом, що працює. Семіосфера виробляє енергію думки, генерує інформацію. Саме структурованість семіотичного простору сприяє процесам утворення нової інформації. «Пересіченість семіотичного простору численними межами створює для кожного повідомлення, що рухається в ньому, ситуацію багаторазових перекладів та трансформацій, які супроводжуються генеруванням нової інформації, що набуває лавиноподібного характеру» [5, с. 265]. Можливість формування нової інформації дозволяє вважати переклад механізмом свідомості.

Культура як знакова система – гнучка і динамічна. Динамічність культури полягає у її циклічному розвитку. Самоорганізація системи здійснюється в процесі самоопису. Такі риси культури як гнучкість, здатність до саморозвитку роблять її ефективною. До робочих механізмів культури Ю. М. Лотман відносив механізм самовідновлення, механізм оцінки та вибору, завдяки чому діяльність культури носить інформаційно змістовний характер.

Культуру Ю. М. Лотман вважав сукупністю текстів. «З семіотичної точки зору культуру можна розглядати як ієрархію окремих семіотичних систем, як суму текстів і співвіднесеного з ними набору функцій або як певний пристрій, що породжує ці тексти. Семіотична

структура культури та семіотична структура пам'яті являють собою функціонально однотипні явища, розташовані на різних рівнях. Це положення не суперечить динамізму культури: будучи в принципі фіксацією минулого досвіду, вона може бути і програмою, і інструкцією для створення нових текстів» [5, с. 516].

Культура є системою збереження та передачі людського досвіду. Пам'ять колективу може бути виражена системою заборон та розпоряджень, вказівок. Головне – наявність у культурі системи збереження та передачі досвіду колективу. Культура як ціле наділена апаратом пам'яті та механізмами вироблення нової інформації, що і робить культуру об'єктом інтелектуального типу. Інтелектуальні властивості культури, наявність у ній історичної пам'яті, механізму обробки інформації зіставляються з інтелектуальними здібностями людини.

Ю. М. Лотман визнавав, що семіосфера є генератором інформації, енергії, але не пояснював та не розвивав енергетичне розуміння інформації, культури. У філософії енергетичне розуміння інформації, думки, ширше – інформаційно-енергетична концепція культури і людини, наукове обґрунтування духовних феноменів представлено в творчості О. І. Реріх і М. К. Реріха.

Різні ступені пізнання відповідають різному рівню розвитку свідомості. Свідомість, що не вмщує космічну творчість, називають частковою. Ступінь свідомості може бути виявлений через розгляд здійснення добрих дій, розвиток мислення, розуміння краси людиною. Усвідомлення краси серед духовності є рідкою, але цінною якістю. Дати пораду або допомогти людині можна лише у відповідності до рівня розвитку свідомості.

Використання термінів «свідоме», «несвідоме» або «підсвідоме» в західно-європейській філософії є відносними в розумінні свідомості. Зокрема, до несвідомого відносять всі явища, які є ще не зрозумілими, тобто ще не знайшли пояснення в сучасній науці. «Безперервно здійснюється робота в глибинах свідомості, та як рідко люди відчують її. Чуйна людина уловлює ці внутрішні заклики, які допомагають їй в деяких подіях. Вчені намагаються це назвати інтуїцією або підсвідомістю. Вони бояться назвати цей процес роботою свідомості. Якщо покласти невідомі межі між надсвідомістю та підсвідомістю,

то де ж буде свідомість? Подібно серцю свідомість працює і вдень, і вночі» [2, с. 458].

Оновлення свідомості може відбутися при прийнятті відповідальності за дух. Свідомість наростає дуже повільно. Повільність зростання свідомості може бути порівняна з повільністю формування кристалу або повільним ростом трави. Зростання свідомості змінює еманацию зерна духу. «Зерно духу є часткою стихійного вогню, а накопичена навколо нього енергія є свідомість» [3, с. 348]. Певні уявлення потребують деякого часу на сприйняття. Уявлення повинні бути співзвучними індивідуальному мисленню. Вдосконалення свідомості є дуже індивідуальним процесом. Розвинута свідомість є ясною, твердою та рухливою.

Основною енергією свідомості є психічна енергія. Вона ж всеначальна, духовна, єдина, але може мати різні виявлення. Фізичні виявлення мають і процеси мислення. Потрібна природна рівновага і взаємодія духовних (психічних) та фізичних явищ. Фізичний стан пов'язаний з духом. Крізь фізичну оболонку просвічують форми духу. Густина матерії (фізичного тіла) заважає проникненню голосу духу, знанню духу. Дух виявляється завдяки нервам.

Відповідність духу і нервової системи відбувається через нервові центри. Свідомість «відштовхується» від мозку. Визнання того, що найкращі психічні апарати розміщені в мозку, пояснюється наявністю нервових центрів. Досягнення взаєморозуміння залежить не від слів, а від дотику до мозкових центрів. Переконають не слова, а дія мозкового центру. Нервова система сучасної людини є значно розвинутою. Природні виявлення психічної енергії є цінними. Природними властивостями людини є воля і думка.

М. К. Реріх визнавав, що розвиток духовності можливий при вдосконаленні мислення. Всеначальна енергія єдина. Одним з її виявлень є енергія думки. Енергія думки є найтоншою. «Не можна обмежувати думку сферою земною, інакше хвилі радіо зможуть змагатися з найбільшою енергією» [1, с. 67]. Дія нервової енергії могутніше, ніж фізична (мускульна) сила. Думки можуть спричиняти фізичні прояви, наприклад, випромінювати світло. М. К. Реріх наполягав на вивченні дійсності шляхом наукових спостережень та

досліджень. Він писав про розвиток тонких відчуттів, науку про вібрації, що змінять життя людини.

У сучасній філософії простежується формування нового системного світоглядного дискурсу, нового мислення, нових загальних принципів пізнавальної діяльності та творчості. В знаковому просторі культури продукуються смисли.

У. Еко розглядає всі явища культури як факти комунікації та окремі повідомлення, для розуміння яких потрібно співвідносити їх з кодом. Серед засобів масової комунікації він виділяє телебачення, кіно, радіо, пресу, рекламу. В процесі комунікації, що є передачею повідомлення, використовується код. Повідомлення, обране із певних символів на основі коду, У. Еко розуміє як означаюче, яке в подальшому стає джерелом нових повідомлень (тобто є вже інформацією семіологічною). Фізична інформація, яку передає канал зв'язку, визначається кількісними методами. Семіологічна інформація визначається за допомогою значень у відповідності до певних кодів. Код є відповідністю означаючого та того, що позначається (за термінологією Ф. де Сосюра). «Код – це модель, яка є результатом низки умовних спрощень, створених заради того, щоб забезпечити можливість передачі тих або інших повідомлень» [6, с. 83]. У. Еко вважає, що семіологія досліджує при цьому комунікативні конвенції (угоди), що є феноменами культури. Код, на його думку, є теоретичною моделлю, структурою культури. До культурних кодів він відносить етикет (як систему жестів, табу та ін.), системи моделювання світу (легенди, міфи, теологічні системи), типологію культур, моделі соціальної організації.

У світі культури комунікація здійснюється на основі різних кодів. Вибір коду визначається конкретною ситуацією, обставинами комунікації. Значення, смисл повідомлення визначається ситуацією. Зв'язок (умовний) між символом та річчю (референтом) полягає в інформації про річ (референції), яку містить символ. Зв'язок між символом і референцією є безпосереднім. Символ може мати значення, але позначати неіснуючу річ. «Відношення між символом і його значенням можуть змінюватись: вони можуть розростатися, ускладнюватись, викривлятись; символ може залишатись незмінним, тоді

як значення може збагачуватися або бідніти. І ось цей неспинний динамічний процес і слід називати «значенням» (сенсом)» [6, с. 65].

При отриманні (денотації) повідомлення символ (знак) повідомлення для людини не тільки супроводжується значенням (конотацією), а й певними ідеями в залежності від досвіду, очікувань (що У. Еко називає лексикодом, якщо ці очікування поділяються й іншими людьми). «Означаюче дедалі все більше стає перед нами як смислопороджуюча форма, творець сенсів, що наповнюється великою кількістю значень та со-значень, завдяки кореспондуючим між собою кодам і лексикодам» [6, с. 72].

При передачі повідомлень від людини до людини у світі культури ситуація змінюється і потрібно враховувати виникнення сенсів, значень. Отримавши повідомлення, людина реагує на значення, тоді як технічний пристрій не розуміє значення. Тому в процесі комунікації в культурі потрібно враховувати сенси, значення.

Філософські смисли, які актуалізуються в сучасній культурі, досліджував видатний український філософ та вчений С. Б. Кримський. Він наполягав на необхідності саме філософського осмислення різних процесів, які відбуваються в сучасній культурі, основних різновидів духовної та практичної діяльності. Активність людини може виявлятися не тільки в предметній діяльності, праці, тобто цілеспрямованій зміні речей для забезпечення життєвих потреб. Людина може виявляти активність духу; така активність, діяльність має інформаційне наповнення. «Філософія прокладає стратегічні траси людського самобудівництва, є смислотворчістю життя в її надіях, безнадійності та суперечності, тобто виступає як літургія смислу» [4, с. 9, 10]. С. Б. Кримський визнавав, що розв'язання запитальних ситуацій, виникнення смислів визначається свідомістю. Реальність сприймається у відповідності до стану та відкритості свідомості. Реалізуються ці смисли в знанні та діяльності.

Досліджувати свідомість у вигляді смислів буття, реальності, яка мислиться і тим стверджується, пропонує вслід за феноменологами С. Б. Кримський. Пізнання в такому разі стає розкриттям смислів буття, причетністю до знакового простору культури. «Чуттєво-емпіричне розглядається в його здатності розширюватися до практики,

яка творить світ людини, а теоретичне – в його здатності розширюватись до творчості духу, котрий саму людину робить цілим світом» [4, с. 73].

С. Б. Кримський визнавав роль культури в можливості здійснення наукового пізнання, в тому числі філософського. Так формування електронної та космічної картини світу в сучасній культурі співпадає з науковим і філософським осмисленням мікро- та мегасвіту. Вищим рівнем систематизації наукового знання в системі культури С. Б. Кримський вважав світогляд. Узагальнене наукове і філософське знання формує певну модель світосприйняття, визначає розуміння картини світу, реальності. Філософська та наукова картина Всесвіту, що створюється в культурі, є універсальною, є частиною самосвідомості культури.

Нині формується інша картина світу – картина світу постіндустріальної (інформаційної) культури, в якій визнаються відносність (все існує в певному відношенні), багатовимірність, доповнюваність, неможливість абсолютної формалізації, принципи синергетики. Синергетикою пояснюються можливості самоорганізації та саморозвитку. Визнається, що спонтанні зовнішні або внутрішні зміни в певний момент можуть зумовити появу нового порядку, нових структур.

У сучасній філософії ідея раціональності стосується вже не тільки наукового освоєння світу, нова раціональність доповнюється за допомогою практичних та культурних форм освоєння світу. Розуміння раціональності доповнюється утвердженням духовності. С. Б. Кримський писав, що «розумова діяльність – це і форма духовності, шлях прилучення до вищих сенсів людського світу, і феномен людської суб'єктивності, одна із сутнісних сил людини, яка виконує важливу роль в її самовизначенні та адекватності. Оновлена раціональність... вже не може бути синонімом однієї лише науковості, логічності та обґрунтованості. Раціональність включає різні види і типи, зокрема художню і практичну форми свого існування» [4, с. 97]. Знання вважається не лише результатом пізнання, воно потребує усвідомлення та асиміляції інформації в систему культури.

Найсуттєвіші зміни в сприйнятті світу в сучасній культурі відбулися завдяки виділенню інформації. Світ розуміється як інформаційно-

енергетичний. Завдяки філософії відбувається раціонально-теоретичне осмислення структурної організації культури, закономірностей та механізмів динаміки культури, тих процесів (зокрема інформаційних), що в ній відбуваються. Культура здійснює структурну організацію навколишнього світу, створює сферу, що робить можливим культурне буття людини. В середині культури як знакової системи постійно відбуваються різні інформаційні процеси. Буття людини в культурі припускає те, що людина є задіяною в інформаційних процесах. Ці процеси мають різні аспекти розгляду. Зважаючи на те, що в культурі формується безліч значень, заслуговує на увагу розгляд утворення значень, інтерпретації змісту, розуміння. Утворення значень вважається фундаментальним процесом семіотики культури. Система культури, систематизоване наукове знання визначають можливості наукового дослідження духовного в його життєвому, практичному виявленні, зокрема в діяльності людини.

Список літератури

1. Братство // Агни Йога : в 3 т. – Самара: Самарский Дом печати, 1992. – Т. 3. – С. 3–111.
2. Братство, 2 часть, Надземное // Агни Йога : в 3 т.– Самара : Самарский Дом печати, 1992. – Т. 3. – С. 112–459.
3. Знаки Агни Йоги // Агни Йога : в 3 т. – Самара : Самарский Дом печати, 1992. – Т. 1. – С. 282–432.
4. Кримський С. Б. Запити філософських смислів / С. Б. Кримський. – К. : ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман – СПб. : «Искусство – СПб», 2004. – 704 с.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 544 с.

УДК 323.2(477)

М. Г. Морозова

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Резюме

Статтю присвячено аналізу ролі громадських організацій у становленні громадянського суспільства. Визначено сутність і актуальність діяльності громадських організацій. Обґрунтовано роль громадян та їх активну позицію по відношенню до громадських організацій у рамках громадянського суспільства. Окреслене коло проблем, пов'язаних із подальшим розвитком різноманітних організацій і об'єднань та визначено основні шляхи їх вирішення. Діяльність громадських організацій є однією з умов розвитку громадянського суспільства та ключовим елементом у його формуванні. У статті також проаналізовано різноманітні погляди на цю проблематику зарубіжних соціологів. Визначено вектор розвитку громадських організацій в Україні.

Summary

The article analyzes the role of public organizations in the development of a civil society. The essence and actual value of public organizations activity have been established. The role of public organizations in different spheres of society's life has been characterized. Separate attention has been given to the concept of phenomenon of a civil society, to the analysis of its theoretical interpretations. The role of citizen and their civil position according to public organizations in a civil society have been established.

The circle of problems related to the further development of different organizations and associations and the ways of their decisions have been outlined. Activity of public organizations is one of the pledges of development of a civil society and by the key element in its forming. The article analyzes different opinions of foreign sociologists to this problem. The vector of development of public organizations is certain in Ukraine.

Ключевые слова: общественные организации, гражданское общество, общественные объединения

Актуальность теоретических и практических аспектов феномена общественных организаций в разрезе гражданского общества обусловлена очевидным повышением роли граждан и их добровольных объединений в различных сферах общественной жизни. Исходя из

этого, говоря о гражданском обществе, мы подразумеваем и деятельность общественных организаций, ведь именно они являются одной из составляющих развитого гражданского общества.

Целью статьи является выявление роли общественных организаций в становлении гражданского общества.

Проблемы изучения деятельности различных общественных объединений давно привлекают внимание учёных, но здесь существуют свои сложности, связанные с тем, что общественные организации активизировали свою деятельность лишь в XX веке. Несмотря на это, идея создания гражданского общества и общественных организаций в его структуре возникла еще в античные времена. Древнегреческий философ Платон писал о принципах гармоничного устройства общества. Аристотель – о статусе человека и гражданина, о роли собственности для сохранения стабильности общественных и государственных институтов, Цицерон – о государстве как общем деле народа, о роли гражданских обязанностей и закона [5, с. 325].

Отдельное внимание проблемам сущности и роли общественных организаций уделяется в работах зарубежных социологов. Так, американский социолог Чарльз определяет общественные движения как ряд дискуссионных перформансов, демонстраций и кампаний, с помощью которых простые люди осуществляют коллективные требования к другим [8, с. 31].

Идеолог «нового лейборизма», английский социолог Энтони Гидденс определяет социальные движения как «коллективную попытку осуществить общие интересы или добиться общей цели посредством коллективного действия вне рамок установленных институтов» [1, с. 67]. Можно говорить о том, что социальные движения при таком подходе трудно отделить от групп интересов. Так же как и группы интересов, социальные движения часто используют в качестве одного из своих методов давление посредством официальных каналов. Вместе с тем, можно утверждать, что нельзя говорить об общественных движениях, не принимая во внимание феномен гражданского общества.

Стоит отметить, что в настоящее время существует множество интерпретаций понятия «гражданское общество». Гражданское

общество в его современном значении – это общество, способное противостоять государству, контролировать его деятельность. Другими словами, гражданское общество – «это сфера самоуправления свободных индивидов на основе добровольно сформированных ассоциаций, которые защищены необходимыми законами от прямого вмешательства государства» [3, с. 102].

Феномен гражданского общества достаточно многокритериальный, вследствие чего наблюдается полипарадигмальность подходов к его определению, многообразие его теоретических трактовок, что провоцирует стремление исследователей данной проблематики их конкретизировать. Вместе с тем, при всем многообразии подходов к определению гражданского общества, неизменным остается тот факт, что центральное место в развитии гражданского общества занимают общественные организации и активная деятельность граждан, ведь именно данные аспекты являются основой гражданского общества.

В документах, регламентирующих деятельность общественных организаций, можно увидеть признаки гражданского общества, согласно которым человек является высшей ценностью. Например, в Законе Украины «Об общественных объединениях» отмечено, что «общественной организацией являются объединения граждан для удовлетворения и защиты своих законных социальных, экономических, творческих, возрастных, национально-культурных, спортивных и других общих интересов» [7, ст. 3]. То есть, право на защиту своих интересов является неотъемлемым правом человека, а гражданское общество – то общество, в котором неукоснительно соблюдаются права человека. Вся деятельность таких организаций направлена на реализацию и защиту интересов и прав своих членов, а также на социальное улучшение жизни граждан. Именно общественные организации помогают стать государству правовым, а обществу – гражданским.

В литературе под общественными организациями понимают неправительственное/негосударственное добровольное объединение граждан на основе совместных интересов и целей. Иногда используется определение «третий сектор» (общественный) в дополнение к публичному и частному секторам [6, с. 34].

Отмечают, что общественные объединения возникают преимущественно снизу, но иногда и по инициативе сверху, создаются для реализации различных потребностей и общественных интересов и действуют в интересах своих членов. Общественные организации и движения – это общая жизнедеятельность людей, предусматривающая их взаимную зависимость и потребность друг в друге и обеспечивающая сохранение и развитие социального организма. Это пребывание людей непосредственно в коллективе, социальной группе, где осуществляются совместная деятельность, общение, обмен услугами, пользование общими вещами и ценностями.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что общественные организации являются связующим звеном между гражданами и властью. Кроме того, они помогают создать эффективную социальную инфраструктуру. Общественные организации помогают решить ряд социальных задач, поставленных перед обществом, а также перед государством.

Важно отметить, что в Украине более века назад уже происходило формирование гражданского общества. Основой его развития, а также жизни общества в целом было «бурное возникновение общественных организаций, в частности тех, что оставались в стороне от насущных жизненных проблем (заработка на жизнь), преследуя главным образом филантропические и культурно-просветительские цели» [2, с. 18]. Интенсивный рост числа разнообразных городских обществ и объединений в начале XX века был связан с причинами политического, социально-экономического и культурного характера. «Семена» гражданских объединений были «посеяны» самим самодержавием. Позволив негосударственным институтам, таким как земство, играть активную общественную роль, Великие реформы разрушили монополию на общественную жизнь, ранее принадлежавшую самодержавию и бюрократии.

С каждым годом общественных организаций в Украине становится все больше. К настоящему времени их около трех тысяч. Однако имеются определенные проблемы, связанные с тем, что многие из общественных организаций являются прополитическими и функционируют только в период политических выборов, когда необходимо

поддержать того или иного кандидата. Остальным же общественным организациям не хватает должного финансирования своих проектов, вследствие чего такие организации вынуждены прекратить свою деятельность. Отчасти это связано с тем, что государство практически не помогает развиваться общественному движению и не понимает всей важности создания здорового гражданского общества, где активно развиваются и функционируют общественные организации, ассоциации и т. д.

Общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, политические партии (далее – ПП). Несмотря на политическую окраску, ПП также являются субъектами гражданского общества, ведь основная их задача – выражение интересов населения и их защита, что является непосредственными задачами гражданского общества. Единственное отличие ПП от других видов общественных организаций состоит в том, что одной из их функций является борьба за власть, а власть – тот ресурс, с помощью которого ПП смогут выразить интересы определенной части населения.

Политический плюрализм и разнообразие общественных организаций возможно лишь в демократическом государстве – в таком государстве, где социальная свобода дает возможность человеку реализовать себя в обществе. Важным условием для функционирования гражданского общества является гласность и связанная с ней высокая информированность граждан, позволяющая реально оценивать хозяйственную конъюнктуру, видеть социальные проблемы и предпринимать шаги по их разрешению. Одной из функций общественных организаций является как раз информирование граждан об определенных проблемах в государстве и содействие их разрешению.

Общественные организации существуют в различных сферах жизнедеятельности общества. Наибольшая их часть приходится на экономическую, социально-политическую и духовную сферы [4, с. 55]. Многие граждане до сих пор не понимают социальную роль и значимость общественных организаций. Поэтому на сегодняшний

день остро стоит вопрос об активизации участия граждан в жизни общества посредством участия в деятельности различных общественных организаций, что послужит основой для дальнейшего развития гражданского общества.

Таким образом, общественные организации и движения возникают из естественной потребности современного человека быть соучастником в делах общества. Поскольку в повседневной жизни человек не может заниматься делами общества, это за него делают общественные объединения. Они освобождают человека от необходимости быть постоянным участником общественно-политической жизни, самостоятельно решать множество проблем. То есть, общественные организации выполняют роль посредника и представителя интересов человека и максимально стараются реализовать эти интересы.

Гражданское общество перестает быть таковым, если сеть общественных организаций в государстве слабо развита. Такие организации призваны не только выражать интересы определенной части населения, но контролировать деятельность государственных органов, что является одним из залогов развития общества как гражданского.

На данный момент к гражданам Украины постепенно приходит понимание необходимости участия в общественной жизни страны. Несмотря на то, что общественные организации в Украине только развиваются, данный аспект общественной жизни становится актуальным для граждан и все большее их количество становится членом той или иной общественной организации. Ведь только при максимально широком участии граждан в их деятельности мы сможем говорить о развитом гражданском обществе в Украине.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс ; пер. с англ. В. А. Ядов: – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
2. Губогло М. Н. О проекте «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» / М. Н. Губогло // Вестн. РГНФ. – 1996. – № 1. – С. 14–27.
3. Муляр В. І. Політологія : навч. посіб. / В. І. Муляр. – К. : ЦУЛ, 2003. – 548 с.

4. Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. В. А. Ядов. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
6. Potůček M. Not Only the Market: The Role of the Market, Government, and the Civic Sector. – Central European University Press, 1999. – P. 34.
7. Про громадські об'єднання : Закон України від 05.08.2012 р. № 4572-17, підстава 5026-17.
8. Charles Tilly. Social Movements, 1768–2004, Boulder, CO, Paradigm Publishers, 2004. – 262 p.

УДК 316.46:32(477)

*С. Ю. Андреева, Т. В. Зверко***К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА****Резюме**

У статті автори звертаються до проблеми формування харизматичного образу політичного лідера. З метою теоретичного осмислення даного питання розглянуто ідеї М. Вебера, Р. Ітвела, А. Вілнера, на основі яких розкрито поняття «харизма», його зміст і вимірювання, сутнісні характеристики харизматичного лідера: фізичні характеристики; специфічні особливості зовнішності; психологічні особливості особи; соціальні навички; поведінкові стереотипи.

Визначено основні компоненти харизми (місія, показність, неординарність, впізнанність зовнішнього образу, проникливість, «боротьба» лідера на благо інших, ритуалізація взаємодії та ін.), які можуть виступати умовами формування харизматичного образу політичного лідера.

При розгляді особливостей політичного лідерства показано, що харизма лідера формується в сприйнятті його прихильників тоді, коли описані компоненти виявляються в їх свідомості і є цілісним образом.

Summary

The authors of the article deal with the issue of forming a charismatic image of a political leader. Ideas of M. Weber, R. Eatwell, A. Wilner have been analyzed in order to look at the issue from a theoretical point of view. On this basis the content and dimension of the notion of charisma have been discussed and the essential characteristics of a charismatic leader have been suggested, namely physical characteristics, peculiarities of the appearance, psychological constitution, social skills, behavior patterns.

The main components of charisma have been defined (mission, impressing appearance, singularity, recognizability of the image, shrewdness, «fighting» for others, ritualization of interaction etc.) which can become preconditions for the formation of a charismatic image of a political leader.

While analyzing the peculiarities of political leadership the authors have proved that a leader becomes charismatic in the eyes of his/her followers, when the components mentioned show up in the followers' consciousness as a unified image.

Ключевые слова: политический лидер, харизма, компоненты харизмы, харизматический образ.

Современное украинское общество переживает динамические преобразования в политической сфере. Становление элементов гражданской политической культуры, формирование новых моделей поведения способствуют активизации личностного аспекта в политическом процессе. В таких условиях лидерский фактор приобретает особое значение. Это актуализирует исследование проблемы политического лидерства. Особый интерес в данном контексте вызывает изучение харизмы, которая является важным понятием в аналитическом инструментарии ученых.

В настоящее время становится общим представление о том, что харизма выступает дополнительным властным ресурсом лидера. Поэтому важно охарактеризовать теоретические конструкты формирования харизматического образа политического лидера, что и является целью нашей статьи.

Классическим стало определение термина «харизма», данное немецким социологом М. Вебером: «Харизма – это качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается, как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям» [1].

Под понятием «харизма» обычно понимается особое свойство человека, благодаря которому он воспринимается другими людьми как одаренный особыми качествами. В обобщенном виде эти качества можно объединить в несколько групп:

- 1) физические характеристики человека (рост, вес, телосложение, тембр голоса и др.);
- 2) специфические особенности внешности: общие (выражение лица, взгляд); частные (усы, прическа, родимые пятна, шрамы, манера одеваться и др.);
- 3) психологические особенности личности (жизненные установки, жизненные цели, ценности и др.);

4) социальные навыки (коммуникативные качества, особенности взаимодействия с окружающими, манера публичного выступления и др.);

5) поведенческие стереотипы (привычки, стандарты поведения в обществе, походка, жест и др.).

Таким образом, М. Вебер обозначал харизматическое лидерство как особый тип лидерства, опирающийся не просто на закон и конституцию (легитимное лидерство), не на традицию (традиционное лидерство), а на исключительно особый дар лидера, способного увлекать за собой массы людей, что значительно усиливает его властный потенциал.

Анализ ряда исследований [4; 5] дает возможность обозначить некоторые аспекты (религиозный, социологический, культурологический, психологический, историко-философский), позволяющие не только выделить само понятие харизмы в категориальном плане, но и раскрыть его содержание.

Данный подход представляет особый интерес, поскольку предполагает рассмотрение харизмы с точки зрения ролевых функций, определенных качеств, выходящих за пределы обычного. Причем акцент следует сделать на том, что, во-первых, харизма является когнитивным конструктом, формируемым в сознании людей при соответствии поведения человека имеющемуся в их сознании харизматическому эталону, который у разных общностей может различаться. И, во-вторых, харизма человека во многом основана на мифах о нем и тех «фактах», которые ему приписаны. Заметим, что харизма политического лидера тем более сильна, чем она более мифична и мистична. И здесь мы разделяем точку зрения К. Флада, утверждающего, что «политический миф – это инструмент идеологического производства субъекта, навязывания ему определенного идеологически маркированного видения мира» [6, с. 116].

Как особое условие формирования харизмы лидера некоторые исследователи выделяют наличие миссии. Так, Р. Итвел [2] представляет лидерство в двух плоскостях: харизматический лидер и иконный (нехаризматический) лидер.

Харизматический лидер обладает чувством миссии радикального политического изменения и/или особого предназначения спасти нацию. Поиск путей изменения может опираться на новую политику, но он также может означать слом статус-кво и требование возрождения золотого века или некоторой идеализации прошлого. Для его сторонников характерны преклонение перед ним и признание его особой миссии.

Истинный лидер обладает специальными качествами, необходимыми для лидерства, но при этом не стремится ни к радикальным изменениям, ни к мессианскому положению. Он не воспринимается сторонниками как человек, призванный к осуществлению великой миссии; его поддержка не является мощной, хотя она может быть и широкой. Обычно такой лидер становится ключевым символом правительства и/или партии.

В современном мире подобный тип лидера привычнее, чем харизматический, поскольку последний предполагает наличие исключительных качеств у лидера и специфические условия, благоприятствующие его восхождению.

При рассмотрении особенностей политического лидерства следует обратиться и к идеям А. Р. Вилнера, который утверждал, что харизматическое отношение существует при наличии четырех условий, когда сторонники лидера воспринимают его как своего рода сверхчеловека; слепо верят его высказываниям; безоговорочно исполняют его директивы; выказывают ему неизъяснимую эмоциональную преданность [4, с. 136].

В результате можно отметить, что лидер влияет на окружающих главным образом по двум социально-психологическим каналам: по каналу авторитета (который имеет преимущественно смысловое содержание) и по каналу харизматических качеств, многие из которых передаются невербально.

Поскольку в центре нашего внимания находится вопрос формирования харизматического образа политического лидера, выделим основные компоненты харизмы, которые, по нашему мнению, могут выступать условиями его формирования. С точки зрения ученых, разрабатывающих данную проблематику в области

социологии, политологии и психологии (С. Туманов, А. Гаспаришвили, Л. Митева, О. Евтихов и др.), в обобщенном виде харизма лидера складывается из следующих компонентов.

Одним из стержневых элементов является особая миссия, состоящая в проведении радикального изменения (или в спасении нации). Харизматики временами могут делать выбор между своими обещаниями и компромиссами, но они руководствуются определенной формой мессианского предназначения – они спасители.

Этот компонент представляется особо значимым во времена ускоренных изменений, когда люди более предрасположены к состоянию аномии, утрате чувства социальной принадлежности. Они оказываются открытыми для влияния лидеров, предлагающих радикальные альтернативы. Сложная ситуация может также настроить людей на поиск утешения в вере в сильного лидера, способного контролировать ход событий и гарантировать спасение.

Важной составляющей в харизматическом дискурсе выступает личная представительность, неординарность, узнаваемость внешнего образа. В ранних работах, посвященных харизме, обычно выделялись ораторские способности лидера. В более поздних – способность создать верный образ на телевидении. Сделан акцент на визуализации, хотя это и не связано напрямую с физической привлекательностью. Поэтому лидеру, претендующему на харизму, необходимо помочь его последователям узнавать себя в ряду других людей. Основными условиями этих признаков являются оригинальность, нестандартность, узнаваемость.

Харизматический лидер притягивает к себе своими сверхспособностями и сверхвозможностями, значимыми для других. Одним из вариантов проявления сверхспособностей для лидера может быть обладание развитой интуицией, помогающей «предсказывать» ход событий. Также в этом ряду можно отметить высокую работоспособность, исключительную память, пронизательность, ярко выраженные творческие способности и др.

Значимым компонентом выступает «борьба» лидера во благо других людей. Личность, претендующая на особое влияние, постоянно находится в состоянии борьбы или демонстрирует готовность к ней.

При этом важно ориентироваться на цели подключения (или цели идентичности). Г. Гарднер считает, что «лидеры и аудитория пересекаются во многих историях, но основная история имеет дело с вопросами идентичности. Тот лидер, который преуспел в выражении новой версии истории данной группы, оказывается наиболее действенным» [3, с. 76]. Большинство лидеров предпочитали истории, которые имели подключающий эффект, побуждали думать о себе как о части более широкого сообщества.

Следовательно, харизматическое поведение предполагает ритуализацию взаимодействия. Харизма требует действий, заметных для последователей, поэтому часто закрепляется в ритуалах, то есть повторяющихся действиях и процедурах, во многом имеющих символическое значение. Ритуалы мифичны и приучают человека к покорности, действию без объяснения смысла этого действия: «миф призывает человека мыслить и действовать определенным образом, то есть обладает определенной властью над ним» [3, с. 315].

Теоретические объяснения рассматриваемого нами феномена харизмы, возможно, эклектичны, а операционализация порождает серьезные вопросы. Тем не менее важны два момента. Во-первых, нужно согласиться с тем, что понятие харизмы относится к разряду идеальных типов, а во-вторых, этот феномен следует изучать более системно.

Все изложенные теоретические суждения позволяют сделать вывод, что харизма политического лидера формируется в восприятии его сторонников тогда, когда описанные выше компоненты (или некоторые из них) проявляются в их сознании и представляют собой общий, целостный образ. Наряду с этим следует заметить, что описанные условия формирования харизмы во многом теоретизированы и нуждаются в эмпирическом подтверждении, что станет предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Вебер М. Харизматическое господство / М. Вебер // Социол. исслед. – 1988. – № 5. – С. 135–148.
2. Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий / Р. Итвел // Социол. исслед. – 2003. – № 3. – С. 9–19.
3. Кольев А. Н. Политическая мифология / А. Н. Кольев. – М. : Логос, 2003. – 384 с.
4. Кравченко В. И. Харизматическая личность: многообразие понимания / В. И. Кравченко // Социол. исслед. – 2004. – № 4. – С. 134–137.
5. Кравченко В. И. Харизма как социокультурный феномен: философско-антропологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. И. Кравченко. – СПб., 2005. – 37 с.
6. Флад К. Политический миф / К. Флад. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.

УДК 658.152.13

А. Н. Митина

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Резюме

У статті розглянуто роль кадрової політики і технологій управління персоналом у процесі розвитку основних компонентів людського капіталу організації. Зроблено висновок про те, що для ефективного розвитку людського капіталу організації і максимального розкриття потенціалу співробітників потрібна погоджена робота одночасно за всіма напрямками: підбору, адаптації, мотивації, оцінки й навчання персоналу.

Завдяки застосуванню ефективної технології підбору персоналу в організацію приймають на роботу кваліфікованих фахівців, що мають якості, необхідні для досягнення цілей організації і підвищення її продуктивності. Адаптація сприяє пристосуванню новачка до соціальних норм поведінки в трудовому колективі, встановленню стосунків співпраці і взаємодопомоги. Мотивація стимулює роботу людського капіталу організації і сприяє розвитку основних його компонентів. Оцінка персоналу визначає результативність трудової діяльності, відповідність займаної посади співробітників, їх потреби в навчанні й підвищенні кваліфікації, а також впливає на будь-яке кадрове рішення – підвищення, пониження, переміщення на посаді, зарахування в резерв, преміювання, навчання, звільнення. Технологія навчання забезпечує розвиток основних компонентів людського капіталу, підвищує кваліфікацію, продуктивність, лояльність і сприяє кар'єрному зростанню співробітників.

Summary

The article deals with the role of HR allocation and promotion policies in the process of the development of the main components of the human capital of an organization. The author comes to conclusion that to develop human capital effectively and achieve the potential of the personnel teamwork is necessary in all the following directions: recruitment, adaptation, motivation, assessment and training of the personnel.

Due to carrying out an effective recruitment of personnel an organization admits qualified specialists having qualities necessary to reach the goals of an organization and to improve its performance. Adaptation helps beginners to adjust to the social norms accepted in an organization, to establish relations of cooperation and mutual aid. Motivation encourages the work of human capital at

an organization, fosters development of its major components. Personnel assessment determines the performance of work activity, employees' job competence, employees' training and career enhancement needs, influences any personnel solution, e.g. promotion, demotion, position shift, putting to reserve, bonus payment, training, dismissal. Training technology provides for the development of the major components of human capital, enhances the career, effectiveness, loyalty and promotion of employees.

Ключевые слова: человеческий капитал, конкурентоспособность организации, персонал.

Неоспоримым является тот факт, что на данный момент развития общества в эпоху глобализации одну из лидирующих позиций в создании конкурентоспособности организации занимает человеческий капитал. Опыт многих западных компаний за последние десятилетия свидетельствует об этом. Современные концепции управления персоналом основываются на том, что люди выступают наиболее значимым ресурсом организации, источником ее доходов, конкурентоспособности и развития. Так, Я. Фитц-енц в своей книге «Рентабельность инвестиций в персонал. Измерение экономической ценности персонала» утверждает: «В последние годы XX века менеджмент полагал, что люди, а не деньги, здания или техника – решающий отличительный признак успешного предприятия. По мере движения в новое тысячелетие и существование в условиях экономики, основанной на знаниях, становится невозможным отрицать, что именно люди – источник прибыли. Любое имущество организаций, кроме людей, бездейтельно, это пассивные ресурсы, требующие вмешательства человека для производства стоимости... Ключ к поддержанию доходности компании или здоровой экономике – производительность рабочей силы, человеческий капитал. Для американской экономики, где свыше половины ВВП приходится на информационный сектор, очевидно, что знающие люди – движущая сила» [15]. Он считает, что под воздействием процесса обмена знаниями организации видоизменяются.

Аналогичная точка зрения встречается также в трудах Питера Друкера. Он заявляет, что сегодня и как минимум в течение следующего десятилетия величайшей проблемой для организаций станет

приспособление к сдвигу от экономики индустриальной к экономике, основанной на знаниях. Он напоминает нам, что цель и функция любой организации – интеграция специализированных знаний для выполнения общей задачи [3, с. 76].

Я. Фитц-енц считает, что этот сдвиг к знанию как к дифференцирующему фактору затрагивает все аспекты организационного менеджмента, включая оперативную эффективность, маркетинг, организационную структуру и инвестиции в человеческий капитал, и все они зависят от понимания способности людей справиться с непредвиденными, глобальными и стремительными переменами. Он делает вывод о том, что без достоверных данных об активности и производительности человеческого капитала пропадает даже малейший шанс успешно участвовать в конкуренции [15].

Н. Бонтис утверждает, что человеческий капитал как наниматель информационной технологии – решающее условие для эффективного управления организационным знанием, которое приносит более высокие результаты [1, с. 433].

Согласно мнению Я. Фитц-енца, роль человеческого капитала в качестве конкурентного преимущества заключается не просто в обладании определенной ценной информации, а в способности и готовности поделиться ею. Отсутствие мотивации делиться сведениями – значительное препятствие для работы информационных систем и добывания стоимости... Отсюда следует неизбежный вывод: долгосрочная рентабельность зависит от создания культуры предоставления информации. Это необходимое условие любой попытки управлять интеллектуальным капиталом [15, с. 29].

Кроме того, он подчеркивает тот факт, что человеческие знания или умения не имеют организационной ценности, пока их не применяют в деловой ситуации. Прибавление стоимости всегда начинается с целей предприятия. С точки зрения конкретных действий эти цели пронизывают все деловые подразделения вплоть до стартовой точки управления человеческим капиталом – деятельности отдела человеческих ресурсов. Отсюда начинается процесс объединения данных о человеческом капитале, цель которого – показать стоимость [15, с. 29].

По мнению отечественных исследователей данной проблематики Ю. Н. Попова и А. В. Шевчука, необходимость коренной перестройки организации труда на предприятии обусловлена двумя группами факторов, которые условно можно назвать объективными, связанными с изменением внешней (конкурентной) среды предприятия и субъективными, связанными с изменением самого человека как субъекта труда [12].

Современное состояние внешней среды предприятия можно охарактеризовать как *гиперконкуренцию*, приобретающую мировые масштабы. Постоянно растет число реальных и потенциальных конкурентов из разных стран мира. Так, если в 1965 году число конкурентов корпорации IBM оценивалось в 2,5 тыс., то в 90-х годах – более чем в 50 тыс. [9, с. 43]. Конкуренция стала не только более жесткой, но и более сложной. Стремительное развитие технологий, растущее многообразие предлагаемых товаров и услуг, сокращение их жизненного цикла, повышение требований потребителя – все это в значительной мере определяет характер внешней среды предприятия, изменчивой и малопредсказуемой. Это требует от предприятия гибкости: возможности быстро переключаться с одного товара или процесса на другой и в короткое время уменьшать или увеличивать выпуск. Система гибкого производства связана со способностью предугадать изменения спроса и постоянными инновациями.

В таких условиях меняется сама концепция фирмы. Если традиционно ее основной функцией считалось производство товаров, то теперь – производство знаний, ноу-хау, разработка новых технологий. На базе этого осуществляется непрерывное совершенствование и обновление продукции для завоевания рынков сбыта. Современная фирма – фирма, производящая знания.

В тейлористско-фордистской системе интеллектуально-созидательная составляющая производственного процесса была прерогативой управленческого аппарата, то есть рядовые работники были по сути исключены из борьбы за производительность и качество продукции. В современных условиях это неприемлемо: фирмы стремятся к максимальному использованию всего спектра способностей своих работников. Инновационная деятельность больше не является

прерогативой отдельных людей или специального подразделения. Она охватывает все уровни и отделы предприятия.

Таким образом, человеческий фактор становится одним из показателей успешности организации. Необходимо учитывать и возросшее качество рабочей силы. В течение XX столетия общество проделало путь от состояния, в котором большая часть населения была неграмотной, до такого, где большинство граждан имеют среднее образование, а многие получили высшее или специализированное образование. Действительно, современные работники не ограничены способностью к выполнению лишь одного конкретного вида деятельности. Их основная ценность состоит уже не столько в возможности использования физической силы, двигательных функций вкупе с простейшими мыслительными операциями, сколько в мобилизации творческого и интеллектуального потенциала.

В результате меняется представление об уже устоявшихся научных категориях. В индустриальном обществе под капиталом как «самовозрастающей стоимостью» преимущественно понимались финансовые средства, которые инвестируются в производство и в результате приносят дополнительный доход. Сегодня экономисты и социологи все чаще говорят о «человеческом капитале», воплощенном в мотивациях, знаниях, навыках и умениях работника [12, с. 48–50].

Р. Фатхутдинов утверждает, что конкурентоспособность предприятия зависит от эффективности использования трудовых ресурсов, на которую, в свою очередь, влияет совокупность характерных им конкурентных преимуществ. Их проявление определяется внешними или внутренними условиями. Специалист, который работает в конкурентной среде, сам не будет стремиться быть конкурентоспособным. Уровень его конкурентоспособности в соответствующей среде определяется ценностями самого специалиста. Специалист с низким уровнем квалификации и профессионализма будет стремиться к их повышению соответственно общему уровню [14, с. 58].

Дж. Грейсон отмечает: «...Именно человеческий капитал, а не заводы, оборудование и производственные запасы являются краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности. Уже пора научиться измерять стоимость этого

богатства... сам факт его оценки будет способствовать изменению взглядов руководителей, их подход к человеческому капиталу не просто как к издержкам, а как к активам компаний, которые нужно грамотно использовать» [7, с. 195–196].

У. Боуэн по этому поводу пишет: «В последние десятилетия идея, что капитал состоит из одних физических активов, была подорвана. На ее месте постепенно утвердился более всеобъемлющий взгляд, согласно которому капиталом является любой актив – физический или человеческий; обладающий способностью генерировать поток будущих доходов» [2, с. 362].

Американский экономист Дж. Гелбрейт отмечает: «Процесс производства все больше зависит от качества, а не от количества капитального оборудования, от интеллекта и искусства того, кто употребляет это оборудование. Другими словами, речь идет о деятельности управляющих, инженеров, ученых и рабочих» [4, с. 50].

Г. Круг и М. Венцин считают, что в ближайшие десятилетия на конкурентоспособность организации в большей степени будут оказывать влияние возможности идентифицировать и развивать знания, создавать на их основе ключевые компетенции, и как результат – превращать их в инновации. В инновационных процессах более значимыми становятся психический и эмоциональный потенциал работников, исполнительские и организаторские способности инноваторов, способность действовать в условиях неопределенности, находить нестандартные решения проблем [11, с. 79].

Именно поэтому в последние десятилетия осуществляются активные исследования по определению влияния человеческого капитала на экономическое развитие.

Одним из первых эту проблему исследовал Р. Лукас в 1988 г. Он определил, что темп роста выпуска определяется ростом человеческого капитала, при этом рост человеческого капитала превышает рост физического капитала [5, с. 30].

Г. Мэнкью, Д. Ромер и Д. Уэйл также предложили свое решение этой проблемы. В модели Р. Солоу они разделили капитал на физический и человеческий. В результате исследования они определили, что в среднем вклад физического и человеческого капитала в развитие

предприятия равнозначен и колеблется в зависимости от экономического развития стран. В развитых странах доля вклада человеческого капитала выше, чем физического капитала. Нередко квалификация труда и качество капитала могут рассматриваться как взаимозаменяемые. Так, низкое качество капитала может быть компенсировано высокой квалификацией труда, а высокое качество капитала в значительной мере обесценивается низкой квалификацией труда [6, с. 431].

Очевидным становится тот факт, что определяющим фактором конкурентоспособности выступает деятельность человека. Так, качество продукции и издержки организации напрямую зависят от квалификации работников, изготовивших товар. Финансовые ресурсы нуждаются в рациональном управлении, которое также осуществляется и зависит от квалификации персонала, ответственного за это управление. Инновационные возможности во многом определяются творческим потенциалом персонала организации, его способностью изобретать, совершенствовать деятельность. Таким образом, конкурентоспособность организации напрямую зависит от конкурентоспособности персонала, участвующего в процессе удовлетворения потребности потребителя. [10, с.18–19].

Сегодня в развитых странах значительную часть персонала (не менее 40% всей рабочей силы) составляют интеллектуальные работники. К началу нынешнего века более 60% высших менеджеров 500 крупнейших американских компаний имели докторскую степень (половина из них – в экономических или юридических науках) [8, с. 65].

Таким образом, работник сегодня – не простой исполнитель, а стратегический ресурс компании или страны, основа ее конкурентоспособности. Соответственно управление персоналом становится приоритетной сферой в общей системе управления предприятием [12, с. 50].

Также человеческий капитал – основной источник инноваций. Это подтверждается оценкой ряда показателей, таких как соотношение между инвестициями в интеллектуальный и физический капитал; рост профессий, основанных на интеллектуальном капитале, появление рынков технологий и других рынков интеллектуального капитала [13, с. 105].

Следовательно, сегодня уже очевидно, что человеческий капитал

выполняет роль конкурентоспособного, информационного, ценностного и инновационного факторов как на уровне организации, так и на уровне общества в целом.

Список литературы

1. Bontis N. Managing Organizational Knowledge by Diagnosis Intellectual Capital / N. Bontis // International Journal of Technology Management. – 1991. – 118, 5/6/7/8. – P. 433-462.
2. Bowen H. R. Investment in Learning / H. R. Bowen. – San-Francissco, 1978.
3. Drucker P. Managing in a Time of Great Change / P. Drucker. – NY. : Dutton, 1995.
4. Galbraith G. The New Industrial State / G. Galbraith. – L., 1991. – P. 50–59.
5. Lucas R. On the Mechanism of Economic Development / R. Lucas // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22. – P. 3–32.
6. Mankiw G. Contribution to the Empirics of Economic Growth / G. Mankiw, D. Romer, D. F. Weil // Quarterly Journal of Economics. – 1992. – № 107 (2). – P. 407–437.
7. Грейсон Дж. Американский менеджмент на пороге XXI века / Дж. Грейсон, К. М. О’Делл. – М. : Экономика, 1991.
8. Иноземцев В. Цели и структура корпорации как основы ее конкурентоспособности. / В. Иноземцев // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 3. – С. 63–68.
9. Климов С. М. Интеллектуальные ресурсы общества / С. М. Климов. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2002.
10. Котляр Б. А. Социальное партнерство и конкурентоспособность / Б. А. Котляр, А. Ю. Медведев. – М., 2006.
11. Крог Г. Роль менеджмента знаний в достижении устойчивых конкурентных преимуществ / Г. Крог, М. Венцин // Проблемы теории и практики управления. – 1996. – № 4. – С.78–83.
12. Попов Ю. Н. Современная экономика и социология труда : учеб. пособие / Ю. Н. Попов, А. В. Шевчук. – М., 2003.
13. Судова Т. Л. Человеческий капитал в наукоемкой экономике / Т. Л. Судова. – СПб. : НИИ химии СПбГУ, 2001. – 469 с.
14. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент / Р. А. Фатхутдинов. – М., 2002. – С. 356.
15. Фитц-енц Я. Рентабельность инвестиций в персонал: Измерение экономической ценности персонала / Як Фитц-енц ; пер. с англ.: Меньшикова М. С, Леонова Ю. П. ; под общ. ред. В. И. Ярных. – М. : Вершина, 2006. – 320 с.

УДК 331.108.2(477)

Д. В. Недогонов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ФАКТОРА ЕДИНСТВА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Резюме

У статті розглянуто актуальні проблеми управління персоналом у сучасних організаціях України. Автор аналізує існуючі проблемні зони процесу управління персоналом з позиції єдності організаційної структури підприємства. Розглянуто також професійне функціонування підрозділів з управління персоналом, їх формальний та змістовно-функціональний внесок у формування єдності організаційної структури підприємства.

Summary

The paper discusses urgent problems of personal management in modern Ukrainian organizations. The author analyses problem zones of personnel management in ensuring a unity of the enterprise organizational structure. The paper considers professional functioning of personnel management departments, their formal and functional contribution to the enterprise achieving its organizational structure unity.

Ключевые слова: управление персоналом, организационная структура, функциональные обязанности, профессиональные и смысловые компоненты управления персоналом.

Высокая динамика развития отдельных отраслей экономики в условиях интернационализации и глобализации обуславливает изменения в организации производства продукции, в возобновлении товаров и методов их сбыта, рекламы фирменной марки на основе существенной дифференциации ее видов. Новые виды продукции и производства требуют применения соответствующих методов управления организацией и, в частности, управления ее трудовыми ресурсами.

Управление персоналом в такой ситуации приобретает особую важность. Оно позволяет обобщить и решить целый ряд вопросов

адаптации индивида к внешним условиям, реализовать учет личностного фактора в построении системы управления персоналом.

Как показывает практика, наиболее распространенной ошибкой в управленческой деятельности современных украинских организаций является отсутствие подобного единства организационной основы. Эта ошибка – следствие административно-командной системы управления, и для многих организаций она становится фатальной.

Следует отметить, что управление персоналом часто осуществляется разрозненными подразделениями организации, которые обычно практически не координируют действия между собой. Именно это и является причиной экономического упадка многих отечественных организаций, ведь одним из важнейших условий эффективного управления кадрами является интеграция его функций на единой организационной основе, то есть создание специальной кадровой службы или службы управления персоналом.

Рассмотрение вопросов, связанных с управлением персоналом в современной Украине, невозможно без уделения большого внимания особенностям отечественного рынка труда и характеристики трудовых ресурсов нашей страны.

Все перечисленные выше причины ставят отечественные организации в экономически и социально трудное положение. Успешно преодолеть проблемы, связанные с подбором кадров и последующим управлением ими, удастся лишь тем организациям, которые в полной мере осознают важность человеческого фактора и уделяют большое внимание работе по управлению персоналом, организуя кадровые службы, которые действуют на профессиональном уровне, или обращаются за помощью в независимые службы по управлению персоналом либо к независимым экспертам в области управления.

В целом можно говорить, что управленческая практика в Украине накопила опыт управления человеческими ресурсами, который уже сегодня позволил отдельным отраслям выстоять на рынке. Но для использования этот опыт нуждается в корректировке с учетом современного состояния Украины и ее места в мировом пространстве.

Проблемы, связанные с модернизацией процессов управления персоналом, а также форм и методов построения систем управления

персоналом, изучали многие отечественные и зарубежные ученые. Научные исследования проблем управления персоналом на уровне организации осуществляются в области теории управления, в том числе управления персоналом (Базаров Т. Ю., Генкин Б. М., Журавлев П. В., Зубкова А. Ф., Кибанов А. Я., Шекшня С. В., Хижняк Л. М. и др.).

Различным методическим и методологическим проблемам управления персоналом посвящены исследования и в области социологии управления (Авдошина З. А., Деркач А. А., Мархивев М. И., Михайлева Е. Г., Устинова О. В. и т. д.). Среди зарубежных исследователей наиболее известны Амстронг М., Бессейр О., Ботерф Дж., Боятцис Р. и др.

Однако, по нашему мнению, проблема единства организационной основы в управлении персоналом разработана сегодня не в полной мере. Именно поэтому рассмотрение данных вопросов видится нам особенно интересным.

Основная *цель* статьи – выявление особенностей управления персоналом в условиях единства организационной структуры в современных организациях Украины.

Современный этап развития сферы управления персоналом имеет свои отличия. Сегодня существует множество учебных заведений и образовательных программ, которые позволяют осуществлять квалифицированную подготовку специалистов в сфере управления персоналом. В современных условиях можно говорить о наличии значительного пласта адаптированных для отечественных условий пакетов программ в данной сфере. Началось накопление позитивного опыта деятельности организаций в данном направлении и обмен им. И, наконец, сделан шаг вперед в разработке научных основ осуществления практик управления персоналом. С нашей точки зрения, это непосредственно отразилось на функциональных аспектах реализации управленческих практик в отношении персонала, что в условиях единства организационной структуры является крайне важным.

Как показало сравнительное исследование 2003–2008 гг. [1, с. 243], за пять–шесть лет основное внимание в работе с персоналом было сосредоточено на: обеспечении организации кадрами соответствующей квалификации, оформлении кадровой документации, оценке

и аттестации кадров, создании системы мотивации работников, организации обучения кадров, осуществлении необходимых кадровых перестановок и др. Очевидно, что набор ведущих функций практически не изменился. Исключение составляет функция управления дисциплинарными отношениями, которая резко снизила свое присутствие в поле управленческих практик (-14% за 5 лет), уступив свое место функции по мотивации персонала (+30% за 5 лет). Такие перемещения являются свидетельством изменения в приоритетах используемых методов управления – от административных к материальным и социально-психологическим.

Наряду с этим, интересно, что изменилась и интенсивность реализации функций работы с персоналом (см. таблицу 1).

Так, наряду с мотивацией как функцией по работе с персоналом, значительно активизировалась работа в организациях по развитию

Таблица 1

Интенсивность реализации различных функций по работе с персоналом (в % к организациям, в которых существует служба по работе с персоналом)

Функция по работе с персоналом	2003	2008
Обеспечение организации кадрами	71	84
Оформление кадровой документации	63	69
Оценка и аттестация кадров	45	53
Создание системы мотивации работников	15	45
Организация обучения кадров	38	39
Осуществление кадровых перестановок	38	33
Организация труда и анализ его содержания	19	29
Регулирование текучести кадров	21	27
Развитие и поддержка корпоративной культуры	6	27
Поддержание благоприятного социально-психологического климата	18	27
Разработка программ служебно-профессионального роста	8	26
Адаптация персонала	11	23
Управление дисциплинарными отношениями	36	22
Анализ стратегии кадрового развития организации	16	18

и поддержке корпоративной культуры (+21% за 5 лет); больше внимания стало уделяться вопросам профессионального роста персонала (+18%), подбора персонала (+13%), его адаптации (+12%).

Очевидно, что трансформация функций по работе с персоналом имеет персонифицированную направленность, реализация которой рассматривается как способ усиления позиций организации в целом. Сегодня можно говорить о том, что сфера управления персоналом на практике становится все более адекватной задачам совмещения интересов организации и тех людей, которые в ней работают. При этом система работы с персоналом на современном этапе все чаще рассматривается как одно из конкурентных преимуществ организации на отечественном рынке труда, что может способствовать привлечению в ее ряды наиболее перспективных сотрудников.

С точки зрения очерченных тенденций, особенный интерес вызывает та работа, которая проводится непосредственно со специалистами по работе с персоналом. Их компетентность, профессионализм становятся на современном этапе одним из важнейших факторов успешного развития организаций и предприятий.

Анализ материалов исследований [2] позволяет утверждать, что только 63% таких специалистов имеют возможность для повышения своей квалификации. Безусловно, эти данные снижают общий индекс сформированности системы работы с персоналом в Украине. Именно такие моменты тормозят и создание особенной украинской модели управления персоналом.

Вообще повышение квалификации тех, кто работает с персоналом, в современных условиях является процессом очень противоречивым. Следует учитывать тот факт, что при формальных требованиях к характеру и типу повышения квалификации украинское государство не готово обеспечить соответствующее качество этого процесса. Обусловлено это и содержательными особенностями современного этапа развития экономических и социальных отношений, и структурными изъянами качественного достижения целей роста профессионализма тех, кто работает с персоналом. В таких условиях ресурсные расходы на повышение квалификации в целом ложатся на саму компанию. Тип сознания же у руководства большинства из них не

связывает профессиональный рост специалистов по работе с персоналом с успешностью и эффективностью всей организации. Поэтому частота и разнообразие форм повышения квалификации оставляют желать лучшего. Наиболее распространенными формами повышения квалификации, которые используются для усовершенствования профессионализма специалистов по работе с персоналом, являются: самообразование, специальные курсы, тренинги, семинары, круглые столы (см. таблицу 2).

Таблиця 2

**Использование средств повышения квалификации
в современных организациях Харькова и Харьковской
области**

Формы повышения квалификации	Частота использования (%)
Самообразование	43,0
Бизнес-школы, туры	20,7
Специальные курсы, тренинги	42,1
Семинары, круглые столы	38,8
Стажировки за границей	16,5
Второе высшее образование	32,2
Стажировки в других организациях	22,3
Аспирантура, защита диссертации	18,2

Как показал анализ, использование большинства из этих форм повышения квалификации носит случайный характер. Систематическими являются лишь специальные курсы (18% используют их раз в год). Все другие внедряются чаще по мере необходимости. Этот факт еще раз подтверждает второстепенное внимание к повышению квалификации тех людей, которые непосредственно работают с персоналом компании, что, безусловно, снижает общую эффективность деятельности организационной структуры.

Кроме того, в контексте определенных противоречий и выработки алгоритма единого подхода к конструированию организационных структур в организациях, важным заданием для Украины становится

не только усовершенствование работы с персоналом в бизнес-структурах, но и подготовка высококвалифицированных специалистов в рамках системы образования. Как показали исследования, руководители организаций и эксперты в отрасли управления персоналом считают, что человек, который работает с кадровым составом организации, должен иметь психологическое, юридическое или социологическое образование. Но в реальности очевидно, что эти направления подготовки значительно различаются между собой, что дает основания для дополнения базового образования вспомогательными формами и собственным опытом. Именно навыки практической работы, по мнению руководителей предприятий и организаций Харькова и области, являются ведущей характеристикой в наборе тех качеств, знаний и умений, которыми должен владеть тот, кто претендует на работу с людьми (рис. 1).

Наряду с этим ожидается, что специалист по персоналу будет хорошо знать трудовое законодательство, владеть передовыми технологиями, иметь навыки взаимодействия с окружающими и хорошую теоретическую подготовку. Очевидно, что в работе с персоналом ожидаемым является сочетание практического опыта и теоретической подготовки. Из данных такого плана выкристаллизовывается еще несколько полезных моментов для системы образования. Особенно это важно потому, что, по мнению руководителей, лишь 46% выпускников профессиональных вузов и специальностей в некоторой степени имеют необходимые для работы с персоналом знания.

Анализ блока информации относительно требований к знаниям и навыкам специалистов по персоналу обнаружил еще одно противоречие, на которое стоит обратить внимание. Это противоречие, которое отображает разногласия между осознанными потребностями работодателей относительно службы работы с персоналом и реальной практикой их деятельности. В этом аспекте уже подчеркивалось, что реально структуры по работе с персоналом причастны к таким видам деятельности, как работа с документацией, подбор, аттестация, адаптация персонала, формирование резерва кадров. Но руководители считают, что эти специалисты должны иметь, кроме опыта работы, еще достаточно глубокий пласт знаний относительно законодатель-

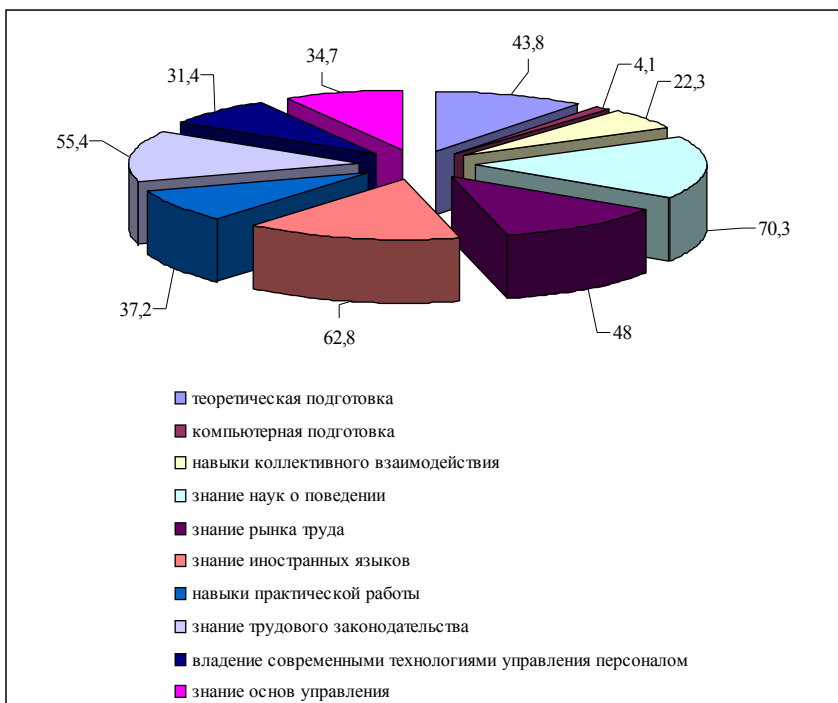


Рис. 1. Необходимые для специалиста по персоналу навыки, знания и умения (мнение руководителей предприятий и организаций Харькова и Харьковской области) (в %)

ства и психологических направлений работы. Общая иерархия видов деятельности, которыми должен владеть специалист по работе с персоналом, выглядит следующим образом (рис. 2).

Как показывают данные, прежде всего, служба по работе с персоналом должна проводить подбор персонала, планирование работы с ним, оценку персонала, ведение документации, проводить обучение персонала, решать юридические вопросы и внедрять корпоративную культуру.



Рис. 2. Иерархия видов деятельности, которыми должен заниматься специалист по работе с персоналом

При сравнении этой картины с реальной практикой становится очевидно, что основные проблемы в реализации представлений работодателей лежат в отрасли планирования работы с персоналом, внедрения корпоративной культуры и решения юридических вопросов. Но очевидно и то, что часть работ, очерченная в нормативных представлениях работодателей, не должна выполняться исключительно службой по работе с персоналом, а должна ложиться на соответствующие структуры в организации.

Именно на отмеченные нормативные виды деятельности должна быть ориентирована и система образования по этой специальности. Но проведенный анализ позволяет утверждать, что сами руководители еще не имеют четкого представления о сфере и направлениях работы с персоналом, а тот факт, что большинство функций этого направления они выполняют сами, свидетельствует, что в их организации все же недостает и специалистов этого направления.

В целом, для решения задачи усовершенствования системы управления человеческими ресурсами в украинских компаниях необходимо учитывать и тот факт, что высшее образование является обязательным для специалиста этого направления работы. Доминантный возраст, в котором, по мнению руководителей организаций, работа этого типа является наиболее эффективной, – 31–40 лет. А в совокупности с вышеотмеченными содержательными составляющими работы с персоналом это приводит к выводу, что наиболее качественным, с точки зрения специалиста по работе с персоналом, является базовое юридическое, психологическое или социологическое образование, плюс дополнительное образование.

Таким образом, проведенный анализ продемонстрировал, что развитие отрасли управления человеческими ресурсами только набирает ход в Украине, а интегральный индекс эффективности харьковских организаций и бизнес-структур во внедрении технологий в этой отрасли равняется 25,4. То есть очевидно, что современные компании лишь на четверть используют потенциал человеческих ресурсов в достижении успеха. Сфера управления персоналом недостаточно развита в современной Украине, и это тормозит ее движение к рыночной экономике и гражданскому обществу.

Все это позволяет говорить о том, что формирование и развитие единства организационной структуры предприятия как важнейшего элемента в управлении персоналом на современном этапе управления персоналом в Украине детерминируется рядом факторов внутреннего и внешнего характера, которые, в свою очередь, имеют прямую зависимость от функционального капитала управленцев по персоналу.

Список літератури

1. Михайлева Е. Г. Функциональные аспекты трансформации практик управления персоналом / Е. Г. Михайлева // Наукове забезпечення процесів реформування соціально-економічних відносин в умовах глобалізації : матеріали II міжнар. наук.-практ. конф., 18–20 квіт. 2008 р. / Крим. ін-т бізнесу [та ін.]. – Сімф. ; Алушта, 2008. – С. 242–244.

2. Михайльова К. Г. Управління людськими ресурсами : проблеми входження України у світове товариство (на прикладі Харк. регіону) / К. Г. Михайльова // Український бізнес XXI століття : реалії, проблеми, перспективи: щорічник досліджень консорціуму із удосконалення менеджмент-освіти в Україні. – К. : Консорціум із удосконалення менеджмент-освіти в Україні, 2004. – С. 211–266

Е. Б. Банникова

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

Резюме

У статті розглянуто актуальне для сфери бізнесу питання впливу організаційної культури компанії на формування лояльності персоналу. Обґрунтовано думку про те, що на рівень лояльності персоналу впливає ціннісно-нормативна складова організаційної культури компанії.

Summary

The article addresses the urgent problem of a company organizational culture impact on the formation of the personnel loyalty. The idea that the level of the personnel loyalty is affected by the values and norms of the organizational culture of the company, is substantiated.

Ключевые слова: лояльность, персонал, организационная культура, ценности, нормы.

Сегодня в сфере бизнеса появился ряд вопросов, от решения которых напрямую зависит степень эффективности работы компании. К ним относятся: текучесть кадров, некачественное исполнение работы, незаинтересованность работников в своей профессиональной деятельности, отсутствие инициативы со стороны сотрудников и т. д. В связи с этим возникает необходимость разработки системы мер, направленных на формирование у сотрудников оптимистического, положительного настроения на работу, готовности принимать правила и принципы деятельности компании. Такие задачи ставит себе каждый HR-директор, потому что их решение – действенный механизм повышения эффективности организации. Этот механизм обобщенно можно назвать лояльностью персонала.

Любая компания, желающая выжить в долгосрочной перспективе, должна заботиться о лояльности своего персонала. Такая необходимость обусловлена несколькими причинами. Во-первых, тем, что это качество сотрудников является условием формирования у них высокой профессиональной мотивации, которая, в свою очередь, отражается

на всех сторонах деятельности. Во-вторых, лояльные сотрудники готовы творчески подходить к решению возникающих проблем, брать на себя ответственность, прикладывая все усилия для достижения целей компании. В связи с этим возникает необходимость в изучении факторов формирования лояльности персонала, среди которых организационная культура компании играет достаточно важную роль.

В последнее десятилетие проблеме формирования лояльности персонала в научной литературе уделяется достаточно внимания. Так, бизнес-психологи (Л. Агатова, В. Доминьяк) изучают психологические факторы повышения лояльности персонала в современной коммерческой организации, рассматривая при этом лояльность как социально-психологическую установку персонала [1; 4].

Зарубежные ученые, в частности Дж. Гринберг, Р. Бэйрон, П. Шульц и другие, сосредоточили свое внимание в основном на определении сути понятия «лояльность персонала» с точки зрения психологии управления, ее видов и способов формирования [3].

Социология в изучении лояльности обращает внимание на вопросы ее сути как интегральной характеристики отношения персонала, его приверженности компании, одобрения ее целей, средств и способов их достижения (Е. Чудакова) [13]; как благожелательного, корректного, уважительного отношения к компании, руководству и коллегам, соблюдение существующих правил, норм и предписаний (О. Овчинникова, К. Харский) [9; 12].

Многие исследования лояльности персонала посвящены материальным факторам, которые влияют на ее уровень (М. Миронова, А. Потеряхин и др.) [8; 10]. Безусловно, материальное стимулирование остается важным фактором, однако, как показывает практика, не всегда определяющим, потому что многие сотрудники сохраняют высокий уровень лояльности организации при минимальном уровне материального стимулирования. Такие факты актуализируют проблему нематериальных аспектов формирования лояльности, к которым относится организационная культура компании. Особенно остро эта проблема стоит в организациях с ограниченными материальными ресурсами стимулирования, – например, в государственных.

Цель данной статьи – на основе анализа составляющих организационной культуры компании раскрыть ее роль в процессе формирования лояльности персонала. Для достижения этой цели важным видится определить понятия «лояльность персонала» и «организационная культура», а также обосновать связь между уровнем лояльности персонала и особенностями существующей организационной культуры компании.

Несмотря на разнообразие взглядов на лояльность, единого и более или менее полного определения лояльности нам обнаружить не удалось. Результатом изучения литературы по данному вопросу стало выделение нескольких взглядов на определение сути лояльности персонала.

Первый взгляд позволяет говорить о качествах сотрудника, которые определяют его лояльность: надежности, профессиональной пригодности, наличии или отсутствии предосудительных или нежелательных действий (хищений, утечки информации, прогулов, опозданий и т. д.). Исходя из этого, лояльность можно определить как степень преданности компании, отдачи общему делу [5; 10].

Второй взгляд, более психологический или гуманистический. Рассматривая лояльного сотрудника с этой стороны, можно говорить о его идентификации с организацией (фактор корпоративности), о вовлеченности в рабочие процессы, об эмоциональной привязанности к организации, о готовности отстаивать ее интересы, а также об удовлетворенности сотрудников работой, карьерой, об ощущении заботы со стороны организации, об уверенности в целесообразности длительной работы в ней и т. д. [4; 8].

Лояльность сотрудников также, по мнению О. Овчинниковой и К. Харского, предполагает благожелательное, корректное, уважительное отношение к компании, руководству и коллегам, соблюдение существующих правил, норм и предписаний [9; 12].

Лояльные сотрудники используют все ресурсы и резервы для достижения максимальных результатов работы. Они способны по собственной инициативе заниматься самообразованием, обращаться за консультацией к специалистам [12].

Лояльность подразумевает желание работать лучшим образом,

стремление соответствовать принципам компании, безоговорочно содействовать достижению ее целей, смиряться с одними требованиями и принимать другие – те, что ранее не были частью представлений о компании [6].

Известный российский тренер-консультант К. Харский определяет лояльность и как стратегию кадровой политики компании, и как ресурс ее развития. В этом плане лояльность выступает ключевым компонентом успешности компании как бизнес-структуры. Ученый убежден, что «компания, ставящие перед собой цели лидерства на своем рынке, желающие совершить рывок в развитии бизнеса, не могут обойти стороной вопрос лояльности персонала. Лояльные сотрудники могут обеспечить компании лидерские позиции. Во всяком случае, вместе с грамотным менеджментом, правильной маркетинговой стратегией и достойным товаром или услугой лояльные сотрудники – основа процветания» [12, с. 8].

Таким образом, лояльность персонала мы можем определить как специфическое отношение сотрудника к компании (оптимистичное, с положительным настроем на работу, готовностью принять правила и принципы деятельности компании), которое обеспечивает ей лидерские позиции на рынке.

По мнению бизнес-тренера М. Мироновой, можно сформировать это специфическое отношение только с учетом всех факторов – организационных, личностных и эмоциональных (табл. 1).

Как видим, среди факторов, определяющих формирование лояльности сотрудников, на первом месте стоят организационные, которые состоят из особенностей организации работы на уровне компании и на уровне персонала. Именно эти два уровня составляют организационную культуру компании.

Сама по себе культура как социальное явление выступает как программа, задающая определенное поведение социальных систем различного уровня, в том числе и компании. Разделение труда, появление в обществе подсистем различного уровня, дифференциация общества на разнообразные сообщества привели к выделению культур различных уровней системной организации. Появление такого сооб-

Таблиця 1

**Факторы, определяющие формирование лояльности
сотрудников (по М. Мироновой) [8]**

Факторы	Характеристика
Организационные	Организация работы – <i>в компании</i> : регламентация, распределение функций, полномочий, система планирования и контроля, система работы с клиентами и др.; – <i>с персоналом</i> : система материального и нематериального стимулирования, система оценки и развития, существующая корпоративная культура
	Система прохождения информации: информирование по целям и задачам, доступность, своевременность, полнота рабочей информации, обратная связь, а также информация о существенных фактах работы компании
Личностные	Межличностные отношения: сплоченность, конфликтность
	Личностные особенности членов коллектива
	Личности руководителей подразделений
	Личность руководства компании: харизматичность, соблюдение обязательств, предсказуемость, профессионализм
Эмоциональные	Честность (правдивость) и прозрачность в отношении компании к работнику
	Умение компании дать работнику ощущение своей значимости, оцененности личного вклада каждого в общее дело
	Взаимодействие между компанией и сотрудником. Внутреннее отношение компании к своим сотрудникам

щества как социальная организация положило начало формированию организационной культуры [11, с. 8].

Организационная культура – это социальное явление, которое возникает на любом предприятии и является системой ценностей, убеждений, а также норм, ролей, правил, которые направляют деятельность организации (предприятия) [11, с. 10].

Как показал проведенный нами ранее анализ [2], организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых

членами организации и выражающихся в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий. Например, отечественный теоретик культуры Э. Маркарян считает, что содержание организационной культуры определяется теми ценностями, которые составляют основу организационной культуры [7]. В свою очередь, социолог О. Стеклова считает, что именно ценности, в большей или меньшей степени разделяемые всеми членами организации, являются ядром, определяющим организационную культуру в целом. Эти ценности, как правило, не осознаются, но именно они являются стержнем человеческой составляющей любой организации. Ценности не только могут проявляться в поведении и языке, они определяют выборы, которые делает организация, решения, которые принимаются. Ценности могут быть как позитивными, ориентирующими людей на такие образцы поведения, которые поддерживают достижение организационных целей, так и негативными, которые отрицательно влияют на организационную эффективность. Они определяют и стили поведения, и стили общения с коллегами и клиентами, уровень мотивированности, активность и другое [11, с. 25].

Кроме этого, организационную культуру определяют и поведенческие нормы – это те требования (как зафиксированные в документах, так и негласные) к поведению работников, которые воспринимаются ими как некий свод правил, определяющих, каким должно быть «правильное», «должное» поведение членов организации в тех или иных стандартных ситуациях. Например, быстрое и качественное обслуживание клиентов, безоговорочное исполнение приказов и распоряжений руководства, помощь и сотрудничество в командной работе и т. п. [11, с. 26].

Иначе говоря, организационная культура компании представляет собой сложную ценностно-нормативную систему, которая состоит из:

- 1) основных ценностей, разделяемых в организации;
- 2) корпоративных традиций, ритуалов;
- 3) корпоративных норм и правил (взаимоотношений с клиентами).

Таким образом, исходя из цели нашего исследования, мы можем утверждать, что вышеназванные составляющие являются факторами формирования лояльности персонала.

Уровень лояльности персонала зависит от того, с какой интенсивностью проявляется каждый из трех перечисленных аспектов. Он в значительной мере определяет степень восприимчивости персонала как к внешним (зарплата, льготы, рабочие условия и т. д.), так и к внутренним стимулам (содержание выполняемой работы, возможности профессионального роста, признание и оценка достижений). Это значит, что чем более целостно и комплексно сформированы у персонала системы ценностей, корпоративных традиций и норм поведения, тем выше их уровень лояльности к компании. Лояльный персонал в большей степени склонен к:

- искренней заинтересованности в деятельности компании;
- проявлению любви к своей работе, к своему делу;
- стремлению повысить свой профессиональный уровень;
- использованию творческого подхода к предложениям, поступающим от начальства;
- проявлению инициативы, которая должна привести к улучшению работы компании;
- готовности отстаивать свою позицию, если есть уверенность в том, что она верна;
- формированию отношения к интересам фирмы как к собственным интересам;
- пониманию того, что процветание организации – это процветание каждого сотрудника [5].

Исходя из этого, можем говорить о том, что для персонала организационная культура задает направленность деятельности – ориентир (цель деятельности тесно связана с ценностями, принятыми в организации), а также допустимые способы достижения различных целей (как личных, так и организационных).

Организационная культура обеспечивает значимость производственной деятельности в глазах работников, так как достижение целей организации способствует достижению их собственных целей, удовлетворению их потребностей, соответствует внутренней структуре личности каждого работника (в идеале).

Элементы организационной культуры, усвоенные персоналом ценности и нормы являются внутренними побудительными силами,

мотивируючими работника к эффективной деятельности, к более производительному и качественному труду.

Таким образом, лояльность персонала в условиях интенсивного экономического развития – важный критерий стабильности компании, демонстрирующий уважительное, корректное и благожелательное отношение к компании-работодателю, личную заинтересованность в ее успешности. При правильной организации культуры компания может получить весомое конкурентное положение на рынке. Высокий уровень лояльности персонала – важнейшее условие деловой успешности компании.

Формирование лояльности – задача, требующая не столько глобальных капиталовложений, сколько совершенствования системы управления персоналом. В связи с этим, к перспективам дальнейших исследований мы относим вопрос влияния системы управления персоналом на формирование уровня его лояльности.

Список литературы

1. Агатова Л. А. Нелояльность персонала как угроза безопасности организации/ Л. А. Агатова, Г. Л. Смолян, Г. Н. Солнцева // Тр. ИСА РАН. – М., 2007. – Т. 31.
2. Банникова Е. Б. Организационная культура как инструмент управления персоналом организации / Е. Б. Банникова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Х. : Изд-во НУА, 2012. – Т. 18, кн. 2. – С. 56–64.
3. Гринберг Дж. Организационное поведение: от теории к практике / Дж. Гринберг, Р. Бэйрон ; пер. с англ. О. В. Бредихина, В. Д. Соколова. – М. : ООО «Вершина», 2004.
4. Доминяк В. И. Лояльность – причинение пользы / В. Доминяк // Отдел кадров. – 2004. – № 11. – С. 10–12.
5. Климентова О. Лояльность персонала глазами соискателя / О. Климентова // Работа&Зарплата. – 2005. – № 24. – С. 3–5.
6. Лояльность персонала – необходимое условие успешности компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://webinary.com.ua/publ/stati_dlja_kazhdogo/lojalnost_personala_neobkhodimoe
7. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.
8. Миронова М. Для чего компаниям нужна лояльность персонала?

[Електронний ресурс] / М. Миронова. - Режим доступа: <http://www.inside-pr.ru/hr/1loyalty/311-loyalty-personal.html>

9. Овчинникова О. Г. Лояльность персонала / О. Г. Овчинникова. – М. : ООО «Журн. «Управление персоналом», 2006. – 96 с.

10. Потеряхин А. Лояльность персонала как условие профессиональной мотивации [Электронный ресурс] / А. Потеряхин. – Режим доступа: http://www.botexpert.com.ua/MonthTheme1/MonthTheme1_114.html?ThemeID

11. Стеклова О. Е. Организационная культура : учеб. пособие / О. Е. Стеклова. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – 127 с.

12. Харский К. В. Благонадежность и лояльность персонала / К. В. Харский. – СПб. : Питер, 2003. - 496 с.

13. Чудакова Е. Система управления удовлетворенностью и лояльностью персонала / Е. Чудакова // Управление человеческим потенциалом. – 2005. – № 3. – С. 9–12.

14. Шульц Д. Психология и работа / Д. Шульц, С. Шульц. – 8-е изд. – СПб. : Питер, 2003.

УДК 821.161.2-1'04

*І. О. Помазан***ВИЗУАЛІЗАЦІЯ СЛОВА В УКРАЇНСЬКИХ БАРОКОВИХ ФІГУРНИХ ВІРШАХ****Резюме**

В статті на прикладі фігурного стихотворення Степана Беринди, посвященого Елісею Плетенецькому, розглядається характер взаємодії візуального і вербального компонентів фігурного стихотворення. Соеднуючого в собі візуальний компонент у вигляді певного зображення і вербальну складову, тобто поетичний текст, вписаний у форму зображуваного предмета.

Зроблено висновок про їх органічне спільне участь у реалізації принципу синкретичності зрительної поезії. В частині, візуальна складова в значительній ступені визначає складову вербальну, визначаючи напрямки художньої інтерпретації фігур, в які вписано поетичний текст. Разом з тим особливе розташування поетичних рядків, утворюючи в розглянутих випадках певні гербові елементи, надає додаткову виразність і художню багатогранність поетичному тексту. Таким чином у поетичній практиці реалізується принцип синкретичності зрительної поезії і, в частині, гербового стихотворення.

Summary

The article looks at the nature of interaction of a pattern poem visual and verbal components as exemplified by Stepan Berinda's pattern poem inscribed to Elisey Pletenetsky. Pattern poetry combines a visual component in the form of a certain pattern and a verbal one, i.e. a poetic text shaped like the object being described.

Conclusion is drawn as to their natural shared contribution towards the concept of visual poetry syncretism. In particular, both the verbal component and the line of literary interpretation of the poetic text shape are largely determined by the visual component. Alongside this, the peculiar arrangement of verse lines in the poem at issue forms certain heraldic elements thus rendering the poetic text more expressive and literary versatile. In poetic practice the above is a means of adhering to the concept of visual poetry syncretism and the heraldic poem in particular.

Ключові слова: зорова поезія, фігурний вірш, геральдична поезія, література українського Бароко.

Зорова поезія і, зокрема, поезія фігурна посідає доволі специфічне місце в літературному й культурно-світоглядному дискурсі доби Бароко. З одного боку, цей жанровий напрямок набув розквіту в окреслений період, а з іншого, у бароковій поетиці фігурного вірша поряд із домінуючим впливом західноєвропейської традиції за посередництвом польської літератури простежується певний вплив візантійської художньої традиції, як внаслідок засвоєння її літературою Київської Русі, так і внаслідок другого південнослов'янського впливу. Разом із цим у зоровій поезії доби Бароко чи не найповнішою мірою знайшов утілення такий органічно притаманний цій епосі потяг до несподіваної інтелектуальної гри, до інтеграції різних рецептивних рівнів для досягнення максимального художнього ефекту [2, с. 12].

Особливо цікаво цей потяг до інтелектуально-мистецької гри й художньої дотепності реалізується, ймовірно, у такій жанровій формі зорової поезії, як фігурний вірш, що поєднує в собі зоровий складник у вигляді певного зображення і вербальний складник, тобто поетичний текст, вписаний у форму зображуваного предмета. При цьому текст цей тісно пов'язаний із візуальним об'єктом. Попри дуже давню в європейській літературі історію фігурних віршів, особливого розквіту цей жанр зазнав у добу Бароко. Знаний іще з античних часів у творах, зокрема, Сіміаса Родоського, вірші якого мають форму крил, сокири, яйця [3, с. 30], фігурний вірш у бароковій літературі стає одним з найпопулярніших жанрів зорової поезії.

З точки зору поетики творів такого кшталту цікавим є співвідношення вербальної та візуальної складової у формуванні художнього простору фігурного вірша.

У якості предмета дослідження візьмемо вірш Степана Беринди «Великодный дар въ ХристѢ превелебному его милости господину отцу кир Єліссею Плетенецкому, архимандриту Печерскому кievскому и проч., пану и добродѣви моему милостивому, и всѢм их милостям благородным паном презацного клейноту сего, о вдячное принятя просячи, покорне офѢрованыи», вміщений у книзі «(Бже въ святых отца нашего Іоанна Златоустаго, архієпископа Константінаграда, патріархи вселенскаго бесѣды на 14 посланій святого апостола Павла)» (Київ, Лаврська друкарня, 1623 рік). Вірш цей цікавий, зокрема тим, що

Вписані в кожну з фігур вірші художньо представляють її семантику. Великий вплив на магістральний напрямок поетичного тлумачення складників герба Плетенецьких має, звичайно, його панегіричний характер. Відтак значною мірою це тлумачення близьке до алгоритмів, що притаманні геральдичній поезії. Для автора важливим є не лише вразити читача оригінальними й несподівано вибагливими спекуляціями над фігурами хреста й півмісяця, а передовсім «прив'язати» ці спекуляції до головної інтенції вірша – оспівати й піднести адресата і його рід. Таким чином, Степан Беринда, з огляду на духовний сан адресата, зосереджується переважно на фігурі хреста. Для поета хрест є не лише символом самовідданого церковного служіння Печерського архімандрита, а й символом, присутність якого в гербі Плетенецьких підтверджує їх належність до європейської еліти, до кола обраних, відзначених особливою прихильністю Спасителя. Автор ставить Плетенецьких поряд із Костянтином Великим, якому хрест був явлений напередодні вирішальної битви з Максенцієм. Далі він посилює цю аналогію закликком перемагати із хрестом «всѣх противных», що звучить як певна алюзія до «In hoc signo vinces». Відтак адресат опиняється у товаристві тих, хто творить історію і, зокрема, історію християнства. Такий мотив є взагалі характерним для панегіричної поезії як складника аристократичної субкультури доби Бароко і не лише Бароко. Прагнення об'єднати всіх гідних у шляхетному лицарському колі, до якого мають усі підстави належати й звеличувані в панегіричних творах особи, зумовлює також і доручення до цього кола Ісуса Христа, якого один з авторів геральдичної поезії також наділяє гербом. Адже з точки зору людини доби Бароко Спаситель належав до еліти не лише як Син Божий, він у своїй людській іпостасі також походить з аристократичного, царського роду. Водночас середньовічний лицар, за твердженням Франко Кардіні, співвідносив себе з Христом, оскільки як і він був готовий пролити свою кров за віру в боротьбі з ворогами християнства, що сприймалися часто як слуги диявола [1, с. 307].

Разом із цим мотив співставлення звеличуваної в гербовому вірші особи з постаттю Костянтина Великого є доволі популярним, чи не хрестоматійним. Згадаймо хоча б відомий вірш Герасима Смотриць-

кого на герб Костянтина Острозького з Острозької Біблії 1581 року. На проведення паралелі між постаттю князя та римського імператора автора наштовхує не лише однаковість імен, а й фігура хреста в одному з гербових полів у гербі вміщеному в згаданому виданні:

И ты крестное зна́меніе не туне но́сиши,
 велі́кому Константину им ся подобі́ши.
 Он бо на небеси сіє відѢв, побѣдил съпостаты,
 ты же побѣжда́й ереті́к и бѣсов три статы.
 Крест бо похва́ла царє́м,
 бѣсом же незно́сный ярем. [4, с. 61]

Крім того, як бачимо з наведеної цитати, поетові з Острога також близька інтерпретація хреста як засобу перемоги над ворогами віри.

Подібне тлумачення хреста в гербі Єлисея Плетенецького спостерігаємо й в іншому вірші, уже суто гербовому, авторство якого гіпотетично належить іншому поету з кола печерського архимандрита, Тарасію Земці, як і Степан Беринда, вихідцю з балабанівського гуртка. Так, у вірші «На клейнот пречестнѣйшаго въ Христѣ господина отца кир Єлисея Плетенецького, архимандрита кievского епіграмма» з книги «Псалтырь блаженнаго пророка и царя Давида с пѣснями и псалмы избранными на праздни́ки господскія и святых божіих, и с пасхалиєю с молитвами» (Київ, Лаврська друкарня, 1624 рік) поет, зокрема, наголошує не лише на тому, що хрест є символом шляхетності роду Плетенецьких, а й на особливій його значущості саме для Єлисея Плетенецького, для якого хрест є також символом обраності й покликання до духовного служіння:

Приатовал еси́ крест купно съ луно́ю,
 От благородіа ти въ символ обю.
 Аще бо крест знаменà Христовым тя быти
 Єще въ мірских, лунà же мѹжеством свѣтлѣти
 Зде по вся дни съ Христом жи́ти тя явля́ет
 И крест въ мольбах, лунà же въ чтєніих вѣщаєт. [4, с. 82]

Таким чином, поетична інтерпретація хреста у аналізованому фігурному вірші в цілому відповідає загальному алгоритму його художнього тлумачення в інших зразках зорової поезії, зокрема в поезії геральдичній.

Щодо поетичного тлумачення місяця, то він у баченні Степана Беринди виконує функцію швидше додаткову, сказати б утилітарну, будучи джерелом трансцендентного світла, яке осягає шляхетний дім Плетенецьких. Така інтерпретація місяця є досить поширеною, однак не єдиною. Для Герасима Смотрицького, наприклад, місяць є символом ветхого заповіту, який має поступитися новій епосі, що настає після спокути Христом гріхів людства й відкриття шляху до спасіння й небесного царства:

И убывает луна ветхаго завѣта,
сіяет бо солнце неприступнаго свѣта,
В нем же ходя, не поткнѣтся,
но паче спасѣтся. [4, с. 61]

Загалом семантичне поле місяця в зоровій поезії досить широке. Це великою мірою зумовлене меншою його прив'язаністю до християнського семантичного контексту. Так, іноді в геральдичних віршах місяць у сукупності із хрестом і зорями є символом «набожества». «Службова» роль місяця в аналізованому вірші Степана Беринди зумовлюється, звичайно, тим, що автор зосереджується передовсім на фігурі хреста, центральній у творі як семантично, з огляду на духовний сан Єлисея Плетенецького, так і візуально, адже саме хрест займає центр сторінки у виданні 1623 року й оточений рамкою з ініціалами лаврського архімандрита. Таке розташування хреста акцентовано наголошує на значущості духовних цінностей християнства для Єлисея Плетенецького, а також на його несхитності на шляху Божого служіння.

Отже, як бачимо на прикладі розглянутого нами зразка зорової поезії, візуальна складова у фігурних віршах великою мірою визначає поетичну специфіку складової вербальної, окреслюючи напрямки художньої інтерпретації тих фігур, у які вписано поетичний текст.

Водночас особливе розташування поетичних рядків, яке утворює в нашому випадку певні гербові елементи, додає додаткової виразності й багатогранності поетичному тексту. Таким чином у поетичній практиці реалізується принцип синкретичності зорової поезії та, зокрема, фігурного вірша.

Список літератури

1. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини ; пер. с итал. – М. : Прогресс, 1987. – 360 с.
2. Маслов С. Маловідомий український письменник кінця XVII – початку XVIII ст. Іван Величковський / С. Маслов // Величковський І. Твори / Іван Величковський. – К. : Наук. думка, 1972. – С. 5–23.
3. Сорока М. Зорова поезія в українській літературі кінця XVI–XVIII ст. / М. Сорока. – К. : Голов. ред. л-ри мовами нац. меншин України, 1997. – 210 с.
4. Українська поезія. Кінець XVI – початок XVII ст. – К. : Наук. думка, 1978. – 431 с.

Т. М. Тимошенкова

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

Резюме

У статті простежується еволюція жіночих стереотипів у американському варіанті англійської мови (1920–1990-ті рр.); відбиття гендерних стереотипів у художній літературі та засобах масової інформації.

На матеріалі детективних творів авторів-жінок (XX–XXI ст.) розглядається роль гендерного фактора у формуванні літературного жанру. Аналіз творів жінок-авторів детективних творів (А Крісті, А. Марініна, Д. Донцова, П. Дашкова, Т. Устинова) дозволяє зробити висновок, що героїні детективів – або високопрофесійні фахівці (різних галузей діяльності), або, у всякому разі, розумні, спостережливі жінки, що вміють вибудовувати коректні логічні ланцюжки. В найнебезпечніших ситуаціях ці жінки виявляють мужність, хоробрість, винахідливість, чесність, принциповість.

Summary

The article traces the evolution of the female stereotypes in the American English (1920–1990 ies); the reflexion of gender stereotypes in fiction and mass media.

The role of the gender factor in shaping a literary genre is considered on the material of detective stories written by female authors (XX–XXI c.).

The analysis of literary creations by A. Christie, A. Marinina, D. Dontsova, P. Dashkova, T. Ustinova gives grounds for the following conclusions: the detective stories heroines are either highly qualified professionals (in various fields of activities) or, at any rate, clever, observant women who are able of building correct logical chains. In most dangerous situations these women display courage, bravery, resourcefulness, honesty, adherence to their principles.

Ключевые слова: гендерный фактор, лингвистическая гендерология, гендерные стереотипы, этапы эволюции стереотипов фемининности.

Гендер – комплексная и разновекторная категория, включающая биологическую, социальную, культурно-национальную составляющие и представленная в речевой практике народа на каждом этапе его

исторического развития стереотипами и эталонами, отражающими взгляды общества на социальную роль мужчин и женщин.

В работах, посвященных проблемам лингвистической гендерологии, приводятся интересные наблюдения, касающиеся эволюции женских стереотипов в английском языке США.

В 1920-е годы наблюдается широкое распространение таких стереотипов как «*virgin*», «*woman-child*» [2]. В 1930-е годы – «*vamp*», «*gold-digger*». В 1940-е годы (особенно в послевоенный период) – эпоху «*back-to-the-home-movement*» – идеалом становится женщина, озабоченная благополучием и уютом своего дома, воспитанием детей, безупречная домохозяйка [6].

В 1960-е годы возвращается образ «*Venus*» – женщины-соблазнительницы. В 1970-е годы активизация борьбы американских женщин за свои права не может не вызвать появления новых стереотипов. Так возникает неологизм «*libbet*» (пренебрежительное слово от «*liberation*», обозначающее активистку женского движения). 1980-е годы характеризуются как эпоха неоконсерватизма в общественной жизни США. Женщина воспринимается как новая Золушка («*Cinderella*») – хрупкое, слабое существо, не способное позаботиться о себе и нуждающееся в мужской поддержке и защите.

В 1990-е годы это уже совсем иная женщина: «*new woman*», «*achieving woman*» – деловая женщина, сочетающая успешную карьеру с семейными заботами и общественной жизнью [4].

Обострение негативного восприятия феминизма в конце 1990-х годов отражается в новых стереотипах: «*new lad*» – мужчина, враждебно относящийся к феминизму; «*new ladette*» – воинствующая феминистка [7] (источники цитируются по работе Г. И. Эмирсуиновой [3]).

Как свидетельствуют приведенные примеры, гендерные стереотипы выполняют как номинативную, так и оценочную и, следовательно, регулятивную функцию. А это, в свою очередь, вызывает ответную реакцию со стороны женщин, борющихся за равные права с мужчинами и твердо уверенных в обоснованности своей позиции.

Термины: «*sexism*» (политика дискриминации женщин); «*male chauvinism*», означающий непомерную мужскую гордость, убежденность в превосходстве мужчин над женщинами и полном праве

мужчин на более высокий социальный и политический статус и, в особенности, хлесткое и получившее широкое распространение, легко узнаваемое даже в сокращении «тср» новообразование «male chauvinist pig» эксплицируют (весьма образно в последнем случае) ярко выраженную сему отрицательной оценочности.

Совершенно естественно, что гендерные стереотипы находят отражение во всех видах литературы и искусства, в средствах массовой информации. Например, уже первый британский женский журнал «Ladies Mercury» (1690), ориентируясь на общепринятые целеустановки, запросы, интересы женщин, освещал «вопросы любви и брака, манер и моды для всех девушек, замужних дам и вдов».

Британские викторианские издания для женщин воплощали традиционную для патриархального общества парадигму гендерных ролей. Нежные домашние создания на страницах газет и журналов были представлены исключительно в качестве хранительниц домашнего очага, отдававших большую часть своего времени семье, в то время как бизнес и политика были прерогативой мужчин. В качестве традиционных «женских» тем рассматривались: мир моды, жизнь королевской семьи, светские сплетни, кулинария, домоводство, легкая литература [1].

Выделяя современный женский роман (Romance) как самостоятельный литературный жанр, В. А. Кухаренко определяет его стандарт как утверждение «неистребимой сущности женского начала» (the eternal womanly substance), не изменившегося со времен сотворения мира и сохранившегося несмотря на все успехи суфражисток, феминисток и гендерологов. Оппозиция «слабая, нуждающаяся в защите женщина – мужественный, готовый к защите мужчина» составляет основной концептуальный стереотип романа с его адекватностью героев гендерным стереотипам [5].

Влияние гендерного фактора на формирование литературного жанра и является объектом нашего внимания в данной статье.

В качестве предмета исследования выбран женский детектив XX–XXI века.

Актуальность выбранной тематики определяется тем, что проблема литературных жанров слабо представлена в парадигме

гендерных исследований. Между тем она представляет несомненный интерес не только как культурное, но и как социальное явление.

Детектив – один из самых востребованных и популярных литературных жанров. Традиционно его относят к массовой литературе (термин с явно отрицательной коннотацией, подразумевающей «ширпотреб», рассчитанный на невзыскательного читателя). Такой подход вряд ли можно рассматривать как бесспорный. Детектив, как и любой другой литературный жанр, представлен образцами, разительно отличающимися друг от друга и уровнем художественного мастерства авторов, и запасом их социально-культурной информации, и нравственным зарядом.

Нам представляется интересным проанализировать с точки зрения гендерологии детективные романы XX–XXI веков, созданные авторами-женщинами.

Признанная во всем мире королева детективного жанра Агата Кристи не имела какого-либо специального образования, но обладала богатым и разнообразным жизненным опытом. Ее детективные истории – это, прежде всего, логические загадки, в ряде случаев искусственно сконструированные, но всегда захватывающе интересные. А. Кристи не ставит под сомнение деловые качества сотрудников полиции (ее блестящий сыщик Э. Пуаро – бывший полицейский). Однако среди ее постоянных героев есть детективы-любители, которые не только ничуть не уступают профессионалам, но зачастую опережают их в раскрытии самых загадочных преступлений.

Прежде всего, это, конечно, мисс Марпл, старушка-«божий одуванчик», старая дева, всю жизнь прожившая в деревне Сент Мери Мид: умная, наблюдательная, прекрасно разбирающаяся в человеческой психологии. Она нередко помогает полиции и пользуется признанием и большим уважением полицейских.

Семейная пара сыщиков-любителей Томми и Таппенс в годы Второй мировой войны успешно сотрудничала с британскими спецслужбами в разоблачении и обезвреживании немецких шпионов. Они начинали свою деятельность в молодости, но и в старости не утратили ни интереса, ни способности к сыску. При этом энергичная, живая и темпераментная Таппенс во многих случаях играет первую

скрипку. Она артистичнее, изобретательнее и даже авантюрнее своего супруга Томми.

Александра Маринина – бывший сотрудник правоохранительных органов, кандидат юридических наук, имеющий опыт оперативной работы, научных исследований, преподавания в Московской высшей школе милиции. Ее жанр – добротные «полицейские романы», в которых расследование ведут профессионалы. Главная героиня большинства ее детективов – Анастасия Каменская – работник милиции, успешно сочетающий обязанности оперативника и аналитика, искренне преданный своему ремеслу человек, не мыслящий своей жизни без любимой работы. Умница, высокообразованная женщина с широкой эрудицией и знанием нескольких иностранных языков. Пользуется заслуженным уважением коллег-мужчин. Именно благодаря ее творческому нестандартному мышлению раскрыты многие преступления.

Даже героини Дарьи Донцовой, которых, по идее, не следует воспринимать всерьез (ее жанр позиционируется автором как «иронический детектив»), активно занимаются сыском.

Дарья Васильева (бывший преподаватель иностранных языков, больше не занимается профессиональной деятельностью – получила в подарок от подруги часть свалившегося на нее наследства). Евлампия Романова (после неудачного брака пристроилась то ли компаньонкой, то ли экономкой в семью врача). Виола Тараканова (успешный автор детективов).

Все они с энтузиазмом (достойным лучшего применения) берутся за раскрытие преступлений, что безмерно раздражает профессиональных сыскарей. Однако упорство, целеустремленность, бесспорная сообразительность, искреннее сочувствие к попавшим в беду людям позволяют им успешно справляться с раскрытием преступлений.

Героини романов Полины Дашковой (выпускница Литературного института) и Татьяны Устиновой (бывшая тележурналистка, ныне профессиональная писательница) с успехом выстраивают свою профессиональную карьеру.

Екатерина Орлова – прима-балерина (П. Дашкова, «Место под солнцем»).

Вера Салтыкова – высококвалифицированный переводчик (П. Дашкова, «Никто не заплачет»). Ольга Филиппова – известный врач-психиатр (П. Дашкова, «Вечная ночь»). Екатерина Солнцева – мозговой центр агентства по связям с общественностью (Т. Устинова, «Персональный ангел»). Лидия Шевелева – талантливая журналистка (Т. Устинова, «Большая игра»). Инна Селиверстова – руководитель краевого информационного управления (Т. Устинова, «Первое правило королевы»).

Эти женщины не инициируют самостоятельных расследований, но в силу ряда обстоятельств оказываются вынужденными принимать в них участие, поскольку происходящие события непосредственно касаются или их самих, или близких им людей, либо же природная порядочность просто не позволяет им пройти мимо чужого несчастья. При этом героини проявляют и мужество, и находчивость и верность своим принципам.

Сравнительный анализ характеристик персонажей позволяет выявить ряд закономерностей, присущих творчеству женщин – авторов детективов.

Героини детективов – это, прежде всего, деловые женщины, состоявшиеся профессионалы, высококлассные специалисты. Даже женщины, не озабоченные профессиональной карьерой, ничуть не уступают мужчинам ни в интеллекте, ни в наблюдательности, ни в умении выстраивать безупречные логические цепочки.

У Т. Устиновой присутствует еще один обязательный элемент. Ее героини, – при всех прочих качествах, – прежде всего, женщины, которым никакой карьерный взлет не заменит любви и семейного счастья (которые, как выясняется, необходимы также и мужчинам). Женские и мужские персонажи Устиновой, пережив множество испытаний, пройдя разные этапы и стадии своих взаимоотношений – это может быть и настороженность, и недоверие, и подозрительность и даже откровенная неприязнь, – в конце концов убеждаются, что не могут жить друг без друга, и с облегченными вздохами бросаются в жаркие объятия.

Список літератури

1. Антоненко М. А. Британские женские журналы 19 века и гендерные стереотипы / М. А. Антоненко // Матер. міжнар. наук.-метод. конф. «3 Каразінські читання: методика і лінгвістика на шляху до інтеграції», 28 жовт. 2003 р. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2003. – С. 7–8.
2. Белова А. Д. О некоторых лингвистических аспектах американизмов / А. Д. Белова, М. К. Михненко // Філологія і культура : зб. наук. праць – К. : КНУ ім. Т. Г. Шевченка, 1996. – С. 15–20.
3. Емірсуїнова Г. І. Відбиття соціального статусу жінки в англійській мові / Г. І. Емірсуїнова // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 537. – С. 142–147.
4. Зацний Ю. А. Розвиток словникового складу сучасної англійської мови / Ю. А. Зацний. – Запоріжжя : ЗДУ, 1998. – 431 с.
5. Кухаренко В. А. Женский роман вчера и сегодня / В. А. Кухаренко // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 94–97.
6. Banner L. W. Women in Modern America / L. W. Banner. – San Diego : HBJ Publishers, 1984. – P. 230–272.
7. Ryakhovskaya E. Current Changes in the English Language as a Response to the Needs of Society/ E. Ryakhovskaya // Вестн. МГУ. Сер. 19 «Филология». – 2000. – № 1. – С. 40–45.

УДК 811.133.1'367.622'366.53

П. В. Джандоева

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, СВЯЗАННОЕ С КАТЕГОРИЕЙ ЧИСЛА

Резюме

У статті, яка є логічним продовженням раніше опублікованого дослідження «Терминологическое словообразование, связанное с категорией рода», досліджено особливості термінів-іменників конкретної термінологічної системи, утворення яких пов'язано з граматичною категорією числа, що притаманно сучасним термінологіям різних мов.

У галузі інформатики розглянуто терміни, в яких форми однини та множини відрізняються своїм значенням, означаючи різні класи предметів. Співвідношення форм з кінцевим *-s* може мати як лексико-граматичний характер, породжуючи іноді термінологічну полісемію, так і суто «термінотворчий» характер, наслідком якого є термінологічна омонімія.

Проведені дослідження показали, що категорію числа у французькій термінології можна використовувати в процесі термінологічного словотворення для формування назв специфічного значення. Були виявлені як загальні положення, характерні для даного типу термінологічного словотворення, так і специфічні особливості, притаманні французькій мові.

Summary

The article is a logical continuation of the research reflected in the previous publication dealing with the problem of the category of gender used as a means of formation of terms. The article considers peculiarities of nouns as elements of a concrete terminological system whose creation is based on the category of number, which is characteristic of different languages terminology.

The author of the article discusses the information science terms whose singular and plural forms realize different meanings. Forms with final «s» may have either a lexico-grammatical meaning, bringing about a terminological polysemy, or be a term building means, giving as a result a terminological homonymy.

The research fulfilled bears witness to the fact that the category of number in the French language may be employed in the process of formation of terms with specialized meanings. Under consideration were both general factors, characteristic of this type of term building and peculiarities specific of the French language.

Ключевые слова: терминологическое словообразование, терминологическая система, категория числа, семантическая деривация, лексико-

семантические варианты (ЛСВ), метафорический перенос, метонимический перенос, расширение и сужение значения термина.

Предложенное исследование является по сути логическим продолжением ранее опубликованной нами статьи «Терминологическое словообразование, связанное с категорией рода» [5, с. 460–465].

Данная статья продолжает тему выявления особенностей терминологического словообразования, затронутую в вышеуказанной публикации, и освещает некоторые вопросы, связанные с проблемами терминообразования, ввиду того, что целый ряд вопросов еще недостаточно изучен в научной литературе.

Целью данного исследования является выявление особенностей терминов-существительных, образование которых связано с категорией числа. Значительная распространенность в современном французском языке этого типа терминообразования определяет теоретическую и практическую значимость исследования и его актуальность.

Предметом исследования является терминологическая система (ТС) информатики, в пределах которой в особую группу были выделены термины, формы единственного и множественного числа которых различаются по своему лексическому значению, обозначая различные классы предметов. Анализ выделенных терминов показал, что соотношение форм с конечным *-s* может носить как лексико-грамматический характер, порождая в ряде случаев терминологическую полисемию, так и чисто лексический или «словообразовательный» характер, следствием которого является терминологическая омонимия.

Детальный анализ данной группы многозначных терминов позволяет выявить как общие черты, характерные для данного типа терминологической полисемии, так и специфические особенности, присущие французскому языку.

Категория числа имен существительных издавна привлекала внимание лингвистов (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Н. М. Греч).

Проблемам форм слова посвятили свои работы: А. А. Потебня [8], Е. Н. Галкина-Федорук [4], В. В. Виноградов [2], Л. В. Щерба [11], Л. А. Холодович [10], Г. В. Козлова [6] и др. На начальном этапе

исследования данной проблемы число рассматривалось в традиционном грамматическом плане как отношение имени к количеству выражаемых им предметов. Исследования А. А. Потевни открывают новый этап в изучении категории числа существительных, когда оно является «средством обозначения других значений, отличных от простой множественности» [8]. Как известно, А. А. Потевня считал, что малейшее изменение в лексическом или грамматическом значении слова делает это значение другим словом, поэтому, по его мнению формы множественного и единственного числа даже в одном и том же лексическом значении должны рассматриваться как разные слова.

В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, А. А. Холодович усматривают в форме числа наряду с количественными различиями способ дифференциации различных значений одного и того же слова. Данную точку зрения развивают Л. А. Новиков [7, с. 77–89], И. В. Арнольд [1, с. 10–20] и другие исследователи. В своих работах они показывают, как взаимодействие лексических и грамматических явлений создает предпосылки для лексико-семантического варьирования.

В полисемичном термине связь между ЛСВ которого носит лексико-грамматический характер, «лексико-семантический стержень не только объединяет формы единственного и множественного числа..., но и связывает подобные формы друг с другом, если их значения мотивированны» [7, с. 85].

Так например, формы: *la norme* – *les normes*_I – *les normes*_{II}, обозначающие: I) норма, правило; II) стандарт, – образуют один полисемичный, а не два омонимичных термина, будучи связаны метонимически единым лексико-семантическим инвариантом – «установленная величина». В случае, если соотношения между ЛСВ, представленные формами без *-s* и с конечным *-s*, носят чисто словообразовательный характер, то образование отдельных слов, по мнению А. И. Смирницкого, определяется тем, что «различие в семантическом характере самих форм множественности и соединенность определенных лексических значений с оформлением в виде *pluralia tantum* создает тот внутренний разрыв при одинаковости внешней оболочки, который характерен для омонимии» [9, с. 31]. При

этом смысловой разрыв неизбежно сопровождается грамматическим. Например:

L information / les informations ₁	les informations _{II}
Информация, данные, индикация	Последние известия, передача по радио

Смысловая изоляция различных значений форм данного термина сопровождается неспособностью второго термина иметь соответствующую форму единственного числа, то есть изменением его грамматической формы.

Произведенный анализ форм множественного числа выделенных терминов-существительных показал, что в терминологической лексике данная форма является не только средством разграничения различных значений в семантической структуре полисемичного термина, но и сама может подвергаться изменениям. Результатом этих изменений является то, что формы единственного и множественного числа не ограничиваются только количественными соотношениями, а сопровождаются семантическими различиями в лексическом значении слова. При этом форма множественного числа приобретает несколько значений. Например:

le dépôt / les dépôts ₁	–	les dépôts ₂
1/ осаждение, отложение, нанесение	–	осадок
2/ покрытие		
la fuite / les fuites ₁	–	les fuites ₂
утечка / действие	–	утечки / результат
la perturbation / les perturbation ₁	–	les perturbation ₂
возмущение, нарушение, создание помех	–	помехи

Анализ выделенных полисемичных терминов, многозначность которых является следствием количественно-качественных изменений форм числа, показал, что в их основе лежат следующие типы семантической деривации:

1) метафорический перенос по сходству формы или функции:

le courant / les courants ₁	–	les courants ₂
ток / токи	–	потоки \ напр. метеорные

2) метонимический перенос по смежности:

le parasite / les parasites₁ – les parasites₂
 1/ возмущение; 2/ пассивный элемент – помехи

3) расширение значения термина:

laide / les aides₁ – les aides₂
 посадочная вспомогательная станция – вспомогательные средства

4) сужение значения термина:

la mémoire / les mémoires₁ – les mémoires₂
 память, запоминающее устройство – платы памяти

Исследование показало, что самым распространенным типом семантических отношений между ЛСВ, образованными в результате количественно-качественных изменений форм числа, является метонимический перенос по смежности. При этом ЛСВ, приобретающие во множественном числе дифференцированные значения, обозначают:

1) действие / его следствие или результат:

la perforation / les perforations₁ – les perforations₂
 перфорация, пробивка – отверстия / перфокарт

2) действие / средство его осуществления:

la lecture / les lectures₁ – les lectures₂
 считывание – показание прибора

3) сложный предмет, представляющий единое целое / его часть:

la mémoire / les mémoires₁ – les mémoires₂
 память, запоминающее устройство – платы памяти

4) свойство / связанные с ним характеристики:

la performance / les performances₁ – les performances₂
 качество – параметры, рабочие характеристики

Анализ возможностей объединения в одном термине нескольких ЛСВ, хотя и принадлежащих к одной части речи, но имеющих разные грамматические характеристики, выявил несколько моделей регулярной терминологической полисемии, свойственной французской

терминологической лексике. Так, среди исследуемого массива терминов электроники был выявлен ряд форм числа, переводные элементы которых находятся в однотипных отношениях «действие / его следствие или результат». Это позволяет нам объединить эти формы числа в одну модель регулярной терминологической полисемии: «действие / его следствие или результат». Например:

la vibration / les vibrations ₁	–	les vibrations ₂
вибрация	–	колебания
l'oscillation / les oscillations ₁	–	les oscillations ₂
вибрация	–	колебания
l'indication / les indications ₁	–	les indications ₂
индикация	–	сведения, данные
la fluctuation / les fluctuations ₁	–	les fluctuations ₂
1) флуктуация; 2) случайное	–	изменения колебание
la variation / les variations ₁	–	les variations ₂
изменение	–	колебания

Кроме того, в данной группе полисемичных терминов выявлена еще одна регулярная модель: «действие / способ его обеспечения». Например:

l'impureté / les impuretés ₁	–	les impuretés ₂
загрязнение	–	примесь
la perturbation / les perturbations ₁	–	les perturbations ₂
возмущение, нарушение	–	помехи

Выделение основных регулярных типов терминологической полисемии французского языка науки и техники позволяет выстроить цепочку правил, которыми пользуются носители языка, воспринимая термин в новом для него значении.

Вышеприведенные примеры подтверждают наличие семантической связи между ЛСВ, выраженными формами множественного числа с дифференциальным значением и сопоставимой исходной формой единственного числа, что подтверждает факт наличия полисемии терминов.

Если же термин с конечным *-s* становится средством выражения лексического различия, приобретая чисто словообразовательный

характер и отражая признак объекта другого класса, то мы имеем дело с новым термином, обозначающим качественно новое понятие, то есть с терминологической омонимией.

Мы разделяем мнение исследователей, полагающих, что семантический критерий является недостаточным для разграничений терминологической полисемии и омонимии, ибо тождество слова может нарушаться как при полной утрате общего лексико-семантического инварианта, так и при известном сохранении смысловой связи.

Помимо степени семантического расхождения особую значимость, по мнению Л. А. Новикова, приобретает обособление грамматическое, выражающееся в неспособности существительных, оканчивающихся на *-s*, соотноситься с формой единственного числа и утратой им грамматической функции обозначения множественности [7, с. 89].

Как следует из вышесказанного, с образованием нового слова существительное с конечным *-s* лишено способности давать количественную характеристику, и имеет иное вещественное содержание по сравнению с исходной формой без *-s*, являясь признаком предмета другого класса. Например, у термина *les charges /dexploitation/* (расходы) форма множественного числа не является обозначением множества, несмотря на его оформление в этом значении как «только множественное» в противопоставлении форме единственного числа: *la charge / 1) нагрузка; 2) заряд/*. Это свидетельствует об образовании нового омонимического термина, обозначающего другой класс предметов. Семантическая связь между данными формами при этом разрушается. А. А. Холодович называет такую множественность «quasi-множественность» [10, с. 35–36].

Сопоставляя различные ЛСВ полисемичного термина, оформленного *-s*, с исходной формой без *-s*, можно установить не только наличие общего грамматического значения, но и непосредственную семантическую связь между ними, поскольку эти термины обозначают один класс предметов. Например, термины *les appareils / аппаратура, les outils / инструмент, les connexions / схема соединений /*, обозначающие множество элементов, составляющих одно целое, могут рассматриваться как формы множественного числа, противопоставляемые форме единственного числа. Появление нового значения

у форм множественного числа этих терминов, обозначающих наряду со множеством и новое качество обозначаемого понятия, не сопровождается их переходом в другой лексико-грамматический разряд. Это позволяет рассматривать их как ЛСВ одного термина.

Кроме того, в ряде случаев терминологической омонимии существительных с конечным *-s*, присуще изменение в структуре слова, поскольку конечное *-s* не является при этом формообразующим элементом, а входит в основу нового слова (ср. *le ciseau* – резец и *les ciseaux* – ножницы). Как уже указывалось, несмотря на сохранение в известной степени связи между словами, оформленными *-s* и без конечного *-s*, при этом происходит переход существительных с конечным *-s* в самостоятельные слова (омонимы).

Таким образом, критерием разграничения терминов, оформленных конечным *-s* и без *-s*, служит наличие или отсутствие грамматической, семантической и в ряде случаев структурной соотнесенности терминов с конечным *-s* с исходной формой существительного без конечного *-s*. Необходимо также отметить различие парадигм новых образовавшихся омонимичных слов с конечным *-s* и системы форм тех терминов, от которых они образовались. Это свидетельствует о семантическом различии, происшедшем вследствие распада тождества слова. Сравним парадигмы терминов *les informations*₂ и *linformation* / *les information*₁:

*les informations*₂ – последние известия (по радио, телевидению)

Renseignements, nouvelles donnés par la radio ou télévision;

linformation / *les information*₁ – 1) информация; 2) индикация

Élément de base pour chaque type de calculateur. Dans les calculateurs-caractères l'élément dinformation est une lettre ou un signe... Dans les calculateurs-mots, l'élément dinformation est un groupe de lettres, de signes ou un nombre /Dictionnaire mémento délectronique 1969,182/.

Проведенные исследования дают основания для вывода, что категория числа во французской терминологии нередко используется в процессе терминологического словообразования для создания наименований специфического значения.

Существительное с конечным *-s* может выступать как форма

множественного числа с новым лексическим значением, а может иметь чисто словообразовательный характер. В первом случае речь чаще всего идет о полисемии, во втором – об омонимии.

Перспективным представляется исследование критериев разграничения этих двух явлений, не только учитывая присутствие общего семантического компонента в отмеченных значениях терминов, образованных посредством категорий рода и числа, но и грамматической, а в некоторых случаях, структурной соотнесенности существительного с конечным *-s* с исходной его формой.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Полисемия существительного и лексико-грамматические разряды / И. В. Арнольд // Ин. яз. в шк. – 1969. – № 5. – С. 10–20.
2. Виноградов В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Изв. АН СССР, ОЛЯ. – 1944. – Т. 111. – Вып. 1. – С. 31–44.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология / В. Г. Гак. – М.: Высш. шк., 1979. – 304 с.
4. Галкина-Федорук Е. Н. Понятие формы слова / Е. Н. Галкина-Федорук // Труды МИФЛИ, 1942, т. IX. Философский факультет. – С. 97–139.
5. Джандоева П. В. Терминологическое словообразование, связанное с категорией рода / П. В. Джандоева // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2011. – Т. XVII. – С. 460–465.
6. Козлова Г. В. Полисемия научно-технического термина / на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Козлова. – Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1980.
7. Новиков Л. А. Лексикализация форм числа существительного в русском языке (к вопросу о формах слова) / Л. А. Новиков // НДВШ. – 1963. – № 1. – С. 77–89.
8. Потебня А. А. Значение множественного числа в русском языке / А. А. Потебня. – Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1888. – 76 с.
9. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – 482 с.
10. Холодович Л. А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке / Л. А. Холодович // Ученые зап. ЛГУ им. А. А. Жданова. – 1946. – № 69. – Вып. 10. – С. 3–59.
11. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

УДК 821.161.1-312.4.09

*О. С. Рыжченко***ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЕКТЕ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭРАСТА ФАНДОРИНА»
БОРИСА АКУНИНА****Резюме**

Стаття присвячена розгляду типології образу оповідача в літературному проекті «Пригоди Ераста Фандоріна», а також встановленню тотожності або відмінності понять «оповідач» та «розповідач» у ньому. Всупереч традиції класиків детективного жанру, в яких присутній стандартний образ героя, що допомагає сищикаві в розслідуванні, Б. Акунін намагається змалювати розповідача, що істотно відрізняється від класичного. Розповідачами у творах Б. Акуніна виступають персонажі, ставлення яких до головного героя може бути або амбівалентним, або негативним. У кожному романі з'являється новий оповідач, що дозволяє авторові постійно змінювати точку зору не лише на самого сищика, але і на події взагалі. Трансформація особистості як сищика, так і розповідача вказує на прагнення автора вийти за рамки детективного жанру, реалізуючи елементи психологічного роману.

Summary

The article analyzes the image of the narrator in the literary project «The Adventures of Erast Fandorin» and the problem of either identity or distinction of the concepts «narrator» and «story-teller» in it. As opposed to the traditions of the classics of detective genre, who depicted a standard image of a hero, helping the detective in his investigation, Boris Akunin tries to create a narrator who substantially differs from classical. The narrators' attitude toward the main hero can be either ambivalent or negative. In every novel there appears a new narrator. Each time this makes it possible for the author to change the approach not only to the detective but to the events in general. The personality transformation of both the detective and the narrator testifies to the intention of the author to overcome the strict framework of the detective genre, realizing the elements of a psychological novel.

Ключевые слова: повествователь, детективный жанр, психологический роман.

Для современного литературного процесса характерна многомерность, отражающая единство нескольких открытых субкультур, среди которых доминирует массовая культура, прочно удерживающая интерес широкого читателя. Среди произведений массовой литературы заметно выделяется детективный жанр, который активно развивается, приобретая новые формы и виды: все чаще в детективных произведениях реализуются элементы любовного, мистического или фантастического романов. Одним из перспективных направлений в развитии жанра является пограничный между массовой и элитарной литературами ретродетектив, представляющий собой соединение исторического романа и детектива, что позволяет отнести его к миддл-литературе.

Одним из наиболее ярких авторов русского ретродетектива является Борис Акунин – автор нескольких литературных проектов, романов, рассказов и пьес с детективным сюжетом и исторической основой.

Существующие разногласия среди современных критиков в оценке творчества Б. Акунина, отнесение его произведений то к историческим детективам, то к ретродетективам являются, на наш взгляд, следствием «размытости», нечеткости определения данного жанра, что приводит к некоторой полярности при анализе произведений этого автора. Неослабевающий интерес критиков и литературоведов к творчеству Б. Акунина позволяет говорить о необходимости изучения данного явления в рамках современной литературной ситуации, когда многое еще предстоит сделать в отношении определения данного жанра и его типологических черт. Соответственно, актуальность изучения этого спорного явления не вызывает сомнений.

На современном этапе многие аспекты романного творчества Б. Акунина уже рассмотрены, однако образ повествователя как во всем цикле «Приключения Эраста Фандорина», так и в отдельных романах до сих пор не стал предметом специального исследования. *Целью* данной статьи и является рассмотрение типологии образа повествователя в литературном проекте, а также установление тождества или различия понятий «повествователь» и «рассказчик»

в произведениях литературного проекта «Приключения Эраста Фандорина» Б. Акунина.

Повествователь является необходимым составляющим литературного произведения: рассказ в эпических произведениях ведется либо от имени всезнающего автора, либо от имени одного из действующих лиц. Современное литературоведение не рассматривает повествователя и рассказчика как тождественные понятия, поскольку «образ повествователя – условный носитель авторской (то есть не связанной с речью какого-либо персонажа) речи в прозаическом произведении, от лица которого ведется повествование; субъект речи (повествователь) проявляет себя только в речи и не может отождествляться с писателем, так как является плодом творческого воображения последнего» [3], в то время как «образ рассказчика – условный образ человека, от лица которого ведется повествование в литературном произведении. <...> Часто (но не обязательно) выступает как участник сюжетного действия» [3]. Таким образом, встает закономерный вопрос о различении повествователя и рассказчика в эпических произведениях и, в частности, в детективах, которые выступают предметом анализа в данной статье.

В классических произведениях детективного жанра помощник сыщика – это необходимое звено, без которого невозможна связь между читателем и произведением, поскольку именно он чаще всего выступает рассказчиком, который сообщает читателю все необходимые сведения, обеспечивая так называемое параллельное расследование читателя и сыщика. У признанных мастеров жанра: Э. По, А. Конан Дойла, А. Кристи – рассказчиком выступает друг и помощник сыщика, который принимает непосредственное участие в расследовании. Доктор Ватсон представляет собой тип друга и помощника, который слепо и безоговорочно верит своему другу-сыщику, а капитан Гастингс – это скептик, постоянно сомневающийся в могуществе «маленьких серых клеточек» своего друга Пуаро. Они не всегда выступают повествователями в произведениях, иногда их место занимают другие герои, что позволяет авторам отойти от устоявшейся повествовательной модели.

Интересен с точки зрения построения повествования и литературный проект «Приключения Эраста Фандорина». Б. Акунин старается не дублировать предыдущее произведение и постоянно выбирает новую схему, ярким примером этого могут служить романы «Левиафан» (эпистолярный жанр), «Смерть Ахиллеса» (параллельное описание сыщика и убийцы), «Пиковый валет» (рассказ от имени подобострастного помощника), «Коронация» (рассказчик – лицо, негативно относящееся к сыщику), «Любовник Смерти» (рассказ от имени подростка). В каждом романе появляется новый повествователь, что позволяет изменить угол зрения как на события, так и на самого Фандорина. Как и в классических детективных произведениях, повествователи в романах Б. Акунина непосредственно участвуют в расследовании преступлений. Подобно героям классиков жанра, Афанасий Зюкин, Анисий Тюльпанов и Варвара Суворова развиваются, взрослеют, мужают. Более того, в отличие от доктора Ватсона или капитана Гастингса, тесное общение и взаимодействие с Эрастом Петровичем кардинально меняет их жизненные приоритеты. Дворецкий Афанасий Зюкин в начале романа и Афанасий Степанович в конце повествования – два разных человека, с совершенно разным мировоззрением. Б. Акунин уделяет особое внимание развитию образа рассказчика, поскольку максимальный акцент делается на его душевных переживаниях.

В «Турецком гамбите» повествование ведется от имени Варвары Андреевны Суворовой. Она разделяет утопические идеи Веры Павловны, героини романа «Что делать?». Роман Б. Акунина построен как своеобразная пародия на произведение Н. Г. Чернышевского. Параллельно развитию детективной интриги автор выстраивает линию личностного развития героини, которая в конце произведения понимает всю призрачность своих утопических идей, но вынуждена продолжать существовать в придуманном ею мире, поскольку прозрение приходит слишком поздно. В начале романа Варвара Суворова относилась к Фандорину крайне недоверчиво, но продолжительное общение и сотрудничество с ним привели к кардинальному пересмотру ее взглядов. Трансформация личности как главной героини, так и ее отношения к происходящим событиям и самому Фандорину

свидетельствует о том, что Б. Акунин расширяет строгие рамки классического детектива, реализуя в произведении элементы социально-психологического романа, на что и указывает эволюция образа главной героини, от имени которой ведется повествование.

Эпистолярное построение «Левиафана» внешне напоминает «Лунный камень» У. Коллинза. В романе высмеиваются некоторые характерные черты европейцев и воспеваются положительные качества японцев, что проявляется в явном противостоянии Востока и Запада. Автор умело комбинирует повествование от первого лица с рассказом от имени всезнающего автора, который описывает события с позиции отношения к ним того или иного персонажа. Так, непосредственными повествователями в романе выступают пассажиры корабля, у которых кардинально противоположное отношение к Эрасту Фандорину – сэр Реджинальд Милфорд-Стоукс и Гинтаро Аоно, англичанин и японец. Кроме того, в фокусе внимания всезнающего автора попеременно оказываются комиссар Гош, Кларисса Стамп и непосредственный убийца, которым оказывается Рената Клебер (прием, использованный в известном романе А. Кристи «Убийство Роджера Экройда»). Б. Акунин умело реализует детективную схему, при которой повествование попеременно переходит от одного персонажа к другому, что позволяет отобразить события в различных ракурсах, создать широкое полотно, которое посредством амбивалентного описания как главного героя, так и происходящих событий, позволяет автору не только постоянно удерживать читательское внимание, что характерно для детективного произведения, но и всесторонне раскрыть образ Эраста Фандорина через отношение к нему других персонажей, что привносит элемент психологического романа.

В «Пиковом валете» роль повествователя отводится Анисию Тюльпанову, который считал себя самым несчастным человеком на всем белом свете. Его отношение к Эрасту Фандорину в ходе повествования не меняется, он благоговейт перед этим человеком: «Господина Фандорина Анисий обожал. Издали, робко, с благоговением, безо всякой надежды, что большой человек когда-нибудь заметит его, тюльпановское существование» [2, с. 12]. Даже проработав под

его началом некоторое время, Анисий не изменил своего к нему отношения. Автор пытается описать Эраста Петровича через субъективное восприятие подобострастного помощника. Однако в центре внимания в данной повести оказывается сам Анисий Тюльпанов, его становление как личности, уважающей себя. Эраст Фандорин становится для Анисия учителем, который не только открывает в нем способности к сысному делу, но и утверждает его во мнении, что он тоже достойный уважения человек.

В романе «Коронация» дворецкий Афанасий Зюкин является рассказчиком, от имени которого ведется повествование, а следовательно, и невольным помощником сыщика Фандорина. Нам представляется правомерным отметить, что сложившаяся детективная пара Фандорин – Зюкин несет в себе явные черты классической пары А. Кристи Пуаро – Гастингс. Капитан Гастингс отзывается о своем друге пренебрежительно и даже иногда позволяет себе колкие замечания в его адрес. Афанасий Степанович свысока оценивает «выскочку» Фандорина, от которого по воле случая зависит судьба царской семьи. На наш взгляд, подобный тандем сыщика и его помощника не совсем традиционен для большинства ретродетективных серий, авторы которых стремятся к созданию необычных пар. Так, в романах Е. Басмановой вместе действуют частный сыщик Мура Муромцева и следователь Карл Иванович Вихров, в серии И. Мельниковой опытный начальник сысской полиции Федор Михайлович Тартищев расследует преступления вместе с молодым и напористым помощником Алексеем Поляковым, а в романах В. Данилина невольными сыщиками выступают ссыльный бывший студент Владимир Ульянов и управляющий помещьем его матери Николай Афанасьевич Ильин. Нетрадиционной для современного ретродетектива является и оппозиция следователя Александра Францевича Сакса и бывшего сотрудника прокуратуры Алексея Ивановича Шумилова, реализованная в произведении А. и О. Ракиных. Однако от всех перечисленных детективных пар вариант Б. Акунина отличается значительной трансформацией личности рассказчика под влиянием сыщика Фандорина. Эраст Петрович не

просто расследует преступление, он непосредственно способствует самоутверждению Афанасия Степановича.

В «Любовнице Смерти» повествователем выступает наивная Маша Миронова, а в «Любовнике Смерти» события преломляются сквозь призму миропонимания бывшего бездомного Сеньки Скорика. Внешне построение повествования в «Любовнице Смерти» некоторым образом напоминает роман «Турецкий гамбит», в котором события также описаны через восприятие женщины – Варвары Суворовой. Однако взаимоотношения Маши Мироновой и Гэндзи (Фандорина) практически не развиваются, более того, в романе не происходит трансформации личности героини. Повествователем в романе «Любовник Смерти» является подросток, а сам автор аттестует свое произведение как диккенсовский детектив. Роман тоже не акцентирует внимание на становлении личности как Сеньки Скорика, так и Эраста Фандорина.

Несомненный интерес представляет построение повествования в романе «Между строк», входящем в дилогию «Алмазная колесница». Некоторые события показаны автором двояко – с позиции типичного европейца и явного представителя восточной культуры: «Господин порадовал отменным аппетитом, только вот манера поглощать пищу у него оказалась интересная. Сначала откусил маленький кусочек сколопендры, потом весь сморщился (должно быть, от удовольствия) и быстро-быстро доел, жадно запив ячменным чаем <...>. Все-таки гайдзины не такие, как нормальные люди» [1, с. 286–287]. – «Завтрак, приготовленный туземным Санчо Пансой, был кошмарен. Как они только едят это склизкое, пахучее, холодное? А сырая рыба! А клейкий, прилипающий к нёбу рис! О том, что представляла собой липкая замазка поносного цвета, лучше было вообще не думать. Не желая обижать японца, Фандорин поскорей проглотил всю эту отраву и запил чаем, но тот, кажется, был сварен из рыбьей чешуи» [1, с. 290].

Если в классических детективных произведениях рассказчиком в основном выступает друг и помощник сыщика, который непосредственно участвует в расследовании и делится с читателем всей

добытой в ходе расследования информацией, то у Б. Акунина собственный взгляд на «правую руку» сыщика. Постоянным помощником и неизменным спутником во всех делах у него выступает японец, что противоречит 5-му правилу Р. Нокса («Десять заповедей детективного романа») [4, с. 77–79]. «Диковинный азиат» – фигура экзотическая и даже комическая. Б. Акунин сталкивает Восток и Запад, сравнивает две разные и иногда противоречивые ментальности. Японец своеобразно дополняет образ главного героя, который некоторым образом изменил свои жизненные ориентиры после пребывания в Японии. Тем не менее, Маса практически не выступает рассказчиком в цикле «Приключения Эраста Фандорина» (кроме отдельных эпизодов в «Алмазной колеснице» и «Нефритовых четках»).

Новаторство Б. Акунина в области детективного жанра состоит в том, что он «разводит» помощника сыщика и рассказчика в разные стороны. Рассказ ведется от имени непосредственных участников событий. Подобная находка позволяет постоянно менять угол зрения на образ главного героя, тем самым предполагая разностороннее его описание, что позволяет подчеркнуть как его положительные, так и отрицательные качества. Таким образом, постоянный помощник сыщика, которым является Маса, вынужден находиться в его тени, а его непосредственное отношение к происходящим событиям сводится автором к нескольким мимоходом оброненным фразам.

Таким образом, образ рассказчика и образ повествователя в произведениях Б. Акунина кардинально отличается от повествователя и рассказчика в классических детективных произведениях. Прежде всего, повествование в классических детективных произведениях ведется от первого лица, что создает впечатление субъективности в описании событий. Доктор Ватсон и капитан Гастингс выступают рассказчиками в произведениях А. Конан Дойла и А. Кристи, поскольку повествование ведется от их имени от первого лица. Б. Акунин реализует несколько иную схему – он практически не использует повествование от первого лица, а описывает события от третьего лица, акцентируя внимание на восприятии событий тем или иным персонажем, то есть они отражаются не самим персонажем,

как в произведениях Э. По, А. Конан Дойла или А. Кристи, а всезнающим автором. Варвара Суворова в «Турецком гамбите», комиссар Гош, Кларисса Стамп и Рената Клебер в «Левиафане», Маша Миронова в «Любовнице Смерти» и Сенька Скорик в «Любовнике Смерти» не являются полноценными рассказчиками, а представляют собой своеобразного субъекта-повествователя. Автор объединяет повествователя и рассказчика, создавая универсальный образ, наделенный чертами обоих. Это позволяет ему сместить акцент с главного героя цикла, которым является Эраст Фандорин, на другого персонажа, который дает субъективную оценку его действиям. На наш взгляд, подобный подход позволяет более глубоко и всесторонне отразить развитие образа главного героя, поскольку свою оценку ему дают не только восторженные обожатели, но и персонажи, относящиеся к нему негативно. Следовательно, нам представляется возможным определить основную функцию повествователя в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина» как лично ориентирующую, поскольку подобным образом автор акцентирует внимание на личностных трансформациях своих героев.

В рамках одной статьи невозможно охватить все проблемы, связанные как с образом повествователя в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина», так и с развитием творчества Б. Акунина в целом. На наш взгляд, необходимы дальнейшие исследования, посвященные истории развития российского ретро-детектива, что позволит оценить и проанализировать литературный проект «Приключения Эраста Фандорина» более глубоко.

Список литературы

1. Акунин Б. Алмазная колесница : [роман] / Борис Акунин. – М. : Захаров, 2004. – 720 с.
2. Акунин Б. Особые поручения : [повести] / Борис Акунин. – М. : Захаров, 2002. – 320 с.
3. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов : [Электронный ресурс] / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2006. – Режим доступа: <http://www.gramma.ru/LIT/?id=3.0>
4. Как сделать детектив / [пер. с англ., франц., нем., исп., послесл. Г. Анджапаридзе]. – М. : Радуга, 1990. – 320 с.

УДК 821.161.1.09

*Е. Н. Бабак***АКИМ ВОЛЫНСКИЙ О КРИТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОКОВ****Резюме**

У статті розглянуто оцінку А. Л. Волинським – одним із провідних критиків Срібного віку, одним із засновників російської релігійно-філософської критики, мало дослідженим раніше – багатьох видатних критиків та публіцистів свого часу, а також їх ролі в літературі XIX століття, яка має в цілому негативний характер. Проаналізовано критичні статті та книги, в яких автор викриває як матеріалістів у критиці, так і ідеалістів, які відступають від його уявлень про істину. Узагальнені критичні висловлювання А. Л. Волинського, обґрунтовано справедливність зауважень критика, виходячи з того, що він визначає багато дійсних недоліків критиків, що визнають і інші автори (особливо представники тенденційно-публіцистичного напрямку), незважаючи на їх однобічний негативізм.

Summary

A. L. Volynskiy – one of the prominent critics of Silver Age, one of the founders of Russian religious-philosophical critique, who has not been enough researched before – assessment of many significant literary critics and writers of political essays of his time, their role in the literature of XIX century, that was generally negative, has been considered. Critical articles and books, in which the author discloses both materialists in critique and idealists who abandon his ideas about truth, have been analyzed. A. L. Volynskiy critical statements have been generalized, conclusion about the truth of critic remarks on the basis of the fact that he defines lots of real shortcomings admitted by other authors (particularly representatives of tendentious-journalistic school) in spite of their one-sided negativism has been made.

Ключевые слова: социально-публицистическая критика, Серебряный век, реализм, идеализм, либеральное и демократическое направления.

А. Л. Волинский (1863–1926) – ведущий критик Серебряного века, один из основателей русской религиозно-философской критики, который вскоре после смерти был забыт. Дело не только в том, что его взгляды противоречили советской идеологии. И сейчас А. Л. Во-

лынський рідко являється предметом досліджень, в отличие от его соратников Д. С. Мережковского и В. В. Розанова. Причины такого положения дел кроются, помимо всего прочего, и в самом характере критики А. Л. Волынского. Яркой иллюстрацией этого явления может служить анализ его высказываний о критиках-современниках.

Наибольшее внимание А. Л. Волынского среди них привлекал Н. К. Михайловский, который был самым влиятельным представителем господствующего социально-публицистического, народнического направления критики, осознававшегося А. Л. Волынским как враждебное.

Первые критические высказывания А. Л. Волынского о лидере народничества были прикрыты тонким слоем иронии [2, с. 35]. А. Л. Волынский дает презрительные отзывы о его завидной разносторонности: он и учёный-социолог, и публицист, и литературный критик, и даже писатель. В статьях А. Л. Волынского охарактеризованы все эти ипостаси.

Огромная популярность Н. К. Михайловского среди читателей, как считал А. Л. Волынский, основывалась главным образом на его незаурядном публицистическом таланте. Находчивый, остроумный, энергичный, уходя от теоретического спора, Н. К. Михайловский умел выставить противника в смешном виде, подчеркивая, главным образом, несущественные для идейной полемики, но яркие и запоминающиеся мелочи, такие как недостатки стиля. Именно таким образом он ушёл и от серьёзного философского спора с самим А. Л. Волынским. Всё это на самом деле верно, однако обвиняя Н. К. Михайловского ещё и в клевете, откровенной лжи, А. Л. Волынский просто даёт волю чувству личной обиды.

Гораздо более значительны суждения А. Л. Волынского о недостатках Н. К. Михайловского в области, касающейся художественной литературы. На наш взгляд, критики социально-публицистического направления, начиная с Д. И. Писарева, потеряли правильные понятия о сущности художественного творчества, о том, что истинное искусство создаётся прирождённым талантом, хотя сам Д. И. Писарев обладал тонким эстетическим вкусом. Сосредоточенность на актуальном содержании, пренебрежение формой привели их

к убеждению, что творчество – это передовые идеи, механически вложенные в форму литературных жанров [5, с. 165].

Неумеренное восхваление Н. К. Михайловским реализма демократических писателей, особенно М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского, вызвало принципиальное возражение А. Л. Волынского. У этих писателей он не увидел ничего, кроме «внешнего» реализма. Литературе же необходима духовная высота. По мнению А. Л. Волынского, правда изображения без правды внутренней, мировой, идеальной мертва и ничтожна, и ни одна высокая литература не держится на произведениях, передающих жизнь только в частных, местных и временных проявлениях [4, с. 113].

Н. К. Михайловский явно преувеличил в развитии литературы роль социально-публицистической критики и демократической журналистики, в том числе журнала «Отечественные записки», в котором сам проработал много лет. Как отмечал А. Л. Волынский, это и был тот момент, когда русская критика, пережившая В. Г. Белинского, обратившаяся к публицистике благодаря Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову, утратила свои позиции в лице писателя, сообщающего ныне французской публике, что вершиной русского просвещения должны быть признаны «Отечественные записки», в то время, как создавшие мировые шедевры И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский удостоились узкой социально-политической трактовки. Все они стояли в стороне от русского прогресса, не имея нужных Н. К. Михайловскому радикальных убеждений [2, с. 37].

Таким образом, А. Л. Волынский оценил деятельность Н. К. Михайловского отрицательно. Однако, несмотря на некоторую односторонность критики Н. К. Михайловского, он заслужил более снисходительного отношения. Вся его деятельность была проникнута гуманистическим пафосом. А в критике его заслугой, на наш взгляд, является более объективная, чем у самого А. Л. Волынского, интерпретация М. Е. Салтыкова-Щедрина, раскрытие его публицистического значения. Но в целом Н. К. Михайловский был тенденциозен и не смог верно оценить всё то, что составляет славу русской

литературы. Так что точка зрения А. Л. Волынского имеет право на внимание исследователей.

Неоднозначным является и анализ критической деятельности А. А. Григорьева. А. Л. Волынский увидел много ошибочного в его критических суждениях. В частности, в статье второй из цикла «Русская литература в 1851 году» критик односторонне оценил творчество Н. В. Гоголя, так как увидел у писателя лишь примирение с действительностью. А. Л. Волынскому противоречила сама мысль А. А. Григорьева о необходимости примирения с жизнью, о том, что художник должен отражать гармонию между идеями жизни и её явлениями, между идеальным и материальным мирами. Это шло вразрез со взглядами А. Л. Волынского, он считал, что между идеальным и материальным идёт непрерывная борьба.

Наиболее высоко А. Л. Волынский оценил теоретические статьи А. А. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» (1856) и «Критический взгляд на основы, значение и приёмы современной критики искусства» (1858). «По силе теоретической мысли и смелости отдельных определений, это лучшие его работы и, может быть, самое замечательное из всего, что написано на эту общую тему в русской журналистике» [3, с. 549]. Хотя в вышеуказанных работах отсутствует четкий анализ, А. Л. Волынский принял их как «истинно-философские работы», в которых вопросы эстетики в противовес всеобщему утилитаризму трактуются с идеалистической точки зрения. «Среди волнующегося тумана, который стелется над его кипучими, но беспорядочными суждениями, вдруг выступают отдельные смелые и верные афоризмы» [3, с. 421]. А. Л. Волынский подчёркивает следующие положения А. А. Григорьева, близкие ему самому: искусство играет в обществе самостоятельную, а не служебную роль; искренность художника обусловлена тем, что всё его творчество – это, прежде всего, продукт его собственной души, перерабатывающей внешние впечатления во внутренние; искусство нравственно потому, что оно есть идеальное выражение жизни, выражение вечных начал, и в то же время оно воспроизводит исторические и национальные особенности конкретной эпохи; оно судится лишь только с точки зрения

вечного идеала, именно искусство призвано предугадывать будущее и обновлять жизнь.

А. Л. Волынский – один из немногих, кто принял оригинальную терминологию А. Григорьева, над которой смеялись все критики-демократы, от Н. А. Добролюбова до А. М. Скабичевского, принял как органически вырастающую из его теории. А. Л. Волынский понимал, что А. А. Григорьев с его непосредственно-артистическим восприятием искусства обладает критическим талантом. «Быть артистом в области литературной критики – это значит легко, непосредственно, непринуждённо улавливать красоту в произведениях искусства, отдаваться её обаянию, трепетать от ласкающего, играющего прикосновения её бесплотных образов. Не подлежит сомнению, что А. А. Григорьев был артистичен именно в этом смысле слова» [3, с. 453].

А. Л. Волынский не принял григорьевскую концепцию развития русской литературы как историю выражения в ней национальных типов: «хищного» (европейского) и «смирного» (русского). Она ему казалась узкой, чуждой и неинтересной. По его мнению, А. А. Григорьев превратил ее «в какое-то клише, вставляемое в каждую критическую работу» [3, с. 478].

Невысоко оценил А. Л. Волынский и статьи критика о И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. Хотя А. Л. Волынский отметил верность характеристики лирического таланта и впечатлительной личности И. С. Тургенева, но в целом он считает, что в статьях, написанных по поводу «Дворянского гнезда», А. А. Григорьев «не перестает повторять на разные лады уже вполне развитую, можно сказать, исчерпанную идею народности» [3, с. 380], в то время как Р. Виттакер утверждает, что этот цикл статей можно считать лучшим и назвать наиболее полным отзывом, какой И. С. Тургенев получил при жизни. Говоря о статьях критика о Л. Н. Толстом, А. Л. Волынский лишь заметил, что А. А. Григорьев верно угадал у писателя способность к глубокому психологическому анализу.

Итак, несмотря на критический талант А. А. Григорьева, приближающийся к В. Г. Белинскому, горячность и страстность изложения, верное артистическое чувство, идеалистический взгляд

на искусство, в его статьях нет философской глубины; теория органической критики, несмотря на некоторые верные мысли об идеальной природе искусства, «не представляет серьёзной научной ценности» [3, с. 420]. Вследствие узости теоретических взглядов критик не дал полной, настоящей характеристики ни одного из корифеев русской литературы.

Так же отрицательно относился А. Л. Волынский и к другим критикам либерального и демократического направлений. Высказывания о них случайны и неразвернуты. Чуть больше, чем о других, А. Л. Волынский написал об А. М. Скабичевском. В двух рецензиях на очередные издания довольно популярной «Истории новейшей русской литературы» А. Л. Волынский осуждает его за приверженность тенденциозной критике (приложение к литературе неэстетических критериев), видит в нем прямого преемника Д. И. Писарева, только менее талантливый [1, с. 62]. Но, главное, А. Л. Волынский спорит с его концепцией истории русской литературы, которая очень близка концепции Н. К. Михайловского. А. М. Скабичевский писал (повторяя суждения В. Г. Белинского о А. С. Пушкине), что ни А. С. Пушкин, ни Н. В. Гоголь, ни М. Ю. Лермонтов не могут считаться основателями новой русской литературы, так как им недоставало «осмысленного, идейного содержания».

О критиках других направлений, даже близких себе, А. Л. Волынский высказывался также довольно придирчиво: у всех находил серьезные ошибки. Крайне критическому анализу была подвергнута книга Д. С. Мережковского «О причинах упадка и новых течениях русской литературы» (ответная статья, перепечатанная в «Русских критиках» называется «О причинах упадка русской критики»). Несмотря на то, что общий дух, направление идей («возрождение вечного идеального искусства») обоих молодых критиков совпадали, А. Л. Волынский в целом оценил её отрицательно. Он не мог согласиться с тем, что Д. С. Мережковский отрицал преемственность, единство русской литературы. Вся русская литература, на взгляд А. Л. Волынского, связана с А. С. Пушкиным, ее основателем, она развивает его идеи и формы. На это указывал еще Ф. М. Достоевский, речи которого посвящено в статье А. Л. Волынского очень много

места. Также Д. С. Мережковский не указал на главную причину упадка литературы. Он считал, что она таится в несостоятельности современной критики. «Причины не в настоящем, – уверен А. Л. Волынский, – а в прошлом», в материализме и антиэстетизме радикально-демократической критики. Можно было бы подобную «придирчивость» объяснить личной обидой: Д. С. Мережковский в книге отозвался об А. Л. Волынском как о сухом и чёрством, мелочном критике, «молодом мертвец». Однако А. Л. Волынский никак на это не ответил, для него было важно не это, а принципиальные теоретические разногласия [6, с. 109].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что А. Л. Волынский высказался о многих значительных критиках и публицистах своего времени, и что эти высказывания носили в целом отрицательный характер. Он больше воевал, чем дружил. Не считаясь ни с какими личными симпатиями, тактическими соображениями, А. Л. Волынский, в силу своей преувеличенной, «фанатичной», по выражению Д. С. Мережковского, принципиальности, разоблачал и материалистов в критике, и идеалистов, которые отступали от его представлений об истине. В своем отрицании он был односторонен. Однако указал на многие действительные недостатки анализируемых критиков (особенно представителей тенденциозно-публицистического направления).

Список литературы

1. Адамович Г. Литературные беседы. Книга вторая / Г. Адамович. – СПб. : Алетей, 1998. – 88 с.
2. Быков А. В. О критиках-современниках / А. В. Быков // Критика и ее исследователь : сб. статей ; под ред. Л. Я. Воронова. – Казань, 2003.
3. Виттакер Р. Аполлон Григорьев – последний русский романтик / Р. Виттакер. – СПб. : Акад. проект, 2000. – 556 с.
4. Волынский А. Л. Современная русская журналистика / А. Л. Волынский // Знание – сила. – 1992. – № 2. – С. 113.
5. История русской литературы: XX век: Серебряный век. – М. : Прогресс, Литера, 1995.
6. Плеханов Г. В. Избранные произведения и извлечения из трудов / Г. В. Плеханов. – М. : Мысль, 1977.

УДК 821.111-1'255.8

*А. А. Ивахненко***К ВОПРОСУ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА****Резюме**

Об'єктом дослідження статті виступає проблема поетичного перекладу, її предметом – множинність цільових текстів, метою – аналіз причин такої множинності. У статті зазначено, що науковці розглядають існування кількох перекладів одного твору як не лише неминуче, а й, часто, позитивне явище. Виділено діахронічну й синхронічну множинність твору. Перша, на думку авторки, виникає через значні зміни в системі мови перекладу, соціальній сфері, естетичних норм і т. ін. Причини синхронічної множинності, в тому числі, полягають у багатозначності оригіналу, в приналежності перекладачів до різних шкіл чи напрямків і т.д. Автор статті цитує позицію представників полісистемної теорії, які вважають, що перекладацькі стратегії залежать від того, яке місце перекладна література займає в цільовій літературній полісистемі. Наведено думку Г. Тури та І. Івен-Зогара щодо великого значення мінливості норми перекладу.

Summary

The object of the research is poetry translation, its subject is the manifoldness of target texts. The purpose of the article is to define the causes of such manifoldness. It is stated that scientists see the existence of several translations of a single original text as both an inevitable and positive phenomenon. The diachronic and synchronic manifoldness is suggested. The first, as the author claims, occurs due to serious changes in the target language system, in the social field, aesthetic norms etc. The causes of synchronic manifoldness lie in the complexity of the original, in the variety of schools to which translators belong etc. The author of the article refers to the position of the polesystem theory representatives who believe that a translator's strategy depends upon the place held by translated literature in the target literature polysystem. The author also quotes G. Toury and I. Even-Zohar as for the great significance of the variability of translation norms.

Ключевые слова: поэтический перевод, адаптация, множественность переводов, полисистемная теория, теория норм.

Феномен множественности переводов давно привлекает к себе внимание теоретиков и практиков этой области науки. Так, Г. Кочур отмечал: «Единственно возможного перевода не бывает» [5, с. 17]; с помощью математических формул возможность существования многих верных переводов одного поэтического произведения доказал С. Гончаренко [2]. Ученые рассматривают существование нескольких переводов одного и того же произведения как не только неизбежное, но и, нередко, положительное объективное явление, способное помочь лучше понять произведение, постичь его глубины, найти что-то новое, близкое литературным традициям принимающей культуры. Возможность существования многих переводов одного произведения они видят в многоплановости, многозначности оригинала, который приводит к множеству вариантов его восприятия и, отсюда, интерпретаций. Некоторые авторы склоняются к выводу о равноценной значимости исходного и целевого текстов: «Можно даже сказать, как бы парадоксально это ни звучало, что оригинал – это лишь только один из возможных вариантов, и таким образом, перевод ни в коем случае не является “бедным родственником”» [7, с. 136]. Но помимо многозначности оригинала, существует ряд других причин возникновения нескольких переводов одного произведения, вызванных как объективными, так и субъективными причинами. Некоторые из них называет А. Чередниченко: «Субъективно-объективная деятельность переводчика как посредника в двуязычной коммуникации является фактором множественности переводов, степень которой зависит от жанра текста, его временных и пространственных характеристик, развитости переводческой традиции и рецептивных возможностей целевого языка и культуры» [12, с. 162]. Другие истоки множественности переводов можно выделить, если рассматривать, например, диахроничную и синхроничную множественность: так, первая из них возникает вследствие значительных изменений в системе языка перевода, социальной сфере, приводящих к новому восприятию оригинала, эстетических норм в целевой культуре, взглядов на задачу перевода и т. п.; вторая – вследствие многозначности оригинала и связанной с этим множественности интерпретаций

даже в одном временном пласте, принадлежности исполнителей перевода к разным школам и т. п.

Интересную теорию относительно влияния социокультурных факторов на создание переводов и вызванную этим множественность целевых текстов выдвинул в свое время И. Ивен-Зохар. Согласно его полисистемной теории, переводная литература может использовать разные модели поведения «в пределах целевой литературной полисистемы» – от полного подчинения уже существующим моделям до внедрения абсолютно новых элементов в эту систему [16]. Из этого положения можно сделать вывод, что переводческие стратегии в определенной культуре «диктуются положением, которое вся переводная литература занимает в полисистеме» [22, с. 178]. По мнению И. Ивен-Зохара, «перевод больше не является явлением, чья природа и границы определяются раз и навсегда, а становится деятельностью, зависящей от отношений в пределах определенной культурной системы» [16, с. 51]. Таким образом, ученый расширяет понятие «перевод», предоставляя право на существование его разным типам – имитации, адаптации, версии, переработке, а следовательно, выявляет новую природу множественности целевых текстов.

Рассмотрим некоторые аспекты множественности переводов подробнее.

Мало кто из практиков и теоретиков перевода не осознает того факта, что один и тот же оригинал может иметь множество соответствий в языке и культуре перевода; но у каждого из них есть свое объяснение этого явления и свой взгляд на то, какие типы текстов могут иметь более одного варианта перевода. Наиболее категорично высказывался по этому поводу польский ученый Е. Балцезан, который заметил в 1968 году, что перевод *любого* иноязычного произведения всегда имеет характер одного из возможных сообщений, а потому важной чертой перевода как такового есть его многократность [9, с. 128]. Другие исследователи не делают таких глобальных выводов, а предполагают существование в множественности переводов только выдающихся произведений искусства, поскольку причину создания многих переводов они видят, прежде всего,

в многогранности образов, использованных автором оригинала [3, с. 132]. Неизбежность появления ряда вариантов при переводе «истинной высокой лирики» доказывает Е. Эткинд, акцентируя внимание на том факте, что такое произведение содержит «бесконечную смысловую перспективу», и потому возможно не одно переводческое решение, а, «теоретически говоря, бесконечное множество» [13, с. 395–396]. Мысль о том, что перевод «не исчерпывает оригинала», высказывал также Г. Гачечиладзе [1, с. 81].

На отсутствии единственно верного перевода художественного произведения и на невозможности передать абсолютно все особенности исходного текста настаивал выдающийся поэт и переводчик М. Рыльский. Он отмечал: «Каждый переводчик может при удачном в целом воспроизведении иноязычного рассказа, пьесы, поэмы, стиха и т. д. опустить ту или иную черту оригинала, сделав акцент на другой, которая кажется ему наиболее существенной» [10, с. 79].

Итак, можно сделать вывод о существовании двух групп исследователей: первая считает целесообразным осуществление многих вариантов перевода одного и того же произведения, поскольку это помогает лучше понять подлинник и, вследствие этого, – получить эквивалент оригинала если не в одном вторичном тексте, то в комплексе таких текстов. Вторая группа вообще не предполагает принципиальной способности любого количества переводов воссоздать все аспекты оригинального произведения вследствие бесконечности его познания.

Говоря о «художественном познании» произведения, невозможно обойти вниманием такой объективный факт, как большое количество плоскостей значений, заложенных в поэтическом произведении. Эти плоскости образуют широкий круг контекстов, которые влияют на восприятие произведения читателем и тем самым формируют, в частности, и эстетическое впечатление от него. Таким образом, можно сказать, что языковое содержание произведения совсем не равняется его внеязыковому содержанию, или «затексту», на который требовал ориентироваться при переводе И. Кашкин. Вообще, по Ю. Лотману, «стих – это одновременно и последовательность слов, и слово, значение которого совсем не равняется механической сумме

значений его компонентов», и это придает стихотворению двойной характер, благодаря чему «один текст принципиально предполагает больше, чем одну интерпретацию, интерпретация модели на более конкретном уровне дает не однозначную перекодировку, а некоторое множество взаимно эквивалентных значений» [6, с. 93]. Многоплановость поэтического содержания и обусловленную этим множественность переводов отмечали также Д. Коннолли [19], Г. Пейп [20], К. Поль [21], Т. Савельева [11], А. Чередниченко [12] и др.

Но если одно произведение предполагает больше, чем одну интерпретацию, то здесь мы уже приближаемся к такой проблеме, как взгляд на произведение отдельного переводчика, его видение конкретного исходного текста и своих задач, то есть – его право на интерпретацию.

Небезынтересно и то, что многие исследователи, выделяя интерпретацию как особый жанр перевода, отмечают, что перевод и интерпретация в чистом виде не существуют, они «тесно переплетаются друг с другом, и в любом виде перевода имеет место как непосредственный переход от текста оригинала к тексту перевода, так и переход через обращение к действительности» [4, с. 7]. Интерпретацию как неизбежный этап перевода любого произведения рассматривает и Д. Коннолли [19], объясняя свое отношение тем, что каждый переводчик – прежде всего читатель, а поскольку у каждого читателя формируется свое собственное отношение к произведению, это же касается и переводчика. Если принять во внимание эту мысль, то становится очевидным, что интерпретаций художественного произведения будет ровно столько, сколько у него читателей. Логично, что во время сложного процесса восприятия оригинального произведения на переводчика влияет фон родной для него культуры, поскольку, как отмечает М. Новикова, «культурный фон, культурный контекст действует в нашей речи повсеместно» [8, с. 154]. Следует добавить, что переводчик ощущает это влияние на себя не только со стороны целевой культуры, но и исходной, которая проявляется в тексте произведения на разных его уровнях. Ведь в отличие от обычных читателей переводчик «смотрит» на иноязычный текст как представитель сразу двух культур – исходной и целевой. Именно эта

«двухкультурность», на наш взгляд, и является главной причиной множественности переводов.

Интересно, что М. Новикова, размышляя об интерпретационной установке переводчика, приходит к выводу, что такая установка работает, словно фильтр: «Эта фильтрация захватывает в оригинале не только пласт содержательный («что сказано»), но и стилевой («как сказано») [*курсив автора*]. И не один лишь оригинал «фильтруется» переводчиком – вся инонациональная литература, словесность, история» [8, с. 85]. Необходимо заметить: воспринимаемая иноязычное и инокультурное произведение, человек всегда – сознательно или подсознательно – будет распределять информацию по принципу «свое – чужое», «знакомое – незнакомое», а у представителей разных менталитетов эти критерии всегда различаются. Поэтому, по нашему мнению, эмоциональное впечатление от художественного, а особенно – поэтического произведения никогда не будет одинаковым у читателей оригинала и перевода. Итак, меняя свое культуроязычное бытие, произведение проходит через ряд интерпретационных установок, что и приводит к текстовой множественности его существования, которая является проявлением его внутренней динамики, способности к адаптации в любых личных, исторических, национальных и вербальных условиях.

Логично предположить, что переводчик, воспринимающий иноязычное произведение с позиции двух культур – чужой и своей, – и целевой текст будет создавать хоть и согласно собственной интерпретации, но все равно на границе, а точнее, – на пересечении двух языков, литератур и культур. Впрочем, надо принять во внимание тот факт, что на процесс перевода будет влиять ряд социальных условий или норм, игнорирование которых может привести к отторжению целевой культурой далеких от нее текстов. В последнее время исследователи приходят к выводу, что профессия переводчика состоит не столько «в переносе слов и фраз через языковые барьеры» [14, с. 164], сколько в выполнении определенной социальной роли. В соответствии с данным утверждением рассматривается ряд норм, правил и обычаев, которые руководят процессом перевода.

Так, Т. Германс подчеркивает значимость норм для культуры,

предоставляя им функцию стабилизации в обществе: «Нормы являются психологическими и социальными единствами. Они – важный фактор в человеческих взаимодействиях, и таким образом, представляют собой неотъемлемую часть процесса социализации. По своей сущности нормы, равно как правила и обычаи, обладают функцией социального регулирования. <...> Более того: нормы и обычаи способствуют стабильности межличностных отношений, а отсюда – и групп, сообществ и обществ из-за того, что они уменьшают случайность, непредсказуемость и неопределенность, которые происходят от нашей невозможности контролировать время или предусматривать действия других людей» [18, с. 2]. В том, что касается собственно перевода, он отмечает: нормы влияют на всю «операцию переноса», а не только на процесс перевода как такового, «если только последнему непременно не предшествует ряд других решений. Перевод можно рассматривать как определенный образ дискурсивного переноса между культурными структурами или системами. Он составляет только один из ряда возможных путей межкультурного движения текстов» [18, с. 4].

Делая ударение на важности выполнения комплекса норм, существующих в определенном обществе, основатель «нормативного» направления в переводоведении Г. Тури обосновывал его следующим образом: «Переводчик выполняет функцию, установленную сообществом, и должен это делать таким образом, который считается приемлемым в данном сообществе. Для того, чтобы стать переводчиком в определенном сообществе, сначала надо овладеть рядом норм, которые определяют, что приемлемо для поведения переводчика в данном сообществе» [14, с. 164]. Впрочем, ученый рассматривает нормы не как приказы переводчику, а как категорию дескриптивного анализа. Определить нормы перевода в рамках определенной страны и/или периода возможно, если проанализировать большое количество переводов разных исполнителей и определить общие черты их стратегий. Гидеон Тури выделяет три вида норм: 1) исходные; 2) предварительные; 3) операционные. Под первыми понимается выбор между соблюдением либо норм исходного текста, либо норм целевого текста; под вторыми – возможность выбора

текстов определенных жанров или культуры и т. п.; под третьими – выбор политики создания целевого текста: возможности представлять его сокращенный вариант, менять последовательность частей и т. п. [23, с. 56–61].

Несколько иначе различает переводческие нормы Э. Честерман: он рассматривает нормы профессиональные и нормы ожидания. Первые – это действия, общепринятые среди профессиональных переводчиков-практиков; вторые «устанавливаются реципиентами перевода, их ожиданиями относительно того, каким, с одной стороны, должен быть перевод (текста определенного жанра), а с другой, – каким должен быть целевой оригинальный текст (того же жанра)» [15, с. 9]. Во время работы переводчик одновременно подчиняется обоим видам норм.

Со временем переводческие нормы имеют тенденцию меняться, таким образом содействуя диахронической множественности переводов. Исследователи, анализируя целевые тексты, оценивают их согласно нормам, существующим на данный момент, то есть синхронным: это может быть различие между «хорошим» и «плохим» переводом; «буквальным» и «свободным»; «сугубо переводом» и «адаптацией», «имитацией», «пересказом» и т. п. И. Ивен-Зохар считает такую ситуацию абсолютно нормальной, поскольку «определенные компоненты системы культуры, как правило, <...> имеют определенный социальный статус» [17, с. 5]. Он отмечает, что все институты культуры, отстаивая свои вкусы, «по обыкновению выдвигали идею о том, что нежелательные для них варианты есть “естественно” низшими по статусу, и в основном вообще отказывали им в каком-либо статусе» в пределах этой культуры, просто «выталкивая» их из обихода, провозглашая их «нелегитимными» [17, с. 5]. Конечно, если переводчик хочет, чтобы его работа увидела мир, он не может не принимать во внимание критериев «высокого статуса» целевых текстов.

Таким образом, текучесть переводческих нормативов, их зависимость от комплекса объективных условий также содействуют возникновению феномена множественности переводов.

Список литературы

1. Гачечиладзе Г. Р. Вопросы теории художественного перевода / Г. Р. Гачечиладзе. – Тбилиси : Литература да хеловнеба, 1964. – 267 с.
2. Гончаренко С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М. : Междунар. отношения, 1972. – № 9. – С. 81–91.
3. Кашкин И. В борьбе за реалистический перевод / И. Кашкин // Вопросы художественного перевода : сб. статей / сост. Вл. Россельс. – М. : Сов. писатель, 1955. – С. 120–164.
4. Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация / В. Н. Комиссаров // Тетради переводчика. – М. : Междунар. отношения, 1982. – Вып. 19. – С. 3–19.
5. Кочур Г. П. Майстри перекладу / Г. П. Кочур // Всесвіт. – 1966. – № 4. – С. 17.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1972. – 270 с.
7. Мико Ф. Передача звучания при переводе лирической поэзии / Ф. Мико // Поэтика перевода : сб. статей / сост. С. Ф. Гончаренко. – М. : Радуга, 1988. – С. 124–136.
8. Новикова М. А. Прекрасен наш союз: Литература. Переводчик. Жизнь / М. А. Новикова. – К. : Рад. письменник, 1986. – 223 с.
9. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М. : Высш. шк., 1980. – 198 с.
10. Рильський М. Т. Проблеми художнього перекладу / М. Т. Рильський // Мистецтво перекладу : статті, виступи, нотатки. – К. : Рад. письменник, 1975. – С. 25–92.
11. Савельева Т. С. Некоторые аспекты художественного перевода с позиций психолингвистики / Т. С. Савельева // Перевод и переводоведение : материалы конф. – Уфа : Башк. ун-т, 1997. – С. 61–63.
12. Чередниченко О. І. Функції перекладу у сучасному світі / О. І. Чередниченко // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х. : Константа, 2006. – № 725. – Сер. Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Вип. 48. – С. 162–165.
13. Эткинд Е. Поэзия и перевод / Е. Эткинд. – М.-Л. : Сов. писатель, 1963. – 429 с.
14. Baker M. Norms / M. Baker // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. Mona Baker. – London, NY : Routledge, 1998. – P. 163–165.
15. Chesterman A. From «Is» to «Ought»: Laws, Norms and Strategies in Translation Studies / A. Chesterman // Target 5 (1), 1993. – P. 1–20.

16. Even-Zohar I. Polysystem Studies / I. Even-Zohar // *Poetics Today*, 1990. – Vol. 11. – No. 1. – P. 1-268.
17. Even-Zohar I. Polysystem Theory (Revised) / I. Even-Zohar // *Even-Zohar I. Papers in Culture Research*, 2005. – P. 1–203.
18. Hermans T. Norms and the Determination of Translation: A Theoretical Framework [Electronic resource] / T. Hermans. – Mode of access : http://eprints.ucl.ac.uk/archive/00002005/01/Microsoft_Word_-_96_Norms_Determination.pdf.
19. Konnolly D. Poetry Translation / D. Konnolly // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Ed. Mona Baker. – London, NY : Routledge, 2001. – P. 171–177.
20. Pape H. The many limits of Interpretation / H. Pape // *Translation und Interpretation* / Hrsg. von Rolf Elberfeld et al. – München : Fink, 1999. – P. 163–178.
21. Pohl K. H. Translating the Untranslatable: Approaches to Chinese Culture / K. H. Pohl // *Translation und Interpretation* / Hrsg. von Rolf Elberfeld et al. – München : Fink, 1999. – P. 179–188.
22. Shuttleworth M. Polysystem Theory / M. Shuttleworth // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Ed. Mona Baker. – London, NY : Routledge, 2001. – P. 177–179.
23. Toury G. Descriptive translation studies and beyond / G. Toury. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamin's translation library, v. 4, 1995. – 311 p.

І. Ф. Бублик

ЗАСТОСУВАННЯ ДАНИХ КОРПУСНОЇ ЛІНГВІСТИКИ ДО НАВЧАННЯ ПИСЬМОВОГО ПЕРЕКЛАДУ

Резюме

В статті на прикладі німецького та українського мовних досліджуються можливості застосування електронних корпусів текстів для підвищення ефективності навчання письмовому перекладу з рідної мови на іноземну. Основна увага приділяється вивченню лексико-семантичних та граматичних складнощів перекладу, зумовлених впливом системи рідної мови. Пропонуються деякі види вправ для їх подолання.

Проведене дослідження дозволяє зробити висновок про необхідність систематизації засобів передачі значень граматичних структур української мови на німецькій мові з метою розробки практичних рекомендацій перекладачів.

Summary

The article deals with the opportunities of electronic texts corps application by example of German and Ukrainian in order to improve translators' training from native language into foreign one.

The article focuses on the study of lexico-semantic and grammatical difficulties of translation undergoing the influence of the system of the native language. Some types of exercises for the translators' training on the basis of the DDL methodology, i. e. data-driven learning, have been proposed.

On the basis of the undertaken study the author comes to conclusion about the necessity to systemize the methods of translation of Ukrainian grammatical structures' meanings into German in order to work out practical recommendations for translators.

Ключові слова: електронний корпус текстів, лексико-семантичні труднощі перекладу, граматичні труднощі перекладу, впливи на основі конкордансів.

Теорія перекладу – одна з порівняно молодих галузей філологічної науки, покликана проаналізувати та систематизувати той багатий досвід, що протягом століть накопичила перекладацька практика. Склалася ситуація, коли, як підкреслює російська дослідниця

С. Г. Тер-Мінасова, з одного боку, види та способи перекладу вивчені доволі глибоко та різнобічно, а з іншого – розмаїття методів не має системного характеру, що могло б прислужитися більш цілеспрямованому навчанню майбутніх перекладачів [6, с. 9]. У цьому сенсі, а також з огляду на появу нових технічних можливостей обробки емпіричного матеріалу, вивчення питання про застосування електронних баз даних для оптимізації дидактики перекладу є безперечно *актуальним*. *Об'єктом* дослідження у статті є письмовий переклад з української мови німецькою. *Предметом* дослідження обрано лексико-семантичні та граматичні труднощі перекладу та причини перекладацьких помилок. *Мета* статті – описати можливості застосування комп'ютерних технологій у навчанні письмового перекладу. Як *material* дослідження було використано німецькомовні конкорданси з мережі Інтернет, а також переклади німецькою мовою статей з українських газет, виконаних професійними перекладачами, для яких німецька мова є рідною, опубліковані на сайті www.ukrainenachrichten.de.

Аналіз сучасних праць з методики викладання перекладу [3; 5; 7] довів, що основні труднощі, з якими стикаються перекладачі, а отже, і причини помилок зумовлені інтерференцією рідної мови. Їх можна об'єднати у дві групи: труднощі лексико-семантичного характеру та труднощі граматичної природи.

Першу групу детально аналізує С. Г. Тер-Мінасова [6, с. 13–17]. Услід за нею ми вважаємо, що помилки у перекладі можуть спричинити розбіжності у семантичному обсязі лексичних одиниць, у притаманних одиницям мови конотаціях та колокаціях. Наприклад, значення української лексеми «пропозиція» у німецькій мові більш диференційоване і передається двома одиницями, а саме, *Vorschlag* та *Angebot*, значення українського прикметника «гарячий» не завжди німецькою мовою передається як *heiß*, часто зі стилістичних причин коректніше вживати у перекладі *warm* («теплий»). А всім відомий напис на дверях установи *drücken – ziehen* (буквально: «натиснути» – «потягти») відповідає українському «від себе» – «до себе». Тут уже ми маємо справу з узусом використання мовних одиниць, який вимагає від нас перекладати німецьке *hierzulande* як «в нашій країні». Прикладом

труднощів лексичного характеру може бути також переклад реалій, що описують предмети, об'єкти та явища суспільного життя, що не мають відповідників у культурі народу, мовою якого виконується переклад. Так, німецьке *Akademiker* – це зовсім не «академік», а випускник вищого навчального закладу. Сюди ж треба віднести також переклад прислів'їв, крилатих висловів, літературних алюзій тощо.

Труднощі граматичної природи детально описують К. Г. Крушельницька та М. Н. Попов [2]. Вони зазначають, що формально диференціювати в іноземній мові ті явища мови, які не деталізуються у рідній мові, можна тільки шляхом оцінювання обставин, що зумовлюють відбір потрібної форми [2, с. 5–6]. Такими обставинами є відтінки значень відповідних граматичних структур та їхня узгоджуваність. При цьому підкреслюється, що лексична колокація може визначати використання тієї чи іншої граматичної конструкції, а граматичне узгодження, або, іншими словами, структурне оточення може стати вирішальною умовою вибору відповідної лексичної одиниці. Так, структура німецького складнопідрядного речення з підрядним реченням мети вимагає перекладу всього складного речення (як головного, так і підрядного) за допомогою однакової форми граматичного часу, навіть тоді, коли в українській мові це теперішній і минулий час відповідно:

In einigen Fällen sind jedoch persönliche Informationen erforderlich, damit wir die von Ihnen gewünschten Online-Dienste erbringen können [4]. –

У деяких випадках особисті дані є необхідними, для того щоб ми мали можливість надати Вам інтернет-послуги.

З іншого боку, цей же зміст можна передати іншою граматичною конструкцією, а саме, інфінітивним зворотом, що виключає використання сполучника *damit* і викликає необхідність вживання прийменника *um* у значенні «для того, щоб», а також одночасну перебудову головного речення, де доведеться замінити граматичну основу *sind ...Informationen erforderlich* на *wir brauchen*:

In einigen Fällen brauchen wir jedoch persönliche Informationen, um die von Ihnen gewünschten Online-Dienste erbringen zu können.

Такого ж підходу потребує переклад усіх граматичних структур, значення яких диференціюється у одній мові і не диференціюється в іншій. Як приклади тут можна навести різницю у вживанні умовного способу у німецькій мові, де форма Konjunktiv II Präteritum слугує для передачі потенційно реальної умови у теперішньому або у майбутньому часі та форма Konjunktiv II Plusquamperfekt – для вираження цілком нереальної умови у минулому. Як відомо, умовний спосіб в українській мові не передбачає вживання різного граматичного часу у таких випадках. Тому для конкретизації часу події необхідно вводити у речення такі лексичні одиниці як «сьогодні», «завтра», «вчора» тощо. У свою чергу, в українській мові диференціюється закінченість або незакінченість дії за допомогою використання доконаного або недоконаного виду дієслова, чого немає у німецькій мові.

Уникнути помилок при подоланні вказаних вище труднощів перекладу допомагає, з одного боку, широка лінгвістична обізнаність перекладача, а з іншого – максимальне залучення усіх існуючих джерел лінгвістичної інформації [1].

Зрозуміло, що перша передумова може бути виконана тільки у процесі довготривалої практичної діяльності. Реалізувати ж іншу можливо шляхом залучення до процесу навчання надбання сучасної корпусної лінгвістики, а саме конкордансів (від нім. *konkordanz*, англ. *concordance* – згода, відповідність, лат. *concordare* – узгоджуватися, приводити до згоди). Конкорданс є особливим типом електронного словника, в якому кожне слово або поняття розташовані в алфавітному порядку з мінімальним контекстом і всіма випадками вживання. Комп'ютерні конкорданси із розробленим для них інтерфейсом дозволяють швидко й ефективно порівняти всі контексти вживання слова і проаналізувати їх, зрозуміти на прикладах живої сучасної мови узгодження її одиниць.

На жаль, складання конкордансу займає дуже великий обсяг часу, робота лінгвістів у цьому напрямку почалася відносно недавно, тому на відміну від конкордансів англійської мови німецькомовних конкордансів є ще замало, а конкордансів сучасної української мови майже не існує, за виключенням декількох, що описують творчість класиків української літератури.

Л. К. Раїцька [5] підкреслює, що застосування електронних баз даних у навчанні іноземної мови та перекладу надає нові широкі можливості не тільки викладачеві, але й студентові. Однією з головних переваг навчальних матеріалів, розроблених за допомогою електронних корпусів, дослідниця вважає збільшення автономії учасників навчального процесу. Зокрема, студент більше не залежить повністю від знань викладача або від підручника. З'являється можливість досліджувати мову самостійно, роблячи власні висновки зі своїх евристичних розвідок, що підвищує мотивацію студентів до навчання.

Що стосується системи навчальних вправ, то їхнє основне спрямування – це пошук студентами прикладів різних явищ мови з наступним аналізом знайдених контекстів за критеріями, названими викладачем, відновлення пропущеного ключового слова у запропонованому контексті, знаходження колокацій і таке інше.

На нашу думку, дослідження лексико-семантичних явищ за методом DDL (data-driven-learning – навчання на основі електронних даних) необхідно доповнити вивченням засобів перекладу граматичних структур. Так, ми безумовно знаємо різноманітні засоби передачі граматичних значень іноземною мовою, але нам не завжди відомо, яка зі структур є більш уживаною сучасними носіями мови, яким граматичним конструкціям вони надають перевагу у конкретній ситуації спілкування. Тому ми пропонуємо започаткувати роботу зі створення баз даних перекладів саме граматичних структур, що становить *перспективу* подальших розвідок. Для цього можна застосовувати вже згадуваний вище сайт www.ukraine-nachrichten.de та електронні версії німецькомовних та українських періодичних видань.

На даному етапі наших досліджень у галузі застосування методів корпусної лінгвістики до навчання перекладу ми можемо зробити висновок, що цей напрямок слугує не тільки підвищенню ефективності навчання перекладу, але є також дуже важливим у залученні студентів до науково-дослідницької роботи.

Список літератури

1. Владимов Н. В. Корпусный подход к решению переводческих проблем: На материале письменных переводов с русского языка на английский : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Электронный ресурс] / Н. В. Владимов. – Режим доступа: www.psycholinguistik.narod.ru/publikatsii/avtoreferati/Vladimov_AKD.pdf
2. Крушельницкая К. Г. Советы переводчику / К. Г. Крушельницкая, М. Н. Попов. – М. : АСТ, Астрель, 2002. – 148 с.
3. Нагель О. В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении [Электронный ресурс] / О. В. Нагель. – Режим доступа: www.lib/tsu.ru/mminfo/000349304/04/image/04-053.pdf
4. Немецко-английский словарь-конкорданс Linguee [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.linguee.de
5. Раицкая Л. К. Дидактические возможности корпусных Интернет-технологий в преподавании иностранного языка в высшей школе [Электронный ресурс] / Л. К. Раицкая. – Режим доступа: www.mgimo.ru/files2/.../a3f57d83f7af908a325ed62a5e192881.doc
6. Тер-Минасова С. Г. Проблемы перевода: Mission Impossible? / С. Г. Тер-Минасова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 9–18.
7. Guadalupe R. Y. Optimierung der Übersetzer Ausbildung unter Nutzung korpuslinguistischer Methoden [Электронный ресурс] / R. Y. Guadalupe. – Режим доступа: www.trans-kom.eu.

*С. В. Денисова***ПРОБЛЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА****Резюме**

У статті розглянуто проблеми машинного перекладу, які вимагають участі людини для здійснення перекладу технічної документації, електронної пошти, веб-сторінок та інших інтернет-ресурсів, де приймається погана якість заради швидкого результату. Раніше всі зусилля були сконцентровані або на розробці систем швидкого перекладу, настільки грубих у їх якості перекладу, або на фундаментальних дослідженнях високоякісних перекладацьких систем. Дослідники машинного перекладу сконцентровані в основному на перекладі наукової і технічної документації, де труднощі різноманітного контексту менш гострі, але де попит на переклад майже завжди переважає можливості професійного перекладу.

Summary

The article deals with the problem of machine translation requiring human assistance for producing translations of technical documentation, emails, Web pages and other Internet-based resources, where poor quality is acceptable in the interest of rapid results. In the earliest years efforts were concentrated either on developing immediately useful systems, so crude in their translation quality, or on fundamental research for high quality translation systems. Machine translation researchers have concentrated almost exclusively on the translation of scientific and technical documents, where the difficulties of variable contexts are less acute, but where the demand for translation has almost always exceeded the capacity of the translation profession.

Ключевые слова: машинный перевод, исследования, системы, сопровождение человека.

Машинный перевод является сравнительно молодой наукой и находится на пересечении компьютерных технологий и лингвистики.

Последние годы все усилия в области машинного перевода (МП) были сконцентрированы как на разработке систем, позволяющих осуществить синхронный перевод, качество в этом случае страдало, так и на фундаментальных исследованиях и разработках высококачественных систем перевода. Теперь можно наблюдать тенденции

развития МП, сфокусированные на развитии систем, требующих обязательного участия человека, управляющего инструментами перевода для получения качественных переводов технической документации. А самые последние достижения касаются в основном систем МП электронной почты, веб-страниц и другой интернет-документации, где можно смириться с плохим качеством в интересах большой скорости перевода.

На данный момент существует довольно широкий выбор пакетов программ, которые облегчают работу переводчика, и их условно можно разделить на две основные группы: электронные словари (electronic dictionary) и системы машинного перевода (machine translation system). Системы машинного перевода обеспечивают связный перевод текстов, учитывая морфологический, синтаксический и семантический строй членов предложения, но возможность ошибки компьютера при выборе того или иного морфологического, синтаксического и семантического аспекта построения готовой цельной фразы должна учитываться при получении конечного результата.

Сегодня программы-переводчики умеют строить осмысленные фразы, то есть за последние несколько лет качество перевода значительно улучшилось. Однако компьютер все еще не так хорошо разбирается в грамматических нюансах и жаргоне, поэтому его главное назначение – перевод деловой документации, учебников, писем электронной почты, веб-страниц. Другое использование таких систем машинного перевода – облегчение рутинной работы переводчика, выполнение черновой работы, которая легко редактируется.

Проблема машинного перевода давно занимает умы лингвистов, компьютерных инженеров и программистов. Было время, когда на эту проблему перестали обращать внимание, и она не продвигалась никак – ее стали считать почти неразрешимой. Но в последнее время начали разрабатывать программы для МП, а также в интернете стали предлагать системы автоматического перевода веб-страниц, сайтов и электронной почты [1].

Одним из подходов к проблеме машинного перевода является установка на использование максимально мощного универсального

языка содержания. В самых первых системах реализовался так называемый «прямой» подход к переводу, в рамках которого, как уже говорилось, все выполненные при переводе операции пояснялись как процедуры межъязыкового перехода – превращение текста оригинала в текст перевода. Этот подход внес значительный вклад как в теорию, так и в практику машинного перевода.

Второй подход хронологически возник раньше первого. Этот подход настаивает на существовании промежуточного языка и близко связан с идеей переводческих соответствий на чисто языковом уровне. Методическая суть этого подхода состоит в изучении поведения языковых единиц, особенно в языковом контексте, в моделировании владения машиной «человеческим» языком, особенно это касается процесса межъязыкового перевода, а также в переходе от простого к более сложному.

Известно, что перевод как особый процесс межъязыковых преобразований касается разных уровней языка – морфологии, лексики, семантики, синтаксиса. Модель перевода должна отражать все эти уровни языка оптимальным способом.

Авторы ранних исследований по машинному переводу концентрировались на технических проблемах размещения в памяти компьютера большого словаря и обеспечении эффективного поиска в нем. Многие исследователи, например, такие как Ю. Н. Марчук, Л. Л. Нелюбин, И. И. Ревзин считают, что программное обеспечение для работы с грамматикой основывалось на имевшихся теориях структуры языка в сочетании с придуманными на скорую руку правилами.

Современное положение машинного перевода характеризуется в некоторой мере слиянием двух, упомянутых выше подходов. Но это не механическое объединение результатов, а слияние их на основе новых моделей, созданных на обращении внимания непосредственно к переводческому аспекту владения естественным языком.

Центром исследования в современном машинном переводе становится моделирование действий человека-переводчика, особенно в смысле использования им двух и многозначных переводческих соответствий при переводе с одного языка на другой.

Самой быстро развивающейся областью применения машинного

перевода были и остаются отрасли программного обеспечения. Всегда существовал и существует огромный спрос на прямой и обратный перевод документации на разнообразные языки, сопровождающие тот или иной продукт. И поэтому исследователи направили свои усилия в большей мере на увеличение объема памяти, сопровождающей процесс перевода, чем на развитие машинного перевода в целом. Вот примеры: «Volmac Ling ware Services» создала системы для текстильной компании, страховой компании, для перевода инструкций по эксплуатации, текущему ремонту самолетов; «Car Gemini Innovation» разработала систему перевода военных телекс сообщений; в Японии «CSK» (компания, создающая системы машинного перевода) создала свою собственную систему перевода экономической и финансовой терминологии, а «NHK» – систему перевода радио- и теленовостей с японского на английский язык.

Последние годы характеризуются появлением все большего числа систем МП для персонального компьютера. Эти годы можно считать подлинной эпохой продолжающегося возрождения и развития машинного перевода, и это связано с большим уровнем возможностей современных персональных компьютеров и с развитием Интернет-технологий, дающих реальный спрос на машинный перевод [2].

Полученные результаты машинного перевода приходится редактировать. Так, например, в программе «Парс» предусмотрена функция дополнительного подключения словарей различной тематики.

От качества программного обеспечения и системы машинного перевода зависит и качество выдаваемого машиной перевода. Но даже тонкая настройка системы под лексику переводимого текста не учитывает всех его особенностей, поэтому переведенные слова, имеющие несколько синонимов, помечаются звездочкой, либо приводятся в скобках как вариант.

Сегодня нет необходимости доказывать, что машинный перевод нужен. И надо всерьез задуматься, какую роль МП будет играть в дальнейшем. Создание электронного переводчика окажет воздействие на все стороны человеческого бытия. Языки меньшинств в многонациональных государствах будут сохраняться вследствие распространения машинного перевода. В области искусственного

интеллекта – компьютерный перевод представляет огромный интерес как испытательный полигон проверки многих идей. В философском отношении МП мог бы послужить моделью для построения когнитивных теорий [3]. В коммерческом плане машинный перевод может стать важнейшим инструментом развития межгосударственной торговли, так как он способен упростить и ускорить получение информации о товарах, выпускаемых в других странах.

Машинный перевод недорогой и быстрее традиционного, но по качеству сильно уступает. Поэтому именно там, где важнее понять смысл того, о чем идет речь, нежели перевести в соответствии с литературными или научными понятиями, МП будет играть заметную роль.

Установлено, что варианты переводов, сделанных при подключении тематических словарей, дают более хорошее качество перевода, выбирая более точные значения слов, соединяя фразы в тексте. Это объясняется тем, что машина достраивает свой словарь синонимами, которые бы отвечали в большей степени тематике переводимого языка.

Системы и приложения машинного перевода лучше обрабатывают научные, технические и образовательные тексты. В таких текстах не существует вероятности появления двусмысленности, то есть можно сказать, что практическое применение машинного перевода к научно-техническим текстам обусловило его дальнейший постоянный рост и совершенствование. Разговорный и публицистический стили, где много специфичных и неординарных оборотов, а большинство слов используется в буквальном значении, пригодны только для ознакомительного перевода. Грамотный, выходной текст может получиться только после «ручного» редактирования переводчиком-специалистом.

По мере того как системы МП различных видов и назначений становятся известны и доступны всем желающим и используют большой диапазон возможных переводческих навыков, они будут развиваться и дальше, стимулируя исследования и создание новых образцов, работающих в различных направлениях, которые сейчас сложно предсказать.

Список литературы

1. Виноград Т. Работа с естественными языками / Т. Виноград. – М. : Высшая школа, 1986. – 88 с.
2. Каничев М. К вопросу об электронных переводчиках / М. Каничев // Мир ПК. – 1998. – № 8. – С. 9.
3. Марчук Ю. Н. Проблемы машинного перевода / Ю. Н. Марчук. – М. : Наука, 1983. – 112 с.
4. Ревзин И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – 1964. – 98 с.
5. Рычков В. Перевод как лингвистическая проблема / В. Рычков // Вестник МГУ. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 23 с.
6. Hutchins W. J. The Origins of the Translator's Workstation / W. J. Hutchins // Machine Translation 13/4. – 1998. – P. 287–307.
7. www.translate.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.translate.ru/Gramm/>

Д. І. Панченко

МОДЕЛЮВАННЯ СЕМАНТИЧНИХ ЗВ'ЯЗКІВ «ТЕКСТ – РЕФЕРАТ» ПРИ АВТОМАТИЧНОМУ РЕФЕРУВАННІ ТЕКСТІВ

Резюме

С целью интеллектуализации процедуры индикативного реферирования при автоматической проработке текстов в статье предложено моделирование семантических связей «Текст-Реферат» с использованием текстовой базы, онтологии двух уровней и смысловых элементов заглавия. Описана онтология верхнего уровня и общенаучной лексики, и на основе предложенной методики проведена классификация элементов реферативных конструкций. Усовершенствован алгоритм процедуры реферирования и системы представления знаний на базе разработанных моделей реферата и заглавия.

Summary

The paper addresses the problem of modelling semantic links «Text-Summary» in automatic summarization with the usage of a word-oriented database, two level ontologies and the sense elements of the heading. The generalization in summarization has been defined and the peculiarities of syntactic and semantic summarizing sentences have been disclosed. The model of indicative summary has been built. The model of compression process has been developed. The title model has been constructed and investigations of title model and summary model connections have been realized. The possibility to use the heading as a starting point for automatic summarization has been under consideration.

Ключові слова: система автоматичного реферування, інтелектуальні системи, автоматизація процесів опрацювання інформації, індикативний реферат, автоматична компресія тексту, подання знань, онтологія.

Об'єктом дослідження є семантичні зв'язки тексту й реферату, їх специфіка й особливості.

Предмет становлять процедури автоматичного здобування знань із текстів природною мовою з використанням моделі реферату, моделі заголовка, текстової бази та онтологій двох рівнів.

Метою статті є опис семантико-контекстної моделі реферування та моделі подання знань у системі автоматичного реферування

з використанням онтологій, які оптимізують процедуру автоматичного аналізу та компресії текстів у процесі реферування.

Матеріалом дослідження обрано реферативні конструкції, які будують тексти індикативних рефератів. Реферати зібрано методом суцільної вибірки з текстів чотирьох предметних галузей: економіка (1000 рефератів), медицина (1000 рефератів), прикладна лінгвістика (2000 рефератів) та соціоніка (1000 рефератів). Загалом проаналізовано лінгвістичні характеристики приблизно 5000 рефератів і первинні тексти, що їм відповідають.

Актуальність роботи визначається проблемою моделювання семантичних зв'язків у природно мовних текстах з метою побудови ефективних систем автоматичного реферування з опорою на знання, що передбачає змістове опрацювання тексту в автоматичному режимі. Базовою моделлю опису знань обрано онтології як засіб класифікації терміносфери предметної галузі. Актуальність їх розробки уможливило розвинене машинне опрацювання інформації за рахунок здійснення змістового аналізу текстів.

Підвищення якості автоматичної обробки текстової інформації постійно перебуває в центрі уваги розробників систем перекладу, реферування й пошуку інформації. На сьогодні роботи в цих галузях упритул підійшли до необхідності розробки семантичних технологій, спрямованих на автоматичне розпізнавання змісту текстів. Розробка таких технологій є одним із найскладніших завдань при проектуванні інтелектуальних систем. Окреме місце в цьому ряді займають системи, орієнтовані на автоматичне реферування текстів – побудову змістовних фрагментів, які стисло відображають зміст реферованих текстів. Роботи у сфері створення систем автоматичного реферування мають багате минуле. Понад півстоліття проводили активні дослідження, присвячені пошукам ефективних методів автоматичного реферування. Найбільш суттєвими вважаються класичний статистичний (Г. П. Лун, Р. Г. Піотровський) і позиційний (М. Л. Лосева, М. С. Максудова) методи. Були започатковані вдалі спроби дослідження лінгвістичних і структурних характеристик реферату (В. І. Горькова, Е. А. Борохов, Х. Борко, С. Берньє, Р. Мейзел, Дж. Сміт), проводили дослідження з морфологічного й синтаксичного

аналізу текстів (В. С. Перебийніс, Н. Ф. Клименко, Г. Е. Мірам, Т. О. Грязнухіна, Н. П. Дарчук), формалізації понадфразових зв'язків у оригінальному тексті (І. П. Севбо, Л. В. Орлова) й використання інформаційно-логічних мов для побудови реферату автоматичним шляхом (Е. Ф. Скороходько).

Усі спроби автоматизації реферування, до яких удавалися протягом останніх років, одержали однозначний підсумок – залучення виключно статистичних і позиційних методів не дозволяє створити повноцінну систему реферування, яка б замість вилучення речень із тексту стисло викладала зміст. Тому протягом останніх років дослідники зосереджували увагу переважно на аналізі змісту текстової інформації (Г. С. Жданова, Г. Г. Белоногов, Р. Г. Котов, І. Мейні, М. Мейбюрі). Тут дослідження спираються на досягнення структурної і прикладної лінгвістики, когнітивної семантики, логічної семантики, математичної логіки та ряду інших фундаментальних і прикладних дисциплін. Результати цих теоретичних розробок знаходять застосування в системі автоматизації процесів опрацювання інформації та побудові інтелектуальних інформаційних систем у різних галузях науки (Д. В. Ланде, В. А. Широков).

Вихідним пунктом нашого дослідження є положення про те, що моделювання процесу реферування як сукупності найскладніших процесів розуміння й компресії змісту слід починати з вивчення не самих процесів, а з їх результату – реферату. Причому не розгорнутого, інформативного, а стислого, індикативного, перш за все, тому що розглядаємо його як відправну точку в дослідженні цього питання, як об'єкт найбільш простий за формою, але такий, що відображає всі особливості реферативного тексту. Тому на першому етапі дослідження передбачають, що змістова й синтаксична структури реферату дозволять з'ясувати природу компресії в реферуванні та її можливі наслідки щодо структури реферативних речень, і на підставі виявлених особливостей семантико-синтаксичної структури цих речень побудувати модель індикативного реферату.

Наступний крок – перехід до розробки процедури здобування знань із тексту й заповнення моделі реферату відібраними з тексту іменниковими групами. При цьому передбачається, що відправною точкою

для змістового аналізу тексту є заголовок (назва статті), що дозволить знайти найважливіші змістові елементи для пошуку іменникових груп у тексті й побудови на їх основі текстової бази.

На сьогодні для розробки систем автоматичної обробки текстів широко використовують технології семантичного аналізу, що ґрунтуються на формуванні формального опису змістового навантаження тексту у вигляді фреймів, семантичних мереж або інших засобів представлення знань. Одним із шляхів у розв'язанні цього завдання є побудова когнітивної або семантико-контекстної моделі, яка забезпечила б глибинне проникнення в зміст тексту і його трансформацію зі збереженням цього змісту.

У нашому дослідженні для формального опису змісту тексту й формального опису смислових перетворень у процесі реферування використано:

1) заголовок, що презентує зміст вихідного тексту в концентрованому вигляді;

2) текстова база, яка містить речення, що є «інформаційним ядром» тексту, котре утримує інформацію, залежну від ситуації (тематики тексту);

3) онтології, що містять не залежну від тематики тексту інформацію: онтології верхнього рівня (набір змістових категорій, котрі входять до реферату), онтології загальнонаукової лексики й онтології предметних галузей.

На нашу думку, аналіз змісту тексту повинен містити аналіз заголовка, тому що заголовки науково-технічних статей дають уявлення про основний напрямок змісту статті. Важлива риса заголовка – відображення змісту тексту, котрий автор намагався донести до читача. При цьому заголовки, звичайно, пишуться максимально стисло, надто лаконічно, в них опущено всі семантично другорядні елементи. Отже, йдеться про компресію змісту тексту. Більше того, ми розглядаємо заголовок як реферат мінімального обсягу або як текст із максимальним рівнем згортання змісту.

У зв'язку з цим був проведений порівняльний аналіз компресії в заголовку й рефераті. В результаті дослідження змістової і синтаксичної структури заголовка виявилася його схожість зі структурою

реферату. Як і в індикативному рефераті змістова структура заголовка складається з двох метазначень – «об'єкт» і «результат». Утім на відміну від реферату вони є елементами змістової структури одного речення і вживаються у зворотній, порівняно зі змістовою структурою реферату (об'єкт – результат), послідовності: результат – об'єкт. Така подібність змістових структур реферату й заголовка, що містять однакові змістові аспекти, стала підставою для вивчення взаємозв'язку текстів і заголовків, аби за допомогою інформації, що міститься в заголовку, виявити в тексті ті лексичні одиниці, які необхідні для семантичного наповнення моделі реферату.

Для здійснення переходу від заголовка до тексту й далі до реферату, необхідно побудувати текстову базу, до якої входять речення, що містять слова із заголовка або ж їх змістові еквіваленти з тексту. Для побудови текстової бази знань на цьому етапі досліджень ми відштовхувалися від понять, які містяться в заголовку документа. За ключовими словами, знайденими в заголовку відшукуються відповідні їм іменникові групи в тексті (будується текстова база знань), після чого формуються ланцюжки іменникових груп для реферативних конструкцій відповідно до наявної моделі реферату.

На сьогодні ведеться робота над побудовою схеми, яка забезпечує швидкий аналіз поверхневих структур тексту за рахунок використання слів-указівників на змістові аспекти в тексті, необхідних для побудови реферату (об'єкт, результат, мета, засіб).

Однак не завжди виділення речень за допомогою слів-указівників дозволяє здійснити оптимальний вибір речень з тексту для текстової бази. Для того щоб бути впевненим у правильності вибраних речень, необхідна наявність у системі автоматичного реферування онтологій, в яких достеменно зафіксовано всі концепти відповідної предметної галузі.

Необхідність використання в системі автоматичного реферування онтологій, як одного з найбільш перспективних способів подання знань, поставила перед нами завдання: по-перше, аналіз чинних онтологій та вибір того визначення, що відповідає аналізу змісту тексту й подальшого його подання у вигляді реферату; по-друге, було розглянуто варіанти використання онтологій в сучасних інформаційних системах.

Ми погоджуємося з точкою зору авторів [5], за якою онтологія – це експліцитна специфікація концептуалізації, де в ролі концептуалізації виступає опис значної кількості об'єктів предметної галузі та зв'язків між ними. Також вважаємо, що модель онтології кожної предметної галузі повинна містити як формальні елементи, так і змістове тлумачення в термінах, зрозумілих фахівцям, тобто поняття, визначені в словнику, повинні бути прийнятими в даній предметній галузі термінології [3; 4].

Побудовані нами онтології загальнонаукової лексики, метазначення для використання в системі автоматичного реферування та запропонований алгоритм побудови текстової бази є лише першим кроком до створення відповідної системи подання знань у системі автоматичного реферування, що зумовлює *перспективу* подальшого дослідження.

Взагалі моделювання семантичних зв'язків «Текст-Реферат» у процесі інтелектуального реферування – внесок у розв'язання проблеми автоматичного опрацювання текстової інформації, що дозволило з'ясувати, як відбувається змістове згортання в процесі реферування і які специфічні ознаки у структурі реферативних речень і заголовку воно унаочнює. Результати роботи можуть бути використані в системах автоматичного опрацювання інформації для покращення якості процесів реферування.

Список літератури

1. Гаврилова Т. А. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб. : Питер, 2000. – 384 с.
2. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 153–211.
3. Кальченко Д. Интеллектуальные агенты семантического Web'a / Д. Кальченко // Компьютер Пресс. – 2004. – № 10. – С. 26–32.
4. Клещев А. С. Математические модели онтологий предметных областей. Часть 1. Существующие подходы к определению понятия «онтология» / А. С. Клещев, И. Л. Артемьева // НТИ. – 2001. – Сер. 2. – № 2. – С. 20–27.
5. Gruber T. R. A translation approach to portable ontology specifications / T. R. Gruber // Knowledge Acquisition. – 1993. – № 5. – P. 199–220.

Студентська трибуна



УДК 331.108.08(477)

*М. А. Григорьева***ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПО УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ****Резюме**

У статті розглянуто питання, пов'язані з аналізом функціонального забезпечення змістовних компонент роботи підрозділів з управління персоналом, а також здійснено виявлення особливостей функціонального забезпечення підрозділів з управління персоналом у сучасних організаціях України.

Акцент зроблено на важливості людського чинника в сучасній організації та на необхідності забезпечення підприємства ефективною службою персоналу. Взято до уваги той факт, що фахівець у роботі з персоналом при виконанні своїх функціональних обов'язків спирається на декілька основних детермінант своєї діяльності. Їх у сукупності можна розділити на два чинники: особовий і діловий. Досягнення ж максимальної ефективності діяльності будь-якої організації, що є сферою докладання зусиль усього персоналу, можливе лише за умови правильного визначення, формування і виконання функціональних і змістовних детермінант керівництва підрозділами з управління персоналом.

Summary

The article discusses problems connected with analysis of functional ensuring the content components of HR departments work and their peculiarities in modern Ukrainian organization.

The accent is made on importance of the human factor in the modern organization and on necessity of maintenance of the enterprise with effective service of the personnel. That fact is taken into consideration that the expert in work with the personnel during his functional duties leans on some main determinants of the activity which in aggregate can be divided into two factors: personal and business. Achievement of peak efficiency of any organization's activity representing a sphere of application of all personnel's efforts, is possible only under condition of correct definition, formation and performance functional and substantial determinants of management of divisions on human resource management.

Ключевые слова: управление персоналом, функциональные обязанности, технологии управления персоналом, содержательные детерминанты управления.

Постановка проблемы данной статьи являет собой все большую актуализацию проблемных зон в общих процессах сегодняшнего этапа управления персоналом организации. Данные процессы выступают важным правилом эффективного менеджмента в любой организации. При неверном управлении возникает множество проблем как методического так и методологического характера.

Именно сейчас, в период ускоренного развития высоких технологий, быстрой и резкой смены ситуаций в экономике и экспоненциального роста глобальных информационных систем, способность организаций выживать в условиях постоянно обостряющейся конкуренции определяется в первую очередь профессиональным руководством человеческими ресурсами [2].

Перемены, происходящие в экономике, влекут за собой изменения и в сфере управления персоналом на уровне предприятия. Они требуют проведения системного анализа традиционно сложившихся подходов и представлений об процессах управления персоналом. Кроме того, в условиях предоставленной предприятиям экономической и социальной самостоятельности несоизмеримо возросли требования к уровню профессионализма и эффективности функционирования персонала предприятия. И, как следствие, возросла функциональная нагрузка на службу управления персоналом предприятия, при этом в основном сохраняя свою количественную структуру. Сложившееся несоответствие между уровнем требований к качеству функционирования трудовым и ресурсным обеспечением службы персонала стало не только очевидно, но и потребовало скорейшего решения поставленной проблемы с целью повышения уровня качества труда службы управления персоналом.

Изучению проблем, связанных с совершенствованием управления персоналом, а также форм и методов построения систем управления персоналом, посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные ученые. Научные исследования проблем управления

персоналом, на уровне организации, осуществляются в области теории управления, в том числе управления персоналом (Базаров Т. Ю., Генкин Б. М., Журавлев П. В., Зубкова А. Ф., Кибанов А. Я., Шекшня С.В. и др.).

Различным методическим и методологическим проблемам управления персоналом посвящены исследования и в области социологии управления (Авдошина З. А., Деркач А. А., Мархивев М. И., Михайлева Е. Г., Недогонов Д. В., Устинова О. В. и т. д.).

Среди зарубежных исследователей, наиболее известны Амстронг М., Бессейр О., Ботерф Дж., Боятцис Р., и др.

Безусловно, в ходе теоретического и практического эволюционирования процессов управления персоналом были исследованы и решены многие системные методологические и методические задачи. Однако, по нашему мнению, вопросы связанные с изучением функционального обеспечения содержательных компонент работы подразделений по управлению персоналом в настоящее время разработаны не в полной мере. Именно поэтому рассмотрение данных вопросов видится нам особенно интересным.

Основная цель статьи – выявление особенностей функционального обеспечения подразделений по управлению персоналом в современных организациях Украины.

Как говорят эксперты, компании обычно вводят штатную единицу менеджера по работе с персоналом, когда в их штате появляется около пятидесяти человек. Иногда эту должность занимает секретарь, администратор или бухгалтер, однако более эффективный путь, на наш взгляд, это занятие данной должности профессионалом. Если штатное расписание увеличивается до 100–150 сотрудников, то в организационной структуре предприятия создается полноценное подразделение по управлению персоналом. Как правило, при этом уже существующему менеджеру по работе с персоналом добавляют помощников, которые функционально дополняют деятельность подразделения по различным направлениям работы общего процесса управления персоналом. Как показывают данные социологических исследований, чаще всего речь идет о расширении функции профессионального подбора либо отбора персонала с добавлением

функціональної навантаженості, пов'язаної з адаптаційними процесами. Количественний склад такого підрозділу зазвичай коливається від 2 до 4 осіб. В великих компаніях, з загальною чисельністю штату вище 1000 осіб в підрозділі по управлінню персоналом може числитися до 10–15 осіб, причому більшість з них спеціалізуються на вирішенні яких-то конкретних завдань-технологій (найме, навчанні персоналу і так далі) [5].

Содержательний аспект проблематики функціонального наповнення підрозділів по управлінню персоналом, по нашому мнению, складається, перш за все в тому, що фактично керівник по роботі з персоналом повинен знайти можливість правильного розподілу виконуваного обсягу робіт своїми підлеглими. При цьому, мова йде не просто про вирішення тих або інших завдань в межах вироблених технологій управління персоналом конкретним виконавцем, але і про виконання загального плану функціональної навантаженості всього підрозділу, яка, як показує практика, достатньо часто функціонально і змістовно змінюється в залежності від загальних виробничих завдань підприємства в цілому.

Безумовно, обов'язкове виконання своїх функціональних обов'язків співробітниками підрозділу по роботі з персоналом, зазвичай є наслідком зростання їх професійного рівня. При цьому, важливим є не тільки саме досягнення цієї або іншої кваліфікаційної характеристики, але і мотиваційна складова даного процесу. В даному ракурсі мова йде не тільки про деякі матеріальні детермінанти винагороди персоналу, але і про мотиваційний фактор розвитку персоналу. На практиці це зазвичай означає застосування різного роду тренінгових, модульних, ігрових навчальних програм [1].

Ще однією важливою особливістю змістовної складової функціональної навантаженості в підрозділах по управлінню персоналом, є розробка і підтримка первинної корпоративної культури підрозділу. Безумовно, в умовах глобальної нестабільності функціонування підприємства дана задача зводиться до «ні», однак розуміння необхідності вироблення таких управлінських технологій є важливою і все більше

актуализированную закономерность в общих процессах управления подразделением. При этом необходимо понимать, что четко сформулированные цели и задачи организации конечно же будут нести в себе упрощение процесса адаптации для сотрудников. А системно проводимые мероприятия, способствующие укреплению внутренней культуры и духа компании (например, по случаю Дня рождения компании, общие выезды на природу) уменьшат уровень возникновения трудовых конфликтов внутри подразделения.

Также следует отметить, что иногда содержательной частью корпоративной культуры становится стратегия работы с персоналом, которая включает перспективный план работы с персоналом по всем направлениям управления персоналом. При этом, в разработке данной стратегии участвуют все специалисты по работе с персоналом в рамках своих функциональных нагрузок и соответственно несут за это долю ответственности.

Таким образом, можно говорить о том, что специалист по работе с персоналом при выполнении своих функциональных обязанностей, опирается на несколько основных детерминант своей деятельности, которые в совокупности можно разделить на два фактора: личностный и деловой. И если, деловой фактор соответствует общему функциональному и содержательному характеру деятельности работника, то личностный больше опирается на социально-психологические характеристики деятельности специалиста по управлению персоналом. Данная характеристика, по нашему мнению, предопределяется следующими специфическими особенностями:

1. Большим разнообразием содержания профессиональной активности, взаимодействием с представителями различных специальностей, в то время как возможности овладеть различными видами деятельности у одного человека ограничены.

2. Повышенной ответственностью за состояние человеческих ресурсов, кадрового потенциала организации и результаты деятельности, непосредственно связанные с другими людьми.

3. Творческим характером работы, при обычном дефиците информации, времени и средств.

4. Особой ролью коммуникативных функций, поскольку деятель-

ность по управлению персоналом протекает посредством общения, работы с людьми.

5. Высокой общей нервно-психической напряженностью.

В качестве важнейших условий осуществления социально-психологического фактора в деятельности управленца по персоналу выделяют:

- желание и интерес человека заниматься управлением персоналом;
- умение работать с людьми, умение общаться, взаимодействовать, убеждать, влиять на людей (коммуникативные качества);
- гибкость, нестандартность, оригинальность мышления, способность находить нетривиальные решения;
- оптимальное сочетание раскованности и ответственности в характере;
- способность предвидеть будущее развитие событий, предвидеть последствия решений, интуиция;
- высокая профессиональная компетентность и специальная управленческая подготовка [3].

Таким образом, рассматривая процессы функциональной и содержательной составляющей подразделений по управлению персоналом, можно сказать, что в мировой практике при эффективной деятельности предприятий отмечается решающее значение задач, связанных с личным фактором производства, что непосредственно выражается в достижении высоких результатов функционирования по всем направлениям работы связанных с процессами управления персоналом [4].

Достижение же максимальной эффективности деятельности любой организации, представляющей собой сферу приложения усилий всего персонала, возможно лишь при условии правильного определения, формирования и выполнения функциональных и содержательных детерминант руководства подразделениями по управлению персоналом. И, несмотря на обостренное и уже достаточно длительное внимание теоретических источников управления и самих управленцев к данной проблеме, нельзя сказать, что данная проблематика является решенной.

Список литературы

1. Горячева Д. Г. Как эффективно управлять персоналом / Д. Г. Горячева // Консультант директора. – 2009. – № 4. – С. 27–29.
2. Егоршин А. П. Управление персоналом / А. П. Егоршин. – М. : Экономика, 2005. – 720 с.
3. Маслов В. И. Стратегическое управление персоналом в условиях эффективной организационной культуры / В. И. Маслов. – М. : Финпресс, 2004. – 288 с.
4. Пугачев В. П. Руководство персоналом / В. П. Пугачев. – М. : Аспект-Пресс, 2006. – 416 с.
5. Теория и практика работы с кадрами / Артемов О. Ю., Архипова Н. И., Ермакова И. Н. Овчинникова Н. В. – М. : РГГУ, 2007. – 789 с.
6. Дятлов В. А. Управление персоналом : учеб. пособие / В. А. Дятлов. – М. : ПРИОР, 2009. – 365 с.
7. Шапиро С. А. Основы управления персоналом в современных организациях / С. А. Шапиро, О. В. Шатаева. – М. : ГроссМедиа, 2008. – 400 с.

УДК 378:94(477)''192''

О. В. Хлопова

ТРИ ЕПОХИ В ІСТОРІЇ ВИЩОЇ ОСВІТИ УКРАЇНИ (XIX – 20-ті роки XX століття)

Резюме

В работе проведено сравнительное исследование развития украинского высшего образования на изломе двух веков – в период национально-освободительной борьбы и во время становления советской власти. Проанализированы причины появления разных направлений развития высшего образования на украинской территории в сложный исторический период, когда политические силы изменялись чрезвычайно быстро, что приводило к трансформации образовательных стратегий. Значительное внимание уделено изучению эволюционной составляющей образовательных процессов на территории Украины, их особенностей во время царского периода, периода 1917–1920 гг., и в начале установления советской власти. Приведен сравнительный анализ образовательного развития на территории современной Украины до и после революционных событий в 1917 г., освещена зависимость тенденций высшего образования от индивидуальных подходов руководящих должностных лиц.

Summary

The paper deals with a comparative study of the development of Ukrainian education at the turn of the 19th century, and then during the national liberation struggle and during the establishment of Soviets, which is relevant for the construction of educational policy today. Also the causes of certain areas of higher education in the Ukrainian territory are given analyses to. Much attention is paid to the study of evolutionary component of educational processes in Ukraine, their characteristics during the royal period, during 1917-1920, and the early Soviet era. The comparative analysis of educational development on the territory of modern Ukraine before and after the revolutionary events of 1917 are considered, the dependence trends of higher education on the control officials' individual approach is touched upon.

Ключові слова: Директорія, розвиток вищої школи, Тимчасовий уряд, Українська Центральна Рада, Українська Держава.

Актуальність дослідження полягає в тому, що надзвичайно велике значення для творення сучасної моделі української освітньої системи й сучасної освітньої політики має засвоєння історичного досвіду розвитку освіти на наших землях упродовж усього історичного процесу й особливо, досвіду кінця XIX – початку XX ст. Щоб нинішня освітня модель відбулася як найбільш досконала й доцільна для нинішнього періоду розвитку українського суспільства, необхідно досконалим знати попередню систему освіти, її позитивні і негативні сторони.

Стан вищої освіти України в кінці XIX – на початку XX ст. глибоко досліджено в сучасній історіографії такими науковцями як: М. В. Богуславський, Р. Я. Пиріг, Ю. С. Борисов, В. М. Даниленко, О. М. Завальнюк та ін.

Відомо, що до революційних перетворень 1917 р. система вищої освіти носила багатокладний характер, що відобразив складність і суперечливість економічного, соціального й духовного життя суспільства кінця XIX – початку XX століть [9]. Початок XIX ст. ознаменувався реформуванням вищої школи Російської імперії, втіленням у життя освітніх нововведень, створенням низки університетів по всій країні.

У той час царський уряд часто вдавався до суворої реакції на будь-які активні дії студентства. Реакційна політика царату з особливою гостротою проявлялася в питаннях підготовки спеціалістів вищої кваліфікації. Так, вищу освіту в Україні мали лише 0,12% населення. У більшості великих міст і губернських центрів не існувало жодного вищого закладу. Такі заклади були лише в чотирьох великих містах: Києві, Харкові, Одесі, Катеринославі [6]. На початку 1917 р. В Україні функціонувало 19 ВНЗ, з них у Харкові – 6.

Іншим серйозним недоліком було те, що країна не мала єдиної системи народної освіти. Різні типи навчальних закладів були слабо пов'язані один з одним. Спеціалізація більшості вищих і середніх навчальних закладів також не була достатньо чіткою [2].

Соціальний склад студентства України в дореволюційні часи формувался переважно з представників так званих «нетрудових» елементів і службовців. За даними перепису студентства Харкова в 1909 р. представники дворянства, духовенства, почесних громадян

складали 42,3%, службовців – 31,8%, селян – 5,5%, робітників і ремісників – 5,3% [4].

З метою позитивних змін у розвитку вищої освіти на всій території Російської імперії наприкінці 20-х – 50-х років XIX ст. було проведено консервативну контрреформу системи освіти. Вся політика самодержавства в галузі народної освіти в другій половині XIX ст. була спрямована на пошук його оптимального варіанта, тобто гарантувала можливість модернізації країни при збереженні стабільності держави. Однак даний сталий розвиток ускладнювався радикальними політичними діями в 1870–1880-ті роки, розвитком крайніх ідей і переконань.

Після подій лютого 1917 р. на деякий час процес реформування системи освіти, розпочатий за царя, був загальмований. Але формування нового змісту загальної середньої освіти було продовжено вже навесні 1917 р. у діяльності Державного комітету з народної освіти при Міністерстві народної освіти Тимчасового уряду [1]. Тимчасовий уряд зовні проявляв у галузі освіти активну діяльність. Комітет і Міністерство освіти висловилися за автономію ВНЗ, обговорили умови прийому до навчальних закладів, ухвалили рішення про відкриття нових ВНЗ [2].

Цікаво зазначити, що Тимчасовий уряд проводив досить ліберальну політику відносно України. Так у Петрограді вийшов наказ міністра освіти, в якому йшлося про введення в учительських семінаріях і інститутах України таких дисциплін, як українська мова й література, історія і географія України, та заснування в вищих навчальних закладах кафедр української мови, літератури, історії і права [5].

Після формального правління Тимчасового уряду на українських територіях почалась епоха національно-визвольної боротьби, яка породила численні трансформації у вітчизняній вищій освіті.

Розвиток української освіти в роки національно-демократичної революції (1917–1920) – невід’ємна частина вітчизняного державотворення, складова національного культурного відродження в один із найбільш визначальних і суперечливих періодів історії України XX ст.

Першою розпочала шлях політичних змін Українська Центральна Рада, яка проводила досить активну націотворчу політику.

Уряд Центральної ради розпочав відкриття українських кафедр у ВНЗ на всій території України. Цікаво, що українознавчі виклади були запроваджені досить швидко лише в Харківському університеті, але тільки завдяки тому, що ініціаторами справи виявилися самі викладачі. 18 червня 1917 р. Міністерство освіти Тимчасового уряду дві нові кафедри при Харківському університеті затвердило [6].

За Центральної Ради також були відкриті народні університети в Миколаєві, Харкові, Одесі та було дозволене створення національних університетів у Кам'янці-Подільському та Умані. Були засновані кафедри української мови в Харківському й Одеському університетах («класичні») та чотири українознавчі кафедри – мови, літератури, історії та права – в університеті св. Володимира [8].

Але на шляху розбудови вищої освіти було багато проблем. Чи не головною перешкодою на шляху розбудови української національної освіти залишався гострий дефіцит освітянських кадрів, особливо ідейно-налаштованих професійно-придатних кваліфіковано здійснювати українізацію вищої школи.

Перед українською владою постало завдання не лише перебудови вищої школи на національних засадах, а її збереження як такої. Це обумовлювалося рядом обставин, у тому числі й тим, що, за оцінкою Д. Дорошенка, наука у вищих школах з вибухом революції прийшла «в повний розстрій»: студентство кинулося у вир революції, в той час як багато вчених, викладачів ВНЗ виїхали за кордон [5].

Наступна політична сила, що перебували при владі, діяла на чолі з гетьманом Павлом Скоропадським.

Тогочасний віце-прем'єр і міністр освіти М. Василенко так характеризував політику гетьмана: «Ні про яку насильницьку українізацію не може бути й мови. Я за своїми переконаннями абсолютно далекий від насильницьких методів у сфері культури». На думку Р. Я. Пирога, такий підхід виявився досить продуктивним у реалізації культурно-освітньої політики гетьманату [7].

За гетьманату керівництво взяло курс на розширення національної університетської освіти й відкриття нових університетів у всіх регіонах країни. На додаток намічалось також значне поліпшення науково-педагогічної роботи діючих ВНЗ, розширення будівництва мережі

різнопрофільних інститутів, посилення фінансування вищої освіти [8]. Складний процес українізації отримав досить розлогу нормативно-правову базу.

Однією з найвизначніших подій періоду гетьманату стала ухвала Ради міністрів 14 листопада 1918 р. про заснування Української Академії наук. Було затверджено статут, штати й виділено асигнування на її утримання в поточному році в сумі 869 тис.крб. [8].

Менш як за річний період в Українській Державі, за підрахунками Д. Ф. Розовика, було утворено 35 вищих навчальних закладів (до революції їх було 27 [8], за іншими даними – 19 [6]).

Прихід до влади Директорії знаменував посилення національних пріоритетів у освітній політиці. Новий уряд усвідомлював, що його попередниками була напрацьована значна законодавча база, яка у своїй основі відповідала освітній концепції Директорії. Це стосувалося як мовних проблем, так і українознавчого спрямування освіти в цілому. Тож головна увага зосереджувалась на тому, щоб закони й розпорядження втілювали в життя.

За часів Директорії розроблялися масштабні проекти українізації вищої школи. Насамперед це стосувалося питання українізації російських університетів. Докорінної перебудови зазнало управління освітою, в якому міцно закріпилися принципи децентралізму та демократизму. Активно взялися за справу інтелектуального відродження в революційних умовах різні громадські організації. Урядам доводилося прислухатися до ініціативи мас, а в деяких випадках громадянство брало справу становлення української вищої школи в свої руки, оскільки офіційна влада не могла рухати її вперед [3].

Можна сказати, що паралельно з усіма вищезазначеними політичними силами на Україні діяла й радянська влада, яка також намагалася реформувати існуючу концепцію вищої освіти.

Радянські реформи затверджували демократичний принцип єдиної школи, безкоштовної, доступної всьому молодому поколінню, незалежно від соціального статусу, майнового стану та національності. Школа була проголошена світською, незалежною від церкви; рідна мова кожного народу повинна була стати основою для освіти

у всіх типах загальноосвітніх шкіл. Запроваджувалося спільне навчання осіб обох статей [1].

Незважаючи на концепцію єдності в політичному розвитку під керівництвом рад, у 1920 р. в Україні чітко визначились власні, альтернативні офіційним російським, концепція та модель освіти, які були сформульовані в документах Наркомосу і виступах його керівників.

Ці концепція та модель передбачали, по-перше, максимальне наближення освіти до потреб економіки, що було цілком доцільно в умовах господарської розрухи. По-друге, принцип суто загальноосвітньої підготовки відкидався, оскільки він не готував людину до життя, і замінювався принципом спеціальної (професійної) спрямованості освіти. По-третє, пропонувалось раннє поєднання спеціальної (професійної) і загальної освіти, починаючи з 15-річного віку.

В українській моделі освіти була низка переваг. В умовах перехідного періоду й господарської розрухи фактор ранньої професіоналізації набував важливого значення, а наявність паралельної гілки освіти (чотирирічка – школа учнівства – вечірній робітничий технікум) давала змогу без відриву від виробництва набути кваліфікацію майстра та інженера, що в умовах масового безробіття було принципово важливим.

У той же час, на початку 20-х років, українська система освіти мала певні недоліки, до яких слід віднести: низький рівень загальноосвітньої підготовки в школах учнівства й професійних школах, що призводило до відриву середньої школи від вищої, слабкий рівень теоретичної підготовки у вищих навчальних закладах та інші [4].

На думку В. В. Липинського, українська концепція та модель освіти, розроблені Г. Ф. Гриньком, і вдосконалені практичною роботою протягом 20-х років, були оптимально прагматичними, наближеними до потреб економіки й реалій життя і вдало поєднували загальну й спеціальну (професійну) освіту.

Слід зазначити, що українська радянська модель вищої освіти відрізнялася від російської моделі, що викликало численні суперечності між керівництвом освіти. Але її прогресивність здається безперечною.

Отже, проаналізувавши вищезазначені напрямки, можна зробити висновок, що в часи Української національної революції спостерігалися досить різні підходи до розвитку освіти в Україні. Перший підхід був розроблений українськими громадськими й політичними діячами, педагогами, які вважали, що в Україні має врешті постати національна система освіти.

Національна система освіти, яка народжувалась і прагнула утвердитись на території України, в перші роки революції вступила в протиріччя з існуючою довгий час російською імперською освітньою системою.

У період 1917–1920 рр. окреслився і інший підхід щодо розвитку освітньої галузі в Україні. Його розробляли українські радянські діячі, які сприйняли більшовицькі ідеї розбудови нової школи та намагалися їх пристосувати до місцевих умов. Вони прагнули довести переваги своєї системи порівняно з російською імперською, поєднуючи до певної міри інтернаціональний і національний чинники. Серед фахівців, що підтримували цей напрям був В. Затонський, пізніше – Г. Гринько, Я. Ряпо, О. Шумський, М. Скрипник та інші.

Третій підхід був представлений проектами нової школи, які розробляли в радянській Росії і прагнули до поширення на всіх теренах колишньої Російської імперії. Серед творців даного підходу були А. Луначарський, Н. Крупська, В. Ленін. Цей підхід до розбудови нової школи відзначався ігноруванням національних особливостей розвитку шкільництва, натомість пропонувався суто ідеологічний зміст освітньо-виховної системи. Але при цьому акцент робився на доступності й демократизації освіти.

Список літератури

1. Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект / М. В. Богуславский // *Вопр. образования.* – 2006. – № 3. – С. 5–22.
2. Борисов Ю. С. Развитие сети вузов и техникумов в СССР в 1917–1920 годах : сб. статей к 70-летию д-ра ист.наук, проф. Э.Б. Генкиной / Ю. С. Борисов. – М. : Наука, 1972. – С. 181–198.
3. Даниленко В. М. Освіта України в роки національно-демократичної

революції (1917–1920): з хроніки подій / В. М. Даниленко, О. М. Завальнюк, Ю. В. Телячий. – Кам'янець-Подільський : Абетка-НОВА, 2005. – 264 с.

4. Липинський В. В. Становлення і розвиток нової системи освіти в УСРР у 20-ті роки / В. В. Липинський. – Донецьк : Рекл.-вид. агенція при ДонДТУ, 2000. – 247 с.

5. Марчук М. Освітні процеси в Україні в період національно-культурного відродження 1917–1920-х років / М. Марчук. – Коломия : Вік, 2002. – 60 с.

6. Передерій І. Г. Розбудова національної системи освіти в Україні за доби Центральної Ради: історичний аспект / І. Г. Передерій. – Полтава : Вид-во ПолтНТУ, 2009. – 160 с.

7. Пиріг Р. Я. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси / Р. Я. Пиріг. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2011. – 336 с.

8. Розовик Д. Ф. Культурне будівництво в Україні у 1917–1920 роках / Д. Ф. Розовик. – К. : Аквілон-Плюс, 2011. – 544 с.

9. Удовицкая Т. А. Возникновение высшего частного образования в Украине: первое приближение к проблеме / Т. А. Удовицкая // Ученые записки ХГУ «НУА». Т. 5 / гл. ред. В. И. Астахова. – Харьков : Око, 1999. – С. 190–198.

УДК 658.152

*А. В. Федорченко***ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ****Резюме**

У даній статті розглянуто один з найважливіших аспектів фінансування за умови обмеженості ресурсів – інвестиційна діяльність. Від ухвалення правильного інвестиційного рішення залежить окупність вкладень, а отже, для вибору найкращого варіанта потрібен глибокий аналіз альтернативних проектів.

Summary

The article deals with one of the most important aspects of financing under the conditions of limited resources investment activity. Only a correct investment decision ensures payback of investments, thus, choosing the best variant necessitates a profound analysis of alternative projects.

Ключевые слова: инвестиции, проект, инвестиционное решение, показатели эффективности инвестиционных решений

Одним из важнейших в инвестиционной деятельности является принятие правильного инвестиционного решения, которое невозможно без учета следующих факторов: вид инвестиции; стоимость инвестиционного проекта; множественность доступных проектов; ограниченность финансовых ресурсов, доступных для инвестирования; риск, связанный с принятием того или иного решения и др.

Причины, обуславливающие необходимость инвестиций, могут быть различны, однако в целом их можно подразделить на три вида:

- обновление имеющейся материально-технической базы;
- наращивание объемов производственной деятельности;
- освоение новых видов деятельности.

Ограниченность свободных финансовых ресурсов, которые можно использовать для инвестирования, наличие альтернативных вариантов обуславливают необходимость глубокой аналитической разработки проектов как на стадии принятия решений о вложении средств в тот или другой проект, так и на стадии оценки эффективности его внедрения.

Главный критерий оценки инвестиций – их окупаемость, то есть скорость возвращения инвестору вложенных средств через определенные денежные потоки, которые генерируются воплощением в жизнь профинансированных проектов. Это могут быть: прибыль от реализации продажи продукции, если инвестированный проект связан с производством товаров, работ, услуг; дивиденды и проценты на вложенный капитал в акции других компаний; прибыль от вложения средств в торговлю; другие посреднические операции; проценты от вложенных на депозиты средств в коммерческие банки [1, с. 250–251].

Ключевой проблемой для принятия наилучшего решения является проблема сопоставимости суммы инвестиций с полученными доходами, с учетом всех факторов изменения ценности денег во времени. Для оценки этой ценности применяют показатели эффективности инвестиционных решений.

Международная практика обоснования инвестиционных проектов использует несколько показателей, основанных на оценках, позволяющих подготовить решение о целесообразности (нецелесообразности) вложения средств: чистый доход, чистый дисконтированный доход (ЧДД) или интегральный эффект, индекс доходности, внутренняя норма доходности (ВНД), срок окупаемости.

Чистый доход (чистые денежные поступления) является одним из основных показателей, используемых для расчётов эффективности инвестиционного проекта (ИП).

Чистыми денежными поступлениями (ЧДП) называется накопленный эффект (сальдо денежного потока) за расчётный период:

$$\text{ЧДП} = \sum_t^T (P_t - O_t),$$

где ЧДП – чистые денежные поступления;

P_t – приток денежных средств на t -м году;

T – длительность расчетного периода, лет;

O_t – отток денежных средств в t -м году.

Важнейшим показателем эффективности проекта является чистый

дисконтированный доход как накопленный дисконтированный эффект (сальдо) за расчётный период:

$$\text{ЧДП} = \sum_1^t (P_t - O_t) \cdot \frac{1}{(1 + E)^t},$$

где P_t – приток денежных средств в t -м году;

O_t – отток денежных средств в t -м году;

E – ставка дисконта, доли единицы.

ЧДП характеризует превышение суммарных денежных поступлений над суммарными затратами в данный проект.

Для признания проекта эффективным с точки зрения инвестора необходимо, чтобы ЧДП проекта был положительным; при сравнении альтернативных проектов предпочтение нужно отдавать проекту с большим значением ЧДП (при выполнении условия его положительности).

Таким образом, чистая текущая стоимость показывает, достигнут ли инвестиции за экономический срок их жизни желаемый уровень отдачи:

– положительное значение чистой текущей стоимости показывает, что за расчётный период дисконтированные денежные поступления превысят дисконтированную сумму капитальных вложений и тем самым обеспечат увеличение ценности фирмы;

– наоборот, отрицательное значение чистой текущей стоимости показывает, что проект не обеспечит получения нормативной (стандартной) нормы прибыли и, следовательно, приведет к потенциальным убыткам.

Несмотря на определенные преимущества ЧДП, принятого в качестве критерия оптимальности при оценке эффективности инвестиционных проектов, он имеет ряд недостатков. Во-первых, если допущена ошибка в прогнозе денежного потока или дисконта проект, который рассматривали как доходный, может стать убыточным. Во-вторых, в реальной действительности эффективность проекта во многом зависит от его масштаба и риска. Поэтому при оценке эффективности ИП надо рассчитывать не только ЧДП, но и индекс

доходности ИД, и внутреннюю норму доходности, которые в зависимости от рискованности проекта оказываются более предпочтительными.

Индексы доходности (ИД) представляет собой отношение суммы приведенных эффектов к величине капитальных вложений. Их можно рассчитывать для дисконтированных и для недисконтированных денежных потоков:

$$ИД = \frac{1}{K} \sum_{t=0}^T (П_t - O_t) \cdot \frac{1}{(1 + E)^t}.$$

В отличие от чистого дисконтированного дохода индекс доходности – относительный показатель, характеризующий уровень дохода на единицу затрат. Чем выше отдача каждой денежной единицы, вложенной в данный проект, тем больше значение этого показателя. При всех равных значениях ЧДП индекс доходности дает основание выбрать проект, имеющий наибольшее его значение.

Внутреннюю норму доходности или, иначе, внутреннюю норму дисконта, внутреннюю норму рентабельности определяют путем решения следующего уравнения:

$$\sum_{t=1}^T (П_t - O_t) / \frac{1}{(1 + E)^t}.$$

Решая это уравнение, находим значение ВНД. Решение на основе метода внутренней нормы прибыльности имеет вид:

- если значение ВНД выше или равно стоимости капитала, то проект принимают;
- если значение ВНД меньше стоимости капитала, то проект отклоняют.

Таким образом, ВНД является как бы «барьерным показателем»: если стоимость капитала выше значения ВНД, то «мощности» проекта недостаточно, чтобы обеспечить необходимый возврат и отдачу денег, и, следовательно, проект следует отклонить.

Если речь идет о таких инвестиционных проектах, при реализации которых: а) надо сначала осуществить затраты денежных средств

(допустить отток средств) и лишь потом можно рассчитывать на денежные поступления (притоки средств); б) денежные поступления носят кумулятивный характер, причем их знак меняется лишь однажды. Для таких инвестиций справедливо утверждение: чем выше норма дисконта (E), тем меньше величина интегрального эффекта ЧДП, рис. 1.

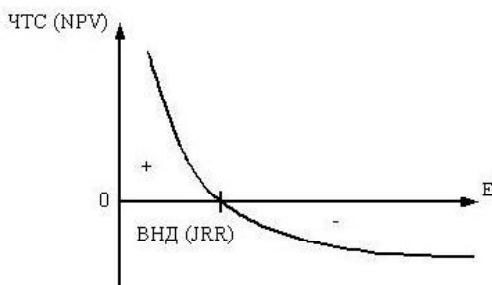


Рис. 1. Зависимость величины ЧДД от уровня нормы дисконта (E)

Как видно из рисунка, ВНД — это та величина нормы дисконта (E), при которой кривая изменения ЧТС пересекает горизонтальную ось, то есть интегральный экономический эффект (ЧДП) равен нулю.

Решение задачи определения ВНД становится особенно трудной в тех случаях, когда будущие денежные поступления могут быть неодинаковыми по величине. Суть задачи остается прежней — найти значение ВНД, при которой ЧДП будет равен нулю. В этом случае процесс расчёта сводится к методу проб и ошибок, чтобы путём нескольких последовательных приближений найти искомое значение ВНД.

Именно поэтому в отечественной литературе ВНД иногда называют поверочным дисконтом, так как она позволяет найти граничное значение нормы дисконта (E_b), разделяющее граничные инвестиции на приемлемые и не выгодные. Для этого ВНД сравнивают с принятой для проекта нормой дисконта (E).

Принцип сравнения этих показателей такой:

– если $VND > E$ — проект приемлем (так как ЧДП в этом случае имеет положительное значение);

- если $ВНД < E$ – проект не приемлем (так как ЧДП отрицателен);
- если $ВНД = E$ – можно принимать любое решение.

Кроме того, показатель ВНД применяют для ранжирования проектов по степени выгодности, при тождественности основных исходных параметров сравниваемых проектов: равной сумме инвестиций, одинаковой продолжительности расчётного периода, равном уровне риска.

Внутренняя норма доходности может быть использована также для экономической оценки проектных решений, если известны ее приемлемые значения; для оценки степени устойчивости инвестиционных проектов по разности $ВНД - E$; для установления участниками проекта нормы дисконта E по данным о внутренней норме доходности альтернативных направлений вложения ими собственных средств.

Сроком окупаемости называется тот наиболее ранний момент времени в расчётном периоде, после которого кумулятивные текущие чистые денежные поступления становятся и в дальнейшем остаются неотрицательными [2].

Существует два способа расчёта периода окупаемости. В простой срок окупаемости является широко используемым показателем для оценки того, возместятся ли первоначальные инвестиции в течение срока экономического жизненного цикла инвестиционного проекта.

Этот показатель измеряет степень рискованности проекта: чем больший срок нужен хотя бы для возврата инвестированных сумм, тем больше шансов на неблагоприятное развитие ситуации. Чем меньше срок окупаемости, тем большие денежные поступления в первые годы реализации инвестиционного проекта, а значит, и лучшие условия для обеспечения ликвидности фирмы.

Наряду с указанными достоинствами метод расчета простого срока окупаемости обладает очень серьезными недостатками, так как игнорирует два важных обстоятельства: различие ценности денег во времени; наличие денежных поступлений и после окончания срока окупаемости.

Именно поэтому срок окупаемости не рекомендуют использовать как основной показатель оценки приемлемости инвестиций. Сроком окупаемости, с учетом фактора времени, называется продолжитель-

ность периода от окупаемости с учетом дисконтирования денежных потоков. Как наиболее раннего срока времени в расчетном периоде, после которого суммарный чистый дисконтированный доход становится и в дальнейшем остается неотрицательным (рис. 2).

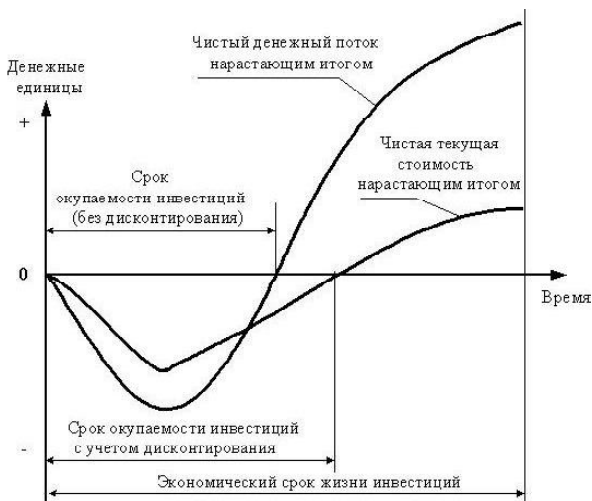


Рис. 2. Графическая интерпретация срока окупаемости инвестиций

Список литературы

1. Коробов М. Я. Фінансово-економічний аналіз діяльності підприємств : навч. посіб. [для студ. екон. вузів.] / М. Я. Коробов. – 3-тє вид., переробл. і допов. – К. : Знання, 2002. – 294 с.
2. Пенъевская И. С. Планирование инвестиций : учеб. пособие / Международный педагогический университет. – Магадан : Изд-во МПУ, 1997. – С. 25.
3. Колтынюк Б. А. Инвестиции [Электронный ресурс] / Б. А. Колтынюк. – Режим доступа: <http://exsolver.narod.ru/Books/Fininvest/Investment/index.html>
4. Глущенко В. В. Финансы. Разработка и анализ инвестиционных проектов [Электронный ресурс] / В. В. Глущенко, В. Н. Чехунов. – Режим доступа: http://afdanalyse.ru/publ/investicionnyj_analiz/1/raschet_pokazatelej_ehffektivnosti_investicij/6-1-0-104

Наука в НУА



В. П. Козыренко, П. Э. Ситникова

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ЭЛЕМЕНТОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА. МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 2012

3 ноября 2012 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» прошла XIV межвузовская научно-практическая конференция «Экспертные оценки элементов учебного процесса», которая была посвящена проблемам и перспективам использования информационных технологий в системе непрерывного образования и математическим методам моделирования, оценивания и прогнозирования элементов учебного процесса. Организатором конференции является кафедра информационных технологий и математики. Целью конференции является выработка научно-практических рекомендаций по повышению эффективности учебного процесса на базе современных информационных технологий и инновационных методик математического моделирования.

В работе конференции приняли участие представители различных высших учебных заведений, в том числе Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», Харьковского национального экономического университета, Харьковского национального автомобильно-дорожного университета, Харьковского национального университета радиоэлектроники, Харьковской национальной академии городского хозяйства, Харьковского национального педагогического университета, Харьковской государственной академии культуры, Новокаховского политехнического университета.

Один из выступающих на секции «Информационные технологии в системе непрерывного образования: опыт, проблемы, перспективы» профессор Метешкин К. А. представил доклад, научно обобщающий теоретические результаты, апробированные автором на конференциях в различные годы, и продемонстрировал практические результаты их внедрения.

Одним из важнейших показателей работы высшего учебного заведения являются его научные достижения. Профессор Кирвас В. А. в своем докладе сделал обзор наукометрических баз данных и их

использование для анализа качества научных исследований и периодических научных изданий, подчеркнув, что уровень высшего образования во многом определяется проводимой научно-исследовательской деятельностью и эффективное управление современной наукой невозможно без учета ее результатов.

В мировой системе образования происходят фундаментальные изменения: расширяются платформы on-line обучения, к которым присоединяются ведущие университеты мира, стремительно увеличивается число открытых образовательных ресурсов. Об этом говорили участники конференции. Их сообщения были посвящены вопросам использования облачных технологий для учебной деятельности, технологиям конструирования дистанционных курсов, обзору открытых образовательных ресурсов Интернет. В ряде докладов рассматривались вопросы использования различных веб-сервисов для создания открытой системы методического обеспечения учебного процесса на базе интегрированной инфраструктуры образовательных и научных информационных ресурсов учебного заведения, созданию электронных учебных материалов и требованиям, предъявляемым к ним. Участники конференции обсудили тенденции развития дистанционных форм образования и поделились опытом разработки и использования ресурсов такой направленности.

В ряде докладов на секции «Методы математического моделирования, оценивания, прогнозирования элементов учебного процесса в условиях кредитно-модульной системы» поднимались вопросы, посвященные методике оценивания деятельности преподавателя с целью дальнейшего совершенствования его педагогического мастерства. Были предложены критерии, позволяющие достаточно полно определить эффективность труда педагога. Не потеряли своей актуальности и проблемы оценивания знаний студентов. Вопросы совершенствования методов тестирования также были освещены в докладах участников.

На завершающем этапе конференции были определены приоритетные направления для исследований и обсуждения на следующей 15-й конференции в 2013 году:

- тенденции разработки мобильных приложений для удовлетво-

рения потребностей обучающихся в оперативном доступе к необходимой учебной информации за пределами учебного заведения;

- изучение различных платформ для разработки электронных учебных ресурсов, включающих видеоматериалы и видеоконференции;

- использование виртуальных ресурсов для проведения экономических практик и получение навыков практической деятельности экономистов;

- обобщение опыта применения в учебно-воспитательном процессе облачных сервисов, в том числе на примере технологий Live@Edu, предоставленных корпорацией Microsoft учебным заведениям;

- сайт кафедры как среда совершенствования учебной, научной и воспитательной деятельности кафедры;

- экспертные оценки в системах оценки знаний студентов.

Большинство из направлений активно разрабатываются в непрерывной образовательной среде академии, результаты исследований и практические результаты будут представлены на очередных конференциях.

В. И. Астахова

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРИЗИСНОМ СОЦИУМЕ

От чего неуклонно снижается уровень культуры обучения в наших учебных заведениях, в чем причина снижения трудовой мотивации тех, кто учит, и интереса к учебе тех, кто учится; чем объясняется процесс падения престижа науки; к чему ведет коммерциализация науки и образования; что принес образованию и науке Болонский процесс; как остановить нарастание кризисных явлений в гуманитарной сфере? – Это далеко не полный перечень вопросов, связанных с плачевным состоянием образования, и науки в современном мире, и особенно на постсоветском пространстве, которые стали предметом острой дискуссии на традиционной международной научно-практической конференции, прошедшей в феврале 2013 года на базе Народной украинской академии. Тема конференции «Интеграция науки и образования – парадигма XXI столетия» вызвала достаточно высокий интерес специалистов. В программе было заявлено 67 докладов и сообщений, но участников конференции, принявших участие в дискуссии было значительно больше, и представляли они не только Харьков и другие вузовские центры Украины, но и Россию, Белоруссию, Казахстан, Латвию и Грузию.

С постановочными докладами на конференции выступили: д-р филос. наук, проф., зав. каф. социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Г. Г. Силласте с темой «Интеграция образования и науки в изменяющемся обществе: реальность, вызовы и социальные риски»; директор Института высшего образования НАПН Украины, член-корреспондент НАПН Украины М. Ф. Степко с темой «Місія вищої освіти в сучасному суспільстві: інноваційний розвиток через диверсифікацію типів навчальних закладів та програм навчання»; д-р социол. наук, академик НАН Украины, ректор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина В. С. Бакиров с темой «Проблемы трансформации классических университетов»; д-р ист. наук, проф., ректор Народной

украинской академии Е. В. Астахова «Разрушение академической культуры как фактор торможения вузовской науки».

Основные положения, изложенные в этих докладах, и стали стержнем дискуссии, которая проходила в режиме единого заседания, без разделения по секциям. Во всех выступлениях на конференции звучала явная обеспокоенность и даже тревога научной общественности в связи с ситуацией, сложившейся сегодня и в образовании, и в науке – резким сокращением научных кадров, нехваткой преподавателей высшей школы и учителей для общеобразовательных школ, резкой нестабильностью учебных программ и учебников, снижением культуры качества образования на всех уровнях.

Участники были единодушны во мнении, что все проблемы, накопившиеся в сфере образования и науки, нельзя сводить только к недофинансированию этих отраслей. Что ситуация гораздо более многосторонняя и глубокая, требующая незамедлительного внимания общественности и стабильной государственной образовательной политики. Иначе последствия могут оказаться необратимыми.

Рекомендации и предложения, сформулированные участниками конференции, легли в основу обращения в Кабинет Министров Украины и в Министерство образования и науки, в котором обосновывается необходимость принятия конкретных мер по изменению ситуации и смягчению кризисных явлений в данной сфере жизнедеятельности общества.

Л. В. Собко

УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

(VI конференция молодых ученых)

На современном этапе развития национальной экономики Украины продолжают иметь место дестабилизирующие явления прошлых лет, связанные с трансформационными и интеграционными преобразованиями, а также новые, проявившие себя в текущий момент. Ключевым направлением исследований отечественной науки является по-прежнему анализ факторов *экономического равновесия на макро- и микроуровнях, обеспечивающих* повышение эффективности функционирования институциональных структур.

12 декабря 2012 года в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» состоялась шестая ежегодная конференция молодых ученых кафедры экономики предприятия «Управление как фактор экономического равновесия».

Цель конференции – исследование особенностей управления экономикой в условиях нестабильности. Задачи – приобретение молодыми учеными навыков исследовательской работы по заявленной теме, овладение инструментарием публичной презентации результатов, ведения научной дискуссии, способности вырабатывать рекомендации по повышению эффективности функционирования национальной экономики.

Молодые ученые представили на конференции высшие учебные заведения Харькова: Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия», Харьковский национальный университет им. Каразина, Харьковский государственный университет питания и торговли, Национальный аэрокосмический университет им. Н. Е. Жуковского «ХАИ»; Харьковский национальный экономический университет; Харьковский институт финансов УГУФМТ; академию внутренних войск МВД Украины АВВУ.

В конференции приняли участие 65 человек, из них: 4 – аспиранты (ХГУ «НУА», ХНУ им. Каразина, ХДУХТ); 35 магистры 5 и 6 курсов; 26 – студенты 2-4 курсов. Как видно, в этом году в рамках реализации

концепции непрерывной подготовки, кроме старшекурсников, в конференции приняли участие и студенты 2–4 курсов факультета «Бизнес-управление» ХГУ «НУА». Это позволило начинающим исследователям еще ближе познакомиться с тематикой прикладных экономических процессов, определиться с направлениями магистерских исследований, апробировать результаты своих работ. Для них это стало, как и для всех участников конференции, знаменательным и интересным событием.

Участники конференции представили основные результаты научных исследований в области экономических отношений в разных сферах деятельности. Под пристальным вниманием остаются: оценка инвестиционной привлекательности предприятия, разработка инвестиционной стратегии (в том числе в части инновационной деятельности, внедрения информационных технологий, формирования человеческого капитала), система антикризисного управления, управление ресурсами и затратами предприятия, инвестиционными рисками – как факторы экономического равновесия на макро- и микроуровнях.

В поле зрения молодых ученых оказались вопросы **конкурентоспособности** предприятия, продукции, товаров, услуг (Милашенко М. П., Захарова Д. В., Шашкова А. Н.); проблема экономической международной конкурентоспособности национальной банковской системы, ключевые направления повышения её конкурентоспособности (Густенко И. П.); специфика институционального регулирования конкурентоспособности субъектов предпринимательства в экономике, факторы становления и развития конкуренции в Украине (Степаненко В. В.).

Актуальными, как и в прошлом году, остались вопросы **диагностики кризисного** состояния предприятия (Лымарь Д. И.), теории и практики антикризисного управления предприятием (Пастухова Е. А.), исследование внутренних механизмов финансовой стабилизации как инструмента противодействия негативным проявлениям кризиса и минимизации его последствий (Рева Д. А.). Авторы приходят к выводу, что экономическая устойчивость предприятия может быть определена как интегральный показатель, что даст возможность

спрогнозировать наступление кризисных явлений и создавать возможные сценарии развития ситуации.

Значительное внимание в дискуссиях этого года вызвали вопросы исследований различных аспектов **человеческого капитала**. Журавлев С. С. рассматривает человеческий капитал предприятия в контексте инновационного развития. По мнению автора, накопление человеческого капитала имеет место только тогда, когда добавление «новой стоимости» происходит не за счет любых средств предприятия, а за счет той части прибыли, которая получена благодаря функционированию производительного (человеческого) капитала, и которая осталась в распоряжении собственника средств производства.

Согласно выводам Зайцевой А. О., анализ рейтинга регионов Украины по региональным индексам человеческого развития может служить основой для определения ключевых проблем и приоритетных направлений стратегии развития каждого региона.

По мнению Карнаух А. В., развитию инновационной деятельности предприятия способствует участие работников в прибылях, и в современных интеллектуально-насыщенных компаниях работник творческого труда, создающий объекты интеллектуальной собственности, должен получать часть сверхприбыли (интеллектуальную ренту), которую он генерирует.

С позиций взвешенного ценностно-институционального подхода при выборе национальной стратегии развития в условиях нестабильной экономики, необходимо не только сохранение социальных гарантий, но и расширение их масштабов и качественного обогащения (Саленков А. В).

Ряд работ посвящены исследованию: экономических аспектов, которые порождают международную миграцию рабочей силы (Захаров В. С.), «утечки мозгов» – её последствиям для экономики страны (Кашуба А. К.), молодежной безработицы (Сухарская О. В.). Обсуждались также проблемы кадровой политики предприятия в период кризиса (Кочелева Е. Ю.), совершенствования системы оплаты труда на предприятии (Капустянская А. Ю.), необходимости применения материальных и нематериальных форм стимулирования оплаты труда (Огородник А. В.), мотивации персонала, как фактора

повышения эффективности производства (Неупокоева А. А., Олейник Е. А.).

В центре дискуссии оставались проблемы **инвестиционной** деятельности предприятия. Это: обоснование выбора методов оценки эффективности инвестиционных проектов (Коротун Н. Н., Михалев В. В. Тарасова А. П. Чайка С. В., Черепаха М. К., Щетинина Ю. В.); политика формирования инвестиционных ресурсов (Пелехатая Ю. А.); методы оценки рисков инвестиционных проектов (Савоськин В. С., Федорченко Е. В.); инвестиции в инновационную деятельность, в том числе использование открытых инноваций (Хлопова Е. В., Чередниченко К. А., Ильченко А. Е.).

Продолжение дискуссий прошлого года имела тема **ИТ-компаний и ИТ-технологий**. Обозначены основные принципы, общие и специфические показатели формирования парадигмы государственного регулирования ИТ-сектора (Миргородский Д. Ю), необходимость оценки эффективности проектов инвестирования во внедрение информационных систем и дальнейших расходов по их сопровождению методами расчета совокупной стоимости владения информационной системой и рентабельности инвестиций (Ожередова Т. С.).

В дискуссии также прозвучал вопрос комплексного подхода в управлении интеллектуальной собственностью на предприятии и выявления условий его практической реализации как фактора трансформации ресурсов, затраченных на формирование объектов интеллектуальной собственности, в дополнительные доходы предприятия (Ободзинская В. А.).

Новые черты в свете финансовой глобализации приобретает такой аспект проблемы институциональной трансформации экономики, как роль доверия в становлении и развитии финансовых институтов. По утверждению Жуковской Е. В.: «Только значительная степень интернационализации нормы доверия к финансовым институтам позволит им реализовать свои первичные функции в хозяйственной системе» и даст возможность включаться в глобальные процессы мировой экономики.

Интерес у слушателей и активную дискуссию вызвали выступления участников по вопросам анализа логистической системы пред-

приятія, её влияния на рентабельность предприятия (Иванцов И. П.), проблемы определения предприятием метода расчета величины рекламного бюджета (Демьянова Д. Ю.).

По результатам конференции определены и награждены сертификатами ХГУ «НУА» лучшие докладчики: Иванцов И. П., Ильченко А. Е. (ХГУ «НУА»); Демьянова Д. Ю. (ХНЭУ); Пастухова Е. А., Кошелева Е. Ю. (АВВУ); Зайцева А. О., Сухарская О. В., Кашуба А. К. (ХИФ УГУФМТ).

Основные выводы по итогам конференции направлены на разработку рекомендаций относительно принятия обоснованных решений, нацеленных на повышение эффективности функционирования институциональных структур.

И. В. Дубинская

О ПРОВЕДЕНИИ XX РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

В рамках традиционных апрельских Дней науки в ХГУ «НУА» 13 апреля 2013 года состоялась XX Региональная научно-практическая конференция учителей «Роль образования и науки в определении инновационных тенденций современности». Тематика конференции приобрела особое значение в контексте развития современных информационных технологий и обуславливает необходимость дальнейшего поиска современных и инновационных подходов в образовании и преподавании школьных предметов.

В конференции приняли участие более 50 учителей Специализированной экономико-правовой школы. Гостями конференции также стали учителя из школ США Mary Joanne Loecher и Susan Pomasko, которые проходили стажировку в Народной украинской академии, преподаватель Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды канд. пед. наук, доц. Емец А. А. и студенты-магистры, преподаватель Харьковского торгово-экономического института Киевского национального торгово-экономического университета канд. ист. наук, доц. Фомин М. В., директор Купянской гимназии № 1 Чуб С. В., канд. пед. наук, проф. кафедры педагогики и психологии Харьковской гуманитарно-педагогической академии Толмачёва И. Н., директор Черноморской общеобразовательной школы I–III ступеней № 2 Автономной республики Крым Максимова Т. А., учитель начальных классов и английского языка Мерелянской общеобразовательной школы I–III ступеней Войтюк Т. В.

На конференции были представлены доклады и сообщения по всем общеобразовательным предметам, что дало возможность обсудить тенденции развития межпредметных связей на современном этапе преподавания школьных дисциплин.

На пленарном заседании прозвучали приветствия ректора ХГУ «НУА», д-ра ист. наук, проф. Е. В. Астаховой и академика Национальной академии наук Украины, главы Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины, д-ра физ.-мат. наук проф. В. П. Семиноженко, председателя Студенческого научного

общества Народной украинской академии Краснолуцкого В., студентки 3 курса Российского университета дружбы народов Улитиной М., выпускника факультета «Референт-переводчик» Народной украинской академии 2000 г. Бугдура Болкассем и доклада учителя высшей категории, заместителя директора СЭПШ по учебно-методической работе Бондарь Т. И. После пленарного заседания участники продолжили работу на секциях.

Работа первой секции («Интеграционные процессы как фактор развития культурно-образовательной среды учебного заведения инновационного типа») была посвящена обсуждению интеграционных процессов в системе образования. Оживленную дискуссию вызвали доклады учителей Народной украинской академии Бельчиковой Л. Я. и Лымаренко В. А., а также гостей из Крыма, в которых были предложены пути интегрирования школьных предметов (истории и физики) и развитие речевой культуры школьников.

В рамках второй секции («Сайентификация образовательного процесса в начальной школе: проблемы, достижения и перспективы») были сделаны доклады по вопросам сотрудничества семьи и школы, изучения зарубежной литературы на уроках начальной школы и др. Особое внимание привлекли сообщение Назаренко А. А. и доклад Шилкуновой З. И. по вопросам индивидуального развития учащихся и интеграции в начальной школе.

В работе третьей секции («Интеграционные тенденции и инновационные подходы к обучению иностранным языкам в условиях развития мирового образовательного пространства») были рассмотрены вопросы возможности использования интернет ресурсов и дистанционного обучения с помощью технологии skype со школами в США. В работе секции приняли участие учителя и гости из США. Учителя СЭПШ Загревская В. В. и Карачун Л. А. презентовали свои проекты по работе с учениками средней школы.

В целом, стоит отметить, что конференция прошла в рабочей и доброжелательной обстановке. Участники обсудили целый ряд актуальных проблем и теоретико-методологических аспектов преподавания в средней школе, что позволило расширить представления об основных тенденциях развития науки и образования на современном этапе.

Е. В. Астахова (мл.), Д. В. Подлесный

О ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В НУА

В рамках традиционных апрельских Дней науки в ХГУ «НУА» состоялась научно-теоретическая конференция молодых ученых «Роль образования и науки в определении инновационных тенденций современности». Тематика конференции приобретает особое значение в контексте современных социальных трансформаций, в условиях которых знания и информация приобретают статус ведущего средства производства. Последнее обуславливает необходимость дальнейшего переосмысления современной образовательной парадигмы и поиска инновационных подходов в науке и образовании.

В конференции приняли участие более 30-ти молодых преподавателей и аспирантов Народной украинской академии, Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры. Гостями конференции также стали учителя из США Mary Joanne Loecher и Susan Pomasko, которые проходят стажировку в Народной украинской академии. Важно, что на конференции были представлены доклады из области практически всех основных отраслей гуманитарного знания (социологии, психологии, экономики, права, филологии, истории), что обусловило возможность междисциплинарного научного диалога.

После пленарного заседания, на котором прозвучало приветствие ректора ХГУ «НУА», д-ра ист. наук Е. В. Астаховой и доклада заместителя декана факультета «Социальный менеджмент», аспиранта кафедры социологии М. Г. Морозовой (тема: «Роль непрерывного образования в формировании гражданской ответственности современной молодежи»), участники продолжили работу на секциях. Первая секция (Инновационные подходы к анализу современных проблем образования) была посвящена обсуждению современных тенденций развития отечественной системы образования. Оживленную дискуссию вызвали доклады преподавателей Народной украинской академии Н. П. Гоги и Д. В. Подлесного, в которых были предложены

пути решения современных проблем отечественной системы образования с точки зрения психологии и истории. В рамках второй секции (Экономико-правовые аспекты анализа современного общества) был сделан ряд докладов, касающихся различных аспектов экономики и права. Особое внимание участников привлекли доклады канд. экон. наук, председателя Ассоциации молодых ученых ХГУ «НУА» Е. В. Астаховой (мл.) и преподавателя О. В. Иванюченко, которые были посвящены проблемам взаимосвязи образованности граждан с уровнем бедности и борьбе с плагиатом в научной деятельности соответственно. Широкий спектр проблем – от образа женщины-политика до формирования человеческого потенциала организации – был рассмотрен на секции «Социально-психологические векторы осмысления социальных процессов», участие в работе которой приняли аспиранты ХГУ «НУА» и ассистент кафедры философии и политологии Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры А. О. Синицин. Наконец, четвертая секция (Современные филологические научные студии) была посвящена обсуждению инновационных решений в сфере изучения филологических наук. С особым вниманием участники секции отнеслись к докладам канд. филол. наук, доц. А. А. Ивахненко и преподавателя А. В. Дыбиной.

В целом, следует констатировать, что конференция прошла в рабочей и доброжелательной обстановке. Ее участники обсудили целый ряд актуальных проблем в сфере гуманитарного знания, что позволило им пополнить свой теоретико-методологический багаж и расширить представления об основных тенденциях развития науки и образования на современном этапе.

Презентація нових видань



ПРАВОСЛАВНЫЕ КОЛЛЕГИУМЫ УКРАИНЫ: РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДОУНИВЕРСИТЕТСКОГО ПЕРИОДА

Посохова Людмила Юрьевна

На перехресті культур, традицій, епох. Православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. : монографія / Л. Ю. Посохова. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011. – 400 с.

Резко возросший интерес к истории университета, как явления европейской культуры, как идеи имеет под собой целый комплекс причин объективного и субъективного характера. Мир в целом признал: в XXI в. роль образования возросла на столько, что оно превратилось в один из ведущих факторов развития современной цивилизации, обеспечения, – в самом широком понимании, – безопасности государств.

Иными словами, университет оказался в поле зрения многих наук, как явление само по себе совершенно уникальное. Интерес вызывает не только его история и роль сегодня, но и возможные перспективы в обозримом будущем, так как университетский сектор образования должен пройти сложнейший путь в свое «завтра» по тонкой грани между традициями и инновациями.

Так или иначе, но начало нового тысячелетия ознаменовалось в украинской и российской историографии появлением целого ряда интереснейших исследовательских работ, главной заслугой которых, – при всех их различиях, – являлось осязаемое приращение знаний по университетскому вопросу. Уже в 2000–2001 гг., в связи с 275-летием Санкт-Петербургского университета, были опубликованы сразу две заметные работы: Очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. «Единым вдохновением» (Ю. Д. Марголис и Г. А. Тишкин) [1] и материалы по истории Санкт-петербургского университета XVIII в. [2]. Их дополнил сборник работ интереснейшего петербургского историка и социолога, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни, Алексея Маркова (1967–2002), исследовавшего эволюцию университетского образования

и подготовившего монографию (вошедшую в сборник) о петроградских студентах начала XX в. [3].

Затем, несколько лет наблюдалось некоторое затишье, «нарушаемое» статьями московских авторов, в первую очередь, Андреева А. Ю. [4], Вишленковой Е. А. [5], Лаптевой Л. П. [6], Любжина А. И. [7], Хорошиловой Л. Б. [8] и др. И с середины 2000-х – новый виток в изучении университетов, ознаменовавшийся публикацией многочисленных статей [9] и монографий [10].

Интереснейшая историография университетского вопроса, созданная, в основном, силами российских ученых, была дополнена переводами известных зарубежных специалистов, таких как: Билл Ридингс [11], Жан Ле Гофф [12], Хосе Ортега-и-Гассет [13] и др. Все это вместе, плюс открывшиеся возможности получения информации и доступа к материалам, документам, публикациям посредством новых информационных технологий – создали практически уникальные условия для дальнейшего изучения проблемы университета.

В существующую историографию вопроса заметный вклад внесли харьковские историки. В первую очередь Л. И. Бесов [14], С. И. Посохов [15], Л. Ю. Посохова [16], С. Б. Сороган [17]. Интересной в плане изучения истории университетского образования на украинских территориях оказалось докторская диссертация Л. Д. Зеленской и ее монография, посвященная деятельности ученых советов университетов [18]. На общем фоне харьковские историки, что называется, заметны. Их вклад в изучение истории вопроса ощутим и значим.

В ряду работ, которые существенно углубляют изучение комплексной истории университета, особенно доуниверситетского периода, безусловно – исследования доктора исторических наук Людмилы Юрьевны Посоховой, опубликовавшей фундаментальную монографию «На перехресті культур, традицій, епох. Православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.».

Работа посвящена изучению истории православных коллегиумов Украины. В частности – Черниговского, Харьковского и Переяславского. На основе широкой документальной базы проанализированы особенности и характерные черты православного коллегиума, как одного из типов учебных заведений предуниверситетского периода.

Автор предложила свое видение основных этапов эволюции образовательной модели, подробно описала и проанализировала организационные основы, содержательное наполнение учебно-воспитательного процесса. Особый интерес представляет своеобразный коллективный портрет учащихся и преподавателей коллегиумов. Проанализированы так же взаимоотношения коллегиумов с местным сообществом. Значимым, в контексте изучения истории университета, видится описание Л. Ю. Посоховой проявлений культурной амальгамы западноевропейской и восточнославянской традиций.

Для рецензируемого исследования характерен междисциплинарный подход, который сориентирован на использование методологических принципов, выработанных в процессе развития современных направлений исторической науки. Автор широко использовала различные методы исследования, в том числе, что является редкостью для работ исторического плана – компьютерные технологии, позволившие точно обработать и системно препарировать значительный массив источников.

Текст монографии, состоящий из пяти разделов, информативно очень «плотный», нет пустот и общих мест. Практически каждая страница дает интереснейший фактический материал и аналитические выкладки. Автор рассматривает историю православных коллегиумов Украины в широком историческом, социально-экономическом и культурном контексте, что позволяет получить достаточно целостное представление о развитии этой ветви образовательных процессов, предшествующих созданию университетского сектора на украинских территориях. Уже в первом разделе монографии – «Православні колеґіуми України на тлі трансформації освітніх форм у Європі (XVII – перша половина XVIII ст.)» – Людмила Юрьевна четко очерчивает свою авторскую позицию относительно взаимосвязи образовательных процессов, протекающих в Европе и на украинских землях, входящих в изучаемый период, в состав Российской империи.

При массе отличий, особенностей, специфических моментов эти процессы неразрывны, они – часть целого, часть глобальной истории университетского образования.

Монография имеет статус научного издания, предназначенного,

в основном для специалистов. Но читается достаточно легко, как в содержательном, так и в языковом плане. Стиль изложения и формулировки не упрощают и не утяжеляют текст: он понятен и интересен. Думается, что такая «золотая середина», найденная автором, существенно расширяет возможный круг читателей.

Отдельный разговор – приложения к работе. В монографии их около ста страниц и сделаны они профессионально. Список источников, литературы, список сокращений, непосредственно приложения, включающие в себя количественные данные о коллегиях, сводные таблицы, характеризующие преподавательский состав, пояснения к таблицам, показатель имен – все это ощутимо дополняет исследование, воспринимается неотъемлемой частью целого, которая усиливает его научную составляющую.

Книга хорошо, со вкусом издана, снабжена интересными иллюстрациями, подавляющее большинство которых публикуются впервые.

Все это делает монографию тем изданием, которое нельзя пропустить. С точки зрения подходов, содержания, богатейшего фактического материала работа Л. Ю. Посоховой представляет собой весомый вклад в разработку образовательной тематики, особо – истории университетского вопроса.

д-р ист. н., проф. Е. В. Астахова

Список литературы

1. Марголис Ю. Д. «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. / Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. – 228 с.
2. Материалы по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII в. : обзор архив. документов / под ред. Г. А. Тишкина. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2001. – 224 с.
3. Марков А. Р. Что значит быть студентом : работы 1995–2002 гг. / А. Р. Марков. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 264 с.
4. Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начало XIX в. / А. Ю. Андреев. – М., 200. – 312 с.
5. Вишленкова Е. А. Terra Universitatis : два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева. – Казань, 2005. – 500 с.

6. Лаптева Л. П. История российских университетов в XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе / Л. П. Лаптева // Российские университеты в – начале XX века : сб. ст. – Воронеж, 2000. – Вып. 5. – С. 3–22.

7. Любжин А. И. Академические гимназии при Московском университете / А. И. Любжин // Педагогика. – 2002. – № 4. – С. 69–75.

8. Хорошилова Л. Б. Воспитание в Московском университете в первой четверти XIX в. / Л. Б. Хорошилова // Педагогика. – 2000. – № 10. – С. 76–80.

9. Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие / А. Ю. Андреев // Высш. образование в России. – 2005. – № 1. – С. 156–169; Император Александр I, профессор Г. Ф. Паррат и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 19–30; О новом прочтении» истории российских университетов // Высш. школа в России. – 2009. – № 3. – С. 149–159; Н. Кузнецова. О специфике формирования университетского образования в России / Н. Кузнецова // Высш. образование в России. – 2007. – № 6. – С. 120–125.

10. Андреев Ю. А. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы / А. Ю. Андреев. – М. : Росспэн, 2009 – 368 с.; Вишленкова Е. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность / Е. А. Вишленкова, Р. Х. Галлиулина, К. А. Ильина. – М. : Новое лит. Обозрение, 2012. – 656 с.; Иностранцы профессора в российских университетах (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.) : биограф. слов. / под общ. ред. А. Ю. Андреева. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. – 207 с.; Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. / И. П. Кулакова – М. : Изд-во Моск. ун-та. – 2006. – 208 с.; Отечественные университеты в динамике «золотого века» русской культуры / под ред. Е. В. Олексюка. – СПб., 2005. – 347 с. и др.

11. Ридингс Б. Университет в руинах / Билл Ридингс ; пер. с англ. А. М. Корбута ; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М. : Издат. дом. Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 304 с.

12. Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века / Жан Ле Гофф. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургу. гос. ун-та, 2003. – 155 с.

13. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Хосе Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута ; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М. : Изд. дом. Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 144 с.

14. Бесов Л. М.. Наука і техніка в історії суспільства : навч. посіб. / Л. М. Бесов. – Х. : Золоті сторінки, 2011 – 464 с.

15. Посохов С. И. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков : антология : учеб. пособие для вузов / С. И. Посохов ; Герм. ист. ин-т в Москве [и др.] ; сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. – М. : РОССПЭН, 2011. – 52 с.; Актовые речи профессоров – иностранцев Харьковского университета первой четверти XIX в. : трансфер университетской идеи // Вопр. образования. – 2008. – № 3. – С. 240–263; Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопр. образования. – 2006. – № 1. – С. 370–381.

16. Посохова Л. Ю. Харківський колегіум (XVIII – перша половина XX ст.). / Л. Ю. Посохова // Вісник Харк. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Історія, вип. 38. – Х., 2006. – № 728; Коллегиум, как тип ученого заведения: исторические формы университетской идеи в Восточной Европе // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики : материалы науч. конф. – М., 2006.

17. Сорачан С. Б. Манталитет средовекового школяра / С. Б. Сорачан // Universitates. – 2001. – № 2. – С. 71–79; Средневековый школяр: штрихи университетского быта // Universitates. – 2001. – № 2. – С. 62–80; 2002. – № 1. – С. 54–62.

18. Зеленська Л. Д. Учена рада університету: історія, теорія, досвід / Л. Д. Зеленська ; Харк. нац. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Х. : ХНАДУ, 2011. – 480 с.

**О КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ
«ИННОВАЦИОННЫЙ ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ...
(ИЗ МИРОВОГО ОПЫТА СТАНОВЛЕНИЯ
НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)»**

Инновационный поиск продолжается... : из мирового опыта становления непрерывного образования : монография / [авт. кол.: И. Л. Ануфриева, Л. А. Артеменко, В. И. Астахова и др.]; под общ. ред. В. И. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2012. – 240 с.

Завтрашний день человечества определяется в первую очередь возможностями постоянного самосовершенствования и самоутверждения личности. Возможности эти могут быть обеспечены только на основе высококачественного образования, формирующегося путем кардинального обновления всех образовательных систем, создания максимальных условий для получения нужного человеку образования на протяжении всей его жизни. Осознание этого факта поставило перед человечеством множество вопросов, ответы на которые требовались незамедлительно: кого, чему и как будут учить в ближайшем и отдаленном будущем? Кто и как будет дальше обеспечивать формирование интеллектуального потенциала в обществе? Что означает сегодня компетентностный подход к обучению и как добиться его реализации? В каком направлении должно идти радикальное обновление системы ценностных ориентаций и установок в содержании учебного процесса, в обеспечении личностного развития и раскрытия индивидуального потенциала каждого человека?

К сожалению, на эти, как и на многие другие вопросы, сегодня нет однозначных ответов. Задачи, которые жизнь ежедневно и ежечасно ставит перед образованием, не имеют универсальных решений, но идет их интенсивный поиск. Необходимость найти оптимальные ответы на вызовы времени стала осознаваться цивилизованным миром уже в начале 60-х годов минувшего столетия.

Среди назревших реформ, требующих незамедлительного осуществления, международные документы уже тогда особо выделяли такие, как: демократизация, фундаментализация, гуманизация

и гуманитаризация образования; обеспечение высокого уровня естественно-научной, математической и компьютерной грамотности учащихся, осуществление органической связи системы образования с общественными структурами и средствами массовой информации, представляющими важнейшие источники неформального образования граждан; интернационализация образования. Но главной стратегической задачей модернизации образования во всех программных документах последних десятилетий определялась реализация быстрого развития системы непрерывного образования с широким использованием современных педагогических и информационных технологий [1].

В Народной украинской академии над проблемами преемственности в обучении и воспитании, над созданием уникальной модели непрерывного образования начали работать с 1990 года.

Собственно именно в этом заключался главный смысл создания НУА, теоретической и практической деятельности всего коллектива на протяжении всей истории ее существования. И спустя два десятилетия с момента рождения академии, мы пришли к твердому убеждению в том, что не ошиблись в выборе стратегических ориентиров, что сумели найти свой собственный нелегкий, но очень перспективный путь, сказать свое слово и в разработке теоретических проблем, и в решении конкретных задач практического обновления национальной системы образования.

Уже к началу второго десятилетия XXI века НУА начала полномасштабно функционировать как единый учебно-научный комплекс, обеспечивающий обучение, начиная с полутора лет и до групп третьего возраста («50+» и «70+») по единым интегрированным учебным программам и планам, в единой культурно-образовательной среде.

Социальный эксперимент, длящийся более двух десятилетий, завершился созданием оригинальной авторской модели непрерывного образования, дающей достаточно интересные позитивные результаты и получившей высокую оценку и признание как в Украине, так и за рубежом.

Однако для дальнейшего движения вперед необходимо было четко ориентироваться в том, что делают в этом направлении другие, над

чем работают, какие задачи ставят перед собой, каких результатов добиваются. Так родилась идея подготовки данной монографии – собрать, обобщить и проанализировать опыт, имеющийся сегодня в Украине и в других регионах мира. Иными словами, мы попытались дать компаративный анализ международного опыта становления непрерывного образования в современном мире. Подобных попыток в научной литературе пока не предпринималось. Не все, естественно, получилось и у нас, поскольку нет публикаций, нет достаточного эмпирического материала, попросту говоря, не накоплен еще достаточный практический опыт, не получено экспериментальное подтверждение правильности того или другого пути.

Конечно, отдельные, яркие попытки связать воедино различные ступени образования (детский сад – начальная школа, лицеи и гимназии при вузах, различные формы образования взрослых и пр.), обеспечить преемственность, реализовать идею непрерывки как исходный принцип обновления современных образовательных систем имеют место и получают отражение в научных публикациях. Но все это пока лишь отдельные «вкрапления» в традиционную систему образования. Их развитие наталкивается на бесконечные преграды и трудности, что при отсутствии государственной поддержки очень быстро гасит энтузиазм первопроходцев.

И тем не менее преподаватели Народной украинской академии, уже имея за плечами несколько благосклонно принятых научной общественностью книг, статей, материалов конференций по проблемам непрерывного образования, взяли на себя смелость сделать первый шаг.

Изданная в 2012 году монография, авторы которой не только непосредственно участвовали в эксперименте длиной более чем в 20 лет, но и разрабатывали концептуальные основы оригинального учебно-научного комплекса, апробировали уникальные учебные планы и интегрированные программы, участвовали в научных семинарах и дискуссиях, стала практически первой попытка обобщения международного опыта реализации идей «непрерывки».

Работа включает в себя три больших раздела, связанных между собой общей методологией и теоретическим обоснованием выводов.

Первый раздел посвящен теоретико-методологическим основам становления непрерывного образования, раскрытию сущности данного понятия и особенностей его трактовки в современных условиях. Во втором разделе проанализирован опыт, накопленный в последние десятилетия в Украине, в частности опыт Народной украинской академии, на протяжении многих лет функционирующей как завершенный модуль «непрерывки».

В третьем разделе, подготовленном преимущественно на основе зарубежных источников, раскрыты общие тенденции развития непрерывного образования в мировых образовательных практиках, проанализированы особенности этого процесса в России, Казахстане и Узбекистане, в странах ЕС и США. Монография снабжена широкой библиографией по проблеме непрерывного образования и специально для нее разработанным глоссарием. Авторы рассматривают проделанную работу лишь как первый шаг в деле изучения международного опыта реализации стержневой идеи преобразования современных образовательных систем. Исследования в этом направлении будут продолжены, как и эксперимент, который осуществляется в Народной украинской академии. Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кому не безразличны перспективы обучения будущих поколений.

Литература

1. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры : принята на Всемирной конференции ЮНЕСКО. Париж, 5–6 октября 1998 г. // *Alma mater*. – 1999 – № 3. – С. 29–35.

В. И. Астахова

ОТКРЫВАЯ НОВЫЕ ГРАНИ ВИЗУАЛИСТИКИ

**(рецензия на монографию канд. филос. наук,
доц. Батаевой Е. В. «Видимое общество. Введение
в социальную визуалистику»)**

Монография посвящена проблеме визуализации современного общества, которая становится достаточно актуальной в современной социальной теории. Свидетельством актуальности этой темы является появление таких новых дисциплин, как визуальная социология, визуальная антропология, компьютерная визуалистика. Батаева Е. В. в своей монографии попыталась развить некоторые темы современной визуальной теории, которые до сих пор не получили глубокой концептуальной разработки. Речь идет о теории медиа-образа, разработке которой посвящен второй раздел рецензируемой монографии. Концепцию медиа-образа автор развивает в контексте социальной иконографии, которую она отличает от визуальной семиотики. В то же самое время автор монографии пытается провести некоторые параллели между социально-иконографическим и постсемиотическим подходами, которых объединяет общий интерес к синтетическому феномену образа-текста. Батаевой Е. В. удалось обосновать концептуальную оригинальность проекта социальной иконографии и доказать ее независимость от визуальной семиотики.

Заслуживает высокой оценки междисциплинарный подход к поставленной проблеме, который использовала автор в своем исследовании. Так, разрабатывая теорию медиа-визуальности, она использовала не только философские, но и социологические методы аналитики. В частности, проведено два социологических исследования, используя метод контент-анализа, в которых изучалась проблема гендерной визуальности современной рекламы, а также проблематика женской геронтологии. С помощью результатов этих исследований Батаева Е. В. сумела продемонстрировать эвристическую ценность представленной в монографии теории медиа-образа, которую вполне можно применять на практике. Можно согласиться с автором монографии, что наряду с общей геронтологией имеет смысл

развивать теории женской и мужской геронтологии, которые обладают своей спецификой: действительно, в современном обществе женщинам и мужчинам внушаются различные установки относительно процессов старения; они используют различные практики сопротивления старости.

Во втором разделе монографии представлена теория Интернет-визуальности, которую Батаева Е. В. рассмотрела в контексте феноменологии, этнометодологии, семиотики, герменевтики. Если в контексте феноменологической парадигмы проблема визуальности рассматривается в двух аналитических ракурсах (во-первых, сам феноменологический подход является «визуальным», поскольку именно «рассмотрение» или «рассматривание» ноэмы (интенциональной предметности) конкретного явления составляет его суть; во-вторых, само киберкоммуницирование анализируется в феноменологии как интеллектуально-зримый процесс), то в контексте этнометодологического и интеракционистского подходов визуализация киберкоммуникации осуществляется в процессе театрализованного проигрывания киберакторами кодов виртуального общения. Следует отметить, что проведенное Батаевой Е. В. исследование киберкоммуницирования, является новаторским; с помощью проведения авторских исследований он-лайн автор работы сумела выявить некоторые новые характеристики Интернет-общения.

Следует отметить, что монография написана на высоком теоретическом уровне. Автор не только глубоко проработала большое количество современных концепций по выбранной проблематике, но и представила оригинальные авторские концепции медиа-визуальности.

В. Ф. Сухина

СУЧАСНІ ДОСЛІДЖЕННЯ УПРАВЛІНСЬКИХ ТЕХНОЛОГІЙ

(рецензія на колективну монографію
«Управління персоналом у ракурсі сучасних
соціальних трансформацій»
під заг. редакцією проф. Михайльової К. Г.)

Монографія присвячена дослідженню актуальної проблематики, що характеризується системними кризовими явищами в загальних процесах управління в сучасних організаціях України. В таких умовах ефективність функціонування організацій будь-яких спрямованості та форми власності, насамперед залежить від вирішення завдань, пов'язаних з процесами управління персоналом. Саме використання методологічних і емпіричних засад загальної системи управління персоналом спрямовані на підтримку існуючих процесів, залежних від соціального середовища, що склалося між агентами ринкової системи в Україні. Така кризова соціальна реальність детермінує глибоке та систематичне вивчення й аналіз існуючих практик управління персоналом. Зокрема, це стосується технологій адаптації, професійного навчання, мотивації, оцінки, скорочення персоналу тощо.

Структурно монографія складається з трьох розділів, класичним чином пов'язаних між собою. Авторам вдалося об'єднати структурованість методологічної наукової праці й змістовні методико-емпіричні дані проведених соціологічних досліджень. Також великою перевагою роботи є й те, що в ній багато наведено життєвих прикладів з управління персоналом на існуючих підприємствах.

У першому розділі монографії автори аналізують методологічні основи процесів управління персоналом. Глибоко та під кутом різних теоретичних концепцій соціологічного знання здійснено аналіз понять «персонал», «людські ресурси», «трудові ресурси» «кадри», «людський капітал». Детально розглянуто еволюціонізм теорій управління персоналом як західних так і вітчизняних. Також з точки зору сучасної ринкової системи дуже доречним є розгляд персоналу як чинника виробництва в системі координат, персонал як ресурс і персонал як витрати.

Окремої уваги заслуговує другий розділ «Світовий досвід управління персоналом». Авторам вдалося одночасно поєднати змістовний монографічний аналіз складових процесу управління персоналом у основних світових бізнес-моделях, а саме в японському, американському, європейському менеджменті з емпіричним виміром минулого й теперішнього вітчизняного досвіду управління персоналом. У монографії надано аналіз кадрової політики, принципів формування персоналом, умов прийняття робітників та звільнення їх з роботи, професійного навчання персоналу, підвищення і працівників та їх перекваліфікації, оцінки результатів діяльності персоналу, формування корпоративної культури, оплати праці, мотивації персоналу тощо.

Безумовно, позитивні та гідні відгуки викликає третій розділ монографії, що містить у собі глибокий аналіз розвитку діяльності з управління персоналом в Україні в якості історичного екскурсу, в якому наведено як недоліки, так і переваги вітчизняного шляху становлення науки та діяльності управління людськими ресурсами. Також у цьому розділі автори здійснили аналіз практичних даних управління персоналом на сучасному етапі розвитку українського суспільства.

Необхідно зазначити високу якість проведених соціологічних досліджень, які лягли в основу монографії. Дослідження за участю авторів носять системний, методологічно обґрунтований, та практично орієнтований характер, що безумовно являє собою перевагу всієї роботи з точки зору технологізації процесів управління персоналом.

Не зайвим відображенням якості монографії є й послідовна позиція авторів щодо вивчення проблематики управління персоналом у організаціях України протягом останніх десяти років, що дає можливість методологічного трактування сучасних парадигм управління персоналом.

Сподіваємось, що монографія буде корисною для всіх тих, хто в більшому чи меншому ступені торкається сфери управління.

Л. М. Хиженяк

СБОРНИК ТРУДОВ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НУА

Образование является важнейшим основанием и свидетельством уровня развития экономики, политики, духовности, культуры, нравственности как наиболее общий, интегральный показатель развития любого общества. Не зря говорят: каков уровень образования, такова и страна, ее граждане. Высокое качество образования по праву считается фундаментом, на котором строится благополучие человека, успешная карьера.

Важной задачей образования помимо передачи знаний и умений является также формирование личности профессионала, широко эрудированного и способного самостоятельно решать научно-исследовательские задачи. И первым шагом к серьезной научной работе является магистерская подготовка – отражающая, прежде всего, образовательный уровень выпускника высшего учебного заведения и свидетельствующая о наличии у него умений и навыков начинающего научного работника.

Ежегодное издание «Збірник праць молодих учених Народної української академії» содержит результаты научных исследований молодых учёных в области экономики, социологии, филологии. В своих научных публикациях магистры рассматривают ряд актуальных вопросов и проблем касающихся инновационного развития, формирования антикризисных стратегии предприятия, мотивации персонала, обсуждения проблем и дальнейших перспектив в данной сфере.

Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел посвящён проблемам, как внешнеэкономической деятельности, так и диагностики потенциала финансово-экономического равновесия предприятий, исследования макроэкономического риска, конкурентоспособности и формирование антикризисной стратегии развития предприятия.

Второй раздел «Филология» содержит статьи о современных вопросах лингвистики и межкультурной коммуникации; раскрывает разные интересы научного направления магистров. Среди них и особенности перевода узкой специализации (банковская, таможен-

ная терминология и др.), структуры лингвокультурных типажей, исследование разнообразных жанров литературы.

В третьем разделе – «Социология» рассматриваются проблемы мотивации персонала, формирование идеальной команды, методы оценки эффективности персонала и проблемы управления персоналом в общем. Статьи данного раздела касаются всех сфер жизнедеятельности общества: образования, конфликтов среди студентов, здорового образа жизни студентов и гендерной дискриминации на рынке труда.

Опубликованные материалы позволяют судить о новизне и значимости проведенных научных исследований магистров и дают представление об их взглядах на социально-экономические процессы в обществе. Уже сейчас можно с полной уверенностью порадоваться за некоторых магистров, решивших продолжить свою научно-исследовательскую работу в роли аспиранта. Книга будет полезна, в первую очередь, молодым ученым, студентам и аспирантам гуманитарных специальностей, а также широкому кругу научной общественности.

О. Ю. Гредасова

Слово пам'яті



**ПАМ'ЯТІ ВАЛЕРІЯ ОЛЕКСАНДРОВИЧА
ПОДМІНОГІНА (1956–2012)**



16 вересня цього року, після нетривалої хвороби, у розквіті творчих сил передчасно пішов із життя відомий історик і теоретик перекладу, перекладач з німецької мови, фахівець у галузі граматики германських мов, кандидат філологічних наук, професор кафедри теорії та практики перекладу Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» Валерій Олександрович Подміногін.

Валерій Подміногін народився 18 квітня 1956 р. у місті Харкові в сім'ї військовослужбовця. У 1973–1978 роках навчався на перекладацькому відділенні факультету іноземних мов Харківського державного університету імені О. М. Горького (спеціалізуючись із німецької та англійської мов), який закінчив із відзнакою. Тоді ж стажувався на відділенні спеціальної мовної підготовки Йенського

університету імені Фрідріха Шиллера в НДР. У 1980–1983 рр. навчався в аспірантурі Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка при кафедрі німецької філології. У 1984 році під керівництвом доц. Совгири А. Г. захистив кандидатську дисертацію на тему «Перфектні форми в парадигмі модальних дієслів сучасної німецької мови». У 1978–1988 роках працював викладачем, старшим викладачем, доцентом кафедри німецької філології факультету іноземних мов Харківського університету. У 1988–1994 роках очолював кафедру німецької та французької мов там же, в цей же період викладав практику перекладу в Університеті імені Фрідріха-Александра в Ерлангені та Нюрнберзі (Німеччина), а у 1995–1998 роках був помічником голови правління АТ «Барвінок» з питань зовнішньоекономічної співпраці. З 1998 року Валерій Подміногін працював у Харківському гуманітарному університеті «Народна українська академія», спочатку як професор кафедри німецької філології та перекладу, з 2005 року як її завідувач, а з 2006 року очолював новостворену кафедру теорії та практики перекладу. Читав курси «Теорія та практика перекладу з німецької мови», «Порівняльна граматики німецької та української мов», «Університетська освіта» та інші.

Коло наукових зацікавлень і талантів Валерія Олександровича – вельми розмаїте. На початку наукової діяльності він займався питаннями темпоральної парадигми сучасної німецької мови й проблемами морфологічної варіативності, а останні десять років досліджував питання теорії перекладу. Поділяючи позицію Антуана Бермана, що «найневідкладнішим завданням істинно сучасної теорії перекладу» є системний та добре структурований виклад історії перекладу, Валерій Подміногін основні зусилля спрямував на світову історію перекладу: від найдавніших згадок про переклад (статті «Найдавніші згадки про переклад», «Юдейська традиція перекладу», «Історія перекладу та перекладацької думки у Стародавньому Римі», «Витоки Західного перекладознавства: Ієронім Стридонський», «Переклад та поширення знань: на прикладі середньовічного латинського перекладу», «Історія перекладу та думок про переклад у середньовічній Англії (давньоанглійський період)», «Історія перекладу та перекладацької думки в Англії (ранній середньоанглій-

ській період)», «Історія перекладу та перекладацької думки в Англії XIV ст.», «Від перекладачів: Мартін Лютер “Послання про переклад”») до концепції перекладу доби романтизму. Остання тема Валерію Олександровичу, як випускникові Йєнського університету, де й склалася класична концепція романтизму, була особливо близькою, і він їй присвятив чимало розвідок (зокрема, «Трактат Фрідріха Шлесермахера „Про різні методи перекладу” («Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens») та його значення для сучасного перекладознавства», «Питання форми перекладу у німецьких романтиків та пост-романтиків», «Есе „Місія перекладача” Вальтера Беньяміна про перекладність та „чисту мову” на тлі німецької перекладознавчої традиції» та «Дихотомія перекладацьких стратегій очуження та одомашнення в історії європейського перекладу». Кілька публікацій Валерія Олександровича було присвячено загальним питанням історії перекладу (статті «Історія перекладу: предмет, проблеми та сучасний стан», «Історичні коріння перекладності», «Григорій Кочур та історія української перекладацької традиції: питання періодизації», «Історична роль перекладу у становленні національних мов»). Останнім часом його цікавила тема «Перекладачі – творці писемностей».

Перекладознавство Валерій Подміногін розглядав як герменевтичну дисципліну, тобто таку, що вирішує завдання, які переважно поступають не ззовні, від суспільства, а із середини самої дисципліни, що вважаються цікавими для науки заради самої науки. Як у дослідженні будь-якого наукового предмета, у вивченні перекладу головним завданням має бути його виокремлення з числа схожих явищ та видів діяльності, адже вивчення історії перекладу свідчить про те, що контури поняття «переклад» досі чітко не окреслені, досі залишається належно недослідженим те, як співвідноситься переклад із спорідненими явищами – переспівом, наслідуванням, адаптацією тощо. Саме на ці явища та на такі феномени як явища само-перекладу та псевдо-перекладу на які донедавна перекладознавці звертали надто мало уваги й історія яких є суцільною «білою плямою», Валерій Олександрович звертав особливу увагу (статті «Переклад vs адаптація», «Переклад: категорія класична, прототип чи кластер?», «Псевдо- та само-переклад як області дослідження в історії перекладу»).

Як людина стратегічного мислення, Валерій Олександрович вважав, що плідні дискусії з питань теорії перекладу, як і успішне навчання фаху, неможливі без запровадження до вітчизняного вжитку класичних перекладознавчих текстів. Перекладу таких текстів, приміткам до них та їхньому тлумаченню він приділяв першочергову увагу. Серед найважливіших його українських перекладів у цій царині слід назвати наступні: Ієронім Стридонський. «Лист 57 до Паммахія про найкращий спосіб перекладу» (переклад з латини); Мартін Лютер «Послання про переклад»; Ф. Шлейєрмахер «Про різні методи перекладу» («Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens»); Вальтер Беньямін «Завдання перекладача» («Die Aufgabe des Übersetzers»); Єпіфаній Премудрий «Слово про життя і вчення святого отця нашого Стефана, єпископа Пермського». Немало Валерій Олександрович зробив і для підготовки до друку збірки вибраних праць Олександра Фінкеля.

Валерій Подміногін є автором низки навчальних посібників для студентів вищих навчальних закладів, серед яких слід відзначити «Історію перекладу та думок про переклад у текстах та коментарях. Ч. 1: Загальні питання. Стародавні часи» (2005 рік) та «Історію перекладу та думок про переклад у текстах та коментарях. Ч. 2: Пізня античність. Перекладачі – творці писемностей» (у друці). Разом з відомими німецькими науковцями Г. Коллером і М. Ніпель професор Подміногін написав «Підручник німецької мови для початківців», який було у 1993 році видано у Франкфурті-на-Майні.

Як політик перекладу Валерій Олександрович справедливо вважав, що стримуючим чинником розвитку перекладознавства в Україні є відсутність власних каналів комунікацій в цій новій дисципліні. Він доклав чималих зусиль до створення єдиного в Україні періодичного перекладацького та перекладознавчого видання – альманаху «Протей», де був заступником голови редакційної колегії.

Валерій Олександрович був чуйною людиною, доброзичливим та глибоким рецензентом (прикладом такої рецензії може бути його рецензія «З хистом і не без глузду» на перший випуск нового перекладацького альманаху «Хист і Глузд: теорія і практика перекладу»).

Професору Подміногіну властива була дуже м'яка слобожанська делікатність – він і в науці цурався занадто категоричних суджень.

Валерій Олександрович надзвичайно добре володів німецькою мовою, знав шведську, англійську й голландську і тому часто виступав як перекладач конференцій. Валерій Подміногін був талановитим перекладачем художньої літератури з німецької мови. Так, широко відомим є його переклад російською мовою збірки оповідань чільного сучасного німецького письменника Бернхарда Шлінка «Інший чоловік».

Валерій Олександрович був надзвичайно ерудованою, освіченою, порядною людиною. Він був відданим своїй справі, чесним перед собою та іншими.

Світла пам'ять про В.О. Подміногіна назавжди залишиться в серцях колег і учнів.

Бакуменко В. П., Гусєва П. Т., Івахненко А. О., Ільченко В. В., Змієва І. В., Кальниченко О. А., Коломієць Л. В., Кривенко В. П., Мащенко С. Г., Оржицький І. О., Радчук В. Д., Черноватий Л. М., Чучко Ю. К., Білоус О. М., Стасюк Б. В., Донець П. М., Бідна Т. О., Шевченко І. С.

Список основних наукових праць з перекладознавства В. О. Подміногіна

1. Історія перекладу та думок про переклад у текстах та коментарях : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. Ч. 1: Загальні питання. Стародавні часи / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін – Х. : Вид-во НУА, 2005. – 132 с. – з грифом Міністерства освіти та науки – лист № 14/18.2–2353 від 26. 10. 05.
2. Трактат Фрідріха Шлейєрмахера «Про різні методи перекладу» («Über dieverschiedenen methoden des ubersetzens») та його значення для сучасного перекладознавства / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вчені записки ХГУ «НУА». Т. VIII. – 2002. – С. 503–533.
3. Есе «Місія перекладача» Вальтера Беньяміна про перекладність та «чисту мову» на тлі німецької перекладознавчої традиції / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Сум. держ. ун-ту. – 2004. – № 3 (62). – С. 177–183.

4. Переклад vs адаптація / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – № 636. – С. 201–205.
5. Історія перекладу: предмет, проблеми та сучасний стан / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2003. – № 611. – С. 10–14.
6. Історичні коріння перекладності / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2005. – № 649. – С. 174–179.
7. Історична роль перекладу у становленні національних мов / В. О. Подміногін, О. А. Кальниченко // Вісн. Житомир. держ. ун-ту. – 2005. – № 23. – С. 29–33.
8. Історія перекладу та перекладацької думки у Стародавньому Римі / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вчені записки ХГУ «НУА». Том XI. – 2005. – С. 244–266.
9. Найдавніші згадки про переклад / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Сум. держ. ун-ту. Сер. філол. науки : зб. наук. пр. – 2005. – № 5. – С. 149–159.
10. Історія перекладу та думок про переклад у середньовічній Англії (давньоанглійський період) / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Романо-герм. філол. – X., 2006. – № 725. – Вип. 48. – С. 165–172.
11. Історія перекладу та перекладацької думки в Англії (ранній середньоанглійській переклад) / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Житомир. держ. ун-ту ім. Івана Франка. – Житомир, 2006. – Вип. 27. – С. 50–54.
12. Юдейська традиція перекладу / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2006. – Т. 12. – С. 563–590.
13. Роль перекладачів, перекладів та процесу перекладу у становленні національних мов / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Протей : переклад. альм. / Нар. укр. акад. Каф. теорії та практики перекл. – X., 2006. – Вип. 1. – С. 339–348.
14. Питання форми перекладу у німецьких романтиків та постромантиків / В. О. Подміногін, О. А. Кальниченко // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – X., 2006. – № 741. – С. 191–194.
15. Витоки західного перекладознавства: Ієронім Стридонський / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – X., 2007. – Т. 13, кн. 2: Проблеми економіки та філології. – С. 131–150.
16. Переклад та поширення знань: на прикладі середньовічного латинського перекладу / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Житомир.

держ. ун-ту ім. Івана Франка / Житомир. держ. ун-т ім. Івана Франка. – Житомир : Вид-во Житомир. держ. ун-ту ім. Івана Франка, 2007. – Вип. 32. – С. 145–150.

17. Олександр Фінкель: забутий теоретик українського перекладознавства : [зб. вибр. пр.] / Л. М. Черноватий, В. І. Карабан, В. О. Подміногін, О. А. Кальниченко, В. Д. Радчук. – Вінниця : Нова Кн., 2007. – 438 с.

18. Переклад: категорія класична, прототип чи кластер? / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Наукові записки Кіровоград. держ. пед. ун-ту. Серія: Філологічні науки. – 2008. – Вип. 75 (5). – С. 14–19.

19. Псевдо- та само-переклад як області дослідження в історії перекладу / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Соціокультурні та етнолінгвістичні проблеми галузевого перекладу в парадигмі Євроінтеграції. – К. : Нац. авіац. ун-т, 2008. – С. 62–64.

20. Історія перекладу та перекладацької думки в Англії XIV ст. / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Вісн. Житомир. держ. ун-ту ім. Івана Франка. – Житомир, 2008. – № 42. – С. 172–180.

21. Григорій Кочур та історія української перекладацької традиції: питання періодизації / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Творчість Григорія Кочура у контексті української культури ХХІ віку: до 100-річчя від дня народження Майстра : матеріали ІV Міжнар. наук. конф. (Львів 15–17 листоп. 2008 р.). – Львів : Вид-во ЛНУ ім. Івана Франка, 2009. – С. 98–105.

22. Ієронім Стридонський Лист 57. До Паммахія про найкращий спосіб перекладу. СЛОВО ВІД перекладача / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Протей : переклад. альм. / Вип. 2 – X. : Вид-во НУА, 2009. – С. 219–228.

23. ПРИМІТКИ до Ієронім Стридонський Лист 57. До Паммахія про найкращий спосіб перекладу / О. А. Кальниченко, В. О. Подміногін // Протей : переклад. альм. / Вип. 2 – X. : Вид-во НУА, 2009. – С. 237–241.

24. Від перекладачів: Мартін Лютер Послання про переклад / В. О. Подміногін, О. А. Кальниченко // Протей : переклад. альм. / Вип. 2 – X. : Вид-во НУА, 2009. – С. 241–244.

25. Примітки: Мартін Лютер Послання про переклад / В. О. Подміногін, О. А. Кальниченко // Протей : переклад. альм. / Вип. 2 – X. : Вид-во НУА, 2009. – С. 255.

26. Дихотомія перекладацьких стратегій очуження та одомашнення в історії європейського перекладу / В. О. Подміногін, А. Якимчук // Наукові зап. Кіровоград. держ. пед. ун-ту. Серія: Філологічні науки. – 2010. – Вип. 89 (1). – С. 98–102.

27. З хистом і не без глузду [рец. на Хист і Глузд: теорія і практика перекладу. Перекладацький альманах. Вип. 1. – X. : Акта, 2011. – 390 с. [Редкол. : Олександр Кальниченко, Лада Коломієць, Ігор Оржицький, Максим Стріха] / З. В. Зарубіна, В.О. Подміногін // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – X., 2012. – № 1002. – С. 170–177.

Колеги

Відомості про авторів



АСТАХОВА Катерина Вікторівна
доктор історичних наук, професор, ректор Харківського
гуманітарного університету «Народна українська академія»
(ХГУ «НУА»)

АСТАХОВА Валентина Іларіонівна
доктор історичних наук, професор, радник ректора ХГУ «НУА»

АНДРЕЄВА Світлана Юріївна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»

АНУФРІЄВА Ірина Леонідівна
старший викладач кафедри германської та романської філології
ХГУ «НУА»

АРТЕМЕНКО Людмила Олександрівна
завідувач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

АСТАХОВ Віктор Вікторович
кандидат юридичних наук, доцент,
професор кафедри економічної теорії та права,
декан факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

АСТАХОВА Катерина Вікторівна (мол.)
кандидат економічних наук, доцент кафедри економічної теорії
та права ХГУ «НУА»

БАБАК Катерина Миколаївна
викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

БАННІКОВА Катерина Борисівна
аспірантка кафедри соціології ХГУ «НУА»

БАСМАНОВА Оксана Євгенівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

БУБЛИК Іраїда Федорівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики
перекладу ХГУ «НУА»

ГАЙКОВ Анатолій Опанасович
кандидат історичних наук, доцент,
професор кафедри філософії і гуманітарних дисциплін,
проректор з навчально-методичної роботи ХГУ «НУА»

ГРЕДАСОВА Ольга Юріївна
завідувач науково-дослідного відділу ХГУ «НУА»

ГРИГОР'ЄВА Марина Олександрівна
студентка V курсу факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

ДЕНИСОВА Світлана Василівна
старший викладач кафедри українознавства ХГУ «НУА»

ДЖАНДОЄВА Поліна Володимирівна
кандидат філологічних наук, професор кафедри германської
та романської філології ХГУ «НУА»

ДУБИНСЬКА Ірина Вікторівна
заступник директора з науково-методичної роботи,
вчитель англійської мови
Спеціалізованої економіко-правової школи ХГУ «НУА»

ДУРАНДІНА Оксана Вячеславівна
викладач кафедри економіки підприємства,
зав. практикою лабораторії планування кар'єри ХГУ «НУА»

ЗВЕРКО Тамара Василівна
кандидат соціологічних наук, доцент,
декан факультету «Соціальний менеджмент» ХГУ «НУА»

ІВАНІЧЕНКО В'ячеслав Валерійович
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ІВАНОВА Ольга Анатоліївна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ІВАНЮЧЕНКО Ольга Володимирівна
викладач кафедри економічної теорії та права ХГУ «НУА»

ІВАХНЕНКО Антоніна Олександрівна
кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії і практики
перекладу ХГУ «НУА»

ІЛЬЧЕНКО Валерія Віталіївна
завідувач кафедри теорії і практики перекладу ХГУ «НУА»

КАРНАУХ Олександра Володимирівна
аспірантка кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»,
фахівець з планування та ефективності виробництва
ПАТ «САН ІнБев Україна»

КАРПЕНКО Олена Валентинівна
старший викладач кафедри германської та романської філології
ХГУ «НУА»

КОЗИРЕНКО Віктор Петрович
кандидат технічних наук, доцент, проректор з інформаційних
технологій ХГУ «НУА»

КОРНІЄНКО Віра Миколаївна
кандидат історичних наук, доцент,
декан факультету заочно-дистанційного навчання ХГУ «НУА»

КРЕЧЕТОВА Віра Альбертівна
асистент кафедри комп'ютерних систем моніторингу
Донецького національного технічного університету

МЕРКУЛОВА Тетяна Костянтинівна
доцент кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

МИКОЛЕНКО Олена Петрівна
аспірантка кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

МИХАЙЛІОВА Катерина Геннадіївна
доктор соціологічних наук, професор,
проректор з науково-дослідної роботи ХГУ «НУА»

МІТІНА Ганна Миколаївна
менеджер по персоналу ТОВ СОМ-Індустрія

МОІСЕЄНКО Олена Миколаївна
аспірантка кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

МОРОЗОВА Марія Геннадіївна
аспірантка кафедри соціології,
заступник декана факультету «Соціальний менеджмент»
ХГУ «НУА»

МОТОРНЮК Тетяна Миколаївна
кандидат політичних наук, доцент кафедри англійської мови
Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

НАЗАРКО Ольга Іванівна
кандидат соціологічних наук, викладач кафедри соціології
ХГУ «НУА»

НЕДОГОНОВ Дмитро Володимирович
кандидат соціологічних наук, викладач кафедри соціології
ХГУ «НУА»

НЕЧИТАЙЛО Ірина Сергіївна
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології
ХГУ «НУА»

НЄДОВ Пантелей Петрович
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ПАВЛЕНКО Володимир Олексійович
пошукач кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

ПАНЧЕНКО Дмитро Ігорович
кандидат філологічних наук,
декан факультету «Референт-перекладач» ХГУ «НУА»

ПЕЛІХОВ Євген Федорович
кандидат економічних наук, професор кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ПІДЛІСНИЙ Дмитро Вадимович
кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії
та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОДОЛЬСЬКА Єлизавета Ананіївна
доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри філософії
та гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ПОЛІНА Валентина Сергіївна
доцент загальноакадемічної кафедри англійської мови ХГУ «НУА»

ПОМАЗАН Ігор Олександрович
кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри
українознавства ХГУ «НУА»

ПОТАПОВА Жанна Євгенівна
кандидат філологічних наук, доцент, професор кафедри
германської та романської філології ХГУ «НУА»

РЕШЕТНЯК Олена Іванівна
кандидат економічних наук, доцент,
проректор з науково-методичної роботи ХГУ «НУА»

РИЖЧЕНКО Ольга Сергіївна
кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри
германської та романської філології ХГУ «НУА»

САЛЕНКОВ Антон Володимирович
пошукач кафедри економічної теорії і економічних методів
управління Харківського національного університету
ім. В. Н. Каразіна

СВИЩОВА Євгенія Віталіївна
кандидат фізико-математичних наук, доцент кафедри
інформаційних технологій і математики ХГУ «НУА»

СИТНИКОВА Поліна Едуардівна
кандидат технічних наук, доцент, завідувач кафедри інформаційних
технологій і математики ХГУ «НУА»

СІМЕЙКО Ганна Вікторівна
аспірантка кафедри економічної теорії та права ХГУ «НУА»

СМОЛЯНКІНА Світлана Володимирівна
викладач кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

СОБКО Лілія Володимирівна
доцент кафедри економіки підприємства ХГУ «НУА»

СТЕПКО Михайло Филімонович
член-кореспондент НАПН України,
кандидат фізико-математичних наук, професор,
директор Інституту вищої освіти НАПН України

СТРОКОВИЧ Ганна Віталіївна
кандидат економічних наук, доцент, завідувач кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

СУХІНА Валентина Феофанівна
доктор філософських наук, професор кафедри філософії та
гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ТАРАСЕНКО Ірина Валеріївна
кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та
гуманітарних дисциплін ХГУ «НУА»

ТАРАСОВА Олена Владиславівна
кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри іноземних
мов Міжнародного Соломонова університету

ТИМОХОВА Галина Борисівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВ Ігор Владиславович
кандидат економічних наук,
професор кафедри економічної теорії та права ХГУ «НУА»

ТИМОШЕНКОВА Тамара Михайлівна
кандидат філологічних наук, професор, завідувач кафедри
германської та романської філології ХГУ «НУА»

ТОПЧІЙ Тетяна Василівна
кандидат соціологічних наук,
доцент кафедри соціології ХГУ «НУА»

ФЕДОРЧЕНКО Олена Валентинівна
студентка VI курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ХИЖНЯК Лариса Михайлівна
доктор соціологічних наук, професор кафедри прикладної соціології
Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

ХІЛЬКОВСЬКА Ася Олександрівна
викладач загальноакадемічної кафедри англійської мови
ХГУ «НУА»

ХЛОПОВА Олена Володимирівна
студентка III курсу факультету «Бізнес-управління» ХГУ «НУА»

ЦИБУЛЬСЬКА Елеонора Іванівна
кандидат економічних наук, доцент кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЧИБІСОВА Наталія Григорівна
кандидат філософських наук, доцент, проректор з гуманітарної
освіти і виховання ХГУ «НУА»

ЯРЕМЕНКО Олег Леонідович
доктор економічних наук, професор кафедри економіки
підприємства ХГУ «НУА»

ЯРІЗ Євген Михайлович
доцент кафедри германської та романської філології ХГУ «НУА»

ЗМІСТ

Предисловие	3
Актуальні проблеми розвитку освіти: історичні, філософські, економічні, правові й соціальні аспекти	5
<i>Степко М. Ф.</i> Місія вищої освіти в сучасному суспільстві: інноваційний розвиток через диверсифікацію типів навчальних закладів і програм навчання	7
<i>Астахова В. И.</i> Академическая культура как фундамент формирования современного специалиста	21
<i>Астахова Е. В.</i> Современный студент: риски адаптации к условиям непрерывного образования	40
<i>Тимошенко І. В.</i> Роль інтересів акторів освіти в реформуванні національної освітньої системи	49
<i>Топчий Т. В.</i> Непрерывное образование как ответ на вызовы современности	57
<i>Подольская Е. А.</i> Гуманитарные технологии: методологические основания, сущность и цели	64
<i>Михайльова К. Г., Назарко О. І.</i> Якість підготовки фахівця в сучасному педагогічному вищому навчальному закладі: кейс України	71
<i>Кречетова В. А.</i> Деякі результати дослідження громадянської ідентичності студентів	84
<i>Чибисова Н. Г.</i> Студенческий трудовой отряд как одна из важнейших форм становления личности студента	91
<i>Козыренко В. П.</i> Состояние и перспективы развития информационного обеспечения учебно-воспитательного процесса академии	99
<i>Нечитайло И. С.</i> Педагогический дискурс как объект социологического исследования: цели, методы, перспективы	106

<i>Меркулова Т. К.</i> Использование социальных интернет-сетей для повышения мотивации и развития коммуникативной компетенции студентов	115
<i>Полина В. С.</i> Пути стимулирования автономии учащихся в учебном процессе	122
<i>Хильковская А. А.</i> Формирование автономии у студента, не готового к автономии и студентоцентричным методам	131
<i>Tarasova Ye. V.</i> A Contrasting Overview of Foreign Language Teaching Methodologies in Ukraine and the USA	138
<i>Яриз Е. М.</i> Использование метода языкового погружения в реализации стратегической цели обучения иностранным языкам в контексте современной парадигмы образования	147
<i>Моторнюк Т. М.</i> Політичний дискурс як умова формування іншомовної компетентності у студентів ВНЗ (на прикладі англійської мови)	153
<i>Артеменко Л. А.</i> Формирование иноязычной компетентности в процессе обучения профессионально ориентированному чтению	160
<i>Ануфриева И. Л.</i> Формирование социокультурных компетенций студентов-филологов (на примере преподавания курса «Лингвострановедение Франции»)	170
<i>Смолянкина С. В.</i> Грамматическая компетенция как ключевой компонент коммуникативной компетенции в обучении иностранному языку	176
<i>Ильченко В. В., Карпенко Е. В.</i> Роль визуализации учебного контента в профессиональной подготовке переводчика	181
<i>Свищева Е. В.</i> Игра как одна из форм интерактивного метода обучения математике	188
<i>Астахов В. В.</i> И снова о правовом статусе частного вуза	198
<i>Гайков А. А.</i> Образование в Российской империи во второй половине XIX века: уроки реформ	212
<i>Корниенко В. Н.</i> Российское дворянство и его образовательные приоритеты: исторический аспект	219

<i>Подлесный Д. В.</i> Трансформации системы высших учебных заведений Украины в период 1917–1921 гг.	227
<i>Потанова Ж. Е.</i> Тема школы в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Терлеса» (Robert Musil «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß»)	239
Соціально-економічні та правові проблеми розвитку українського соціуму	247
<i>Яременко О. Л.</i> Формування інститутів розвитку в економіці України: альтернативи та ризики	249
<i>Цыбульская Э. И.</i> Институциональный аспект обеспечения национальной конкурентоспособности в эпоху экономики знаний	268
<i>Тимохова Г. Б.</i> Анализ институционализации информационного пространства украинской экономики	278
<i>Миколенко Е. П.</i> Роль институтов и функциональные задачи институциональной системы	287
<i>Павленко В. А.</i> Инструменты создания институциональной среды инновационной экономики	297
<i>Саленков А. В.</i> Институциональная трактовка социальных гарантий в экономике	306
<i>Решетняк Е. И.</i> Технологическое прогнозирование в процессе гармонизации структуры инновационной деятельности	325
<i>Моїсеєнко О. М.</i> Економічна природа влади	331
<i>Симейко А. В.</i> О новых подходах к анализу категории «интеллектуальный капитал»	340
<i>Строкович Г. В.</i> Адаптивність як основа довгострокового функціонування підприємства	347
<i>Карнаух А. В.</i> Использование интеллектуальной ренты в процессе инновационного развития предприятия	355
<i>Пелихов Е. Ф.</i> Амортизация в расчетах экономической эффективности инвестиций	363
<i>Іваніченко В. В.</i> Вплив облікової політики на формування фінансової стратегії суб'єктів господарювання	368

<i>Иванова О. А.</i> Особенности формирования цен на логистические услуги	373
<i>Басманова О. Є.</i> Фінансові складові роботи вітчизняних бізнес-інкубаторів	380
<i>Дурандіна О. В.</i> Розподіл товарообігу роздрібно́ї торгівлі між міськими населеними пунктами та сільською місцевістю	385
<i>Иванюченко О. В.</i> Юридична природа «винаходів, пов'язаних з комп'ютером», в Україні	391
<i>Недов П. П.</i> Оптимальное планирование объемов импорта товаров дилерскими компаниями	396
Сучасне суспільство в контексті гуманітарного знання (філософія, історія, соціологія, філологія)	
<i>Тарасенко І. В.</i> Світоглядні значення інформаційної культури	411
<i>Морозова М. Г.</i> Роль общественных организаций в становлении гражданского общества	413
<i>Андреева С. Ю., Зверко Т. В.</i> К вопросу о формировании харизматического образа политического лидера	422
<i>Митина А. Н.</i> Человеческий капитал как фактор конкурентоспособности организации	429
<i>Недогонов Д. В.</i> Формирование и развитие фактора единства организационной структуры предприятия как интегральная проблема современного процесса управления персоналом	436
<i>Банникова Е. Б.</i> Организационная культура как фактор формирования лояльности персонала	444
<i>Помазан І. О.</i> Візуалізація слова в українських барокових фігурних віршах	455
<i>Тимошенкова Т. М.</i> Гендерный фактор в формировании литературного жанра	464
<i>Джандоева П. В.</i> Терминологическое словообразование, связанное с категорией числа	471
<i>Рыжченко О. С.</i> Образ повествователя в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина	478
<i>Рыжченко О. С.</i> Образ повествователя в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина	487

<i>Бабак Е. Н.</i> Аким Вольнский о критической деятельности современников	496
<i>Ивахненко А. А.</i> К вопросу о множественности переводов поэтического текста	503
<i>Бублик І. Ф.</i> Застосування даних корпусної лінгвістики до навчання письмового перекладу	513
<i>Денисова С. В.</i> Проблемы машинного перевода	519
<i>Панченко Д. І.</i> Моделювання семантичних зв'язків «текст – реферат» при автоматичному реферуванні текстів	525
Студентська трибуна	531
<i>Григорьева М. А.</i> Функциональная детерминанта в деятельности подразделений по управлению персоналом	533
<i>Хлопова О. В.</i> Три эпохи в історії вищої освіти України (XIX – 20-ті роки XX століття)	540
<i>Федорченко А. В.</i> Показатели оценки эффективности инвестиционных решений	548
Наука в НУА	555
<i>Козыренко В. П., Ситникова П. Э.</i> Экспертные оценки элементов учебного процесса. Межвузовская научно-практическая конференция 2012	557
<i>Астахова В. И.</i> Интеграция образования и науки: определение основных направлений деятельности в кризисном социуме ...	560
<i>Собко Л. В.</i> Управление как фактор экономического равновесия (VI конференция молодых ученых)	562
<i>Дубинская И. В.</i> О проведении XX региональной научно-практической конференции учителей	567
<i>Астахова Е. В. (мл.), Подлесный Д. В.</i> О проведении научно-теоретической конференции молодых ученых в НУА	569
Презентація нових видань	571
Православные коллегииумы Украины: роль в развитии образования доуниверситетского периода	573

О коллективной монографии «Инновационный поиск продолжается... (Из мирового опыта становления непрерывного образования)»	579
Открывая новые грани визуалистики	583
Сучасні дослідження управлінських технологій	585
Сборник трудов молодых ученых НУА	587
Слово пам'яті	589
Пам'яті Валерія Олександровича Подмінюгіна	591
Відомості про авторів	599

В 90 **Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»** / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Х. : Вид-во НУА, 2013. – Т. 19. – 616 с.

ISSN 1993-5560

Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» є щорічним періодичним виданням, в якому публікуються результати наукових досліджень викладачів як академії, так і інших ВНЗ України, близького і далекого зарубіжжя, які працюють над проблемами гуманітарних наук.

У збірнику превалюють матеріали, в яких розкриваються економічні, соціологічні, історичні, правові, психологічні та інші аспекти розвитку сучасної освіти. Є розділи, присвячені проблемам рівноваги сучасних економічних систем та управління соціально-економічними процесами на різних рівнях суспільного розвитку, а також роботи з літературознавства, лінгвістики, перекладу.

Видання представляє інтерес для викладачів вищої школи, студентів, всіх, хто цікавиться проблемами освіти і розвитку гуманітарної сфери. Збірник має гриф ВАКівського видання, публікації в якому приймаються під час захисту кандидатських і докторських дисертацій із соціології, психології, історії, філософії, економіки і перекладу.

УДК 08
ББК 95.4(4УКР-4ХАР)3

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Том XIX

Відповідальна за випуск *К. Г. Михайльова*
Редактори: *Н. В. Ковшарь, З. М. Москаленко*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 20.05.2013. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 34,6. Обл.-вид. арк. 32,3.
Наклад 500 пр. Зам. № 63/13

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.